Сергей БАЛМАСОВ

Иностранный легион

От автора

О Французском иностранном легионе снято немало фильмов и еще больше написано книг и статей. Большинство из них отличаются тенденциозностью: на Западе Французский иностранный легион «овеян» красивыми легендами. В нашей же стране об этом подразделении в советское время предпочитали писать как о «карательной части из наемников-головорезов, готовых на любое преступление за деньги французского империализма». Долгие годы вообще ничего не было известно о том, что в XX веке через Французский иностранный легион прошли, по меньшей мере, 10 тысяч наших бывших соотечественников, вынужденных покинуть свою родину из-за кровавых событий гражданской войны. Цель данной книги – показать достаточно узкий срез жизни Французского иностранного легиона, а именно – службу бывших россиян в этом подразделении. В своем предисловии к книге Брюнона Ж. и Маню Ж. «Иностранный легион, 1831–1955», выпущенной в Москве в 2003 году, научный редактор Алексей Васильев говорит о том, что в рядах этого подразделения побывало около 10 тысяч россиян (см. Брюнон Ж., Маню Ж. Иностранный легион, 1831–1955. М. 2003. С.9.). Надо сказать, что это слишком заниженные данные...

Предложенные ниже воспоминания и письма русских легионеров представляют собой поистине бесценные источники, они наглядно могут восстановить жизнь русских во Французском иностранном легионе с 1914 г. и по сегодняшний день. Кроме того, вниманию читателя ниже представлены статьи, написанные автором по материалам Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ), Российского государственного военного архива (РГВИА) и эмигрантской прессы об отдельных эпизодах службы русских легионеров в Алжире, Марокко, Тунисе, Сирии, Ливане, Французской Гвиане и Индокитае. Эта книга поведает читателю о предательской политике Франции по отношению к русским, своим недавним спасителям во время Первой мировой войны. Волей судьбы они оказались в беде, в эмиграции, без куска хлеба и вынуждены были встать в ряды Французского иностранного легиона.

Эти материалы, несомненно, представляют особый интерес не только для тех, кого волнует жизнь «солдат удачи». В последнее время в продаже периодически появляются книги, показывающие Французский иностранный легион «молочной рекой с кисельными берегами» для несведущих. Цель такой заказной литературы одна: заманить в это подразделение как можно больше настоящих профессионалов из бывших стран социалистического лагеря, где экономическая ситуация далека от благополучной. Россия, к сожалению, до сих пор не может похвалиться тем, что вчерашние профессионалы из спецподразделений различных силовых структур, после развала армии, устроены на легальную, высокооплачиваемую работу. Многие из них продолжали героическую работу на благо России, трудясь за гроши, постоянно рискуя собственной жизнью, в ужасающих условиях, но – за нашу Родину – «ведь мы ее последние солдаты»... Другие же, устав от нищенской жизни, подавались в «братву», становились наемными убийцами и бойцами мафиозных «бригад». Третьи уходили в охранные структуры, чтобы обеспечивать безопасность не своей страны, а какого-нибудь спекулянта, вывозящего последние капиталы из разворованной России, сегодня гордо именующего себя «бизнесменом»...

Немало было и есть тех, кто, устав от бандитских «разборок» и нищеты нашей жизни, устремляется во Французский иностранный легион, наслушавшись разного рода бредней вербовщиков о прелестях легионерской жизни. Эта книга покажет, что

худшие традиции этого подразделения сохранились почти без изменения, несмотря на переход сегодня Европы к «гуманизму».

Хотелось бы напоследок обратиться к профессионалам-спецназовцам, которые будут читать эти строки, чтобы они хорошенько все взвесили и сопоставили данные этой книги с той пропагандой, которую ведут вербовщики, прежде чем ехать во Францию и идти во Французский иностранный легион. Следует отметить, что сегодня ситуация в силовых структурах меняется в лучшую сторону: времена демократического развала и бандитского беспредела уходят в прошлое. Власть в центре в лице президента крепнет час от часа, а силы олигархов, грабивших безнаказанно нашу страну все эти годы, слабеют. В России постепенно устанавливается порядок, в котором не будет места нынешнему бандитизму. Все действия президентской власти наглядно показывают, что теперь к силовым структурам будет обращено больше внимания, чем это было раньше. За годы «перестройки» и «демократии» тысячи профессионалов ушли из силовых структур благодаря политике Горбачева и Ельцина. Тем самым обороноспособности России был нанесен колоссальный урон. Сегодня наступает время восстановления нашей мощи. Я хотел бы обратиться к бойцам спецподразделений, в том числе и тем, кто сегодня тянет лямку службы во Французском иностранном легионе: наступает время созидательной работы на благо нашей великой Родины, время восстановления ее сил. Россия нуждается в вас и ждет вашей помощи, как мать нуждается в помощи сына. Хватит защищать чужие интересы, что нередко вредит нашей Родине, пора вспомнить о ней... Не секрет, что у России врагов не убавилось. Ей нужны профессиональные бойцы, и она по достоинству оценит ваш труд сегодня. В адрес тех, кто ушел в ряды Французского иностранного легиона и вернулся обратно, никогда в России не раздастся слов упрека: все знают, как последние годы относились к силовым структурам господа-демократы, проводившие политику уничтожения всего того, что хоть как-то было связано с армией и защитой Родины вообще... Но времена изменились. Положительно меняется и отношение властей к силовым структурам, которым не хватает профессиональных бойцов для эффективной борьбы против врагов России. Может, в скором времени настанет момент, когда русские легионеры вернутся домой, служить России...

В то же время несправедливо заострять внимание только на отрицательных сторонах легионов.

Несмотря ни на что, Французский, как и Испанский иностранные легионы остаются одними из лучших подразделений в мире. Они доказали это, участвуя во многих конфликтах и войнах нашего времени.

Со стороны автора этой книги эти слова не звучат упреком русским легионерам, до сих служащих Франции. Каждый выбирает свой путь сам. Хотелось бы напоследок обратиться к ребятам, желающим заработать, которые будут читать эти строки, чтобы они хорошенько все взвесили и сопоставили данные этой книги с той пропагандой, которую ведут вербовщики, прежде чем идти в легионеры. Я никого не хочу отговаривать от службы в легионах, поскольку не имею на это никакого права. Пусть каждый делает выводы сам.

Кодекс «чести» легионера:

«Легионер! Ты добровольно вызвался служить Франции верой и правдой.

Все легионеры – братья по оружию, независимо от национальности, расы или вероисповедания. Демонстрацией этого будет ваша полная солидарность и взаимоподдержка, которая всегда объединяет членов одной семьи.

Уважение к традициям Легиона, подчинение начальникам, дисциплина и сплоченность, являются вашей силой и доблестью.

Вы всегда будете демонстрировать гордость за свое положение своим безукоризненным внешним видом, своим сдержанным и достойным поведением, чистотой и аккуратностью своего жилища.

Как элитный солдат, ты будешь тренироваться упорно и настойчиво, ты будешь обращаться с оружием так, словно это твое самое дорогое имущество, ты будешь поддерживать свое тело в идеальной физической форме.

Приказ для тебя – священен, ты будешь добиваться его выполнения во что бы то ни стало и любой ценой.

В бою ты будешь действовать хладнокровно, не позволяя ненависти ослеплять тебя; ты будешь уважать поверженного врага и никогда не бросишь раненого или погибшего товарища, а также никогда не позволишь другому завладеть твоим оружием».

Краткая история Французского иностранного легиона до начала Первой мировой войны

Издавна французские монархи привлекали к себе на службу иностранные войска, очевидно, не надеясь на собственные. Так, Бурбоны держали на службе итальянские, немецкие и швейцарские полки. Швейцарская гвардия непосредственно защищала французского короля от его же народа в дни революции 1789 и 1792 гг. и почти целиком полегла на площади перед Тюльерийским дворцом. Сильно пострадали немецкие и итальянские полки наемников. Не помогли тирану сотни верных иностранных штыков, не оправдали надежд и щедрых денежных вливаний – бессильны были наемники из других стран против народного гнева!

Однако революционеры не отказались от полков иностранных наемников и создали в 1792 г. из остатков полков, служивших Бурбонам, «Иностранный легион». Этот легион не стал единым подразделением и был разделен на множество воинских частей по национальностям. Так появились во Франции Батавский, Немецкий, Польский, Швейцарский и другие легионы. Они вскоре были переформированы Наполеоном Бонапартом в полки. Наполеон широко поощрял создание подобных подразделений, считая, что лучше применять в боях жадных до денег иностранных наемников, чем жертвовать драгоценными жизнями своих соотечественников. После финальной битвы Наполеона при Ватерлоо в 1815 г. таких полков осталось восемь. Все они, за приверженность Бонопарту, были распущены. Однако в том же 1815 г. из пожелавших служить королю из династии Бурбонов солдат был создан «Королевский Иностранный легион», вскоре переименованный по имени своего шефа «Легионом Гогенлоэ».

5 января 1831 г. Легион Гогенлоэ упразднили, а из его чинов 9 марта того же года и был создан Французский иностранный легион в составе четырех батальонов. Чтобы сохранить какую-то «преемственность» от швейцарских наемников, новое легионное начальство заимствовало у них девиз «Честь и верность» и некоторые другие атрибуты.

Легионеров сразу бросили на завоевание Алжира, где началась тяжелая колониальная война. С этого времени и до 1962 г., когда Алжир добился независимости, значительная часть Французского иностранного легиона оставалась на алжирской земле. Здесь на протяжении десятков лет, под палящими лучами

африканского солнца, изнывая от неимоверно тяжелого труда, жажды и разных лишений, воевали легионеры против арабов и берберов, с оружием в руках отстаивавших свою независимость и свободу. О десятках и даже сотнях кровавых боев Иностранного легиона в Алжире так никто и не узнает...

Однако места самых известных сражений и сегодня нетрудно обнаружить по массовым захоронениям, среди которых немало и легионерских – Сиди-Хабель, Арзе, Мостаганем, Мулей-Исмаил, штурм Константины, Джиджелли, оборона Легионом Милианы, при которой из 750 легионеров погибли 462... Названия эти мало что говорят даже историкам, но сколько крови, жестокости и страданий кроется за ними! Чего стоит только взятие укрепленного города Константины в восточной части Алжира! Здесь арабы и кабилы под руководством Хаджи Ахмеда 6 лет упорно отбивали попытки французов овладеть этим городом, нанося врагу существенный урон. Так как французы предпочитали отправлять в пекло иностранный сброд, то и потери у легионеров здесь были очень тяжелыми. Осенью 1836 г. маршал Клозель, имевший в своем распоряжении 7 тысяч солдат, в том числе около 1 тысячи легионеров, попытался овладеть Константиной. Он самонадеянно решил овладеть ею без применения осадных средств. Расплачиваться за это пришлось солдатскими, в том числе и легионерскими жизнями. Потеряв в ходе неудачного штурма 2 тысячи солдат, Клозель с позором был вынужден снять осаду. Пленных легионеров победители не пощадили, сбросив с городских стен на металлические крючья, где те умирали в страшных мучениях, добиваемые стервятниками... Подобное выражение «любви» к легионерам неудивительно – это была месть за те неописуемые жестокости, которыми «прославился» Французский иностранный легион при подавлении алжирского сопротивления. Сохранились многочисленные свидетельства того, как легионеры вырезали население целых селений, не щадя ни пола, ни возраста, насиловали местных женщин. Для устрашения же непокорных они отрубали у своих жертв головы, насаживали их на штыки и шествовали так по алжирской земле, вызывая всюду ужас и ненависть местного населения. Нередко бывало, что легионеры убивали местных жителей под предлогом того, что те представляли для них опасность, из-за украшений – золотых цепочек и браслетов... Французское военное командование предпочитало в подобные эксцессы не вмешиваться – нужно же иногда выпускать из легионеров накопившуюся отрицательную энергию!

В 1836 г. легионеры одержали 1-ю крупную победу над вождем сопротивления алжирского народа Абд-эль-Кадиром, применив новую рассыпную пехотную тактику и варварские разрывные пули «дум-дум».

И все же от завоевания Константины французы не отказались, так как вокруг нее создался опасный очаг сопротивления дальнейшему покорению Алжира.

Поэтому через год, 6 октября 1837 г., 10-тысячная армия генерала Дамремона, в которой находилась тысяча легионеров, снова осадила Константину. 12 октября, проделав в стене города брешь, осаждавшие, в том числе и легионеры, пытались штурмовать Константину, но были отбиты с большими потерями, причем был убит сам генерал Дамремон. Его преемник, генерал Вале, овладел Константиной после ожесточенной бомбардировки в ходе решительного штурма города. Львиная доля потерь при взятии города пришлась опять-таки на легионеров, шедших в первых рядах штурмующих...

Помимо выполнения чисто военных и карательных функций, легионеров заставляют строить в Алжире новые города, прокладывать дороги, разводить сады. Немало потерь в Иностранном легионе было тогда из-за болезней, непривычного климата.

В то же время, в период с 1835 по 1839 г., «собратья по несчастью» французских легионеров из Английского (Британского) иностранного легиона находились в Испании, где они по воле английского правительства участвовали в

первой Карлистской династической войне против Дона Карлоса. Естественно, что кадровые английские части в подобной авантюре участия практически не принимали – для этого был под рукой разношерстный иностранный сброд. Даже по оценке английского историка Томаса Харботла, который был склонен сильно занижать потери и поражения англичан и преувеличивать потери противника, Британский легион не был особенно стойким подразделением и понес в ходе боевых действий, несмотря на победу сторонников Британии, очень большие потери. С февраля по июнь 1836 г. английские легионеры жестоко страдали от лишений во время осады крепости Сан-Себастьян, которую они защищали от карлистов, неся большие потери. 29 августа 1836 г. в сражении в районе Эрнани против карлистов Британский иностранный легион генерала Эванса был разбит, многие его солдаты и офицеры погибли или были взяты в плен. Немало, вероятно, горе-легионеров проклинали тот день и час, когда нелегкая занесла их в Легион! В этом же месте 15 и 16 марта 1837 г. Британский легион понес крупные потери, сражаясь с переменным успехом против карлистов. В очередной раз «намяли бока» британским легионерам испанцы в сражении под Уэской 23 мая 1837 г., где первые не смогли сдержать напора вторых и побежали. Причем на это бегство и приходится большая часть потерь оборонявшихся. Тогда британские легионеры потеряли 20 офицеров и 350 нижних чинов. В 1839 г., не дожидаясь окончательной победы королевы Кристины, поддерживаемой Англией, над Доном Карлосом, Британский иностранный легион выводят из Испании. Во многом это было вызвано большими потерями и угрозой начала брожения в Легионе.

Даже при поверхностном взгляде на действия иностранных легионов Франции и Англии, ясно, что с ними особенно не церемонились и бросали в любую дыру, любое пекло, если где-то возникали проблемы у правителей Лондона или Парижа...

Французский же иностранный легион до конца 1853 г. находился в Алжире, пока не началась Крымская война и его не перебросили в Россию. С 1854 по 1856 г. Легион находится в Крыму, под Севастополем, где участвует во всех боях и штурмах. Во время одного из них легионеры смогли на себе испытать всю мощь русского штыкового удара. Тогда прочие французские воинские части отступили, не дождавшись отхода Иностранного легиона, которому пришлось очень туго, а его командиру, полковнику Виено, неизвестный русский солдат разбил прикладом голову (по другим данным, он был поднят группой русских гренадер на штыках). Вообще, Крымская война была первой войной легионеров не против слабо вооруженных туземцев, а против одной из сильнейших армий в мире. В этой войне они понесли больше потерь, чем за всю Алжирскую кампанию.

После завершения Крымской войны потрепанный Французский иностранный легион снова перебрасывают в Алжир, где он находился до 1859 г., когда вспыхнула война Франции против Австрии. Тогда Легион переправляют по морю в Италию, где и развивались события австро-итало-французской войны. В сражении при Маджента 4 июня 1859 г. легионеры входили в состав 2-го армейского корпуса генерала Мак Магона. Именно они первыми из французских подразделений форсировали реку Тичино, атаковав австрийские позиции. В ходе ожесточенного боя, стоившего им сотен раненых и убитых, Легиону удалось опрокинуть одну из австрийских колонн. В тот день успех сопутствовал Мак Магону, и австрийцы побежали. Легионеры преследовали бегущих три километра, однако, ворвавшись в сам город Маджента, забыли про все и бросились освобождать его уже не от австрийцев, а от разного рода ценностей, грабя и насильничая над женщинами. Возможно, это и стало главной причиной того, что большая часть австрийской армии благополучно ушла из-под удара. Больших потерь стоило Французскому иностранному легиону и участие в главной битве той войны – при Сольферино 24 июня 1859 г., в котором принимали участие австрийский император Франц Иосиф и французский император Наполеон III. Несмотря на примерно равную численность австрийской и франко-пьемонтской

армий, первые имели в полтора раза более мощную артиллерию. Сражение опять-таки началось атакой корпуса Мак Магона, в первых рядах которого, принимая на себя большую часть австрийских пуль, шли легионеры, атаковавшие высоты в районе Сольферино.

Австрийцы были разбиты, но поредевший Легион вскоре был отправлен из Италии на доукомплектование.

С 1863 по 1868 г. Иностранный легион находится в Мексике в составе французского экспедиционного корпуса и все пять лет ведет там тяжелейшую войну в условиях почти постоянной жары, жестоко страдая от лихорадки и тифа. За время Мексиканской авантюры Французский иностранный легион потерял только убитыми 31 офицера и 1517 рядовых легионеров. Мексиканцы, быстро познакомившись с Легионом, в плен его солдат не брали, добивали без жалости раненых, мстя за чинимые их народу страдания... В эту кампанию впервые за историю Французского иностранного легиона 30 апреля 1863 г. погибла целая рота легионеров в числе 3 офицеров и 62 нижних чинов, будучи окруженной превосходящими силами противника. Это произошло в районе фермы Камерон. По данным французских историков, легионерам противостояли 2 тысячи мексиканцев. В бою, продолжавшемся 10 часов, выжили только 1 капрал и 2 рядовых легионера, которых мексиканцы, в виде исключения, взяли в плен. Гибель 3-й роты Легиона, ответственность за которую ложилась непосредственно на французское военное командование, была выставлена как невиданное проявление доблести легионеров. Поэтому день гибели 3-й роты Иностранного легиона был объявлен его же праздником! Что может быть еще более чудовищным?

В 1870–1871 гг. легионерам сильно «намяли бока» во время Франко-Прусской войны.

Участие в той позорной для Франции войне для Легиона стало известным, главным образом, потому, что в их рядах сражался молодой лейтенант Петр Карагеоргиевич, будущий сербский король.

В 1871 г. Французский иностранный легион принимает активное участие в карательной акции на территории Франции против восставшего народа Парижа. Он первым входит в город, жесточайшим образом подавив Парижскую коммуну. К началу активных боевых действий между силами Парижской коммуны и войсками Тьера у последнего почти не было надежных сил. Силы Тьера тогда в большинстве своем представляли настоящую банду (см. См.: Красильников С. Боевые действия Парижской коммуны. 1871. М. 1935.). Исключение составлял Иностранный легион.

Следует отметить, что при подавлении Парижской коммуны, происходившим в марте–мае 1871 г., легионерам пришлось воевать в непривычных для себя условиях: против баррикад, на тесных и длинных городских улицах. После больших потерь при лобовых атаках баррикад, многие из которых были сделаны из железа и камня с бойницами, потребовалось применение новой тактики. Она была такой: наступающие колонны Легиона высылали вперед вспомогательные отряды с отдельными орудиями и митральезами. Эти колонны обходным движением по боковым улицам отрезали и изолировали отдельные баррикады, заходили в тыл, вызывая тем самым среди коммунаров панику. Там, где обойти по боковым улицам было невозможно, использовались скрытые подходы через дворы, дома и сады. Таким образом, колонны Иностранного легиона, поддерживая друг друга и прочие части версальцев, охватывали коммунаров с флангов и отбрасывали их своими комбинированными действиями. Широко использовались для обстрела защитников баррикад крыши и верхние этажи высотных зданий. Там, где дневные атаки были бесплодны, легионеры применяли атаки ночные, к которым коммунары не были готовы. Они не могли вести прицельную стрельбу по штурмующим. Неспособность коммунаров использовать артиллерию для стрельбы с Монмартра, господствующего района в Париже, и эффективно противостоять тактике легионеров привела в

конечном итоге к разгрому Парижской коммуны. Несмотря на то, что кое-кто в Иностранном легионе Франции стыдится такого прошлого, данным эпизодом в боевом списке легионеров можно по праву гордиться. Они с того момента стали заклятыми врагами человеконенавистнической идеологии коммунизма и никогда уже не свернут с этого пути, вызывая своей работой вой красной нечисти со всех сторон.

Интересно, что само существование Французского иностранного легиона как воинской части и прохождение службы в нем было незаконным по законам самой Франции. Так, в «Общих постановлениях» о порядке комплектования французской армии нижними чинами статья 7 закона от 27 июля 1872 г. говорит, что «На службу в войска допускаются только французские подданные. Не подлежат воинской повинности и ни под каким видом не могут служить в армии: 1) лица, подвергнутые по суду позорным наказаниям; 2) приговоренные к исправительному тюремному заключению на два и более года с отданием под надзор полиции и с лишением всех или некоторых гражданских и семейных прав» (см. РГВИА. Ф.440. Оп.1. Д.202. Лл.31–32.).

Но, как говорится, «закон – что дышло, куда повернул – туда и вышло». Франции были нужны дешевые солдаты, которых можно было использовать по своему усмотрению, несмотря ни на какие законы, в любых преступных акциях, на которые обычные военные не пойдут. В то же самое время по данному закону говорилось, что «Иностранный легион комплектуется людьми, не состоящими во французском подданстве (иностранцами), желающими поступить на военную службу. Французы принимаются в состав его не иначе, как с особого разрешения военного министра.

При определении в Легион иностранцы дают военному суб-интенданту письменное обязательство прослужить 5 лет, при этом:

1) они должны иметь не менее 18 и не более 30 лет от роду, в удостоверение чего представляется метрическое свидетельство;

2) должны удовлетворять условиям роста и физической силы, установленным для французов.

Иметь письменное удостоверение о хорошем поведении. Лица, не имеющие подобного документа, а также метрического свидетельства, отсылаются к военному губернатору, который решает вопрос о допущении их на службу.

Французы, поступающие в Легион с разрешения военного министра, заключают обыкновенное письменное обязательство, требуемое при добровольном поступлении на службу» (см. Там же. Л.133.).

На 1872 г. Французский иностранный легион состоял из 2250 человек (см. Там же. Л.35.). Однако в последующие годы его численность неуклонно увеличивалась. Интересно отметить, что сохранились данные о пополнении Легиона и туземных алжирских войск за последующие годы. Их общее число в 1876 г. составило 1592 человека; в 1877 г. – 2646 человек; в 1878 г. – 1856 человек; в 1879 г. – 2484 человека; в 1880 г. – 1920 человек; в 1881 г. – 2844 человека (см. Там же. Л.51.). Надо сказать, что больше трети из этого количества пополнений приходилось на Легион. Учитывая это, можно соотнести штатную цифру Легиона и количество пополнений, чтобы получить данные о потерях легионеров. За 1876–1881 гг. в Алжир на пополнение Иностранного легиона и туземных алжирских войск было направлено 13 342 человека, на долю первого при этом приходилось не менее трети новобранцев, или почти 4,5 тысячи человек. С учетом того, что Легион по истечении контракта покидали единицы – до этого счастливого момента мало кто доживал в условиях почти непрекращающихся боев, – эта цифра представляется очень любопытной, поскольку за пять лет фактически французскому военному командованию приходится дважды заново набирать личный состав легионеров. Это заставляет задуматься о том, какова была служба во Французском иностранном легионе.

По декрету от 22 сентября 1881 г. Иностранный легион состоял из 4 батальонов, каждый делился на 4 роты. Всего здесь насчитывалось 2750 человек, 66 из которых были офицерами, 147 унтер-офицерами, 223 солдата 1-го класса (ефрейторы) и 66 человек состояли в нестроевой команде – музыканты, горнисты и т.п.

В то же время число батальонов и рот в них могло быть изменяемо декретами президента Французской Республики, что и делалось впоследствии, в зависимости от наличных средств комплектования (см. РГВИА. Ф.440. Оп.1. Д.202. Л.133.).

По новому же закону от 31 декабря 1882 г., штат Французского иностранного легиона определялся в 2846 человек, из которых 73 были офицерами. Из этого числа 110 приходилось на штаб, в том числе 68 человек музыкальной команды и горнистов. Старших фельдфебелей, фельдфебелей и унтер-офицеров (капралов и сержантов) предусматривалось 153 человека; 230 солдат 1-го класса (ефрейторов). Из общего числа легионеров было 99 нестроевых.

Лошадей Легиону тогда полагалось 113, из которых предназначались для верховой езды 41, а остальные определялись как вьючные и упряжные (см. Там же. Лл.138–139.).

Казалось бы, что пропорционально последующим увеличениям численного состава Французского иностранного легиона должно увеличиться и улучшиться и техническое его оснащение, однако это было не так – на легионерах было принято экономить, даже на командовавших ими офицерах! Так, после того, как по декрету от 12 июля 1883 г. число батальонов Легиона было увеличено до 6, а общая его численность возросла до 4042 человек, из которых 103 были офицерами, на которых приходилось всего 52 верховые лошади (по 1 на 2 офицеров). Если сравнивать «оснащение» лошадями офицеров Иностранного легиона в 1882 г., то выяснится, что тогда на 3 офицеров приходилось по 2 лошади (см. Там же. Л.321.).

Входил в то время Легион в XX армейский корпус, части которого в большинстве своем находились в Северной Африке (см. Там же. Л.317.).

Обмундирование легионеров отличалось от формы других французских солдат, хоть и представляло собой комплект обычной линейной пехоты Франции: разница в том, что у легионеров были красные воротники на мундирах с синим кантом, эполеты – зеленые с красной бахромой, пуговицы – желтые, с надписью «Иностранный легион» (см. Там же. Л.145.).

Французский иностранный легион тогда был приравнен к полку. По сравнению с другими полками, он имел меньшую нестроевую команду.

Так, даже в туземных африканских полках по штату полагалось по 5 портных, 5 сапожников, 5 оружейников. В Легионе же полагалось по штату по 3 сапожника, 3 портных и 4 оружейника (см. РГВИА. Ф.440. Оп.1. Д.202. Л.133.). При грубом сравнении это означало то, что, например, в отличие от полка зуавов, у легионеров 40 % личного состава было разуто и раздето, а 20 % не имело отремонтированного оружия. Естественно, из-за таких «мелочей» боеспособность легионеров понижалась, уменьшая и шанс выйти живым из очередного боя.

В это время Французский иностранный легион сохраняет свое присутствие в Алжире потому, что на полки, сформированные из местных жителей, положиться было нельзя, а переселенных туда французов было слишком мало. Так, в 1880 г. в алжирские территориальные полки было призвано лишь 1075 живущих в Алжире французов (см. РГВИА. Ф.440. Оп.1. Д.202. Л.32.), цифра для огромной страны слишком маленькая, чтобы удерживать ее в повиновении. В то время численность Легиона не была большой – всего 2250 человек. Однако регулярно французскому командованию приходилось пополнять его состав не только по причине стычек с берберами и арабами, но и из-за болезней, дезертирства и просто ухода тех немногих, кто остался жив после бесчисленных походов и карательных экспедиций, по истечении пятилетнего контракта. Последних было немного – понятие «легионер»

ассоциировалось тогда с понятием «вечный легионер», так как начальство стремилось «закрепостить» своих подчиненных навсегда.

Пару слов стоит сказать и в отношении медицинского обслуживания легионеров в то время: на весь Легион по штату полагалось три врача – врач 1-го класса, врач 2-го класса и один младший врач (фельдшер). В итоге на каждого медика приходилось примерно по 750 человек (см. РГВИА. Ф.440. Оп.1. Д.202. Л.103.). Ясно, что в периоды боев или эпидемий легионные врачи были просто не в состоянии справиться с работой. По всей видимости, многих раненых или больных просто списывали в «безнадежные» из-за простой невозможности помочь им.

В 1883–1918 гг. значительная часть Иностранного легиона участвует в завоевании Индокитая. Особенно тяжелыми для легионеров были первые годы пребывания там. Очень большие потери Легион понес при штурме Сонтай в 1883 г. и при штурме Бак-Нин в 1884 г. Война в джунглях для легионеров была непривычной и очень тяжелой: большинство потерь приходилось даже не на пули жителей Индокитая, а на тропические болезни, от которых жестоко страдали завоеватели. В 1885 г. 2 роты Французского иностранного легиона почти на полгода были оставлены командованием без помощи на посту Тюан-Кюанг в джунглях Вьетнама. Здесь они с огромным трудом, неся огромные потери, держались против многотысячного китайского отряда.

В 1892 г. один из батальонов Легиона участвовал в завоевании Дагомеи (Бенина), где остались сотни легионерских могил (см. Брюнон Ж., Маню Ж. Иностранный легион, 1831–1955. М. 2003. С.114.).

В 1895–1898 гг. Французский иностранный легион участвовал в завоевании Мадагаскара. Борьба там шла с переменным успехом, и легионеров мальгаши изрядно потрепали. Вернее, даже не мальгаши, а местный климат. Не одна сотня крестов увенчала места боев Легиона, где вечным сном навеки уснули его подопечные... В 1898 г. положение французов на острове было настолько отчаянным, что командующий войсками на Мадагаскаре генерал Галлиени готовился, по его собственному выражению, «умереть с шестьюстами солдатами Иностранного легиона».

С 1903 г. началось завоевание французами Марокко. Главная роль в завоевании этой страны, которое сопровождалось еще большей кровью, чем это было при захвате Алжира, принадлежала Французскому иностранному легиону. Естественно, что и потери легионеров были огромными. Их легионеры пытались компенсировать жестоким террором местного арабского и берберского населения, которое также отвечало «взаимностью» по отношению к пленным легионерам. С 1903 по 1914 г. эти потери за 10 лет войны превысили общие потери Легиона с 1831 по 1903 гг. Война за покорение Марокко не прекращалась до начала 1930-х г. и продолжала тлеть вплоть до завоевания этой страной независимости.

В России еще до начала Первой мировой войны знали о существовании Французского иностранного легиона. Правда, эти знания ограничивались несколькими скупыми строками высших военных инстанций России. На 1911 г. российский Генеральный Штаб располагал сведениями, что это подразделение состояло тогда из двух полков пехоты, расквартированных в Африке, входивших в состав XIX Алжирского армейского корпуса и Тунисской оккупационной дивизии (см. Вооруженные силы Франции (по данным к 1 января 1911 г.). Под редакцией Генерального Штаба подполковника Булгарина. СПб. 1911. С.44.). Рассмотреть то, что знали об Иностранном легионе, важно для того, чтобы понять, почему тысячи русских записались туда и потом удивлялись необычайно суровому к ним отношению.

В сводках российского Генерального Штаба, посвященных французским вооруженным силам, скупо говорилось и об Иностранном легионе: «2 иностранных полка по декрету 1899 г. комплектуются исключительно иностранцами, желающими

поступить на французскую службу; каждый полк может состоять из 6 батальонов 4-ротного состава и 2 рот депо; одна из рот в каждом полку посажена на мулах, всего до 12 батальонов и 4 роты-депо.

Военному министру предоставлено право, в случае надобности, уменьшить или увеличить число рот и батальонов, сообразно с имеющимися средствами комплектования» (см. Там же.).

Согласно боевому расписанию на мирное время, рота Иностранного легиона состояла из 3 офицеров и 148 нижних чинов. Кроме того, для нужд офицеров придавалась лошадь. В батальоне Иностранного легиона находилось 14 офицеров, 594 нижних чина и 7 лошадей. В полку Иностранного легиона находились 102 офицера, 3947 нижних чинов и 54 лошади (см. Там же. – С.45.). В то же время расписания Иностранного легиона на время войны не существовало (см. Там же. – С.158.). Почему? Да потому, что это подразделение и так находилось почти всегда в условиях непрекращающейся войны.

Подчеркивалось, что одним из отличий формы Иностранного легиона от обычной линейной французской пехоты было то, что вместо номера полка на ней ставилась легионная эмблема в виде красной гранаты, а воротник на мундире был синий (см. Там же. – С.47.).

Однако даже из скупых официальных данных о Французском иностранном легионе было ясно, что снабжается он хуже других частей французской армии. Так, в снаряжении легионеров предполагалось, что 1 щетка выдается на 4 человек (см. Там же. – С.46.). Очевидно, потому, что Иностранный легион тогда относили к вспомогательным войскам (см. Там же. – С.84.).

В то же время в той же сводке не говорилось, что почти вся тяжесть Марокканской кампании легла именно на Иностранный легион. Однако, по косвенным данным, можно было понять, что в 1910 г. были тяжелые бои, поскольку к 1911 г. была учреждена особая Марокканская медаль, на которую специально выделялось 143 тысячи франков (см. Там же. – С.91.).

Русские легионеры во время Первой мировой войны

До 1914 г. русские легионеры во Французском иностранном легионе появлялись лишь эпизодически и в единичных случаях. Так, по данным из самого Легиона, в 1896–1897 гг. русских здесь было всего несколько человек. На 1 января 1913 г. число русских легионеров значительно выросло и стало составлять 116 человек, что составляло от общей численности Легиона 1,1 % (см. Брюнон Ж., Маню Ж. Иностранный легион, 1831–1955. М. 2003. С.457.). С началом Первой мировой войны во Французский иностранный легион вступили тысячи эмигрантов из Российской империи. Большинство из них эмигрировало по политическим мотивам, расценивая царский режим враждебным для себя. В то же время значительная часть российской эмиграции за рубежом решила выступить на защиту России, так как полагала, что политические распри надо отложить до победы над внешним врагом. Поскольку большая часть таких эмигрантов в Россию вернуться и влиться в русскую армию не могла из-за опасений политических преследований, многие из них решили поступить во французскую армию, чтобы в ее составе сражаться и за свою родину. Тысячи бывших эмигрантов из России в результате пополнили Французский иностранный легион. Большая часть их погибла в тяжелейших боях, куда бросали легионеров для исправления ситуации в наиболее угрожаемых местах.

Лидия Крестовская, секретарь организации «Общества помощи русским волонтерам во Франции», которая всячески заботилась о находящихся на фронте русскоязычных легионерах, оставила ряд документов и собственных записок об этих днях. Ее муж также был «добровольцем», легионером, павшим во время одного из боев. Она так описала добровольный порыв русской эмиграции в августе 1914 г.: «Еще вчера, совсем чужие, различные классы и национальности строились в ряды,

то суровые, то смеющиеся, увлеченные своего рода спортом забурлившей вокруг жизни. Необыкновенно различен был состав лиц, почему-либо пошедших в волонтеры: журналисты, писатели и художники, ремесленники, старьевщики – все это гудело, создавая бесформенную, но жуткую силу. И, естественно, во главе ее должен был стать тот авангард русского волонтерства, от которого теперь осталась лишь маленькая группа покалеченных, рассеянных по миру людей... Больше 9 тысяч русских прошли через рекрутские наборы, а на утро найденных годными к строевой службе в количестве почти 4 тысяч человек отправили на обучение в лагеря, а потом на фронт, с которого немногие вернулись обратно» (см. Крестовская Л.И. Из истории русского волонтерского движения во Франции. Париж. 1917. С.11–12.)...

Ниже из ее сборника, ныне в России практически недоступного, будут представлены в данной книге разные материалы, главным образом, письма самих легионеров.

С самого начала Первой мировой войны Французский иностранный легион воевал как полк в составе Марокканской дивизии. Именно введение в бой Легиона в сентябрьские дни 1914 г. на позиции у Мандеманна решили исход дела. Как известно, вокруг этой позиции и развернулась знаменитая историческая битва, которая и принесла спасительную для Франции победу на Марне, самом трудном участке на франко-германском фронте.

Более половины своего состава потерял тогда Французский иностранный легион в тех боях, но Франция была спасена ценой жизни легионеров. Сам маршал Фош отмечал тогда роль Легиона в спасении Франции. Да, но какой ценой! Тысячи солдат Марокканской дивизии, среди которых было особенно много арабов и берберов, пали за чуждые им интересы...

Для тысяч русских добровольцев, революционеров радушие, которое оказали им парижане при отправке в армию, обернулось довольно неприятными условиями жизни во Французском иностранном легионе. Они, привыкшие к тому, что в русской армии офицеры и унтер-офицеры с ними нянчились и применяли меры физического воздействия только в исключительных случаях, что немедленно становилось «достоянием общественности», которая начинала трубить «о проклятом деспотизме», были поначалу просто шокированы порядками в республиканской армии. Об этом свидетельствует бывший революционер Киреев, попавший в Легион и однажды провинившийся: «...намедни стоит француз-капитан, мне разные поганые слова в морду сыплет, словно горох. Смотрю – дело плохо, в «пузыре» он, значит, на меня! Ажно покраснел весь со злости. Стою я перед ним, как дурак, серьезно, этак, по-российски, гляжу, а сам про себя и думаю: «В Расее я бы те в морду дал, а здесь ничаво не сделаешь» (см. Она же. С.27.)...

В 1915 г. Французский иностранный легион принял участие в кровопролитной Дарданелльской десантной операции Антанты, в ходе которой легионеры высадились на полуострове Галлиполи, откуда они тщетно, в составе войск французского экспедиционного корпуса и английского десанта, пытались развить наступление на Стамбул. Характерно, что французское военное командование, понимая весь риск при проведении данной операции, опять-таки бросило первыми в бой именно легионеров – в случае чего, можно будет успокоить общественное мнение тем, что среди погибших почти нет истинных французов, лишь иностранный сброд.

О том, как вели себя легионеры на отвоеванных участках фронта, свидетельствует выдержка из следующего письма: «Мы – в Краонель. Дома совершенно разрушены. Стены, пробитые, изрешеченные повсюду снарядами, держатся каким-то чудом. В квартирах – все в беспорядке. Хозяйничали и немцы несколько раз, хозяйничали и наши. Из дорогих шелковых платков легионеры делали себе кисеты для табака или использовали как туалетную бумагу. Зеркала, часы, кресла, картины, вазы ломались, рвались и бились беспощадно, точно с

досады, что нельзя их будет унести с собой. Банды легионеров сладострастно рыли по погребам, ища вина, и находили его бочками.

А потом наша ночь в шалаше... Горит свеча, сгорает, ее заменяют новой из разграбленной церкви, где найдено было много восковых свечей» (см. Она же. Там же. С.69.)...

И.Г. Эренбург так описал состояние на середину 1915 г. русскоязычных добровольцев, оказавшихся в Легионе: «История добровольцев, пошедших с флагами и песнями защищать Францию, трагична. Иностранный легион до войны состоял из разноплеменных преступников, которые меняли свое имя и, отбыв военную службу, становились полноправными гражданами. Легионеров отправляли обычно в колонии усмирять мятежников. Понятно, какие нравы царили в легионе. Русские, в большинстве политические эмигранты, евреи, покинувшие «черту оседлости» после погромов, и студенты настаивали, чтобы их зачислили в обыкновенные французские полки; никто их не хотел выслушать. Издевательства продолжались. Добровольцы 22 июня 1915 г. взбунтовались, избив нескольких особенно грубых унтер-офицеров. Военно-полевой суд приговорил 9 русских к расстрелу. Военный атташе русского посольства, граф А.А. Игнатьев, возмущенный несправедливостью, добился отмены приговора, но слишком поздно. Русские умерли с криком: «Да здравствует Франция!» (см. Эренбург И.Г. Собрание сочинений. М., 1966. Т.8. С.162.)

Наряду с этим А.А. Игнатьев 6 июля 1915 г. отправил телеграфное донесение в Петроград по 2-му полку Французского иностранного легиона, где служил Пешков, приемный сын Горького и старший брат Свердлова: «Как полковник, так и высшее начальство отзываются с высокой похвалой о храбрости наших волонтеров, которые без различия национальности доблестно сражались в последних упорных боях и потеряли более половины своего состава убитыми и раненными» (см. РГВИА. Ф.391. Оп.2. Д.62. Л.55.).

Однако с самого начала отношения между старыми и новыми легионерами складывались непросто. Первые поначалу с презрением относились к русскоязычным добровольцам, считая, что те пошли в Легион из-за мелких корыстных интересов, смеялись над «патриотизмом» русских и сомневались в их боевых качествах. К такой обстановке прибавлялись ужасные условия легионной службы. Об этом свидетельствует отрывок из одного легионерского письма: «Но все переносилось относительно спокойно. Недовольство выливалось лишь в форму заявлений, просьб, жалоб в письмах к родным, поисках возможности уйти с фронта со стороны одиночек. Это продолжалось до тех пор, пока была сильна боевая репутация старых легионеров, когда масса волонтеров продолжала смотреть на своих специфических командиров, как на военных наставников, пример которых в действительности был очень важен в грядущих битвах с немцами. И как только те, кто пришел на фронт, как воины, увидели, что в боевом отношении многие старые легионеры оставляют желать лучшего, что в особенности те из них, которые прославились пренебрежительным отношением к волонтерам, сами, как бойцы, стоят мало, как сейчас же стало наступать время более резких столкновений.

Не только личные обиды становились уже стимулом для этих протестов. Здесь, главным образом, необходимость их стала диктоваться сознанием того обстоятельства, что поставленные командирами старые легионеры не могут, к их огорчению, быстро приспосабливаться к условиям новой войны, не умеют уловить психологии противника, не способны вести людей и, благодаря этому, могут только ослабить силу нашего сопротивления немцам» (см. Крестовская Л.И. Из истории русского волонтерского движения во Франции. Париж, 1915. С.133.).

В конце лета – начале осени 1915 г. пожелавших оставить Французский иностранный легион разделили на две группы: тех, кто захотел перевестись во французские регулярные полки, и тех, кто решил после всего пережитого вернуться

в Россию. Последних оказалось около 600 человек (см. Крестовская Л.И. Из истории русского волонтерского движения во Франции. Париж, 1915. С.65.).

Легионное командование стремилось не придавать широкой огласке факт того, что большая часть русских, итальянских и бельгийских волонтеров в 1915 г. ушла из Легиона. Авторы «Золотой книги Французского иностранного легиона» упомянули об этом очень скупо: «Выделение большого контингента итальянцев, бельгийцев и русских, вызванное тем, что представители каждой из этих групп соответственно присоединились к своей национальной армии, привело к решению расформировать 3-й маршевый полк Легиона» (см. Брюнон Ж., Маню Ж. Иностранный легион, 1831–1955. М., 2003. С.135.).

Интересно, что «среди взятых французами в плен германцев на северо-востоке от Авакура находился и 1 русский, который до войны занимался в Париже изготовлением фуражек и при объявлении войны был насильно привлечен к военной службе в рядах французской армии вместе с 30-ю другими русскими. Почти все эти русские были к тому времени убиты или ранены» (см. РГВИА. Ф.15234. Оп.2. Д.17. Л.106.). Очевидно, озлобившись на легионные порядки, один из русских перешел на сторону немцев, чтобы отомстить за свои страдания.

В конце лета и начале осени 1917 г. многие из эмигрантов-фронтовиков, в том числе и легионеров, смогли уехать в Россию.

Это произошло после многочисленных ходатайств со стороны эмигрантского «Комитета Обороны», созданного специально для содействия русскоязычным волонтерам во французской армии, в военное министерство Франции. Оно разрешило желающим из числа русских волонтеров и легионеров уехать в Россию. При этом русскоязычные эмигранты всеми силами противились тому, чтобы их зачислили в русские полки экспедиционного корпуса во Франции (см. ГА РФ. Ф.6154. Оп.1. Д.1. Л.35.).

В очередной раз Легион спас Францию в августе 1917 г. во время жесточайших боев под Верденом, когда немцы стали теснить французов и с минуты на минуту ожидалось, что они прорвут оборону. Это означало катастрофу для Франции. Французское командование вводит 20 августа в бой свой последний резерв – Марокканскую дивизию и Иностранный легион в ее составе. Брошенный в контратаку, Французский иностранный легион остановил и отбросил немцев в жесточайших двухдневных боях. В очередной раз Легион вырвал победу у врага на самом опасном участке фронта. Цена – потеря им 60 % процентов личного состава. Немало было среди этих жертв и русских. Сам генерал Доган в речи, посвященной событиям августа 1917 г. под Верденом, отмечал стойкость и героизм русских легионеров, отдавших свои жизни в лобовых атаках на хорошо укрепленные немецкие позиции. Сразу после стабилизации фронта на этом участке Французский иностранный легион сняли с фронта для доукомплектования...

Легион действительно уравнивал всех – чего стоит, например, тот факт, что в его составе многие немцы продолжали воевать против своих же! Годы неимоверно тяжелой службы, проходящей в чрезвычайно тяжелых условиях, страшная дисциплина сделали свое дело – легионеры постепенно по-настоящему становились людьми без Родины и, ничтоже сумняшеся, воевали и против нее, как это и случилось с немцами Легиона. Французский иностранный легион был своеобразным подразделением, это факт. В этой воинской части был поставлен культ Легиона над всем тем, что могло составлять ранее ценности для людей до прихода их туда – любви к Родине, родным – наиболее главными для них вещами...

Здесь же воспитывались исключительно преданность лишь Легиону и делалось все, чтобы прежние ценности для новичка атрофировались. В этом-то и состоит главная особенность Иностранного легиона и его зловещая сила. Все здесь изначально было сделано для того, чтобы легионеры стали своеобразными манкуртами, «иванами, не помнящими родства». Легионному начальству это нужно

для того, чтобы в его подразделении царило бы над всем единство одной идеи – служение Франции, пусть даже и против своей Родины, но в составе Легиона. Что может быть еще чудовищнее? Человек, пришедший во Французский иностранный легион, с потерей собственного имени отрекается от прошлой жизни и ее ценностей, становясь обычным манкуртом, послушным бультерьером Франции, готовым по приказу легионного начальства вонзить зубы хоть в родную мать...

Следует отметить, что, скорее всего, далеко не все немцы Иностранного легиона периода Первой мировой войны были предателями. Многие из них попадали туда по глупости и, начитавшись книжек, рисующих жизнь в Легионе в розовом свете, некоторые неосторожно оставляли свои прежние профессии и подавались в легионеры. Среди них были люди самых разных родов занятий, от учителей до представителей высшей знати. Впоследствии они пытались перейти к своим, но такие попытки жесточайшим образом карались – за немцами-легионерами на фронте внимательно следили и впоследствии их основную часть «сплавили» в Марокко – «от греха подальше».

Кроме фронтовых дел, легионеры решали и задачи по подготовке «цветных» войск из негров и арабов: «В Сан-Рафаэле – лагерь сенегальцев. За фешенебельными отелями на пустынном берегу – маленькая африканская деревушка. Новичков учат. О, как они прилежны, как стараются передать каждый жест начальника! Зачем – они не знают, но какая выправка, как маршируют, как изображают атаку!

Учат унтер-офицеры и аджудан. Крохотные и уродливые «белые», они стараются быть величественными. Они беспощадно жестоки. Горе тому, кто не поймет, что значит это движение руки. Все начальство – из Иностранного легиона – немецкие дезертиры, испанские контрабандисты, французские убийцы, главным образом, убийцы. Коллекция уголовных: торговцы «белым товаром», громилы, палачи.

Сенегальцы слишком послушны, слишком кротки» (см. Эренбург И. Лик войны. М.–Л., 1928. С.80.)...

События октября 1917 г. предоставили французскому командованию пополнения Легиона за счет тысяч русских солдат и офицеров. Дело в том, что царское правительство в период Первой мировой войны направило союзникам на помощь два экспедиционных корпуса – один во Францию, другой – на Балканы, на Салоникский фронт общей численностью 745 офицеров и 43 547 солдат (см. Данилов Ю.Н. Русские отряды на Французском и Македонском фронтах, 1916–1918 гг. (По материалам Архивов Франции и военного министерства). Париж, 1933. С.44.). С большими трудностями и опасностями они были по морю доставлены в расположение союзников. Тогда немцы узнали о том, что из России во Францию и на Балканы перебрасывают крупные контингенты на больших океанских транспортах. В ответ на это командиры германских подводных лодок получили указания охотиться в первую очередь именно за такими транспортами. Однажды им удалось добиться успеха, но, к счастью, торпедирован был транспорт не с русскими, а со взятыми на Русском фронте итальянцами, служившими в австрийской армии и перевозившимися в Италию, чтобы воевать уже против Австрии (см. Там же. С.45.).

Чины Русского экспедиционного корпуса во Франции и Македонии участвовали в большинстве проводимых тогда Антантой боевых операций против войск Германии и ее союзников, покрыв себя неувядаемой славой. Однако, с развитием революционных процессов внутри России, происходило моральное разложение русских войск на Балканах и во Франции. В расположение экспедиционных корпусов проникло в течение 1917 г. немало агентов большевиков, которые стали вести успешную пропаганду против дальнейшего продолжения войны и возвращение русских войск в Россию. Подобная агитация резко усилилась после Февральских событий в России, когда пала монархия. Среди солдат все чаще стали

отмечаться случаи отказа выполнения боевых приказов офицеров. Среди войск русского экспедиционного корпуса во Франции произошел раскол, переросший в октябре 1917 г. в вооруженное столкновение в лагере Ля-Куртин между сторонниками возвращения в Россию, отказавшимися воевать, и теми, кто ратовал за ведение войны до победного конца. Этому предшествовали бесплодные попытки со стороны командования, верного Временному правительству, уговорить большевиствующих солдат подчиниться офицерам. Когда все возможности для мирного разрешения конфликта были исчерпаны, войска, верные Временному правительству, силой подавили мятеж. Пролилась русская кровь. Тысячи русских солдат пополнили в итоге французские тюрьмы.

Французы, внимательно наблюдавшие за развитием ситуации вокруг русского экспедиционного корпуса, с тревогой относились к его разложению, опасаясь, что схожий процесс может охватить и французские войска. В то же время французское командование не спешило отправлять русских домой, так как имело на этот счет свое особое мнение. Кроме того, часть русских военных выступала за дальнейшее продолжение войны, что было на руку французским генералам.

Дальнейшие события развивались стремительно. Временное правительство пало в результате захвата власти большевиками. Русские войска, находившиеся на Балканах и во Франции, оказались в сложной ситуации: Советское правительство отказалось от дальнейшего продолжения войны, а французы отказались его признать. Русские солдаты и офицеры за рубежом оказались тогда людьми без Родины.

Этим обстоятельством и поспешило воспользоваться французское командование, решившее погреть руки на русском несчастье и пополнить русскими Иностранный легион, зная, что российским солдатам и офицерам в сложившихся условиях деваться некуда... В самом деле, русские войска находились на французском обеспечении и всецело зависели от французского командования.

В начале ноября 1917 г. французское командование официально предложило прежним чинам русских экспедиционных корпусов вступить во Французский иностранный легион – «пушечного мяса» Франции тогда очень недоставало, а коренными уроженцами-французами она все же дорожила... Желающих сначала оказалось немного – из более чем 11-титысячной массы русских добровольно легионерами согласились стать немногим более 200 человек. Раздосадованное этим, французское командование поставило перед русскими жесткий выбор: Легион, направление на изнурительные тыловые работы или принудительные работы в Северной Африке. Массовые прошения с желаниями уехать домой были отклонены. Уж очень хотелось французам загребать жар чужими, в этом случае – русскими руками! Многие русские солдаты упорствовали, не желая ничего выбирать из предложенного французами. Против таких «просителей» были применены репрессии. Французское военное командование было шокировано результатом: всего легионерами согласились стать 252 человека, 11 522 отправились на тыловые работы, более двух с половиной тысяч человек находились в госпиталях, кое-кто – под следствием или в тюрьме, а другие выбрали принудительные работы в Северной Африке. Таким образом, желающих стать легионерами из общего числа русских, находившихся тогда под французским командованием, не набралось и двух процентов! Настроение русских солдат тогда характеризует выдержка из одного письма: «Куртинцев направляют в Рабочие Роты, там арестуют и точно отправляют в Легион без всякой вины. Довольно издеваться над ними» (см. ГА РФ. Ф.6167. Оп.1. Д.5. Л.26.)... Таким образом, совершенно ясно, что русские солдаты тогда уже знали, что такое Французский иностранный легион, панически его боялись и во всех действиях по отношению к ним французских властей видели как раз стремление любым способом загнать в легионеры.

На тот момент русских легионеров осталось очень мало. Из волонтеров 1914 г., судя по французским документам, в рядах Французского иностранного легиона на конец 1917 г. оставалось не больше 146 человек, по меньшей мере 10 политических эмигрантов из которых пожелали уехать в Россию (см. ГА РФ. Ф.6154. Оп.1. Д.1. Л.1.). В то же время общее число пожелавших уехать за конец лета и начало осени1917 г. в Россию русскоязычных легионеров составило 163 человека в звании от легионера 2-го класса до сержанта (см. Там же. Сосчитано по листам. 39–42, 45, 46, 48.). К тому времени из знаменитого «Республиканского отряда», насчитывавшего 72 человека, в Легионе осталось 5 человек (см. Там же. Лл.1–3, 4.). Однако, по данным «Комитета Обороны», несмотря на все старания, добиться демобилизации русских легионеров не удалось (см. ГА РФ. Ф.6154. Оп.1. Д.13. Лл.39, 41, 42, 45, 46.).

У большевиков, хорошо знавших о положении русских во Французском иностранном легионе, были данные на начало декабря 1917 г. о по крайней мере 90 русских легионерах, продолжавших службу. Интересно отметить, что, по имеющимся анкетам, это были люди от 19 до 50 лет. Из них возраста 19–25 лет были: 17, 5 %; от 26 до 30 лет – 36,5 %; от 31 до 35 лет – 23,1 %; от 36 до 45 лет – 21,6 %; от 45 до 50 лет – 1,3 % (см. Там же. Д.13. Л.30 об.).

Таким образом, большей частью это была молодежь.

Из них многие имели боевые награды Легиона, а один был награжден дважды. На этих людей приходилось 15 Военных Крестов и 9 Военных Медалей, выдаваемых в Легионе только за очень большие заслуги (см. Там же. Ф.7336. Оп. 1. Д.37. Лл.1–19.).

Особенно интересно рассмотреть социальный состав русских легионеров. Он очень широк и разнообразен – от «вора-профессионала», как указано в анкете Брусинского Иоганна Альбертовича, до «капиталистов», предпринимателей. Половина русских легионеров были из рабочих. Среди русских легионеров мы видим офицера, «помещика», журналистов, служащих, матросов, представителей творческой интеллигенции, медиков, чиновников, учителей и адвокатов (см. Там же. Л.19.).

Если обобщить эти сведения, то окажется, что представителей интеллигенции «российского периода» среди русских легионеров было 51,4 %, рабочих 40,5 %, чиновников 2,7 %, «профессиональных революционеров» 5,4 %, крестьян 1,3 % (см. ГА РФ. Ф.6154. Оп.1. Д.13. Л.30.). Ко времени призыва в Легион во Франции из них заявили другое. По этим данным, из них были 70,5 % – рабочими, 25,7 % – интеллигенцией, 4,8 % называли себя «лицами без определенных занятий» (см. Там же.).

Согласно анкетным данным, 9,5 % русских легионеров того времени прошли царскую каторгу, в ссылке побывали 52,7 %, а в тюрьме сидели 90,5 % (см. Там же.). То есть, другими словами, несудимых среди них практически не было. Зато в российской и других армиях служили лишь 28 %.

На фоне тогдашнего положения грамотности в России, составлявшей 47% от общего числа, состояние их образования было довольно высоким: 20,8 % имели высшее образование, 58 % – среднее, 5,4 % имели «домашнее образование», имевшее довольно высокий привилегированный уровень, низшее образование было у 14,8 % и никакого образования – у 1,3 % (см. Там же.).

По партийной принадлежности это были, в основном, представители социалистических группировок. Наиболее крупными по своему составу были меньшевики – 47,3 %, эсеры – 25,7 %, анархисты – 10,8 %, представители других, более мелких социалистических партий – 9 %, еврейская партия «Бунд» – 2,7 % и беспартийных – 1,3 % (см. Там же.).

По национальности большинство из них составляли евреи – 51,4 %, русские – 37,8 %, грузины – 5,4 %, поляки – 2,7 %, болгары и эстонцы – по 1,3 % (см. Там же.).

К декабрю 1917 г. всех ранее заключенных во французских тюрьмах русских солдат, которые участвовали в восстании Ля-Куртин, перевели в лагерь Курно, где подвергли усиленной обработке в пользу Легиона. Результатом этого стало то, что большая часть «ля-куртинцев» пожелала отправиться на принудительные работы в Северную Африку. Так, из 4 тысяч «куртинцев» в Африку поехали 3272 (см. Там же. С.211–212.).

Таким оборотом дела французское командование было просто поражено. И это после того, как Африка перед русскими была «выставлена» для их же устрашения, а они, наоборот, сознательно выбрали ее, лишь бы только не служить на пользу французской военной машине! Раздосадованные этим, французы установили для «русских африканцев» обыкновенный тюремный режим, поместив их в особые бараки, в которых они были изолированы от внешнего мира. Питание состояло только из хлеба и воды. Вскоре заключенные русские были доставлены в Алжир, Марокко и Тунис. Там их смешали с обычными уголовниками, заставив трудиться на крайне вредных предприятиях по добыче свинца и ртути, на цементных заводах, многие делались инвалидами (см. ГА РФ. Ф.6167. Оп.1. Д.5. Л.37.).

Не совершившие никакого преступления русские люди оказались, волей решения французского командования, на поистине каторжных работах, причем те из них, кто прошел каторгу царскую, считали ее, в сравнении с каторгой французской, чем-то вроде курорта.

Командующий Русским экспедиционным корпусом генерал Занкевич пытался смягчить участь несчастных солдат, ставших жертвой большевиков и французских буржуа (см. Там же. С.213.). Так или иначе, но, продержав некоторое время русских в таких ужасающих условиях, французы предложили «желающим» подать рапорты о переводе в действующие части Легиона. Расчет оказался верным: несчастные русские солдаты, виновные только в том, что они оказались, волей желания прежнего царя Николая II, под французским командованием и на территории Франции, в массовом порядке устремились в Легион, надеясь любыми путями изменить к лучшему условия своего существования... Отчасти это было связано также с устранением от влияния на них большевиков и Советов, которые агитировали против вступления в Легион.

На Македонском фронте, во 2-й особой русской бригаде, «артиллеристы согласились служить только в особом артиллерийском легионе. В то же время они отказались подписывать контракт на дальнейшее участие в военных действиях. Однако они готовы были пересмотреть свое решение, если им будет предоставлена французским командованием возможность нести дальнейшую службу в артиллерии. Их удалось, в конце концов, использовать в Македонии, в артиллерийских парковых частях» (см. Там же. С.216.).

В целом, в Македонии нашлось больше желающих нести дальнейшую службу в легионе. Так, из 2-й особой дивизии, насчитывавшей 13 198 человек, в легион решили записаться 556 человек, что составляло более 4%, рабочими на тыловых работах сделались 1185, а на африканскую каторгу поехали 11 487 человек. По свидетельству записавшихся в Легион русских офицеров, сосланных в Африку русских солдат перед отправкой «посадили за колючую проволоку, как военнопленных. Битком набитые за проволоку, они простаивали круглые сутки под открытым небом на ногах и завидовали военнопленным немцам и болгарам, положение которых гораздо лучше» (см. РГВИА. Ф.15230. Оп.1. Д.35. Л.136.).

Тем временем русские офицеры, настроенные продолжать войну до победы, в декабре 1917 г. решили создать крупную русскую военную часть на Французском фронте с русским командованием (см. РГВИА. Ф.15234. Оп.1. Д.84. Л.122.). Сюда

записалось много русских, которые по своему возрасту уже не должны были служить, но добровольно пошли воевать. Русскими офицерами было решено воевать до победы с неизменным условием восстановления попранного немцами и австрияками суверенитета Бельгии и Сербии. В то же время, несмотря на «русский характер» этого подразделения, постановили, что «поступающие в Легион должны согласиться подчиниться французским властям, знаменам и дисциплине и служить в Легионе до заключения мира всем русским народом в лице всеми признанного законного правительства» (см. Там же.).

Между тем, после заключения большевиками позорного Брестского мира в марте 1918 г., отношение к русским во Франции испортилось настолько, что в русской форме стало ходить далеко не безопасно (см. Чиняков М.К. Русские войска во Франции, 1916–1918 гг. М., 1997. С.72–73.).

Французское командование решило заменить ее на французскую, что, в свою очередь, привело к эксцессам, о которых речь пойдет дальше. В то же время французское командование провело полезную работу среди личного состава собственных офицеров и солдат, чтобы реабилитировать русских, вступивших в Легион. Так, генерал Доган, знаменитый командующий Марокканской дивизией, куда решено было включить Русский легион, принял все меры к тому, чтобы русские солдаты и офицеры чувствовали себя в этом подразделении «как дома». По свидетельству русского полковника О. от 16 января 1918 г., «теперь все солдаты Марокканской дивизии должны первыми отдавать честь русским военным, у которых на погонах галуны и звездочки. Офицеры Марокканской дивизии должны первыми с русскими офицерами обмениваться честью» (см. Чиняков М.К. Русские войска во Франции, 1916–1918 гг. М., 1997. С.74–75.).

Надо сказать, что, по данным «Бюллетеня от 24 декабря 1917 г. по 12 января 1918 г.», в составе 1-й Колониальной дивизии была образована «Русская рота» добровольцев-легионеров из 300 человек, уже находящаяся на фронте (см. РГВИА. Ф.15234. Оп. 2. Д.17. Л.97.).

На этом первом этапе создания Русского легиона его немногочисленные члены проводили активную агитацию по записи в это подразделение среди русских солдат и офицеров, где только было можно (см. Чиняков М.К. Русские войска во Франции, 1916–1918 гг. М., 1997. С.72–73.).

К началу марта 1918 г. из пожелавших стать легионерами людей создали батальон под командованием капитана Павлова. Он состоял из трех рот – саперной, пехотной, пулеметной. По свидетельствам современников, «батальон был сформирован в Верриа, прекрасно снаряжен и производил видом своих людей очень бодрое впечатление. 3 марта батальону была назначена посадка на суда, и, по прибытии во Францию, его использовали для сформирования 4-го батальона волонтеров» (см. Там же. – С.217.).

Из письма французского военного министра министру иностранных дел от 21 июня 1918 г. значилось, что на тот момент организованная сила из русских во Франции тогда состояла из четырех батальонов Русского легиона «различного состава». Он был сформирован, согласно декрета французского правительства, 11 апреля 1918 г.

Кроме того, во Франции и на Балканах из русских солдат были составлены 32 рабочие роты; 1,6 тысячи человек были уволены в запас, половина из которых уже была увезена в Россию (см. Там же.). Кроме того, непосредственно по Французскому иностранному легиону было распылено до 700 русских легионеров, причем, как отмечалось в письме, «ожидалось дальнейшее увеличение их числа» (см. Там же.).

И такое увеличение произошло и в Русском легионе. Так, генерал Лохвицкий призвал тогда всех русских, кому дорога честь Родины и русского солдата, вступать в Русский легион чести, чтобы доказать, что русские не все являются предателями и что среди них найдется немало достойных людей.

Заключительная часть воззвания Лохвицкого звучала так: «Мы – русские, не можем жить опозоренными. Вперед! (см. «Русский Солдат Гражданин во Франции». 1917. 122. С.8.)»

И действительно, призыв Лохвицкого был услышан не только в странах Европы, в том числе Голландии и Италии, где было немало русских, но на зарубежном Дальнем Востоке и даже в индийском городе Калькутте, в США и других странах! (см. Там же. С.228.) Однако при этом отмечалось, что львиную долю волонтеров составляют офицеры, а рядового состава было очень мало. Французы, видя это, не позволили многим русским офицерам, несмотря на их желание, записываться сюда даже рядовыми (см. РГВИА. Ф.15234. Оп.1. Д.46. Л.244.).

С другой стороны, большевики, видя, что далеко не все подчинились их агитации, прозвали это подразделение, чтобы оправдать свое шкурническое и откровенное предательское поведение, «Легионом позора» (см. Розенталь Е.И. Фотоматериалы о пребывании русских войск во Франции в годы Первой мировой войны.//Ежегодник Государственного исторического музея. М., 1962. С.34.). Они проводили агитацию среди солдат, что якобы это подразделение предназначается для борьбы против советской власти, и призывали игнорировать запись в него (см. Он же. Там же.).

Лохвицкому приходилось зорко следить и за тем, чтобы французы направляли русских добровольцев именно в Русский, а не Иностранный легион, поскольку даже офицеров с большими звездами французы заставляли служить там рядовыми (см. Там же. С.221.). Последнее им было особенно выгодно: в этом случае человек попадал в кабалу на 5 лет. Иначе волонтер оставался на французской службе только до окончания войны с Германским блоком.

На этой почве у русского генерала с французами было несколько яростных столкновений.

Впоследствии это ему припомнят (см. РГВИА. Ф.15234. Оп.1. Д.87. Л.24.).

Вообще, число русских легионеров увеличилась с 207 в декабре 1917 г. до 2080 человек к марту 1918 г. (см. ГА РФ. Ф.6154. Оп.1. Д.13. Л.76.) Во французских военных архивах содержатся сведения, что уже к марту русские подали несколько сотен заявлений о желании стать легионерами (см. SHAT. 17 N. Carton 680. Dossier 4.). Русские легионеры продолжали прибывать из арестантских и рабочих рот вплоть до самого конца войны. Вот что написала в коллективном прошении группа русских солдат в сентябре 1918 г.: «Мы сейчас трудимся в поле, но думаем, что принесем больше пользы на фронте – и нашим союзникам, и нашей Родине. Ведь мы – солдаты. Посему поскорее просим направить нас во Францию, в Русский легион, чтобы мы могли исправить свою ошибку и помочь союзникам, как помогали им ранее, не щадя своей жизни и помогая России» (см. Летнев А.Б. «Алжирская одиссея». Из истории Русского экспедиционного корпуса на Западном фронте.//Африка глазами современников и историков. М., 1998. С.166–167.).

Русский легион действовал бок о бок с Иностранным легионом в составе Марокканской дивизии. Уже 7 марта 1918 г. 1-й батальон Русского легиона из 400 человек во главе с полковником русской службы Готтуа выступил на фронт. В нем служил будущий Маршал СССР Родион Малиновский (см. Чиняков М.К. Русские войска во Франции, 1916–1918 гг. М., 1997. С.73–74.).

Следом за 1-м батальоном русских легионеров на фронт направили в бой 10 марта 1918 г. 2-й батальон Русского легиона из 270 человек под командованием подполковника Еске, прикомандированный к 28-й французской дивизии. Посол России во Франции Маклаков организовал пышные проводы Русского легиона, собрал для этого деньги на подарки, которые были вручены нашим легионерам. Надо отметить, что это был не последний случай проявления внимания со стороны русской общественности во Франции к русским легионерам. Неоднократно, в течение завершающего этапа Первой мировой войны в Париже и Ницце русские и

французские патронажные общества организовывали патриотические благотворительные вечера, посредством которых легионерам оказывалась моральная и материальная поддержка.

В это же время проходило формирование 3-го батальона Русского легиона, который пока состоял из одной роты в 120 человек. С нетерпением ждали еще приезда из Салоник 4-го батальона Русского легиона из 570 человек. Кроме того, 20 марта 1918 г. из Африки вернулись 300 человек из числа «одумавшихся» куртинцев, посчитавших, что лучше заслужить прощение в бою, чем сгнить живьем на каторге. Однако многие из них остались в душе большевиками и ждали удобного момента, чтобы вновь поднять бунт (см. Там же. С.229.). Батальонная организация Русского легиона мешала включению в его состав полковников и генералов. Из-за этого многие из них были вынуждены отказаться от зачисления в него. В то же время, при начале формирования Русского легиона, в адрес русских офицеров со стороны французов сыпались угрозы. Они сводились к тому, что если в течение 48 часов они не выполнят безоговорочно все их требования – от записи в легионеры себя до записи туда и своих солдат, то они будут разжалованы в рядовые. Это автоматически вело к попаданию их в Иностранный легион, чего даже по строгим французским военным законам нельзя было делать, а тем более в отношении иностранцев (см. РГВИА. Ф.15230. Оп.1. Д.35. Л.114.).

Отобранные для «военной агитации» русские офицеры на начало марта 1918 г. были направлены французами в деревни Майникайне, Рупан, Мониписте, Туркохори и расквартированы в курятниках, свинарниках и сараях. В это время французы их унижали самыми разными способами вплоть до того, что ставили над ними контролерами простых переводчиков, причем это происходило, несмотря на протест командования Русского легиона (см. Там же. Лл.137, 156, 161.). Всего здесь содержалось не менее 119 офицеров от прапорщиков до полковников, 24 военных чиновника и 2 священника (см. Там же. Л.396.).

Уже через две недели после прибытия первых частей Русского легиона на фронт начальник 1-й Марокканской дивизии, генерал Доган, 26 марта 1918 г. донес вышестоящему командованию о прекрасном впечатлении, которое произвели на него русские легионеры. При этом он просил не препятствовать, как раньше, и даже поощрять направление легионерами своих писем в Россию, надеясь, что они будут хорошей пропагандой у них на родине.

К 10 апреля 1918 г. все четыре батальона Русского легиона находились на фронте, в том числе доформированный 3-й батальон полковника Семенова и Салоникский батальон капитана Павлова, прикомандированный к 56-й пехотной французской дивизии. К тому времени общая численность Русского легиона составляла 51 офицер и 1625 солдат. Из них 446 человек были награждены Георгиевским крестом России или Военным Крестом Франции. В то же время, по свидетельству очевидцев, «в 5 раз большее число русских попало не в Русский, а в Иностранный легион после роспуска русских полков. Многие из наших солдат шли туда охотнее, чтобы уйти от разрухи в Русском отряде... (см. »Русский Солдат Гражданин во Франции». 1918. № 303. С.2.)«.

Чтобы показать, как жили тогда чины Русского легиона по вине французов, следует привести ниже доклад старшего русского полкового врача, доктора Иванова, от 4 февраля 1918 г.: «Наши батальоны, 2-й и 3-й, находятся в следующем положении. Оба стоят около станции Пяусты под открытым небом за проволочным заграждением, место стоянки – низменное и сплошь залитое водой и жидкой грязью, палаток – очень мало, так что большинство людей 3-го батальона уже 3 суток, а 2-го батальона – 2 суток находятся без всякого прикрытия. Ни дров, ни подстилки людям не выдается; среди солдат есть люди с опухшими руками и ногами, много простуженных и страдающих поносами. Люди из 2-го батальона не получали пищи 2 и 3 февраля, которая была дана лишь вечером 3-го числа, но без дров, так что

невозможно было ничего сварить. Также оба батальона, уже 4 суток не имеющие дров, лишены возможности согреть воду для чая; водой же для питья они пользуются из загрязненных, протекающих с полей ручьев. У некоторых солдат 3-го батальона французами отобраны при осмотре часы и деньги...

На заявление врачей бывшего русского полка о невозможных для жизни условиях этих людей и вероятности среди них массовых заболеваний лейтенант де ля Клюз ответил, что в настоящее время, за отсутствием приказаний высшего начальства, он изменить или улучшить их положение не может» (см. РГВИА. Ф.15230. Оп.1. Д.35. Л.116.). При этом многие из солдат, попавших сюда с Салоникского фронта, болели очень опасными болезнями вроде полюдизма, но французы ничего не делали для их излечения (см. Там же. Л.234.). За возражения в адрес французов, вызванные их же грубостями, те их просто-напросто арестовывали (см. Там же. Л.439.).

Кроме того, некоторые делали это по другим причинам – из-за личных убеждений, стремления найти больше денег и «насолить» своему же надоевшему командованию (см. »Русский Солдат Гражданин во Франции». 1918. № 303. С.3; № 310. С.1.).

Французы, поборники «свободы, равенства и братства», в отличие от Временного правительства России, весьма быстро нашли верное средство против разложения в армейской русской среде, и средством от этого стали жесткие репрессии. Путем изолирования от общей солдатской массы большевиков и безудержным применением силы против любых проявлений нежелания воевать французы заставили воевать русских, причем за чуждые им интересы – за победу другой страны – Франции, да еще как! Помимо грубой силы, французы использовали для пополнения русскими Легиона и агитацию: в то время немцы организовали наступление на красный Питер. Это было ловко использовано для того, чтобы вбить в головы русским мысль, что защитить Россию они могут и во Франции, записавшись в Легион, а возвращаться на Родину им тогда не было смысла – пока они едут через моря и океаны, немцы могут захватить родную им землю...

Агитацией и применением репрессий французы добились того, что уже в феврале 1918 г. русские стали записываться в Легион сотнями и тысячами, хотя еще в декабре 1917 г. добровольно легионерами стали лишь немногие! Сами русские, находящиеся на каторге и на работах в Алжире, свидетельствовали, что французы там над ними всячески издевались, морили голодом, изнуряли работами и платили очень мало. Тогда за малейшие провинности их стали загонять в штрафные (дисциплинарные) батальоны (см. Летнев А.Б. «Алжирская одиссея». Из истории Русского экспедиционного корпуса на Западном фронте.//Африка глазами современников и историков. М., 1998. С.149.). Один из русских солдат, попавших в такой батальон в Мерс-эль-Кебире, свидетельствует в письме своим родителям: «Дорогие мама и папа!

Пишу вам из Африки. С января месяца 1918 г. мы были в Сахаре на земляных и оросительных работах. Нас заставляли работать по 10 часов в сутки за 2 фунта хлеба. Платят по 25 сантимов в день, что очень мало, так платят за работу уголовным. Еще заставляли таскать камни, а мы отказались, тогда нас загнали в этот штрафной батальон. Других перевели на степные угодья. Некоторые просто подыхали с голоду, едва на ногах держались, так французы их привязывали к лошади и пускали во весь опор. Один не выдержал и умер, бедняга. Здесь, в штрафном батальоне, мы страдаем уже 38 дней. Держат нас здесь на хлебе и воде. Горячей похлебки не полагается. Хлебный паек – 2 фунта на шестерых. Спим на «цементном паркете», и все время нас пытаются загнать в Легион, воевать. Всех нас тут морят голодом. Измотали ужасно. Лежим в лежку. На днях еще 1 солдат помер» (см. Летнев А.Б. «Алжирская одиссея». Из истории Русского экспедиционного

корпуса на Западном фронте.//Африка глазами современников и историков. М., 1998. С.149.).

По мнению многих бывших русских солдат, именно для вербовки в Легион и была создана газета «Русский Солдат Гражданин во Франции» (см. Выходила она в 1917–1920 гг. По духу ее называли «эсеровско-кадетской». Несмотря на обвинения большевиками ее работников в предательстве русских солдат французам за французские же деньги, по приказу генерала Нивеля, эта газета при поступлении в Алжир к русским солдатам подвергалась дополнительной, еще более тщательной цензуре, чем во Франции. В то же время, по мнению белогвардейских офицеров, эта газета положительно влияла на настроения многих солдат тем, что, хотя она и относилась неодобрительно к лидерам Белого движения, в то же время она умело обличала лидеров большевиков, что белым было на руку.), чья редакция располагалась в Париже, на бульваре Сен-Жермен. Ее основными авторами и редакторами были поручик Бочкарев и унтер-офицер Дробович (см. Он же. Там же. С.163.). Большевики так писали им в письме в мае 1918 г.: «...Трусы, мерзавцы, звери! Так называют русские солдаты французских бюрократов, которые угнетают людей, позабыв о всякой цивилизованности, растеряв остатки человеческой совести. А ты, редактор, со всеми твоими прихвостнями, тоже хорош! Вместе с другими занялся постыдным ремеслом – продаешь нас за жалкую часть сребреников французским буржуям. Разве это не помощь им – зазывать в Легион русских солдат, подыхающих с голоду?.. Хорошенько подумай, Каин! Опомнись! Разве ты не такой же пролетарий, как те, кого ты продаешь?» (см. Он же. Там же.)

К этому времени во Французском иностранном легионе было немало славян-военнопленных из Австро-Венгрии: чехов, сербов, русин, словаков и других. Их сагитировали воевать против австрийцев и венгров находчивые французы. В царской России слишком поздно поняли возможность воевать, в том числе и чужими руками, несмотря на то что в российском плену находились десятки и сотни тысяч славян, взятых в плен от австро-венгерской армии, выражавших желание воевать против Германии и ее союзников. Отчасти это объяснялось нежеланием давать противнику повод для создания подобных подразделений, состоящих из украинцев, прибалтов и поляков, взятых в плен из разбитых русских дивизий или набранных на захваченных у России территориях. Французы же не стеснялись затыкать самые опасные места на своем фронте Легионом, большая часть которого состояла из уголовников и военнопленных.

Тогда в Легионе получить чин капрала и даже сержанта было проще простого: главным было уцелеть в первых боях и не показать хоть как-то собственные слабости... В условиях, когда во время одного боя потери Французского иностранного легиона зачастую составляли 50 и более процентов, производства в следующие чины шли очень быстро. Поэтому ничего удивительного не было, когда командирами рот в звании капитана оказывались, например, чехи, поднявшиеся до этого чина из рядовых. Так, командиром 1-й пулеметной роты Французского иностранного легиона тогда был чех, капитан Мачек. Удивительного в этом ничего нет, так как Легион находился на самых опасных участках в самые опасные моменты боев и поэтому нес колоссальные потери, в том числе и офицерами. Показателем «производств» в то время в Легионе является послужной список бывшего солдата Русского экспедиционного корпуса во Франции Ивана Гринько, за неполный 1918 год дослужившегося от солдата 1-го класса (что-то вроде ефрейтора во французской армии) до сержанта.

Надо отдать должное французам: они сделали Легион, большей частью состоящий из уголовников, пленных и авантюристов, самым боеспособным своим подразделением. Секрет этого заключается в жесточайшей дисциплине и командирах Легиона, не стесняющихся применять любые меры воздействия на легионеров для поддержания их боевого духа на соответствующем уровне, вплоть до расстрела. Во

время Первой мировой войны расстрелы активно практиковались в Иностранном легионе за трусость в бою. Тем самым человека волей-неволей вынуждали сражаться так, как это нужно Франции...

Французы умело поддерживали тогда и сейчас явно дутую «славу» о Легионе, что это – якобы подразделение с легендарными традициями и величайшими воинскими доблестями.

В «подкрепление» своих слов они могут давать и некоторые побрякушки, выдача которых практически им ничего не стоила, но зато выгодно, с внешней точки зрения, выделяла их на общем фоне всей французской армии. Так, 1-му Иностранному полку Легиона «за боевые доблести», впоследствии за прорыв линии Гинденбурга, были выданы красные фуражеры (аксельбанты) для ношения на левом плече и особое почетное знамя. Таких знаков отличия не было ни в одном подразделении французской армии. Французские командиры выставляли выдачу подобных «бус» и «зеркалец» как невиданное благо для Французского иностранного легиона.

Во время «пополнения» во Французском иностранном легионе произошел весьма показательный инцидент, характеризующий не только отношение французов к русским, но и вообще дисциплину, царящую там. Предварительно надо сказать, что российское командование планировало первоначально, что Русский легион будет сражаться под русским знаменем и в русской форме. Но незадолго до выступления на фронт офицеры Русского легиона собрали и выстроили своих солдат. Они сообщили им, что французское правительство настояло на том, чтобы Русский легион был обмундирован во французскую форму. Это было обусловлено тем, что Советское правительство выразило правительству Франции протест, обвинив последнюю в том, что она держит на своей территории контрреволюционную воинскую часть, готовя тем самым помощь белогвардейцам. Это и стало предлогом для переобмундирования Русского легиона во французскую форму. Надо отметить и ранее проявленную неприязнь французов к русской форме после заключения Брестского мира. Кроме того, сами французы распространили мысль, что, сражаясь в русской форме и под русским знаменем, русские легионеры становились наемниками, положение которых, если они попадали в плен, было ужасным. Над ними можно было всячески издеваться и убить, не считая их военнопленными.

Большевики, видя, что идея создания Русского легиона нашла реальное воплощение в жизнь, хотели этому помешать. Дело в том, что само образование воинской части из русских, которые не приняли мира с немцами, наносило большевистской репутации невосполнимый ущерб. Надо было сорвать выход Русского легиона на фронт любыми способами, показать, что это бунтовщики, чтобы добиться его расформирования. Тем самым они желали подчеркнуть, что все россияне, «за исключением кучки контрреволюционеров», согласны с проводимой большевиками политикой.

Масла в огонь подлило решение маршала Петэна трансформировать Русский легион по копии Иностранного легиона. Это означало резкое ужесточение дисциплины и назначение сюда французских офицеров. В то же время французское командование решило заново утвердить в русских солдатах дисциплину. Дело в том, что с появлением большевиков русские солдаты сильно распустились. Как тут не вспомнить привычную картину 1917 г., когда можно было увидеть тысячи солдат в расхристанной форме, с красными бантами на груди, без ремней, с отсутствием тех или иных атрибутов в ней. Поэтому в марте 1918 г. русское верховное командование во Франции объявило, что с переходом на французскую службу «все офицеры и солдаты должны соблюдать установленные правила о форме одежды. Особенно обратить внимание: 1) на ношение шинелей, которые, надетые в рукава, должны быть застегнутыми на все крючки, а внакидку – на крючки воротника и 2) на ношение поясов, которые многими стали вовсе упразднены.

Волосы на голове должны быть коротко острижены, за чем начальникам вменяется в обязанность строго следить, за неисполнение чего и тем и тем грозит арест» (см. РГВИА. Ф.15230. Оп.1. Д.35. Л.244.).

Все это вместе, в том числе и нежелание соблюдать дисциплину при ношении формы, и привело к последующим печальным событиям. Если большая часть бывших русских офицеров подчинилась приказу французского командования, то солдатская масса отказалась его выполнять. Во главе недовольных встали старший унтер-офицер Сабуров и младший унтер-офицер Ушаков, прибывший с Салоникского фронта. По свидетельству очевидцев, они «вышли из строя и заявили о том, что не желают сражаться, и призвали остальных сделать то же самое. По приказу начальника 8-го зуавского полка они были арестованы» (см. Чиняков М.К. Русские войска во Франции, 1916–1918 гг. М., 1997. С.77.). Их судили военно-полевым судом, который вынес смертный приговор. В то же самое время приговор обещали смягчить в случае «отказа Ушакова от своих большевистских убеждений».

В ответ Ушаков призвал, в случае дальнейших требований французов снять русскую форму с чинов Русского легиона, отказаться воевать за них, мотивируя это обманом с их стороны. Тогда решение военно-полевого суда было приведено в исполнение. Один из русских очевидцев расстрела описывает это так: «...нас всех выстроили на лужайке и зачитали приговор. Так, мол, и так, расстрелять унтер-офицера Ушакова. Мы не верили – нарочно нас стращают расстрелом, чтобы скорее утихомирились. Стоим себе спокойно на солнцепеке, а перед нами – Ушаков, ветром на нем гимнастерку колышет, потому как без пояса он. Ушаков нам говорит: «Вы, товарищи, не верьте им, они нас запугивают. А воевать все равно не заставят».

Тут разошлось французское начальство, давай орать: «Замолчать!» – и никаких. А Ушаков все говорит и говорит – о войне, о буржуазии, о том, что Ленин зовет нас в Россию. Появился жандармский взвод и отделил нас от Ушакова. Подошел к нему поп и сует крест – целуй, мол. А он их к черту посылает. Хотели жандармы ему глаза завязать, а он им: «Не надо, говорит, у меня совесть чиста!» Ну, тут жандармы взяли ружья на изготовку и команда «огонь!». Раздался залп. Ушаков упал. Но успел все же крикнуть: «Держитесь, братцы! Да здравствует Россия!» У всех нас как будто что-то оборвалось внутри, похолодело под сердцем. А на другой день переодели нас в чужую форму, и перестали мы быть русскими людьми...»

Сабуров был также расстрелян. Вместе с этими «унтерами» были арестованы еще 48, а по другим данным – 60 активных участников волнений, включая 15 унтер-офицеров. Начальником Марокканской дивизии они были разжалованы в рядовые (см. Деренковский Г.М. Восстание русских солдат во Франции в 1917 г.//Исторические записки. М., 1951. Т.2. С.100.). Приговором военно-полевого суда вся эта группа была отправлена в дисциплинарный (штрафной) батальон. Все они были отправлены на самый опасный участок фронта и погибли (см. Чиняков М.К. Русские войска во Франции, 1916–1918 гг. М., 1997. С.78.).

В этих выступлениях было виновато и французское командование, которое записывало в Русский легион заведомых большевиков, о чем неоднократно его предупреждали русские офицеры (см. РГВИА. Ф.15230. Оп.1. Д.35. Лл.127, 157.).

Судьба Русского легиона висела на волоске.

Казалось, что честь русских опозорена снова и большевики добились своего: генерал Доган принял решение, а маршал Петэн уже подписал приказ о расформировании всех батальонов русских легионеров, поскольку было опасение, что бунтарское настроение передастся другим частям (см. Васильев В.А. Русский легион чести.//»Часовой». 1981. № 629 (1). С.22.). Но на фронте неожиданно резко обострилась обстановка, и Русский легион бросили на спасение Франции (см. Тарусский Е. Легион Чести.//Для вас. 1939. № 1 (263). С.4.).

В конце апреля 1918 г., в разгар Амьенского сражения, когда, казалось, еще одно усилие – и немцы ворвутся в Париж, Марокканская дивизия с Легионом в своем

составе 24 апреля 1918 г., подчиненная генералу Добени и введенная в состав 1-й французской армии, была переброшена на фронт. Место сосредоточения было у города Амьен, где сложилась наиболее угрожающая ситуация – немцы там добивали державшуюся из последних сил дивизию австралийцев. Если бы немцы прорвали их оборону, между английскими и французскими войсками прочно вбивался клин, что угрожало Антанте катастрофой... Снова Французский иностранный легион стал своеобразной палочкой-выручалочкой, последним резервом, брошенным на чашу весов в критический момент боя на самом опасном участке фронта: 25 апреля Легион вышел к лесу Ангар у Амьена, где обороны австралийцев уже почти не существовало... При помощи английских танков Марокканская дивизия 25 апреля отбила у немцев лес Ангар. При этом наиболее сложную операцию при его атаке выполнял Французский иностранный легион подполковника Ролле.

Успех контрудара легионеров свел на нет все усилия немцев прорвать оборону войск Антанты и выйти к Парижу. Сообщая 28 апреля о подробностях боев в районе Амьена, Французское информационное агентство уделило главные строки Марокканской дивизии и Иностранному легиону: «...Знаменитая Марокканская дивизия... вела упорные бои в лесу Ангар, но заплатила за это тяжелыми жертвами. Особенно большие потери понес 1-й полк легионеров». «...Первые волны наших полков были опустошены и рассеяны жестоким огнем немецких пулеметов»... До укрепленной линии врага Виллер-Бретонне смогли дойти лишь немногие, однако в ходе ожесточенных боев она была взята. Этот подвиг в трехдневных боях стоил Марокканской дивизии потери 74 офицеров и 3,5 тысячи солдат. Среди них был русский лейтенант Ефремов, погибший 26 апреля 1918 г. в бою при Ангаре (см. Брюнон Ж., Маню Ж. Иностранный Легион, 1831–1955. М., 2003. С.130.).

Несмотря на это, Марокканская дивизия и Иностранный легион в ее составе до 7 мая 1918 г. находились на боевых позициях, когда их пришлось отвести в тыл, в резерв, для доукомплектования по причине колоссальных потерь...

Большую роль в отражении немецкого наступления тогда сыграл 1-й батальон Русского легиона Готтуа, приписанный к 8-му зуавскому пехотному полку подполковника Лагарда. Своей контратакой 26 апреля 1918 г. Русский легион значительно улучшил положение полка. Командующий Марокканской дивизией, генерал Доган сказал тогда: «В наиболее критический момент боя на горизонте появляется небольшая часть... Она смело бросается вперед между зуавами и стрелками, со штыками, устремленными на неприятеля... Опасность им нипочем... Кто эти храбрецы?.. Это русские Марокканской дивизии! Слава им!..» (см. Он же. Там же. С.234.)

Особенно отличились при этом строевая рота капитана Лупанова и пулеметная рота капитана Разумова. «Эти части двинулись в бой с беспримерным пылом и храбростью, которые привели в восхищение всех, видевших данное движение, и особенно зуавов, с которыми они наступали рядом (см. Он же. Там же. С.235.). В неудержимом порыве, русский батальон пошел в атаку, полный пренебрежения к смерти и при общем восхищении, остается на занятых позициях, несмотря на вражеские контратаки и безостановочную бомбардировку» (см. »Русский Солдат Гражданин во Франции». 1918. № 280. С.3.). Тем самым русские легионеры напрямую содействовали тому, что немцам дорога на Амьен оказалась закрыта.

Лупанов сразу после боя был награжден орденом Почетного легиона, а двое особенно отличившихся унтер-офицеров удостоены военных медалей. Французские награды достались и другим легионерам. Все русские офицеры были награждены Военным Крестом разных степеней, Лупанов 12 июня 1918 г. стал командиром этого подразделения, сменив Готтуа. Кроме того, весь 1-й батальон Русского легиона заслужил поощрение французского командования: он был также лично награжден генералом Доганом Военным Крестом с серебряной звездочкой (см. Чиняков М.К. Русские войска во Франции, 1916–1918 гг. М., 1997. С.77.).

Однако русские заплатили за эту похвалу и награды высокую цену: 3 офицера и 76 солдат были ранены, а 34 – убиты (см. Чиняков М.К. Русские войска во Франции, 1916–1918 гг. М., 1997. С.77.). Для того, чтобы сохранить 1-й батальон Русского легиона, Доган просил прислать ему 200 русских волонтеров из Лаваля для его пополнения. Кроме того, он же предложил не распылять русских по маленьким «легиончикам», а собрать в одну часть. Поэтому-то и было решено прекратить дальнейшее формирование Русского легиона в Италии и направить его чинов в Русский легион во Франции (см. Чиняков М.К. Русские войска во Франции, 1916–1918. М., 1997. С.77.).

Надо сказать, что после известия об Октябрьском перевороте 1917 г. в России русские волонтеры, служившие в 295-м пехотном французском полку под Верденом, как и русские, служившие во французских частях на итальянском фронте, взбунтовались. Французы подавили эти выступления, ударив по русским с тыла из пулеметов. Во время этих выступлений пострадало до 1 тысячи человек (см. РГВИА. Ф.15234. Оп.2. Д.17. Л.106.).

Оставшихся русских бунтарей увели из французских частей, в которых произошли выступления русских, и сосредоточили их в «Русском легионе в Италии», одели в итальянскую форму и предназначили для опасной службы при артиллерийских парках на передовых позициях. Один из таких товарищей погиб от разрыва гранат, начиненных газом, т.к. не мог получить защитной маски.

В Лавале тогда было своеобразное депо Русского легиона. Там же находились отпускники, больные и раненые легионеры и его резервы. Большевики, отрабатывая полученные от немцев на революцию деньги, «обложили» Лаваль по полной программе, охотясь за каждым легионером, пытаясь путем агитации разложить это подразделение и свести его военное значение к нулю. Доходило до того, что в Париже и других крупных городах большевистские агитаторы дежурили на вокзалах, выслеживая ноходящихся в отпуске легионеров.

В значительной степени Легион пополнили тогда за счет «русских африканцев», не желавших умирать на каторжных работах... Среди них были и офицеры младшего звена вместе со своими вестовыми, например, офицер и его вестовой Герасимовы, сначала записавшиеся во 2-ю категорию, но потом подавшие рапорт о переводе в 1-ю (см. РГВИА. Ф.15230. Оп.1. Д.35. Лл.19, 26.). Было и наоборот, когда французы насильно записывали вестовых и денщиков вместе с офицером-добровольцем в 1-ю категорию, в то время как солдат желал попасть, как, например, ефрейтор Абель Надзирадзе, во 2-ю (см. Там же. Л.171.). Это было сделано французами официально, по распоряжению высших военных властей Франции, согласно приказу которых все денщики должны были следовать туда, куда отправлялся их офицер (см. Там же. Л.221.).

В то же время отдельные офицеры 1-й категории, отправленные сопровождать солдат самой «тяжелой», 3-й категории, к месту каторги в Алжире, например, штабс-капитан Бобровский и прапорщик Потапов, обязанные вернуться в Русский легион, отказались это сделать и наравне с солдатами отбывали каторжные работы (см. Там же. Л.27.).

Один из русских легионеров так описывает доукомплектование: «...получили пополнение.

Во второй взвод пришло шесть человек: трое русских – куртинец Степаненко, курновец Воркунов и Вишняков с Салоникского фронта. Все, конечно, из Северной Африки. Трое остальных были: Карл Шмютке – немец из уголовников, много лет прослуживший в Иностранном легионе и возвратившийся из госпиталя после ранения, Хуан Маноло – испанец, старый контрабандист, и бельгиец Андрэ Фламье».

Были в Легионе и французы, а также североафриканские берберы. Среди них почти исключительно были уголовники со значительным процентом убийц. Так, один из них, по «фамилии» Гранье, происходил из среды люмпен-пролетариата: «...Где он

только не был, чем только не занимался, пока «нечаянно» не ухлопал своего хозяина, который позволил себе его ударить... А там – тюрьма, даже виселица грозила... Выручил Иностранный легион».

Бербер Ахмед-Бела также убил своего хозяина.

Первый служил в Легионе 10, а второй – 7 лет. И, несмотря на такое уголовное прошлое своих подопечных, французское начальство отчаянно пыталось удержать их в Иностранном легионе – Гранье и Ахмед-Бела были вынуждены подписать очередные пятилетние контракты, которыми им заменили наказание за специально подстроенную пропажу казенного имущества. Естественно, что и традиции в Легионе были соответствующими – даже среди самих легионеров процветало воровство...

Честь русских была спасена, но проблему внутри самого Русского легиона это не решило. Поэтому французское командование, зная про недовольство русских легионеров французской формой, предложило компромиссный вариант – русские надевают французскую форму с русской символикой.

Однако это дало почву большевикам снова попытаться взять верх над чинами Русского легиона.

В батальонах было заметно волнение (см. Деренковский Г.М. Восстание русских солдат во Франции в 1917 г.//Исторические записки. М., 1951. Т.2. С.101.). Большевики-агитаторы говорили, что французы обманули их, что они теперь будут служить, как в Иностранном легионе, 5 лет и большинство из них Родину уже не увидят. Видя это, 13 мая 1918 г. полковник Балбашевский неосторожно сказал перед строем легионеров о том, что не желающие воевать могут выйти из Русского легиона. Это послужило дополнительным стимулом к волнениям, поскольку запись в Легион была единственным способом избежать каторги в Африке. Выйти же из Легиона до конца войны было невозможно в силу заключенного контракта. Рядовые легионеры поняли это по-своему, и глухое недовольство русским и французским командованием сохранялось.

В конце мая 1918 г. немцы начали новое наступление под Суассоном и 30 мая того же года Французский иностранный легион и Русский легион в составе Марокканской дивизии вновь бросили в бой. Положение Франции было тогда отчаянным – оборона ее расползалась буквально на глазах – немцы бросили в бой все свои силы, пытаясь разбить ее до подхода главных сил американцев. Снова Легиону досталась сомнительная честь спасать ценой гибели сотен своих питомцев «прекрасную Францию»!.. Русские легионеры-новички соревновались в доблести с «ветеранами». Подружились они тогда особенно с неграми, аннамитами, арабами и бельгийцами – самыми ущемленными нациями Легиона. Такая дружба сильно помогала в боях (см. Летнев А.Б. «Алжирская одиссея». Из истории Русского экспедиционного корпуса на Западном фронте.//Африка глазами современников и историков. М., 1998. С.151.).

Легионеры не только оборонялись, но и сами отчаянно контратаковали противника. В одной из неудачных атак очевидец передавал следующую картину отступления легионеров: бегут к своим траншеям араб и русский. Французского языка они почти не знают и объясняются больше жестами: «Рус – капут. Араб – капут. Француз – тра-ля-ля!» (см. Он же. Там же. С.152.)

Марокканскую дивизию, бросив под Суассон, выставили на защиту Парижа, где она упорно оборонялась сразу против трех немецких дивизий, усиленных артиллерией особой мощности. Особенно упорные бои завязались на участке обороны полка зуавов на плато Вобюэн. Рота Русского легиона здесь находилась в резерве этого полка и была брошена в бой тогда, когда, казалось, уже ничто не может остановить атакующие волны немецкой пехоты...

И все же 150 русских легионеров сделали чудо, остановив и опрокинув немцев.

Платой за это стала потеря убитыми и раненными, по меньшей мере, сотни русских, многие пропали без вести...

Очевидцы особенно отмечали мужество подпоручика Руднева и доктора Зильберштейна, попавших в плен; убитого поручика Орнатовского и раненых – капитанов Разумова, Иордана и поручика Васильева (см. Из Курской губернии, села Медведка, где у него жила семья, включая жену и троих детей.).

Очевидцы также свидетельствовали о доблести подпрапорщика Дьяконова, который был во время контратаки тяжело ранен несколькими пулями в живот, грудь и руку. Из-за огромного превосходства немцев 1-я рота 1-го батальона Русского легиона отходит, пробивая себе дорогу прикладом и штыком. Враг нажал так стремительно, что времени, чтобы вынести Дьяконова с поля боя, не было. Отходившие последними легионеры видели, что Дьяконов не растерялся и, согласно донесению, «собрав вокруг себя столь же тяжело раненных, как и он сам, названный подпрапорщик составил из них команду, огнем которой прикрывал тыл своей роты, облегчая тем ее отход» (см. Он же. Там же. С.237.). К сожалению, нигде больше сведений о судьбе Дьяконова и его группы получить не удалось – по всей видимости, он геройски погиб. Известно было только то, что он имел Георгиевский крест 4-й степени и французский Военный Крест с пальмой. Полковник Данилов так отозвался по поводу этого поступка: «Этот бесхитростный рассказ – про одного из многих. Сколько, в самом деле, таких скромных русских героев, имена которых не удалось сохранить, осталось лежать на полях Франции и Македонии, выражая своей героической смертью протест против власти большевиков и их дерзости распоряжаться судьбами не принадлежащей им Великой России!..» (см. Он же. Там же.)

В ходе боев Русский легион выручил также своей атакой окруженный батальон зуавов, которому грозило полное уничтожение (см. Васильев В.А. Русский Легион Чести.//»Часовой». 1981. № 629 (1). С.24.). В это же время 1-й

Иностранный полк (Легион) попал в окружение и вынужден был пробиваться из «мешка» самостоятельно. За период боев его роты уменьшились в 3 раза и едва насчитывали по 50 человек.

Практически все чины Русского легиона, принимавшие участие в битве при Суассоне, были награждены за этот бой французскими наградами. Но лучшей наградой русским легионерам стало то, что в 1923 г., при открытии памятника около Суассона в честь исторической битвы, спасшей Францию, они увидели, что на нем в числе частей, чьи заслуги были особенно отмечены Францией, гордо красовалось название Русского легиона.

Но победа очень дорого тогда далась этому подразделению. Из 400 человек 1-го батальона Русского легиона в строю осталось 102 человека; только нижних чинов выбыло 290.

После этого даже в офицерской среде этого подразделения тогда зрело недовольство относительно его использования. Об этом красноречиво говорит выдержка из письма участника того боя генералу Лохвицкому: «Относительно настроения офицеров и солдат могу сказать, что мы себя считаем приговоренными, без всякой надежды вернуться назад целыми, подобно батальону «смертников» в России, уничтоженному целиком, без всякой реальной пользы для общего положения (см. Намек на гибель Корниловского ударного батальона смерти 18 июня 1917 г. на Юго-Западном фронте, брошенного в бой для того, чтобы примером его отваги восстановить боеспособность других частей, распропагандированных большевиками против дальнейшего участия в боевых действиях.). Его приходится рассматривать скорее как «идею», чем как организм для использования в бою» (см. Он же. Там же.).

Кроме того, были жалобы на то, что русских легионеров разъединили на отдельные батальоны или раскидали по Иностранному легиону, чтобы ценой их

жизни обеспечить успех для французов. Тот же офицер свидетельствовал: «Лучшие солдаты уже перебиты, остальных ожидает та же судьба. Боюсь, при таких условиях ни задача, ни идея, положенные в основу при организации Русского легиона, не будут полностью осуществлены» (см. Он же. Там же.).

Но Лохвицкий уже не в силах был помочь Русскому легиону. Французам его настойчивость не нравилась, и они принудили его, столько сделавшего для создания такого надежного подразделения, каким был Русский легион, к отставке (см. Чиняков М.К. Русские войска во Франции, 1916–1918 гг. М., 1997. с.71–72.). Лохвицкий уехал к адмиралу Колчаку, чтобы сражаться с большевиками, где он командовал армиями. Его вынужденная отставка отрицательно сказалась на пополнении французских частей русскими легионерами, «поскольку русскому чувству было тем самым нанесено сильное оскорбление» (см. Чиняков М.К. Русские войска во Франции, 1916–1918 гг. М., 1997. С.72.). Французы, с одной стороны, на словах показывая уважение к офицерам Русского легиона, на деле почему-то стремились ослабить их влияние на рядовых легионеров и постепенно убирали наиболее выдающихся из них. Так устранили Готуа, Лупанова, Милеанта и Иордана, которых отправляли в краткие отпуска, а обратно вернуться не разрешали (см. »Русский Солдат Гражданин во Франции». 1918. № 321. С.2.).

Не дав Марокканской дивизии и Иностранному легиону отдохнуть, в ночь с 3 на 4 июня 1918 г. их снова бросили в бой в долине Баргэн, где немцы, активно используя химическое оружие, смогли пробить в обороне союзников брешь. Легионерам, в том числе и русским, на себе пришлось испытать всю «прелесть» химических атак. Немало осталось их и здесь лежать навсегда – одной капли отравляющих веществ из разорвавшегося снаряда, попавшей на кожу, было достаточно для того, чтобы умертвить человека, погибавшего в страшных мучениях... Здесь Марокканская дивизия снова имела успех, но за это ей пришлось заплатить тяжелую дань в виде 94 офицеров и 4 тысяч солдат, многие из которых были легионерами.

По свидетельствам очевидцев, «...французское военное командование смотрело на эту дивизию по-своему: ее можно бросать во все дыры, ведь в ее составе почти нет чистых французов, а сброд со всего света... Что их жалеть?».

К тому времени Русский легион снова сильно поредел. Дело в том, что своими непродуманными действиями французское командование едва не спровоцировало новый бунт. Еще в июне 1918 г., когда Иностранный и Русский легионы были отведены в тыл для пополнения, французы настояли на том, чтобы чины Русского легиона подписали контракт с французской стороной и стали «иностранными легионерами». При этом русским легионерам угрожали, что в случае отказа их от вхождения в Иностранный легион они будут отправлены на каторжные работы в Африку (см. Чиняков М.К. Русские войска во Франции, 1916–1918 гг. М., 1997. С.78.).

Многие из солдат, опасаясь того, что в результате они проведут в армии еще как минимум 5 лет, а то и вообще не увидят России, предпочли уйти в рабочие роты, в глубокий тыл.

Вот и не жалели их французы. В июле 1918 г., после недолгого отдыха в Виллер-Котерэ, они бросили легионеров для отражения нового немецкого наступления на Париж в ходе «2-й битвы на Марне».

После упорных оборонительных боев стремительной атакой Марокканская дивизия и Иностранный легион выбили немцев ударом от леса Виллер-Котерэ из стратегически важных деревень Шафье и Пти Шафье. Причем легионерам, главным образом русским, больше всего досталось боевой работы. Однако напор врага был остановлен. Благодаря Марокканской дивизии и Иностранному легиону над Германией была одержана очередная победа, но цена была снова очень большой. Опасность со стороны противника была ликвидирована. В ночь на 21 июля 1918 г.

Марокканскую дивизию и Французский иностранный легион пришлось отводить в тыл для пополнения, так как за время июльских боев дивизия потеряла 60 офицеров и 2,5 тысячи солдат. Из этого числа 20 русских легионеров были убиты и ранены, включая троих офицеров (см. Васильев В.А. Русский Легион Чести.//»Часовой».№ 630 (2). С.20.).

В августе 1918 г. между солдатами и офицерами Русского легиона снова обострились отношения. Конфликт был настолько серьезным, что в дело вмешалось французское командование, опасавшееся повторения Ля-Куртина. Генерал Доган предлагал свести все батальоны Русского легиона в одну часть и передать командование французским офицерам, чтобы таким образом эти противоречия устранить. Генерал Брулард также предлагал свести все русские подразделения в одну боевую часть, отвести в тыл, где пополнить, провести дополнительное обучение и изолировать от влияния на них большевиков. Однако последний вариант русским офицерам пришелся не по душе – это означало бы, что Русский легион, понесший такие большие жертвы, оставался на вторых ролях и был лишен возможности проявить себя активно в последние месяцы войны. В итоге в августе 1918 г. Русский легион приписали к Французскому иностранному легиону. Принципиальных изменений было немного: как то, так и другое подразделение одинаково рисковали жизнями своих легионеров. Основное изменение было в том, что новым командиром Русского легиона вместо капитана Мартынова стал французский майор Трамюзе, назначенным во главе Русского легиона, а капитан стал его заместителем (см. Чиняков М.К. Русские войска во Франции, 1916–1918 гг. М., 1997. С.78.).

Пополнялись потери Французского иностранного легиона летом 1918 г. в основном за счет чинов русского экспедиционного корпуса, сражавшегося на Салоникском фронте, которых французы также силой гнали в легионеры...

Каков же был процент русских среди легионеров? Во всяком случае, на середину 1918 г. их было не менее 50 процентов. Так, 9-я рота Французского иностранного легиона почти целиком состояла из русских, приравненный к батальону по численности штыков Русский легион состоял исключительно из русских. Немало было наших соотечественников и в других ротах Легиона. Впоследствии, до конца 1920 г., их численность неуклонно падала, так как приток русских заметно ослабел в общей массе новичков. Всего же в рядах Французского иностранного легиона, по данным разных источников, за время Первой мировой войны сражалось 5242 русских, большинство из которых погибло в боях.

Большевики расценивали поступивших в Легион русских как врагов. В официальном рупоре большевиков, газете «Правда», 11 августа 1918 г. было помещено заявление Совнаркома от 8 августа того же года, подписанное Лениным: «...французские войска ведут, фактически, военные действия против Российской Республики и революции; поэтому находящиеся в рядах французской армии русские солдаты косвенно содействуют фактической войне против Республики и революции...

Совет Народных Комиссаров призывает российских граждан во Франции всеми доступными им средствами бороться против включения их в ряды французской армии, способствующих же таковому включению или добровольно ему подчиняющихся российских граждан Совет Народных Комиссаров объявляет врагами Республики и революции» (см. »Правда». 1918. 11 августа; Ленинский сборник. М., 1942. XXXIV. С.39.).

Это обращение очень быстро, из старой штаб-квартиры большевиков в Швейцарии, попало в августе же во Францию (см. Летнев А.Б. «Алжирская одиссея». Из истории Русского экспедиционного корпуса на Западном фронте.//Африка глазами современников и историков. М., 1998. С.180.). Данное обращение имело спорный результат, поскольку многие уже попавшие в Легион, даже большевики, были вынуждены отойти от «родной» им партии под угрозой применения к ним репрессий

«за контрреволюцию» и «соучастие борьбе против Советов французской буржуазии», другие же были попросту этим заявлением раз и навсегда напуганы.

Снова Легион был брошен в мясорубку 2 сентября 1918 г. под Куси, в направлении от Суассона, где американцы безуспешно пытались прорвать почти три года подготавливаемую немцами для обороны линию Гинденбурга. Она представляла собой гигантское многокилометровое фортификационное сооружение из огромных железобетонных фортов, часть из которых при обстреле могла убираться под землю, подступы к ним прикрывались артиллерией, а подходы были закрыты минными полями. Линия Гинденбурга простиралась далеко как по фронту, так и в глубину и представляла собой весьма крепкий орешек. Поэтому-то и бросили на ее прорыв Французский иностранный и Русский легионы. В битве за линию Гинденбурга Русскому легиону предстояло бок о бок биться с тремя батальонами Иностранного легиона и одним мальгашским батальоном под общим командованием генерала Бочеза.

Перед самым началом штурма линии Гинденбурга Русский легион перебросили к месту ожидавшегося прорыва от Уазы на автомобилях, и 2 сентября он смог совместно с батальонами Иностранного легиона буквально пронзить оборону врага, несмотря на убийственный огонь всех видов оружия и активные атаки вражеской авиации, и взять стратегически важную деревню Торни-Сорни. Генерал Доган так доносил о бое 2 сентября 1918 г.: «Батальон Русского легиона, который принимал участие в общей атаке, получил задачу овладеть деревней Сорни. В боевом порядке батальон этот находился во 2-й линии, позади 12-го батальона Мальгашских стрелков, который, миновав дорогу Суассон–Бетюн, должен был атаковать деревню Торни-Сорни. С начала атаки войска, продвигаясь под прикрытием катящегося вала баражного огня, попали под действие сильного флангового пулеметного огня, исходящего со стороны северной опушки леса

Бюмонт и вершины 172. При этом русские легионеры попали под огонь французской артиллерии и многие из 39 человек, составивших потери в этом бою, пострадали из-за него (см. Смирнов В. К истории Русского легиона чести.//»Часовой». № 174. С.10.). Правофланговые части Мальгашских стрелков, под влиянием этого огня, несколько замялись. Левый же фланг наступавшего батальона успел все же достигнуть западной части названной деревни. Однако на северной опушке названной деревни пулеметы противника развили столь адский огонь по продолжавшей наступать колонне, что продвижение всего отряда должно было прекратиться. В этот момент некоторые части батальона Русского легиона по собственной инициативе их офицеров принимают самостоятельное решение – двигаться к востоку, с целью обхода атакованного селения и овладения им путем охвата его с севера. Под градом артиллерийского и пулеметного огня, в то время, как вся 1-я линия замерла, части русского батальона вполне отчетливо выполняют этот сложный маневр.

С замечательной решимостью, в неугасимом порыве, имея в голове движения своих офицеров, русский батальон овладевает деревней. Схватка – жестокая. Противник, прочно засевший в развалинах деревни, решил держаться в ней, чего бы это ему ни стоило; он защищался с энергией отчаяния, схватываясь грудь с грудью, и сопротивлялся большую часть ночи, никому не давая пощады. Но на рассвете деревня полностью переходит в руки русского батальона, который организует ее оборону и удерживается в ней, несмотря на бешеные контратаки противника. В течение трех дней, 3–5 сентября, батальон держится в ней, напрягая все свои силы и невзирая на жестокую непрерывную бомбардировку орудиями всех калибров и снарядами с удушающим газом, людям приходилось пребывать в масках.

В период этих действий Русский батальон взял 160 пленных, и в руки его досталась значительная материальная добыча в виде разного рода предметов вооружения и снабжения.

Жертвенность, с которой этот батальон выполнил свой маневр, ввиду серьезности общего положения, смелость и отвага, с которыми он его осуществил под самым сильным неприятельским огнем, поразительны.

Энергия и выносливость, каковые свойства им были проявлены, требуют представления батальона

Русского легиона к заслуженной им награде» (см. Notice, faisant ressortirrole joue par le Batailion de la Legion Russe dans ces derniers engagements auxquels il a pris part (Signe: Le General Daugan, Cdt la lere Division Marocaine. 26 octobre 1918).).

6 сентября Иностранный легион добился еще одной важной победы – взял, ценой огромных потерь, селение Тру. Здесь легионерам противостояли лучшие дивизии Германии – 1-я прусская пехотная Фридриха Великого и 5-я гвардейская, поэтому бои здесь носили крайне ожесточенный характер. Марокканская дивизия и Иностранный легион пять дней безуспешно атаковали линию Гинденбурга. Легионеры каждый раз врывались в первую линию окопов, но всякий раз отходили, не в силах удержать их «из-за убийственного огня железобетонного редута № 8241» (см. Смирнов В. К истории Русского легиона чести.//»Часовой». № 174. С.7,8.).

Поэтому ночью 13 сентября 1918 г. Русский легион получил приказ сменить обескровленные части Иностранного легиона к северу от деревни Лафо (см. Он же. Там же. С.8.).

Именно Русский легион капитана Ряхова и 9-я рота Иностранного легиона под командованием капитана Ляховского, среди которых было также много русских легионеров, пробившись 14 сентября 1918 г. сквозь шквал вражеского огня, смогли ворваться в траншеи прусских гвардейцев и захватить их опорный пункт Шато де ля Мот. Это был мощный железобетонный форт, приспособленный для круговой обороны и выдерживавший прямое попадание 305-мм мортирных снарядов. Он имел множество хорошо защищенных от вражеского огня минометов и пулеметов и представлял очень трудный для овладения объект. Во время этих боев русские легионеры прошли через 2,5 километра вражеской обороны, представлявшей собой линию сплошных укреплений. Перед началом атаки легионеров на Русский легион немцы обрушили весь огонь своей артиллерии на этом участке фронта. По свидетельству капитана Смирнова, «хаос был невообразимый. Мы были в ужасе, казалось, что сам воздух дышал огнем...»

Русские легионеры настолько быстро бежали к вражеским позициям, что обогнали барражный огонь французской артиллерии и ворвались во вражеские траншеи (см. Смирнов В.С. С Русским легионом к берегам Рейна.// «Часовой», № 60, 1931, С.9.). Надо сказать, что Русский легион двигался «волнами»: впереди шла 1-я рота, а за ней на отдалении 150–200 метров двигалась 2-я рота. При этом быстрота продвижения русских легионеров была строго рассчитана, т.к. перед ними двигалась волна огня французской артиллерии. Скорость продвижения орудийного огня была такой: первые 200 метров немецкой обороны – за 2 минуты и далее – 100 метров за 5 минут (см. Смирнов В. К истории Русского легиона чести.// Часовой». № 174. С.8.).

По воспоминаниям участников того боя, «передать эти страшные минуты сейчас трудно, но нельзя не запомнить то беззаветное геройство, которое вновь проявил русский солдат; казалось, было невозможно подняться во весь рост под тучей пуль, среди сплошных разрывов снарядов, буквально падавших кругом на расстоянии 10 метров. В пыли никто не видел друг друга, каждый был предоставлен сам себе и должен был подняться лишь волей личного порыва» (см. Он же. Там же. С.9.).

Печально знаменитый редут № 8241, погубивший немало жизней людей Иностранного легиона, пал от атаки всего 10 русских легионеров из 1-й роты Русского легиона (см. Он же. Там же. С.8.). При овладении линий траншей и самого Шато де ля Мотт произошла отчаянная рукопашная схватка с прусскими гвардейцами – специально отобранными двухметровыми великанами. Надо отметить,

что Русский легион овладел Шато де ля Мотт на полтора часа раньше установленного французским командованием срока (см. Смирнов В.С. С Русским легионом к берегам Рейна.// «Часовой». 1931. № 60. С.9.).

Во время этого боя особенно отличился будущий Маршал СССР Родион Малиновский, солдат 1-го класса. В приказе французского командования его действия были озвучены так: «Этот отличный пулеметчик, не обращая внимания на опасность, под сильнейшей бомбардировкой стрелял по группам противника, оказавшего сильное сопротивление» (см. «Русский Солдат Гражданин во Франции». 1918. № 60. С.9.).

16 сентября 1918 г. линия Гинденбурга была окончательно прорвана. Марокканская дивизия, Иностранный и Русский легионы буквально прогрызли линию обороны противника, где на каждый квадратный метр земли приходились десятки килограммов взрывчатых и отравляющих веществ. Платой за это стала потеря Марокканской дивизией и Легионом 83 офицеров и более 4 тысяч солдат. Русский же легион в ходе битвы за линию Гинденбурга лишился в общей сложности 109 человек (см. Васильев В.А. Русский легион чести. «Часовой». 1981. № 630 (2). С.21.).

Общие потери Марокканской дивизии только за период с 26 апреля по 16 сентября 1918 г. составили 3 тысячи офицеров и унтер-офицеров и 14 тысяч солдат. Учитывая то, что всего в Марокканской дивизии было четыре полка, причем полк Французского иностранного легиона в большинстве случаев был на острие вражеского удара, то за этот срок легионеры потеряли не менее 750 офицеров и унтер-офицеров, а также 3,5 тысячи солдат... Если учитывать то, штат Легиона составляли около 3 тысяч человек, то картина получится невеселая: если даже брать узкий срез боев периода с 26 апреля по 16 сентября 1918 г., то есть меньше, чем полгода, то выйдет, что шансов уцелеть там почти не было...

Обещанная награда была все-таки дана 1-му батальону Русского легиона французским главнокомандующим Петэном, который 30 сентября 1918 г. удостоил его очень почетного права во французской армии ношения особого отличия – аксельбанта или «фуражира» на левом плече, который имели очень немногие подразделения Франции, включая Иностранный легион. Русский легион, как наиболее отличившаяся при прорыве линии Гинденбурга воинская часть, был награжден самим генералом Доганом. На его знамя был приколот Военный Крест с пальмой на ленте. «Награда эта, – как говорит Доган, – напоминает не только о прекрасной боевой постановке батальона Русского легиона, выполненной им 2 сентября, но и о всех героических делах, в которых батальон принимал участие в апреле 1918 г.

Батальон особо отобранных людей, непримиримая ненависть которых к врагу, в соединении с полным презрением к смерти, воодушевляет все их действия, проявляет редкую храбрость в течение боевых операций на Сомме с 26 по 30 апреля 1918 г., содействуя своим героическим сопротивлением и ценой больших потерь остановке продвижения неприятеля на Амьен. Этот же батальон принял не менее блестящее участие в операциях у Суассона 30 мая и теперь 2 сентября, где он выявил те же качества и ту же жертвенность, сражаясь беспощадно, в целях удержания за собой раз взятой территории и захватывая у неприятеля многочисленных пленных и материальную часть» (см. Там же.)

Этот же источник описывает прорыв линии Гинденбурга 14 сентября 1918 г. во время атаки на северо-востоке плато Лаффокс: «В ночь с 13-го на 14-е сентября батальон оставляет свое бивачное расположение, занимающееся им со времени блестящего боя 2 сентября. Его новое назначение состояло в том, чтобы, выдвинувшись из резерва в 1-ю линию боевого порядка своей бригады, занять участок между Иностранным легионом и 12-м батальоном Мальгашских стрелков справа.

Боевая задача батальона заключалась в овладении весьма сильно укрепленного неприятельского узла сопротивления, который представлял значительную опасность для наступления всего отряда. После захвата на фронте этого узла двух траншей необходимо было штурмовать Шато де ля Мотт и, овладев последним, привести его в состояние обороны.

В назначенный день и час 1-я рота батальона Русского легиона бросилась в атаку, со своей обычной стремительностью, поддерживаемая следующей за ней в расстоянии 150 метров 2-й ротой. В своем безграничном порыве первая атакующая волна захватывает траншею «Россиноль», почти мгновенно преодолевая вторую промежуточную траншею, и овладевает штыковым ударом, соединенным с действием ручных гранат, траншеей «Ав». Этому действию в широкой мере помог отряд, направленный на отметку 82,41, где находился немецкий блокгауз, отбивающийся от нападающего неприятеля всеми своими минометами и пулеметами, прикрытыми бетонными убежищами.

Очистив от неприятеля захваченные траншеи, Русский легион продолжил свое наступление и, опередив заградительный огонь своей артиллерии, стремительным штыковым ударом овладевает последним предметом своих действий – Шато де ля Мотт. Быстрота действий русских легионеров была такой, что немцы не успели оказать им сопротивления и в руки атакующих попало много пленных, пулеметов и разных предметов боевого снабжения.

Все эти действия были проведены так блестяще и с такой безоглядной стремительностью, что потери батальона были относительно весьма незначительны: всего 9 убитых и 25 раненых. Но впечатления от этих побед в значительной мере увеличили и без того славную боевую репутацию, которую стяжала себе доблестная фаланга русских легионеров в 1-й Марокканской дивизии» (см. Там же.). Таким было донесение 26 октября своему начальству генерала Догана о доблести русских легионеров.

На этом же донесении имеется следующая отметка генерала Жерарда, командующего 8-й французской армией, в подчинение которому входила Марокканская дивизия и русские легионеры:

«С апреля 1918 г., времени окончательного развертывания, батальон Русского легиона, вошедший в состав 1-й Марокканской дивизии, давал неоднократные доказательства самого лучшего своего поведения в различных операциях, в которых ему приходилось принимать участие.

Качества, которые делали из этой части войск в руках ее начальников весьма ценный боевой инструмент, отмечены в мотивах представления батальона к награде, полученной этой частью 30 сентября 1918 г.

При этих условиях желательно оказать содействие к дальнейшему укомплектованию русскими контингентами этого батальона, входящего в состав 1-й Марокканской дивизии.

29 октября 1918 г.».

Такого же мнения о качествах русских легионеров был и главнокомандующий французскими войсками маршал Петэн в октябре 1918 г. Надо отметить, что лучшие французские награды – Военный Крест с серебряной звездочкой, именное знамя с пальмами, фуражиры – Русский легион заслужил за каких-то полгода, когда Иностранный легион заслуживал эти награды долгие годы. Это говорит о том, Русский легион был самым лучшим подразделением французской армии.

При этом общие потери русских легионеров в период битвы за линию Гинденбурга были внушительными.

По свидетельству французских офицеров, во время ожесточенных боев 2–14 сентября 1918 г. на линии Гинденбурга гибнет рядом с простыми русскими легионерами «доблестный врач батальона Клейман, Георгиевский кавалер, протоиерей Богословский». На тот момент ему было 60 лет, и он имел право

свободно уехать в Россию и уйти из армии, но он «считал своей священной обязанностью участвовать в сражении и напутствовать шедших в атаку крестным благословением» (см. Он же. Там же. С.241.).

Обескровленную Марокканскую дивизию и Легион вновь отвели на доукомплектование, и только 15 октября 1918 г. их снова двинули в бой. Проблему доукомплектования Русского легиона решили за счет перевода туда русских из Иностранного легиона. Так, к 1 ноября 1918 г. Русский легион пополнили, согласно разрешению французского военного министра, 152 бывших русских солдата из Иностранного легиона. Это была крайняя мера французского командования, чтобы спасти обескровленный Русский легион, поскольку обычно до истечения 5-летнего контракта выхода куда бы то ни было из Иностранного легиона не было. В это время слава Русского легиона была настолько велика, что в него добровольно записывались даже бывшие русские рабочие-революционеры. В итоге численность 1-го батальона Русского легиона удалось не только сохранить, но и даже немного увеличить. К 1 ноября 1918 г. она составляла 564 человека (см. Данилов Ю.Н. Русские отряды на Французском и Македонском фронтах, 1916–1918 гг. (По материалам Архивов Франции и военного министерства). Париж, 1933. С.246.).

Впрочем, Французский иностранный легион до конца войны в серьезных схватках больше не участвовал: его готовились бросить против мощной немецкой крепости Мец, где недавно потерпели неудачу американцы. В конце октября 1918 г. Русский и Иностранный легионы перевозят в Нанси, откуда должен был начаться их заключительный маневр в составе группы армий генерала Кастельно по правому берегу реки Мозель с задачей овладения Майнцем и удара по сообщениям отходящих немцев. Снова своими трупами легионеры должны были прокладывать Франции победу, но штурму Меца помешало наступившее 11 ноября 1918 г. перемирие. Всего за время Первой мировой войны погибло около 11 000 тысяч нижних чинов Легиона и 115 офицеров – «легионная слава» была куплена слишком дорогой ценой...

Подвиги русских легионеров не остались незамеченными французами. Многие местные газеты много и хорошо писали о том, что небольшая часть русских «кровью смыла со своей страны предательство», отмечали их высокую роль в битвах от Амьена до «линии Гинденбурга» (см. Например, «La France» от 6 мая 1917 г. и т.п.). В своем заключительном слове по отношению к Русскому легиону Доган отметил следующее: «Это было отборное подразделение, все действия которого проникнуты беспощадной ненавистью к врагу. Соединяет полное презрение к смерти с блестящим порывом во имя священного долга» (см. «Русский Солдат Гражданин во Франции». № 286. С.2–3.).

Но за этими словами скрывается другое отношение. Русский легион был приравнен по своему положению к Иностранному легиону, к каторжникам, убийцам и авантюристам, подонкам общества. Вот как ценили по-настоящему французские генералы русских легионеров!

На время легионерам приказали снять свои лохмотья и выдали хорошее обмундирование – они должны были выглядеть не бандой уголовников, а строевой частью при вступлении в германские земли.

«На всякий случай» Французский иностранный легион пустили в первых рядах оккупационных войск – а вдруг немцы возьмут да передумают с миром? В этом случае первые потери неизбежно понес бы Легион. При вступлении Иностранного легиона в Эльзас-Лотарингию французы, чтобы как можно сильнее унизить немцев, разрешили Русскому легиону пройти по улицам германских городов под русским знаменем. Но разве стоили этого жизни сотен и тысяч погибших русских легионеров, чтобы горсть оставшихся из них в живых прошла под знаменем несуществующей уже державы по земле поверженного врага, тем более что все плоды этой победы достались другим?

Вслед за Лотарингией и Эльзасом русские легионеры прошли парадным строем через Саар и Ренанию, 200 километров уже непосредственно по немецкой земле. Следует отметить, что и при капитуляции Германии Французский иностранный легион выдвинули на границу демаркационной линии в Баварии, в район Франкенталя, где он находился с восьмого декабря 1918 г. по начало 1919 г. Французы всерьез опасались, что немцы «одумаются», и тогда Легион должен был первым вступить в бой. Русский легион расположился также на Рейне, напротив Мангейма.

И здесь французское военное командование ущемило легионеров: их разместили в зрительных залах кинотеатров города, выдав «героям» в качестве постели матрацы, набитые соломой, которые бросали прямо на каменный пол. Французские же солдаты разместились в гостиницах, в худшем случае – в добротных немецких казармах...

Однако, по свидетельству чинов Русского легиона, они пользовались большим, нежели Иностранный легион, расположением французов, которые окружили их знаками исключительного внимания, особенно со стороны их боевых товарищей по Марокканской дивизии (см. Он же. Там же. С.247.).

Практически все чины Русского легиона также не остались без внимания французского командования. Маршал Петен, например, лично наградил легионера Введенского орденом Почетного легиона, высшей наградой Франции. Это был очень редкий случай, когда главнокомандующий награждал такой наградой рядовой состав.

Маршал Петен высоко оценил заслуги русского летчика из легионеров. Он отличился тем, что за короткий срок в течение нескольких весенних и летних месяцев сбил 4 вражеских самолета (см. ГА РФ. Ф.6154. Оп.1. Д.13. Л.48.).

Французское командование особенно отметило роль русских легионеров: «В течение 1918 г., вплоть до заключения общего перемирия 11 ноября, в рядах вооруженных сил Держав Согласия, на территории Франции неутомимо сражался против центральных держав небольшой русский отряд. Этот отряд принял участие и в общем наступлении армий Держав Согласия к Рейну, для оккупации левобережной Германии. Русские легионеры оккупировали город Вормс, в котором находились около 2 месяцев (см. Летнев А.Б. «Алжирская одиссея». Из истории Русского экспедиционного корпуса на Западном фронте.//Африка глазами современников и историков. М., 1998. С.179.).

Присутствием своим на берегах Рейна русские легионеры запечатлели свою верность тем обязательствам, которые приняла на себя Россия, вступив с Державами Согласия в договор о совместном ведении войны Державами Тройственного Союза до конца» (см. Он же. Там же.).

Всего через Иностранный легион за время Первой мировой войны прошли, по данным архивов, 5242 русских. Таким образом, по своему количеству русские уступали только итальянцам и находились на 2-м месте (см. Брюнон Ж., Маню Ж. Иностранный легион, 1831–1955. М., 2003. С.421.). С отъездом же первых в итальянскую армию русские по числу штыков в Легионе стали первыми.

Тем самым с России, благодаря самоотверженной работе русских легионеров, было снято пятно позора и предательства, которое легло на нее в 1917 г. из-за действий большевиков, которые заключили с немцами сепаратный мир, приведший к потере огромной территории и национальному унижению русского народа.

Несмотря на победу, потери в Легионе не прекращались – баварцы просто убивали одиноких легионеров, «стоило только зазеваться», появиться же им в одиночку в темное время суток означало верную гибель...

В то же время у легионного начальства начались другие проблемы: контрразведка докладывала о том, что действия большевистского правительства находят все больший отклик в легионерской среде, причем не только русскоязычной.

Вести из России доходили до легионеров довольно быстро, так как теперь они получили возможность регулярного общения с гражданскими лицами. Одним из проявлений симпатий к большевизму среди значительной части легионеров французское военное командование с тревогой отмечало участившиеся случаи дезертирства личного состава Легиона, особенно славян из Восточной и Южной Европы. Не дожидаясь, когда же начальство соизволит отпустить легионеров по домам, они сами, не вынеся тяжестей опостылевшей службы, бежали «куда глаза глядят». Первый зафиксированный случай дезертирства русских из Французского иностранного легиона относится к ноябрю 1918 г., когда легионеры находились в марше по павшей Германии и когда неожиданно из 9-й роты исчезли двое русских, которые переплыли Рейн и бежали в Россию. На другой день исчезли еще двое. Легионное начальство рассвирепело, установило над своими подопечными жесточайший контроль и отвело подразделения легионеров от Рейна в тыл, чтобы тем самым обезопасить себя от дальнейших случаев бегства. Вскоре несколько пытавшихся дезертировать русских легионеров из 3-й и 9-й рот были задержаны жандармами и посажены в военную тюрьму.

Одновременно французское командование было вынуждено пойти на освобождение 500 русских легионеров, которые предусмотрительно согласились подписать контракт не на 5 лет, а «до победы над Германией и ее союзниками». Удерживать их далее смысла не имело – они все более заражались большевизмом, зная то, что Советское правительство призвало русских легионеров возвращаться домой. В то же самое время французы всячески тормозили процесс этого возвращения. В ответ на это произошло несколько случаев самоубийств русских легионеров. Начало этому положил наводчик пулемета 1-го взвода Русского легиона Степан Мягков. Он застрелился из собственного пулемета. Последними его словами были: «Разве вырвешься из этой проклятой Франции, уже Волга скоро вскроется, а тут все сиди»... И все же французам пришлось поторопиться с вывозом русских легионеров, чьи контракты истекли с окончанием Первой мировой войны, так как контрразведка установила факт их связи с большевиками из Москвы. От таких «легионеров» было решено избавиться поскорее, так как французы всерьез опасались разложения самого Легиона. Те же, кто подписал контракт на 5 лет, проклинали свою судьбу. Понять бедных легионеров можно: несколько лет находиться без Родины, сражаться под жестоким гнетом за чужие интересы, каждую секунду рискуя расстаться с жизнью, взамен почти ничего, кроме ничтожных побрякушек, от «прекрасной Франции» не получая, а тут еще заставляют служить «ни за что, ни про что» лишних четыре года... А так все надоело, так хочется вырваться наконец-то на горячо любимую Родину, снящуюся в недолгих, но прекрасных, как сказка, снах, из опостылевшей Франции!

В январе 1919 г. французское военное командование приступило к реорганизации Иностранного легиона. После вывода из его состава 500 русских, которых готовили к отправке в расположение Деникина и Колчака, оставшихся россиян в Легионе объединили в один Русский батальон и ликвидировали Русский легион. Этой мерой французы рассчитывали улучшить моральное состояние русских легионеров, предоставив им возможность постоянно находиться друг с другом. Однако желаемого результата это не принесло – случаи дезертирства продолжались. В этих условиях русских легионеров решили перевезти в центр Франции, откуда бежать им представлялось гораздо более сложным делом. Россияне пытались вырваться из Иностранного легиона, обратившись в бывшее русское посольство в Париже, однако, когда-то мощная Российская империя пала и посольские работники, за которыми уже не стояло грозной державы, были не в состоянии помочь своим несчастным соотечественникам...

В это время французы пытаются привязать русских к Легиону не только «кнутом», но и «пряником» – все они были награждены французскими орденами и

медалями, причем офицер русской службы В. Дмитриевский был награжден орденом Почетного легиона, дававшего целую кучу разных привилегий, и произведен в подполковники медицинской службы. Характерно, что «кидать кости» русским легионерам французское военное начальство стало лишь с угрозой бегства их оттуда. А до этого и Дмитриевский, офицер русской медицинской службы, сражался простым легионером за французские интересы. Французам и в голову не могло прийти, что русский медик может быть им более полезным со скальпелем в руках, чем с винтовкой! Хотя, возможно, они поступали так сознательно.

В то же время французы притесняли легионеров на бытовом уровне, как могли. Так, мэрии различных французских городов запрещали им играть в футбол на своей территории под предлогом того, что они вытаптывают траву. Тем самым французы лишали легионеров немногих развлечений в их невеселой жизни...

С другой стороны, это была еще одна попытка ущемить легионеров-россиян, так как они располагали во Французском иностранном легионе самой сильной футбольной командой, гремевшей по всей Франции и разбившей лучшие французские футбольные команды того времени. Развился талант русских футболистов-легионеров в городе Плер, где они иногда играли, когда позволяло начальство.

А среди русских легионеров было немало талантов, которым в условиях Легиона грозила гибель. Одним из них был известный шахматист того времени Тохтин-Яворский, обыгравший «шахматную звезду» Ласкера.

Вообще за столь непродолжительное время своего пребывания во Французском иностранном легионе русские в значительной степени «окультурили» его. Так, в 1918 г., впервые за историю Легиона, там появился созданный русскими театр. Разница между русскими и другими легионерами чувствовалась сразу – если первые занимались в свободное время спортом, чтением книг, театральными постановками, то остальные довольствовались карточными играми, пьянством и развратом.

Пьянство во Французском иностранном легионе официально поддерживалось начальством на определенном уровне. Так пытались снизить «эмоциональное» напряжение в Легионе, вызываемое более чем суровой дисциплиной и не менее суровыми порядками легионерской жизни. Введение вина в рацион легионеров было разрешено после ряда неожиданных вспышек жестокости чинов Легиона по отношению друг к другу и к местным жителям. Питие вина стало одним из немногих развлечений легионеров. Постепенно там сложился даже особый культ разлива вина. На начало 1919 г. он предусматривал использование для разлива специальных винных мерок: «Об этих мерках нужно сказать особо. Чтобы застраховать раздатчика вина от недостачи и вообще как-нибудь заинтересовать его в выполнении этой обязанности, в дне мерки, представлявшей собой черпачок на длинной ручке емкостью в четверть литра (наподобие того, как в русских сельских лавках отмеряют керосин), пробивается гвоздем отверстие. Пока раздатчик наливает вино, часть его стекает обратно в ведро – это в пользу раздатчика.

Вопрос о том, каким гвоздем пробивать отверстие, решался всем взводом. Старым раздатчикам, у которых уже нос покраснел от «профессиональной привычки», отверстие в мерке пробивалось более толстым гвоздем, молодым – гвоздем потоньше. Пусть еще постарается!»

Вот и стремились русские легионеры освободиться от такой службы. На словах тогда французы благоволили к белогвардейцам, на деле же очень неохотно помогали им. Они отклонили десятки просьб русских офицеров и солдат Французского иностранного легиона о переводе тех в армии Колчака и Деникина для активной борьбы против большевиков. Мотивация была такой, что первая группа легионеров, подписавшая контракт до победы над Германией и ее союзниками и отбывшая на Родину, попала в армию Деникина и в первом же бою пыталась перейти на сторону

красных. Попытка эта не удалась – почти все они были выкошены метким пулеметным огнем белых, а других, не разобравшись, «что к чему», перебили большевики.

Надо сказать, что первой партией русских легионеров, уехавших домой, стал эшелон инвалидов, отправленный в Москву в первой половине мая 1918 г. (см. Деренковский Г.М. Восстание русских солдат во Франции в 1917 г.//Исторические записки. М., 1951. Т.38. С.102.)

Вообще, желания большевиков заполучить в свое распоряжение легионеров реально не совпали с действительностью. Так, из числа 2400 бывших солдат русской армии и легионеров в Красную Армию попали лишь около 100 (см. Лымарь А.П. Российская «Антанта» в гражданской войне на юге России. Революция и гражданская война 1917–1920 гг.: новое осмысление. Симферополь, 1995. С.69.).

Второй, третий и четвертый эшелоны с бывшими русскими легионерами были отправлены в Россию в январе, марте и апреле 1919 г. (см. »Российский Солдат Гражданин во Франции». 1919. № 365. С.5; № 391. С.3; Лымарь А.П. Российская «Антанта» в Гражданской войне на юге России. Революция и гражданская война 1917–1920 гг.: новое осмысление. Симферополь, 1995. С.68.).

Место направления зависело от того, чью сторону тогда занимали французы. Это факт, но большую часть пароходов с бывшими солдатами Русского экспедиционного корпуса во Франции и легионеров французы направили весной–летом 1919 г. в занятые красными порты Одессы и Херсона, и эти корабли белым приходилось трижды перехватывать с переменным успехом (см. Чиняков М.К. Русские войска во Франции, 1916–1918. М., 1997. С.85.).

Так или иначе, но вместо долгожданного отдыха они сразу были отправлены на другую, гражданскую войну. Стараниями генерала Щербачева, бывшего начальника по снабжению русских войск и начальника Русской военной миссии, их вывезли сначала из Плер-на-Марне в Марсель, а оттуда в Новороссийск в количестве 549 человек (см. »Российский Солдат Гражданин во Франции». 1919. № 346. С.5), весь 1-й эшелон под командованием подполковника Эске.

Это было сделано, несмотря на то что еще во Франции, будучи на кораблях, когда бывшие легионеры узнали, что их везут к белым, подняли бунт, результатом которого был арест 150 русских легионеров (см. Деренковский Г.М. Восстание русских солдат во Франции в 1917 г.//Исторические записки. М., 1951. Т.38. С.103.).

Новый бунт произошел в Новороссийске в феврале 1919 г., когда сведения о том, что русские легионеры будут снова направлены на фронт, подтвердились (см. Русские невольники Жоржа Клемансо. Из письма солдат из Салоник (на русском языке).// «Родина», 1993. № 8. С.104; № 9. С.104.). Их усмирили, но недовольство осталось, и в первом же бою, в марте 1919 г., большая часть из них, заколов своих офицеров, сделала попытку перехода к красным. Однако, по версии белых, перебежчиков догнали казаки резерва и офицерская рота и всех изрубили. По другим данным, погибли при этом 150 бывших легионеров, а 80 все же убежали к большевикам (см. Летнев А.Б. «Алжирская одиссея». Из истории Русского экспедиционного корпуса на Западном фронте.//Африка глазами современников и историков. М., 1998. С.180.).

Небольшая, оставшаяся верной белым группа русских легионеров составила кадры 1-го Кавказского стрелкового полка Кавказской армии Врангеля. Практически все они были повышены в чине. Фельдфебели и подпрапорщики стали офицерами. Они остались до конца верными белым, участвуя во всех операциях Кавказской армии Врангеля, и проделали путь до Крыма, откуда попали в эмиграцию (см. Васильев В.А. Русский легион Чести.// «Часовой». № 630 (2). С.23.). Из офицеров Русского легиона в рядах белых сражались и погибли Г. Готуа, Б. и П. Сурины, М.К. Иордан и другие (см. Чиняков М.К. Русские войска во Франции, 1916–1918 гг. М., 1997. С.86.).

В то же время были случаи, когда русские офицеры и солдаты отказывались возвращаться на Родину и оставались в Легионе, как сделал, например, подполковник Генерозов (см. ГА РФ. Ф.6194. Оп.1. Д.2. Л.6.). Часть из них, как легионер Андрей Шелепов, была отправлена на лечение в госпиталь 2-го иностранного батальона Легиона на святую гору Афон (см. Там же. Л.25.).

До сих пор неизвестна судьба оставшихся во Франции 3-й и пулеметной роты легионеров в числе 350 человек под командованием полковника А.В. Багрянского, бывшего капитана 2-го особого полка, в период 1916–1917 гг. занимавшего должность начальника хозчасти этого подразделения. Возможно, что они были перевезены вместе с другими солдатами и легионерами, с которыми был и Р. Малиновский, в Сибирь, к Колчаку, на пароходах «Луара» и «Рязань» (см. Чиняков М.К. Русские войска во Франции, 1916–1918 гг. М., 1997. С.84.).

Кроме того, известно, что небольшая часть русских, находившихся на каторжных работах в шахтах Алжира, в департаменте Константина, на 1 мая 1919 г. так и не была отправлена домой. Среди этой группы были сильны революционные вообще и большевистские в частности настроения. Причину этого можно отыскать благодаря тому, что французская пресса обратила на них внимание, поскольку около 500 русских из Алжира в этот день объявили забастовку и предъявили французам целый комплекс требований, среди которых были требования не только экономического характера, но и прекращения вербовки в Легион и Добровольческую армию белых (см. Летнев А.Б. «Алжирская одиссея». Из истории Русского экспедиционного корпуса на Западном фронте.//Африка глазами современников и историков. М., 1998. С.149.).

Французы были сами во многом виноваты в том, что еще больше взбудоражили эту группу русских своим отвратительным антигуманным к ним отношением.

Но из-за этого отношения многие легионеры так и не смогли вернуться обратно в Россию, будучи связаны многолетними контрактами (см. Он же. Там же. С.177.).

Интересный случай, связанный с небольшой группой бывших русских легионеров, произошел в 1920 г. на юге России, описанный уральским крестьянином Козиным. Одной из белогвардейских частей армии Врангеля удалось захватить в плен высаженных здесь бывших легионеров. Командир белых решил их участь по-своему: опросил их, не желают ли они стать белогвардейцами. Они отказались. Тогда он отпустил их на все четыре стороны. К его удивлению, пленные не ушли. Не привыкшие к человеческому обращению бывшие легионеры решили остаться у белых (см. ГА РФ. Ф.5934. Оп.1. Д.2а. Л.13.).

И все же случаи освобождения русских легионеров, подписавших контракт на 5 лет, тогда случались. Так, рядовому легионеру Тимофею Вяткину посчастливилось познакомиться с богатой француженкой. Ее отец, крупный буржуа, добился освобождения возлюбленного дочери, используя все свое влияние. Счастливого Тимофея Вяткина, до этого времени жившего в бедности, бывшего большевика, его сослуживцы видели раскатывающим по Парижу на шикарной легковой машине. Обретя богатство и личное счастье, бывший легионер забыл большевистские бредни.

Другой рядовой легионер, Алексей Ряжин, смог добиться освобождения из Иностранного легиона, женившись на дочери влиятельного тогда во Франции белогвардейского генерала Дитерихса. Были и другие случаи подобных «счастливых избавлений» легионеров от ненавистной службы, когда им удавалось устроить свою личную жизнь с русскими и французскими аристократками.

Подводя итог русскому пребыванию во Французском иностранном легионе, можно сказать, что наши легионеры оказали огромное влияние на ход Первой мировой войны и во многом именно благодаря им были выиграны многие сражения, которые вела Франция вообще и Легион в частности.

«Еще вчера мы были ничем, уличными отбросами, оставленными на произвол судьбы, а теперь мы наследники этих героев Легиона...» (см. Брюнон Ж., Маню Ж. Иностранный легион, 1831–1955. М., 2003. С.327.)

Ниже представлен отрывок из статьи Л.И. Крестовской, в которой изложены ее воспоминания и переживания о пребывании русских во Французском иностранном легионе.

«...Наши были на фронте. Точно железный засов упал, и за ним, заглушенные, раздавались, прорываясь сквозь него, голоса.

В этот момент никакого общения с солдатами, лишь мечтали о приезде в Париж, но речи об отдыхе не было. И с настороженной жадностью читалось всякое письмо – своего, чужого, каждого, кто был там и писал оттуда.

Постепенно неясно, но смутно вырастали из писем рамки жизни Иностранного легиона с вброшенными в него так жестоко и необдуманно русскими жизнями.

Вот эту жизнь, переживаемую и запавшую в душу – ставшую своей, родной, яркой и короткой, хочется мне рассказать.

Первой ячейкой, создавшей духовный центр, идейный авангард русского волонтариата, явилась Республиканская группа, о которой я упоминала. В нее вошли 75 человек, исключительно социалистов, по преимуществу старых эмигрантов, уже с давних пор проживавших во Франции. Эти люди, насчитывавшие в прошлом долгие годы тюрьмы и Сибири, пошли на войну, как в свое время шли на баррикады. Для них война стала лозунгом революции, этапом на пути к завоеванию революционных достижений.

Я скажу несколько слов о тех, кого знала лично.

Давыдов...

Его сильно подорвали несколько месяцев военной службы. В осевшей фигуре, вытянутом, худом лице, бороде с проседью, темных глазах с проникающим в душу взглядом, можно было прочитать большие страдания и стальную волю.

Человек безупречной честности, принципа, логики, Давыдов, о чем бы он ни говорил, заставлял себя слушать. Он говорил медленно, не плавно, подыскивая выражения, но в голосе его слышались искренность, теплота и слова, что с трудом приходили на язык, западали в душу глубоко, надолго.

Михаил Давыдов, или, как его называли, Михаил Грузин, был высокий полуседой человек, с умным, несколько суровым лицом.

Глубоко убежденный антимилитарист, пацифист в самом широком значении этого слова, Давыдов в то же время пользовался славой безумно смелого человека. Признанный негодным к строевой службе и назначенный в территориальный полк, он добился своего немедленного перевода в актив, в первые линии. Когда французские капралы, обязанные выходить и стоять у траншей под градом пулеметного огня, не решались или отказывались выходить, Давыдов, чтобы показать пример или заставить других сделать то же самое, в минуты сумасшедшей опасности стоял на гладком месте, на виду у немцев под страхом ежеминутной смерти.

Вопрос о том, как сочетать в душе моральную необходимость принимать участие в войне с убийством своих же, ни в чем не повинных братьев, мучил его, по словам товарищей, остававшихся до конца с ним, непрестанно, глубоко.

В день смерти он направился к неприятельским траншеям, подошел на расстояние полутора метров и стал бросать туда ручные гранаты. Он был убит наповал. Давыдов, простой капрал, был похоронен в деревянном гробу с офицерскими почестями.

Такой же смертью погибли Надинер и Гладких. Первый – стоя на парапете, до последней минуты оставаясь на своем посту. Второй, под безумным огнем, под страхом неминуемого конца, продолжал делать наблюдение, следя за тем, куда падают снаряды.

Так же умер Николай Васильевич Сапожков-Кузнецов, всегда шедший добровольцем в самые опасные патрули. В одной из таких разведок он с шестью товарищами вызвался идти, но, чувствуя опасность, оставил их на пути и ушел вперед.

Ему не надо было вернуться назад...

Вереницей проходят силуэты: Попов, Богушко, Александров, Михаил Федоров, Зеленский, Тодаков, Швецов, Померанцев, Яковлев – все лучшие, самые светлые.

А из оставшихся в живых много-много, если найдется 2–3 человека, не бывших по 2–3 и по 4 раза раненными и не награжденными крестами и медалями за храбрость.

Такова общая физиономия Республиканского отряда.

А за ним стоит то, что называется русским волонтариатом, т.е. серой массой солдат в количестве 4,5 тысячи человек, из которых 1,5 тысячи были представителями интеллигенции, а 3 тысячи были «бастильцами» – бедняками, рабочими, жившими в бедняцких кварталах Парижа у Бастилии...

Какие же мотивы заставили этих людей идти в ряды армии, не будучи к тому ничем принужденными и добровольно обрекшими себя почти на верную смерть?

Мне часто приходилось задавать этот вопрос солдатам, приезжавшим ко мне в отпуск, и ответы были простыми, как никогда: «Я – резервист в России. Так я подумал: а если никто не пойдет в волонтеры – это будет хорошо? Я пошел в волонтеры, потому что таким было мое убеждение»...

А вот другой ответ: «Все кругом пошли, разве можно было оставаться?»

Вот третий ответ: «Я ангажировался по своей воле, потому что любил Республику... А вот Кандель пошел потому, что его соседи пожирали. Услышал я как-то, как он молится, и по-русски, и по-еврейски, чтобы отнялись у него руки и ноги, только бы вернуться домой. Жена у него была и детишки. И вот, когда я ползъ раненным в пост, я нашел его мертвым на земле, холодным уже. Как увидел его убитым, так и пошла по телу судорога. Семнадцать месяцев вместе были... Прижал его руку к себе, да и пополз дальше»...

Пошли разные люди. За фронт, за Россию, за революцию, за право. Помню, просто смешно, как один юный милый татарчонок, который на мой вопрос о том, для чего он пошел в волонтеры, ответил, ярко и радостно улыбаясь: «Люди пошла – и я пошла... Моя никто на войну не гоняла, моя только войну не видала... Пошел глядеть, какая война»...

Пошли за разное люди, но больше всего – за попранное право, за маленькую, окровавленную Бельгию, за Францию, за «войну войне» и за далекую, родную, единственную Россию.

Но был среди них и третий элемент – голодных, измученных, подчас забытых людей, про которых волонтер Киреев с полупрезренной жалостью сказал: «Ишь ты! Республика!» Они пошли, чтобы, с одной стороны, не умереть с голоду, оставаясь в штатской жизни, и избегнуть насмешек со стороны населения, с другой стороны, чтобы обеспечить более или менее сносное существование семьям, получавшим, наравне с французами, солдатский паек.

Этих-то людей с первого дня войны окрестили унизительным грубоватым словом «бродяги» и «попрошайки». Эта кличка осталась, привилась и постепенно как-то распространилась на массу волонтеров. Надо сказать, что большинство французов с большим трудом понимало, каким образом люди, не обязанные в их стране служить, по каким-то идейным соображениям пошли записываться в добровольцы, обрекли себя почти на верную смерть, в то время как вопрос обеспечения себя и семей, страх перед всеми лишениями, что несла с собой война, является причиной естественной, но вызывавшей не раз наполовину шутку – наполовину упрек.

Но не единожды мне приходилось сталкиваться со столь же презренным отношением к этому роду волонтеров со стороны самих русских, и всякий раз меня это поражало...

С пением «Марсельезы», с бодрыми лицами уехали в конце августа 1914 г. два эшелона русских добровольцев в лагеря обучения. Один, состоявший исключительно из Республиканского отряда, направился в лагерь Керкутс, находившийся в 20 минутах езды от Орлеана, другой, насчитывавший приблизительно батальон, в Блуа.

При приезде волонтеры были разделены на две группы: одна, насчитывавшая лучших, годных к строю солдат, заняла Саксонские казармы. Другая, состоявшая из самых жалких и неспособных элементов, в число которых были включены немцы и австрийские поляки, были загнаны в Хом, грязный и холодный закуток.

Саксонские казармы, в которых в то время стояли еще два африканских полка, представляли собой белое здание, с решетчатыми окнами, выходившими в небольшой плац, где солдаты проделывали каждое утро военные упражнения. В небольших помещениях, темных и грязных, размещали по 25 человек, тесно положенных, в два ряда, головами к стене. Тонкий слой соломы, служивший покрывалом, кишел насекомыми, и, несмотря на неоднократные заявления солдат, начальство отказывало в привозе свежей. В одеялах оказался вначале большой недостаток: выдавали одно на двоих и два на троих; свечей не давали совсем, и тяжкую картину представляли собой эти собранные со всех концов мира люди, кто в полуштатском, кто в полувоенном, с котелками на головах, на грязной соломе, сбитые в кучу за решетчатыми окнами.

В сумерках сентябрьских вечеров, казалось, вот-вот загремят где-нибудь кандалы и раздадутся пьяные крики уголовного каторжанина. И не раз впечатление это застывало в душе под звуки вырывавшейся откуда-то внезапно русской этапной песни...

Моральная обстановка с первых дней создалась тяжелая. Благодаря плохой организации и раздаче почты письма вначале доходили очень плохо, и люди, которые ждали вестей и посылок, как светлого праздника, ходили угрюмые, серые.

Вино и фрукты, приносившиеся солдатам из города, чаще всего отбирались легионными начальниками. Кофе в сальных ведерках, а то и в гамелях от супа, без сахара, с жирными пятнами на поверхности, проглатывался с отвращением.

Жизнь в казарме, в грязи, в раме решеток, в пьяном угаре бражничанья и разврата, была очень тяжелой. Но не легче дышалось и на занятиях. Волонтеры попадали в руки унтер-офицерам, состоявшим исключительно из африканских легионеров с темным, часто преступным прошлым. Что же касается офицеров, они абсолютно не интересовались жизнью солдат. Большинство волонтеров не понимали французского языка, никогда не держали винтовку в руках и с большим трудом приспосабливались к непривычным требованиям военной дисциплины. Унижения и брань, которыми с первых дней встретило их легионное начальство, измывательства и обидные клички, создали сразу атмосферу напряженной вражды.

Происходили недопустимые и ни в одном французском полку невозможные вещи. Я приведу несколько примеров, оставшихся у меня в памяти.

Солдаты выстроены на плацу. Некоторые подходят и присоединяются к товарищам несколькими минутами позже. В наказание подпрапорщик Баррас, бельгиец, решает в полном смысле слова их загнать. «Лечь! Встать! Шагом! Лечь! Встать! Шагом!» – то и дело раздается в воздухе. Постепенно облетает ряды призыв: не повиноваться, делать меньше шаг. Унтер-офицер бессильно наблюдает происходящее. Тогда Баррас, потеряв всякое терпение, берет командование, но, ничего не добившись, сменяет тон, уговаривает и наконец, под враждебно растущий гул голосов и брошенную кем-то угрозу пустить в него первую пулю по приходу на фронт, прекращает занятия и распускает солдат.

Тот же Баррас, желая показать свою власть перед женщинами, запретил однажды солдату-бельгийцу разговаривать с женой, к которой тот подошел по окончании занятий. На первую попытку возразить что-либо был 48-часовой арест.

Отношения ежечасно обострялись. В первое время никаких жалоб от волонтеров не принималось. За них наказывали заключением в карцер и 7-часовыми издевательствами. Один австрийский сержант, человек с университетским образованием, позволил себе издеваться над уставшими от маршей солдатами, давая по 8 дней заключения тем, кто приходил к нему просить об отдыхе. На фронте настроение круто переменилось: из подавленного оно сделалось приподнятым, боевым. Кого поднять на штыки – стало центральным вопросом.

Случилось то, чего больше всего боялись, записываясь в волонтеры, русские легионеры. Они не попали во французские регулярные полки, куда, по военным уставам, ни один иностранец не имел права быть принятым, а в Иностранный легион, с именем которого связана такая жуткая и темная слава...

Иностранный легион состоял из двух полков под командованием старых колониальных офицеров, прошедших «школу Бириби» – военной тюрьмы и Иностранного легиона в Африке.

Контингент публики, записавшейся в мирное время в Легион, чрезвычайно различен. Тут встречаются люди всех наций, но преимущественно с темным прошлым – беглые матросы, дезертиры, авантюристы всех окрасок, немцы-дезертиры военного периода, выдававшие себя за эльзасцев. Все они шли в Легион на 5 лет драться с непокорными арабскими племенами, покупая этой ценой право схоронить свое прошлое и носить другую фамилию.

Легионеры и в мирное время пользовались довольно страшной славой, а во время войны, когда страстям было где разнуздаться, они воистину переходили всякую меру.

Я вспоминаю и сейчас с чувством глубокого ужаса лицо одного капрала, бельгийца, особенно измывавшегося над нашими солдатами. Хозяин «веселого» заведения, он попался в какую-то темную историю, где кража и убийство шли рука об руку, отбыл несколько лет каторжных работ и кончил военной карьерой в Африке.

Грубое лицо с бессмысленными пьяными глазами, он был известен как педераст и садист в своем полку.

Вот в руки этих-то людей, а среди них и немцев, попали наши добровольцы. Здесь стерлись все различия. Интеллигенты и рабочие, сильные и слабые, отважные и трусливые – все они стали общей жертвой того, что называется Легионом.

«Лучше 5 лет дисциплинарного батальона, чем 5 месяцев Иностранного легиона» – до сих пор звучит во мне фраза одного, несколько месяцев спустя убитого товарища.

Но лучше всего характеризует Легион письмо одного из волонтеров, присланное мне из Восточной армии, с ярким описанием того, чем был Иностранный легион.

Я привожу его дословно:

«Тяжело в Легионе... Написал Вам... Почему тяжело? Трудная каждодневная жизнь ведь не из крупных событий создается, а из самых мельчайших и незначительных самих по себе мелочей. В отдельности, в пересказе, все эти мелочи бедные, неважные, сцеплены. Ежеминутное их повторение отравляет жизнь, делает ее несносной. Впрочем, есть одно крупное обстоятельство, которое я особенно остро чувствую и от которого сильно страдаю. Это – немецкое засилье. Я всегда отдавал справедливость тем высоким качествам немцев и часто преклонялся перед ними. Несмотря на это, скажу Вам по секрету: я в то же время всегда их терпеть не мог. Русский дух, что ли, во мне развит так ужасно – не знаю, но немца страх не люблю и всегда не любил. А теперь, понятно, и совсем нельзя его любить. А тут все немцы: и

капрал, и сержант, и лейтенант. Даже среди офицеров есть! И все большей частью немец настоящий. Так от него муштрой и палкой за версту несет. Грубые, подлые животные, один вид которых оскорбляет. Не думайте, что это лирика. Совсем нет. Но ведь эти элементы составляли главную суть Легиона до войны, и здесь мы очутились среди них, даже под их начальством. Я еще понимаю и могу допустить немца-добровольца на время войны, как это ни страшно. Во всяком случае, я не имею права заподозрить искренность такого добровольца в принципе. Между тем я не могу допустить, не могу понять тех, которые здесь, но поступили в Легион до войны, задолго до меня. Для меня, как ни верти, им здесь не место, и искренности их, какой бы настоящей она ни была, я верить не могу. Я нащупывал почву, зондировал их, и поводы их присутствия здесь – малопочтенные. Да и вообще, просто оскорбительно, мучительно больно нам, настоящим добровольцам, без всяких задних побуждений, русским к тому же, быть среди немцев и даже под их началом. И вот, когда такой тип к тебе обращается и со своей обычной, по-немецки грубой военной замашкой, что-нибудь скажет или прикажет, в груди что-то вспыхнет, заклокочет и... что всего хуже – молчишь, злишься и опять молчишь! Потому что здесь – Легион, потому что здесь не шутят, потому что я уже отупел и измельчал, потому что... да разве расскажешь все «почему»... Да, чего-чего, а этих оскорблений и нравственных пыток я не забуду, если жить осталось, и на эту тему кое-что расскажу после войны. Теперь – не время, дело важное, и нужно терпеть молча. Впрочем, если придется Вам еще говорить с Его Сиятельством, графом генералом Игнатьевым, расскажите ему это. Пусть и его «официальная» душа «порадуется», как хорошо уважили легальных и нелегальных союзников Его Величества, Императора Всей России.

Курьезней всего то, что как-то, недели две назад, нам прочитали на рапорте буквально следующее: «Вы, союзники Франции, обязаны безропотно переносить все лишения. Вы своей кровью не только оправдываете свое проживание в ней, но и смываете всевозможные грехи. Служащие союзной нации могут при надлежащих на то основаниях подать прошение на перевод в другую союзную часть, если их не устраивают здешние порядки. Но Иностранный легион – особое подразделение, и служить в нем для каждого – особая честь, поэтому никакие прошения об изменении порядков на те, которые имеются в регулярных французских полках, не принимаются».

Конечно, я передаю своими словами, но за точность смысла ручаюсь. И что же – пошел один русский спрашивать, кому и как писать бумаги для этих «формальностей», здесь образцов для такого рода документов нет. Ему говорят: придете завтра, мы Вам сами напишем. Ладно, но послезавтра он опять идет, и ему говорят: «Вам нечего писать. Вы плохо поняли, говорилось не о вас, не о союзниках, а о «союзной нации», французах. Каково? Значит, молчи, сиди и не рыпайся, все равно ничего не выйдет, не дадут ходу. А будешь брыкаться, найдут способ задушить, черти! Я-то сам не боюсь их и, если бы раньше, прибывая сюда, не подал рапорт о переводе к сербам, все жду ответа, не писал бы, и остальным не советую. Прошу терпеть, потому и боюсь, будут душить их, найдут способ. Ну, вот вам Легион. Понятно стало хоть немножко?

А все-таки жизнь всего сильнее и над всем верх возьмет!»

Факты, один ужаснее другого, происходили и на фронте. «Однажды, – рассказывал мне волонтер Руцман, – нам делали прививки. Я заболел и на носилках был отнесен в Шато Бланк Саблон. Меня положили в погреб на тюфяк, который подо мной «пошел пешком», полный вшей. Когда товарищи пришли сюда, то по мне гуляли крысы. Без памяти я пролежал 24 часа, и, только когда Шапиро узнал об этом, он поднял шум, и после этого доктор вызвал меня и отправил в деревню».

Случаи незаконного избиения солдат все учащались.

Бывало, что люди уходили с постов и удирали в другие линии.

Но мера стала переполняться. Начальство поняло, что все границы перейдены и, например, избившего волонтера Цукера, капрала М., вызвало к себе, разжаловало и сослало в Марокко.

Надо сказать, что частичная вина за все происходящее ложится и на самих волонтеров. По приходу в Блуа они были разделены на категории, из которых одна, отделенная в Халлас, была, по преимуществу, реформирована еще до ухода на фронт. Лень, пьянство, кражи, разврат, очень нечастые, но бывавшие факты дезертирства – все это вооружило французов, смешивавших всех волонтеров в своей оценке воедино. Бесконечные раздоры происходили на почве столкновений русских с австрийскими поляками, турецкими евреями и румынами. Эти последние завели довольно нечистоплотную торговлю, набирая вещи из краденых у солдат пакетов и продавая их за бешеные деньги. Фунт шоколада шел по 8 франков, четверть хлеба – по 2 франка, стакан чая – по 50 сантимов, пакет табаку – по 25 су.

Воровство стало явлением повседневным – вещи исчезали из солдатских мюзеток, карманов, с самого человека, пока он спал.

Но все это, повторяю, относится к тем, кого сами французы отделили как заведомо низший элемент и кто в громадном большинстве случаев не пошел на фронт.

Начальство постепенно стало отдавать себе отчет в происходящем, и вскоре капитан 4-й роты Вервилье опросил всех волонтеров, составил докладную записку на основании жалоб и издал приказ, категорически воспрещавший какие-либо инсинуации по поводу мотивов русского добровольчества и т.п.

Надо заметить, что положение добровольцев, особенно евреев, в других союзнических армиях было не лучше морально, чем во Франции. В смысле еды и обмундирования англичане и американцы, быть может, несколько лучше, но в душе они натерпелись всякого горя. Я привожу в конце книги рассказ одного волонтера, служившего в Английском еврейском легионе, как тяжкую страницу из истории еврейского народа.

Так же, как и во Франции, их обвинили в том, что они пошли на войну есть английский хлеб, несмотря на то что среди ангажировавшихся были, с одной стороны, люди весьма состоятельные, а с другой – студенты, записавшиеся исключительно по идейным соображениям: «Палестина! – это были наши идеалы, и за них мы пошли биться...»

Ощущение какой-то глубокой, совершенной по отношению к ним несправедливости усилилось еще и благодаря тому, что в это время произошла страшная битва при Каранси (Аррасе), в которой погибло столько добровольцев.

Когда стало известным, что готовится атака, вызвались идти впереди четыре батальона русско-польских волонтеров, из которых 80 % наличного состава было перебито или выбыло из строя. Среди них громадный процент пал на русских и поляков. Я привожу целиком письмо одного легионера, написанное 15 мая 1915 г., т.е. немедленно вслед за атакой. Оно не нуждается в комментариях.

«Вчера получил твое письмо и открытку, но не был в состоянии даже их прочесть – проспал всю ночь, как убитый. Сегодня утром, проснувшись, – кровавый кошмар прошел – опомнился: думаю обо всем пережитом за последние пять дней; душа начинает успокаиваться, прочел твои письма.

Уже за несколько дней раньше мы знали, что наши четыре батальона волонтеров первыми выступают в бой. В последний день мы были готовы.

В субботу вечером мы ушли занимать позицию в 1-й линии.

В 7 часов утра, в воскресенье 9 мая, заговорила наша артиллерия, несколько сотен пушек били с 3 до 10 часов, и вдруг замолкла. Наши четыре батальона вдруг выскочили из траншей и бросились к немецким траншеям. Их пулеметы и артиллерия осыпали нас огнем, но через 10 минут мы уже были в их траншеях. Тут я видел сотни

бледных людей, бросивших ружья на землю. Они кричали: «Друзья, друзья, не убивайте нас!»

Мы перескочили через их траншею и мчались дальше, к следующей. На нас все сыпался огонь. Мы достигли 2-й траншеи и, не останавливаясь, бросились к 3-й, т.к. их было всего 3 линии. Но из 3-й они уже не стреляли, а сотнями выскакивали и бросались удирать. А мы гнали их и осыпали градом пуль. Я видел, как они падают убитые, словно мухи – поле было усеяно трупами. Я как-то два раза упал, зацепившись за них, но каждый раз поднимался и бежал дальше. Наскочил на одного немецкого офицера, лейтенанта, раненого, который держал в руке револьвер и продолжал стрелять по нас. Я только успел ударить его ружьем по голове, вырвать у него револьвер и сам упал без чувств – больше не было сил бежать. Так я лежал пару минут. Один товарищ хотел перевернуть меня, посмотреть, жив ли я. Открыв глаза, я увидел впереди меня, как наши продолжают сражаться уже около одного большого городка, где немцы укрепились. Я первый раз оглянулся назад, опомнившись, и бросился к городку. Через час нами была взята половина этого городка, несколько пушек, больше тысячи пленных: они выскакивали из окопов, из погребов и отдали нам в руки этот городок, Каренси. А направо наши также сражались, и уже был взят второй городок, Нейвилль.

На помощь нам пришли зуавы и тирайеры. Все это продолжалось полтора часа, мы прошли 5 километров в глубину и 7 в ширину.

Легионеры рвутся дальше, но возможности этого сделать не было, т.к. наши соседи по правой и левой стороне продвинулись всего на 2 километра, и мы очутились в огне с трех сторон. Офицеры наши почти все пали, полная анархия.

Мы начали укрепляться и ждать немецкой контратаки. Все принялись за работу, копают ямы, где бы можно было укрыться от снарядов. Наступает ночь. У кого чего нет, то снимают с мертвых или раненых.

В 8 часов вечера немцы нам устраивают концерт шрапнелью, снаряды крупного калибра сыпались на нас, как дождь, но из нас никто не тронулся с места. Это продолжалось 2 часа – с 8 до 10. Пушки замолкли, а их пехота двинулась на нас густыми цепями, но мы открыли такой огонь, что они бросились обратно и оставили на поле боя сотни убитых и раненых. Всю ночь мы продолжали стрелять, ружья наши были красными. К утру немцы опять атаковали нас, но каждый раз бывали отбиты.

Так тянулось 9, 10, 11 и 12 числа. Я кушал траву, думая, что умру от жажды. Но 12-го ночью нас заменили другие войска, и мы были убраны с поля битвы.

Вот когда я вернулся обратно, то увидел сотни мертвых немцев, но и немало наших тоже, нас осталась половина, но 80% потерь легионеров приходилось на раненых.

Теперь мы находимся в 15 километрах от поля битвы. Вчера увидел газету от 14-го числа, и там имеется статья о нашем бое и сказано, что за 7 месяцев битвы ни немецкая, ни французская армии не показали такого жестокого боя, подобно тому, как бились четыре наших батальона. Но не говорят, что это были мы, волонтеры!

Сегодня у нас был генерал и поздравлял нас от имени Жоффра и военного министра...

В другой раз напишу о более глубоких переживаниях. На 4-й день, когда я вернулся с поля битвы, встретился с легионером С.

Я думал, что он убит, то же самое он думал обо мне. Мы теперь вместе и делимся всем пережитым» (см. К казни русских волонтеров во Франции (письма, статьи и материалы). Издание Женевской группы содействия «Нашему Слову». Женева, 1915. С.18–20.).

Большевики вскоре после этого написали относительно такого письма:

«От редакции. Мы приводим в качестве документа письмо о знаменитой атаке у Каренси и Невилля, где 80% наличного состава атакующих были перебиты и выбыли из строя. В первую голову вызвались добровольно идти в атаку четыре

батальона русско-польских волонтеров. Нужно ли говорить о том, что огромное большинство из них погибло в этом бою! Настоящее письмо, написанное частному лицу, – не только живая, кричащая иллюстрация безобразия и ужаса братоубийственной свалки, но и иллюстрация боевого азарта, за который французская военщина заплатила тем же русско-польским волонтерам у Каренси расстрелом их 9 товарищей.

Мы приводим его, не меняя стиль» (см. К казни русских волонтеров во Франции (письма, статьи и материалы). Издание Женевской группы содействия «Нашему Слову». Женева, 1915. С.20.).

Данные о событиях, связанных с расстрелом русских волонтеров, несмотря на устроенную французскими властями пелену секретности, все же просочились не только с фронта в массы, но и достигли представителей высших органов власти Франции. Об этом свидетельствует изложенный ниже документ.

«Доклад социалистической фракции палаты депутатов Франции от эмигрантского комитета «Моральное давление», производимое сейчас полицейскими комиссарами по распоряжению правительства в Париже и в провинции над русскими, польскими и еврейскими эмигрантами, сильно взволновало их колонию. В некоторых кварталах это давление принимает необычайно энергичную и грубую форму, главным образом, по отношению к рабочим и вообще, к бедному люду. Комиссары предоставили выбор между возвращением в Россию для отбывания воинской повинности и записью добровольцами в Иностранный легион, уклонявшимся угрожали выселением в концентрационные лагеря или вне пределов укрепленной области Парижа.

Подобные меры сеют панику среди лиц, являющихся жертвами политических, религиозных и национальных гонений в России. Они не могут возвратиться в страну, в которой их ждет тюрьма, каторга и погромы. Прелести русского режима образуют непреодолимое препятствие возвращению на Родину тех, кто эту Родину покинул под угрозой бесчисленных и для французских граждан непостижимых преследований. Настаивать на возвращении в Россию русских эмигрантов – значит, служить делу ярых реакционеров, тюремщиков и зачинщиков погромов. Мы уверены, что Французская социалистическая партия со всей энергией воспротивится этому незаконному давлению, являющейся мерой антидемократической и антиконституционной, посягающему на священное право убежища и создающему опасный прецедент.

С другой стороны, никто не имеет права под угрозой заставлять кого бы то ни было записываться добровольцем во французскую армию. Обязательное добровольчество есть такая явная нелепость, что нам незачем долго останавливаться на этом пункте. Мы не отрицаем, что французское правительство вправе вести пропаганду добровольчества всеми законными и имеющимися в его распоряжении способами, но его агенты перешли всякие границы. Они взялись за дело так усердно, что сотни русских, еврейских и польских бедняков, устрашенные их угрозами, спешно ликвидируют в разорительных условиях свои дела и готовятся покинуть Францию. Множество рабочих, и среди них такие, которые заняты на оружейных заводах, увольняются под предлогом, что они, дескать, подлежат воинской повинности. Таков один из первых результатов «морального давления», и мы весьма сомневаемся в том, что он выгоден французскому народу, одновременно с точки зрения его морального престижа и для его материальных интересов.

Необходимо отметить еще следующее: даже добровольная служба во французской армии не может помешать французскому правительству рассматривать русских волонтеров как уклоняющихся от воинской повинности. Согласно официальному сообщению русского посольства в Париже русские подданные, поступившие в качестве волонтеров во французскую армию, этим самым еще не освобождаются от военной службы в России. Правда, военному министру

предоставляется освобождать от службы отдельных волонтеров французской армии, но в каждом случае он должен испрашивать об этом мнение министра внутренних дел, иначе говоря, департамента полиции. А последний никогда не даст благоприятного отзыва ни о революционерах, ни о евреях.

Сверх того, особенности обращения, или же, скажем точнее, плохое обращение с русскими, польскими и еврейскими волонтерами в Иностранном легионе, нравственные мучения, претерпеваемые ими, и, наконец, драма, недавно разыгравшаяся в окрестностях Арраса, где 9 волонтеров подверглись расстрелу и многие другие были присуждены к каторжным работам, – все это не может поддерживать энтузиазма и способствовать дальнейшему зачислению добровольцев во французскую армию.

Во всяком случае, ничто не в силах принудить людей к добровольчеству, которое ведь уже по своему названию добровольный акт. Всякое моральное давление, за которым следует угроза, недопустимо. Давление, сопровождаемое мерами принуждения, перестает быть моральным и становится материальным, почти физическим.

Большому количеству русских эмигрантов в комиссариатах заявляли, что будут приняты репрессивные меры против тех, которые отказываются служить в русской или французской армиях. Правда, их не выселили в концентрационные лагеря, как это утверждали некоторые комиссары, удовольствовавшиеся их высылкой из пределов защищенной области Парижа, но от этого положение нисколько не улучшается. Напротив, в концентрационных лагерях правительство или муниципалитет были бы вынуждены снабжать пищей и кровом неимущих эмигрантов, между тем, как во всяком обыкновенном городке вне пределов защищенной области Парижа, эти люди умирали бы с голоду. Население провинции смотрело бы на таких беженцев, как на подозрительных иностранцев, и относилось бы к ним со все более растущей неприязнью. И, в конечном счете, такое распространение по всей Франции заразной антисемитской агитации – ибо большинство эмигрантов – евреи – было бы только на руку французским реакционерам.

Мы думаем, что результат был бы довольно жалкий, и из-за него, во всяком случае, не стоило бы сеять панику в среде тысяч мирных эмигрантов, разорять многочисленные семьи и парализовывать, лишая их рабочих рук, большое количество фабрик и мастерских платья, шапочных, обувных и меховых.

Мы полагаем также, что те эмигранты, которые будут искать в Америке или в других странах приют от «нравственного давления», не унесут с собой хороших воспоминаний; а нравственный престиж Франции от этого нисколько не выиграет на глазах цивилизованного мира.

Мы убеждены, на основании всех этих доводов, что республиканская Франция в такое тягостное время откажется санкционировать столь жестокое посягательство на право убежища и на традиции гостеприимства, создавшего ей в среде изгнанников верных друзей.

Мы верим, что Французская социалистическая партия сделает все возможное для того, чтобы положить конец незаконным и антиконституционным мерам, которые были приняты во Франции по отношению к русским эмигрантам.

Париж, 25 июня 1915 г.»

Надо отметить, что в приложении к этому докладу его авторами были приведены ряд фактов насилия и угроз со стороны комиссаров Франции по адресу вызываемых в участок русскоязычных эмигрантов.

Большевики так прокомментировали этот доклад: «От редакции. Почти одновременно с драмой в Каренси французское республиканское правительство предприняло кампанию против русской эмиграции, обвиненной русским посольством поголовно в дезертирстве. Комиссарам полиции было предписано оказать «моральное давление» на русских подданных, проживающих в Париже, и побудить

их или к возвращению в Россию, или к немедленному вступлению в Иностранный легион. В ответ на эту кампанию был создан для обороны Эмигрантский комитет, обратившийся к социалистической фракции палаты депутатов с докладной запиской, не допущенной французскими властями к опубликованию» (см. К казни русских волонтеров во Франции (письма, статьи и материалы). Издание Женевской группы содействия «Нашему Слову». Женева, 1915. С.21–25.).

Данная статья была составлена от имени русских «интернационалистов» – большевиков и незначительной части эсеров и меньшевиков, последние из которых, вопреки мнению большинства своих партийных организаций, солидаризировались с пораженческими позициями Ленина и К°. Из этой статьи видно, что лидеры большевизма пытаются в своих узкопартийных целях использовать волонтерскую трагедию. Этот документ был составлен в виде докладной записки депутатами Французской социалистической партии.

«Да здравствует Франция!» (настоящая статья не могла быть опубликована в русской социалистической печати в Париже)

С этим криком умерли на севере Франции 9 русских волонтеров. Они умерли не под германскими пулями. Их расстреляли французские парии – африканские солдаты.

За что их убили?

Они не хотели дальше служить в Иностранном легионе; они заявили, что предпочитают умереть, но не возвращаться в строй этих дисциплинарных рот, где в течение долгих месяцев они подвергались пыткам наглых оскорблений, открытого подозрения двинувших их на «защиту республики» чувств. Они не хотели больше слышать речей о солдатском пайке, в погоне за которым они будто бы пошли в волонтеры; не хотели подвергаться исключительному режиму штрафных.

Когда в августе 1914 г. они предложили свою жизнь республике, социалистическая фракция ручалась перед ними, что они пойдут служить в регулярные полки французской армии. И сколько раз с тех пор они умоляли французские власти дать им равенство в смерти с французскими гражданами, не держать их в исключительном режиме Иностранного, прославившегося на весь мир безобразием своих порядков, легиона! Не был услышан их призыв.

И вот наконец они возмутились. После 9 месяцев боевой службы они отказались наконец идти в бой, пока им не будет официального обещания перевести их во французские полки.

В этом было все их преступление. И за это 18 человек было приговорено к каторге и 9 человек – расстреляно.

«Странные эти люди, русские! – отозвался о них их корпусной командир. – Храбро сражались с немцами, храбро умирали под французскими пулями и, умирая, кричали «Да здравствует Франция!».

Да странные люди!

Современная Франция – Франция демократии, сломившая спинной хребет монархии, вырвавшая Дрейфуса из когтей военной камарильи, бурно протестовавшей против убийц Феррера, 200-тысячным строем провожавшей в Париже труп Эрну, жертвы «африканских батальонов»... Но в то же время – Франция затаенной, широко расползшейся реакции, биржевых спекуляций, грандиозных «панам», торжествующего Бириби, военных судов, военных застенков, всесильной полиции «нравов». Франция – страна демократии, но демократии, бессильной навязать правительству свою мирную программу, бессильная противостоять политике колониальных авантюр, бессильная принудить страну следовать совету Жореса – разорвать рабскую цепь, связующую ее с очагом реакции, с Россией кнута и виселицы, тюрьм и погромов, с Россией, втянувшей ее, по предвидению великого трибуна, в теперешнюю войну.

Современная Франция, ведущая войну методами, достойными злейших из реакционных стран, воскресившая законы монархии, чтобы усилить власть своего правительства, сдавшаяся на милость злейшим реакционерам, не смеющим протянуть руку к полным кассам богатых, но грабящих жизнь и достояние трудящихся масс!

Этой ли Франции, представленной военным судом, их приговорившим к смерти, и чернокожими солдатами, их расстреливавшими, этой ли Франции расстреливаемые волонтеры «демократии» крикнули свое: «Да здравствует Франция?»

Болезненный, предсмертный их крик был кличем, призывом к той демократии, которая в громадном большинстве своем изменила своему знамени, которая, в меньшей части своей, слишком слаба еще, чтобы поднять это призывное знамя над кровавым кошмаром войны.

Та Франция, за которую вы пошли умирать, заблудшие братья, которой, умирая, кричали вы привет, та Франция не родилась еще. И она родится не из этой войны, войны наций, не на этих трупах она расцветет. Франция, объятая чистым пламенем новой, подлинной Великой Революции, свободная Франция, братски слитая со свободной Германией, со свободной, умершие братья, Россией, братски слитой со всем освободившимся от всякого гнета человечеством, свободная Франция встанет из борьбы с ее темными силами, вызвавшими эту войну, и из победы рабочих в этой войне» (см. К казни русских волонтеров во Франции (письма, статьи и материалы). Издание Женевской группы содействия «Нашему Слову». Женева, 1915. С.25–27.).

Нижеизложенный документ является статьей, опубликованной в газете «Бернер Тагвоч» № 152 под псевдонимом «Парабеллум», также принадлежит перу большевиков, пользующихся удобным случаем, чтобы метнуть стрелы в своих ранее близких им по духу товарищей из лагеря французских социалистов.

«Как только была объявлена война, тысячи русских, поляков и евреев вступили во французскую армию. Подданные деспотичного государства, из когтей которого многим из них удалось вырваться, они шли проливать свою кровь за французскую демократию. Сыны наций, все существование которых было одним сплошным мучением, они надеялись ценой своих костей, сложенных на полях Франции, купить свободу и для своей Родины. Ведь не могла же демократическая Франция освободить мир от прусского милитаризма, не содействуя при этом внутреннему освобождению России!

Бок о бок шли они вместе с французскими солдатами бороться против немецкого милитаризма. Их трупы гниют в Эльзас-Лотарингии, их много легло на Марне, где груда человеческих тел задержала наступление немецкой лавины. Французская пресса рассказывала миру об иностранцах, добровольно умиравших за свободу Франции. Она видела в этом доказательство великой миссии Франции, несущей освобождение народам.

Газеты «Юманите» и «Ла Гуерре Социале» вербовали русских и польских товарищей в ряды французской армии, а Вальян благословлял волонтеров.

Когда все это было? В старое легендарное время, в августе и сентябре 1914 г. Теперь у нас июль 1915 г. Из тех русских, польских и еврейских волонтеров, которые 10 месяцев тому назад пошли на поля сражений, сотни уже пали. Среди них много наших товарищей. Но от одного из тех, кого пуля еще пощадила, русские товарищи получили письмо от 23 июня, которое мы не можем скрыть от французской социал-демократии:

«Дорогой товарищ, кровь и трупный запах наполняют воздух. Кровь льется, и люди падают, как от немецких, так и от французских пуль. Во многих французских полках уже заявляют протесты и проявляется революционное недовольство. А с нашим Легионом дело обстоит совсем печально. Обстоятельства создались совершенно невыносимые. У каждой землянки находится сторожевой с заряженным

ружьем, и без ведома капрала даже «до ветру» выйти нельзя. Это еще гораздо страшнее, чем быть военнопленным, ибо тех не ожидает, по крайней мере, каждую минуту на каждом шагу смерть. Несколько дней тому назад в моем бывшем батальоне 40 человек отказались служить в Иностранном легионе. Позавчера военным судом 27 из них были осуждены к каторжным работам от 5 до 10 лет каждый, 9 были приговорены к смертной казни, из них 7 – мне знакомых, русских.

Вчера после обеда их убили черные африканские войска. За что и почему?

Сегодня же нам офицер читал в рапорте их имена и наказания со сладкой улыбкой на губах и в заключение сказал: «Остерегайтесь!»

Скажи, какое может быть желание служить какому-то патриотизму... Одним словом, положение невыносимое... Распространите это известие по всей колонии...»

Содержание этого письма подтверждается из сотен других источников. С людьми, которые шли умирать за демократию, обращаются, как с авантюристами и наемными мошенниками, и, когда они, выведенные из себя, пытаются робко протестовать, Франция платит им в знак благодарности свинцом.

Ни «Гуерре Социале», ни «Нашему Слову», пытающимся предать гласности эти факты, не было позволено цензурой их коснуться. А между тем французское правительство позволяет расстреливать наших русских, польских, еврейских и чешских товарищей, которых 10-месячное пребывание в армии убедило наконец в том, что им приходится умирать не за демократию, а за французский капитал. К нам доносятся их раздирающие душу крики о помощи. Увы! Помочь им мы бессильны. Мы можем только высоко поднять их окровавленные тела, чтобы их видел международный и французский пролетариат, чтобы их видели социалистические министры Франции Жюль Гед, Марсель Самба, Альбер Тома.

Жюль Гед, Марсель Самба, Альбер Тома! Мы не хотим обвинить вас в том, что пущенная вами в обиход освободительная легенда пригнала в ряды волонтеров этих несчастных людей. Вы сами принесли в жертву этой легенде ваши души, а Вы, Жюль Гед, и Ваше историческое имя. Принося жертвы сами, вы вправе были требовать жертв и от других. Теперь перед вами стоят мертвецы, своим мученичеством павшие за французский капитализм.

И если вы, Жюль Гед, Марсель Самба, Альбер Тома, подымете ваш голос против этого убийства, спросите тогда у своей совести, не представляют ли французские рабочие, которые умирают «за Францию», большой Иностранный легион, гибнущий за чужое дело и сознающий все яснее эту трагедию? И если в вашей совести мелькнет это сознание и встанет вопрос: «Да как мы можем протестовать из-за 9 русских, если...» Тогда лучше не протестуйте, а сбросьте цепи, приковавшие вас к колеснице буржуазии, – начните борьбу!

Как когда-то Жюль Гед!

И если вы этого не сделаете, не поможет вам и ваш протест. Тогда перед судом истории вы должны будете дать ответ: «За что призывали вы умирать наших товарищей?» (см. К казни русских волонтеров во Франции (письма, статьи и материалы). Издание Женевской группы содействия «Нашему Слову». Женева, 1915. С.28–31.)

«Для тех, кто близко стоял к добровольческому движению, вскоре стало совершенно ясно, что на французском фронте дело так просто не обойдется, что катастрофа – неминуема, и что последствия ее могут быть очень серьезными.

Письма с фронта становились все более тяжкими. Тревога росла. Жутко прозвучал выстрел одного товарища, который приставил дуло своего ружья к виску, ногой спустил курок и покончил с собой.

Расстрел русских легионеров

Гроза была в воздухе. Гром должен был грянуть и грянул.

Первым жутким эхом донеслась весть о возврате с фронта 40 участников Республиканского отряда. Мне часто и много приходилось расспрашивать волонтеров о причинах возникновения так называемой «Орлеанской истории», и никогда добиться ясного и прямого ответа мне не удавалось. Факт тот, что однажды без всяких к тому видимых причин и без объяснений 40 человек республиканцев были сняты с мест и под конвоем отправлены в Орлеан, откуда их должны были уже сослать в Марокко. Трудно выяснить, какие мотивы руководили французским начальством, которое боялось вспышки военного бунта в этом совершенно беззаконном поведении по отношению к волонтерам, которые все, как оказалось по установленным сведениям, были прекрасными, хорошими солдатами, к которым, с точки зрения военной дисциплины, нельзя было абсолютно ни в чем придраться. Наиболее правдоподобным является следующее объяснение: нараставшая усталость от всех пережитых моральных унижений в Легионе, что заразно влияло на окружавших их солдат, не могла ускользнуть от французского начальства, которое решило изолировать все органические элементы, удалив их без всяких к тому оснований в Африку.

Но тревожный сигнал был дан: русские власти, из которых больше всего было сделано капитаном Мусиным-Пушкиным, французская печать и кое-какие видные общественные деятели заставили произвести анкету, выяснив обстоятельства и причины случившегося, и дело удалось приостановить. Люди были спасены и возвращены на фронт, но уже во французские полки, а не в Легион... Моральное угнетение добровольцев под влиянием всей этой истории еще больше возросло, но слух об ужасах Легиона достиг до Франции, до людей власть имущих и стал хоть и робко, но проникать во французскую печать.

Тревога была в воздухе. Она как-то стихла, притаилась в душе солдат, замерла в письмах, как затихает воздух перед раскатом грозового грома.

И гром грянул...

Брожение росло. Недовольство усилилось. Ненависть к легионерам, африканским капралам и сержантам принимала все более и более резкие формы. Люди истомились донельзя, и разговоры о смене Легиона на русские или французские полки стали центральной темой, покрывшей все остальное.

Легион 10 июня перешел на свои старые позиции в Шампани, и здесь разыгрался так называемый «первый бунт», закончившийся ссылкой на каторгу 11 человек. Это дело относится к периоду от 2–24 июня 1915 г.

Легион пришел на отдых в деревню Оиллу, и здесь впервые группа волонтеров стала серьезно обсуждать вопрос о том, что делать и как положить конец создавшемуся чрезвычайно трудному положению. В результате решено было требовать вызвать представителей русских властей, а в случае отказа – не идти в траншеи.

Мгновенно весть эта облетела остальные части, и русские других секций обещали свое содействие.

Слух обо всем происходящем дошел до начальства, и через несколько часов волонтерам, собранным в сарай, было поставлено ультимативное требование идти немедленно в траншеи. Согласные должны были отправиться сейчас же, отказавшиеся – оставаться на местах. Среди ушедших был волонтер Федоров, эмигрант, чрезвычайно честный и хороший товарищ. Он вскоре вернулся с целью убедить непокорных идти в траншеи и попытаться оказать давление на командующего ими офицера.

Разговор был длинным, офицер расплакался, говорил, что любит солдат, плакали солдаты. Но вызвали полковника Ознобишина, а он без своего капитана ни на что не решался, и путного ничего из этого разговора не вышло. В штаб было дано

знать, что 1-я секция идти в траншеи отказывается. Солдаты об этом ничего не знали. Переговоры и дискуссии продолжались еще довольно долго. Но вскоре пришло известие, что русские других секций сдались, и в результате решено было идти в траншеи.

Приготовили саки... Разошлись есть суп... В 5 часов – сбор. Бунтовщиков вывели последними и присоединили к уже вышедшей роте. Между «сбором и супом» приехал капитан из Генерального штаба, говорил с офицерами, с одним из волонтеров. Прежде чем идти к капитану, поручик со злорадством сказал: «Раньше я плакал, а вы смеялись, теперь наши роли поменялись!»

Вечером пошли в траншеи; пробыли в них три дня и 16 июня спустились на отдых, и там поодиночке все были вызваны к капитану, который подробно расспросил о причинах, вызвавших бунт.

Солдаты заявили, что в Легионе оставаться больше не было сил, и просили в один голос о переводе их в ряды регулярной французской армии или об отправке в Россию.

17 июня был днем отдыха. Дело происходило в селе Оилли на реке Айсне, в 6 верстах далее Краонна.

Солдаты тихо разговаривали, когда неожиданно пронесся приказ о сборе. В полном молчании, оцепленные караулом, в сопровождении жандармов, «бунтовщики» были отведены в маленькое здание, как оказалось, здание суда. Волонтеры не знали, куда их ведут, не допуская мысли, что их могут предать военному суду.

Обстановка суда была неслыханная. Защитник, которого добровольцы в глаза не видели, знакомился с делом. На заседании суд состоял из подполковника и двух более младших офицеров.

Прокурором был лейтенант.

Начался допрос. Солдаты держались очень хорошо, все в один голос подтвердили ужасные моральные условия жизни в Легионе. Волонтер Глувняк приводил целый ряд случаев избиения, из которых побои Якубовича привели к тому, что капрал-легионер, в этом повинный, потерял нашивки.

Глувняк говорил в такой резкой форме, что Фальк, служивший ему переводчиком, не мог от волнения передать все то, что тот говорил. Многое было изменено, многое – пропущено. Но основное положение, заключавшееся в том, что ни один волонтер не отказывался сражаться, а только требовал перевода из Легиона, было ясно и точно сформулировано.

Единственное, на чем основывался прокурор, была бумага от коменданта, подтверждавшая хорошее отношение и человеческое якобы обращение с легионерами и объяснявшая бунт усталостью и трудностью пути. Заседание продолжалось несколько часов, но выяснить причины придания суду не удалось. Это произвело впечатление. Полковнику, видимо, не хотелось выставлять все напоказ. Тогда стали искать зачинщиков, допрашивать свидетелей, но и это не дало никаких результатов. Прокурор потребовал минимума наказания, т.е. 5 лет каторжных работ.

Роль защитника сводилась к одному – «они согрешили, их надо пожалеть, уменьшить кару».

Ответом было краткое: «Невозможно!»

Суд удалился, и через 5 минут был прочитан приговор, осуждавший всех на 5 лет каторжных работ.

Все это «дело» для самого начальства было до такой степени явно беззаконным, что по прочтении приговора прокурор созвал осужденных и объявил им, что все это – для формы и что в случае хорошего поведения наказание будет с них снято. Тот же прокурор, как оказалось впоследствии, просил о приостановке исполнения судебного решения. Ему было отказано генералом, который нашел, что данное наказание было слишком мало.

Вечером, с сумерками, выступили в поход. На 3-й остановке осужденных окружили жандармы, вывели из рядов и заперли в сарае. Наутро перед собранным в строй батальоном провели их, одели цепи на руки и 18 июня 1915 г. отправили в Африку.

Каторга. Кошмарная, звериная жизнь. Без выходных, без конца... Забытые и беспомощные, волонтеры стали писать, подавать прошения. Писали отдельно и коллективно, писали атташе и консулам, генералам и депутатам. Писали по-еврейски, по-эстонски и по-русски. Писали через тюремное начальство, через арестантов, официально и неофициально. Ответа ни на что не получалось, несмотря на то что алжирский консул оповестил их о пересылке писем в Париж. Это был единственный представитель русских властей, который как-то откликнулся и что-то сделал.

После Маскары осужденные были отправлены в Периго и оттуда 30 ноября 1915 г. – в Бель-Аббес. Там они пробыли до 4 января 1916 г., а затем через Бизерту, неожиданно помилованные, были отосланы на Восточный фронт.

Рассказ Киреева о событиях 20 июня 1915 г. в Курландоне:

«Это все было в 15 километрах от фронта. Сменили позиции и пришли в деревню. Утром является к нам командир взвода и выдает за храбрость всей секции 20 франков на вино. Послали мы, значит, Кононова и Каска. Ждем – нет их да нет.

Тогда мы с Элефантом пошли их искать. Вдруг – навстречу нам разжалованный тогда за мордование в сержанты 3-й роты Баррас. Хочет посадить.

Я объясняю, что мы, дескать, по заданию поручика, а тут выскакивают Кононов и Каск, раньше нашего задержанные. Их он опять запихнул в кутузку, а нас с Элефантом загнал во двор и вызвал секцию на усмирение, написав бумагу, что, дескать, «происходит бунт».

В вызванной секции оказались товарищи-волонтеры: Адамчевский и Колодин. Они, как узнали, в чем дело, побросали оружие, перелезли к нам и говорят: «Остаемся!» Пришел командир батальона, не разобрал, в чем дело, и велел нас связать.

Я долго не давался, но против силы не пойдешь.

В то время приходил поручик 3-й роты, лейтенант Сандрэ, и вместе с Баррасом давай нас, связанных, бить ногами. Я говорю: «Не убьешь!»

Тогда нам завязали рты, чтобы не кричали, а мне пихали палку в рот. Рот завязан, идет кровь... Жалко смотреть. Фельдшер, русский, хотел нас перевязать, так куда! Сандрэ ему и говорит: «Если вмешиваться будете, я и вас свяжу!»

То было в 12 часов дня, а лежали мы, связанные, до 6 часов вечера, покуда не пришел капитан Жаксон и не велел поручику Марокиньи нас развязать в присутствии Сандрэ. А тот дал приказ: «Охраняйте этих людей. Завтра они будут расстреляны».

Жаксон спрашивает: «Кто их избил?»

Сандрэ отвечает: «Сами побились».

Капитан говорит: «Как же они это сделали, ведь они связаны?» Спрашивает меня, я отвечаю: «Баррас и Сандрэ».

Подтвердили все это бабы и учительница, что в школе при всем этом были.

Капитан дал нам капрала Ковалькова в охрану, и просидели мы до 6 утра. А тут – приказ идти в поход, брать саки.

Мы отказываемся. «Не можем, – говорим, – мы не солдаты Легиона. Не пойдем!»

Жаксон три раза приходил, уговаривая Кононова, Каска и меня, предупреждал – дескать, в грязное дело попадете. Саки забрали. Нас позади всего батальона ведут. Приходим в деревню, а там Элефант и Шапиро под арестом сидят.

На другой день приходит поручик Марокиньи.

Кононов ему своих денег, 20 франков, что на вино тогда дал, отдает. «Не хотим, – говорит, – ваших денег».

Так просидели три дня.

Назначают поход. Находились мы в 15 километрах от линий. Опять мы свое, отказываемся идти с Легионом. Пошлите в какой хотите французский полк – всюду пойдем. Шапиро и Элефант, значит, тоже за нас, отказались идти.

Приходит командир батальона, велит жандарму «на нас саки надеть». Мы скидываем: «С Легионом не пойдем!» Командир батальона снова пришел, говорит: «Баррас разжалован». Опять велел одеваться, идти в окопы.

Мы требуем, чтобы доктор пришел, сказал, можем ли мы избитыми идти. Командир ушел. Приходит опять жандармский полковник с жандармами: «Сейчас всех расстреляю, если в окопы не пойдете!»

И снова мы отказались.

Через несколько минут, смотрим, приводят Дикмана из 1-й роты, потом Петрова и Николаева. Допросили и пригнали к нам. Потом – еще партию из 3-й роты: Портнера, Аркуса, Левинсона, Забрано, Лившица, Иоффе и 7 человек армян.

Скомандовали трогаться. Пошли в карауле с жандармами в другую деревню, где стоял 43-й пехотный полк. Там командир батальона очень хорошо повстречал. Положил спать без стражи, а наутро, в 12 часов, пришли взводы и повели нас, ровно скот, в суд.

Судьи все как есть легионеры, кроме прокурора и защитника, которые были французскими офицерами. Судей было трое: аджудан, «коммандант» и су-лейтенант.

С первых слов мы стали требовать французских судей. Отказали. Защитник просил, чтобы дали подсудимым сказать защитное слово. Никакого внимания на его заявление обращено не было.

Я на председателя только смотрю и говорю: «Во французской армии солдат бьют?»

Отвечает: «Нет».

Я говорю: «А почему же нас били?»

На это он ничего не ответил.

Четыре часа судили. Темно уже было, как свели нас в деревню, в погреб. А наутро согнали всех вместе на чтение приказа, когда истек наш срок на кассацию в 24 часа...

Как прочли, которых к расстрелу, которых к каторге объявили, так и разъединили нас. Меня и других в погреб согнали, а смертников увели и больше мы их не видели. Через час, надо быть, расстреляли их чернокожие...

Целую ночь просидели мы в погребе. Потом сковали нас по трое жандармы и угнали дальше, на станцию Фимес.

Оттуда и удалось Вам написать письма, потому что солдат хороший попался, обещался помочь и отправить. А из Фимес через Нойси ле Сак, Орлеан, Кермонт-Ферранд, Марсель – в Африку, в Баугу. Усы сбрили по-каторжному, всех сравняли. Ну и началась каторга. Как пришли мы, капитану, начальнику охраны обо всем рассказали, просили вернуть на фронт. Капитан ответил, что через 3 месяца у нас будет право подать прошение, а тем временем нас угнали строить дороги. Начальство дали французское; кормили и обращались очень плохо – только одна лишь разница, что французов били, руки и ноги сковывали, а нас не трогали. Только, что называется, голодом брали. В 11 часов утра – полгамели легюма – рис или макароны. А вечером – полгамели супу – водичка одна, а в ней мяса приблизительно, как с кусок сахара было. Плата – 25 сантимов в день. Четыре месяца каторги отбыли и только в самом конце получили приказ перейти в зуавы. Ну и угнали нас в Константину. Там немного вздохнули. Начальство попалось хорошее. Позволили подать прошение... Стали похожими на людей. Ну а там и помилование

пришло. Только тех, что расстреляли, не воротишь... Горюем о них... Смертью пострадали, чтобы для нас лучше было».

К волонтерской трагедии

Предложенный ниже вниманию читателей материал, подготовленный представителями социалистических партий России за границей, относится к той кровавой драме, которая разыгралась возле Каранси. Он «не мог быть опубликован в русской социалистической прессе в Париже из-за жесткой цензуры, не позволяющей ей поднять хоть немного завесу над тем, о чем шепотом говорят во всех уголках Франции. А между тем этот материал, характеризующий одну из самых скорбных страниц эпохи нынешнего распада, глубокого презрения к человеческой жизни и полной деморализации официального социализма, заслуживает того, чтобы он не исчез бесследно в редакционных корзинах и карманах отдельных лиц. Он должен быть вынесен на суд тех, кто не потерял ни головы, ни совести, ни чести даже в эти ужасные дни. Мы считаем лишним делать какие бы то ни было политические выводы, ибо этот материал слишком красноречив и не требует особенных комментариев. Мы хотим лишь напомнить в этой небольшой заметке читателям фактическую сторону волонтерской трагедии.

В августе 1914 г. Французской Республике грозила опасность. Тот, кто пережил эти дни во Франции, знает, что представлял собой Париж в первых числах августа 1914 г. Вся жизнь остановилась в один день: стояли фабрики, заводы, закрылись магазины; тысячи людей очутились без заработка, жили, неуверенные в завтрашнем дне. Все сообщения были прерваны. Париж, этот узловой нерв торговой, промышленной и культурной жизни, оказался вдруг сразу отрезанным от всего мира. Почти все мужское население было призвано под ружье. В городе остались лишь старики, женщины, дети и немощные. Кругом царило настроение, граничащее с отчаянием. И среди этого населения, жившего своим огромным безмерным бедствием, очутилась, точно выкинутая тонущим «Титаником», окруженная со всех сторон ползущей кровавой стихией, многочисленная русская эмиграция. Отрезанная от России, потерявшая заработок, не имеющая никаких гражданских и политических прав в той стране, где ее застала война, она должна была себя почувствовать непрошеным гостем, пребывание которого только в тягость хозяевам, «лишним ртом», объедающим хворых, малых и слабых, которых оставила позади себя война.

И это положение ей дали сейчас же почувствовать. В первые же дни войны на тех предприятиях, где работали иностранцы, начались расчеты русских, обвиненных поголовно русским посольством и реакционной печатью в дезертирстве. Французские предприниматели скверно разбирались в тонкостях русского устава о воинской повинности, они считались лишь с голым фактом пребывания на французской территории подданных одной из воюющих союзных держав, способных носить оружие. Вместе с тем в районах Монмартра и Бастилии, где было скучено еврейское население, мелкие лавочники, ремесленники, распространялись неведомо кем пущенные слухи о готовящемся против русских евреев погроме, если они не вступят немедленно в ряды армии. Разгром лавок фирмы «Магги» только способствовал усилению этого тревожного настроения. Приведенные в отчаяние, французские женщины подозрительно оглядывали каждого проходящего мужчину, видя в нем дезертира, желающего увернуться от налога кровью за счет их мужей, братьев и отцов. В некоторых кварталах были случаи откровенного нападения. Так, в районе Левалоиз Перрет толпа женщин накинулась на русского рабочего с криками: «А, негодяй, ты прохлаждаешься здесь, когда наши все ушли умирать за твою страну и твоего царя, который навязал Франции войну», и только вмешательство полиции спасло случайного прохожего от ярости толпы.

Положение русских в домах стало невозможным. Окруженные недоверием всех других жильцов, постоянно и назойливо опрашивающих их о времени

отправления их в армию, русские эмигранты чувствовали себя на положении травимых волков. К этому моральному давлению скоро присоединилось прямое полицейское давление. Во второй половине августа 1914 г. на вокзале Святого Лазаря был арестован видный политический эмигрант П., который не мог предъявить по требованию комиссара бумаг, освобождающих его от воинской повинности. Факт ареста с быстротой молнии облетел еврейские кварталы и создал почву для новых слухов о решении французского правительства выдать русских эмигрантов России.

Что должна была делать в таких условиях многочисленная «неполитическая» эмиграция?

Она кинулась сначала в русское посольство. Но здесь ее на дверях ждало объявление в духе «великой освободительной войны»: «Вход разрешается только лицам неиудейского вероисповедания. Лица иудейского вероисповедания должны обращаться туда-то»...

Но и в «иудейском» и в «неиудейском» отделениях русского посольства одинаково давали один и тот же неизменный ответ: «поступайте в армию» и рекомендовали адресоваться к военному атташе, полковнику Ознобишину, который любезно согласился «урегулировать положение». И тут же появились какие-то подозрительные агитаторы, вроде, например, некоего «шефа русских и еврейских дезертиров», инженера Вейсблата, которые подогревали толпу, устраивали шествия с национальными русским знаменами, пели гимны, произносили зажигательные речи, писали в редакцию «Гуерре Социале» благодарственные письма русскому правительству за «истинно честное отношение, проявленное к лицам иудейского и неиудейского вероисповедания, и которые, конечно, выполнив свою миссию, продолжают пребывать и поныне в тылу.

К концу августа русское население в Париже дало, при содействии русского правительства, несколько тысяч волонтеров, шедших защищать французскую демократию и республику от немецкого варварства и абсолютизма.

Но в Париже была и другая часть населения, воспитанная в других политических традициях.

Между ней и русским посольством лежала непроходимая пропасть. Эта часть населения умела плыть против стихии, ей не страшно было разжигаемое человеконенавистничество, ибо она не раз смотрела в лицо смерти. Мы говорим о русской политической эмиграции, пережившей в августе 1914 г. страшные дни душевного и идейного надлома.

Эти «чужеземцы» были тесно связаны с социализмом той страны, где они жили; они привыкли верить в моральную силу французской секции Интернационала, в авторитет таких вождей с незапятнанной репутацией, как Жорес, Вальян, Гед, Самба... Жорес был убит, и у его гроба Французская социалистическая партия и Конфедерация труда взяли на себя торжественное обязательство защищать европейский социализм и европейскую демократию от прусского юнкера. На историческом заседании 2 августа 1914 г. в зале Ваграм Вальян и Самба заклинали прибежавших услышать в трагическую минуту голос партии рабочих – «Защитить отчизну и руспублику!». И в ту же ночь поезда увозили на восток и на север тысячи парижских пролетариев, членов синдикатов, партии, с именами которых во Франции было связано рабочее движение. От их имени у катафалка, где лежало тело Жореса, при плаче многотысячной толпы, сам плача, Жуо клялся, что это будет «последняя война» во имя справедливости и братства народов. И с этого собрания, с этих похорон, русские политические эмигранты ушли с сознанием, что санкция на войну дана, что другого исхода для тех, кто не хочет оставаться равнодушным к народному бедствию, нет, конечно, теперь, когда окристаллизировались течения в социализме, когда интернационалистическая критика пробила глубокие бреши в мифологии последней войны, с вершины бесстрастного холодного теоретического анализа, многим непонятен ни этот выход из тупика, ни это психологическое настроение, но

нужно было жить в Париже в эти минуты, чтобы видеть, какую мучительную душевную драму переживает в эти дни политическая эмиграция, чтобы понять, что вопрос о волонтерстве был «вопросом не теоретических дебатов, а вопросом больной совести», страдающей страданиями такого народа, среди которого жила эта эмиграция, жаждущая принять на себя удар, упавший на головы других. «Как хотите вы, чтобы я остался здесь, – говорил в эти дни один организованный член синдиката шоферов. – Я – член синдикального совета, нас было там человек 10, 8 находятся на фронте, в Париже остался я и один старик. Мое положение – невыносимое». Психологически многие разрешили вопрос о волонтерстве положительно, так же, как они разрешили бы вопрос о безнадежном тюремном бунте, протестовать против которого уже поздно и в котором приходится принять участие из солидарности, ибо совесть не мирится ни с пассивностью, ни с выжиданием.

Но если эта разбереженная совесть еще колебалась перед трагической дилеммой – брать или не брать ружье, то именно на ту чашу весов, где лежало ружье, упало тяжелой гирей слово авторитетного основателя русской социал-демократии Плеханова. «Товарищи, – говорил Плеханов собравшимся записываться в волонтеры представителям эмигрантской молодежи, – если бы я был помоложе, я сам бы взял ружье, – знайте, что вы идете бороться за правое и хорошее дело»...

Социал-патриотические «Юманите» и «Гуерре Социале» благословили русских волонтеров, а экспансивный Эрве призвал парижское население усыпать перед ними улицу цветами. И перед теми, у кого еще в душе копошились какие-либо сомнения, представитель партии социалистов-революционеров в Международном социалистическом бюро, Рубанович, брал перед лицом Интернационала торжественное обещание на страницах «Юманите», что ни одна капля русских социалистов не будет пролита за дело русской реакции.

Так, при посредничестве социалистической парламентской фракции, при активном содействии шефа канцелярии, министра без портфеля Жюля Геда, и издателя газеты для немецких пленных «Цайтунг гварде дойче кригсге фан генен», ныне благополучно здравствующего Шарля Дюма, был конституирован волонтерский отряд из русских социалистов, которому даже не позволили назваться «социалистическим отрядом», а только лояльно, по-республикански, дали возможность именоваться «ротой русских республиканцев».

На товарном вокзале в Иври, в предместье Парижа, 26 августа 1914 г. русская колония провожала «свою роту русских республиканцев». Это были проводы, похожие на похороны. Самыми бодрыми были отъезжающие на линию огня, в публике только плакали...

Но плакать, предаваться печали уже было не время. После страшного боя у Шарлеруа немецкие войска двинулись густыми колоннами к Парижу. Город охватила еще небывалая паника. Вокзалы были переполнены беженцами. Вся буржуазия первой покинула Париж, в нем осталась лишь одна беднота, которой не к кому и незачем было бежать. Правительство переехало в Бордо, за ним поспешили и чины посольства, передавшие «защиту русских интересов» испанскому консулу. В первых числах сентября 1914 г. на улицах появился приказ военного губернатора Парижа Галлиени, заявившего о порученной ему защите Парижа и о своей готовности выполнить это поручение «биться до конца». Этот приказ, обращенный к парижанам, был прямым приглашением и советом гражданскому населению покинуть готовый к осаде город.

«Капитан Галлиени, – писал в это время Эрве, – взорвет скорее порученный ему корабль, чем сдаст его врагу. Но капитан Галлиени должен позаботиться, чтобы женщины и дети покинули этот корабль и были первыми спущены на шлюпках в море». Русская эмиграция также в большинстве поспешила сесть на эти «шлюпки», которые увозили «бесполезные рты» за пределы боевой линии. Было ясно, что те, кто остается в Париже с его боевым экипажем, с его пассажирами 3-го класса,

позабытые спасательными шлюпками, не смогут быть только зрителями в той отчаянной, не на жизнь, а на смерть борьбе, к которой готовился Париж в первых числах сентября 1914 г. Оборона Парижа, оборона того населения, которое фактически ждало и мирилось со всеми ужасами неизбежной осады, тех рабочих детей, которые играли на улицах под пролетавшими над городом блиндированными аэропланами, – вот что толкнуло многих эмигрантов записаться в армию уже в тот момент, когда крепостные форты Парижа салютовали перед появившейся у Мо армией генерала Клюка. Вторая волна волонтерства пригнала новые эмигрантские кадры в рекрутские бюро, пригнала тех, кому природная щепетильность мешала занять места на «шлюпках», предназначенных для женщин и детей.

Такова в кратких и беглых чертах история русского волонтерства во Франции, история правдивая, бесстрастно излагающая факты. И если бы год тому назад кто-нибудь сказал, что эпилогом русского волонтерства будет эта драма у Каранси, где пули африканских «дикарей» пронижут тех, кто шел «бороться за цивилизацию», «против варварства», «чей путь усеян цветами», превратится в тот крестный путь, который прошли русские волонтеры в Иностранном легионе за эти месяцы войны! Но разве этого нельзя было предвидеть?

Нынешняя война ведется не только за другие цели, чем те, которые ставили себе охваченные энтузиазмом русские политические эмигранты, но она ведется и иными, антидемократическими средствами. Она ведется при помощи старого милитаристского аппарата, являющегося школой порока и преступления, против которого вчера еще боролись миллионы сознательных пролетариев мира. Каждый винтик в этом аппарате должен функционировать как целое, механически и безвольно. Тот, кто вступил туда, не может остановиться на полдороге, не может ограничиться «защитой Парижа» или «обороной демократии». Но даже и в этом аппарате Иностранный легион занимает исключительное место. Состоящий из «сорвиголов», преступников, воров, педерастов, развратников, отбросов общества, он прошел специальную военную выучку в Африке. И вот сюда-то, в этот уголовный мир мародеров и искателей приключений, кинули русскую эмиграцию, людей с высоко развитой душевной организацией, пришедших на поля битв из-за идейных побуждений, кинули, вопреки всем обещаниям и декларациям. И уже с первых дней стали приходить письма, одно безотраднее другого... «Никогда я не переживал такие унижения, даже в то время, когда был в Орловской каторге!» – писал, например, в «Гуерре Социале» один из русских легионеров. «Если нас не переведут из этого ада, обезличившего нас, создавшего атмосферу морального самоубийства, дело кончится кровью», – писал в частном письме другой...

«Нас попрекают казенным пайком, над нами издеваются, что мы – беглые каторжники, что мы пришли сюда только за тем, чтобы обеспечить наши семейства, которые дохли от голода» – вот основной тон в этих раздирающих душу письмах. С каждым днем нарастали новые конфликты и росло взаимное озлобление. Зимой нынешнего года дело дошло до того, что 42 человека из «республиканского отряда» были пригнаны с передовых позиций в Орлеан, откуда власти намеревались их отправить в виде наказания в Африку. Дело уже тогда пахло кровью...

И действительно, 23 июня дело кончилось кровью... Здесь мы могли бы поставить точку.

В том огромном океане крови, который затопил собой мир, кроме 9 русских волонтеров, это были 9 маленьких капель, которые завтра забудутся, а сегодня только потревожат покой социалистических депутатов, оставшихся выполнять свой суровый долг в тылу. Но, прежде чем закончить эту заметку, нам хотелось бы знать, не чувствуют ли своей ответственности официальные и неофициальные инспираторы волонтерской кампании, те, кто брал перед Интернационалом торжественные обязательства, те чернильные журналисты, что неистовствовали в своих статьях, та

организация литературного «тыла», которая поставляла и поставляет идеологию войны на передовые позиции?

Слышали ли они этот задыхающийся крик: «Помогите!», а если слышали, то почему так дипломатически ныне молчат? (см. К казни русских волонтеров во Франции (письма, статьи и материалы). Издание Женевской группы содействия «Нашему Слову». Женева, 1915. С.3–11.)«

Письмо группы волонтеров, адресованное одному видному русскому социалисту 26 июня 1915 г.:

«Товарищ!

Мы, группа русских волонтеров, обращаемся к Вам, как к человеку, которому интересы наши не чужды, который принимает к сердцу всякую обиду, нанесенную нам, и главное, который за всякую такую обиду имеет мужество потребовать должного объяснения. Вы великолепно знаете, по всей вероятности, историю нашего вступления в «ряды французской армии» (так нам сказали). Мы пошли в Легион. Трудно передать Вам все то, что мы перестрадали за эти 11 месяцев пребывания в нем. Мы находимся на фронте 9 месяцев, провели всю зимнюю кампанию, переносили голод, холод, всякие другие физические страдания. Все эти невзгоды мы встречали с замечательной стойкостью. Но чего мы пережить не могли и против чего мы часто восставали – это были нравственные страдания.

Нас здесь встретили словами: «Вы пришли сюда есть похлебку, вы – дезертиры, поступили в волонтеры, чтобы избежать каторги, которая Вас ждала» – вот образчики тех речей. Насмешки, надругательства, оскорбления самого низкого сорта (дело доходило до побоев) – вот участь волонтеров вообще и русских – в частности.

Да и не могло быть иначе. Все наши начальники – от офицеров включительно до капралов – вышли из дисциплинарных батальонов, привыкшие встречаться с необузданной волей дисциплинарцев. Они-то и решили априори, что имеют дело с каким-то сбродом, и с волонтерами стали обращаться, как с таковым. Такое существование мы влачили целых 11 месяцев, забывая всякие чувства человеческого достоинства, ибо все это мы переносили, редко возражая.

Но вот 21 числа сего месяца по новому стилю произошел случай, который заставил нас содрогнуться. Кровь застывает в жилах при одной мысли о той вопиющей несправедливости, вопли о мщении которой доходят до самого неба и свидетелями которой являемся мы. Мы бессильны.

Мы ничего не можем сделать. Обращаемся к Вам за помощью. Ночью 17-го числа сего месяца мы, т.е. батальон F 2-го иностранного полка, прибыли в местечко С., где мы и расположились лагерем, после 20-километрового марша, мы переменяли сектор.

На следующий день солдаты, за все эти 9 месяцев редко видевшие какую бы то ни было деревушку, хотели воспользоваться пребыванием в ней и, рассыпавшись по всем улицам этого местечка, устремились за разного рода покупками, за вином, главным образом. Но вдруг выходит приказ, что солдатам запрещается покупать вино и тот, кто будет пойман при этом, будет арестован. Так как такие приказы издавались довольно часто и редко кто на них обращал внимание, то публика и на этот раз это проигнорировала. Вино продолжали продавать, а солдаты – покупать. Но, как это часто бывает, вина, которое продавалось нарасхват, стало скоро не хватать, и оно сделалось даже редким, и вот на улицах стали появляться кто в одиночку, кто парой солдаты с бидонами, разыскивающие этот драгоценный, хоть на минуту отрывающий нас от грустной действительности напиток.

Между ищущими вино находились Кононов и Каск, оба – 2-й роты. Оба они были навеселе, но ни в коем случае не пьяны. Доказательством этого служит тот факт, что Кононов, который должен был получить деньги и который имел «мандат», представившись в таком виде лейтенанту с просьбой выдать взаймы немного денег,

получил бумажку в 20 франков, коих в пьяном виде не получил бы. С этой-то бумажкой, захватив несколько бидонов, они отправились на розыски. Они хотели наполнить и остальные бидоны.

В поисках вина они очутились около караульного помещения. Начальник караула, сержант Баррас, бывший аджудан, разжалованный за побои, которыми он щедро угощал своих подчиненных, находился как раз в соседнем домике с другими сержантами. При звуках рояля он, караульный начальник, и остальные сержанты устроили попойку. Привлеченные звуками рояля, Кононов и Каск приблизились к тому месту. Узнав, что здесь можно достать вина, они попросили наполнить остающиеся порожними бидоны. Но тут выскочил сержант Баррас. Выпив один из полных бидонов, он подзывает 6 человек из караула и велит арестовать Кононова и Каска. Никакие протесты не помогли. Не помогло и сопротивление. Их силой повели в караульное помещение и оставили в садике, находящемся при домике караульного помещения и который был отделен от улицы железной решеткой. Злоба закипела в более впечатлительном Кононове. Он разразился упреками по адресу сержанта Барраса и легионеров вообще. Более рассудительный Каск стал умолять сержанта Барраса отпустить их в роту. Но Баррас об этом и слышать не хотел.

Кононов продолжал шуметь.

Привлеченные шумом, два его товарища из того же русского взвода, Киреев и Элефант, приблизились к решетке и спросили, в чем дело. Без всяких разговоров Баррас велел и их арестовать под тем предлогом, что Киреев – без шинели, в мундире. (Это в летнюю-то жару!) Несмотря на сопротивление, им пришлось разделить участь своих товарищей. Начался еще больший шум. По адресу Легиона стали раздаваться упреки. Давно накипевшая злоба выплеснулась наружу. Все пережитые обиды и оскорбления, все пережитые страдания, все надругательства, которым они подвергались, стали принимать окраску настоящего унижения и предательства со стороны «союзников».

Раскрасневшийся под влиянием выпитого вина, которое начало теперь делать свое дело, они, бессильные, наполовину по-русски, наполовину по-французски старались излить свою злобу за прежние обиды. Их пробовали унять. Они просили отпустить их в роту. Сержант Баррас только усмехался. Они потребовали своего лейтенанта. Последний явился. Все они, весьма вежливо и тихо, стали объяснять, почему их арестовали. Дело клонилось к концу...

Но тут приходит комендант. Лейтенант Марокини желает ему объяснить, в чем дело. То же самое хотели сделать Кононов, Каск, Элефант и Киреев.

Но командир батальона, без всяких разговоров, обращается к Баррасу: «Что, бунт?» – «Да», – коротко отвечает тот. «Связать их!» – грозно скомандовал он и ушел. Послали за поддержкой, ибо 15 человек против 4 оказалось слишком мало, чтобы с ними справиться. Помощь Баррас взял из караула 3-й роты, 12 человек. Среди них был поляк Адамчевский. Узнав, в чем дело, он потребовал заменить его другим, говоря, что он ничего не сумеет сделать против своих товарищей. Ему пригрозили полевым судом. Недолго думая, он бросил свою винтовку и патронташ и, перескочив в один миг железную решетку, присоединился к своим товарищам. Послали за веревками. Несмотря на отчаянное сопротивление, их все-таки связали. Тут нам пришлось увидеть картину, которая своим безобразием и зверством превосходит всякое человеческое понимание.

Сержант Баррас набросился на лежавшего на земле, головой на камнях, связанного по рукам и ногам Кононова и колотил его до тех пор, пока у этого последнего не было сил кричать. Потом самые близкие товарищи не могли его узнать.

Лейтенант Сандрэ, пришедший сюда, поскольку его рота была на карауле, известный своей жестокостью педераст, приблизился к окровавленному Адамчевскому из его же роты. В то время, когда тот стонал от боли, Сандрэ наносит

ему удар каблуком по голове с такой силой, что кровь ручьем начала течь из уха и рта. Когда санитар хотел было приблизиться и сделать ему перевязку, лейтенант Сандрэ не только не разрешил этого сделать, но и прогнал его прочь, предварительно пригрозив подвергнуть его той же участи, которой подверглись и «бунтовщики».

Лежавшему около Адамчевского Каску он наносит удар носком сапога в голову. Не забудьте, что все пятеро были связаны по рукам и ногам до такой степени, что не могли сделать и малейшего движения. Но это не все. Когда лейтенант Сандрэ ушел, сержант Баррас хотел похвастаться своими легионерскими способностями. Он раздел Киреева догола и позволил себе разные грубые штуки с некоторыми частями его тела, облил его всего холодной водой. Наконец, схватив громадный и грязный кусок тряпки, он сунул ему его в рот и, помогая себе палкой, Баррас толкал ее все дальше и дальше в глотку. Казалось, он хотел его задушить.

Все эти надругательства продолжались до тех пор, пока не пришел командир 2-й роты капитан Ж. Он приказал развязать своих солдат, сделать им перевязки, дать им поесть и велел им отдохнуть.

Вся русская публика, узнав о происшедшем, заволновалась. Но было уже поздно.

В 3 часа утра мы ушли из этого местечка... Всех наших, пятерых, вывели под конвоем. Они уже заранее заявили, что больше в Легион не вернутся. В 7 часов утра, 19-го числа сего месяца, мы пришли в Р... Русская публика, и так уже сплошь возбужденная, стала распаляться все больше и больше по мере того, как узнавала подробности происшедшего. Все чаще и чаще стали раздаваться голоса негодования. Возбужденные до последней крайности, два русских волонтера 1-й роты, Дыкман и Брудек, сложили оружие, заявив, что они никуда больше с Легионом не пойдут. С французским полком – с удовольствием, но ни в коем случае не с Легионом. Русская секция, 2-я рота, послала Николаева и Петрова заявить то же самое. Всех этих четверых сразу арестовали. Та же участь постигла Колодина, Артамошина, Бродского, Палле и Шапиро.

Эти трое последних уже несколько раз убегали из Легиона и, добровольно предаваясь жандармским властям, открыто заявляли, что больше в Легионе служить не хотят. Их всякий раз успокаивали, но в регулярные французские полки не переводили, хотя сам генерал обещал похлопотать за них, чтобы они были переведены туда. Но обещания остались обещаниями. Несмотря на многочисленные побеги, их военному суду не предавали.

К русским примкнули некоторые армяне и другие, так что вместе арестованных оказалось 27 человек. Русская секция осталась на свободе. Власти, узнав о происшедшем, прислали в Р. два взвода жандармов во главе с полковником и капитаном. Заключенных заставили вернуться в свои роты. Они отказались вернуться наотрез, повторяя, что они пойдут с каким бы то ни было французским полком, но ни в коем случае не с Легионом.

В 6 часов вечера, 20-го числа сего месяца, Легиону надо было уходить на новое место. Русская секция 2-й роты отказалась это делать. Жандармский полковник начал с угроз. Но угрозы ни к чему не привели. Только добрым словом и после того, как обещал он дать им ответ в 24 часа, он добился того, что они пошли.

Все это произошло на задней линии, за несколько десятков километров от неприятеля.

Ответ был получен немедленно.

Было расстреляно из числа «бунтовщиков»

9 человек, из которых 8 – русские.

Вот их фамилии: Палле, Дыкман, Брудек, Элефант, Артамошин, Николаев, Петров, Шапиро и армянин Тимокошан.

К публичным работам на 5 лет были приговорены 8 человек, среди которых: Каск, Киреев, Левинсон и другие; 10 человек были приговорены к 10 годам каторги, это: Кононов, Колодин, Лившиц и другие.

Вот Вам ответ в 24 часа.

Действительно, сдержали слово.

Мы вступили в Р... в 6 часов вечера, а в 3 часа дня все 9 человек были расстреляны.

Рассказывают, что их расстреливали на ферме Аутернау, около Р. Они приняли приговор спокойно, а на смерть пошли, как герои. «Да здравствует Франция, да здравствует Россия! Будь проклят Легион! Долой его!» – были их последние слова.

Известие это поразило нас до такой степени, что мы находимся в смятении, как сумасшедшие.

Руки наши опустились. Ужасная апатия охватила нас. Мы – бессильны. Горе обрушившейся скалой придавило нас всей силой своей тяжести.

Мы задыхаемся.

Помогите!

Группа русских волонтеров» (см. К казни русских волонтеров во Франции (письма, статьи и материалы). Издание Женевской группы содействия «Нашему Слову». Женева, 1915. С.12–17.).

От редакции сборника: казненные 9 человек не принадлежали к «республиканскому отряду», организованному при содействии социалистической парламентской фракции исключительно из элементов политической эмиграции и членов русских социалистических организаций и анархических групп Парижа. Но среди казненных оказались как раз те товарищи, которые пытались стихийную вспышку «из-за вина» перевести в русло организованного протеста против тяжелых условий, в которые были поставлены в Иностранном легионе русские волонтеры. Так, среди казненных было два делегата от 2-й роты – Николаев и Петров и другие 7 человек, отказавшиеся служить дальше в Иностранном легионе. Как видит читатель, самая суровая кара постигла тех, кто разрядившемуся случайным инцидентом настроению пытался придать организованную форму.

По получаемым в последнее время сведениям, около 800 человек, русских волонтеров, среди которых значительное число политических эмигрантов, отправляется, ввиду выраженного ими желания, на русский фронт. Какой моральной пыткой должны были пройти эти люди в Иностранном легионе, чтобы предпочесть русскую тюрьму и каторгу почетному посту защитников «демократии» против абсолютизма!» (см. Там же. С.18.)

Письмо из Парижа от 21 ноября 1916 г. одного из активных участников событий у Арраса, легионера Михаила Федорова, является еще одним источником, подробно рассказывающим о факте расстрела русских легионеров и событиях, этому предшествовавших.

«Вот как происходило печальное событие в батальоне F 2-го Иностранного полка. Командующий состав этого полка был навербован почти весь, за самым ничтожным исключением, из старых легионеров, служивших в Марокко и других колониях и пришедших во Францию сражаться с немцами по их желанию.

Они все являются тоже как бы волонтерами здесь, на фронте, т.к. они просили, чтобы их приравняли к добровольцам. Но каждый из них обязан и в мирное, и в военное время отбыть 5 лет в Легионе. Очень многие из них провели в нем куда больший срок времени в походах против непокорных арабов и других племен, в гарнизонах среди завоеванных областей.

Факт их добровольного вступления в Легион до такой степени стирается их последующей службой и в их собственном представлении, что в сфере военного дела

они видят единственную способность обеспечить военный успех – исключительно в принуждении, грубую физическую силу.

И уже одно то обстоятельство, что этот принцип принудительности был ими противопоставлен доброй воле волонтеров, записывавшихся здесь, во Франции, на время войны, явился достаточным основанием, на котором возникли все трения между ними и их подчиненными. С первого же дня их прибытия из Марокко «святой союз» Легиона и его принципы были отодвинуты на второй план слепой системой подчинения и казарменного принуждения.

Принесшие свои сердца Франции волонтеры были глубоко оскорблены, когда, подчинившись духу слепой бездушной системы, их военные наставники стали им говорить: «ты пришел сюда по личному расчету, ты хочешь есть паек».

Были, конечно, среди нас и такие лица, которых судьба толкнула в волонтерство из-за панического страха перед завтрашним днем, когда война грозила экономическим расстройством и отсутствием заработка. Но не эти люди составляли основу наших отрядов, не их дух владычествовал нашими умами. Наоборот, эти колеблющиеся подвергались большому влиянию со стороны тех, кто знал и хотел подчинить интерес личный общественной потребности.

Но... влияние, принесенное легионерами из колоний, дух корысти, подкрепленный авторитетом военных, вступили в борьбу с моральным авторитетом лучшей части волонтеров и нашли себе подходящий для обработки материал среди шатких умов. Началась полоса морального испытания. В депо образовались большие группы лиц, напуганных приближающимся часом ухода туда, на новую гору величайших страданий человечества, на фронт, и они стали искать всякие возможности, чтобы демобилизоваться и остаться вне его.

Но то большинство волонтеров, которые не были обескуражены влиянием старых легионеров и которые с радостью ушли в траншеи, даже и там продолжали жить под игом разъединения бойцов на два лагеря: старых, командующих легионеров и молодых волонтеров, которых на первых порах рассматривали как простое пушечное мясо.

Мы хорошо понимали, что не можем пользоваться особым доверием у французских военных властей, как собранные из почти всех стран, вплоть до турок, немцев и болгар, что среди массы волонтеров могут быть и прямые военные шпионы, но не менее хорошо мы понимали, что против частного зла, против шпионажа, неуместно употреблять меры общего характера и распространять дух недоверия даже и на тех, кто хотел умереть за Францию. А что таких патриотов было большинство среди нас, показывает последующая славная история боев Иностранного легиона здесь, во Франции. Кроме того, на почве бессилия легионеров в области их внутреннего управления, выросли и соответствующие плоды, как наиболее известный скандальный процесс господина Дюкио, осужденного со своей дамой сердца за расхищение солдатской пищи. Ближе всего касался он именно той части снабжения, где находился Иностранный легион, и эта пара расхитителей оперировала в том городе, где находился штаб нашей дивизии. В самом же нашем полку все хозяйственные операции производились старыми легионерами, и волонтеров в эту область упорно не пускали, за исключением тех лиц, которые неспособны были вынести «сор из избы». Никакой гласности, отчетности перед солдатами не полагалось, как это водится вообще в армии.

Находящаяся в полном неведении масса волонтеров, расстроенная к тому же и тяжестью лишений на фронте, и специфическим отношением к ней ее командиров, была склонна видеть большую обиду даже в тех случаях, когда по милости какого-нибудь случайного пьяницы-артельщика приходилось пить чересчур водянистое вино или неполную порцию водки...

Мы, конечно, понимали и знали, что есть и среди командного состава Легиона люди вдумчивые, талантливые и храбрые солдаты, каким был, например, наш

прежний взводный Шапель, но система бездушной казармы продолжала еще свирепствовать среди нас, поддерживаемая большинством легионеров, и она мешала развитию даже и тех лучших боевых качеств, которые все-таки были у ее сторонников.

Тех из нас, которые спорили с другими товарищами и говорили, что не надо прощать иной раз старым легионерам, искалеченным долгой служебной лямкой, т.к. они все же хорошие бойцы и храбрые солдаты, все труднее и труднее было успокаивать.

К тому же большинство одной из очень влиятельных групп парижских волонтеров было отправлено назад своим ротным командиром еще в первые месяцы траншей с отзывом о них, как о плохих, недисциплинированных солдатах. Что это были за люди, достаточно ясно из того, что среди них были геройски погибшие Слетов и Давыдов.

Чтобы покончить с характеристикой того состояния, в котором находились волонтеры, я упомяну еще о том, что даже испытавший суровую жизнь в Африке легионер Каковский, русский из Одессы, выстрелил в себя после словесного оскорбления одним офицером, а другой волонтер, сын многострадального армянского народа, дорогой нам Назарьян, спит навеки возле одной полуразрушенной церкви на фронте, заставив самовольно перестать биться свое многострадальное сердце...

Ко всему привыкает человек... Попривыкли и мы к своему сидению перед К., где провели зиму с 1914 на 1915 г., только порой выстрелы Назарьяна, Каковского и других нет-нет, да и давали знать, «что в царстве Датском что-то гнило».

И вот, весной 1915 г., нам объявляют о походе. Ожили, зашевелились, взволновались, проснулись надежды: ждем минуты, чтобы увидеться лицом к лицу с врагом, а вместе с этим встряхнулись и другие чувства. Батальон «С», где я был, считался лучшим в полку, и нам действительно было в нем неплохо. Нас, русских, соединили всех в один взвод и были к нам очень внимательны; наш капитан и лейтенант Шапель жили с нами дружно. Последнего же мы прямо полюбили и всегда с глубоким уважением относились к этому другу-офицеру. Но на беду нашу этого друга произвели в капитаны и перевели в другой батальон, на его же место прислали нам другого, который первым же делом заявил себя рукоприкладством.

Наконец мы покинули надоевший нам сектор.

По прибытии в Шампань мы пробыли немного времени в траншеях. Ходили слухи, что мы пойдем в бой. Людей нашей секции заставили сделать одну разведку, во время которой были допущены ошибки и, может быть, слабость.

Капитан был готов дать о людях отзыв, как о недостаточно выдержанных легионерах, но участники разведки запротестовали, что здесь имеет место нераспорядительность руководителя и скорее неопытность солдат, нежели их робость, т.к. они все же подошли в этой местности к немецким траншеям ближе, чем кто-либо другой. Отзыв был изменен, но обиженные поняли, что командиры, не сумевшие сделать ни хорошего подбора людей, ни правильной организации предприятия, хотят свалить вину за неудачу на плечи тех, кто до этой поры был козлом отпущения в Легионе – на волонтеров.

Вскоре нам сказали, что из Шампани нас увезут на старое место, где и оставят надолго. Для нас это было равносильно плохому отзыву. И действительно, спустя немного времени нас сняли из траншей и увезли. По дороге старые легионеры стали смеяться над волонтерами. Дело дошло до рукопашной, в которой победителями оказались волонтеры.

Среди нас нашлось несколько горячих и слишком глубоко почувствовавших личную обиду людей, задумавших требовать перехода из Легиона в другую часть.

Действительно, было тяжело и душно. В одной из деревень у фронта 11 человек сделали попытку отказаться идти в траншеи с легионерами и вызвать

русского военного атташе. Все же их удалось уговорить, да и сами они, будучи хорошими товарищами, не захотели оставаться позади в то время, как их полк пойдет под огонь, но часть опоздала из-за них к сбору на 15 минут.

Спустя два дня они были осуждены все на 5 лет публичных работ, и их отослали в Африку. К слову сказать, через три месяца их вернули по их же просьбе на фронт, но на Балканы, где один из них, Владимир Блаубок, пал смертью героя. Блаубок был латышом, моряком, юношей 20 лет. В Оскуаде он исполнял должность куховара. Он отправился 16 сентября 1916 г. снести пищу в линии перед деревней Петарак, в 12 верстах от Флорины. Линия фронта тогда была не сплошная. В промежутках между стрельбой ее можно было проходить. Траншей не было, вместо них были вырыты какие-то дырки. Блаубок сбился с пути и дошел, по-видимому, до проволочных заграждений неприятеля. Ночью началась перестрелка. Глувняк, тоже из той же партии ранее осужденных легионеров, стоял часовым на посту. Он стал всматриваться в темноту, прислушиваясь к выстрелам. Вдруг прямо перед ним вырисовалась фигура, бежавшая с неприятельских линий. Глувняк выстрелил. Человек упал. Глувняк выстрелил снова, а на рассвете пошел искать убитого, думая, что это был болгарин. На земле лежал убитый наповал Блаубок. Смерть, видимо, была моментальной. Это было 20 сентября 1916 г.

В той же деревне, где их судили, находились под стражей несколько человек из батальона F. Из них я помню Шапиро, т.к. мне пришлось быть в это время в казарме.

Заинтересованный, я спросил одного из товарищей, за что были арестованы эти люди. Это был простой волонтер. «Они не хотят оставаться в траншеях, придираются к каждому слову и ссорятся с легионерами, требуя перевода в другую часть». Товарищи из этого батальона жаловались и раньше на очень многое, на тяжелый труд, на специфическое обращение, на плохую пищу. Но в интересах истины я должен сказать, что лично я не мог бы назвать Шапиро страдающим. Да и сами другие заключенные говорили: «Нас думали наказать, но мы сидим здесь, в подвале, в то время как вас немцы поливают свинцом в траншеях». Пусть уж тогда будет вся правда о тех событиях.

После суда над одиннадцатью нас повезли обратно в Шампань. Казалось, что дурное впечатление о нас, как о «плохих бойцах», должно было рассеяться. Но, к огромному сожалению, даже близости общего врага, который, правда, сидел пока спокойно, не было достаточно для заглушения волонтерских обид. По прибытии в Шампань в одной из деревень два волонтера – Кононов и Каск, подвыпили вина и вступили в пререкания с легионерами.

Начальник сторожевой службы приказал отвести этих двоих в караульную. Караул в деревне держался самим же их батальоном, и среди караульных были, конечно, те, которые, увидев арестованных, стали протестовать и присоединились к ним. Начальник караула был вынужден требовать подкрепления из роты, но и среди прибывших проявились протесты, так, Адамчевский и Колодин, не желая «усмирять», бросили ружья и зашли к протестующим. Говорят, что начальник караула и прибежавший из роты офицер били каблуком по голове лежащих на полу «протестантов» – Кононова и Адамчевского. На приказ офицера волонтерам, чтобы они избивали арестованных, первые ответили таким волнением, что возникло опасение вооруженного столкновения. Тогда были вызваны жандармы. Это было в походе. Продолжая свой путь, батальон Легиона пришел в деревню Пруи. Там русский взвод послал Николаева и Петрова вести переговоры с военным начальством и уладить дело, но при этом, уступая требованию волнующихся товарищей, делегаты должны были заявить капитану, что люди хотят немедленного освобождения своих товарищей, наказания тех, кто их истязал, и перевода из Легиона в другую французскую воинскую часть.

К сожалению, «горячие головы» слишком страстно добивались возможности уйти с фронта, где был Легион, и арестованные настаивали на скором ответе, что приняло характер мотивированного возмущения. Военное начальство ответило по-военному. Силе мятежа оно противопоставило силу оружия и изолировало 27 человек, предложив Петрову и Николаеву отделиться от тех, кто подлежит обвинению в бунте перед лицом врага, но оба они остались в этой группе. Был суд, 22 июня 1915 г. были расстреляны на ферме Лентернау в 3 часа утра Петров, Николаев, Полле, Дыкман, Брудек, Шапиро, Элефант, Артамошин и Гимоксян.

Передают, что приводившие в исполнение приговор солдаты вначале очень сильно колебались, пока не было получено строжайшее подтверждение, что душевные мучения этих солдат были крайне велики и вынудили одного из них покончить самоубийством, что овладевшее волнение помешало командовавшему отрядом офицеру дать последний револьверный выстрел «милости» в ухо казнимым. «Мятежники» были последовательны до конца. Они кричали: «Да здравствует союз России и Франции! Долой Легион!» Все они умерли солдатами, и только один Шапиро позволил завязать себе глаза.

Остальные их товарищи по этому крайне печальному и несвоевременному процессу были осуждены на публичные работы: Кононов, Колодин, Кашкиян, Кемеджиан, Яждриан, Эльнасьян, Клесимович, Вембориан, Сараджиан и Лифшиц на 10 лет; на 5 лет: Каск, Киреев, Левинсон, Иоффе, Гальбрузиан, Портнер и Закрутко.

Давая эти сведения, я обязан прибавить следующее: было бы в высшей степени вредно для всякого честного русского человека думать, что наши несчастья в Легионе являлись результатом халатного отношения к нам французского народа. Нет, даже и в минуту страшной опасности для них французы лучше кого-нибудь другого умеют быть и вдумчивы и великодушны. Об этом знаем мы, те, кому пришлось уйти из Легиона, жить среди французских солдат. Разговаривая с покойным Блаубоком и другими, я убеждал их относиться хладнокровнее к их личным обидам, говоря, что, когда на свете так много общего горя, надо подождать: «Наши обидчики осрамятся в бою, и тогда нам будет легче устранить их. И те из них, у кого под их оболочкой солдата бьется горячее сердце, а в голове живут благородные мысли, будут самыми лучшими нашими боевыми товарищами, если останемся в траншеях, несмотря ни на что. И тем мы докажем, что мы прежде всего являемся защитниками Франции и свободы. Мы пришли сюда добровольно и уходить не должны, не только из-за оскорблений, но даже и под угрозой смерти!» И я был прав. Теперь в Легионе, после целого ряда славных боев, все изменилось. Теперь нет лучших друзей, и в бою, и в отдыхе оставшиеся русские ведут себя как равноправная часть старых легионеров. Дух системы остается прежний, как и во всем войске, но дух войны борется с ним.

Интересы молодой России властно требуют укрепления союза с Францией, и поэтому я закричу в голос с казненными: «Да здравствует союз России и Франции!», добавив: «Да здравствует Легион, много сделавший против общего врага, против германского империализма!»

Материал этот может быть употреблен для печати при одном условии: не изменять и не удалять ни одного слова» (см. Крестовская Л.И. Из истории русского волонтерского движения во Франции. Париж, 1915. С.131–137.).

Сама Крестовская пишет: «Нас было несколько человек в Париже, к которым немедленно донеслась весть обо всем произошедшем на фронте. Письмо

Киреева о зверском избиении и предании волонтеров суду пришло 20 июня.

Я помню ощущение бессильного, холодного ужаса при мысли о том, что может быть поздно, что, может быть, крик их донесется, когда все уже будет кончено.

Благодаря целому ряду рекомендательных писем от Рубановича, Herve, Guernut, мне удалось иметь свидание с тогдашним министром Traveaux Publies – Самба.

Самба принял меня стоя, с видом озабоченного человека, поглощенного своими делами и мыслями. По мере того, как разворачивался рассказ, как было прочтено вопиющее письмо Киреева, мне стало ясно, что впечатление – большое, что человек отозвался весь, до конца. Он обещал мне доложить в тот же день в совет министров все случившееся и по возможности довести дело до сведения президента республики.

Вечером того же дня я принесла ему весь материал, который было возможно достать о положении русских волонтеров на фронте для передачи его в министерство.

Самба встретил меня с бодрящей, хорошей улыбкой.

Письмо Киреева, переведенное на французский язык и переписанное на машинке, было роздано всем министрам. Впечатление было огромное. «Какой ужас... – сказал Самба, – но мы это исправим». В то же время Пуанкаре послал сегодня же двух офицеров на фронт для произведения дознания с полномочиями приостановить дело до его выяснения.

Еще Самба сказал мне: «Приходите завтра, я буду иметь ответ».

Я ушла, немного успокоенная, но тревога не прошла.

А наутро...

Так и останется в моей душе этот огромный кабинет, и его лицо, и с таким трудом сказанные, в сердце камнем упавшие слова: «Поздно... Слишком поздно... Они были расстреляны 24 часа назад...»

Наши погибли. Погибли за Францию, за Россию, за право, за непопрание человеческой души, за то, чтобы другим остальным было лучше. Погибли они со светлым криком «Да здравствует Франция!» под выстрелами чернокожих солдат. К чести французов надо сказать, что они отказались стрелять.

Смерть их дала зерно. Через 3 или 4 недели после приезда на фронт полковника Ознобишина русские волонтеры в большинстве своем были распределены по французским полкам, и надо сказать, что за всю мою четырехлетнюю работу с солдатами, которых мне приходилось встречать иногда по 15–20 человек в день и расспрашивать об условиях жизни во французских полках, ни одной жалобы ни от одного солдата я никогда не слыхала.

Они вошли, как свои, во французскую семью. С ней жили, с ней умирали.

Смерть дала зерно» (см. Крестовская Л.И. Из истории русского волонтерского движения во Франции. Париж, 1915. С.61.)...

Данный источник является письмом Л.И. Крестовской под названием «Очерк каторги» одного из главных участников событий у Арраса, закончившихся расстрелом одних и отправкой на каторгу других русских волонтеров. О том, какой была эта каторга, описывает один из русских легионеров, прошедших ее, пересказ которого и вошел в это письмо.

«Путь на каторгу был тяжелым и длинным. В 13 дней тяжелого, долгого ожидания пройдены были этапами Фим, Париж, Орлеан, Клермон-Ферран, Ним, Марсель, Алжир и Орлеанвиль.

Наша партия 3 июня прибыла в Орлеанвиль. Это был маленький городок, находящийся в 8 часах езды от Алжира. Сверх всякого ожидания, их встретило хорошее отношение, и через несколько дней они направились в Портион, за 2 версты от Орлеанвиля строить мосты. Плата – 13 су в день – выдавалась не деньгами, а товарами и вином. Отделенные от остальных арестантов, они спали в общей камере. На отдых давали две прогулки в день на дворе – утром и вечером. Любопытно отметить, что среди начальства нашелся один врач, заинтересовавшийся всей этой историей. Расспросив волонтеров, он написал прошение генералу, командовавшему их дивизией, прося пересмотра и разбора дела и отправки их на любой фронт, по его усмотрению, но только не в Легион. Ответ был получен через 20 дней. Генерал в чрезвычайно резкой форме отказал, выразив свое неудовольствие по поводу того,

что даже в этом прошении осужденными выставлялись какие-то требования. «Пока они не дадут доказательства того, что они стали дисциплинированными, – писал он, – ни о каком помиловании речи идти не может».

После 20-дневного пребывания в Портионе осужденные были перевезены в Маскару на другую работу – постройку шоссейных дорог. Этот период каторги вряд ли когда-нибудь изгладится из их памяти. Лично к ним, представлявшим собой все же некую силу, которая с первых дней показала, что при случае умеет за себя постоять, отношение было сравнительно неплохим. Но условия жизни и окружающая обстановка, как жгучее клеймо, ложились на душу. Также как и в Портионе, плата, пониженная до 20 сантимов в день, выдавалась хлебом и табаком. Вино не выдавалось совсем, и пища значительно ухудшилась. Писать письма во Францию разрешалось раз в 15 дней, причем в таких случаях выдавался 1 лист бумаги и конверт. Денег иметь при себе не разрешалось. А когда кто-нибудь получал деньги извне, их удерживали до погашения судебных издержек в сумме 160 франков, которые были поставлены им в счет.

Начальниками были старые надзиратели, привыкшие иметь дело с преступниками, убийцами и грабителями. Они относились к людям, находящимся под их властью, как к безгласному скоту, все сносящему. За небритые усы лишали на 8 дней жалованья. Носить усы разрешалось лишь после 6 месяцев хорошего поведения. Случаи избиений, а иногда и убийств, были обычными явлениями. Били палками, прикладами, били всем, что попадалось под руку. Волонтер Литвинов, который понес начальству прошение об освобождении, вернулся обратно жестоко избитым.

Корсиканец Пауло убил нескольких каторжан за драки. Самоубийства, убийства, ножевые расправы на почве педерастии, сцены ревности, происходящие из-за юных мальчиков, служивших объектом раздора, – падение человеческое, которому не было краю, такой была среда, в которой оказались русские добровольцы – идейные защитники Франции.

Жизнь создалась такая ужасная, что многие рубили себе пальцы, только бы попасть в лазарет.

Мне пришлось говорить с одним из наших каторжан, который заболел тифом, пролежав около месяца в Орлеанвиле. Я не думаю, что когда-нибудь этот рассказ уйдет из моей памяти. Несмотря на довольно большое количество тифозных больных, кроме хины, в качестве лекарства, им ничего не давалось. Лечения, как такового, не существовало. Весь уклад жизни был приспособлен к каторжанам. Самое здание, низкое и сырое, с решетчатыми окнами, было настолько темным, что читать в нем было совершенно невозможно. У дверей бессменно стоял часовой. Служителей медицины здесь почти не существовало. Медицинские процедуры здесь надо было делать самому или обращаться за этим к больным каторжанам, находившимся здесь же. В камере, где находились больные, помещалось до 25 человек. Если врач находил, что больной говорит ему о своей болезни неправду, его отправляли немедленно в тюрьму, в камеру-одиночку на поистине каторжный режим. Здесь заключенному выдавалась 1 гамелька супа на 4 дня, полбулки в 350 грамм хлеба в день и гамелька воды в сутки. Эта камера представляла собой яму в 5 метров глубины и полтора метра в диаметре. Крыши не было, стены – совершенно прямые, на дне – грязная вода. В эту яму сбрасывали и запирали человека. На ночь приносили одеяло, которое наутро отбиралось. Но сидеть там приходилось скорчась, и о сне нельзя было и мечтать. Этот рассказ я слышала от волонтера, который заболел на работе и попросился к врачу. За это его послали на 8 дней в эту камеру под названием «целюль».

Тюремные надзиратели были зверями, били за малейшую провинность. В случае сопротивления со стороны арестанта его раздевали догола, сковывали, как распятого, прикрепляли на кресте и оставляли привинченным к полу иногда на день,

а иногда и на два. Все тюремное начальство состояло исключительно из корсиканцев, суровых и жестоких. Тридцать дней тюрьмы увеличивали срок каторги на 6 месяцев....

Забудут ли когда-нибудь наши волонтеры эти несколько месяцев своей жизни?» (см. Крестовская Л.И. Из истории русского волонтерского движения во Франции. Париж, 1915. С.139–141.)

Нижеизложенный источник – письмо русского легионера Майстренко, находящегося в легионных рядах и после осени 1915 г., – свидетельство того, что и в боевом отношении Французский иностранный легион к середине войны стал давать «осечки». Этот легионер добровольно остался воевать во Французском иностранном легионе, и документы фиксируют, что он продолжал воевать в его рядах и в 1918 г.

«27 апреля 1916 г.

Дорогая Лидия Александровна!

Русские бабы говорят: «что-то скучно стало... спеть бы маленько!» Так и я, как только скучно станет-то – за перо и пишу своей «Ласточке», как я Вас называю, и станет веселее и светлее. Давно уже не писал Вам, целые две недели. И от Вас давно не получал ничего. Я сам не писал и никому больше не пишу, и стало уж больно скучно до такой степени, что все мысли и чувства иссякли...

Когда-то уж мы либо в наступление пойдем, либо кончится все это? Не стоит, впрочем, говорить об этом, не хочу я своей скукой Вас заражать. Но моя скука – не глубокая, случайная, и малейшее движение воды ее сейчас же смоет, а вот как Вы, Ласточка моя, живете? Хотелось бы уже на свободе быть, ей-Богу, прийти к Вам в Париже, говорить, и сидеть, и слушать, как Вы говорить будете; а то и просто сидеть и молчать. Кажется мне это таким странным и отдаленным, что я вот хочу себе представить, как это сидят и разговаривают два человека, и не могу... Право!

Т.к. не могу себе этого представить, и очень мне это странным кажется. Одичал.

Был у нас с визитом генерал Сарайль, смотр нам делал. До этого у нас было несколько случаев дезертирства немцев и австрийцев, а 50 человек бежали из 1-й линии дальше. Произнес он речь такого содержания: «Бывают легионеры – хорошие солдаты, есть и плохие (глубокая истина!). Я отдал зуавам приказ стрелять по Вас и велел убрать Вас, трусов, из батальона! Если есть между Вами такие, которые вспомнили, что они – немцы, пусть скажут! Но здесь они должны быть французами! Вас пошлют обратно на фронт. Надеюсь, что Вы покажете себя хорошими солдатами... Не то зуавы будут стрелять!»

Забыл только бравый генерал, что хотя его речь относилась только к немцам, а им – несть числа, среди этих немцев были рассеяны и мы...

Допустим, что эта острастка стрелять – не острастка только, что же тогда? Будут специальные пули, которые только по немцам бьют, или же нам, не немцам, особые знаки на лбах намалюют?

Словом, доложу я Вам, служить во Французском легионе – только приятность одна и развлечение.

Будем об этом! Уже давно мне хотелось, Лидия Александровна, что-нибудь послать Вам. Только что? Кольцо? Да кто его теперь только не носит! Тоже и ручку из патронов и прочие всякие такие измышления!» (см. Крестовская Л.И. Из истории русского волонтерского движения во Франции. Париж, 1915. С.109–110.)

Данное письмо – свидетельство того, что и после 1915 г. в Иностранном Легионе служили русские легионеры.

«Милостивая государыня Крестовская!

Докладываю Вам, что я – человек российский, небогатого состояния, мастеровой, слесарь, работал в Америке перед войной 4 месяца, где с поворотом событий приехал во Францию. Хотел ехать в Россию, но не имел туда дороги и денег и остался во Франции и сейчас нахожусь во Французском легионе и, не имея никаких

родственников во Франции, не получаю ни писем, ничего решительно, и мне очень скучно. Говорить по-французски я не могу и не слышу даже никаких новостей. Я пробыл 8 месяцев среди этого Легиона и не видел человека, который мог бы говорить по-русски, и в конце концов нашел товарища, который говорил по-польски, то я с ним разговаривал и немного развеселился, и он мне дал Ваш адрес, и я подумал себе: напишу письмо, может, получу какую-нибудь новость или газету на русском языке, почитаю от скуки и узнаю такие новости, потому что здесь ничего такого получить нельзя. Только видим лес и слышим выстрелы орудий, и падение пуль, и их разрывы, видим, как они разбрасывают землю вверх и вниз, и вправо и влево, во все стороны, а люди, что здесь находятся, все прячутся в земле в разных канавах и ямах и никогда не видят спокойной жизни. Днем и ночью – одно и то же. Только тогда увидим спокойствие, когда пойдем на отдых на 6 дней, а последнее время никого больше не видим, кроме своего дикого жилища.

Мы, как лесные звери, понаделали в земле такие норы, в тех норах сделали себе лежаки и т.д. На эти «кровати» накладывается солома для сна, и спит человек, никогда не сбрасывая ни сапог, ни шинели, только все время одетый ходит. Зайдет в свою нору, там темно, ничего не видно, нет ни лампы, ни свечи, нечем осветить. Кто имеет деньги, тот покупает себе свечу. Эти наши норы сделаны над боевыми окопами. Когда идет дождь, тогда вода идет прямо в наш «дом», и делается мокро, и спать становится очень плохо, да нечего делать – сейчас война.

С тем до свидания.

Прошу Вашей милости, если найдется в Париже самоучитель русско-французский, то пришлите.

12 сентября 1916 г.» (см. Крестовская Л.И. Из истории русского волонтерского движения во Франции. Париж, 1915. С.105.)

Нижеизложенное письмо от 4 ноября 1915 г. бывшего легионера, переведенного во французский регулярный полк, для Л.И. Крестовской является ценным источником относительно судьбы бывших легионеров и сравнения условий быта Французского иностранного легиона и простых подразделений Франции, а также этот документ свидетельство того, как относились простые французы к русскому волонтерству.

«Уважаемый товарищ, госпожа Крестовская!

С большим удовольствием читал Ваше теплое письмо. Да, верно, сейчас на фронте у нас холодно.

Особенно здесь, в местности, находящейся между горами. Дуют очень неприятные холодные ветры, и часто морозит.

Просите меня о себе написать?

Ничего путного не расскажешь... Мы – на отдыхе, а это самое томительное для нас время. Все учения.

Представьте себе 45-летнего человека, добровольца, которого при том муштруют все время: «Шагом марш! Смирно! Обучение салютованию старшим!» – и прочие подобные «прелести», весьма необходимые для победы над немцами.

Так и убивают всякую охоту к жизни. Где уж тут писать! Так что, пожалуйста, не взыщите!

Много надо душевной силы и веры в необходимость сделанного шага, чтобы не пасть совсем духом. Печальный же памяти Легион достаточно забросал грязью наши чувства, и лучшие. А тут, если отношение к нам лично, как к иностранцам-добровольцам, самое лучшее, то обидная обстановка солдатчины все время наводит на самые грустные мысли.

Я говорю, что отношение к нам самое лучшее. Это не совсем так. Правда, очень уважают, но... за дураков почитают.

Я не раз слышал: «И зачем им был нужен такой экстрим? Как ты сюда попал?» Отвечаю: «Добровольно пошел!»

Полнейшее недоумение, и отходит парень с жалостью к нашей беспримерной глупости.

Это не анекдот, а сплошь да рядом публика так думает. Правда, с нами солдаты все молодые, но и старше которые, да и непосредственное начальство того же взгляда. И я часто слышал: «Чокнутые! Могли ведь остаться дома, в тиши и спокойствии, не подвергая себя опасности!»

И это совершенно верно. Это не значит, что они плохие солдаты. Совсем нет. Во время последнего 4-дневного сражения любо было смотреть, с какой готовностью и решительностью все они шли вперед, часто на верную смерть. Но каждый в отдельности предпочел бы здесь не быть, не задаваясь никакими вопросами о том, что было бы или стало бы с Францией.

Затем, уж очень всем хочется, чтобы все уже кончилось, все равно как. Конечно, хотелось бы, чтобы немец был побит и «наша раса победила», но чтобы это сделалось само собой. А если это сделаться не может, ну, все равно, только бы конец какой-нибудь. Я не приукрашиваю, не сгущаю краски, а просто все устали и отношение ко всему самое пассивное. Одно у всех горячее желание – конец бы...

Третий день, как мы уже находимся после всего вышеописанного в траншеях и в условиях очень тяжелых. Только раз в сутки можно сообщаться с тылом, ночью, и то с трудом, т.к. артиллерийский огонь не умолкает ни на одну минуту. Мы почти окружены немцами. Питаемся консервами. Сегодня нам принесли немного белой вареной фасоли.

Мучаемся от жажды, жары. Достали воды. Но сколько! Два литра на целую секцию, в которой 45 человек.

Шли дожди. А этой ночью ударил мороз. Дрожим от холода. Ноги как в огне. Работаем по ночам. Темень – хоть глаз выколи. Падаем в ямы, выбитые снарядами. Набираем воды в башлыки. Покрываемся с ног до головы грязью. Все мокро и сыро. И нет ничего ужаснее мороза, когда все члены тела влажные. Три дня почтовое сообщение было совершенно прервано; вчера получил письмо с громадным опозданием. Получил вашу книгу «Записки Анны». Прочел с огромным вниманием, прочту еще раз. Очень оригинальна по сюжету и по форме. А Сергеев-Ценский мне не нравится, не люблю я его «манерничания».

Пишите, пишите чаще» (см. Крестовская Л.И. Из истории русского волонтерского движения во Франции. Париж, 1915. С.101–102.)...

Данный источник – очерк под названием «Из тяжких страниц истории еврейского народа», представляет собой документ, интересный тем, что в нем содержатся данные относительно службы евреев, выходцев из России, в Английском иностранном легионе, созданном на время Первой мировой войны:

«Нас было 490 человек, взятых в плен турками в Палестине. Впихнутые в здание, где могли максимум поместиться 150 человек, мы работали по 18 часов в сутки, подгоняемые нагайками «за непокорство» или усталость, в мечте об освобождении. Оно пришло наконец, когда приехали американские пароходы и увезли нас в Александрию. Так был сформирован Иностранный легион из 594 человек, причем офицерами также назначили евреев, и лишь полковник и капитан оказались англичанами. Фамилия полковника была Гендерсон.

Единственное требование, которое предъявили при записи добровольцы, – было требованием об отправке их в Газу, в Палестину. Обещание это было дано, но вместо Палестины их отправили все же в Дарданеллы, где Легион был разбит. Оставшихся в живых насчитывалось 111 человек.

Несмотря на хорошую пищу и одежду, ужасное отношение к нам начальства до такой степени деморализовало и измучило легионеров, что требование о роспуске Легиона и зачислении нас в английские регулярные полки стало, как и во Франции, вопросом самым серьезным и неотложно существенным. Но добиться этого не удалось.

Само собой разумеется, что наиболее удобной почвой, на которой и разыгрались тяжелые инциденты, был вопрос религиозный. Происходили сцены такого рода: евреи молятся, 5 часов утра. Подходит капитан. Роллер, еврейский банкир, молился. Капитан спрашивает его, почищена ли его лошадь. Еврей, не прерывая молитвы, кивком головы отвечает утвердительно. Тогда капитан ударяет его и опрокидывает на землю. Тот становится на колени и, подняв руки к небу, говорит: «Бог отомстит тебе и накажет за меня».

«И мы все очень сильно плакали, тихо, как-то про себя», – прибавляет рассказчик.

О происшедшем было донесено полковнику Гендерсону, который сделал Роллеру строгое внушение и разрешил евреям молиться утром и днем, когда они захотят. Атаки в то время происходили исключительно ночные.

Тот же капитан зашел рано утром в палатку к своему денщику в то время, как тот пил свой кофе. Одним движением ноги тот сбрасывает чашку на землю и кричит: «Я еще своего кофе не пил, а ты уже распиваешь!»

Вечером этого дня денщик был убит.

Так же, как и во Франции, еврейских волонтеров здесь обвиняли в том, что они пошли на войну есть английский хлеб, несмотря на то что среди записавшихся в Легион были люди очень состоятельные с одной стороны, а с другой – студенты, записавшиеся туда исключительно по идейным соображениям.

Но главной и незабываемой обидой для нас стало то, что, несмотря на данное обещание, мы так и не были посланы в Палестину» (см. Крестовская Л.И. Из истории русского волонтерского движения во Франции. Париж, 1915. С.142–143.)...

Данный источник – письмо желающим уехать в Россию русским добровольцам, в том числе и легионерам, одного из главных членов «Комитета обороны» Иголкина. Хранится этот документ в ГА РФ. Ф.6154. Оп.1. Д.1. Л.64.

«Как я вам и говорил, дело сделано. Общее заявление подано депутату, который и начинает хлопотать у военного министра о разрешении на отправку в Россию. Но он уже сказал, что нужно, помимо того, написать и личное прошение на имя министра...

По всей видимости, все это дело удастся сделать, и как только выяснится сообщение с Россией, чтобы мы могли поехать, надо пройти неизбежные волокиты. Короче говоря, 99 % за то, что нас при условии хлопот отпустят. Итак, подавайте своим командирам немедленно прошение о желании уехать в Россию».

Данный источник является прошением на имя военного министра Франции со стороны русских волонтеров, в том числе и легионеров, об освобождении их из французской армии. Данный документ хранится в ГА РФ. Ф.6154. Оп.1. Д.1. Л.28.

«Господину военному министру

Мы, русские волонтеры, поступившие во французскую армию ввиду того, что в свое время не могли вернуться на Родину, теперь, при радикально изменившемся политическом положении, мы, как полноправные граждане России, хотим поехать туда, чтобы, пользуясь правами, нести и все обязанности, соответствующие нашему положению.

Ввиду этого мы обращаемся к Вам, господин военный министр, с просьбой немедленно освободить нас из рядов французской армии и предоставить возможность уехать в Россию».

Письмо легионера-эстонца в эмигрантский «Комитет обороны» из греческого города Салоники от 1 мая 1917 г. интересно тем, что оно позволяет сделать выводы о том, как оказывались во Франции, а потом и во Французском иностранном легионе бывшие граждане Российской империи. Хранится этот документ в ГА РФ. Ф.6154. Оп.1. Д.1. Лл.11–12.

«Дорогие друзья!

Примите мое краткое объяснение о моей эмиграции. Заступаясь за правду, я должен был спасать себя и четверых своих товарищей: мы все, пятеро, служили в одном полку, в 1-м саперном города Боровичи. Эти 4 человека были избиты нашим офицером. Они, защищая себя, тут же ему отомстили и немного его избили. Но тут случилось иначе: их арестовали и отдали под военный окружной суд. Им грозило от 4 до 8 лет каторжных работ. Я сообщил об этом в партию, и мне было предложено их спасать, за что я и взялся. С помощью партийной организации мной все было приготовлено документально – другие имена в новых паспортах, и в день отправки их на суд в Петроград, на пути, мы должны были бежать. Я был начальником караула, поэтому мы хорошо и свободно бежали 26 апреля 1914 г. в 3 часа утра на станции Тосно.

Приехав за границу, как раз перед войной, я своих настоящих бумаг еще не мог достать и должен был оставаться под чужим именем. Моя настоящая фамилия есть Коссар, зовут меня Константин Данилович, Ямбургского уезда Петроградской губерни, из города Нарвы.

Так вот, друзья, не знаю, что делать. Надо домой как-то ехать, ведь там революция, но не знаю, как начать. Мое ремесло – механик, по национальности я – эстонец. Я холост, мне 27 лет. Во французской армии я уже с 24 августа 1914 г., контракт подписал в городе Дюнкерке.

Прошу Вас, не оставляйте меня, я готов пожертвовать себя за правду, за свободу».

Данный источник – письмо легионера Ефима Майстренко от 3 мая 1917 г. «Комитету обороны», состоящему из социалистов и созданному для возвращения русских волонтеров из французской армии на Родину, – свидетельствует о том, что далеко не все русские волонтеры горели желанием уехать в Россию. Хранится этот источник в ГА РФ. Ф.6154. Оп.1. Д.1. Л.29.

«Уважаемые товарищи «Комитета обороны»!

Получил я от Вашего Комитета опросный лист о возвращении желающих волонтеров, находящихся во французской армии, в Россию.

Даю Вам ответ с благодарностью за опросный лист, присланный Вами. Но в Россию у меня нет желания ехать до окончания войны» (см. В этом же деле содержатся и другие письма «отказников» от возвращения в Россию, мотивировавших это тем, что надо не разъезжать из страны в страну, а просто воевать против внешнего врага России – немцев.).

Письмо русского легионера С. Каллистова (см. Каллистов Сергей Николаевич, 35 лет, по профессии журналист. В России был осужден в 1905 г. за принадлежность к Самарской партийной организации эсеров, бежал в 1906 г. из Самарской тюрьмы. В мае 1907 г. арестован в Москве, осужден к четырем годам каторги, которую отбывал в районе Тобольска. В 1911–1913 гг. находился на поселении, в 1913 г. бежал за границу. С 1914 г. – сотрудник лево-народнической прессы. Записался 5 сентября 1914 г. во Французский иностранный легион. Сост. по ГА РФ. Ф.6154. Оп.1. Д.1. Лл.52–53.) в «Комитет обороны» и его секретарю Л. Крестовской от 13–14 мая 1917 г. – свидетельство того, что вопрос об отправке желающих вернуться в Россию волонтерах решался очень тяжело. Находится этот источник в ГА РФ. Ф.6154. Оп.1. Д.1. Л.32.

«Уважаемый товарищ!

Подведя итоги всему, что нам известно, мы получим такую картину. Везде – и в России, и во Франции ожидаются самые благоприятные обещания. А дело – стоит. В депо до сих пор абсолютно ничего не известно: это я имел случай проверить...

Мне кажется, что эта остановка может зависеть от общей причины: официальных запросов в палате (депутатов), реорганизации Генерального штаба. Это вопросы, перед которыми, конечно, отходят на второй план частные,

второстепенные дела. Но не исключена и другая возможность: сознательная задержка в той или другой инстанции по тем или другим формальностям, по тем или другим политическим мотивам.

Не думаете ли Вы, что было бы возможным навести об этом справки? Конечно, я имею в виду не официальные справки – в этом случае ответ будет такой: «еще нет» или что-нибудь в этом роде и справки в «осведомительных сферах».

Мне пишут из империалистических кругов, со слов Сталя, что «патриотическая» группа волонтеров отправится раньше всех. Если это «факт» и одновременно «секрет», то уж лучше было предупредить его, как и других.

В скором времени рассчитываю побывать в Париже и 20-го уезжаю отсюда и надеюсь перед отправкой на фронт получить небольшой отпуск. Тогда, возможно, переговорю подробно. Извиняюсь за чернила: в наших бригадах «чернильный кризис».

Скажу, что если французы протянут дело с отправкой еще месяц или два, то я не ручаюсь, что мы будем говорить в России комплименты по адресу Франции... Не забудем, что это прибавляется к тем впечатлениям, которые были нами получены в Иностранном легионе»...

Письмо для Л.И. Крестовской от легионера Игоря Гессе от 2 июня 1917 г. является реакцией на идею эмигрантского «Комитета Обороны» отправить всех желающих русских эмигрантов из рядов французских вооруженных сил в Россию для участия в революционном процессе. Хранится этот источник в ГА РФ. Ф.6154. Оп.1. Д.1. Л.13.

«Многоуважаемая Лидия Александровна!

Не сможете ли Вы мне сообщить – в каком положении находится наше дело – отъезд в Россию.

Когда можно надеяться уехать?

Если бы Вы знали, как на нас, русских, наши «дорогие союзники» смотрят. Одна гнусность. Не хватает только того, чтобы нас «бошами» звали. Терпения не хватает».

Данный источник является письмом легионера А. Неймирова на имя Л.И. Крестовской от 5 июня 1917 г. Он является свидетельством того, что французы невысоко ценили русских добровольцев и продолжали их притеснения. Хранится этот документ в ГА РФ. Ф.6154. Оп.1. Д.1.Л.15.

«Многоуважаемый товарищ!

Обращаюсь к Вам с просьбой: хотел бы я знать результат переговоров с французским правительством насчет нашего выхода из французской армии и перевода в Россию. Вот скоро 3 года, как мы находимся в армии, и что французское правительство сделало для нас? Теперь, когда во французских частях солдатам, имеющим 2 года службы, дали прибавку жалованья, мы, русские волонтеры, исключены из этой «щедрости», вот благодать нам какая дана!

Если товарищи-волонтеры берут инициативу протеста против этого уменьшения прав людей, не имеющих никаких провинностей перед Францией и пришедших добровольно в ряды ее армии, то прошу Вас, многоуважаемый товарищ, присоединить к этому протесту и мое имя. Я лично протестовал письмом к депутатам Франции».

Обращение советского «фронтового комиссара» Михаила Михайлова из лагеря Ля-Куртин от 15 декабря 1917 г. по делам русских во Франции к российским солдатам, в том числе и к легионерам, интересно тем, что большевик призывает отказаться от акции протеста русских солдат – отправки в Африку и «оставаться во Франции», чтобы потом добиться их возвращения в Россию. «Оставаться во Франции» означало, что выход в таком случае у солдат был или записываться в рабочие роты, или в Легион. Михайлов пытается при этом завоевать сердца солдат тем, что он хочет доказать им то, что восстановит «справедливость» после

столкновения в Ля-Куртине. Но огромная масса русских солдат отказалась последовать совету Михайлова, что свидетельствует о том, что большевики сами не всегда контролировали стихийный протест солдатской массы. Данный документ хранится в ГА РФ. Ф.7336. Оп.1. Д.37. Л.21.

«Солдаты, граждане свободной России!

Советское правительство и Исполнительный комитет Совета рабочих и солдатских депутатов поручили повидать Вас и помочь Вам.

За те 10 дней, которые я живу во Франции, я успел уже сделать:

1) Закончить следствие о вооруженном восстании и освободить около 80 человек.

2) Образовать особую судебно-следственную комиссию для расследования всего дела о разделе отряда и о расстреле, чтобы установить действительно виновных.

3) Устранить комиссара Е. Раппа (см. Комиссар Временного правительства.).

4) Устраиваю выборы в Учредительное собрание и т.д., и т.д. Больше за 10 дней я сделать не мог. Это должно быть понятно каждому ребенку.

Узнав, что вас увозят на бесплатные работы в Африку, я приехал, чтобы спасти вас от этого, ибо жизнь в Африке будет тяжелой. Товарищи, пока еще не поздно, опомнитесь.

Пусть едут в Африку свистуны и крикуны.

У кого же есть семьи в России, кто хочет скорее попасть на Родину, оставайтесь во Франции. Я помогу вам всем, чем нужно.

Заявления об этом сделайте вашим французским офицерам.

Солдат же, ваших товарищей, уже уехавших, я постараюсь задержать во Франции.

Обо всем происходящем я телеграфирую Советскому правительству и Совету, чтобы в Петрограде знали, что мной, комиссаром, было сделано все, чтобы спасти вас, и чтобы вы ни теперь, ни впоследствии не посмели никому сказать, что вы были забыты мной.

Я, представитель Советского правительства и Совета, предлагаю вам свою помощь» (см. Большевики хотели использовать тысячи русских солдат для вовлечения в гражданскую войну за свои интересы.).

Обращение в «Комитет русских волонтеров во Франции» русскоязычных добровольцев, а также в «Лигу революционной обороны» отражает отношение русских легионеров к дальнейшей службе не только в рядах Французского иностранного легиона, но и вообще во Франции. Датируется ориентировочно данный документ весной 1918 г. Хранится данный документ в ГА РФ. Ф.7336. Оп.1. Д.36. Л.1.

«Мы, нижеподписавшиеся, редкие русские, находящиеся теперь, не по своей воле, в Легионе, ввиду нашего невыносимого положения и невозможного дальнейшего пребывания в Иностранном легионе, который составлен, за малым исключением, из сборища отбросов всех стран и народов, представляя с соответствующим командным составом скорее великолепную банду разбойников, нежели военный полк, записавшихся туда или для пропитания, будучи лишены самых элементарных принципов общего проживания людей, морали, чести и рассудка, действующих самым угнетающим образом на наше состояние. Поэтому мы имеем честь просить «Комитет русских волонтеров во Франции» возбудить скорейшее ходатайство перед французским военным министерством о нашем немедленном освобождении от военной службы. Не имея возможности быть в момент нашего призыва в России, мы, для отбывания нашей воинской службы, поступили во французскую армию, рассчитывая на должное к нам отношение французских властей. Но, к сожалению, не только не нашли у французского правительства желания должным образом удовлетворить наши стремления, а напротив, оно поставило нас в совершенно невозможные для этого условия, унижающие наше

человеческое и гражданское достоинство. Это стало абсолютно невыносимо, особенно со времени заключения Россией мира, когда, вслед за этим, начало подвергаться грубым оскорблениям и наше национальное достоинство. С другой стороны, критическое положение нашей Родины, после заключения позорного мира, зовущей к себе на помощь всех любящих ее сынов, чтобы бороться всеми средствами, для отражения варварского германизма, с этой точки зрения, наше пребывание теперь в России бесконечно полезнее, чем во Франции. А поэтому мы также просим «Комитет русских волонтеров во Франции» содействовать самым энергичным образом нашей отправке в Россию, вместе с нашими русскими войсками. Считаем при этом абсолютно недопустимым, чтобы одна часть русских отправилась в Россию, а другая, не менее желающая этого, отсылалась бы на здешний фронт.

В заключение, мы считаем своим долгом предупредить «Комитет русских волонтеров во Франции» о нашем твердом и окончательном решении покинуть Легион, а впоследствии и Францию, не останавливаясь для этого ни перед какими средствами, лояльными или революционными, испробовав сначала лояльные. Поэтому могущие при этом возникнуть крупные инциденты и скандалы целиком падут на совесть общественных организаций и правительственных органов, не пожелавших поддержать и удовлетворить наши законные и резонные требования. Находясь в таком же критическом положении, как покончивший с собой товарищ Кукин, мы, будучи предоставлены сами себе, готовы даже прибегнуть к вооруженной борьбе для нашего выхода из Легиона и для нашей защиты.

Н. Антонов., Макраквидзе, 40 лет, отец троих детей, Бичунский, Сокаль».

Русские во Французском иностранном легионе после Первой мировой войны

Уже с конца 1918 г. французы стали активно вербовать в легионные ряды военнопленных, бывших солдат и офицеров российской императорской армии. Эти люди геройски сражались за Россию во время Первой мировой войны, но по тем или иным причинам – из-за собственного ранения в бою, непродуманности отдельных боевых операций и простых случайностей, какие сплошь и рядом бывают на войне, попали в плен... К концу войны во всех четырех странах Германского блока, по разным данным, их насчитывалось от 1 до 2 миллионов. Естественно, что по окончании войны они стали «лакомым куском» не только для красных и белых, желавших за их счет пополнить собственные ряды, но и для французов, воспользовавшихся беспомощным положением российских военнопленных. Чтобы склонить к поступлению в Легион, французские военные власти, в чьем распоряжении оказалось многие из таких пленных, создали им ужасные условия жизни. Русские пленные совершили путь «из плена в плен под гром победы». Многих из русских воинов, которые спасали Францию во время вторжения русских войск в Восточную Пруссию в 1914 г. и во время «Брусиловского прорыва», отправили вместе с немецкими пленными исправлять разрушенное войной хозяйство (см. ГА РФ. Ф.6167. Оп.1. Д.5. Лл.64–65.).

Так, в середине 1919 г. можно было видеть бывших русских военнопленных, зарывающих окопы и воронки, снимающих колючую проволоку. Их даже отдавали, как крепостных крестьян, французским фермерам для бесплатных работ (см. Там же. Д.8. Л.44.).

Доходило до того, что русских воинов продавали во Франции, как скотину, на торгах (см. Там же. Л.44 об.). Очевидно, в этом проявлялась вся «союзническая сущность» французов...

Надо сказать, что даже везли их из Германии, как скот или заключенных, в товарных вагонах, под конвоем, которому было приказано стрелять в случае их «бегства» (см. Там же. Д.5. Лл.64–65.).

Отчасти это объяснялось тем, что большевики заключили позорный сепаратный мир с противниками Франции по Германскому блоку. Печать предательства, по мнению французов, автоматически падала и на русских пленных, своей кровью отстаивавших «прекрасную Францию». С другой стороны, сами французы объясняли такое отношение тем, что подозревали в них большевиков, которые уже предпринимали во Франции попытки мятежа (см. Там же. Л.65 об.).

На принудительных работах кормили и одевали бесплатную русскую рабсилу очень плохо, так что они были постоянно голодными и выглядели полными оборванцами (см. Там же. Л.67 об.). Многие из них, чтобы только избавиться от кошмарной действительности, которая не только не улучшилась с избавлением от австрийского и германского плена, но и, как это ни покажется странным, резко ухудшилась с «освобождением», записались в Легион... Действительно, за такую работу им платили в полтора раза меньше, чем во вражеской Германии, а гоняли намного больше (см. Там же, Л.44.). Выход от такого состояния был в записи в Легион.

Документы

Из письма русского легионера Колесникова 2-го иностранного полка 22-й роты из алжирского города Саиды от 3 июля 1919 г. редактору газеты «Русский Солдат Гражданин во Франции» является ценным источником по истории русских во Французском иностранном легионе становится ясно, что далеко не все русские горели страстным желанием вернуться в Россию. Хранится этот источник в ГА РФ. Ф.6167. Оп.1. Д.10. Л.69. Документ печатается с незначительными сокращениями.

«Милостивый государь, господин редактор!

Группу русских, состоящих в настоящее время на службе в Иностранном легионе, интересует вопрос о натурализации, т.е. о том, как скоро и при каких условиях можно принять французское подданство?..

Очень сильно извиняюсь за причиненное Вам беспокойство, но ввиду того, что Вы – единственная инстанция, куда русские могут обратиться за разъяснением интересующих их вопросов, я позволил себе обратиться к Вам с подобной просьбой»...

Письмо русского легионера от 19 (25) июля 1919 г. в редакцию газеты «Русский Солдат Гражданин во Франции» – наглядное свидетельство того, что французы не сдержали свое обещание отпустить легионеров, подписавших контракт до победы над Германским блоком, сразу после этого. Этот источник хранится в ГА РФ. Ф.6167. Оп.1. Д.10. Л.59.

«Согласно предписанию французского военного министерства русские солдаты, находящиеся во Франции, могут быть или освобождены от службы, или уволены в бессрочный отпуск! Да, это правда! Нас спрашивали! Кто желает остаться во Франции? Кто на работу? Кто в Россию? Но потом все это заглохло, и мы опять сидим по-старому, в неизвестности, что будет с нами. Отправят ли нас в базу для мобилизации, дадут ли нас бессрочные отпуска? Но нам ничего этого не дают, ни того, ни другого! Где же правда, неужели «под сукном»? Вот и все время такая волынка. Несколько дней нас опрашивали, кто желает уехать в Россию, кто хочет отправиться на работу во Францию, а теперь что? Опять ничего. Кто будет заботиться о нас? А неужели мы сами немы? Настолько слабы и малочисленны для того, чтобы заботиться о себе. Для французов очень хорошо, просто, но если будет продолжаться так, то это будет второй Куртин и все будет более мощно.

Я понимаю, Вам нужны факты, а нам нужны демобилизация во Францию и бессрочные отпуска.

Где мы их будем искать, да и как их достать и кто их нам даст – неизвестно.

Русский легион Иностранного легиона».

Письмо от 30 июля 1919 г. в редакцию газеты «Русский Солдат Гражданин во Франции» русского легионера, старшего унтер-офицера Романа Гикалева,

свидетельствует о бедственном положении бывших и настоящих русскоязычных легионеров на французской территории. Хранится данный документ в ГА РФ. Ф.6167. Оп.1. Д.10. Л.8.

«Получаю Вашу газету, в которой каждый желает друг другу добра, и что же они говорят о справедливости, когда сами камень за пазухой держат? Этот упрек не касается Вас. Но стоит задуматься только и вернуться к настоящей жизни и сказать: «А дни идут, их не вернешь, эти дни, никогда», то невольно сердце заикнется. Я говорю вот какой пример: от своего приезда во Францию в 1916 г. до сегодняшнего дня я оружия не бросал, до окончания, как говорят, пока не наступил мир. Я сражался в Салониках и достал там себе на память хронический бронхит и другие болезни. Вот уже 3-й год, как я страдаю, и, несмотря на это, я шел с оружием в руках с оставшимися после большевистского переворота русскими солдатами в Русском легионе, дав подписку подчиняться французской дисциплине до окончания войны, где и до настоящего времени считаюсь легионером. И что же вижу теперь? Люди, которые только прикрывались и кричали: «Не бросайте оружия!», теперь же издеваются над этим. Где же их совесть?

В начале перемирия я по болезни через госпиталь прибыл в депо Легиона. Пробыл там до настоящего времени, откуда был отправлен на принудительные работы без всякой причины 8 января 1919 г. Дали меня одному крестьянину на его власть, что только он со мной захочет сделать, то и делает. Даже после прибытия из России какого-то «переводчика» нас называют «сволочами» и говорят: «Кто из солдат или легионеров приехал в «бюро», в Невер, по какому бы то ни было случаю, будет арестован». Не насилие ли это?

А об оплате моей работы вообще не говорили. Я проработал 7 дней по 15 часов в сутки, т.е. от солнца до солнца, истоптал и износил все, что было на мне, остался почти голым. Тогда хозяин мне указал на приказ по округу русского офицера, что платить он должен 1 франк 77 сантимов, или 25 сантимов в день. При этом 25 сантимов удержали за обмундирование. Вот она, Франция!..

А старший унтер-офицер по закону Французского легиона вообще не должен. А если не признают старого закона, то пусть скажут нам новый. Может, Вам известен такой закон, но я его не знаю, но прошу объяснить мне, какое в таком случае по нему наказание мне грозит и в чем я виноват.

Не нахально ли это – в германском плену старшие унтер-офицеры не принуждаются к работе, а у французов так делают без закона со стоящим на службе сержантом? Где же тогда при этом было мое начальство? Оно, очевидно, воспользовалось тем, что я не знаю языка. А теперь мой начальник – самозванец. Вот я о чем думаю: как теперь мне сделать так, чтобы они, французы, не могли распоряжаться моей судьбой?

Я же не давал подписку на каторжные работы. Я же не из числа желающих, как на это бывает опрос. И за что же такое незаслуженное наказание? Вот что творится сейчас с русскими на чужбине. Вы слышите наши стоны? Прислушайтесь, и если Вы – русские и у Вас течет еще по жилам русская кровь, то умоляю Вас, придите на помощь. Тогда всю жизнь свою за Вас Бога молить будем».

Письмо бывшего легионера А.Н. 1-го иностранного полка 1-го батальона 7-й роты в редакцию газеты «Русский Солдат Гражданин во Франции» от 12 июля 1919 г. интересно тем, что в нем говорится, как относились к легионерам русские солдаты, отказавшиеся идти в Легион. Хранится данный источник в ГА РФ. Ф.6167. Оп.1. Д.10. Л.25.

«Прошу редакцию Вашей уважаемой газеты поместить в своем номере мое письмо нижеследующего содержания:

Из письма, полученного от солдат-легионеров с Кавказа, уезжающих на Родину, получены следующие сведения: «По приезду в Марсель, – пишет легионер-кавказец, – до посадки на пароход нас направили в лагерь Мирабо, где находились

больше тысячи человек, русских солдат из рабочих рот и бывших военнопленных, тоже ожидающих отправки в Россию. И что же: при виде легионеров названные группы солдат, вместо того, чтобы сказать нам братский привет человеческих чувств и дать хороший прием и поделиться страданиями, пережитыми на чужбине, встретили нас словами, полными презрения, упрекая нас, вплоть до ругательств, обзывая защитниками буржуазии и прочее.

Я, со своей стороны, очень жалею, что товарищи русские солдаты во Франции многие до настоящего времени оказались невоспитанными в духе социализма, созданного на человеческих чувствах. Товарищи солдаты рабочих рот перед тем, как упрекнуть легионера в том, для кого он воевал, должны были подумать, а для кого они сами работали. И если они подумали бы об этом сознательно, то безусловно бы убедились, что они все одинаковы в своих поступках, и не стали бы упрекать и презирать легионера. Могу еще сказать, что большинство легионеров здесь пережили больше тяжких испытаний, чем кто-либо, и многие из них пали жертвой как войны, так и свободы. Из легионеров многие шли в бой с сознанием человеческого долга ради свержения Европейского Империализма, считая, что без его поражения счастье невозможно. Некоторые шли в Легион, считая, что лучше найти смерть в бою, чем переносить разные лишения в Африке, будучи заключенным на разных позорных работах, а еще многие и под ружьем и по многим другим веским причинам. И здесь уже было все вместе – и радость, и скорбь, и ради человечества тогда мы забыли прежние раздоры и недоразумения, чтобы биться с общим врагом, и то же нам сделать надо сейчас.

Я тоже обижен немцем – в крови моей до сих пор находится немецкое железо, еще не извлеченное, но впоследствии, видя того же обиженного немца, я готов ему броситься в объятия, чтобы помочь обиженному ради сознания человечества.

Очень жаль, что многие товарищи, русские солдаты рабочих рот, плохого мнения о легионерах. Считаю долгом привести один пример 1-го батальона

Русского легиона, который был отправлен неведомой властью к генералу Деникину, после чего, от зловещей руки последнего, пал жертвой. Весь названный 1-й эшелон Легиона, легионеры которого предпочли пасть жертвой, чем идти по пути неправды, перед жертвами которых долг каждого русского солдата преклониться. Эти жертвы за свободу еще никак и никем не оплачены, и должную оценку им даст будущая история.

А поэтому для нас, всех русских солдат во Франции, настало время забыть прежние междоусобицы, чтобы не впасть в то, что сейчас творится на нашей Родине, захватывая все большие и большие ее районы. Гражданская война так может погрести ее лучшие трудовые силы, чего желают враги нашей свободы, и поэтому разжигают ее пламя».

Данное письмо русскоязычного легионера от 20 августа 1919 г. в редакцию газеты «Русский Солдат Гражданин во Франции» – свидетельство того, что почти через год после окончания Первой мировой войны французы так и не отпустили, несмотря на данное ими обещание, легионеров, заключивших контракт до мира. Хранится данный источник в ГА РФ. Ф.6167. Оп.1. Д.10. Л.60.

«Прошу многоуважаемую редакцию ответить на некоторые вопросы: куда именно подать прошение о переходе в Польскую армию? Где есть польские управления? Почему нам, солдатам Иностранного легиона, не дают демобилизоваться? Можно или нет ожидать отправки всех легионеров в Россию?

Е. Павловский, Русский легион».

Письмо от некой гражданки Михайловой от 20 августа 1919 г. мадам Щупак, находящейся замужем за видным французским военным с просьбой содействия по освобождению из Французского иностранного легиона русского легионера, позволяет сделать выводы о быте русских солдат, оставшихся на службе Франции. Хранится данный документ в ГА РФ. Ф.6167. Оп.1. Д.10. Лл.74–75 об.

«Приношу Вам сердечную благодарность за присланные мне сведения относительно демобилизации русского солдата во Франции, и т.к. этот солдат в данное время находится в Африке, я отослала ему добрый Ваш совет – писать рапорт по своей команде, подразделению. Его сильно это затрудняет: составить хорошо этот рапорт он не может, хотя пишет очень хорошо. Ротный его – француз – не понимает по-русски, а солдат этот не знает французского языка. Просит он меня помочь ему добрым советом, и я тоже не знаю, кому послать и как написать этот рапорт! И я решила опять побеспокоить Вас своей просьбой.

Будьте великодушны, мадам, составьте черновик рапорта и укажите точно, кому и куда его надо отослать.

Видя, что Вы имеете добрую душу, поскольку Вы немедленно исполнили мою первую просьбу, я осмеливаюсь обратиться к Вам вторично, прося Вас искренне написать мне все, что нужно.

Солдат этот Тамбовской губернии, этого же уезда, Печерской волости, деревни Лызово. По прибытии русского войска во Францию он простудился дорогой и попал в госпиталь французских дам, где было русское отделение, в котором я была сестрой милосердия. По выздоровлении солдат этот, Владимир Тарасов, писал мне, я отвечала ему, затем он был ранен во время сражения в грудь. В конце концов он попал с другими в Африку, откуда пишет, что русские там – чистые бандиты, пьянствуют, дерутся. Он наблюдает их бесконечные аресты, драки между ними доходят до убийства и прочее подобное. Ему с ними в Россию ехать неохота, хочется остаться здесь, одеться более-менее прилично и позднее уехать самому в Россию. Он будет Вам очень сильно благодарен. Простите, мадам, за беспокойство».

Письма русского легионера Виктора Калинина от 20 августа 1919 г. и более позднего времени редактору газеты «Русский Солдат Гражданин во Франции» свидетельствуют о том, что русские во Французском иностранном легионе пытаются улучшить свою жизнь, изучив французский язык и получая свежие новости из уст российского издателя. Хранятся данные документы в ГА РФ. Ф.6167. Оп.1. Д.10. Лл.221–222, 364, 398–398 об.

«Прошу Вас выслать для меня два словаря в маленьком размере – русско-французский и франко-русский, деньги за которые – 2,75 франка есть у Вас в редакции, оставшиеся от разговорника, который стоит 2,25 франка. Я думаю, что они будут стоить не дороже, потому что они – картонные и очень маленького размера».

«Покорнейше прошу Вас посылать на мою фамилию Ваши газеты. Т.к. мы, легионеры Русского легиона, в настоящее время исключаемся из рядов Иностранного легиона, то переправляемся работать. Нам тоже хочется узнать, что творится в Европе. Будете посылать нам газету, будем Вам помогать помаленьку денежным довольствием».

«Господин редактор!

Прошу Вашего ходатайства, т.к. мы, солдаты Русского легиона, в настоящее время вступаем в рабочую группу в очень глухом месте, хотим, чтобы Вы послали нам Вашу газету с 19-го номера, по несколько штук. Нам охота узнать из Вашей газеты все подробности о том, что творится на свете. Мы очень довольны Вашей газетой, она сообщает все. Пожалуйста, господин редактор, простите нас за такую просьбу и не забудьте нашу мольбу».

Письмо русского легионера 1-го иностранного полка П. Апатинова из тунисского города Сус редактору газеты «Русский Солдат Гражданин во Франции», датированное концом августа 1919 г., позволяет понять потребности русскоязычных волонтеров, которые все еще остаются в рядах Французского иностранного легиона. Находится этот источник в ГА РФ. Ф.6167. Оп.1. Д.10. Л.67.

«Милостивый государь, господин редактор!

Я вам неоднократно писал и просил выслать мне и также моим товарищам книги, но увы, господин редактор! Войдите в наше настоящее положение, какое сейчас время. У нас в Легионе – никаких развлечений и пользы, а время идет, идет без конца, напрасно. Сейчас у нас нет никаких занятий и учений, несмотря на то что времени для того, чтобы почерпнуть какие-либо знания, достаточно.

Будем довольны, если Вы вышлете нам хотя бы что-нибудь на какую бы то ни было тему.

Просим и умоляем Вас, господин редактор, вышлите нам, по возможности, что имеется.

А пока примите наше искреннее пожелание добра и привет от имени легионеров, русских волонтеров-солдат».

Письмо бывшего революционера и волонтера с 1914 г., русского капрала Снежинского из 2-го иностранного полка редактору газеты «Русский

Солдат Гражданин во Франции» проливает свет на подробности демобилизации из Французского иностранного легиона русскоязычных волонтеров. Хранится данный источник в ГА РФ. Ф.6167. Оп.1. Д.10. Л.80.

«Господин редактор!

В справочном отделе Вашей уважаемой газеты я вижу все время: «демобилизации во Франции не будет», следовательно, все без исключения солдаты должны ехать в Россию, нужно обязательно определяться – или к Колчаку, или к Деникину, т.е. к этим двум оконечностям. Следовательно, середины между ними быть не может. Но мне кажется, что свободная страна Франция не предусматривает, что между солдатами есть люди, которые хотели бы определиться к середине, почему я и думаю: Колчак, как я вижу, исходя из Вашей газеты, держится на штыках, и в его владениях происходят восстания. Кроме того, я великолепно вижу, к чему ведет Россию Колчак, именующий себя «Ваше Высокопревосходительство», и кроме того, он изволил разогнать Омское социалистическое правительство и объявить себя диктатором. Я бы еще кое-что написал, но пока вынужден умолчать. Ленин же ведет Россию к утопизму, а следовательно, я не могу быть с ними, так думают и многие из моих товарищей. Я и они считаем, что если мы вернемся в Россию и будем высказывать свои взгляды, то будем в любом случае наказаны за свои взгляды тем или другим. Да, это так и происходит, а я хотел бы еще работать в новой стране и принести ей пользу, вот почему до поры до времени я желал бы сидеть здесь, и я думаю, что Россия это великолепно поймет. Скоро мы будем организовываться и сбросим этих обоих. Вот тогда и я должен буду быть там и работать.

Я думаю, господин редактор, исходя из ваших же столбцов в Вашей же газете, что Вы с нами одних взглядов, и по всему мной вышесказанному я считаю, что возвращаться нам туда сейчас нет смысла. Я думаю, что это веские обстоятельства, это гораздо для нас, русских, важнее, чем демобилизация по семейному положению».

Данное письмо в редакцию газеты «Русский Солдат Гражданин во Франции» от некой дамы Елены де Кервили свидетельствует о печальной судьбе одного из бывших легионеров. Хранится этот источник в ГА РФ. Ф.6167. Оп.1. Д.10. Л.253.

«С великим прискорбием сообщаю товарищам моего незабвенного друга и товарища, крестьянина Михаила Софроновича Литвяка, бывшего солдата 9-й роты русского Особого полка во Франции, потом ефрейтора 1-й роты 1-го батальона Русского легиона, об его смерти в битве под Дебальцево в рядах войск Деникина. Прошу всех, кто может мне сообщить что-либо из его жизни среди русских солдат во Франции, не откажите мне в этой милости, во имя его стариков, потерявших за эту страшную войну третьего и последнего сына».

Зиновий Мовшевич Пешков-Свердлов

Имя этого эмигранта еврейского происхождения из России было широко известно не только во Франции, но и по всему миру. Только не на Родине.

Ввиду его происхождения и «особого» отношения к власти коммунистов имя Зиновия Пешкова долгое время предавалось забвению. Чтобы у читателя сразу сложилось ясное представление об этом человеке, следует процитировать известное во всем мире официальное издание Французского иностранного легиона – журнал «Кепи Блан», откликнувшийся некрологом на его смерть: «Его карьера, необычная и волнующая, измеряется расстоянием от солдата-легионера 2-го класса до корпусного генерала и посла Франции». Луи Арагон так сказал об этом человеке: «Зиновий Пешков был и действующим лицом, и свидетелем этой эпохи. Он сыграл в ней одну из самых необычных ролей» (см. Пархомовский М.А. Книга об удивительной жизни Ешуа Золомона Мовшева Свердлова, ставшего Зиновием Алексеевичем Пешковым, и необыкновенных людях, с которыми он встречался. Иерусалим, 1999. С.7.). А это из публикации в «Паризьен»: «Он был одной из самых необычных фигур французской армии». «Фигаро» выразилась о нем так: «Свое французское гражданство он завоевал пролитой кровью, его подтвердило признание самых высоких авторитетов страны».

Французский ежегодник «Кто есть кто» содержит краткую его биографию: «Пешков Зиновий – генерал и дипломат, в отставке с 1949 г., приемный сын М. Горького. Родился 16 октября 1884 г. в Нижнем Новгороде. Карьера: добровольное вступление в 1914 г. во французскую армию. Миссии в США (в 1917), Китае, Японии, Манчжурии, Сибири (1918–1920). Политический помощник Верховного комиссара на Кавказе (1920). Участник войны в Марокко офицером Французского иностранного легиона (1921–1926); сотрудник Верховного комиссара в Леванте (1930–1937); командир Французского иностранного легиона в Марокко (1937–1940). Присоединение к «Свободной Франции» (1941); представитель «Свободной Франции» в ЮАР в ранге министра (1941–1942); глава миссии в Британской Африке (1943); представитель и позднее – посол в Китае (1943–1945); глава миссии Франции в Японии в ранге посла (1945–1949)» (см. Dictionnaire biographique Francais con tem porain. Deauxieme Edition. 1954–1955. P.515.).

Являясь членом Межсоюзнической Урии, 3 марта 1964 г. он был направлен де Голлем с миссией к Чан Кай Ши (см. Edit. 1964.).

Родился в семье еврея-ювелира в Нижнем Новгороде, старший брат известного «русского» революционера Якова Свердлова, он решительно от него отличался уже в юном возрасте (см. Пархомовский М.А. Книга об удивительной жизни Ешуа Золомона Мовшева Свердлова, ставшего Зиновием Алексеевичем Пешковым и необыкновенных людях, с которыми он встречался. Иерусалим, 1999. С.15.). Несмотря на то что Зиновий тоже общался с революционерами, братья резко разошлись во взглядах на дальнейшее переустройство общества. Если Яков твердо верил в революцию, то Зиновий Свердлов считал, что лучшее средство достижения удовлетворения интересов народа и стабильности общества – реформизм сложившихся порядков и компромисс между сильными мира сего и народом с перераспределением в пользу последнего значительной части земных благ (см. Там же. С.18.).

Разногласия между ними достигли размера непреодолимой пропасти. Об этом свидетельствует тот факт, что если при первом аресте Якова Свердлова в мае 1902 г. он при заполнении полицейского протокола в графе «родственные связи» указал брата Зиновия, то при повторном аресте в апреле 1903 г. брата Зиновия у Якова Свердлова в полицейском протоколе не значилось (см. Там же.). Впоследствии семья Свердлова не признавала Зиновия своим членом (см. Там же. С.23.). В свою очередь, Зиновий также отказался от всякого родства с Яковым и с семьей Свердловых. Даже спустя долгие годы, когда во Францию приехал его младший брат Вениамин, желая

сообщить ему накопившиеся за десятилетия новости о семье Свердловых, он отказался слушать, сказав, что он к ней не имеет никакого отношения и это ему не интересно (см. Там же. С.18–19.).

Учеба у Зиновия не задалась сразу: три года он учился с трудом в Михайловском приходском училище и закончил его в 1895 г., после чего поступил в ремесленную школу при Нижегородской ремесленной управе, которую не закончил, через год отчислился и стал работать у отца в граверной мастерской (см. Там же. С.15.).

Очень близко он сошелся с другом семьи М. Горьким. В декабре 1901 г., когда Горького отправляли в ссылку, он прилюдно махал красным флагом и кричал: «Да здравствует свобода!» За это на месте был арестован (см. Там же. С.23.). Этот случай еще больше сблизил Зиновия с писателем, и он с тех пор жил у Горького, работая в его библиотеке. Алексей Максимович даже усыновил Зиновия, а в 1902 г. – крестил (см. Там же. С.18, 23.). Поэтому будущий генерал Франции и начинал рассказ о своей жизни не с семьи Свердловых, а с Горького. Возможно, что крещение Зиновия было связано не с тем, что он проникся христианской верой. Этот шаг открывал для него широкие возможности в тогдашней России. Тогда Зиновий желал поступить в Императорское филармоническое училище. Сам Шаляпин пытался его туда устроить, заметив, что у молодого человека хорошие голос и слух. В то время иудеев царская власть милостью не жаловала, и для них были закрыты дороги не только во власть, но даже в искусство. Однако, к Шаляпину Зиновий не попал и учился в студии МХАТа, играя во многих спектаклях, в том числе в постановке пьесы Горького «На дне». Во время учебы жизнь ему портило родство с семьей Свердловых. Нередко студента задерживали полицейские и жандармы за «связь с ней».

Но в это время началась Русско-японская война. Зиновия должны были призвать в армию, в которой он служить не желал, считая эту войну преступной. Снова начались его преследования, и Пешков оказался за границей, в Канаде. Поначалу жизнь его там не была легкой. Здесь он занимался тяжелым физическим трудом и вскоре даже пожелал вернуться на Родину.

Ситуация изменилась с приездом Горького. В начале 1906 г. Зиновий перебирается к нему в США, хотя эту страну он и не любил. Здесь он работал у писателя кем-то вроде швейцара, пропуская к нему разных посетителей. Большевики, живя за границей, ведя антироссийскую деятельность, получали для свержения ненавистной им империи большие субсидии. Деньги эти шли от американских денежных воротил, нередко имеющих еврейское происхождение. Им выгодно было свержение царя в России по разным причинам: во-первых, личная месть за притеснения евреев, а во-вторых, устранение опасного, год от года набирающего все большую силу конкурента. Денежные магнаты предоставляли большевикам средства. Деньги проходили через руки Горького. Так, однажды случился курьезный случай, за который большевики имели на Зиновия очень большой «зуб»: в один прекрасный день, по неизвестной причине, но скорее всего, по незнанию, он не впустил к Горькому одного посетителя. Узнав об этом, Горький пришел в ярость, и Пешкову сильно влетело: это был не кто иной, как известный миллионер Оскар Штраус, который готов был под определенные условия предоставить большевикам деньги и который шел к Горькому для переговоров по этому поводу. Таким образом, большевики лишились значительной субсидии (см. Он же. Там же. С.62, 63, 66.).

В 1906 г. у Зиновия с Горьким наступает временный разрыв, и приемный сын от него уезжает, можно сказать, на край света, в Новую Зеландию. Несмотря на это, между ними сохраняются отношения, Горький, хоть и называл Зиновия бездельником, все же высылал ему немалые суммы денег (см. Он же. Там же. С.70, 71.).

На щедрые пожертвования мировых русофобов большевики тогда открыли партийную школу на курортном острове Капри. Поначалу Горькому удалось втянуть в эту работу и Зиновия Пешкова, который в 1907 г. приехал в Италию и временно работал там на заводе. Вскоре Зиновий, оставив эту работу, до Первой мировой войны обучался в партийной школе на Капри вместе с видными большевиками, например, с Алексинским, Луначарским и Богдановым. Фактически в те годы он стал личным секретарем Горького. Зиновий неоднократно встречался и с Лениным. Молодой человек очень приглянулся будущему вождю. Ленин всеми силами пытался втянуть в партию Пешкова, но тщетно (см. Он же. Там же. С.83–85.).

В 1911 г. наступил новый разрыв Горького с Пешковым, и последний уезжает с женой на заработки в США. Но, как и раньше, охлаждение отношений было временным. В 1913 г. Зиновий возвращается на Капри. Как оказалось, жизнь в США тоже не была легкой, и там он попал фактически на положение заключенного из-за того, что у него не было нужной для въезда суммы денег. Горький его опять выручил. Пешков некоторое время работал переводчиком и агентом по скупке земли, но потерпел неудачу в надежде разбогатеть и снова вернулся в Европу, где некоторое время работал секретарем у литератора Амфитеатрова (Амфитеатров Александр Валентинович (1862–1938) – писатель, публицист, по образованию – юрист. За фельетон о царской семье был сослан. Из ссылки бежал за границу. Жил там, главным образом, в Италии. Умер в своем имении, подаренном ему Муссолини.). Неожиданно у него обнаружились задатки очень хорошего литератора, и поэтому в 1913–1914 гг. Зиновий Пешков стал много публиковаться (см. Он же. Там же. С.136.).

Начало Первой мировой войны русская эмиграция «1-й волны» встретила неоднозначно. Большевики и часть эсеров во главе с Черновым выступили в пользу военного разгрома своей Родины, считая, что так им удастся прийти к власти, но большая часть социалистов ратовала за помощь России в этой борьбе, невзирая на отношения с царизмом. Амфитеатров посоветовал русским эмигрантам, стоящим на патриотической позиции, поскольку у них не было возможности идти в русскую армию, записаться в армию ее союзницы, республиканской Франции. Пешков идею поддержал и разругался со старым знакомым Черновым (см. Амфитеатров А.В. Не брат своих братьев.//Сегодня. 1927. № 152.).

Но самым тяжелым тогда для Зиновия стало то, что он разругался с Горьким, который твердо стоял на большевистской позиции (см. Пархомовский М.А. Книга об удивительной жизни Ешуа Золомона Мовшева Свердлова, ставшего Зиновием Алексеевичем Пешковым, и необыкновенных людях, с которыми он встречался. Иерусалим, 1999. С.130.).

Вскоре французские газеты распространили сведения, что «сын Максима Горького пошел добровольцем во французскую армию, поступил в полк, стоящий в Ницце, и просил послать его на передовые позиции» (см. М. Горький и сын. М., 1971. С.144.). Однако поначалу записываемых в этот полк иностранцев в скором времени переправили во Французский иностранный легион. Несмотря на то что Пешков пробыл в полку в Ницце совсем немного времени, его командир дал ему следующее удостоверение: «Пехотный полк удостоверяет, что прибывший из Италии во Францию, чтобы вступить во французскую армию на время войны, Зиновий Пешков разобрал и каталогизировал около 9 тысяч томов, пожертвованных солдатам населением. Он владеет несколькими языками. Это настоящий человек!» (см. РГАЛИ. Ф.34. Оп.2. Д.21. Л.5.)

Сам Пешков так описывает Амфитеатрову свои первые впечатления от французской армии: «Я был принят так приветливо и так по-дружески, что даже был взволнован этим. Ко мне очень милы и предупредительны. Я счастлив еще и тем, что смог быть полезен со 2-го же дня по прибытии... Единственно, чего я боюсь, – смогу

ли я остаться в этом полку, т.к. мне сказали, что все иностранцы должны быть организованы в отдельном легионе» (см. РГАЛИ. Ф.34. Оп.2. Д.21. Л.4.).

Порыв Зиновия Пешкова несколько угас с прибытием его в легион: «Я здесь уже 6 дней. Здесь очень плохо. Только вчера дали ружья. И это все. Даже те, которые завербовались в самом начале, не имеют оружия и не практиковались с ним. Беспорядок и дезорганизация – удручающие. Назначили учения на 10 часов утра, перенесли на 12, затем на 2 часа и только в 4 начали кое-чем заниматься. Должен сказать, что я нахожусь в отряде для избранных. Все другие волонтеры с 3 или 4 сотнями русских и евреев, которые прибыли из Парижа, находятся в гораздо худших условиях, чем наши. Они живут в Папском дворце в Авиньоне, от которого остались лишь руины. Там просто ужасно. У них нет еще даже формы. Отвратительнейшая грязь. Все больны. У кого уши, у кого дизентерия. Я видел, что они потеряли мужество, худые, бледные. Они проклинают все и всех. А большинство этих людей прибыло сюда, переполненных энтузиазма, в патриотическом порыве, покинули свои семьи, родителей, работу. Мой компаньон, англичанин, прибыл сюда из Калькутты! Итальянцев просто-напросто обманули. Они направлялись в Гарибальдийский легион, а его просто не существует. Они чрезвычайно возмущены. У нас случаются открытые бунты. Однажды пьяный капрал повел нас на учения. Он останавливал весь отряд только потому, что один из нас недостаточно хорошо маршировал. Он начал оскорблять нас словами, смысл которых я не знал, а когда мне их объяснили, я не хотел поверить. ...Вместо того чтобы сделать из этого урок, он продолжал нас оскорблять до тех пор, пока один итальянец, уже в возрасте, не стал протестовать. После бурного шума капрал просил нас не говорить об этом никому ни слова» (см. Там же. Л.6.). Такое обращение с добровольцами и зверские наказания по любому поводу были нестерпимы для них, обладавших обостренным чувством собственного достоинства. Русские политэмигранты в результате заявили по этому поводу протест, что старые легионеры назвали «бунтом».

Результатом этого стало осуждение осенью 1914 г. нескольких русских военно-полевым судом к расстрелу. Это еще больше возмутило русских политэмигрантов, считавших, что в республиканской Франции порядки куда демократичнее, чем в «деспотичной» России, а вышло как раз наоборот. Презрев свое неприязненное отношение к официальным представителям Российской империи, они пытались воздействовать на французов через русского военного атташе, полковника А.А. Игнатьева, но французское правительство обжаловать приговор отказалось, сославшись на то, что уже поздно и приговоренных расстреляли (см. Он же. Там же.).

Получив такое письмо от Пешкова, Амфитеатров, используя свои знакомства в среде высшей политической элиты Франции, попытался изменить ситуацию. В своем письме 19 декабря 1914 г. к одному из таких представителей он сказал: «Обратите внимание, что до поступления в легион Зиновий Пешков провел несколько недель в южном полку и был от него в восторге... Здесь же – совсем другое дело. Очевидно, что добровольцев не считают серьезной силой и поэтому с ними так плохо обращаются, придавая им таких инструкторов, как описанный моим корреспондентом – только для видимости, а не для того, чтобы их чему-то научить. Это очень печально. Я не военный и не осмеливаюсь судить военных. Может быть, с военной точки зрения волонтер действительно не настоящий солдат, но нравственное значение волонтерства и резонанс, который может вызвать волонтер в дружественных странах, огромны, и я очень сомневаюсь, что этот резонанс будет благоприятным и стоит того, чтобы им так рисковать. Я не сообщаю имен, не желая никому причинить вреда, я также ни в коем случае не хотел бы публикации этого письма, но Вы, при желании, безусловно, найдете достойные способы, достаточно эффективные, чтобы оборвать зло на корню» (см. Он же. Там же. С.141.).

Однако уже 23 декабря 1914 г. в эмигрантской газете «Русское Слово», выходящей в Риме, Амфитеатров писал: «Сегодня получил несколько открыток от Зиновия Алексеевича Пешкова. Он уже получил нашивки капрала и накануне производства в офицеры за отличие... Последние письма отправлены Пешковым из траншей французского расположения под Реймсом. Письма дышат бодростью, сознанием исполненного долга. О лишениях, которые приходится терпеть в траншеях, молодой солдат пишет в шутливом тоне.

Каждая рота по несколько дней сидит в окопах 1-й линии огня, иногда всего лишь на расстоянии в каких-нибудь 200 метров от неприятеля. Затем рота переходит во 2-ю линию. Эти переходы, по колено в грязи, очень изнурительны и медлительны... По описанию Пешкова, их подземные жилища похожи на норы. «Когда стою на коленях, – пишет он, – то все-таки достаю головой до сосновых веток, прикрывающих наши окопы». А Пешков – человек небольшого роста.

По вечерам, когда счастливчики, раздобывшиеся свечами, зажигают их у своего изголовья, окопы принимают вид настоящих катакомб. Солдаты много терпят от дождя и снега, почему Пешков и обращается к добрым людям с горячей просьбой посылать волонтерам как можно больше шерстяного платья и белья, т.к. за исключением его самого, обладающего железным здоровьем, почти все товарищи страдают бронхитами и ревматизмами.

Между всеми солдатами, хотя и собравшимися с разных концов мира, царит полное согласие. Дух войск – превосходен, только все время скучают от жизни в траншеях и горят желанием выступить против немцев в открытом бою... «Есть основания думать, – пишет он, – что кроты выйдут из своих нор и что будет очень жарко». Разумеется, все хотят скорого конца этой бойни, но в то же время все верят, что война окончится лишь после того, как Франция победит. Зиновий Алексеевич Пешков просит передать горячий привет его друзьям в России» (см. Амфитеатров А.В. Капрал Пешков.//Русское Слово. 23 декабря 1914 г.).

Тогда все удивлялись Пешкову: 30-летний, он выглядел едва ли на 20 и был молод не только внешностью, но и душой.

В начале 1915 г. Пешков написал Амфитеатрову новое письмо: «Как только будет возможно, напишу Вам большое письмо. Теперь не могу. Над головой летят снаряды. Жужжат моторы аэропланов, то немецких, то французских, а то и тех, и других... И наши, и их аэропланы посылают какие-то сигналы, то красные, то синие, то белые – после таких сигналов артиллерия становится активнее. Господи, чего только не принял небольшой городок позади наших траншей. Я уверен, что его бомбардировка стоит гораздо дороже, чем постройка и все, что в нем есть и было. Прекрасная старая церковь совершенно разрушена, но удивительно уцелела одна сторона и орган остался невредимым. И вот, представляете, однажды иду мимо этой церкви, а из нее доносятся звуки органа, такие гармоничные, полные печали, тоски и какого-то особенно сильного чувства. Если бы Вы могли себе представить странность этих звуков в этом дико обломанном городе. Однажды в этом городке 11 человек были изуродованы снарядом, 1 русский – Арцышевский – был тяжело ранен в плечо в то время, когда он мирно направлялся на кухню за едой. Вчера был ранен товарищ, прекрасный человек, самый лучший человек в моем капральстве, в то время как он вечером после заката солнца пошел в поле за траншеями собрать картофель для завтрашней еды. Он дошел до первой землянки, сказал: «Я ранен» и упал.

Стреляют немцы из ружей довольно метко, хотя ужасно смешно. Вот, например, заметят они, где у нас работают, вскидывают лопаты земли, начинают стрелять и тут уже не перестают стрелять 2 дня, 3 дня, неделю. Поставят, видимо, двух солдат и приказывают им стрелять в это место каждые 10 минут. Есть участки в траншеях, в которые стреляют месяца 2. Прямо хохот разбирает. Оставила наша рота одни траншеи и не возвращалась туда около 2 месяцев, затем снова туда пришли.

Все в траншеях переделано, изменено, улучшено, иначе расположено. Пошел я как-то в то место, которое служило нам убежищем. Иду и насвистываю. Здесь все мне на память... Клак, клак, клак, клак – выстрелы. И действительно, вспоминаю, что 2 месяца тому назад стреляли в этот же самый пункт. Пошел, сказал своим. Хохотали до упаду... Ну, пока кончаю письмо. Только буду расписываться, как надо идти разводить караульных. Я сегодня дежурный, и мои люди – в карауле» (см. РГАЛИ. Ф.34. Оп.2. Д.21. Лл.2–3.).

Но смеялся Зиновий над «немецкой тупостью» и «постоянством» недолго. Вскоре его тяжело ранили. Об этом хорошо пишет Анатолий Васильевич Луначарский в своей статье «У З.А. Пешкова», написанной в американском госпитале в Нейи, под Парижем, и помещенной в газете «Киевская мысль» за 7 июня 1915 г.

Речь в этой статье идет о бое Легиона 9 мая 1915 г. под Аррасом. В это время в подчинении Пешкова находилась небольшая секция польских волонтеров, бывших шахтеров из Познани, работавших во Франции.

Начинается она так: «Пешков по-прежнему такой же ладный, ловкий, сильный, веселый и прямой. Мы присаживаемся на каких-то камнях, и он начинает рассказывать: «...Наш полк был составлен по преимуществу из испанцев, швейцарцев, некоторого количества славян, включая русских... Все эти люди добросовестно исполняли свой долг и не жаловались. Офицерами мы были очень довольны. А к капитану питали самое нежное чувство.

Работа была тяжелая... Порывшись в земле до того, что обливаешься потом, ложились мы на отдых на живот в студеную грязь. Но кто выжил – сильно окреп. Мы все закалились и налились силами. Я, например, никогда не чувствовал себя таким крепким и могу сказать, что покойная моя рука была действительно сильной...

Немцы поражали нас какой-то механической методичностью стрельбы. Возмущало нас часто то, что они открывали свирепейшую пальбу, когда мы выходили подбирать мертвых, своих и ихних, или даже освобождать запутавшегося в проволочных изгородях их товарища. К нему они не подпускали, и человек так и погибал у них и у нас на глазах, как муха в стальной паутине...

Когда нам объявили об атаке, мы все пришли в большое возбуждение – не то радостное, не то какое-то другое. Трудно понять, трудно рассказать. С раннего утра, а утро было хорошее, началась артиллерийская подготовка. Это было что-то феноменальное... Весь воздух ревел. Мы видели перед собой неприятельские траншеи, откуда вылетали, разбрасываясь фонтанами, дерево, земля, камни, люди.

Капитан, отправляясь на свое место, крикнул мне, улыбаясь: «Красиво, а, Пешков?» Я ответил: «Да, мой капитан, это извержение Везувия!» И это были последние слова, которые я от него слышал. Сейчас он умирает от тяжелой раны в живот.

Наконец раздалась команда. Солнце сияет, весь луг усеян золотыми цветами. Мы вскакиваем «из-за кулис», как я это назвал, и я делаю командное движение ружьем – «вперед». В то же мгновение раздался треск пулеметов, моя рука падает, как плеть, меня самого что-то толкает, и я лечу на землю... Вся атака была проведена молодецки: в полтора часа мы взяли 3 линии и несколько сот пленных. Но это все уже произошло без меня. Я чувствовал, что не могу подняться, имея на себе 250 патронов, тяжелую сумку, фляжку с водой, бинокль и прочее. Наши убежали вперед, а я копошусь на земле. Достал левой рукой перочинный нож, разрезал ремни. Попытался немного осмотреть руку. Вижу, что с нее сорвана значительная часть мускулов, крови целая лужа. Постарался левой рукой и зубами потуже затянуть ремнем расшибленную руку у самого плеча. Потом встал. Шел я назад с километр, без всякой перевязки. По дороге видно множество немецких пленных... Когда я проходил мимо их, держа свою окровавленную руку, они мне улыбались, не то дружески, не то заискивающе, и козыряли...

Кое-как меня перевязали и отправили пешком в Акр.

Идти туда – километра 4. С ужасом я заметил, что рука вспухает, стала серой, начинает наполняться газом. Наконец добрался я в сильном жару до Акра. Там перевязали меня вторично и уложили. Ночью опять открылось кровотечение. Вся постель подо мной совершенно промокла. Крови потерял столько, что голова кружилась – я чувствовал, что умираю. Звал на помощь, но никто не подходил: раненых нахлынуло множество, и персонал справлялся, как мог. Был уверен, что умру. К груди мне прилепили красный знак на эвакуацию, как всем тяжелораненым, в большинстве офицерам. Офицеров эвакуировали первыми. Со мной рядом лежал капитан. Он видел все, что происходило.

...Можете вы как-нибудь подняться? – спросил он меня. ...Право, не знаю.

...Носилок я вам не добуду. Но если вы сможете со мной добрести до фургона, в котором меня увезут, я найду вам местечко, и мы как-нибудь вместе доберемся до настоящего пункта.

...Трудно мне это было сделать. Но умирать-то все-таки не хотелось. Кое-как дотащились. И вот попал сюда, в этот прекрасный госпиталь. Приехал я сюда весь окровавленный и грязный, положили сейчас же для осмотра, и одна американская сестра, высокая блондинка, увидев мою руку и, конечно, не предполагая, что я, такой черный и притом перепачканный французский легионер, говорю по-английски, сказала вслух: «Ну, этот умрет!»

Я посмотрел на нее и ответил: «А может быть, еще не совсем?» Боже мой, что с ней сталось!

Несмотря на всю тяжесть моего положения, мне жалко стало бедняжку, так она испугалась и сконфузилась.

Наконец говорит мне, что руку надо отрезать по плечо. Я попросил зеркало, чтобы рассмотреть ее. Тяжелый был момент. Но я ясно видел, что рука пропала. Валяйте!

Усыпляли меня каким-то препаратом, и в момент, когда у меня сознание терялось, я как-то спросил ту же сестру: «Неужели умру?» И она ответила мне уверенно и нежно: «Нет, я не дам Вам умереть!» После этого я заснул совершенно, как ребенок, успокоенный матерью.

И вот теперь, как видите, я без руки. Хуже всего, однако, то, что я ее прекрасно чувствую. Почти все время у меня зуд в ладони отрезанной руки и страшная ломота в сочленениях. Так хотелось бы схватить ее. Ночью хватаешь пустое место, чтобы поправить руку. Страданий пока доставляет она мне много».

И действительно, мой собеседник употребил невероятные усилия, чтобы продолжить спокойно говорить, в то время как лицо его искажалось от времени до времени судорогой сильной боли.

В эту минуту объявили о приходе французского журналиста. Он как-то нахрапом набросился на Пешкова, и защититься от него не было никакой возможности. Он подверг раненого обстоятельному интервью, причем, между прочим, спросил: «А ваш знаменитый отец Горький? Он в тюрьме, не правда ли?» Пораженный Зиновий Алексеевич ответил, что ничуть. «А я слышал, что его за крайние убеждения держат в тюрьме. Но какой человек! Это поистине гений! Подумайте, выбиться из того, чем он был, и добиться того положения, каким он обладает!» И пошел, и пошел! Кое-как отделались...

По выздоровлении Зиновий Алексеевич предполагает вернуться в Италию, где у него жена и четырехлетняя дочка. Я пожал ему оставшуюся руку, обещая сделать все возможное, чтобы повидаться еще с этим милым и смелым человеком, который с такой непринужденной легкостью, с таким лишенным рисовки спокойствием переносит несчастье, обрушившееся на него, как результат поступка, который он считал своим прямым и несомненным долгом».

Однако очевидно, что Зиновий не все рассказал Луначарскому. Как свидетельствовал капитан легкой кавалерии спаги Э. Шарль-Ру, который был ранен

легче Пешкова, нашел возчика, который отвез их на ближайшую станцию, где стоял санитарный поезд. Они проскочили в свободное купе. Когда их там обнаружил старший врач, то он был в страшной ярости и хотел их оттуда вышвырнуть. Тогда Зиновий вытащил здоровой рукой пистолет. У него был такой вид, что врач сразу пришел в себя и оставил их в покое. Но по прибытии в Париж Пешков улизнул с этого поезда, опасаясь мести, и стал «подпольным раненым». Капитан помог ему идти, по его свидетельству, шинель Зиновия к тому времени одеревенела от засохшей крови, в таком виде они и шли по улицам, пока не попали в американский госпиталь.

По мнению Амфитеатрова, в американский госпиталь Пешков попал не случайно, а из-за хорошего знания английского. Там «он сделал много интересных знакомств, принесших ему затем немалую пользу в позднейшей военно-дипломатической карьере, а одно из них возымело огромное влияние и на его личную жизнь» (см. Он же. Там же. С.148.).

Сам Пешков, неоднократно вспоминая ту кровавую атаку под Аррасом, сравнивал ее с «картиной кромешного ада» и «с последними днями Помпеи». Как было написано в российской прессе того времени, сам Зиновий Пешков заявил по этому поводу: «Вас это хотя и удивит, но я вам скажу, что атака – приятная вещь, жаль только, что пришлось скоро уходить. Стоило для этого прожить 7 месяцев в траншеях» (см. Я.Б. у З.А. Пешкова.// «Нижегородский листок». 9 июня 1916 г.). «Приятная вещь», судя по письму «однокашника» Зиновия Пешкова по партийной школе Григория Алексеевича Алексинского Горькому, стоило Легиону очень дорого: «батальон, в котором он был, пострадал ужасно – уцелели единицы» (см. Пархомовский М. Сын России, генерал Франции. М., 1989. С.149–150.). Горький встретил известие о ранении «дорогого Зины» необычно даже для хорошо знавших его – матом (см. Там же. С.153.).

После боя под Аррасом маршал Жоффр 28 августа 1915 г. подписывает приказ о награждении Пешкова Военным Крестом с пальмовой ветвью, а 5 сентября он издал приказ об отпуске кавалера Военного Креста «для восстановления здоровья» (см. Он же. Там же. С.151.).

Несмотря на его очень низкий рост – 162 сантиметра, – это не создало ему большой проблемы для карьеры, которая только начиналась, и сам Пешков, очевидно, очень бы удивился, узнав о том, что его ждет в ближайшие годы.

Казалось, что на этом путь Пешкова как военного завершен – какой он офицер без руки? Но нет. Легион не хотел отпускать от себя даже увечного Пешкова. Свидетельством тому служит тот факт, что даже приехать в Италию ему тогда было невозможно. Амфитеатров был вынужден просить посла России в Париже А.П. Извольского о содействии «приемному сыну известного Максима Горького. Молодой человек этот – мой сотрудник и друг, который, будучи уже бесполезным по увечью своему для армии, стремится возвратиться к своей семье в Италию, но встречает к тому затруднения в каких-то формальностях, длящихся бесконечно. Если Ваше превосходительство найдет возможность способствовать скорейшему отпуску Пешкова, сделайте истинно доброе дело, за которое будут глубоко признательны Вам его семья, друзья и наша газета. Представитель газеты «Русское Слово» для всех средиземноморских стран А.В. Амфитеатров» (см. Пархомовский М.А. Книга об удивительной жизни Ешуа Золомона Мовшева Свердлова, ставшего Зиновием Алексеевичем Пешковым, и необыкновенных людях, с которыми он встречался. Иерусалим, 1999. С.120.).

Так или иначе, но вскоре после этого обращения Пешкову дали возможность выехать в Италию.

Однако жизнь здесь у него не задалась. Знакомства его близкого друга, литератора Амфитеатрова, помогли вернуть Зиновия в строй уже офицером. Благодаря его хлопотам Пешкова отправили в составе особой агитационной миссии в

США, где он не только собрал крупные пожертвования в размере 70 тысяч долларов – колоссальная по тем временам сумма, – но и добился расположения американских политиков, пользуясь своими связями с высшими представителями бизнеса США. Здесь же он завел и новые знакомства с влиятельными людьми, которые помогли ему сделать дальнейшую карьеру. Вообще, современники отмечали, что новые знакомства с кем бы то ни было, ему давались очень легко (см. Он же. Там же. С.158.).

Во Франции посчитали, что миссия Пешкова сыграла не последнюю роль в том, чтобы американцы выступили на стороне французов в этой войне. Почести посыпались на молодого Пешкова, как из рога изобилия: по приезду его сделали капитаном и наградили орденом Почетного легиона «за исключительные заслуги по отношению к странам-союзникам» (См.: Он же. Там же. С.158.). В свою очередь, Пешков сделал широкий жест, подарив эти деньги американскому госпиталю, в котором ему спасли жизнь (см. Он же. Там же.).

В это же время он, видя, что его жена, дочь кубанского казачьего полковника Бураго, встретила его возвращение и ранение очень холодно, закрутил любовный роман с англичанкой, графиней Черних, женой сараевского консула, который в 1914 г. способствовал австрийскому заговору против Сербии (см. Он же. Там же.).

Вскоре после возвращения, 27 июня 1917 г., он был направлен в Россию для участия во Французской военной миссии вместе с другими русскоязычными политэмигрантами, отправившимися на Родину для помощи Временному правительству, т.к. считалось, что благодаря своим знакомствам с революционерами он может лучше найти язык с новыми российскими властями (см. Он же. Там же.).

По приезду в Россию Пешков был прикомандирован к Деникину и некоторое время находился также в качестве военного атташе в Петербурге, при Временном правительстве. Но отношения его с новой революционной властью не сложились. После подавления Июльского путча 1917 г. большевиков Керенский, наивно полагавший возможность в то время «мира» между большевиками и другими «революционными» партиями, запретил Пешкову выступать перед солдатами и вообще народом с призывами вести войну до победного конца, дабы «не обострять ситуацию». В ответ на это Пешков уезжает во Францию и докладывает Пуанкаре об этом. Всю оставшуюся жизнь он не устает повторять о том, что после этого он мог Керенского только глубоко презирать. В то же время Корнилов для него навсегда остался великим борцом против мирового зла – большевизма, за единую и сильную Россию (см. Poincare R. Au Service de la France (neuf annees de souvenirs). IX. L Annee trouble (1917). Paris, 1932. P.342.).

В октябрьские дни 1917 г. его жизнь, как «наемника Антанты», была в большой опасности, если вспомнить судьбу Английской военной миссии, которая была частично перебита большевиками. Несмотря на ежесекундную опасность быть убитым озверевшими солдатами и матросами, выплескивавшими в те дни всю свою ненависть на офицеров и «буржуев», Пешков не снимал тогда своей офицерской формы и смело ходил в ней по улицам. Однако он все же был вынужден в скором времени бежать из-за того, что его жизни стала угрожать непосредственная опасность со стороны новой власти. По данным Амфитеатрова, тогда он был просто влюблен в лидеров Белого движения, особенно Деникина, Корнилова и Колчака, и по этой причине «прежние каприйские приятели, уже определившиеся в то время воинствующими большевиками, рычали на Зиновия зверски, так что лучше с ними ему было и не встречаться» (см. Пархомовский М.А. Книга об удивительной жизни Ешуа Золомона Мовшева Свердлова, ставшего Зиновием Алексеевичем Пешковым, и необыкновенных людях, с которыми он встречался. Иерусалим, 1999. С.129.).

После этого, в течение 3 лет, Пешков состоял во Французской военной миссии при белогвардейцах. Тем самым он бросал «тень» на своего «звездного» брата – Свердлова, одного из главных действующих лиц в большевистском руководстве и

инициатора кровавого террора против казачества. Несомненно, о деятельности Зиновия большевики очень хорошо знали, но даже отказывались говорить о нем, дабы не огорчать его брата (см. Он же. Там же. С.161.).

С юга России, от Деникина, он переезжает во Французскую военную миссию. Сначала он находится при атамане Семенове. Но об этом человеке у Пешкова был такой отзыв в вышестоящие французские инстанции: «Грабитель, вымогатель, отдает французское и английское оружие японцам, бесполезный в военном отношении» (см. Delmas J. Legionaire et diplomate. Le capitaine Zinovi Pechkoff.//L Etat-Major francais et le front oriental aprés la revolution bolchevique. These de doctorat. 1963. Bibliotheque de la Sorbonne. Paris. P.151.). В то же время по отношению к Колчаку его позиция была диаметрально противоположной: «Это был человек исключительно высокого патриотизма. Из всех политиков Сибири он поражал своей целесообразностью и бескорыстием» (см. Там же. P.152.).

После прихода к власти в Сибири Колчака Пешкова включают во французскую военную миссию генерала Жанена, и он доставляет в белый Омск документы об официальном признании Францией Колчака как лидера антибольшевистских сил. Однако в белой Сибири многие знали о том, что Пешков – брат Свердлова, и поэтому среди белогвардейского генералитета к нему было настороженное отношение. Генерал-майор русской службы Фельдман вообще считал, что через Пешкова к большевикам просачиваются важные сведения военного характера.

После полугодичного пребывания в 1919 г. в Сибири Пешкова снова отправляют в 1920 г. на белый юг, где он находится во Французской военной миссии у генерала Врангеля и в меньшевистской Грузии. В этот момент имя Пешкова неоднократно отмечалось большевиками в числе расстрелянных, но они лишь выдавали тем самым желаемое за действительное.

Во время эвакуации в ноябре 1920 г. белой армии из Крыма Пешков спас большое семейство Оболенских, посадив их на французский корабль (см. Он же. Там же. С.166–167.). По возвращении из России Пешков становится майором и около года занимается спокойной канцелярской работой в военном министерстве. Но уже в 1921 г. ему такая жизнь надоедает, и он едет в полк Легиона в Марокко, где становится комендантом крепостного округа на Среднем Атласе «Казбах-Тадла». По данным большевиков, в те годы якобы Пешков стал на их сторону, хотя эти данные никакими реальными действиями с его стороны не подтверждаются. Но по донесениям большевика М.А. Михайлова от 22 августа 1922 г., он якобы развернул среди подчиненных ему людей соответствующую агитацию (см. Он же. Там же. С.171.).

В письме Горького в октябре 1922 г. видно другое: «На днях приезжал ко мне из Марокко Зиновий Пешков и сказал, что военная служба надоела ему и он хочет заняться культурной работой» (см. Он же. Там же.). Сам Пешков открыто в то время заявлял, что Французский иностранный легион уже многие десятилетия «пользуется дурной славой» (см. Он же. Там же. С.179.).

Но только он в конце 1922 г. уходит из Легиона, как начинает понимать, что без этого подразделения уже не может жить. Как пишет Эдмонда Шарль-Ру: «В 1923 году Зиновий Пешков стал натурализированным французом и возбудил ходатайство о возвращении в Иностранный легион. В его рядах он совершает Марокканскую кампанию.

Уже через несколько месяцев он становится легионным офицером» (см. Пархомовский М.А. Книга об удивительной жизни Ешуа Золомона Мовшева Свердлова, ставшего Зиновием Алексеевичем Пешковым, и необыкновенных людях, с которыми он встречался. Иерусалим, 1999. С.155.). Это видно также из письма Горького его бывшей жене, Екатерине Павловне, от 15 января 1924 г.: «...Зиновий в Африке, в Нумидии, командует ротой. Прислал оттуда интересные открытки.

Неуемный парень» (см. Gorki (A.M. Piechkoff dit Maxime). Moncher Zina.//Collecton Alfred Dupon. Autographes. Quatrieme partie – 22 nov. 1962. № 55.).

В это время, с начала 1923-го до начала 1925 г. Пешков служил в Алжире, пока в Марокко не началась война с рифами.

В это же время Пешков собрал значительную сумму для голодающих в России и передал эту сумму новым властям в России. Делал он это, возможно, не зная, что эти деньги могут пойти не на помощь умирающим от голода, а на экспорт революции в другие страны. Вместе с тем очевидное «полевение» его взглядов не мешало ему поддерживать дружеские отношения с Марией Цветаевой, считавшейся тогда поэтессой Белого движения.

Став из рядового солдата благодаря своим личным качествам командиром, он не забывал нужды простого солдата. Зная не понаслышке о мучениях рядовых легионеров с получением новых портянок, отсутствие которых приводило к травмам, он лично отслеживал их поступление и распределение среди личного состава (см. Там же. С.38.).

Горького особенно интересовало описание жизни в Иностранном легионе русских. Ответ был таков: «Они – дисциплинированны, воруют реже других, не интересуются политикой» (см. Пархомовский М.А. Книга об удивительной жизни Ешуа Золомона Мовшева Свердлова, ставшего Зиновием Алексеевичем Пешковым, и необыкновенных людях, с которыми он встречался. Иерусалим, 1999. С.173.). Сам Зиновий Пешков восторгался хоровым пением, в котором соревновались вятичи, костромичи, донские и кубанские казаки. По его данным, большинство русских хотело остаться здесь. На них, главным образом, повлияло то, что в письмах из дома говорилось, чтобы они сидели за границей, поскольку в России – голод и усиление репрессий (см. Пархомовский М.А. Книга об удивительной жизни Ешуа Золомона Мовшева Свердлова, ставшего Зиновием Алексеевичем Пешковым, и необыкновенных людях, с которыми он встречался. Иерусалим, 1999. С.174.).

Горький говорил другим о службе Зиновия Пешкова: «Всю свою любовь нужно отдавать людям. Так он и поступает. Заботится об еде, одежде, быте подчиненных. Сам одной рукой возделывает огород, чтобы угостить подчиненных свежими овощами. Этих хороших людей нужно обласкать и они это очень ценят» (см. Он же. Там же.).

Но война в Марокко продолжалась, и Пешков находился среди легионеров. Один из видных французских авторов, Дамидо, тогда написал о Легионе в своей книге «Бои в Марокко в 1925–1926 гг.»: «По своим легендарным качествам – спокойствие, храбрость, преданность – он остается лучшим военным подразделением, каким только можно располагать. Его батальоны замечательны и в атаке, и в обороне, они вызывают восхищение тех, кто видел их в бою. Более того, в деятельности, предшествующей настоящей операции, Иностранный легион успешно справлялся с различными другими задачами, благодаря наличию в его составе рабочих разных профессий».

Пешков также выпустил собственную книгу под названием: «Звуки горна. Жизнь в Иностранном легионе», изданном сначала в Париже, а затем в Лондоне. Книга эта была посвящена княгине Жак де Брогли. В предисловии к этой книге Андре Моруа есть строки: «Все цивилизации имеют своих изгоев – Достоевский их называл «униженными и оскорбленными». Например, русские, не принявшие большевиков, немцы, которые не могут переносить свою муштру, бельгийцы и швейцарцы, жертвы какой-нибудь личной драмы... Для всех этих людей дисциплина Иностранного легиона – не оскорбительна. Автор – один из тех командиров, которые знают и умеют поднимать униженных и оскорбленных, приобщая их к той задаче, которую Иностранный легион унаследовал от Римского легиона, – задаче служения цивилизации. Везде, где проходят легионеры, прокладываются дороги, возводятся дома. Здесь европейцы выполняют свою задачу обучения современной технике.

Посетив Марокко с промежутком в 3 года, я не узнал его городов, так они изменились к лучшему. По качеству строительства дорог, фабрик, зданий, по гигиене он превосходит Европу.

Иностранный легион – больше, чем армия военных, это – институт. Из бесед с Зиновием Пешковым создается впечатление о почти религиозном характере этого института. Зиновий Пешков говорит о Легионе с горящими глазами, он как бы апостол этой религии. Пешков рассказывает о солдатах в госпитале, которые, умирая, вскакивают, чтобы приветствовать своих офицеров. Читатели полюбят этих солдат» (см. Maurois Andre. La legion etrangere au Maroc par Zinovi Pechkoff. Preface. Paris, 1927. P.IX–XII.).

Интересно ознакомиться и с предисловием самого Пешкова к этой книге: «Летом 1925 г. я находился в военном госпитале в Рабате, где ждал заживления раны на левой ноге, полученной в боях с рифами. У меня было достаточно времени, чтобы обдумать и восстановить в памяти годы службы в Марокко в Иностранном легионе. Я почувствовал себя обязанным людям, судьбу которых разделял в течение нескольких лет и ряды которых только что покинул. Мне следует воздать должное неизвестному велению этих людей, по случаю ставших солдатами, этим кочующим труженикам, которые под солнцем Африки выполняют множественные и трудные задачи. Они могли бы сказать о себе, как солдаты Рима: «Мы идем, и дороги следуют за нами».

В интервалах между боями, там, где едва намечались тропинки, они прокладывают дороги, которые открывают аборигенам их собственную страну. Всегда воины, но и, по очереди, санитары, землекопы, каменщики, плотники. Они – пионеры, работа и жертвы которых позволяют другим людям жить счастливо и мирно в этих отдаленных местах. Это под защитой сооруженных ими, неусыпно бодрствующих постов цивилизуется Марокко.

Они просты, они скромны, солдаты Иностранного легиона. Они не требуют вознаграждения за свою службу. Они не ищут славы. Но их энтузиазм, их усилия, вызывающие восхищение, их сердца, которые они вкладывают в свое дело, не могут остаться незамеченными теми, кто их видел в деле. Легионеры не помышляют о героическом принесении себя в жертву. Они идут вперед, и если они умирают, то умирают с умиротворением.

Могилы этих героев затеряны в пустынях или в горах.

Их имена – на деревянных крестах – стирает солнце и уносит ветер. Никто не знает, какими были люди, покоящиеся там, и никто не склонится над их могилами» (см. Pechkoff Z. La legion etrangere au Maroc. Avant., propos. Paris, 1927. P.XIII–XV.)...

Эта книга тем уже интересна, что изложена в форме дневника, начинающегося со 2 марта 1923 г. В ней Пешков описывает почти столетнюю историю Французского иностранного легиона. Подробно пишет он и о том, что в его подразделении тогда было много кубанских казаков из отступивших за рубеж после окончания активной фазы гражданской войны белых армий. Многие из них не преуспели на службе и уезжали после окончания 5-летнего контракта, но было много и таких, которые остались у Пешкова. По его словам, больше всего тогда у него было в подразделении немцев, составлявших более половины всех легионеров. Однако в своем письме Горькому он пишет, что «немцы хороши в роли капралов, но не выше. Они грубы, не знают психологии солдат. Но многие легионеры по другим причинам не продвигаются по службе – не хотят ответственности» (см. Там же. P.92.).

В книге своей Пешков рисует бытовые картины Легиона, вечные чаепития и пьянки в городе дважды в месяц после получения жалованья. Здесь же он описывает дневную и ночную жизнь африканских городов, рассказывает о событиях местной истории. Одна из глав его книги, называющаяся «Сады и кладбища», посвящена озеленению Легионом пустыни путем разведения садов, например, великолепных садов в районе Марракеша, состоящих, главным образом, из фиговых и оливковых

деревьев. Описывает он подробно и местные кладбища, где покоятся не только павшие в боях с непокорными берберами легионеры, многие из которых были зарезаны ими ночью, но и жители племен, подчинившихся французам и поплатившихся за это своими жизнями, – старики, женщины, дети. «Необходимость военной защиты, которую осуществляет Легион, усугубляет переживаемые легионерами тяготы и лишения военной жизни» (см. Там же.) – так написал Пешков о службе легионеров. Чтобы как-то оправдать легионную службу, Пешков пишет, что они-де защищают «цивилизованных» граждан от диких племен: «Цивилизация – это не только привилегии, но и обязанности. Никакой материальный прогресс, никакие изобретения не являются самоцелью. Основная цель – умиротворение земного шара» (см. Там же.).

Но не все очерствели в Легионе душой за время тяжелой и кровавой службы, примером чему может служить поступок легионера-итальянца, нашедшего в горах бело-розовый мрамор и добровольно высекавший в свободное время для всех могил из него кресты. Когда хоронили своих легионеров, священников не было, и поэтому почести отдавали простые, легионные и быстрые.

Особенно интересна одна из глав в его книге под названием «Типы легионеров», где Пешков приводит рассказ о «Латуре», бывшем преступнике, который, выпив однажды, неожиданно решил исповедоваться Пешкову. Как пишет Пешков: «Я всегда боялся слишком откровенных признаний со стороны легионеров. Мужчины их обычно делали, когда теряли ответственность за свои поступки. Потом они об этом сожалеют» (см. Там же. P.82.). Опасения Пешкова были не напрасны – в этот же вечер, подпоив часового у его палатки, Латур попытался убить Пешкова. Но тот, зная о возможных последствиях «исповеди», был наготове, и эта попытка не удалась. Пешков лишь ограничился в отношении Латура очень мягким наказанием и «замял» этот эпизод, не желая, чтобы неудавшегося убийцу расстреляли. Впоследствии Латур проникся к Пешкову большим уважением и стал образцовым легионером. Как и этот, прочие рассказы Пешкова проникнуты добротой, глубоким пониманием человеческой психологии, любовью к людям. Он не выделял людей по национальному принципу, в этом отношении для него все равны: «В нашем батальоне были представлены 26 наций. И все эти люди участвовали в цивилизации края, объединенные доброй волей под трехцветным знаменем Франции и старым флагом Легиона с двумя словами: «Честь и верность» (см. Там же. P.230.).

Эдмонда Шарль-Ру дополняет его повествование: «На свои деньги Пешков покупает в известном ему магазине на Пале-Ройяле флейты и горны для своего батальона. На рассвете, когда батальон находился на марше и погода была хорошей, он останавливал своих людей, вызывал горнистов, и они маршем салютовали дневному светилу, поднимавшемуся в небо. Он приказывал своим людям петь и отмечал в дневнике: «Немцы любят сентиментальные и очень печальные песни. Русские поют также. Но их песни и сердца не так просты, как у немцев». Он для каждого события ввел особые звуковые сигналы. Как пишет Эдмонда Шарль-Ру, «Зиновий отдавал честь молодым деревьям, которые он посадил перед фортом Уауазет... Чудесным благовещением называл он звучание трубы, сопровождавшее приказ об очередной военной вылазке». Но, несмотря на такие причуды, «для своих людей он был одноруким великолепием, любящим и понимающим их. Он был из тех людей, которые вызывают доверие у смутьянов. Их он называл «мои босяки», словами, которые любил Горький. Он знал всех «босяков» своего батальона – от своего ординарца, донского казака, дважды в день собиравшего цветы, потому что они напоминали ему его родные степи, до француза из Бреста, отбывавшего перед вступлением в Легион долгий срок наказания. Или вот Фурман, дважды приговоренный судом к 10 годам тюрьмы и оба раза – за дезертирство. Пешков поручил ему заведовать кухней. «Все получилось замечательно, – говорит он, – ведь Фурман был гурманом». И еще был немец, вступивший в Легион под именем Дюбель

д'Аргон. Однажды, говоря о рифах, с которыми сражался Легион, он назвал их канальями, что вызвало у Пешкова ярость. Холодно, сдерживая гнев, он сказал ему: «На вашем месте я не называл бы их канальями. Это – повстанцы» (см. Пархомовский М.А. Книга об удивительной жизни Ешуа Золомона Мовшева Свердлова, ставшего Зиновием Алексеевичем Пешковым, и необыкновенных людях, с которыми он встречался. Иерусалим, 1999. С. 156.). Таким образом, он уважал того достойного врага в лице рифов, с которыми не на жизнь, а на смерть схлестнулся тогда Легион.

Есть в дневнике Пешкова и философские размышления, изложенные им в разгар войны с рифами, незадолго до его второго ранения: «Господи Боже!.. Жизнь и смерть – что это, собственно, такое? Я не могу на этот вопрос ответить! В моем сердце столько жалости и любви, что я не могу ненавидеть... И однако же я воюю. И делаю я это потому, что верю – это во имя Добра. Но разве Добро и Зло не дети одной и той же матери, имя которой жизнь?» (см. Pechkoff Z. La legion etrangere au Maroc. Avant., propos. Paris, 1927. P.179.) Несомненно, что здесь Пешков чувствует угрызения совести за то, что участвует в колониальной войне, истинная цель которой – не утвердить европейскую цивилизацию, а захватить для Франции новый жирный ломоть пирога в виде марокканского куска земли.

В своем письме Пешкову от 3 июня 1925 г. Горький мягко укоряет его за участие в рифской войне и говорит на успокаивающие его ответы Зиновия из Марокко:

«Мой дорогой Зина!

Ты снова врешь? Когда я думаю об этой войне, я беспокоюсь о тебе, беспокоит меня и будущее Франции. Достаточно обескровленная в прошлом, эта страна могла бы уже отдохнуть и не истощать в новой войне свои войска, так много испытавшие.

Страх и тоску вызывают не только мысли о Франции, но и обо всей Европе, прожившей такое трудное время, Европе, которая остается единственным приемлемым для меня очагом мировой культуры. Ее все больше и больше атакуют люди других рас, которые освоили лишь ее технику, но совершенно чужды ее духу.

Возможно, что мы живем накануне какой-то другой цивилизации – черной или желтой, и что белая раса, рожденная Афинами и Римом, выполнив и закончив свою миссию, рассеется в этой новой массе людей... Они имеют право на жизнь согласно с их канонами, а этих людей – сотни миллионов» (см. Пархомовский М.А. Книга об удивительной жизни Ешуа Золомона Мовшева Свердлова, ставшего Зиновием Алексеевичем Пешковым, и необыкновенных людях, с которыми он встречался. Иерусалим, 1999. С.161.)...

Но, несмотря на этические стороны участия Пешкова в той кампании, воевал он действительно достойно.

Об этом говорит приказ от 11 июля 1926 г. о его награждении, помещенный в журнале «Офисьель»: «Зиновий Пешков, капитан 1-го полка Иностранного легиона, по представлению военного министерства и Совета ордена Почетного легиона, за исключительные заслуги, блестящее исполнение обязанностей капитана, прекрасное воспитание солдат, значительную энергию и хладнокровие, проявленные во всех сражениях, в которых он принимал участие, начиная с 1 мая по 27 июня 1925 г. и в которых получил ранение под Баб-Таза (Марокко) 27 июня, ведя в атаку свое подразделение, награждается Военным Крестом с пальмовой ветвью» (см. Ordre general 548 du Marechal de France Lyautey. Fez. 1925 Juin. Decret du President de la Republique en date du 10 juillet 1925.//Journal official du 11 juillet 1926. P.7651.).

Это было уже второе ранение Зиновия Пешкова в Марокко. Первое, неопасное, было получено им еще в конце 1923 г., а второе было серьезнее и потребовало длительной госпитализации (см. Пархомовский М.А. Книга об удивительной жизни Ешуа Золомона Мовшева Свердлова, ставшего Зиновием

Алексеевичем Пешковым, и необыкновенных людях, с которыми он встречался. Иерусалим., 1999. С.246.).

Как писал об этом сам Горький, сначала все было более-менее нормально: «декабрь и начало 1925 г. Пешков служил в Алжире. Письма он присылал из Эль-Крейдера. В конце апреля его роту направляют в Марокко, где начинаются активные военные действия; упорные бои длятся два месяца и, наконец, «отдых» – ранение в левую стопу. Позже он было шутил, что это – для симметрии, но пока ему нелегко. После ранения ординарец оттаскивает его в ров, потом помогает сесть на коня. Верхом он добирается до части с 8 часов утра до 10 вечера. В госпиталь Рабата его доставляют самолетом. Выделяют отдельную палатку с видом на море. Пешкова очень ценят: в госпитале его навещает маршал Лиоте, который держится мило и любезно. После выздоровления Зиновий возвратится в Рабат, где Лиоте оставляет на службе в своем штабе» (см. Он же. Там же. С.163–164.).

Горький очень сильно переживал за своего приемного сына и в письме Буренину даже сказал: «Зиновий воюет в Марокко. У меня странное предчувствие: он там останется навсегда» (см. Он же. Там же. С.246.).

Предчувствие Горького обмануло, но с конца 1925 г. они больше не виделись и не переписывались (см. Он же. Там же. С.165.). Это было связано с политическими процессами, происходившими в СССР, с ужесточением советского режима, что автоматически несло для Алексея Максимовича опасность быть репрессированным за связь «с белогвардейцем и усмирителем народных восстаний».

После заключительного свидания со своим воспитанником осенью 1925 г. Горький пишет 8 октября 1925 г. Валентине Ходасевич: «Однорукий и хромой Зиновий Пешков очень интересно рассказывал, как дерутся в Марокко. Хорошо дерутся. Я посоветовал ему все-таки отказаться от этого дела и жениться на богатой американке» (см. Ходасевич В.М. Каким я знала Горького.//Новый мир. 1968. № 3. С.11, 66.). Дело в том, что такая возможность для Пешкова была более чем реальна. Еще во время поездки в период Первой мировой войны в США он приобрел там немало поклонниц, среди которых были и женщины весьма состоятельные. Съемки же в Голливуде сделали его своего рода телезвездой, и поклонниц у него тогда было достаточно.

Зиновий Пешков в 1926 г., по просьбе из Голливуда, действительно ездил в США, где оговаривал контракт. А потом снова вернулся в Марокко после краткой поездки в Бейрут. С августа 1926 г. он находился в Феце и занимался штабной работой (см. Пархомовский М.А. Книга об удивительной жизни Ешуа Золомона Мовшева Свердлова, ставшего Зиновием Алексеевичем Пешковым, и необыкновенных людях, с которыми он встречался. Иерусалим., 1999. С.165.).

Книга Пешкова вызвала живой интерес не только во Франции, но и в других странах, в том числе в США, где продюсеры из Голливуда сняли по ее сюжетам не один фильм, причем их сценарий писал сам Пешков. Съемки, главным образом, шли в Северной Африке и с участием автора. Как отмечал Илья Иванович Вольнов в письме Горькому, ему запомнилось то, что в этом фильме не было ни одной женской роли (см. Пархомовский М.А. Книга об удивительной жизни Ешуа Золомона Мовшева Свердлова, ставшего Зиновием Алексеевичем Пешковым, и необыкновенных людях, с которыми он встречался. Иерусалим., 1999. С.164–165.).

Горький также прочитал книгу Зиновия Пешкова и дал ей положительный отзыв: «Интересно, написано хорошим языком, неплохое предисловие Моруа».

Однако книга была бы намного менее интересной, если бы Пешков 25 мая 1925 г., обходя легионерские посты, случайно не разговорился с одним сержантом, оказавшимся Бела Куном, в прошлом видным большевистским функционером и главой венгерских коммунистов. Пешков пишет: «Глядя в огонь, Бела Кун говорил, как бы думая, вслух:

«Я здесь... Почему? В этом воинском подразделении я, борющийся за братство!.. Я всегда считал, что социальный порядок, установленный людьми, несправедлив, но с тех пор, как я здесь, я многое узнал. Я пришел к выводу, что реального прогресса нельзя достичь простой сменой правления. Никакая подобная смена не изменит человечество. Это – долг каждого – совершенствовать себя, становиться лучше. Я пришел к заключению, что революции становятся исходной силой для роста реакции. Вместо того, чтобы из революции родилось добро, возникает зло. Революция нарушает нормальное прогрессивное образование народа и пробуждает его худшие инстинкты. А потом революционеры, которые становятся у власти, вынуждены отказываться от своих идеалов.

Почему я вступил в Легион?.. Здесь я себя чувствую свободным... Я по своей натуре – борец, и, по-видимому, здесь мое место. Строгая и жесткая дисциплина целительна для тех, кто не может обуздать сам себя. Здесь – прекрасный исторический пример организации и для индивидуумов, и для народов» (см. Pechkoff Z. La legion etrangere au Maroc. Avant., propos. Paris, 1927. P.182.).

Видимо, не случайно в советских энциклопедиях про 1923–1927 гг. в жизни бывшего карателя Бела Куна ничего не говорится!

В конце 1926 г. Зиновия Пешкова перевели на разведывательную работу, которой он занимался в разных странах по каналам контрразведки и МИДа (см. Пархомовский М.А. Книга об удивительной жизни Ешуа Золомона Мовшева Свердлова, ставшего Зиновием Алексеевичем Пешковым, и необыкновенных людях, с которыми он встречался. Иерусалим., 1999. С.165.). Его работу облегчало то, что у него имелись старые связи с деятелями большевизма, в то же время это давало почву опасаться, что он является двойным агентом (см. Archive National. F.7. Police General Russes. 13491. Le 26. may 22.).

В 1930 г. он был отправлен в распоряжение главнокомандующего войск Франции в Сирии и Ливане. Здесь ему удается добиться расположения лидеров почти всех враждебных группировок и успехов в их умиротворении. Его дальнейшая карьера впоследствии в дипломатическом ведомстве началась именно здесь, в Ливане (см. Пархомовский М.А. Книга об удивительной жизни Ешуа Золомона Мовшева Свердлова, ставшего Зиновием Алексеевичем Пешковым, и необыкновенных людях, с которыми он встречался. Иерусалим., 1999. С.167.).

Незадолго до Второй мировой войны, в 1937 г., полковника Зиновия Пешкова вновь направили в Марокко, где он снова командовал батальоном Иностранного легиона. В сентябре 1939 г., после вступления Франции во Вторую мировую войну, в Марокко начались локальные бои против спровоцированных на восстание немецкой агентурой местных племен. Но на их пути снова встал Иностранный легион, и замысел немцев в Северной Африке провалился.

После поражения Франции в 1940 г. Пешков отказался признать коллаборционистское правительство Виши и заключенное с немцами перемирие. Он заявил, что война еще не окончена. Но что могли сделать несколько батальонов Иностранного легиона? Поэтому Пешков оформляет уход в отставку и в одну из ночей уезжает на пароходе в Англию со многими своими питомцами из Иностранного легиона. Он прибыл в Лондон в распоряжение генерала де Голля в числе первых французских офицеров (см. Пархомовский М.А. Книга об удивительной жизни Ешуа Золомона Мовшева Свердлова, ставшего Зиновием Алексеевичем Пешковым, и необыкновенных людях, с которыми он встречался. Иерусалим., 1999. С.222.), что послужило одной из важных причин его дальнейшего военного и дипломатического роста. Теперь он стал не только соратником, но и другом будущего главы Франции. С тех пор, по поручению де Голля, начались его далеко не безопасные военно-дипломатические миссии, в которых Пешков неизменно одерживает успех. Одной из таких поездок стало прибытие по морю в США, чтобы добиться более существенной помощи от богатой Америки. Эдмонда Шарль-Ру так пишет об этой миссии: «Хороши

шли дела Пешкова и в США, где вашингтонские газеты ежедневно пишут: «Иностранный легион призывает бороться с фашизмом!» (см. Он же. Там же. С.227.)

После этого он отбывает в Британскую Африку, где участвует в формировании сил «Свободной Франции», и становится бригадным генералом, не закончив даже средней школы. После Великой французской революции 1789 г. и Наполеоновских войн это был поистине уникальный случай (см. Он же. Там же. С.228.).

В мае–июне 1942 г. Пешков успешно сражается в Сирии против вишистских войск, результатом чего стал разгром профашистских сил.

Не менее успешно протекает его деятельность и в последующие годы Второй мировой войны. В 1945 г. генерал Пешков фактически спасает от голодной смерти остатки Французского иностранного легиона, а также чиновников разных французских учреждений Вьетнама и Китая, не получавших жалованье за 3 года, доставив им деньги и продовольствие (см. Он же. Там же. С.232, 233, 237.).

В 1950 г., в возрасте 66 лет, будучи уже генералом с самым большим количеством наград – около 50, к которым только что прибавился Большой Крест Почетного легиона, Пешков выходит в отставку и полагает, что на этом его работа на благо Франции и приключения оканчиваются и что теперь он может посвятить время себе и литературному творчеству. Но в 1964 г. его, уже 80-летнего старика, снова призывает де Голль и поручает ему выполнить миссию на Тайване, чтобы встретиться с Чан Кай Ши, поскольку они были хорошо знакомы еще со времен Сибирской эпопеи (см. Он же. Там же.).

Илья Самойлович Зильберштейн, коллекционер писем известных людей, вспоминает о курьезном разговоре между ним и Пешковым. Однажды, рассматривая фотографии де Голля, он заметил, что по званию Пешков выше французского главы государства, и обратил его внимание на это: «Зиновий Алексеевич объяснил, что с тех пор, как де Голль стал президентом, некому стало его награждать и повышать в звании. «И при встречах он должен отдавать Вам честь?» – «Конечно», – ответил Пешков и посмотрел на меня, как на провинциала» (см. Пархомовский М.А. Книга об удивительной жизни Ешуа Золомона Мовшева Свердлова, ставшего Зиновием Алексеевичем Пешковым, и необыкновенных людях, с которыми он встречался. Иерусалим., 1999. С.160.).

У И.С. Зильберштейна, коллекционера писем Пешкова и Горького, хранится переписка и документы Зиновия Алексеевича, связанные с именами виднейших деятелей политики и искусства XX века (см. Он же. Там же. С.161.).

Умер Зиновий Пешков в американском госпитале в Нейи, там, где 50 лет назад ему ампутировали руку. Чувствуя, что умирает, Пешков попросил вызвать своего друга, православного священника Николая Оболенского, которого он сам спас, увезя из бушующей России. Последними его словами было: «Он закроет мне глаза. И пусть у моего гроба будут легионеры» (см. Пархомовский М.А. Книга об удивительной жизни Ешуа Золомона Мовшева Свердлова, ставшего Зиновием Алексеевичем Пешковым, и необыкновенных людях, с которыми он встречался. Иерусалим., 1999. С.7.)...

Скончался Зиновий Пешков 27 ноября 1966 г.

На его похоронах присутствовал цвет французской политической и военной элиты. Сам директор кабинета де Голля Жорж Галишон от его имени склонил перед гробом Пешкова голову. На траурной процессии, как и завещал Пешков, его гроб сопровождал караул из легионеров, которые несли три подушки с его наградами, знамена русских добровольцев двух мировых войн, «ярко выделявшиеся на фоне икон, украшенных золотом. Свеча, горевшая в изголовье гроба, освещала то, что он брал с собой в могилу – портрет А.М. Горького, Военную медаль и Большой Крест Почетного легиона» (см. Он же. Там же. С.8.).

От французского правительства на похоронах присутствовал министр иностранных дел Кув де Мюрвиль. Здесь же находились его друзья: Массильи,

бывший министр иностранных дел, министр национального образования Франции Христиан Фуше.

Кроме того, много здесь было и людей «с большими звездами на погонах». От Французского иностранного легиона был полковник Вадо. Генерал Анри Труайя сказал от имени всей французской армии: «Однорукий Пешков был у солдат одним из самых популярных офицеров: небольшого роста, очень динамичный, изысканной культуры, интересующийся самыми разнообразными проблемами, свободно говоривший на 5 языках и приветливый в обращении» (см. Он же. Там же. С.222.).

Траурная процессия проследовала на русское кладбище в Париже Сент-Женевьев-де-Буа. На надгробной плите выбита простая надпись: «Зиновий Пешков, легионер». Даже перед смертью для него самыми значимыми ценностями оставались Россия и легионная служба.

Из некролога газеты «Монд»: «Не стало Зиновия Пешкова, большой личности, яркой краски в палитре «Свободной Франции».

Все эти слова некрологов и благодарственных речей в адрес Пешкова можно заключить выдержкой из статьи Андрея Мансона, помещенной в газете «Орор» за 29 ноября 1966 г.: «Франция никогда не забудет того, кто служит ей верой и правдой».

Белогвардейцы на службе во Французском иностранном легионе

Французский иностранный легион глубоко вошел в жизнь русской эмиграции. Тысячи русских солдат, офицеров и казаков провели долгие годы в качестве простых легионеров, написав новые кровавые страницы в летописи Легиона. Сколько же белогвардейцев попали в Легион? Известный в Чехословакии белоэмигрант А.А. Воеводин утверждает, что русских, служивших здесь в 1920–1926 гг., было 15 тысяч (см. Воеводин А.А. Студенческая жизнь. С.34.). Из них определенное число было из военнопленных русской армии Германского блока и чинов Русского экспедиционного корпуса. К 1921 г. их было в Легионе не так много, и львиную долю русских легионеров составляли белогвардейцы. Самым крупным белогвардейским поступлением в легионеры стала запись солдат армии Врангеля в конце 1920-го – начале 1921 г. Однако, были и менее «крупные» волны солдат и офицеров русской и белых армий в Легион.

В руки французов еще раньше попали чины белогвардейских частей, эвакуированных ими в апреле 1919 г. из Одессы. Им уже не позволили встать в строй под знамена Врангеля и Деникина, а отправили в Иностранный легион. Кроме того, вскоре в Легион попали и многие чины белой армии генерала Бермонт-Авалова, отступившей в Германию после поражения в конце 1919-го – начале 1920 гг.

Следует напомнить, что 60-тысячная армия Врангеля в ноябре 1920 г. была вынуждена, под напором Красной Армии, очистить Крым и эвакуироваться на кораблях в Турцию и Грецию. Здесь русские офицеры, солдаты и казаки испытали на себе все тяготы эмигрантской жизни. Русское белогвардейское командование рассчитывало хотя бы на минимальную помощь со стороны своих недавних союзников по Антанте, особенно французов, которые были обязаны своей победой в Первой мировой войне России и тем русским, которые неожиданно в ноябре 1920 г. оказались на положении беженцев. Французы и другие «союзники» не только не оказали помощи, но и отобрали у белогвардейцев вывезенные ими за рубеж ценности, включая продовольствие, оставив их без средств к существованию. Взамен французское военное командование давало своим недавним спасителям сильно урезанный паек. Вскоре французами было объявлено, что они вообще прекращают кормить русских и предлагают им либо ехать в Бразилию на обработку земель, либо вступать во Французский иностранный легион, либо возвращаться в Россию. Вернуться в Россию согласились лишь единицы – до белогвардейцев дошли ужасные слухи, впоследствии подтвердившиеся, что большевики устроили в Крыму, после

ухода армии Врангеля, кровавую бойню против тех, кто хотя бы теоретически мог служить белым...

Надеяться на то, что большевики вдруг изменятся и с распростертыми объятиями встретят ушедших за кордон врагов, было бы большой глупостью. Поэтому согласились вернуться немногие, и вскоре большинство из них было репрессировано – расстреляно или отправлено за Полярный круг «искуплять» вину перед «рабоче-крестьянской» властью...

В незнакомую Бразилию «на авось» ехать тоже не хотелось. Да и у большинства на такой переезд просто не было денег.

В 1923 г. известные эмигрантские газеты «Руль» и «Дни» опубликовали данные, что в Галлиполи и других беженских лагерях вскоре после прибытия туда армии Врангеля среди ее чинов произошел раскол. Одни, непоколебимые белогвардейцы, желали сохранить воинскую организацию для продолжения борьбы против большевиков, а другие, «беженцы», желали демобилизоваться, разъехаться и найти гражданскую работу. Но голод и неопределенность заставили их записаться в Легион. Сначала записавшихся было пять человек. Кое-кто решил посмотреть, «как у них будет». Волонтеров первым пароходом перевезли в Стамбул. Там их разместили в хороших, по сравнению с беженскими, условиях, во французской казарме. Там русским волонтерам выдали обмундирование и деньги, но предупредили, что в город они могут выходить только по особым пропускам. Легионеры тогда вообще не стали выходить в Стамбул. Интересно отметить, что французский сержант стал пытаться уговаривать русских легионеров почаще и побольше выходить в город. Таким образом, французы рассчитывали заманить в Легион голодающих русских из соседних лагерей беженцев Пера и Галата, которые, увидев своих соплеменников в «добром здравии», должны были повалить туда валом. Однако новоявленные легионеры, поняв замысел французов, наотрез отказались выходить из казарм. До этого времени за ними хорошо следили, но, видя, что они не хотят не только дезертировать, но и даже просто выходить в город, их оставили в покое и снизили контроль. Этим легионерам удалось навести дополнительные справки о том, куда они попали на самом деле, и они бежали. Они сильно рисковали, бежав без документов. Чтобы хоть кто-то ушел от возможного преследования, они разделились, и каждый спасался поодиночке. По крайней мере, один из них смог убежать в Болгарию и поведать эту историю журналисту Недзельскому (см. Недзельский Е. Иностранный легион и русские.// «Своими путями». 1925. № 8,9. С.36–39.).

Знакомые с французской культурой русские офицеры и представить себе не могли, что в «просвещенной» Франции может существовать такое подразделение, как Легион. Многие знали о нем, правда, по книгам, в которых восхвалялись легионные порядки. Даже те, кто знал о легионных порядках что-то правдивое, шли в Легион из-за того, что стеснялись «просто так проедать союзнический хлеб». Поэтому-то и оказались не менее 10 тысяч недавних белогвардейцев-врангелевцев и других во Французском иностранном легионе. Там на долю русских легионеров и выпала основная тяжесть борьбы с рифянами, кабилами, туарегами, друзами и прочими восставшими племенами Азии и Африки на протяжении 1920-х гг.

Самое интересное, что французы рассматривали свое предложение русским стать легионерами как великую милость в отношении недавних союзников, о чем говорил в своем приказе генерал Бруссо в лагере на острове Лемнос (см. Недзельский Е. Иностранный легион и русские.// «Своими путями». 1925. № 8,9. С.36–39.).

Общим при поступлении в Легион русских было то, что им, как и, очевидно, представителям других национальностей, совершенно не говорили об устройстве этого подразделения и об истинных порядках в нем (см. Он же. Там же.).

Многие русские, видя, как французы отнеслись к белым во время гражданской войны в России, им не поверили и в Легион не пошли. Они же сочинили язвительное стихотворение о доверчивости тысяч русских:

Приглашают в Легион,
Обещают миллион,
Кашица, кашица,
Хорошая, кажется?

Командование белой армии юга России очень неодобрительно относилось к записи ее чинов в Легион. Но оно было вынуждено давать на это разрешение по разным причинам. Во многом это было из-за того, что оно не в состоянии было прокормить многотысячную массу солдат, офицеров и казаков.

В легионеры русские эмигранты попадали и совершенно неожиданными способами. Например, в Легионе оказывались не только те, кто пребывал во французской зоне оккупации Турции, но и в английской. Дело в том, что англичане выдавали таким беженцам право на 3-дневный пропуск для визита в Стамбул, не препятствуя тем, кто не желал возвращаться в подконтрольный им лагерь. В течение 3 суток такие эмигранты пытались достать в местном русском консульстве двухнедельное удостоверение, которое, по истечении его срока действия, заменялось паспортом. Поскольку российское консульство не располагало возможностями для устройства сотен и тысяч таких страждущих, русским беженцам приходилось провести как минимум несколько ночей в греческих и турецких кофейнях, платя довольно крупные суммы – от 5 до 10 пиастров за ночлег, чтобы расположиться, подобно собаке, на коврике, среди турецких бомжей. Те, пользуясь утомленностью русских после тяжелого дня, воровали их вещи. Уследить за турками было невозможно, т.к. они менялись почти каждый день. Наученные горьким опытом русские перед сном укладывали все свои вещи под себя, прикрывая их собой, подобно тому, как курица садится на яйца. Но «новенькие», если их не предупреждали, продолжали страдать. Нередко у «новеньких» русских вместе с вещами пропадали и выданные англичанами удостоверения, без которых в Константинополе, терроризируемом бесконечными проверками, жить было невозможно.

У одного из таких пострадавших документы пропали вместе с гимнастеркой. Пропажа обнаружилась лишь на рассвете, около 6 часов утра. «Бывалые» русские посоветовали ему срочно бежать в российское консульство, чтобы заявить о своем горе и получить заменяющий выданное англичанами удостоверение паспорт. Но в тот день, к несчастью пострадавшего, французские жандармы начали отлов жертв для Легиона по улицам Стамбула раньше обычного, не с 10 часов утра. Дело в том, что потенциальные жертвы стали слишком осторожны и хитры. Несчастный был пойман и препровожден во французскую тюрьму и поставлен перед выбором – или голодная смерть, или Легион. Ему ничего не оставалось, как выбрать последнее (см. Недзельский Е. Иностранный легион и русские.// «Своими путями». 1925. № 8,9. С.36–39.).

Другой трагический случай произошел с другим русским, вольноопределяющимся, который был ранен во время последних боев за Перекоп и эвакуирован в Галлиполи. Ходить он еще не мог, и его перевели в турецкий госпиталь на Шишли. Через 3 недели, когда он уже начал ходить, французы перевели его, как выздоравливающего, в свой маленький лагерь «Порта». Здесь было собрано около 100 больных и раненых русских. Из лагеря они французами отпущены не были, но им было объявлено, что просто так их кормить не будут, и предложили записаться в Легион, чтобы получить медицинский уход и пищу с кровом. Небольшая группа из 7 русских, включая раненого «перекопца», записываться туда не захотела и решила бежать. Это не удалось, и все они попали в

тюрьму. Из этой группы двое были гражданскими – художник и присяжный поверенный. Они отказывались записаться в Легион три дня, однако, находясь в адских условиях голода и страданий от кожных паразитов, не выдержав испытаний, были вынуждены стать легионерами (см. Он же. Там же.).

Несмотря на утверждение со стороны французов о том, что все русские и прочие офицеры распределялись в Легионе по принадлежности к роду войск, в которых они служили ранее, были нередки случаи, когда бывшие офицеры-артиллеристы служили в коннице. Более того, летчик, которого заманили в Легион предложением обсуживать воздушную линию Марсель–Алжир, вместо этого до конца 5-летнего контракта был легионером-пехотинцем (см. Недзельский Е. Иностранный легион и русские.// «Своими путями». 1925. № 8,9. С.36–39.).

Кроме того, тот факт, что тысячи русских солдат и офицеров ушли из армии Врангеля в Легион самовольно, без разрешения ее командования, было расценено почти как предательство. На протяжении 1920-х гг., когда генералами Кусонским и Врангелем объявлялась регистрация офицеров, казаков и солдат, оказалось, что многие не откликнулись. Отчасти это было связано с нахождением многих из них в Легионе. Несмотря на это, Врангель и Кусонский бросили в их адрес укор (см. ГА РФ. Ф.5826. Оп.1. Д.7. Лл.433–434.).

В раскаленных песках Сахары, высоких горах Марокко и Алжира, на каменистых кряжах Сирии и Ливана, в глубоких ущельях и кошмарных джунглях Индокитая рассеяны кости тысяч несчастных русских беженцев. Они были вынуждены, за неимением средств существования, стать поневоле легионерами и сражаться за колониальные интересы Франции, подавляя свободолюбивые устремления других народов, не желающих видеть свои земли под пятой хищного французского буржуа. По тогдашней оценке обозревателей русского эмигрантского журнала «Часовой» «можно смело сказать, что лишь доблестью тысяч русских легионеров Франция сохранила свои владения»...

Но благодарности большинство русских так за это и не дождались. Один из немногих русских журналистов в эмиграции, кто затрагивал тему русских легионеров, писал: «Чем виноваты они? Пожалуй, их преступление заключается в том, что они слишком доверяли культурности Запада и увлеклись идеей верности союзникам» (см. Недзельский Е. Иностранный легион и русские.// «Своими путями». 1925. № 8,9. С.40.). Те же, вместо благодарности за их спасение во время Первой мировой войны, загнали русских в Легион, который, по словам того же Недзельского, «вобрав в себя отбросы со всего мира, ничего достойного выдать не мог и стал школой для воспитания преступников» (см. Недзельский Е. Иностранный легион и русские.// «Своими путями». 1925. № 8,9. С.40.).

Жизнь и быт русских легионеров в межвоенный период

Первые сведения о судьбе попавших в Легион русских просочились в немногочисленную русскоязычную колонию Туниса в мае–июне 1921 г. через А.А. Воеводина, одного из виднейших ее представителей. Трагическая судьба русских в Легионе была описана в эмигрантской прессе, журналах и газетах 1922–1926 гг. Это такие издания, как «Своими путями», «Студенческие годы», «Последние новости», «Руль», «Казачьи думы».

Даже на фоне общего тяжелого положения белоэмигрантов из России вообще и североафриканской группы в частности судьба легионеров вызвала у соотечественников шок. Оказавшись в Тунисе при эвакуации русского флота из Крыма, они были свидетелями того, как в эту колонию прибывали десятки и сотни русских легионеров. Несмотря на то что русские в Тунисе перебивались случайными заработками и жили в палатках и полуразрушенных зданиях, все же их положение было намного лучше положения легионеров, служивших в ужасных условиях ежеминутной муштры, издевательств и микроскопической оплаты труда, вредного

для здоровья и опасного для жизни. Но самым скверным для высокообразованных русских было даже не это и не пули врагов, «а сама атмосфера Легиона, губящая стремление к прежней хорошей жизни, и все то положительное, что ранее было в людях» (см. Воеводин А.А. Студенческая жизнь. С.34.). Нетрудно было представить, каково было служить русским офицерам с чинами включительно до полковника под начальством уголовников и какой это было для них пощечиной.

К сожалению, автору книги так и не удалось обнаружить первые письма русских легионеров Воеводину. Однако они послужили основанием для развертывания этим человеком деятельности после его переезда в конце 1922 г. в Прагу, направленной на облегчение их легионерской доли и освобождение из Легиона максимального количества попавших туда русских, в первую очередь студентов. Воеводину, самому бывшему студенту, удалось, благодаря хорошему отношению к русским правительства Чехословакии, которое им помогало, неплохо там устроиться. Воеводин занял хорошо оплачиваемый пост секретаря Объединенных российских эмигрантских студенческих организаций (ОРЭСО). Однако он не забыл друзей-легионеров и принял живое участие в их судьбе. Сразу после переезда он приступил к изучению общей картины положения русских в Легионе. Так, в январе 1923 г. на 2-м съезде русского эмигрантского студенчества, будучи его делегатом, он впервые в среде русской эмиграции сделал комплексный доклад о положении студентов и вообще русских в Легионе, с текстом которого читатель может ознакомится ниже в разделе «Документы о службе белогвардейцев во Французском иностранном легионе». По первоначальным данным на январь 1923 г., легионерами стали около 300 русских студентов. Воеводин сначала пытался их выручить с помощью правительства Чехословакии путем устройства в вузы этой страны. Однако это было сделать непросто, т.к. сначала надо было найти средства на устройство каждого студента, а потом уже начинать действовать в отношении освобождения такого легионера (см. »Студенческие годы». Прага, 1923. № 1. С.18–22.). Кроме этого, Воеводин настоял на том, чтобы ОРЭСО, не имевшее собственных книжных магазинов и типографий, обратилось с просьбой помочь легионерам к руководству известного эмигрантского магазина «Наша речь» совместно со студентами русским легионерам русской и иностранной литературой. При этом ОРЭСО выражало готовность оплатить расходы на пересылку (см. ГА РФ. Ф.5837. Оп.1. Д.149. Л.16.). Дело в том, что, по данным Воеводина, на многотысячную массу русских легионеров приходилось лишь 30 газет и журналов на родном языке (см. Воеводин А.А. Студенческая жизнь. С.34..).

Благодаря стараниям Воеводина ОРЭСО обращалось с просьбой помочь русским легионерам и, другие инстанции, например, к редактору известного журнала «Русская мысль» Петру Бернгардовичу Струве (см. Там же. Л.20.).

Воеводин и руководство ОРЭСО при этом не ограничивались лишь русской эмиграцией и выходили с просьбами ходатайствовать перед французскими высшими политическими и военными деятелями об освобождении русских легионеров-студентов и переводу их в вузы к президенту Чехословакии Масарику, авторитетному во Франции (см. ГА РФ. Ф.5837. Оп.1. Д.149. Л.26.).

Кроме того, руководство ОРЭСО в конце 1923 г. и начале 1924 г. действовало для освобождения студентов-легионеров через Михаила Михайловича Федорова. Он являлся председателем Комитета по обеспечению образования русской учащейся молодежи за границей и лидером филиала этой организации в Париже. С его помощью ОРЭСО возбудило перед президентом Франции и премьер-министром Пуанкаре и французским военным министром ходатайство об освобождении русских студентов из Легиона и устройстве их в вузы Франции и Чехословакии (см. Там же. Л.57.).

С этим же ходатайством ОРЭСО обратилось 17 января 1923 г. в Лигу Наций (см. Там же. Ф.5837. Оп.1. Д.146. Л.6.).

Несмотря на эти меры, добиться этого не только не удалось, но из-за широкой огласки легионных порядков против русских легионеров возникла угроза применения репрессий (см. Там же. Д.149. Л.58.). Французское правительство оставило все просьбы и ходатайства об освобождении студентов-легионеров без внимания, но одновременно увеличило на 500 тысяч франков финансирование русских студентов в вузах Франции (см. Там же. Д.146. Л.7.).

Тогда ОРЭСО включило 30 января 1923 г. студентов-легионеров в свою секцию в Тунисе в качестве «членов-соревнователей» (см. Там же. Л.8.). Делалось это без широкой огласки, т.к. легионеры внутри Легиона не могли создавать своих организаций и участвовать даже в студенческом движении, поскольку это было запрещено уставом (см. Воеводин А.А. Студенческая жизнь. С.32, 33.).

Очень сильно русским легионерам помог Самбуров, делопроизводитель пражского «Земгора» – эмигрантской организации «Союз земств и городов», с которым встретились представители ОРЭСО и убедили его помочь. Несмотря на то что пражский «Земгор» был рассчитан на оказание помощи только русским в Чехословакии, Самбуров живо откликнулся на эту просьбу и только за год отправил несколько объемистых посылок с книгами во 2-й и 3-й полки Легиона общим весом не менее 30 килограмм. Оттуда унтер-офицеры Кумани, Фролов, Архипов, Васильев и Кроленко переправляли полученные книги и газеты по отдельным взводам и ротам, где находились русские легионеры (см. ГА РФ. Ф.5837. Оп.1. Д.149. Л.21.). Однако до начала 1924 г. этим организациям так и не удалось установить связь с довольно многочисленными русскими легионерами 1-го иностранного полка (см. ГА РФ. Ф.5837. Оп.1. Д.149. Л.17.).

В здании Пражского «Земгора» Самбуровым были вывешены на специальном плакате адреса русских легионеров, которые желали переписываться с любыми русскими. При этом подчеркивалось, что они хотели переписываться с ними, даже если те хотели просто получать красивые почтовые марки. Русские легионеры пытались как-то разнообразить свою жизнь и не слиться воедино с массой других легионеров (см. Недзельский Е. Иностранный легион и русские.//»Своими путями». № 8,9. С.36.).

Впоследствии эта связь была установлена и при штабе этого полка, и при трех других полках были организованы филиалы русских книг и прессы (см. Воеводин А.А. Студенческая жизнь. С.33.).

Кроме того, Самбуров высылал регулярно литературу двум русским легионерам из легионного оркестра в Марокко. Этими легионерами были Леонид Владимирович Соловьев и Иван Павлович Толкачев, которые рассылали ее в полки Легиона. Именно Самбуров выдвинул впоследствии осуществившийся план создать из высылаемой русским легионерам литературы полковые библиотеки в Легионе. Такое предложение стало возможным также при активной поддержке книжным магазином «Наша речь», руководство которого обещало предоставить в распоряжение русских легионеров несколько десятков книг из его старых запасов в Праге (см. Там же.). Впоследствии удалось создать русскую библиотеку, самую большую по размерам в Легионе, в Сиди-Бель-Аббесе. Ее возглавлял унтер-офицер Жовтоног, которому регулярно высылалась из Праги литература и который также активно участвовал в издании русского легионного журнала «На чужбине» (см. Там же. Л.56.).

К 1925 г. эта библиотека уже имела три подотдела, одним из которых был филиал в 3-м иностранном полку, в марокканском городе Фес. Однако немногим чинам этого полка удавалось пользоваться плодами культуры, поскольку большую часть времени они проводили на постах и в «колоннах».

Делались попытки заочного обучения студентов и всех желающих русских легионеров. Это удавалось, главным образом, унтер-офицерам, а простые легионеры оказывались не у дел. Многих из них направляли в столь глухие места, что они не

могли получать и регулярно отвечать на получаемые заочно задания, а у других не было денег на постоянную переписку (см. Воеводин А.А. Студенческая жизнь. С.33.).

Правда, делались малоуспешные попытки устройства маленьких передвижных библиотек внутри Легиона для пересылки литературы из батальона в батальон и из поста в пост (см. Воеводин А.А. Студенческая жизнь. С.33.).

Кроме того, члены ОРЭСО установили контакт с капитаном Легиона Тихонравовым, который регистрировал русских легионеров вообще и студентов в частности. Воеводин лично обратился к нему с просьбой зарегистрировать их и помочь им. Для этой цели каждый день ему и сержанту Белокурову, главному информатору ОРЭСО о легионной жизни, высылались эмигрантские газеты (см. ГА РФ. Ф.5837. Оп.1. Д.146. Л.7.).

Регистрация состояла не только в записи фамилии студента-легионера, но степени его обучения, знания иностранных языков и желания учиться по той или иной специальности в том или ином учебном заведении и сколько осталось служить каждому из них. Тихонравов позднее дал адреса легионеров, по которым потом и высылались книги и газеты (см. Там же. Л.57.).

Пытались смягчить остроту пребывания в Легионе русских и некоторые западные организации. Так, Вилькинсон, занимавший пост «суперинтенданта» (главного снабженца) Методистской церковной миссии из США в Праге, 7 ноября 1923 г. возбудил вопрос о помощи русским легионерам вообще и студентам в частности (см. »Информационный бюллетень ОРЭСО». 1923. № 15. С.39.).

По оценке русских легионеров, отношение к ним французов было практически такое же, как к недоразвитым туземцам захваченных ими колоний.

Они знали, что французы считают их «варварами» (см. Недзельский Е. Иностранный легион и русские.// «Своими путями». № 8,9. С.36–39.). Да, большинство русских легионеров добились уважения со стороны солдат других национальностей своими качествами, чуткостью и уважением к нравам и обычаям других народов. Тем самым со стороны русских как бы бросался укор в сторону французов, для которых на деле культура других народов была лишь пустым звуком.

В среде белоэмиграции пытались зачастую смягчить факты пребывания русских в Иностранном легионе, говоря о том, что, будучи легионерами, они приобрели там большой военный опыт, который будет полезен им и последующим поколениям русских воинов. Да, сотни наград и лестных отзывов от французского военного командования достались на долю именно русских легионеров, но что значат эти жалкие побрякушки по сравнению с тысячами утраченных молодых русских жизней!

Одним из способов избежать 5-летней легионерской службы стало дезертирство. Однако везло при этом немногим, а наказание было за это суровым: в районе боевых действий – смерть, в мирных условиях – год тюрьмы, если побег был совершен первый раз. Но если провинившийся легионер писал прошение о помиловании своему командованию с обещанием быть «хорошим легионером» и подписать контракт еще на 5 лет, то приговор высшими инстанциями зачастую отменялся (см. Там же. Ф.5934. Оп.1. Д.1. Д.38.).

Тогда о Французском иностранном легионе в Советской России были неверные данные, даже в высшем военном руководстве. Об этом свидетельствует тот факт, что в Военной академии Рабоче-Крестьянской Красной Армии с 1922 г. читались лекции, в которых в двух словах говорилось и об этом подразделении. Там говорилось, что в 1914 г. легионеров было лишь 9 тысяч, а по проекту 1923 г. было решено увеличить рамки Легиона до 10 тысяч человек. Следует отметить, что к 1913 г. легионеров уже было 10 500 человек (см. Самуйлов В. Организация Вооруженных Сил Франции. Конспект лекций, прочитанных в Военной академии Р.К.К.А. в 1922–1923 гг. М., 1923. С.5, 28.), а в начале 1920-х гг. их численность увеличилась в 2 раза с созданием новых полков, в т.ч. из-за массового притока в Легион тысяч русских и

граждан стран Германского блока, проигравших в Первой мировой войне и находившихся без средств к существованию.

Бывшие чины Русского экспедиционного корпуса во Франции составляли в процентном отношении от всех русских 10 % (см. Недзельский Е. Иностранный легион и русские.// «Своими путями». 1925. № 8,9. С.36–39.). К приходу в Легион белых многие из них стали капралами и сержантами, и поэтому вновь прибывшие русские нередко оказывались под их начальством. Следует отметить, что многие из них были большевиками, поэтому служба под их контролем для белогвардейцев была сущим адом. Те, нередко бывшие рядовыми солдатами, получили редкую возможность «оторваться» на офицерах, которой и пользовались. Около 5 % всех русских составляли бывшие русские пленные Первой мировой войны, которых французы заманили в легионеры; 25 % русских были белогвардейцами, вывезенными в Легион с юга России из Крыма, Одессы и Херсона; таким образом, врангелевцы составляли 60%.

В одном только Сиди-Бель-Аббесе в 1924 г. русских было 3200 человек, из которых 70 % составляли юнкера, офицеры и солдаты белых армий. По национальному составу львиная доля приходилась на русских, занимавших здесь 1-е место, на 2-м месте находились калмыки, главным образом из донских казаков Сальских степей (см. Недзельский Е. Иностранный легион и русские.// «Своими путями». № 8,9. 1925. С.36–39.).

Чтобы оценить степень образованности русских легионеров, стоит обратиться к данным по 3-му иностранному полку, стоящему тогда в Марокко. По данным на 1924 г., в нем служили 500 русских. Неграмотных среди них было лишь 2 %; с незаконченным средним образованием – 73 %, со средним и высшим образованием – 25 % (см. Он же. Там же.). Очень близкими к этим цифрам были данные по 2-му иностранному полку. При этом журналист Е. Недзельский, переписывавшийся со многими легионерами, считал, что уровень образованности, отраженный в выше изложенных данных, был даже ниже истинного, поскольку они не учитывали казаков, которые имели хотя бы начальное образование и среди которых было много высокообразованных офицеров (см. Он же. Там же.).

По данным Недзельского, в 1921–1926 гг. число русских легионеров составляло 75 % от всего Легиона и упало к 1927 г. до 25 %, когда большинство русских демобилизовались, а остались, главным образом, унтер-офицеры (см. Недзельский Е. Иностранный легион и русские.// «Своими путями». № 8,9. 1925. С.36–39.).

Показателем того, что русские в Легионе были на голову выше представителей других национальностей, свидетельствуют данные, что даже в период, когда их число доходило до трех четвертей от общего состава, число совершенных ими преступлений от общего числа составило только 0,08 %.

Распределялись легионеры до 1925 г. по регионам следующим образом: в Алжире и Сахаре находилось 40 %; в Марокко – 30 %; в Тунисе – 15 %; в Сирии – 10 % и в Индокитае – 5 %, но с началом рифской войны большая часть Легиона была сконцентрирована в Марокко (см. Он же. Там же.).

В Алжире остался лишь 1-й иностранный полк, а в Марокко действовали 2-й, 3-й и 4-й полки Легиона.

Кроме того, в Тунисе находился еще 1-й кавалерийский полк Легиона, который в скором времени бросили частично в Марокко, частично в Сирию, а часть оставили на месте.

Русские легионеры в «колоннах»

Так называются передвижения отрядов Французского иностранного легиона от одного укрепленного поста к другому. При этом походы могут совершаться при любых условиях и часто протекают в наиболее неблагоприятные для человека

климатические периоды, например, в жару 40–60 градусов. При этом легионеры свои вещи несут на себе, даже при наличии мулов и лошадей, на которых можно их погрузить. Это – несмотря на большую тяжесть легионерской амуниции. На спине у легионера – сак, где находится все его имущество, включая палатку, кирку, лопату, 2-литровый бидон с водой, другие вещи и 120 патронов с винтовкой. С подобной нагрузкой легионер шел в бой.

По словам одного из русских, неоднократно бывавшего в «колоннах», «наступает момент, когда кажется, что уже больше нет сил терпеть путь и просишь Бога о смерти, но отдыхаешь именно в тот момент, когда вся сила и энергия исчерпаны. Отдыхаешь, когда, почти задохнувшись от большой перебежки под визжащими пулями, свалишься за камнем и вздохнешь полной грудью».

Именно в такие моменты чаще всего случались позорные случаи, когда Легион бросал своих людей, раненых и утомленных, на произвол судьбы.

Колонна свой поход начинает еще до рассвета и продолжает весь день, который нередко протекает в бою. К вечеру командир намечает место стоянки. Здесь одни начинают ставить палатки, другие идут за водой для кухни и топливом, третьи возводят из камней стену приблизительно 1,2 метра высотой. С наступлением темноты все костры гасятся, чтобы не выдать себя врагу. Во многих случаях при этом спят не в палатках, а около стены, чтобы быть готовым в любой момент отразить атаку противника. При этом спят, не снимая формы и привязав винтовку к руке, поскольку потеря оружия грозит военно-полевым судом, который обычно заканчивается продлением контракта опостылевшей службы.

В то время в среде легионеров бытовал анекдот, что когда служба какого-то легионера подходит к концу, то в это время его обязательно направят в «колонну». Во время похода у него крадут винтовку и заставляют в возмещение за это подписать новый контракт. Случаи подтверждения этого были неоднократно, к подобной «операции» легионное начальство готовится заранее и просчитывает все до мелочей. Перед тем, как украсть у «помеченного» легионера винтовку, его на протяжении одного, а то и нескольких дней, нещадно мучают физическими нагрузками, после которых он крепко засыпает. Проснувшись, мечтавший о свободе легионер узнает, что останется здесь еще на 5, а может, и больше лет. При этом от такой процедуры страдали даже и опытные легионеры. Зная про кражи винтовок и новые контракты вслед за этим, они привязывали винтовку к себе. Но легионное начальство тоже не лыком шито: ремень винтовки подрезали и вынимали из рук спящего мертвецким сном бедняги.

Большая часть ночи легионеров, находящихся в «колонне», протекает в тревожном ожидании действий противника, а иногда и в бою. По словам легионеров, особенно опасными противниками были марокканцы, многие из которых были способны видеть в темноте и бить без промаха по врагу из винтовок.

В большинстве случаев целью «колонны» является не только следование из одного поста в другой, но и сооружение новых укрепленных постов. Как свидетельствовал в своем письме русский легионер, «колонна может идти очень долго, пока командир не найдет удобное место для расположения нового поста. При этом берутся во внимание наличие здесь строительного материала, воды и высоты выбираемого места. На возведение поста легионерам зачастую отводится около недели. Нетрудно представить, в каком бешеном изнуряющем темпе они должны работать. Здесь они и рабочие-строители, и прежние легионеры. Днем легионер может быть каменщиком, плотником, рабочим карьеров по добыванию камня, выжигать известь, резать по дереву и др. И вот, после напряженной работы, на ранее пустынном месте вырастает белокаменный пост с толстыми стенами с узкими бойницами для винтовок и пулеметов. Вокруг него устанавливаются заграждения из рядов колючей проволоки. Самым последним моментом сооружения поста является подъем над ним французского флага».

А «колонна» идет дальше и создает новые посты. К концу срока «колонны», длящегося иногда до полугода, образуется целая защитная цепь из таких постов. Все это время легионеры спят, не раздеваясь, в грязном белье, без всяких удобств, облепленные паразитами, нередко без всякой возможности вымыться. Без всякого преувеличения можно сказать, что если за 2–3 месяца легионерам так и не удавалось вымыться, то об их появлении можно было узнать издалека и задолго до этого.

Иногда в «колоннах» идут и другие французские войска. При этом на легионеров ложатся наиболее трудные задачи. После прохождения «колонны» недавние попутчики легионеров идут на заслуженный отдых, а Легион заступает на охрану и достройку им же созданных постов (см. Недзельский Е. Иностранный легион и русские.// «Своими путями». 1925. № 8,9. С.40).

Жизнь легионеров на постах

Нередко с окончанием «колонны» связь легионеров с внешним миром утрачивается на неопределенный срок. По словам русского легионера, «постовики без цепей прикованы к своему детищу». Здесь легионер находится в безвыходном положении: он вынужден отчаянно драться за Францию и за свою жизнь. Сдаться он не может, т.к. враги легионеров в плен не берут, а если берут, то только для того, чтобы над ними поиздеваться. Бежать же с поста очень тяжело: кругом бродят враги, даже языка которых ты не знаешь, так что находишься меж двух огней: с одной – легионное начальство, с другой – враждебно настроенные туземцы. Так что побег с такого поста заранее обречен на неудачу – тебя или убьют туземцы, или догонят свои же и заставят за дезертирство служить несколько лишних лет или посадят в военную тюрьму.

Жизнь на постах, которую русские легионеры метко прозвали «великим постом», т.к. продолжается она здесь от 3 месяцев до полугода – нечеловеческая, животная. При этом опасностей ничуть не меньше, чем в «колонне». Ежесекудно легионер подвергается опасности быть убитым во время вражеской атаки, которые зачастую блокировались многочисленным противником на долгие месяцы. Кроме того, представители некоторых племен, особенно марокканских, соревновались между собой в меткости, даже в темноте снимая выстрелами часовых-легионеров.

По письмам легионеров, на посту, когда опасность кругом, в Легионе, в отличие от других подразделений, почти не стирается разница между простым легионером и начальниками, например, теми же сержантами, а гнет дисциплины не переходит в чувство инстинктивной солидарности. О них русские легионеры высказываются так: «Сержант – бич легионера».

Отсутствие понимания легионным начальством простого легионера даже в такие моменты вызывало, например, такую реакцию, выраженную в одном из писем: «Скверное отношение начальства, старающегося окончательно убить в легионере еще остающиеся в нем признаки человека и его самолюбия, доводят его до такого положения, когда он действительно становится похожим на животное» (см. Он же. Там же.).

Русские легионеры в Рифской и Сирийской кампании 1925–1926 гг.

Тяжелейшим испытанием для русских легионеров стала рифская война 1925–1926 гг. в Марокко. Она была подготовлена французскими и испанскими монополистическими кругами, видевшими в Марокко сырьевую базу и стремившимися к захвату этой страны под разными гуманными предлогами, одним из которых была помощь марокканскому султану, которого-де многие племена не признавали за своего правителя. Правда, султан тогда ничем реально не правил, а всем заправляли колонизаторы.

Кроме того, к агрессии против рифов французов подталкивала мысль, что успех их сопротивления может привести к восстанию во всех их североафриканских владениях. С другой стороны, Франции не нравилась активность в этом регионе других европейских держав, особенно Испании, а также Великобритании и Германии (см. Павлович М. Французская авантюра в Марокко.//»Новый вестник». 1925. № 8–9. С.64.).

Начиная с 1919 г. русские легионеры прошли через все бои в Марокко. Именно на эту страну приходится две трети всех потерь русских в Легионе того времени. Огромные потери понес Французский иностранный легион в борьбе против Рифской республики, организованной со столицей в городе Аджидире знаменитым берберским ученым-арабистом Абд-эль-Керимом, начавшим борьбу против европейских колонизаторов с разгрома в сентябре 1921 г. 20-тысячной испанской армии, в том числе и печально знаменитого Испанского иностранного легиона, бежавшего до самой Мелильи. С этого момента по всей стране развернулось национально-освободительное движение против французских и испанских завоевателей.

Испанцы с начала XX века неустанно атаковали земли воинственного берберского племени рифов, но всякий раз бывали с позором разбиты. Французы же к их землям подбирались постепенно, захватывая территории примыкавших к ним племен. В случае восстаний всегда у них под рукой были полки Иностранного легиона. Их командирам были даны следующие официальные инструкции-наставления «для боевых действий экспедиционных отрядов»: «Все репрессии должны проводиться немедленно и сурово. Нельзя останавливаться перед сожжением деревень и посевов, т.к. опыт показывает, что великодушие истолковывается как слабость и побуждает марокканцев к новым нападениям» (см. Лебедев Д. Республика Риф. Очерки революционно-освободительной борьбы, 1921–1931 гг. в Марокко. М.–Л., 1931. С.26.). Кроме того, особым приказом начальникам легионных частей рекомендовали, дабы подорвать возможность сопротивления непокоренных или восставших племен, уничтожать их скот (см. «Lavigie marocaine», 1920. 17 december.).

И вот весной 1924 г. они захватили у рифов внезапным ударом долину реки Уэрглы, имевшую для них стратегическое значение, т.к. здесь ими выращивалось до 90 % зерна (см. Луцкая Н.С. Национально-освободительная война в Марокко в 1921–1926 гг. М., 1950. С.9.).

Поэтому у рифов неизбежно должен был начаться голод, и им ничего не оставалось, как попытаться силой вернуть захваченное французскими грабителями. В апреле 1925 г. рифы атаковали французов по всей долине Уэрглы. За год легионеры и «цветные» войска настроили здесь оборонительные посты, которые, как надеялось французское командование, не пропустят рифов в глубь Марокко. Но мощным ударом рифы пробили оборону французов, блокировав не менее 60 укрепленных постов, многие из которых охранялись легионерами, в т.ч. русскими. Многие из этих постов были взяты штурмом, а оборонявшиеся – перебиты (см. Фрунзе М.В. Европейские цивилизаторы и Марокко. М.–Л. 1925. С.224.). По данным маршала Фрунзе, за первых 4 месяца рифской войны французы потеряли 61 пост, из которых, по меньшей мере, половина приходилась на легионеров (см. Он же. Там же. С.87.). Следует отметить, что в каждом из них было не менее взвода легионеров и солдат. Такие тяжелые потери были обусловлены тем, что каждый из таких постов мог держаться максимум 2 недели из-за того, что повстанцы отрезали гарнизон от водовода (см. Он же. Там же. С.70–71.), после чего гарнизону поста оставалось либо ждать выручки извне, умирая от жажды, либо сдаваться на милость разъяренных рифов, либо пробиваться к своим самостоятельно. Оборону поста можно было продлить с помощью авиации, которая сбрасывала куски льда прямо на головы легионерам.

Уже 2 мая 1925 г. в бой был введен 3-й эскадрон 1-го иностранного кавалерийского полка, большая часть которого состояла из русских, которым командовал русский лейтенант Владимир Соломирский. Первая потеря 3 июля 1925 г. этого эскадрона пришлась также на долю русских – в стычке под Герсифом погиб бригадир Любовицкий. Русские и этот эскадрон со своим командиром Соломирским в целом прославились во Французском иностранном легионе тем, что первыми в истории полка совершили конную атаку врага 30 сентября 1925 г. По выражению французского командования, «в окрестностях селения Айн-Уэкара проведена с блестящим успехом первая конная атака Легиона взводом Соломирского» (Брюнон Ж., Маню Ж. Иностранный легион, 1831–1955. М., 2003. С.429.).

Даже авторы «Золотой книги Французского иностранного легиона», показывавшие деятельность этого подразделения исключительно в розовом цвете, признают, что бои тогда были кровавыми. Они же подтверждают то, что 7 июня 1925 г., несмотря на применение французами танков, авиации и тяжелой артиллерии, легионеры не смогли удержать горы Бибана и вынуждены были отступить (Брюнон Ж., Маню Ж. Иностранный легион, 1831–1955. М., 2003. С.180–181.).

В июле 1925 г. для французов в Марокко создалась критическая ситуация: рифы теснили их повсюду, создав непосредственную угрозу важнейшим центрам Марокко Таза и Фес (Фец), с падением которых ожидалось и падение власти Франции над всем Марокко. Ранее лояльные французам племена восстали, а часть «цветных» войск из арабов перешла на сторону рифов (Луцкая Н.С. Национально-освободительная война в Марокко в 1921–1926 гг. М., 1950. С.17.).

Ситуация для французов осложнилась в результате начавшегося 20 июля 1925 г. восстания друзов султана аль-Альтраша в Сирии, которое быстро распространилось на всю страну (После окончания Первой мировой войны Франция получила мандат на управление бывшей турецкой территории Сирии. Это было очень непопулярной в Сирии среди местного населения мерой, так как этот мандат был навязан силой после создания сирийскими арабами своего независимого королевства в период Первой мировой войны, причем англичане и французы обещали независимость местным арабам в награду за восстание против турок. Французы пытались обмануть сирийцев тем, что «даровали» Сирии, предварительно разделенной ими на четыре части, конституцию. Однако местным жителям никакой реальной власти не принадлежало, так как она находилась всецело в руках французов. До восстания друзов в Сирии были волнения, сопровождавшиеся актами насилия, особенно в Дамаске и пустынных районах, но друзское восстание было пиком антифранцузского сопротивления.). 18 октября 1925 г. восставшие овладели Дамаском и в союзе с местными националистами образовали в Джебель-эд-Друзе, откуда изначально началось восстание, «революционное правительство». Французы почти полностью утратили контроль над этими территориями. 17 ноября 1925 г. восставшие арабы стали угрожать французам захватом Бейрута. Французские войска, в том числе и Иностранный легион, понесли в боях исключительно тяжелые потери и держались из последних сил. Положение удалось исправить введением в бой новых военных частей, в том числе легионеров, ценой сотен жизней которых во многом и удалось исправить положение. Среди этих погибших были десятки русских.

Сил карателей для подавления не хватало. Собственно французские части не проявляли горячего желания гробить себя за колониальные интересы своей республики, поэтому, как всегда, вся тяжесть войны в Сирии и Марокко легла на Легион.

Поскольку 5-летний срок службы русских еще к тому времени не истек, они сполна хлебнули горя и крови как в Сирийской, так и в Марокканской кампаниях. Рифы и в меньшей степени друзы оказались очень меткими стрелками, отличными солдатами, мужественно державшимися под непрерывными воздушными и артиллерийскими ударами. На счастье колонизаторов, рифы почти не умели

обращаться с артиллерией, хотя у них были сотни орудий разных калибров, захваченных у испанцев, и они могли стрелять только прямой наводкой. Капитан Дюбуан, начальник французского укрепленного поста Д Аулэ, который смог продержаться до подхода подкреплений, так говорил об этом: «Мы имели против себя 3 пушки. Сначала это было очень стеснительно, ибо мы не имели никакого отдыха. Ночью нельзя было спать в ожидании приступов, а днем – исправлять повреждения в ограде. К счастью, нас помогла авиация. Можно сказать, что мы удержались только благодаря ей. Она, в конце концов, установила постоянное дежурство над постом и заставила замолчать пушки противника. Всякий раз, когда приближался аэроплан, я мог отсылать своих людей спать... Качество стрельбы рифских артиллеристов – неважное. Стреляют только прямой наводкой. Правда, у них был наблюдательный пункт и была даже проведена телефонная связь, но все это было крайне примитивным и только вызывало наш смех» (Фрунзе М.В. Европейские цивилизаторы и Марокко. М.–Л. 1925. С.93.).

Более-менее они научились пользоваться артиллерией только в конце войны, когда их восстание уже фактически было подавлено совместными усилиями французов и испанцев. Этому их научили рифские евреи. Они были здесь ранее ювелирами и кузнецами и очень сильно помогли рифам тем, что организовали целое производство гранат, по качеству превосходивших испанские. Для этого они использовали неразорвавшиеся авиабомбы. Так, из 200-килограммовой бомбы получалось 470 гранат (Memoires d Abd-el-Krim, recueillis par Roger Mathie. Paris, 1927. P.146–147.»).

Положение для французов стало настолько серьезным, что 26 августа 1925 г. маршал Петен, знаменитый победитель немцев в Первой мировой войне, возглавил французские войска в Марокко. Французы свезли в Марокко и Сирию все имевшиеся у них войска.

Надо отметить, что вступление Испании в рифскую войну стало одной из главных причин последующей неудачи рифов, поскольку почти все их войска были сосредоточены на французском фронте. Перелом наступает осенью 1925 г. Однако зима 1925/26 г. была настоящим кошмаром для французов и испанцев, и в первую очередь для их иностранных легионов. Поскольку из-за погодных условий наступать колонизаторы не могли, рифы развили партизанскую войну. По свидетельству самих французов, «не проходило дня, чтобы не был убит хотя бы один французский офицер» (Павлович М. Французская авантюра в Марокко. «Новый вестник». 1925. № 8–9. С.154.).

В середине января 1926 г. рифы предприняли успешную операцию против постов французских легионеров, которыми до наступления хорошей погоды от них отгородился маршал Лиотэ, результатом ее были десятки и сотни раненых и убитых, в том числе и русских (см. Он же. Там же.).

Весной 1926 г. объединенные силы испанцев и французов снова атаковали рифов. Те оборудовали позиции за завалами на горных дорогах и упорно обороняли буквально каждый метр своей территории. В первую очередь бросали на такие «баррикады» легионеров. Особенно упорными были бои за укрепленный пункт Таргиста, где укрепился вождь рифского движения Абд-эль-Керим, стоившие французам вообще и Легиону огромных жертв. В то же самое время, объединив усилия с испанской армией и Испанским иностранным легионом, французам, с помощью своего Иностранного легиона с огромным трудом удалось уничтожить Рифскую республику. 23 мая 1926 г. Петен принял капитуляцию Абд-эль-Керима, который был сослан на далекий остров Реюньон в Индийском океане, где он находился более 20 лет...

Несмотря на пленение вождя рифского сопротивления, в июне 1926 г. один из участников карательной экспедиции французов в Марокко, легионер, писал: «Мы находимся сейчас в более затруднительном положении, чем когда бы то ни было.

Ценой тяжелых жертв мы продвинулись в такие районы, где нам грозит опасность со всех сторон. Нечего и думать до конца года о покое» (см. »Правда». 1926. 4 июля.)... Операция тогда осложнялась постоянными восстаниями, казалось бы, замиренных ранее племен (Викторов В.П. Колониальные войны в Марокко и Сирии и их влияние на внутреннее положение Франции.//Московский областной педагогический институт имени Н.К. Крупской. Ученые записки. Исторический факультет. Т.121. Вып.5. М., 1965. С.44.).

Достичь победы удалось после огромных потерь французов и испанцев, исчисляемых десятками тысяч, причем значительная часть из них приходилась на Иностранные легионы. Рифов удалось сломить с величайшим трудом, ценой гибели, по французским данным, 15 тысяч французских военнослужащих, главным образом, «цветных» или легионеров, а по другим – 23 тысяч (Фрунзе М.В. Европейские цивилизаторы и Марокко. М.–Л. 1925. С.8.).

Говоря о понесенных Французским иностранным легионом жертвах в этой войне, маршал Лиотэ воздвиг монумент в Дар-Эль-Бейде, в Мекнесе, на местах упорных боев легионеров с рифами, на котором были выбиты такие слова: «Всякий раз, когда вы собираете букет цветов, помните, что здесь каждая былинка орошена кровью наших солдат» (см. Брюнон Ж., Маню Ж. Иностранный легион, 1831–1955. М., 2003. С.186.). Однако, говоря о жертвах Легиона, французы занижали его потери в той войне, как и в других, в несколько раз.

Так, они заявляли, что за все время операций в Марокко 1920–1935 гг. легионеры потеряли менее 1,5 тысячи человек убитыми (Они же. Там же. С.426.).

Между тем, по данным участвовавших в этих операциях русских легионеров, корреспондентов журнала «Часовой», в 1925 г. имел место кровавый бой 6-го батальона 1-го Иностранного полка Французского легиона под Таунатом. Этот батальон почти целиком погиб, причем одних только офицеров в этом сражении было убито 8 человек. В следующем, 1926 г. был почти полностью истреблен рифянами 1-й батальон того же полка.

Французский солдат писал в письме своим родителям в июле 1926 г.: «Только лазарет спас мне жизнь, т.к. в Туране все посты были окружены марокканцами, из 500 вышедших на их выручку легионеров возвратились только 20 человек, а остальные были убиты... Все солдаты убеждены, что войне в Марокко не будет конца» (см. «Юманите», 1926. 4 августа.).

У маршала Фрунзе, одного из лучших советских военачальников, в то время были также неверные сведения о численности Французского иностранного легиона. Несмотря на то что он верно отмечает увеличение Легиона более чем в 2 раза по сравнению с периодом до Первой мировой войны в середине 1920-х гг., в то же время, по его данным, в 1925 г. было 15 тысяч легионеров, из которых 13 % являлись русскими (Фрунзе М.В. Собрание сочинений. 1926. М., Т.2. С.316.). На самом деле там было более 25 тысяч штыков, число которых неуклонно увеличивалось, а процент русских составлял на тот момент свыше 30 %.

Фрунзе оценивал вообще боевые характеристики сил колонизаторов невысоко. Он говорил, что войска по призыву в горах воевать были негодны, что наглядно было продемонстрировано в кампании испанцев. Специальных же, обученных для ведения боев в горных условиях войск не было: «Профессиональных войск, хорошо знакомых с театром военных действий и привычных к его условиям, вроде Французских иностранных легионов, у испанцев не было. Правда, в 1920 г. они тоже решили создать иностранные легионы, но этой задачи не успели довести до конца».

Фрунзе был невысокого мнения о качествах французских войск в целом, говоря, что значительная их часть сражаться тогда не желала и уступала в боевом духе рифам. В то же время, сам того не зная, хвалит бойцов Французского иностранного легиона, подчеркивая их боевые качества: «Мужество, храбрость и

стойкость маленьких гарнизонов многочисленных французских постов, подвергшихся осаде кабилов (Родственное рифам племя берберов, входившие с ними в союз.), является достаточным доказательством того, что французский солдат ничуть не утратил присущих ему качеств высокой военной доблести» (Фрунзе М.В. Европейские цивилизаторы и Марокко. М.–Л. 1925. С.100.).

Однако подчинения Марокко добиться не удалось и племена берберов и арабов, живущие в высокогорных районах, по-прежнему отказывались признавать власть колонизаторов и продолжали сопротивление. Так, 8 июня 1929 г. погиб целый взвод 6-й роты 3-го полка Французского иностранного легиона, прикрывавший отход марокканских стрелков. Он был окружен арабами; патроны у легионеров кончились очень быстро, и они все, вместе с молодым французским лейтенантом, погибли в рукопашной схватке. В следующие 10 дней оставшиеся взводы 6-й роты, неся жестокие потери, отбивались, испытывая голод, жажду и нехватку боеприпасов...

В октябре 1929 г. конная рота 1-го полка Французского иностранного легиона столкнулась с большим арабским отрядом. Две трети личного состава потеряли легионеры в этом бою. Большой утратой для русских легионеров стала потеря в этом бою известного на весь Легион сержанта Мухина. При учете, что пехотный батальон Французского иностранного легиона тогда состоял из 600 стрелков вместе с офицерами и унтер-офицерами, то эти данные уже перекрывают официальные данные потерь легионеров во время Марокканской кампании. Так или иначе, но сотни русских могил появились в Марокко на местах недавних боев.

Однако, учитывая, что легионеров в первую очередь бросали в самые тяжелые бои, можно смело сказать, что большую часть потерь, наравне с арабами и сенегальцами-неграми, понесли именно они, разделив между собой те 15, а может быть, и 23 тысячи невосполнимыхых потерь...

В это же время продолжались боевые действия Легиона в Ливане и Сирии, где восстание против французов началось в июле 1925 г. из-за действий колониальной администрации, сильно ущемившей друзов и другие племена. Это восстание началось для французов неожиданно и в самый неподходящий момент, когда шли ожесточенные бои в Марокко. В результате французские войска во многих местах Сирии подверглись нападениям и разгрому, например, 4-тысячный отряд генерала Мишо у Эль-Мазра, в результате чего восставшие захватили большое количество вооружений и укрепились морально, что вызвало восстание почти по всей Сирии и Ливану (Они же. Там же. С.427.).

Многие французские гарнизоны попали в окружение, например, гарнизон Сувейды. В 22 с половиной километрах от него находилось турецкое селение Муссей-Фрей, где стояли 4-й эскадрон 1-го иностранного кавалерийского полка капитана Ландрио и 5-й батальон 4-го иностранного полка капитана Крацерта со взводом бронеавтомобилей. Надо сказать, что в составе 1-го иностранного кавалерийского полка, как и в составе его 4-го эскадрона, было особенно много русских. Их число составляло 82 % от численности рядовых легионеров и 33 % от численности унтер-офицерского состава. Этот эскадрон прибыл в августе 1925 г. из Северной Африки. В составе этого эскадрона находились 5 офицеров, 15 унтер-офицеров, 156 легионеров, т.е. русскими здесь были 5 «унтеров» и 128 легионеров, из которых 77 были из белой армии Врангеля (30 бывших офицеров, 14 унтер-офицеров, 11 солдат кавалерии и 22 казака).

Русских унтер-офицеров этого эскадрона надо отметить особо. Это Примак, Попов, Горбачев, Бисеров, Павловский.

Муссей-Фрей представляло собой селение из громоздящихся друг над другом домиков, с узкими и кривыми улочками, вокруг селения находились земельные участки, а само оно было огорожено довольно высокими каменными стенами. В самом селении была мечеть, куба – усыпальница мусульманского святого и полуразрушенный жандармский пост.

Прибыв сюда, легионеры спешно стали укрепляться: заделали стены, намотали вокруг своих постов колючую проволоку, выбрали огневые точки.

В ночь с 16-го на 17-е сентября 1925 г. Муссей-Фрей подверглось атаке друзов, которая была отбита. На рассвете до 5 тысяч друзов ринулись на штурм, причем, неожиданно для легионеров, стрельба по ним началась со всех сторон: из домов, с минарета мечети, с купола кубы – противник то ли прятался там давно, то ли незаметно для легионеров пробрался туда ночью. Т.к. стрельба велась с господствовавших над позициями легионеров зданий, то потери их были тяжелыми и увеличивались каждую минуту. Именно так погиб вахмистр эскадрона Примак и ряд других русских легионеров (Брюнон Ж., Маню Ж. Иностранный легион, 1831–1955. М., 2003. С.192–193.). Автоматическая 37-мм пушка бронеавтомобиля быстро сбила вражеских стрелков со всех огневых точек, но дело уже было сделано – легионеры находились в минутном смятении.

В момент нападения кавалеристы-легионеры охраняли конский бивак. Застигнутые неожиданной атакой, они были вынуждены биться с друзами врукопашную, пустив в ход сабли и ножи. Это был поистине критический момент, во время которого одни отстреливались и бились врукопашную, другие под пулями махали лопатами и кирками, пытаясь на скорую руку возвести хоть какие-то укрытия от противника.

Отбиться от друзов и хауранцев помогли легионерские пулеметы, а вскоре сильный удар по противнику нанесла авиация, которая не позволила резервам противника подтянуться на помощь свои штурмующим частям. Деморализованный противник отступил, выкашиваемый огнем легионеров, потеряв в общей сложности до 1 тысячи своих бойцов (см. Они же. Там же.). У легионеров было убито 47 человек, в том числе 20 кавалеристов, 83 были ранены. Русские только убитыми здесь потеряли 12 человек. Эскадрон после этого боя на некоторое время «спешился», т.к. почти все его лошади во время боя пали от огня. Надо сказать, что многим из убитых русских оставалось дослужить лишь 3 месяца («Информационный Листок объединенного Совета Дона, Кубани и Терека». 1925. № 12. С.29.).

Снова русские легионеры отличились при деблокировании гарнизона Сувейды, а в ноябре–декабре 1925 г. – во время операций в районе Рашайи, Мессади, Меджед-эль-Шемс, в Хермоне и в окрестностях Дамаска, а в 1926 г. – во время заключительных операций в районе Сувейды.

Особенно подробно стоит сказать об обороне 4-м эскадроном 1-го иностранного полка селения Рашайя. Это была старинная цитадель крестоносцев, которую занимали легионеры, легкая французская кавалерия спаги и жандармы, всего 348 человек при шести пулеметах «гочкис». К тому времени в 4-м эскадроне 1-го кавалерийского полка оставалось в строю 4 офицера и 100 унтер-офицеров и легионеров из-за убыли в боях.

Для обороны это был мало приспособленный пункт, т.к. его цитадель была почти вплотную загорожена домами, что исключало возможность ведения прицельного огня по наступающему противнику, между тем французское командование приказало его удерживать во что бы то ни стало.

Внезапно 20 ноября 1925 г. до 4 тысяч друзов навалились на Рашайю, когда легионеры-кавалеристы поили своих лошадей. Из окружавших домов по легионерам был открыт шквальный огонь, после чего друзы ринулись на них в атаку. Легионеры, несмотря на это, отбили их удар. Однако селение это было блокировано и друзы атаковали каждый день, вплоть до утра 24 ноября, и каждый раз их атаки становились все более упорными. Самый упорный штурм Рашайи был 23 ноября, когда друзы внезапно проникли в цитадель крепости по подземному ходу и захватили ее западную часть. Одновременно противник атаковал и через двор цитадели, где стояли эскадронные лошади легионеров. Легионеры схлестнулись с врагом врукопашную, в дело пошло все, что попадалось под руку – от штыков до

кулаков, и друзы были отбиты. В критический момент боя удалось воспользоваться пулеметами, которые скосили и находившихся во дворе друзов, и легионерских лошадей. Но друзы наседали все сильнее и сильнее, забрасывая легионеров гранатами, а у тех боеприпасы подошли к концу. Бой кипел в самой Рашайе, где враг уже укреплялся.

В это время они отсылают последнего шестого почтового голубя с мольбой о помощи, известив командование о том, что в противном случае Рашайя будет оставлена противнику, а сами они будут пробиваться из окружения. Утром 24 ноября на помощь осажденным пришла авиация, а также сухопутные французские войска, которые помогли отбросить друзов. Когда это произошло, у оставшихся в живых легионеров, солдат и жандармов оставалось по 15 патронов на человека. Эскадрон легионеров понес еще большие потери – 58 человек были убиты и ранены во время этого боя, большую часть из которых, естественно, представляли русские, не считая убитых спаги и жандармов; друзы потеряли при этом до 400 человек Брюнон Ж., Маню Ж. Иностранный легион, 1831–1955. М., 2003. С.195.).

Французское командование высоко оценило доблести легионеров батальона Кратцера и эскадрона Ландрио, не говоря, впрочем, конкретно о заслуге русских в этих боях, сказав лишь, что «старых» легионеров и унтер-офицеров здесь почти не было: «название деревни Рашайя войдет вместе с Муссей-Фрей в летопись подвигов 1-го иностранного кавалерийского полка. Славу боя при Муссей-Фрей, а также благодарственную отметку в приказе по армии эскадрон разделил с пехотой Легиона, батальоном Кратцера. Оба подразделения вписали поистине волнующие страницы в «Золотую книгу Легиона». Таким образом, эти два подвига были своего рода дворянской грамотой молодого 1-го иностранного кавалерийского полка, который в начале 1925 г. уже отличился в Марокко, при Сиди-Белькасеме, Месгитене, Баб-Морудже и Тизрутине».

За доблесть в боях во время Сирийской кампании 4-му эскадрону 1-го иностранного кавалерийского полка командование вручило Военный Крест Внешних оперативных театров с двумя пальмовыми ветвями и ливанскую медаль «Заслуги» 1-го класса, прикрепленных тогда же к его знамени (Они же. Там же. С.430.).

Но надо сказать и о том, о чем не говорили открыто – о карательных операциях, в которых непосредственное участие принимали легионеры.

Еще в начальный период Сирийского восстания французским командованием был опубликован и распространен следующий призыв к местному населению: «Страшная кара постигнет тех, кто последует за Эль-Атрашем, пусть они не ждут пощады, их селения будут сожжены, их имущество – конфисковано», и они сами поплатятся кровью за восстание («Правда». 1925. 9 сентября.).

И это были не пустые слова. На ноябрь 1925 г. в ходе Сирийской кампании силами французов только в области Джебель Друз было разрушено более 80 селений из 120 («Международная жизнь». 1925. № 12. С.81.).

В конце апреля 1926 г. легионеры, в том числе и русские, участвовали в карательной экспедиции во 2-ю столицу сирийского сопротивления – оазис Гута, а в мае того же года участвовали в карательных экспедициях по деревням Джебель Друз (Викторов В.П. Колониальные войны в Марокко и Сирии и их влияние на внутреннее положение Франции.//Московский областной педагогический институт имени Н.К. Крупской. Ученые записки. Исторический факультет. Т.121. Вып.5. М., 1965. С.44.).

В сентябре 1926 г. французы и легионеры понесли тяжелые потери, когда друзы в очередной раз нанесли им поражение в Джебель Друз. По данным французской прессы, французскими ранеными были забиты все госпитали (см. »Юманите». 1926. 5 октября.).

Из-за неравенства сил восстания в Сирии и Марокко были подавлены превосходящими повстанцев войсками Испании и Франции, в которых особую роль сыграли иностранные легионы. Но эти войны непосредственно отразились на

событиях в Европе, а точнее, на развитии франко-германских отношений во время эскалации Рурского вопроса. Неожиданная уступчивость Франции в этом вопросе в пользу Германии была вызвана тем, что французам пришлось вывозить в восставшие колонии оккупационные войска из Рура из-за того, что имевшимися силами справиться с повстанцами было невозможно. С другой стороны, этот факт привел к тому, что французы решили еще больше развернуть по численности Иностранный легион, который бы мог самостоятельно или с применением небольших регулярных сил справиться с новыми возможными восстаниями.

Окончание Рифской и Сирийской кампаний совпало с массовым увольнением тысяч русских легионеров. Они уже к декабрю 1925 г. вышли на разные эмигрантские организации, в том числе на объединенный Совет Дона, Кубани и Терека с запросами о том, какие документы нужно достать и что сделать, чтобы после увольнения устроиться на работу во Франции. Их заверили, что бояться им нечего, т.к. военный министр Франции установил новый порядок для иностранцев, оканчивавших службу. Теперь ушедших из Легиона людей снабжали документами. Тех, кто желал уехать во Францию, снабжали средствами за казенный счет и переправляли без визы в Марсель. Во Франции на местах их устройством занималось уже министерство труда (Информационный Листок от объединенного Совета Дона, Кубани и Терека. 1925. № 12. С.14.). Однако, как покажут некоторые из нижеизложенных документов, желание утроиться во Франции на работу не всегда совпадало с действительностью: Франции больше нужны были тогда дешевые солдаты, чем рабочие.

Одним из наиболее известных русских сержантов Легиона, прошедших Рифскую кампанию, был бывший белый офицер Конради. Повздорив с французским офицером, который его ударил, тот не остался в долгу и был за это разжалован. После выхода из Легиона, в 1927 г., он убил в Польше одного из главных палачей царской семьи, Войкова.

Русские легионеры в конце 1920-х–1930-х гг.

Чтобы понять, какой была в то время служба во Французском иностранном легионе, следует дать выдержку из статьи простого русского легионера, имеющей характерное название: «Вы – солдаты смерти, и я вас посылаю туда, где смерть», опубликованной в белогвардейском журнале «Часовой» за 1931 г. и посвященной столетнему юбилею Легиона: «...Сто долгих лет – сто лет завоеваний... Пройдены в походах сотни тысяч километров, пролиты реки крови, в 60-градусную жару, в леденящий холод идут босые и голодные, окруженные во сто крат сильнейшим врагом...

Кровью легионеров орошены земли Европы, Америки, Азии, Африки. Всюду, где требуется хладнокровие, выдержка, храбрость и жертвенность – иностранный легион идет впереди...

Сто лет и ни одной минуты передышки. Разбит враг в одном месте – маленькая передышка, и снова «мешок на спину» и туда, где враг еще силен, где он грозит и наступает. И подчас в схватках грудь о грудь остается от батальона лишь 2–3 десятка покрытых ранами, искалеченных легионеров, в предсмертном бреду...

Оторванные от всего света, в дикой Африке, на передовых постах – там, где начинается неизвестное, первобытное царство непокоренных племен, сохранивших добиблейскую культуру и нравы и не двинувшихся в своем развитии со времен Карфагена, где властвует жестокий закон: «смерть побежденному», там легионеры могут рассчитывать только на себя и на соратников, ибо у «тех» пощады нет.

Тяжелая обстановка быта и жизни легионера, постоянные передвижения, где все – лопату, винтовку, патроны, провиант, воду, одежду, – все переносится на собственных плечах, передвижения происходят в неизвестных местах, где на каждом

шагу ожидает пуля араба, все это выковывает тип легионера, презирающего самую жизнь, во имя данного Франции слова «службу нести честно...».

Не удивительно, почему к 1931 г. во Французском иностранном легионе осталось не более 2 тысяч русских легионеров. По другим данным, их численность не позволяла укомплектовать даже батальон – те, кто выжил в ходе кровопролитных боев, в большинстве своем подписывать новые контракты на продолжение службы отказались...

В распоряжении историков осталось не так много документов по истории русских во Французском иностранном легионе. Е. Недзельский, знавший лично многих легионеров, свидетельствует, что в первой половине 1920-х гг. русские здесь издавали собственные легионерские журналы. По крайней мере, их выпуск был налажен во 2-м иностранном полку в городе Саида, в Алжире. Однако они, к сожалению, не сохранились (ГА РФ. Ф.5934. Оп.1. Д.2а. Лл.1–2.).

В то же время данные французского командования показывают, что русские тогда составляли 6 % от всего состава легионеров (Брюнон Ж., Маню Ж. Иностранный легион, 1831–1955. М., 2003. С.430.), что приблизительно равнялось 1500 человек.

Так или иначе, но все источники отмечают, что большая часть служивших ранее во Французском Иностранном Легионе русских после 5 лет службы в 1926–1927 гг. оттуда ушла. В то же время, по данным французского командования, по числу занимаемых офицерских должностей в Легионе русские на протяжении всего межвоенного периода 1919–1939 гг. неизменно лидировали среди других национальностей.

Но связь между теми, кто остался в Легионе и кто уехал оттуда, оставалась. Так, группа легионеров-казаков в 1933 г. прислала казакам-студентам приветствие из далекой африканской пустыни («Казак», 1933. № 6.).

На 1933 г. среди «французских легионеров» широко были известны имена многих русских офицеров только 1-го иностранного кавалерийского полка. Среди них надо отметить лейтенантов Владимира Бутягина, Владимира Сергеевича Канивальского, бывшего подполковника 2-го лейб-гусарского Павлоградского полка, Владимира Мануиловича Соломирского, бывшего штаб-ротмистра лейб-гвардии конно-гренадерского полка, Николая Александровича Румянцева, Николая Макеева, Бориса Ростиславовича Хрещатицкого, бывшего колчаковского генерала; грузин, родившихся в Российской империи, – Вано Вачнадзе и Александра Джинджерадзе (Брюнон Ж., Маню Ж. Иностранный легион, 1831–1955. М., 2003. С.430.). Из видных русских военных Легион также прошел генерал Корганов, награжденный за свою службу орденом Почетного легиона («Часовой». 1954. № 340. С.19.).

Тяжесть жизни русских во Французском легионе была обусловлена и тем, что здесь почти не было книг, журналов и газет на русском языке. Для русского человека, почти не способного жить без чтения, это было настоящей мукой. Кое-что удавалось доставать от редких друзей, перебравшихся в Европу, но этого не хватало. К сожалению, русская белоэмиграция, сама находившаяся в большинстве случаев в тяжелейшем положении, почти не вспоминала о своих братьях в легионах. Правда, с 1922 г. кое-какие организации стали присылать туда свои книги, что значительно облегчило жизнь легионерам. Одной из них стал «Всероссийский Союз городов», организация из представителей земств, которая отсылала русским легионерам в Марокко книги со своего Сытинского книжного склада за счет выручки от продажи книг (ГА РФ. Ф.5809. Оп.1. Д.312. Л.1.).

Несмотря на это русские эмигрантские организации были завалены мольбами русских легионеров.

На момент начала Второй мировой войны многие русские продолжали служить во Французском иностранном легионе, а многие вступили в него, когда Германия объявила войну Франции, как это сделал казачий поэт Туроверов. На 1939 г. из

«старых русских легионеров» здесь продолжали службу многие из тех, кто свое офицерское звание получил еще в 1920-х гг., например, капитан Джинджерадзе, командовавший нестроевым эскадроном, который включал в себя штаб и разные вспомогательные службы, лейтенант Румянцев. Здесь же находились су-лейтенант (младший лейтенант) Соколов и старший вахмистр Орлов. В Сирии, в 6-м пехотном полку, служил капитан Сергей Андоленко, командовавший в нем штабной ротой. Это был будущий командир 5-го иностранного полка с марта 1956 г. по 1958 гг. и бригадный генерал Франции (см. Они же. Там же. С.437.). Он закончил в 1920-х гг. Сен-Сирское военное училище и был выпущен в Легион, в котором быстро рос по должности и званию. В 1962 г. он был французским военным агентом в Вене. Легионное начальство дало ему такую характеристику: «Блестящий офицер Иностранного легиона в Африке и на Юго-Востоке Азии». За боевые заслуги он был награжден рядом высших военных орденов Франции. Несмотря на это, он тянулся ко всему русскому, и его хобби было написание трудов по русской истории («Часовой», 1962. № 445. С.22.).

О Сен-Сирском училище стоит сказать особо. До весны 1927 г. среди русских это было довольно популярное военное учебное заведение. Туда принимали из иностранцев в основном молодых ребят из офицерских и генеральских семей, главным образом, русских, но с этого времени поток русских курсантов там очень сильно уменьшился. Это было связано с тем, что военное министерство Франции с 1927 г. стало выпускать русских из этого училища не су-лейтенантами, а сержантами и не в регулярную французскую армию, а в Легион (ГА РФ. Ф.6461. Оп.1. Д.10. Л.15.). Это решение вызвало среди русских панику. Большая часть курсантов, среди которых сыновья донского атамана А.П. Богаевского и известного казака Персиянова, перевелась, благодаря русской диаспоре в Сербии, в местную армию (Там же. Л.19.).

Широко был известен в Легионе капитан русской службы фон Кнорре. Вскоре после Октябрьского переворота он был назначен генерал-инспектором казачьей дивизии персидского шаха. После гражданской войны поступил в Легион, где служил 23 года и закончил службу там в звании майора. В период службы находился в подчинении ближайшего родственника монакского принца Людовика II, приятеля российского императора Николая II, командовавшего тогда одним из полков Легиона. Демобилизовавшись из Легиона и став принцем Монако, он предложил Кнорре стать начальником монакских карабинеров. В конце 1940-х гг. это предложение со стороны Кнорре было принято.

После окончательного ухода со службы в 1969 г. Кнорре стал президентом и администратором ряда нефтяных кампаний («Часовой». 1969. № 511. С.20.).

В Легионе служил ставший знаменитым во время Второй мировой войны капитан Дмитрий Амилахвари (Брюнон Ж., Маню Ж. Иностранный легион, 1831–1955. М., 2003. С.431–432.). Он в 1921 г. уехал из Грузии, куда вошла Красная Армия, за границу. В 1924 г. он был выпущен из Сен-Сирского училища в Легион су-лейтенантом, попав в 4-й иностранный полк. За действия в районе Марракеша он был отмечен в приказе по дивизии и армейскому корпусу.

В мае–июне 1940 г. Амилахвари участвовал в десанте части Французского иностранного легиона в Норвегию, в боях в районе Нарвика. Благодаря ему была успешно осуществлена переправа легионеров через реку Ромбакен 2-м батальоном 13-й полубригады Легиона, которым он стал командовать после смерти французского командира. При этом он успешно выполнил задание по отсечению путей отхода немецкого десанта. В начале июня 1940 г. его батальон еще неделю успешно не только обороняется, но и активно наступает в Норвегии (они же, Там же. С.435.). Казалось, что еще чуть-чуть, и немецкий десант здесь будет разгромлен, но в «материковой» Франции дело обстояло куда хуже. Легион понадобился там.

Высаженный на французском побережье, батальон Амилахвари геройски дрался. Однако после тяжелых потерь, которые произошли уже в момент высадки под непрерывными бомбежками немецких самолетов, к которым быстро добавились танковые атаки, батальон Амилахвари в значительной степени потерял боеспособность. Танковые атаки из-за отсутствия противотанковых средств отбить было нечем. После тяжелых потерь батальон Амилахвари был через неделю, в том же июне 1940 г., эвакуирован в Англию. Сюда же прибыл генерал де Голль, взявший в свои руки руководство силами французов, не признавших разгрома Франции. Амилахвари его поддержал, но половина 13-й полубригады Легиона не признала де Голля и уехала из Англии (Брюнон Ж., Маню Ж. Иностранный легион, 1831–1955. М., 2003. С.436.).

Вскоре силы «Свободной Франции», куда вошла и верная де Голлю часть Легиона с Амилахвари, высадились во французской тропической Африке, захватив Габон, Камерун и другие территории, после чего легионеров перебросили в Эфиопию, где шли бои против итальянцев. Особую трудность для взятия представлял ключевой пункт обороны итальянцев в Эритрее – крепость-порт Массауа. Амилахвари сыграл важнейшую роль при овладении им. При опросе итальянца-легионера, который здесь раньше служил, Амилахвари выяснил, что центральный пункт в обороне Массауа, форт Монтекулло, имеет в своей обороне «ахиллесову пяту», внутрь его оказалось возможным проникнуть через почти незащищенные канализационные коллекторы.

В полночь 7 апреля 1941 г. Амилахвари со своим 1-м батальоном ударил в указанное итальянским легионером место форта и через несколько минут, пройдя несколько десятков очень трудных метров в его жизни по потоку фекалий, Амилахвари со своими легионерами ворвался в Монтекулло. Итальянцы были настолько уверены в неприступности форта, что его начальник отдавал приказания из офицерского казино. Внезапно в бальный зал казино, где играли и танцевали с дамами ничего не подозревающие итальянцы и играл оркестр, вошел источающий зловоние Амилахвари, чей мундир насквозь был пропитан фекалиями. Его появление было замечено итальянцами по отвратительному запаху. Когда все обернулись на него, Амилахвари объявил о падении форта. Раздраженный появлением Амилахвари в самый неподходящий момент, начальник гарнизона форта счел это за дурацкую шутку и потребовал от своего адъютанта убрать «вонючку из зала». Но тут в зал ворвались прятавшиеся до поры за дверью легионеры, и итальянцы убедились в том, что война для них окончена (см. Они же. Там же. С.437.).

Как и ожидалось, падение форта Монтекулло предопределило падение Массауа, где был захвачен гарнизон в 14 600 человек, огромные трофеи, включая итальянский флот на Красном море, а вместе с ним и всей Эфиопии, захваченной итальянцами.

Летом 1941 г. батальон Амилахвари был брошен в бой против французских же сил, подчинявшихся коллаборционистскому правительству Виши в Сирии и Ливане. Здесь в июне и июле 1941 г. 13-я полубригада Легиона столкнулась с находившимся на службе у правительства Виши – иностранным пехотным полком. Особенно упорно оборонялась в июне и июле от союзников 15-я рота Легиона, составлявшая костяк гарнизона Пальмиры, которую, главным образом, образовали немцы и русские. Она 12 дней героически отбивала все атаки англичан и сдалась только 3 июля 1941 г. (Брюнон Ж., Маню Ж. Иностранный легион, 1831–1955. М., 2003. С.430.).

В одном из боев Амилахвари, натолкнувшись на упорное сопротивление противника, почувствовал, что так сражаются только легионеры, и для подтверждения своей версии приказал сыграть знаменитую легионную песню «Boudin». В ответ послышалось то же самое. После короткого разговора легионеры прекратили взаимную бойню. Часть 6-го иностранного полка перешла на сторону

голлистов и Амилахвари, а другая часть, по соглашению с ними, была отправлена по морю в районы, контролируемые правительством Виши.

Здесь же, в этом же году Амилахвари становится командиром 13-й полубригады. Это была высшая должность в Легионе, когда-либо занимавшаяся русскоязычными офицерами.

После этого 13-я полубригада Легиона была переброшена в Северную Африку для участия в боях против германо-итальянской армии прославленного, без преувеличения, немецкого полководца Роммеля. В конце мая и начале июня 1942 г. бригада Амилахвари героически сражается против Роммеля у Бир-Хакейма в тяжелейших условиях – без воды, под постоянными налетами вражеской авиации, в окружении. Несмотря на тяжелые потери Легиона во время этих боев, Амилахвари смог задержать продвижение Роммеля в Египет на 2 недели, что дало англичанам возможность укрепиться там и встретить немцев и итальянцев во всеоружии.

Амилахвари имел все шансы обогнать по славе даже Зиновия Пешкова, но погиб 24 ноября 1942 г., в начале одного из важнейших сражений Второй мировой войны, при Эль-Аламейне. Это случилось в тот момент, когда 13-я полубригада Легиона подверглась мощной атаке войск «Оси». Чтобы оценить ситуацию, Дмитрий Амилахвари забрался на высоту и, стоя в полный рост, наблюдал за действиями противника. Он был поражен сразу четырьмя вражескими снарядами.

В Легионе стало крылатыми словами выражение Амилахвари, которому стали подражать не только на словах, но и на деле сказанное им в критический момент боев в районе Нарвика. Дело в том, что французские офицеры увидели, что Амилахвари – в парадной форме. На удивленный вопрос о причинах «парада» тот ответил: «Когда рискуешь предстать перед Богом, следует надеть соответствующую форму» (Брюнон Ж., Маню Ж. Иностранный легион, 1831–1955. М., 2003. С.218.).

По поводу Амилахвари и других русских офицеров из среды белой эмиграции легионное начальство отметило: «Его смелость была легендарной не в меньшей степени, чем выправка и спокойствие. Полковник Амилахвари являлся типичным представителем тех офицеров российского происхождения, которые пришли в Легион после произошедших в их стране потрясений. Наиболее старшие из них были офицерами еще императорской армии, самые молодые кончили наши военные училища. Они принесли в Легион свойства, весьма характерные и для Амилахвари – пламенную отвагу, смесь горячности и фатализма, глубокое чувство ответственности за жизнь своих солдат, а также тот стиль военной элегантности, по которому их узнавали с первого взгляда».

Начальник Амилахвари, генерал Монклар, сказал про него так: «Амилахвари – это Легион. Его военная жизнь, его энтузиазм, его подвиги и жесты соответствуют Легиону. В нем было все величественным: его рост, поведение в мирное время и на войне и постоянное, выглядящее даже слегка болезненным, стремление к героизму, в котором он всегда мечтал, хотя это было довольно нелегко, превзойти самого себя» (Брюнон Ж., Маню Ж. Иностранный легион, 1831–1955. М., 2003. С.218.).

Кроме Амилахвари, тогда во Французском иностранном легионе был известен русский лейтенант Владимир Булюбаш. Родившись в 1910 г. в России, ребенком он был вывезен во Францию во время большевистского переворота. В марте 1937 г. он получил здесь французское гражданство. Во время кампании во Франции 1940 г. он успел получить орден Почетного легиона. Он в конце 1944 г. командовал 1-м легким взводом легионных танков в 1-м эскадроне 1-го иностранного кавалерийского полка. Во время боев у Бальшвиллера 27 ноября 1944 г., когда взвод Булюбаша преследовал отходящих немцев, среди которых был генерал, немецкая самоходка из лесной засады подбила 3 легионерских танка, в том числе и танк Булюбаша. Тогда тот садится на броневик и догоняет отходящую колонну противника. Ворвавшись в нее, Булюбаш устроил среди немцев панику, захватив орудие. Когда на дороге

никого из противников не было, он высунулся из люка и тут же был убит 5 пулями, выпущенными из немецкой штурмовой винтовки (см. Они же. Там же. С.230.).

Был известен также русский лейтенант Легиона Владимир Харченко. Он родился в 1897 г. в Екатеринославе. В 1915 г. он окончил Елизаветградское кавалерийское училище, откуда в том же году вышел в 12-й гусарский Ахтырский полк, в составе которого провел всю Первую мировую и гражданскую войну. За время боевых действий был дважды ранен. Эвакуировался в ноябре 1920 г. с армией Врангеля в чине штаб-ротмистра. В Париже был шофером. 1939 г. в числе первых русских добровольцев, с началом войны против Германии, поступил в Легион. Один из основателей «Союза офицеров-комбатантов французской армии». Покончил с собой 5 декабря 1953 г. (Аракелян. Лейтенант В. Харченко//«Часовой». 1954. № 338. С.29.).

Другим известным русскоязычным офицером во Французском легионе стал лейтенант Аракелян. Он приехал на Салоникский фронт молодым офицером Русского экспедиционного корпуса, где находился в течение 1916–1919 гг. После Первой мировой войны жил во Франции. В 1939 г., после вступления Франции во Вторую мировую войну, записался в 6-й полк Иностранного легиона, в котором служил до конца 1945 г. За боевые отличия имел ряд французских наград, в том числе стал кавалером Французского Военного Креста, а 12 мая 1960 г. награжден генеральным секретарем Общества Французских офицеров-комбатантов высшей наградой Франции – орденом Почетного легиона («Часовой». 1960. № 410. С.18.).

Документы

Воспоминания донского казачьего офицера Матина Николая «О службе в Иностранном легионе в Алжире, Тунисе и Сирии».

Эти мемуары были начаты в 1922 г. и закончены в 1927 г. Воспоминания Николая Матина, донского казачьего офицера, в ноябре 1920 г. ушедшего в эмиграцию в составе армии Врангеля и оказавшегося во французской армии, являются очень важным источником для исследования истории россиян во Французском иностранном легионе. Здесь содержатся важные сведения относительно жизни этого подразделения в Северной Африке и Сирии. Этот документ хранится в Государственном архиве Российской Федерации: ГА РФ. Ф.5881. Оп.1. Д.386. Лл.1–25.

Предисловие

Я – офицер русского войска. Меня знают слишком много офицеров – вплоть до высших, чтобы мои очерки о русских в Иностранном легионе могли возбудить подозрение в правдивости всего того, что каждый русский, быть может, когда-нибудь прочтет.

Легион – особый мир. Особое государство. Со своим правовым порядком – отличающимся от всякого другого, со своим бытом – едва ли где-нибудь еще повторимым, со своими подвигами и «преступлениями», о которых мало кто знает. Вот этому особому миру и жизни в нем многих сотен русских и посвящаются мои очерки. В конце декабря 1920 г. я стал легионером. С середины 1921 г. я – в первом кавалерийском полку Иностранного легиона. С этим полком, с этой своеобразной семьей, я пробыл до марта текущего 1927 года.

Шесть лет и два месяца. И в эти две с лишним тысячи дней: карьера до бригадира, бои – после каждого – несколько свежих русских могил, дезертирство, каторжные работы – в свинцовых рудниках, – снова Легион, и наконец, после тяжелого ранения, – освобождение и... сорок четыре франка пенсии.

В конце декабря 1920 г. наша партия, в количестве шестидесяти двух, преимущественно, казаков, погрузилась на один из коммерческих французских пароходов в Константинополе, и мы, не задерживаясь, отправились к будущему месту нашего служения в Африку. Не буду описывать нашего душевного состояния,

так как, вероятно, каждый испытывал то же, что испытывали мы, когда покидали родные края на долгое время. Одно, что успокаивало нас, это то, что мы едем в Африку, где будем иметь возможность видеть на свободе диких зверей и даже охотиться на них, иначе мы не представляли себе службу в Иностранном легионе. Да и сами французы говорили нам, что наши обязанности будут состоять исключительно из охраны караванов и защиты жителей от диких зверей. Восьмидневное путешествие на пароходе было сравнительно спокойным, за исключением сильной качки, которую пришлось перенести около Порт-Саида. Кормили очень хорошо, но денег не давали, хотя и было обещано выдать нам аванс в счете пятисот франков премии, положенных по контракту. На восьмой день мы приехали в Марсель – главный распределительный пункт. Уже при входе нас во французские воды отношение к нам со стороны французского начальства заметно ухудшилось. В Марселе нас ожидала уже французская военная команда, под конвоем, коим мы были препровождены в знаменитую крепость Сан-Жан. В крепости, в тот же день, произошло первое столкновение с французами: не дав нам отдохнуть, после дороги, нас с места же заставили подметать и белить крепость. По просьбе казаков я, как немного знающий французский язык, пошел к сержанту и больше жестами, чем языком, объяснил ему, что мы устали и хотим отдохнуть, на что он в резкой форме заявил, что мы не должны забывать, что находимся на французской военной службе и неповиновение повлечет за собой строгое наказание. Передал казакам слова сержанта, нами было решено на работу не идти, за что я и еще четыре казака (офицеры) немедленно были арестованы и посажены в карцер. Таким образом, французы дали понять, что мы продали себя за пятьсот франков и право какого бы то ни было голоса не имеем. В Марселе нас держали, как арестантов, кормили уже не так, как на пароходе, и абсолютно никого из крепости не выпускали. Таким образом нас держали четыре дня. На пятый день мы погрузились на пароход и поехали в Оран – порт в Северной Африке. В Оране, под сильным жандармским конвоем, погрузились в поезд и отправились в главный штаб и распределительный пункт в городе Сиди-Белабес. Настроение заметно сильно упало у всех, почти всю дорогу молчали, и только изредка делали замечания, что мы подписали контракт, не зная, какой, и что французы своих обещаний не держат. Обещали же очень много, а именно: жалованье, на всем готовом, сто пятьдесят франков, премия пятьсот франков, и по окончании контракта пяти лет получали по пять тыс. франков. Самое же главное – это условие жизни: охота, охрана, легкие занятия и все. Но были обмануты во всем, кроме премии, которую мы получили: двести пятьдесят франков – по приезду и двести пятьдесят франков – через четыре месяца.

По приезду в Сиди-Бель-Аббес мы были разбиты по взводам, но в одной роте. Конечно, начались расспросы, как и что, и узнали от казаков, приехавших на две недели раньше нас, что французы нас обманули, жалованье получают только двадцать пять сантимов в день, что «охоты» они дожидаются уже две недели и отношение со стороны французов – очень скверное, в особенности к офицерам. Все-таки не хотелось верить в плохое и мы думали, что это только временно, что впоследствии будет хорошо, но, к сожалению, улучшения жизни пришлось ждать в течение всей службы – но напрасно. На другой день нас повели на медицинский осмотр. После осмотра, в течение всего дня, нам дали отдых. Дальше пошли занятия и всевозможные работы изо дня в день. Такая жизнь продолжалась в течение шести месяцев. Через шесть месяцев французы начали формировать кавалерийский полк, кадрами которого были большинство казаков, в том числе и я. Полк формировался в Тунисе, в городе Сус. Эскадрон, где находился я, был отправлен в небольшой арабский городок Гавсу, расположенный недалеко от Сахары и итальянской границы – Триполитании. Там, при колоссально высокой температуре, мы несли сторожевую службу и, своим чередом, велись занятия. Непривычные к такому жаркому климату, многие заболевали. Служба с каждым днем становилась все

тяжелее, и среди нас началось массовое дезертирство. Бежали по два-три человека, бежали, сами не зная, куда, лишь бы уйти. Правда, многим удавалось скрываться по несколько недель, и даже были случаи, что переходили границу, но это было очень редко, в большинстве же случаев их ловили, отдавали под суд, а дальше, в лучшем случае, сидели в тюрьме от шести месяцев с принудительными работами, без зачета срока службы. Мне тоже пришлось побывать на каторжных работах в течение четырнадцати месяцев, хотя был приговорен к трем годам, но благодаря амнистии сидеть весь срок не пришлось. Об этом я напишу после более подробно, так как само дезертирство имело иной характер и процедура французского военного суда очень интересна, что займет много времени. Помню, был такой случай: я был в карауле, расположенном на границе Сахары. Пост от поста находился на расстоянии семи километров. Регулярно от каждого поста высылалось по одному человеку, друг другу навстречу. Таким образом, приходилось проходить по 3 с половиной километра каждому до места встречи. Была моя очередь. Взяв карабин, я отправился. Пройдя около километра, я увидел, что через мой путь движется какое-то чудовище. Первая моя мысль была, что это – крокодил. Откровенно говоря, я струсил, и даже основательно. Пройдя еще несколько шагов, я убедился, что зверь меня не боится и даже, наоборот, остановился, как бы разглядывая меня. Не раздумывая долго, я повернул назад, на свой пост, и заявил начальнику поста, что не могу идти, так как на дороге – крокодил. Сейчас же весь пост во главе с начальником поста пошел к тому месту и нашел там зверя. Бригадир Штиллинг (начальник поста) подошел к зверю, очень долго его рассматривал, на что зверь не протестовал, так как, благодаря глубокому песку, он с трудом мог двигаться, потом снял байонет и приколол «крокодила». Оказалось, что это самая простая сахарская ящерица, длиной в 1 метр 60 сантиметров, и к тому же очень съедобная. Несмотря на то что я тоже принимал участие в трапезе этой ящерицы, мне все-таки пришлось отсидеть в «призоне» 15 дней за самовольное возвращение на пост. Наказание было слишком суровое, и вот тогда-то у меня зародилась мысль бежать, но бежать не как другие, а более основательно и наверняка, даже если бы и пришлось поставить на карту жизнь. Недостаток воды и пищи – явление в Легионе обыкновенное, но в моей голове не вмещалось, как так французы, культурные люди, могут так нагло обманывать, тем более нас, русских, все-таки много сделавших для Франции. Слово «легионер» – это на местном переводе – бандит. Не так давно, всего за два-три года до приезда в Легион русских (1920 г.), взгляд на легионера был таков: после занятий трубач выходил и особым сигналом извещал жителей, что легионеры «идут гулять»; все магазины закрывались. По приезде же русских отношение жителей резко изменилось к лучшему, и даже многие из нас сидели, бывало, в частных семейных домах. Не знаю, с какой целью, но французы всячески старались воспрепятствовать нашему сближению с жителями. Были случаи, когда французский офицер, завидя кого-либо из легионеров, гуляющего с цивильными (то есть – гражданскими), начинал на него кричать на всю улицу, придираясь к чему-либо, и нередко приказывал вернуться в казарму. Результат возвращения – призон. Несколько слов хочу сказать о французском военном призоне: сажают в одиночную камеру размером 1,2 х 2,6 метра. В камере стоит бетонная кровать без всего. Это – вся обстановка. На ночь выдается половина простого солдатского материала. Утром получает кару (четверть литра) темной жидкости кофе с сахаром. После кофе выстраивают всех арестованных и гонят на работы. Правда, работы попадаются иногда легкие, но при семидесятиградусной температуре вынести очень трудно. Работы продолжаются до обеда. Обед, если его можно так назвать, состоит из бульона, куска мяса и какого-нибудь легюма (разный вид овощей или макарон). В это мешается вместе и прибавляется на три четверти литра всего содержимого три-четыре столовые ложки соли. Таким образом вся эта бурда становится несъедобной, приходится выливать весь бульон, затем промывать холодной водой (которая дается

раз в день) и есть остаток. После «сытного обеда» опять выстраивают на так называемую «гимнастику». Дают вещевой мешок, который наполняется камнями и надевается на плечи, и вот с этим мешком приходится сначала маршировать, потом бегать, потом опять маршировать. Команда «Стой!» и сразу же – «Ложись!», следом – «Вставай!», и без перерыва раз двадцать-сорок (зависит от дежурного маршалля), большинство изнемогает и уже после четвертого-пятого раза не может подняться. Тяжесть камней – около тридцати пяти кило. Безусловно, от такой «полезной гимнастики» спины почти у всех разбиты до крови. Такая гимнастика продолжается около полутора – двух часов, а после – опять работа, до ужина, по качеству такого же, как обед. Мне самому приходилось несколько раз сидеть в призоне, и все это испытал на себе. Мне бы очень хотелось, чтобы эти строки когда-нибудь попались на глаза какому-нибудь культурному французу. Все это, виденное и испытанное нами, озлобило нас, и вот собралась кампания, в числе 27, и мы решили не бежать, а с оружием в руках и на конях пробираться через цепи гумов (арабы, французская полевая жандармерия), захватить баркас, хотя бы даже с боем, и пробраться в Триполитанию (Итальянская колония). План был выработан, патроны достали, и день выступления был назначен на 22 августа 1922 г. Сколько волнений и хлопот пришлось пережить за это время в ожидании 22 августа!

Но вот наконец настал и этот день. В 5 ч. 30 м. утра эскадрон выступил на занятие. Компания наша была подобрана, так что мы были все вместе. Я, как исполняющий должность урядника, повел взвод на занятия. Взвод состоял из сорока двух всадников, таким образом, мне предстояло, возможно, правда, освободиться от тех пятнадцати человек, которые не были посвящены в тайну заговора. Отделив этих пятнадцать, я приказал им идти в ближайшую арабскую деревню, расположенную в трех километрах от нашего плацдарма, и ждать меня там, а я с остатками якобы поеду на ближайшую жандармскую станцию для принятия от них восьми дезертировавших легионеров. Предлог был довольно глуп, но в этот момент от волнения я не мог придумать ничего более умелого. Я ставил на карту свою, а также и остальных двадцати шести, – жизнь. Лишь только эти пятнадцать скрылись с глаз, я приказал зарядить карабины и два вьючных пулемета. Приказание было исполнено, мы сняли шапки, перекрестились и двинулись в путь. Первую и вторую цепи гумов мы прошли благополучно. Но, когда мы стали подходить к третьей цепи, несколько гумов отделились и вышли нам навстречу. Узнав от меня, что мы делаем маневры, они не поверили, так как, во-первых: такие маневры к границе никогда не бывали; 2) им об этом ничего не известно, а в случае маневров всегда сообщают жандармам, то они категорически потребовали, чтобы мы повернули назад. Видя, что мы очень долго разговариваем, другие гумы стали подходить к нам; положение было самое критическое, и медлить было нельзя. Тогда я по-русски скомандовал: «Рысью, марш!» – и моя группа, смяв гумов, тронулась. Видя такую картину, гумы из револьверов дали несколько выстрелов, не причинив, однако, нам никакого вреда. Остальные гумы, услышав стрельбу, открыли по нас тоже стрельбу, но было уже поздно, т. к. мы успели ворваться в их цепь и открыли по ним убийственный огонь, результатом чего было 10 убитых и несколько раненых (это я узнал только на суде). Гумы в панике бежали, мы совершенно беспрепятственно дошли до берега, обезоружили еще двух гумов, охранявших военный сторожевой баркас, оставили лошадей, погрузились и отчалили. Не зная верного расположения этого проклятого залива, мы взяли прямое направление на Триполи. Около 30 километров мы плыли благополучно, и уже была видна на той стороне сторожевая будка, как почувствовали, что баркас на что-то наткнулся, прошел еще несколько метров и остановился. Мы сели на мель. Несмотря на пятичасовое наше общее усилие, мы ничего сделать не могли, т. к. мель тянулась почти на три километра, а до берега было километров восемь-десять. За это время была организована погоня за нами. Зная, что мы будем бежать прямым путем и должны будем обязательно сесть на

мель, французская рота, вызванная из Меднина (там стоял дисциплинарный батальон), догнала нас, и мы, после некоторых переговоров, сдались, так как французский офицер заявил, что если мы не сдадимся, он прикажет нас уничтожить, и обещал никого не бить, а доставить нас прямо в штаб эскадрона. А оттуда – в штаб полка в г. Сус. Весь эскадрон нас встречал, и были слышны одобрительные возгласы, а некоторые ругались – «почему мы им ничего об этом не сказали». Ввиду того, что мест в призоне для всех не оказалось, нас отправили в местную тюрьму, где режим был значительно лучше. В тюрьме мы пробыли десять дней, и на одиннадцатый день нас погнали в штаб полка. В течение почти месяца длилось следствие, и наконец нам объявили, что следствие закончено и мы отданы под военный суд. Положение сразу улучшилось: нам выдали матрацы, одеяла и даже подушки. Разрешили курить, вообще перешли на привилегированное положение. Мы были совершенно освобождены от работ. Начались томительные дни в ожидании суда. Так продолжалось до четырнадцатого декабря 1922 г. Наконец четырнадцатого нам сообщили, что завтра нас отправят в Тунис на суд. Целую ночь я провел в раздумье и думал, чем все это кончится. Скажу откровенно, что если бы в тот момент у меня была бы хоть малейшая возможность, я кончил бы жизнь самоубийством. Под рукой не было абсолютно ничего. Пятнадцатого вечером нас погрузили на поезд под взорами любопытной толпы, часовые прохаживались вдоль всего состава. Только за две-три минуты до отхода поезда наш вагон прицепили к составу. Наконец поезд тронулся. Где-то на перроне закричали: «Ура!» – и вдруг запели нашу донскую песню «Черный ворон». Это казаки провожали нас, и никто из них и нас не был уверен, что мы когда-нибудь вернемся. Некоторые из нас хотели посмотреть, быть может, последний раз в окно, но кандалы не дали возможности это сделать. Многие из нас плакали!

В Тунисе нас разместили в военной тюрьме. Режим оказался не особенно строгим, и нам даже дали возможность работать (шили мешки). За это два раза в неделю мы могли на заработанные деньги покупать себе хлеба и табаку. Но больше, как на один франк, записаться было нельзя; остальные же деньги пропадали. В Тунисе мы ждали суда, и вот наконец в феврале месяце мы предстали перед военным французским судом.

Многие держали себя спокойно, но некоторые волновались, и больше всего – я, так как обвинение, главным образом, ложилось на меня. Чтение обвинительного акта продолжалось час с четвертью. Каково же было мое удивление, когда председатель суда прочел, что я являюсь главным ответчиком за убийство шестнадцати гумов! На меня напала сразу полная апатия. По окончании чтения обвинительного акта председатель суда предложил, почему-то только мне, выбрать себе двух казенных защитников, на что я категорически отказался, заявив, что буду защищаться, по силе возможностей, сам. Откровенно говоря, я уже не верил французам, и я решил сказать всю правду им в глаза. Суд длился всего часа 2. На вопрос председателя: «Признает ли себя виновным?» – каждый отвечал: «Да». Когда очередь дошла до меня, я заявил: «Нет, не признаю ни по одному пункту». Удивление выразилось на лицах членов суда. Я сразу учел, что если я скажу «да», то этим-то я подписываю себе приговор на десять лет, а потому я решил идти «ва-банк», и этим, можно сказать, я спас себя от неминуемой гибели. Я совершенно не слыхал обвинительной речи военного прокурора, я всецело был поглощен тем, что я буду говорить. Наконец очередь дошла до меня. К сожалению, я не настолько владел французским языком, чтобы я мог сказать все то, что было у меня на душе! Но главную суть я высказал, правда, три раза председатель суда меня прерывал, говоря, чтобы я не забывался, но все-таки я сразу увидел, что председатель был уже на нашей стороне. Когда вопрос коснулся офицерской чести, я привел в пример, когда французский офицер, заведомо зная, что я такой же офицер, как и он, явно издевался надо мной, заставляя без передышки садиться на лошадь и слезать, без

седел, в течение сорока восьми раз, и когда я изнемог и не мог уже даже подпрыгнуть, то не французский офицер, а лошадь догадалась, нагнула голову и форменным образом вкатила меня на себя. Это был факт. Закончил я словами: «Мы, русские офицеры, попавшие в Легион, потеряли обманным путем свою родину, но чести мы не теряем, а смешно говорить о чести французскому офицеру, позорящему не только свою честь, но даже нацию такими поступками. Когда председатель говорит, что я оскорбляю честь французского мундира, – я заявляю, что говорю в данном случае о том офицере, с которым мне пришлось столкнуться. После, как я узнал, этот офицер, вскоре после суда, был переведен в один из спанских кавалерийских полков. На вопрос председателя: могу ли я назвать фамилию этого офицера? – я охотно называю, добавляя, что этот офицер был одно время в России и пользовался гостеприимством. И что мы, русские, были слишком наивны, видя во французах только союзников, а в гражданскую войну, главным образом, во время эвакуации, смотрели, как на спасителей. Моя ставка была выиграна, заметно было, что весь состав суда был на моей стороне. Из частной публики было только два офицера – Четвертого Спанского полка и двое русских: одна дама и инженер в качестве казенных переводчиков. Дама плакала. Инженер все время сморкался. Когда суд удалился, ко мне подошли офицеры Спанского полка – и молча пожали мне руку. Через сорок минут суд вернулся и началось чтение приговора. Приговоры были довольно гуманными и на разные сроки, начиная от шести месяцев и кончая годом, тюремного заключения с принудительными работами. Я был приговорен к трем годам каторжных работ.

Итак, моя судьба была решена. Три года прожить среди арестантов, большинства уголовных. Ждать отправки к месту моей сидки пришлось недолго: на третий день партия в числе двенадцати человек была посажена в вагон, и мы отправились в местечко Тубурсук, в ста двадцати километрах от Туниса. Тубурсук – это каторжная тюрьма, предназначенная для семи тысяч арестантов. В действительности же там было около 11 тысяч. Тюрьма окружена со всех сторон беспрерывной цепью совершенно голых гор. В горах находились свинцовые рудники, где мне приходилось работать. Когда мы приехали в Тубурсук, погода стояла ужасная. Сильный ветер и холодный дождь, смешанный со снегом, били прямо в лицо, так что идти было очень трудно, там были мы закованы в кандалы. Но французский сержант, сопровождавший нас, мало об этом беспокоился, сидя на коне, подгонял нас резиновым стэком. Нам предстояло пройти восемь километров. Наконец показались огоньки, и еще полчаса – и мы у ворот тюрьмы. Часовой-араб после разговора с сержантом вызвал караульного начальника, и мы в сопровождении караульных арабов вошли в холодную полутемную комнату. Там с нас сняли кандалы, приказали раздеться догола. Когда все было исполнено, нас построили в одну шеренгу и голых. Под сильным дождем и снегом, мелкими шагами повели через весь двор в другое помещение, где находился совершенно холодный душ. Приняв душ, мы тем же порядком пошли в приготовленное для нас помещение. Это была длинная комната с кое-где выбитыми стеклами. На полу лежали доски, и кое-где валялись обрывки одеял. Каково же было мое удивление, когда в углу я услыхал русскую брань. Я сейчас же подошел и заговорил с ругавшимся человеком. Он оказался чехом и прибыл двумя днями раньше нас с партией в 22 человека. Нужно было держать карантин 3 дня. На другой день нам было выдано белье и еще что-то вроде халата. От холода о сне думать не приходилось, так что все эти три дня я провел, прогуливаясь по комнате. На третий день я почувствовал себя нездоровым. Заявлять об этом было нельзя, так как на четвертый день бывает «медицинский осмотр» и только там можно заявить о своей болезни. Настал день медицинского осмотра. К нам пришел доктор, обошел шеренгу и, ничего не сказав и не спросив у нас, взял у сержанта какую-то книгу, подписал ее и собирался уходить. Тогда я заявил сержанту, что я болен. Он сказал об этом доктору. Доктор, военный, с

искаженным от злобы лицом, подошел ко мне и с такой силой ударил меня в грудь, что я чуть не упал. «О, да, он – слабый, пересадите его на «диету». Затем повернулся и вышел. После осмотра нас повели в комнату-спальню, где мне пришлось прожить 14 месяцев, за исключением восемнадцати дней, тех, что я пробыл в тюремном лазарете. На другой день у меня был сильный жар, но на работу все же пришлось идти. Довольно с высокой температурой мне пришлось проработать два дня. Работа – очень тяжелая. Приходилось работать почти по колено в воде. Мне пришлось нагружать вагонетки. Я, ввиду моей болезни, был очень слаб и еле поднимал лопату, даже пустую. На третий день моей работы, утром, я подняться уже не мог. Пинками в бок и дерганьем за уши сержант хотел заставить меня подняться, но я еле шевелил руками. Меня отправили в лазарет. Фельдшером в лазарете оказался тоже легионер, бельгиец, отбывавший наказание и побывавший в моей шкуре, а потому принял во мне большое участие. Температура – 40,3. Я оставлен в лазарете. Оказалось, что у меня было воспаление легких. В лазарете было немногим лучше. Единственно, что не приходилось работать, а пища – та же самая, что и для здоровых. Восемнадцать тяжелых дней мне пришлось пролежать в лазарете. Меня выписали с температурой 37,5, не дав ни одного дня отдыха, меня на другой день, вместе с другими, погнали на работу. И опять тоже стоять в воде и нагружать вагонетки. Прошло 10 месяцев. Многие мои приятели были уже освобождены.

Сердце щемило при одной мысли, что мне придется сидеть еще двадцать шесть месяцев. Но неожиданно разнесся слух будто бы об амнистии. Этим слухом жила вся каторга. Прошло еще два с половиной месяца, стали забывать об амнистии. Жизнь снова вошла в свою колею. Но опять заговорили о ней, еще с большей верой и надеждой на освобождение. Ждали только приказа. И вот в первых числах декабря 1923 г. (не помню, какой был праздник и мы не работали), в нашу камеру вошел комендант тюрьмы. «Смирно!» – и мы вытянулись в струнку. Комендант развернул лист и объявил, что президент Французской Республики амнистирует нас. Он начал читать амнистированных по фамилиям. Наконец он назвал мою фамилию, подошел ко мне, взял за пуговицу моей арестантской куртки и сказал, что он имеет распоряжение от высшего начальства взять с меня слово о том, что я никогда не буду больше не только дезертировать, но даже и думать об этом. Мне страшно хотелось ударить по руке этого зверя-коменданта, офицера французской армии, но зная, чем это кончится, я в вежливой форме ответил ему, что мне странно слышать это, тем более от французского офицера. Я заявил ему, что считаю себя во Французском иностранном легионе как пленник, а потому данного слова я дать ему не могу. Я знал, что это более его собственная выдумка.

11 декабря 1923 г. нас снова нарядили в военную форму, и мы под конвоем отправились на станцию, чтобы грузиться и ехать в Тунис, а оттуда – в Сус, в штаб полка. В Тунисе я пробыл два дня, и наконец со стальными наручниками меня отправили в сопровождении двух арестантов в Сус. В Сусе, на станции, меня уже ждали мои товарищи.

Они за свой счет наняли трех извозчиков. На одном – я с жандармами, а на двух остальных разместились мои товарищи. И наша процессия двинулась в полк. Ввиду того, что встречавшие меня были под хмельком, то всю дорогу, до самого полка, пели песни.

Наконец полк. Наручники – сняты, и, после некоторых формальностей, я – свободен. Сразу же из караульного помещения меня подхватили на руки и на руках понесли прямо в комнату. В этот вечер я был сильно пьян. На другой день мне предстояло являться к моему новому командиру эскадрона. Придя в эскадронную канцелярию, я явился к командиру эскадрона и с места был назначен, в виде отдыха, объезжать и тренировать молодых лошадей. Я очень скоро свыкся со своей новой должностью и «новой обстановкой». Правда, первое время мне казалось как-то странно, что, ложась спать, двери за мной не закрываются на замок. Но это

быстро прошло. За эти пять месяцев, что мне пришлось быть на должности «дрессировщика», нужно отдать справедливость, мне ни разу, даже намеком, не пришлось слышать, что я был на каторге. Служба моя шла, как будто бы ничего не случалось. Время шло; настал май 1924 г., и начали готовиться к ежегодным маневрам. Меня вызвал командир эскадрона к себе и объявил, что он меня переводит в строй на старшую должность, а после маневров, если я не буду ни в чем замечен, нашьет мне галуны бригадира. Подготовка к маневрам продолжалась 10 дней. 11 мая мы выступили на маневры.

Обыкновенно маневры продолжаются месяц. Ввиду того, что маневры французской кавалерии довольно оригинальны, я хочу описать их более подробно. Возможно, что когда-нибудь мои заметки будут читать, я хотел бы описать жизнь в Иностранном легионе более подробно и всесторонне.

Так выступили на маневры в три часа утра 11 мая. Определенно задачи никто не знает, кроме только офицерского состава. Первый переход делаем – 26 километров до 7 часов утра в направлении к алжирской границе. Дальше не движемся, так как наступает жара. Привал.

Расседлываем коней, разбиваем палатки, кашевары готовят обед. Начинается полный хаос. Люди кричат, волнуются, бегают, в большинстве случаев – напрасно. Наконец все сделано и все стихает, но это, главным образом, из-за жары. Кое-где из палаток слышатся испуганные возгласы – это зовут фельдшера, фельдшер приходит, делает укол – и идет в следующую палатку для той же операции. В мае месяце укус скорпиона не смертельный, но довольно опасный. Вот поэтому-то и бывают маневры в этом месяце, т. к. уже в июле и августе укус скорпиона смертелен.

В 10 часов 30 минут – обед, после обеда – «отдых» до 3 часов. Во время этого отдыха каждый обязан вычистить все металлические части конского прибора, карабин, саблю. Все это должно блестеть. В три часа играют подъем, и через десять минут во все стороны высылаются разъезды и патрули. Задача разъездов – разведка, съемка местности и, главным образом, розыск воды. В час тридцать или в два часа ночи – опять поход, и так каждый день. Помню, мы подходили к маслиновой роще, и тут же рядом был небольшой апельсиновый сад. Мне сразу бросилось в глаза, что на верхушках деревьев что-то движется, скачет. Войдя почти в самую середину рощи, я и все мы не только увидели, но и испытали на себе «обезьяний налет».

На верхушках деревьев сидели самые настоящие живые обезьяны. В нас летели апельсины, палки, маслины и пр. Вначале было очень забавно, но когда на мою голову посыпались маслины, то удовольствие было маленькое. Команда – «рысью», и через десять минут мы оставляем проклятую рощу. Все маневры мы так и не знали, какова наша задача. Только уже на обратном пути, да и то, когда оставался всего один переход до Суса, командир эскадрона объявил нам, что наша задача выполнена блестяще и сведения «о воде имеются точные». Фактически маневров никаких не было, а была лишь «колонна», то есть изучали местность и узнавали места, где есть вода. Такие походы страшно изнуряют не только нас, но и привычных лошадей.

После маневров обыкновенно дается двухдневный отдых. За это время мы должны привести себя (и принадлежащие нам казенные вещи, так называемый «пактаж») в полный порядок. После отдыха бывает смотр и проверка всех. Не дай Бог, если у кого-нибудь чего-нибудь недостает! Тот рискует попасть под военный суд, так как обвинят в продаже казенного имущества и никакие оправдания не помогут. Результат известен – тюрьма. Проходит еще два-три дня, и жизнь входит в нормальную колею. По окончании маневров бывает «спад», то есть ввиду сильной жары занятия производить днем невозможно, дается с одиннадцати часов утра и до трех – свободное время, которое каждый может использовать, как он хочет. По французскому уставу, не полагается во время спада выходить из помещения, за исключением по своей нужде. Жара бывает такая, что достаточно выйти без шлема

из помещения, как может случиться солнечный удар. А сирокко – это ужасная мука не только для людей, но и для таких чисто африканских животных, как верблюды. Горячий ветер с раскаленным песком, заполняет весь воздух, так что совершенно невозможно дышать. Нередко воздух становится желтым, и бывают случаи, как и в тумане, что в десяти шагах ничего не видно. Спад обыкновенно продолжается три месяца. Это действительно отдых для легионера. Времени свободного вполне достаточно, занятия непродолжительные, и за это время так изленишься, что трудно после привыкнуть к повседневной службе. В обыкновенное время, после ужина, в 6 часов вечера, иногда пройдешься в городе, но ненадолго, так как денег нет, а без них в городе делать нечего. Немцы сравнительно жили немного лучше, так как многие получали из дома деньги. Вообще же жизнь протекала довольно своеобразно: занятия, работа, караул – патруль за дезертирами и пьянство. Такая жизнь, безусловно, не могла отразиться хорошо, а потому, в большинстве случаев, под конец службы становились пьяницами и неврастениками. В октябре месяце до нас дошли слухи, что один из эскадронов должен идти на фронт в Марокко, так как рифяне (марокканские арабы) наступали и основательно потрепали как испанцев, так и французов. Стали ходить легионерские слухи, и каждый открыто имел почти сведения, какой эскадрон пойдет. Служащие по возможным бюро, в том числе посыльные и вестовые, ходили с важным таинственным видом, как будто бы зная все. Но не знал никто. Каждый говорил за свой эскадрон, и иногда доходило до драк. В особенности частые драки бывали между поляками и немцами. Это у них – постоянная вражда. Но замечательно то, что как бы друг с другом ни враждовали и ни дрались в расположении картье (казармы), но достаточно войти в город, как все забывалось и один стоял за другого. Не дай Бог, если кто тронет легионера в городе! Хотя это не мешало, пойдя в казармы, подраться с тем, кого только что защищал. Нередко доходило и до поножовщины. Наконец в феврале месяце 1925 г. было известно, что на фронт выступает 3-й эскадрон под командой капитана Буржуа. Я был в 4-м эскадроне, и, говоря откровенно, меня в Марокко мало тянуло. Хотелось в Сирию. В марте или апреле 3-й эскадрон выступил на фронт. До нас доходили слухи, что эскадрон участвовал в боях, понес большие потери, но точных сведений мы не имели. Маневры, сходы, караулы, патрули и так далее.

В 1925 г. маневры были неинтересные и скучные. Была очень сильная жара. Стали ходить слухи, якобы еще эскадрон должен выйти на фронт, но только – в Сирию, где уже кирасирские стрелки были в боях и понесли колоссальные потери с восставшими друзами. Но точно ничего не знали. Жили слухами, каждому эскадрону хотелось ехать, и потому повторялись те же картинки, что и перед отправкой 3-его эскадрона.

Правда, ожидания наши длились недолго и день выступления был уже известен. Выступал наш 4-й эскадрон под командой бездарного капитана Ландрио. Дней за десять до отправки мне пришлось быть в карауле. Часа в два ночи в караульном помещении поднялся шум. Я в это время находился около ворот казармы, сменяя часовых. Я моментально бросился к караульному помещению. В тот момент я подумал, что арабы хотят проникнуть к караульному помещению и обезоружить караул, тем более, такие попытки уже бывали. Но, подбежав ближе, я узнал от дежурного маршалля, что «ничего особенного», это просто скорпионы вышли из мастерской, оборудованной из части катакомбы, расположенной под всеми казармами, которой насчитывается около тысячи лет, и двинулись на огонь. Был роковой июль месяц. Караул весь выскочил из помещения. Был вызван офицер, заведующий газами. Газовые баллоны были поставлены в двух комнатах караульного помещения, помещение запечатано, и газовые баллоны были разбиты револьверными выстрелами. Таким образом помещение держали трое суток. Через три дня помещение открыли, но там не нашли ни одного скорпиона. Все ушли. Вскоре после этого эскадрон наш вместе с лошадьми выступил. До Туниса шли

походным порядком, в Тунисе погрузились на пароход, и под звуки военного оркестра пароход снялся с якоря и мы тронулись. Весь эскадрон почти состоял из русских. Все чему-то радовались, думали, что едут куда-то на веселье, но никому в голову не приходило, что он может быть убит или искалечен. Да, много молодых жизней легло на песках Сирии, но еще больше было искалеченных. Я лично радовался перемене места и обстановки и ожидал увидеть что-то сверхъестественное. Но, кроме ужасов войны и своего искалечения, ничего не увидел.

После восьмидневного пути мы прибыли в Бейрут. Там ожидали нас высшие военные власти. После смотра весь эскадрон походным порядком пошел за город, на приготовленный нам плацдарм для стоянки. Почти целую неделю мы ничего не делали, кроме патрулирования по городу. После нас продвинули ближе к крепости Суйде, где мы несли сторожевое охранение, так как в крепости в течение трех месяцев находился французский батальон, окруженный друзами. Положение их было страшным. Продукты, как то: хлеб, консервы и мороженое молоко им бросали с аэроплана, хотя последнее почти никогда не долетало, а еще в воздухе таяло. Численность друзов, окруживших Суйду, была приблизительно около шести-восьми тысяч. И вот нашему эскадрону, при содействии французской колониальной пехоты, был дан приказ атаковать друзов и освободить французов из крепости. Наш эскадрон и один батальон пехоты вошли в турецкую деревню Муссей-Фрей по направлению к Суйде. Муссей-Фрей – небольшая деревня, скрытая от взоров неприятеля. Но с такими силами мы не могли удержать деревни. Командир батальона расставлял лично посты, и мы ожидали только появления друзов. Первая стычка с друзами произошла накануне нашего разъезда, результат – четверо убитых и двое или трое раненых. Целую ночь друзы готовились к нападению. Со стороны неприятеля был слышен страшный шум и свист. На другой день, вечером, 16 сентября, друзы бросились в атаку на пехоту. В порядках эскадрона началось движение. Друзы, видя нашу подготовку, пустились на хитрость, а именно, подойдя к нам, кто-то из них сказал на чистом французском: «Мы – легионеры, не стреляйте!» Зная заведомо, что здесь больше Легиона нет, русский маршалль Ткаченко, кубанский казак, принял командование эскадроном, так как командира эскадрона, капитана Ландрио, я лично не видел во все время боя. Французская пехота была окружена и почти вся уничтожена. Мы были в пешем строю, так как при начале боя лошади наши, привязанные на общую веревку, при первых же выстрелах вдоль линии порвали ее и бежали без седоков на неприятеля.

Друзы, как сумасшедшие, неслись на нас, и казалось бы, вот-вот раздавят нас своей численностью, но благодаря удачным залпам мы остановили друзов, и в их рядах началась паника. Воспользовавшись их смятением, мы бросились на них в атаку, смяли их и моментально входим в Суйду. Заперев за собой ворота крепости, мы увидели ужасную картину: по всем углам лежат истощенные французы. Многие даже не могли двигаться от истощения. Нас в крепости оказалось мало: больше восьмидесяти человек было убито и приблизительно столько же – раненых. На рассвете подошло подкрепление и друзы были разбиты. Они потеряли и оставили на поле боя больше тысячи убитых. Меня заинтересовала обстановка боя, и я выглянул через стену. Я увидел бегущих друзов. Всевозможных цветов знамена развевались в их рядах. Смотрел я не больше одной минуты, как почувствовал, что меня что-то ударило в голову. Я упал. Я был ранен. Минуты через две-три я потерял сознание и, к сожалению, не мог видеть и участвовать в том, что было дальше. В этот же вечер всех раненых отвезли в город Бейрут. Разместив нас в лазарете, нам оказали первую помощь, перевязки. В госпиталь пришел французский комендант, поздравил всех... В Бейруте я пробыл шесть дней, в течение которых почти все время был без сознания. Я был ранен в затылочную часть головы и нуждался в операции, так как пуля оставалась в голове. На седьмой день нас погрузили на военный миноносец и через

Марсель отправили в Бизерту. На миноносце было великолепно – чудный уход, внимательное отношение со стороны начальства, вообще, чувствовали себя, как в хорошем госпитале в России в 1914–1915 гг.

В Марселе нас навестили какие-то дамы, мы получили от них подарки и по пятьдесят франков. В Марселе пробыли шесть часов и тронулись дальше в Бизерту. В Бизерте нас разместили в военном госпитале. На другой же день мне была сделана трепанация. Уход и вообще мое пребывание в Бизерте ничем не ознаменовались. Пробыв там около четырех месяцев, я был переведен в Тунис, а оттуда – в полк, в Сус. В Сусе я лежал в местном госпитале. В марте месяце пришел ко мне один из русских офицеров и спросил: могу ли я завтра быть на параде, принимаемом французским маршалом Деспере? На параде, в присутствии городских властей и местных жителей, участники боя должны были быть награждены лично маршалом Деспере орденом Croix de querre. Я находился вторым с правого фланга. Наконец прибыл маршал. Он подошел к правофланговому, надел на него орден и спросил его, откуда он из России, семейное положение и сколько имеет службы. Подъезжая ко мне, он задал мне тот же вопрос и спросил, знаю ли я свой «подвиг». Я ответил, что особого подвига я за собой не чувствую и являюсь только участником боя и пострадавшим. «Этого достаточно», – сказал он. Обойдя таким образом всех, он сказал несколько слов об «этом важном бое» и приказал производить парад. Парад он принимал лично. Пройдя церемониальным маршем, мы уехали в казармы, а оттуда я – в госпиталь. Пролежав в госпитале еще два месяца, до мая, я был выписан и опять попал в строй. Но ранение давало о себе знать, и мне тяжело было служить в строю. Я стал проситься на комиссию. Ответ на мою просьбу был положительным, но длился до февраля 1927 г. Я был представлен на комиссию ровно за двадцать дней до окончания срока службы.

В марте месяце я уехал в Саламбо (около Туниса) на комиссию. Комиссия была поверхностная, и доктора решили, что я к службе «не годен», дав мне отставку и... сорок четыре франка пенсии. Это было двадцатого марта, а двадцать второго марта кончилась моя служба. После комиссии я уехал в полк, в тот же день я получил штатский костюм «Клемансо» и на другой день уехал в Тунис, чтобы там погрузиться на пароход и навсегда покинуть «милую Африку». Путь от Туниса до Марселя – около сорока часов. По приезде в Марсель я в том же самом порту – Сан-Жан, что было шесть лет тому назад, получил документы и... шестнадцать франков на дорогу до Парижа, ну и конечно, бесплатный билет. Все пережитое за это время настолько озлобило меня против французов, что я решил ни в коем случае не оставаться во Франции, а уехать. Этим я заканчиваю мои воспоминания, но впоследствии я, безусловно, более подробно изложу все факты и переживания, которые выпали на мою долю в бытность во Французском иностранном легионе.

Николай Матин.

Данный документ по истории русских во Французском иностранном легионе посвящен, главным образом, службе бывших чинов белогвардейских армий в Сирии и отчасти – в Алжире. Воспоминания Эраста Гиацинтова подробно рассказывают обо всех тонкостях службы легионеров, каким образом их вербовали туда, как соблюдали французы условия контракта. В этих воспоминаниях меньше боевых эпизодов, чем в воспоминаниях Матина. Но это более обширный источник, нежели воспоминания Николая Матина, который позволяет в мельчайших подробностях рассказать читателю о жизни внутри Легиона. Данный документ содержится в Государственном архиве Российской Федерации: ГА РФ. Ф.5881. Оп.2. Д.310.

Эраст Николаевич Гиацинтов родился под Петербургом, в Царском Селе, в прекрасной дворянской семье 10 ноября 1894 г. Его дед был генералом, героем кавказской и русско-турецкой войны 1877–1878 гг. После обучения в Николаевском кадетском корпусе и Константиновском артиллерийском училище в 1914 г. был произведен в офицеры. До конца 1917 г. воевал на фронтах Первой мировой войны,

награжден шестью орденами, за отличия дважды повышался в чине досрочно. Из его служебной аттестации в корпусном журнале видно: «По характеру – сердечный, откровенный и общительный, всегда веселый и бодро настроенный юноша. Религиозный, к мерам нравственного характера восприимчив, с товарищами живет очень дружно. В бою – инициативен, прекрасно ориентируется, не уклоняется от опасности... Безукоризненно честный, хорошо воспитанный, хороший товарищ» (см. Бортневский В. Рабами не стали. Неизвестные страницы трагической истории русской эмиграции 1-й волны. // Учительская газета. 1989. 5 октября.). Женился он в сентябре 1917 г. на своей двоюродной сестре – Софье Владимировне Гиацинтовой, будущей народной артистке СССР. Но их совместная жизнь продолжалась недолго и не была счастливой, но они до конца жизни сохраняли друг к другу самые лучшие чувства. «У него были темные блестящие глаза с японски поднятыми кверху уголками, красивые руки с тонкими пальцами, удивительно стройная для мужчины талия и длинные-предлинные ноги, за которые в детстве он получил кличку Баскервилей, – вспоминала она. – Эрик был умен и смешлив, трудолюбив, и ко всему способен к точным наукам и к музыке, к иностранным языкам и спорту. При свойственной ему задумчивости он обладал не изменявшим ему никогда чувством юмора. Но главным в Эрике были ответственность, смелость (все трудное он как бы между прочим всегда брал на себя) и понятие чести – Родины, полка, семьи, жены. Я никогда не встречала менее эгоистичного и более мужественного человека, никогда не видела такого строгого подчинения высшим моральным устоями. И при этом – какая-то скромность – я часто наблюдала, как люди поначалу не замечают его среди других, а потом выделяют и не могут от него оторваться. Его нельзя было обмануть, запутать, просто всякая фальшь отторгалась от него, не задевая» (Гиацинтова С. С памятью наедине. М., 1989. С.461–462.).

Во время гражданской войны Гиацинтов служил в легендарной Марковской дивизии белых, в артиллерии. Прошел в 1918–1920 гг. путь от Дона до Крыма. Летом 1920 г. командовал 2-м дивизионом в артиллерии марковцев. «За все время службы в управлении дивизионом штабс-капитан Гиацинтов всегда отличался примерным исполнением возлагаемых на него поручений.

Команда разведчиков дивизиона была поставлена им на должную высоту и исполняла не только чисто артиллерийские, но часто и кавалерийские задачи, до конных атак включительно, причем всегда с выдающимся успехом» – говорилось в приказе по 2-му дивизиону артиллерийской генерала Маркова бригады от 7 июля 1920 г.

С августа 1920 г. Эраст Гиацинтов служил в Кубанской казачьей артиллерии. Следует отметить, что Э.Н. Гиацинтов в ноябре 1920 г. эвакуировался вместе с армией Врангеля из Крыма в Грецию и Турцию, которая тогда была оккупирована войсками стран Антанты, включая и французские. Личный состав армии Врангеля был размещен в лагерях. Французское командование, зная, что среди белогвардейцев много опытных в военном деле людей, стало вербовать их во Французский иностранный легион. Подполковник артиллерии русской армии Эраст Гиацинтов записался во Французский иностранный легион рядовым солдатом.

После увольнения из Легиона Эраст Гиацинтов некоторое время находился в Константинополе, откуда он вскоре переехал в Прагу, где учился в Русском университете и получил диплом инженера-химика. Здесь же, в эмиграции, он женился на дочери полковника русской царской армии, от которой у него было три сына.

После этого он работал на заводах Франции и Австрии.

Во время Второй мировой войны, несмотря на то что большая часть бывших легионеров, чтобы отомстить французам, приняла сторону Гитлера, Эраст Гиацинтов воздержался от этого шага. Он продолжал работать в австрийском городе Лиенц на химическом заводе и, по признанию С.В. Гиацинтовой, чудом избежал концлагеря за

противодействие воинствующему русофобству нацистов и за то, что спас жизни многих русских военнопленных, которых он знал лично. От смерти его спасли занявшие в 1945 г. Лиенц американцы, т.к. уже был подготовлен арест Гиацинтова (Она же. Записки. Воспоминания.//Личный архив Балмасова С.С.).

Убедившись в антифашистской позиции Гиацинтова и в том, что он владел немецким, английским, французским и несколькими славянскими языками, включая чешский, американцы предложили ему работу переводчика в лагере для «перемещенных лиц» из СССР. Это были как военнопленные, так и угнанные на работу в Германию. Их должны были выдать на Родину, где их ожидал новый круг мучений уже в советских лагерях или даже расстрелы, как это было с власовцами или красновскими казаками. По воспоминаниям детей Э. Гиацинтова и других эмигрантов, он пользовался большой любовью и уважением «перемещенных». Они же организовали его охрану из-за боязни, что его похитят агенты НКВД, что тогда случалось очень часто.

На этой должности он находился почти до конца 1951 г. В справке, выданной ему полицейским управлением Лиенца 15 февраля 1951 г., указывалось, что «он показал себя наиболее интеллигентным и полезным переводчиком». После этого он с семьей переехал в город Сиракузы, штат Нью-Йорк, США (Личные архивы Кирилла и Николая Гиацинтовых./г. Маунтэнсайд, штат Нью-Джерси, США/.). Здесь он долгое время был старостой местной православной церкви, пользуясь большим уважением местных жителей и русскоязычных эмигрантов. В 1960-е гг. семья Гиацинтовых переселилась в штат Нью-Джерси. Скончался Эраст Николаевич 18 января 1975 г. после тяжелой болезни и был погребен на кладбище Свято-Троицкого православного монастыря в Джорданвилле, штат Нью-Йорк.

Сыновья Эраста Николаевича стали известными и уважаемыми людьми не только в США, но и за их пределами. Старший сын, Кирилл, стал крупным бизнесменом, президентом кампании «ДРГ Интернэйшнл». Совместно с советскими учеными он более 20 лет вел важные работы по медицине и фармацевтике. Средний, Николай, стал известным ученым-биохимиком, профессором Нью-Йоркского университета. Младший, Сергей, стал ученым-антропологом. Таким образом, Эраст Николаевич смог в тяжелых условиях чужбины не только вырастить достойное потомство, но и привить ему любовь к далекой России.

Э.Н. Гиацинтов. «Белые рабы»

Предисловие

Российское бедствие разбросало русских людей по всем уголкам земного шара. Кажется, нет такого, даже самого захолустного города, где бы ни звучала русская речь. Всем изгнанникам, за малым исключением, живется тяжело. Большей части пришлось взяться за непривычный, тяжелый труд. Однако есть среди эмигрантов такая часть, которой живется тяжелее, чем всем остальным. Это – легионеры. Мне хочется хотя бы немного познакомить интересующихся с положением этих несчастных людей, попавших в полное рабство благодаря своей доверчивости и желанию заработать кусок хлеба своим собственным трудом.

После 8 дней нашего плавания в направлении Константинополя, уже поднявши французские флаги на судах, мы прибыли в Константинополь. (Конец ноября 1920 г.) Пароходы наши все были тотчас окружены шлюпками, в которых находились спекулянты всех наций. Опускали на веревке, например, обручальное золотое кольцо, и взамен этого лодочник поднимал на пароход простую булку. Это шел совершенно откровенный и ничем не прикрытый грабеж изголодавшихся людей, измученных отступлением и плаванием по морю.

В Константинополе наш пароход (я думаю, и другие тоже) сгрузил гражданских беженцев и желающих военнослужащих, которые уходили из армии для того, чтобы соединиться со своими семьями, уже находящимися за границей. Таких

было довольно много и на пароходе «Владимир», на котором я был, стало просторно и немножко сытнее. Нам доставляли продукты французы.

Простояв в Константинополе около 8 дней, мы двинулись дальше и вышли в Средиземное море. Кутеповский корпус (в котором раньше служил Гиацинтов) был высажен на полуострове Галлиполи, а нас, т.к. я в это время был в Кубанской казачьей батарее, повезли на остров Лемнос. Это – каменный остров, весьма малонаселенный: голые скалы, берег моря, и это все, что можно было там видеть.

Высадили нас вечером, дали свернутые палатки, и мы кое-как, на камнях, расставили их и провели первую ночь. Дальше мы так жили и питались необычайно скудным пайком, который нам выдавали французы. Выдавали на палатку (8 человек офицеров или солдат) 1 банку сгущенного сладкого молока, так что приходилось приблизительно по одной ложке на брата, очень незначительное количество мясных консервов, фасоль, чечевицу или что-нибудь в этом роде и немного хлеба. Приходилось заниматься распределением этих скудных продуктов, так, чтобы никого не обидеть. Обычно один из нас раскладывал по кучкам мясо, фасоль или чечевицу, кусок хлеба и так далее и потом, накладывая руки по очереди, спрашивал: «Кому?» (Значит – кому эта порция будет принадлежать.) Сидящий спиной к этому человеку говорил: «Такому-то, такому-то...» – и прочее. И таким образом, распределялись эти скудные продукты.

Ужасный ветер. На скалистых берегах Лемноса это было сущее наказание. Ничем не защищенные, жилья почти никакого не было даже в окрестностях. Для того, чтобы попасть в жилую часть Лемноса, надо было переходить вброд по мелкому заливу моря на другой берег. Охраняли нас французские войска – главным образом, негры-сенегальцы. Это очень добродушный и, по-моему, хороший народ, они никаких препятствий нам не чинили. Но ходить в жилые места не имело смысла, потому что у нас не было никаких денег и нечего было обменять – вещей никаких не было. Но все-таки обменивали (у кого сохранились!) часы, некоторые обменивали золотые ордена и все, что осталось.

Скука невыразимая! Читать было нечего.

В скором времени я заболел воспалением легких и попал в палаточный госпиталь. Довольно быстро я стал поправляться – лечили хорошо. Помню приезд в лазарет генерала Врангеля. Он, как всегда, был одет в черкеску и старался внушить нам бодрость и спокойствие. Но я и мои офицеры, бывшие марковцы, решили, что это совершенно бесполезное препровождение времени и постановили записаться в Иностранный легион. Я, как владеющий французским языком, вступил в переговоры с одним французским офицером, и в конце концов мы записались в этот легион на 5 лет...

За время пребывания остатков русской армии, эвакуированных из Крыма, на берегах Босфора, Дарданелл и на острове Лемносе несколько тысяч человек, прельстившись широковещательными анонсами французского командования, записались во Французский иностранный легион.

Никто из записавшихся не имел представления о том, что такое Легион, и руководствовались, главным образом, тем, что было написано в анонсах. Условия были таковы: 1) каждый подписавшийся становился на положение французского солдата с момента подписания контракта; 2) жалованье 100 франков в месяц; 3) служба во французских колониях; 4) при заключении контракта выдается 500 франков; 5) срок службы – 5 лет.

Многие из находившихся на Лемносе и владеющих французским языком ходили за справками в штаб генерала Бруссо, где их отменно вежливо встречали и охотно давали разъяснения. При штабе же находился один русский, служивший в Легионе, к которому, главным образом, и обращались за справками. По его словам, служба в Легионе – нетрудная, а отношение к легионерам – хорошее. Не знаю, из

каких побуждений так немилосердно врал этот человек, но его слова для многих были решающими.

Мне лично удалось даже поговорить с самим генералом Бруссо, который заверил меня, что если в России произойдет переворот до истечения контракта, то, конечно, все русские будут немедленно отпущены. Кроме этого, генерал советовал всем офицерам, владеющим французским языком, взять с собой послужные списки, так как им будет облегчено продвижение по службе, вплоть до офицерского чина. Окончил он свою речь тем, что высказал уверенность в том, что ни один из записавшихся не пожалеет о своем решении. После его ухода всех волонтеров разбили на четыре роты, назначили в каждой из них старшего и, предупредив, что о дне отъезда все будут оповещены телефонограммой, отпустили обратно, в части.

Ввиду большого наплыва волонтеров на Лемнос была устроена врачебная комиссия, производившая медицинский осмотр. Осмотр был чисто формальный, так как все без исключения были признаны годными. Когда записавшихся набралось четыреста человек, им был устроен смотр генералом Бруссо, который произнес длинную речь, тут же переведенную на русский язык лейтенантом Шмидтом. Не скрывая тяжелых сторон службы, а именно: непривычные климатические условия и опасности, ввиду частых стычек с арабами, он обрисовал Легион как лучшую школу для военного человека. Затем он подтвердил все напечатанное в анонсах, добавив, что сто франков в месяц – более чем достаточно, тем более что все необходимое получается из казны.

По прошествии нескольких дней телефонограмма была получена, и все волонтеры поротно прибыли на пристань. Пришлось сейчас же разочароваться тем, кто ожидал совершить переезд в Константинополь с комфортом, свойственным французскому солдату, так как для четырехсот человек был подан маленький греческий пароход, привозивший на Лемнос продукты из Константинополя. Французский капитан, который должен был сопровождать нас до Константинополя, через переводчика извинился за тесноту и затем приступил к погрузке. При посадке строго контролировали число грузившихся, но, несмотря на это, двадцать человек оказались лишними. Это сейчас же вызвало недоразумения с пищевыми продуктами, так как запас их был строго рассчитан на четыреста человек. Этому горю помогли сами русские, поделившись провизией с незаконно проскочившими.

Сопровождавший нас капитан перед отходом парохода приказал собрать все имеющееся на руках оружие, как огнестрельное, так и холодное, пообещав, что по приезде в Константинополь все будет возвращено собственникам. Оружие было собрано и передано, но никогда больше его никто не видел. Если принять во внимание, что там было около двадцати шашек и кинжалов в серебре и столько же револьверов разных систем, становится понятным, почему капитан не решился расстаться с таким сувениром. Должен, впрочем, оговориться, что мне шашку он оставил, не то из уважения ко мне, как к переводчику, не то потому, что она была самая простая, без всяких украшений, кубанка.

Путешествие до Константинополя пришлось совершить в невероятной тесноте, и длилось оно необычайно долго – около двух суток.

По приезде нас высадили и, предупредив, что запись на Лемнос была только предварительная, отправили в лагерь Серкиджи. Разместили нас опять очень тесно, но снова извинились за тесноту, пообещав, что после подписания контракта все изменится к лучшему. У всех, приехавших с Лемноса, было какое-то лихорадочное желание поскорее покончить с формальностями, и новая задержка приводила в уныние. Некоторых такая оттяжка расхолодила, и они, не дождавшись осмотра (медицинского) или уезжали на Лемнос, или оставались в Константинополе, на положении гражданских беженцев.

С подписанием контракта, однако, не торопились и только через три дня (после приезда) начали отправлять группами по пятьдесят человек на медицинский

осмотр. Признанные годными после осмотра отправлялись в вербовочное бюро, где и подписывали контракт. Из отправившихся на медицинский осмотр мало кто возвращался обратно негодным. Осмотр, опять-таки, был очень поверхностным, и обращалось внимание, главным образом, на особые приметы, а не на состояние здоровья. Забракованный нередко на следующий день шел снова на осмотр под другой фамилией и признавался годным. Создавалось впечатление, что доктора просто должны были браковать известный процент, не считаясь при этом с тем, кого они бракуют. О том, как нас осматривали в этой комиссии, свидетельствуют трое принятых с первого же раза: у одного не было 14 зубов; у другого кисть правой руки была исковеркана ранением до такой степени, что он с трудом мог держать ею легкие предметы, а у третьего на теле были следы восемнадцати ранений.

Из всех четырехсот человек вернулись с осмотра только трое, причем двое из них, пойдя на следующий же день, были приняты, а третьему такое путешествие пришлось совершить три раза, но в конце концов он был признан годным.

После осмотра нас отправили в сопровождении сержанта в бюро записи. Процедура подписания контракта длилась очень недолго. В канцелярию нас впускали по трое человек. Каждому задавали одни и те же вопросы: имя, фамилия, национальность, возраст, род оружия и профессия. Предпоследний вопрос, как я узнал впоследствии, задавался только русским. На все вопросы можно было отвечать что угодно, так как никаких бумаг при опросе не предъявлялось. При окончании опроса контрактующие внимательно осматривают наружность волонтера, записывают свои наблюдения в контрактовый лист, затем добавляют данные медицинской комиссии, сведения о росте и особых приметах на теле и после этого дают ему лист для подписи. Не помню хорошенько содержания написанного в контрактах, так как ничего из того, что было напечатано в анонсах, там не было (при вербовке), а стояло только, что подписавшийся ознакомился с такими-то и такими-то параграфами таких-то статей и обязуется с этого дня служить Французской Республике верой и правдой в течение пяти лет. По простоте своей я предположил, что именно эти самые параграфы были напечатаны французским командованием для всеобщего сведения, но на самом деле это было совсем не так. И впоследствии мне так и не удалось ни узнать содержание этих таинственных параграфов, ни увидеть легионера, ознакомленного с ним. Задавал я об этом вопрос старым легионерам, по три раза возобновлявшим контракт, но в ответ они, обыкновенно, только махали рукой и таинственно посвистывали.

Когда наша группа закончила процедуру подписания контракта, нас повели в лагерь, в котором находились исключительно русские легионеры. Нас вывели на улицу, построили и повели через весь город в лагерь. Сопровождал нас французский сержант, с которым я разговорился. Он неожиданно, поговорив со мной о разных посторонних предметах, задал мне вопрос: что заставило нас совершить такую глупость? Я спросил его, что он хочет этим сказать. «Да вот вы все были свободны, никакого преступления за вами не числится, а вы добровольно отдали себя в рабство». Я ему на это рассказал все, что было говорено нам генералом Бруссо и его штабными (офицерами), но он только расхохотался и, повторив несколько раз: «Mon Dieu, quelle sottire», больше об этом разговора не возобновлял. Этот разговор на меня произвел довольно неприятное впечатление, но мысленно я себя успокоил тем, что этот сержант, по всей вероятности, антимилитарист.

Путь до лагеря был очень далекий, и подошли мы к нему только к восьми часам вечера. Внешний вид лагеря очень неприятно поразил нас. [Сержант] подвел нас к высоким воротам, по сторонам которых тянулись изгороди, опутанные колючей проволокой. Непосредственно за воротами находились несколько небольших деревянных домов, в которых, как мы узнали впоследствии, жили начальствующие лица и охраняющие лагерь арабы стрелкового полка. Дальше в глубину шла дорожка, к которой примыкали, с одной стороны, четыре деревянных барака. В этих

бараках были склады пищевых продуктов, одеял, белья и так далее. Шагах в трехстах от ворот виднелась группа бараков с куполообразными крышами. В них-то и были размещены легионеры.

Навстречу вышел какой-то сержант угрюмого и мрачного вида, принял нас по счету, затем сделал поименную перекличку и повел за собой. Остановившись у одного из бараков, он приказал нам подождать и, отперев дверь ключом, вошел внутрь. Через некоторое время изнутри блока послышался возглас, и, непосредственно за ним, из дверей полетели на нас одеяла. Поняли, что началась раздача имущества, мы на лету ловили различные вещи, которые выбрасывались с изумительным искусством и точностью. Каждый из нас получил по три одеяла, по смене белья, исключая носки, котелок, ложку и кружку.

Окончив такую странную раздачу, он повел нас к сводчатым баракам. Они были сделаны из гофрированного железа и были расположены в четыре ряда. В каждом бараке на полу лежали матрацы, набитые соломой. Между матрацами, посреди барака, оставался проход. Размещены мы были по четырнадцать человек в бараке. Благодаря сводчатой крыше стоять в бараке можно было только посередине. Никакого освещения не полагалось, и помещение предоставлялось освещать самим легионерам. Все расположение лагеря было окружено колючей проволокой, и повсюду стояли часовые-арабы. Одним словом, лагерь производил впечатление пересыльной тюрьмы, а не помещения людей, добровольно поступивших на службу.

К моменту нашего прибытия в лагере находилось около семисот человек. Над всеми этими людьми бесконтрольно властвовал француз-сержант. Груб он был невероятно и почти никогда не бывал абсолютно трезвым. У него были еще два помощника, простые солдаты, тоже французы, и, кроме того, в его распоряжении состояла полурота арабских стрелков.

Может быть, официально при лагере числился какой-нибудь офицер в качестве коменданта, но, во всяком случае, мы его никогда не видели.

Порядок дня был таков: в семь часов утра раздавался свисток, по которому дневальные по баракам шли на кухню за кофе и раздавали его по баракам. Кофе был черным, почти без признаков сахара. После раздачи кофе все по свистку выходили на площадь, находящуюся перед бараками, и выстраивались. Через некоторое время появлялся сержант, которому старший переводчик лагеря командовал «смирно», после чего начиналась перекличка. Затем сержант отдавал какие-нибудь распоряжения, иногда отделял какую-нибудь группу для производства работ в лагере, и затем все незанятые в этот день распускались по баракам. В одиннадцать часов с кухни выдавали обед, который дневальные приносили в баках в бараки. Обед состоял из жиденького супа, приблизительно по пол-литра на человека, и миниатюрного кусочка мяса.

Сытым после такого обеда едва ли мог быть и ребенок лет двенадцати. В четыре часа раздавали вино и хлеб. Вина давали вместо положенных пол-литра только четверть, и только хлеб выдавался без сокращений. В шесть часов вечера был ужин, совершенно такой же, как обед! Вечером, в восемь часов старшие в бараках шли в помещение канцелярии с рапортом о наличном состоянии людей. Каждый день отпускали в город по одному человеку от барака от трех часов дня до восьми вечера. Течение дня разнообразилось добавочными проверками, количество которых находилось в полной зависимости от настроения сержанта. Иные такие поверки производились для проверки находящегося у нас на руках казенного имущества, причем каждый день нужно было выносить что-нибудь в отдельности: один день – рубашка, другой – кальсоны, третий – одеяла и так далее. Большей же частью они производились без всякого видимого повода, только для того, чтобы потешить сержанта. Понятно, что грубому, полуграмотному солдату необыкновенно льстило, что перед ним выстраивалось несколько сот человек, из которых добрая половина были офицеры. Зато совершенно не понятно, почему французское

командование не нашло возможным командировать в лагерь хотя бы одного офицера. Недостатком офицерского состава это объяснить нельзя, так как константинопольские улицы были переполнены фланирующими офицерами.

Довольно часто сержант обходил бараки. При входе его все должны были вскакивать, а старший командовал «fix» («смирно»). Впоследствии, попав в часть, мы узнали, что эта команда подается исключительно офицерам. Бывало, что и по ночам он не оставлял нас в покое, врываясь в бараки в сопровождении вооруженных арабов. В таких случаях он бывал совершенно пьян и не воспринимал того, что ему говорили. Вообще же, в обращении с нами, он был необычайно груб, разговаривал со всеми на «ты» и в первое время даже попробовал рукоприкладничать, но, получив должный отпор, оставил эту меру воздействия навсегда.

В расположении лагеря находился темный погреб, который был обращен сержантом в карцер. Сажал он под арест без всякого разбора, за самые незначительные проступки. Иногда погреб бывал настолько переполнен, что арестованные могли там только сидеть, прижавшись вплотную друг к другу. Срок ареста определялся исключительно настроением сержанта, так что арестованный совершенно не знал, когда его выпустят. Между прочим, по французскому дисциплинарному уставу, сержант может только оставлять без отпуска на четверо суток, и только adjudant (подпрапорщик) имеет право арестовывать не больше, чем на одни сутки. Наш же сержант держал в карцере по восьми суток и больше.

Положение легионеров день ото дня становилось все хуже и хуже. Дело в том, что хотя, по условиям, мы считались французскими солдатами со дня подписания контракта, однако, никакими правами и преимуществами не пользовались. Кроме пищевого довольствия, которое составляло не больше одной четверти нормального, мы не получали ничего. Жалованья нам не выдавали, сказав, что мы его получим по приезду в часть. Вместе с тем не выдавали такие необходимые нам вещи, как мыло, табак, спички и так далее. Бараки не освещались и не отапливались. Естественно, что в таком положении люди жить не могли и изыскивали способ улучшить его. Сначала начали продавать собственные носильные вещи, так что через две недели пребывания на французской службе все оказались совершенно раздетыми. Постепенно раздевание происходило следующим образом: все сожительствующие в бараке выбирали из всех имеющихся шинелей самую лучшую, в которую облекался идущий в этот день в город член коммуны. Шинель продавалась на толкучке в Стамбуле и на вырученные деньги приносились на всю братию табак, свечи, спички, хлеб и халва. Когда все шинели были проданы, перешли к френчам и сапогам. Нашлись сапожники, которые из одной пары высоких сапог ухитрялись делать две. От сапог обрезались голенища, и из них делалось нечто вроде туфель.

В феврале, то есть спустя месяц после подписания контракта, костюмы легионеров приняли самый фантастический вид. Так как погода стояла холодная, никто не расставался с одеялом, накинутым на плечи. В таком виде сидели в бараках, выходили на поверки и даже ходили с рапортом к сержанту. Остряки назвали этот костюм национальной одеждой легионеров.

После распродажи собственного имущества приступили к казенным одеялам. Так как наличность одеял время от времени проверялась сержантом, то их надо было продавать так, чтобы количество не уменьшалось. Одеяла были очень большими, и из этого положения вышли очень легко, разрезав оставшиеся пополам. Правда, после такой операции спать становилось холодно, но это обстоятельство никого не останавливало. Вначале одеяла выносили из лагеря, обкручивая их под френчами. Начальство не обращало внимания на немного полные фигуры всех отпущенных, и дело шло, как по маслу.

Однажды один легионер решил продать сразу два одеяла и перед отходом в отпуск был пойман сержантом. После этого всех отпускаемых стали обыскивать. Эта мера, однако, не остановила распродажи одеял. Хотя все расположение лагеря было

отделено от внешнего мира проволочными заграждениями и, кроме того, вдоль проволоки стояли часовые-арабы, наши проделали в одном месте лазейку, которую на день заделывали. Арабы вообще отличаются халатным исполнением своих обязанностей, поэтому с наступлением темноты было нетрудно протаскивать через лазейки одеяла целыми партиями. На той стороне их принимали ушедшие в этот день в отпуск и переправляли к известным уже скупщикам.

Таким образом, к концу нашего пребывания в лагере целых одеял, за редким исключением, ни у кого не было. О том, что это делалось ввиду крайней нужды, свидетельствует то, что мы же сами страдали от этого, так как, оставшись с маленькими одеялами, жестоко мерзли по ночам.

Начальство наше, несомненно, знало о продаже одеял, но делало вид, что ничего не замечает, когда на поверках вместо одеял выносили только куски их. Вероятно, даже толстокожий сержант понимал, что в таком положении люди жить не могут, но ничего для улучшения его не предпринимал, продолжая обкрадывать нас самым беззастенчивым образом.

Арабы, несшие караульную службу в нашем лагере, видя такое безобразное к нам отношение со стороны французов, держали себя очень вызывающе. Да и как можно было иначе, когда им поручали обыскивать нас и во всех столкновениях между ими и нами виноватыми оказывались мы! Несколько раз дело доходило до кулачной расправы, причем в этом случае победа всегда бывала на нашей стороне. После таких столкновений карцер, обыкновенно, переполнялся русскими. Поводом к аресту служило указание араба, что такой-то принимал участие в свалке. Арабы же всегда считались правыми и никакого наказания не несли. Состав караула менялся несколько раз, и уходящие с сожалением покидали тепленькое местечко.

Русские очень быстро разделились на два лагеря – оптимистов и пессимистов. Число вторых росло с каждым днем, и к моменту нашего отъезда первых осталось совсем немного. Оптимисты стояли на той точке зрения, что все наши невзгоды – чисто временные и с отъездом из Константинополя все сразу же изменится к лучшему. Пессимисты ничему не верили и считали, что чем дальше, тем будет хуже. На этой почве происходили ссоры, и обе стороны ожесточенно спорили.

Жизнь шла очень однообразно и томительно нудно. Каждый барак жил своей особой жизнью; между некоторыми бараками отношения были дружелюбные, между другими была острая вражда. Всех, однако, объединяла ненависть к французам. Кое-кто старался использовать это время, занимаясь французским языком. Большинство же ничего не делало, сидя на полу по целым дням, закутанными до подбородка в обрывки одеял в ожидании обеда, ужина и раздачи хлеба. Чувство голода никогда нас не покидало, и выдаваемая пища только на время заглушала его остроту.

Погода, как назло, стояла отвратительная. Целыми днями моросил дождь или шел снег, и вся огромная площадь лагеря была покрыта невылазной грязью.

Время от времени нас выгоняли на постройку шоссе, проходящего около лагеря. Работали мы под охраной арабов, и, вероятно, редкие прохожие принимали нас за арестованных. Еще была одна работа, на которую назначали какой-нибудь барак в виде наказания: это зарывание старых отхожих мест и вырывание новых. Каждый день на кухню назначали людей одного барака в помощь поварам. Очередь строго велась самими легионерами, причем ходили на эту работу по старшинству прибытия в лагерь. Этот наряд все очень любили, так как только тогда мы, попавшие на кухню, наедались досыта. В хорошую погоду все выходили наружу, и образовавшийся хор пел песни. Раза два во время пения приходили какие-то французские офицеры. Имели ли они какое-нибудь отношение к нам, не знаю. Во всяком случае, ни в какие разговоры они с нами не вступали и по окончании пения моментально исчезали.

В конце января была отправлена партия, прибывшая за месяц перед нами, в Африку. Лагерь сравнительно опустел, но все же в нем было около пятисот человек.

Вновь прибывающих становилось все меньше, чему мы искренне радовались. Все время носились слухи о предстоящей на днях отправке в Африку, но дни проходили за днями, не принося за собой никаких перемен. Время от времени на поверке нас разделяли по роду оружия. Вначале это вызывало сильное оживление; в этом все видели предзнаменование отъезда, но, так как за таким распределением ничего не изменилось, это занятие стало вызывать только ругань. Оптимисты каждый раз после такой поверки говорили, что отправка наверняка будет такого-то числа. Все с нетерпением ожидали назначенного дня, но обыкновенно дня за два до истечения срока разносился слух, что отправки не будет.

В середине февраля наш сержант появился в сопровождении нового солдата. Вид у вновь прибывшего был очень непрезентабельный: долговязый, в очках и очень неряшливый одеждой. Выстроив всех легионеров, сержант произнес речь, в которой сообщил, что он уходит от нас, так как произведен в адъютанты и что на его место назначен другой – тут он театральным жестом указал на личность в очках, которого мы должны слушаться и уважать, как его самого. Сержант, по обыкновению, был пьян вдребезги и с трудом держался на ногах. Как мы узнали впоследствии, он не только не был произведен, но, наоборот, разжалован в простые солдаты, за что именно – навсегда осталось для нас тайной.

Вновь назначенное лицо оказалось простым солдатом второго класса (рядовым), но требовало, чтобы мы называли его сержантом. Во французских чинах и званиях мы в то время совершенно не разбирались и, вероятно, так бы и считали его сержантом, если бы он сам не выдал себя. Через несколько дней после его прибытия он получил производство в солдаты первого класса (нечто вроде ефрейтора) и радовался этому, как ребенок, требуя, чтобы все его поздравляли. Таким образом у французского командования в Константинополе не нашлось не только офицера, но даже лишнего сержанта для командования над несколькими сотнями русских легионеров. Вещь – абсолютно невероятная, в особенности для французской армии, где на каждого простого солдата приходится чуть ли не двое начальников.

Новое начальство на первых порах держало себя крайне вызывающе. Расхаживало оно по лагерю всегда с арапником в руках. Однажды под вечер, обходя бараки, он встретился с одним из легионеров, который не уступил ему сразу дороги. Он начал кричать на него и в конце концов ударил его арапником. Тот не стерпел, и началась драка. На место происшествия из всех бараков выбежали легионеры, и началась жестокая потасовка. Бедному французику пришлось бы совсем плохо, если бы между легионерами не нашлось нескольких благоразумных, которые остановили слишком ретивых. На помощь избитому с другой стороны лагеря бежали арабы с винтовками. Дело принимало серьезный оборот, и все русские разбежались по баракам. Подоспевшие арабы на месте происшествия нашли только поверженное в прах начальствующее лицо, сидевшее в грязи и ощупью старавшееся найти сбитые очки. Приведя себя в относительный порядок, наш новый владыка вызвал всех на поверку, но никак не мог найти виновников среди нескольких сот человек, закутанных до подбородка в одеяла. Так это дело и кончилось ничем.

Ретивое начальство отложило в сторону арапник и вообще значительно присмирело. Впоследствии ему удалось втолковать, что он имеет дело не с бандитами. Он очень удивился, узнав, что среди нас много офицеров и вообще людей с образованием.

Его предшественник обрисовал нас в совершенно ином свете и посоветовал воздействовать, главным образом, побоями. С тех пор между обеими сторонами воцарились мир и согласие. Благодаря этому жить стало гораздо легче.

Так как второй месяц нашего пребывания в рядах французской армии подходил к концу, продавать уже становилось нечего, и мы сильно мучились недостатком табака.

С наступлением марта вызовы на дневные поверки участились, причем каждый раз отделяли кавалеристов от пехотинцев. Наконец 7 марта официально было объявлено, что 10-го отправляются 350 человек; из них 300 – в кавалерию, в Сирию, а остальные – в пехоту, в Алжир. Радость отправлявшихся была безгранична; чуть ли не считали минуты, остававшиеся до отъезда. У кого еще оставались одеяла, подходящие для продажи, спешили их ликвидировать, чтобы запастись табаком на время путешествия.

В день отъезда у отъезжающих отобрали все имевшееся на руках казенное имущество. С одеялами никакой неприятности не вышло, так как принимали их по счету, не обращая внимания на размеры сдаваемых кусков. Наиболее босым даже выдали ботинки. Оптимисты узрели в этом благоприятный поворот в нашей судьбе и решили, что теперь все пойдет, как по маслу.

После обеда, на этот раз довольно сытного, нас построили, оцепили со всех сторон вооруженными арабами и повели через весь Константинополь к пристани. Вероятно, публика Константинополя принимала нас за тяжелых государственных преступников – так велик был эскорт, сопровождавший нас. В этот день шел мокрый снег, так что к концу пути, длившегося около 2 часов, мы промокли насквозь.

На пристани нас подвели к довольно большому пароходу, на который грузили какие-то ящики и тюки. В ожидании погрузки мы простояли под ветром и дождем около 3 часов, окруженные тесным кольцом часовых. Никого из посторонних к нам не подпускали ближе, чем на сто шагов.

Наконец, когда погрузка всяких вещей была закончена, приступили к нашей. Внизу, у трапа встали два сержанта и считали всех садившихся. Наверху то же самое производили жандармы. Непосредственно за жандармами, на протяжении шагов десяти, до входа в трюм, стояли арабы с винтовками. В этот трюм загоняли всех вступивших на палубу. У выходного люка из трюма, по обеим сторонам, опять-таки встали жандармы.

Когда всех погрузили, то трюм оказался переполненным. Никому и в голову не пришло, что все путешествие придется совершить в такой тесноте. Только двое, наиболее пессимистически настроенные, громогласно заявили, что ни на что лучшее они и не рассчитывали.

В трюме была полная темнота. Некоторые попытались было вылезти на палубу, но были остановлены жандармами, продолжавшими стоять у люка. Жандармы заявили, что до отхода никто из легионеров не имеет права выйти на палубу.

По прошествии получаса наверх потребовали переводчика. Переводчиком был я. Вылезши наверх, я отправился в сопровождении жандарма к капитану, который должен был нас сопровождать до места назначения. Капитан оказался очень милым человеком. Он мне заявил, что все путешествие нам придется совершить в том самом трюме, в котором мы находились теперь. Он прежде всего совершенно согласился со мной в том, что это помещение слишком тесное для трехсот пятидесяти человек, но, по его словам, другого у него не было. На самом же деле вся кормовая часть занималась пятьюдесятью арабами, возвращавшимися к себе на родину после окончания службы. Они были расположены очень свободно. Каждый из них имел матрац, и между матрацами еще оставался довольно большой проход. Почему нельзя было хоть немного стеснить их и в освободившееся место перевести часть легионеров, так и осталось для всех тайной. Это только лишний раз доказывало, что все французы смотрели на нас, как на животных, считая нас ниже даже арабов.

Приблизительно через час после погрузки вызвали десять легионеров наверх, и они начали таскать из склада матрацы. Хотели дать их по числу легионеров, но это оказалось невозможным, так как площадь пола в трюме оказалась слишком мала для этого. При устилании пола матрацами приходилось всем находящимся в трюме переходить из одного конца в другой, чтобы дать возможность работающим

двигаться. К концу работы весь пол оказался устланным матрацами, как ковром. Для сохранения порядка в пути нужно было точно разграничить место для людей. Пришлось по пять матрацев на двенадцать человек. Кое-как все разместились. Единственным утешением было то, что это путешествие мы все же провели в более сносных условиях, чем при эвакуации Крыма. Вместо ужина нам выдали по коробке консервов на четыре человека.

Наконец в десять часов вечера жандармы, стоявшие у люка, исчезли, и послышался шум работающего пароходного винта. Пароход тронулся. Как только выход из люка оказался свободным, все легионеры бросились на палубу. Многие из них и не подозревали, что они в последний раз видят берега Европы.

Путешествие до Бейрута прошло в довольно благоприятных условиях. На второй день только поднялся сильный ветер и нас очень изрядно покачало. Многие заболели морской болезнью. Пребывание в трюме стало совершенно невозможным, и все, кто мог, вылезли наверх и разместились между ящиками, загромождавшими всю палубу.

Кормили нас в пути хорошо и сытно. После константинопольской голодовки пища показалась необыкновенно обильной. На самом носу судна было поставлено четыре походных кухни, и готовили выбранные артелью повара. Во время качки одну из кухонь совсем смыло водой в море, а все остальные валялись на палубе в самом жалком виде. Днем, если благоприятствовала погода, на палубе собирался хор юнкеров Атаманского военного училища. Пение приходили слушать все находившиеся на борту французы, не исключая и офицеров. Певцов угощали папиросами, и окончание каждой песни сопровождалось громкими рукоплесканиями.

С сопровождавшим нас капитаном у меня установились очень хорошие отношения. Он много расспрашивал меня о последних днях Крымской кампании и охотно отвечал на мои вопросы о порядках во французской армии. Жизнь в Легионе он обрисовал в розовом свете, заверив меня, что все наши мытарства закончатся по приезду в часть.

На третий день пути к нам в трюм пришли два араба и стали продавать табак, сигареты и шоколад. Вскоре после этого меня потребовали к капитану, который сообщил мне, что матросами парохода обнаружены взлом и кража из трюма, в котором перевозились табак и шоколад. Подозрение сразу же пало на легионеров, подтвердившееся показаниями арабов, уверявших, что кто-то из русских продавал им табак. Я немедленно же показал капитану арабов, приходивших в трюм, и в виде вещественного доказательства принес ему сохранившиеся этикетки от шоколада и папирос. Капитан поверил мне и приказал привести к нему тех, кто покупал табак у арабов. К нему же были приведены и арабы, которые на очной ставке сознались в краже. Виновные были немедленно арестованы, с нас было снято позорное подозрение. После этого происшествия отношения между нами и арабами были окончательно испорчены.

На пятый день пути на горизонте показалась земля, и часам к четырем дня мы пристали к бейрутской пристани. Недолго нам пришлось любоваться чудесным видом, открывшимся нашим глазам. Через полчаса после остановки парохода на палубу вошли два молодых французских лейтенанта, которые должны были принять нас. Один из них очень хорошо говорил по-русски. Вообще, их вежливое обращение с нами необыкновенно поразило нас, привыкших к константинопольскому режиму.

Сгружали нас партиями, по пятьдесят человек, и после высадки немедленно увозили за город.

Через двадцать минут хода мы подошли к каким-то строениям, расположенным на крутом берегу моря. В помещение нас сразу не пустили, и мы расположились на лужайке, окруженной зарослями кактусов. Нас поочередно впускали в баню, где дезинфицировали одежду, и только после этого впускали в помещение. Для каждого были приготовлены чистый матрац, подушка и три одеяла.

Матрацы лежали на нарах, но довольно далеко друг от друга. Вообще, комнаты были очень чистыми и светлыми. Время, проведенное в константинопольском лагере, приучило нас довольствоваться очень малым, и новое наше помещение показалось нам чуть ли не дворцом. В нашем лагере оказался русский легионер, прибывший в Сирию месяцем раньше нас. Он объявил нам, что мы находимся в шестидневном карантине, по истечении которого мы будем распределены по частям. Двести десять человек будут отправлены в Дамаск для формирования горной пехоты, а остальные девяносто останутся в Бейруте в 18-м ремонтном эскадроне 5-го конно-егерского африканского полка, в котором сейчас уже служат около шестидесяти русских. Горная рота составлялась исключительно из русских, и командовать ею должен был капитан Дюваль, прекрасно владевший русским языком. Капитан Дюваль заведовал нашим лагерем, и, познакомившись с этим прекрасным, вежливым человеком, все стремились попасть в его роту. Режим в лагере не имел ничего общего с тем, что нам пришлось испытать до сих пор. Кормили нас не только сытно, но и вкусно, и все начальство, начиная от капитана Дюваля и кончая последним капралом, было очень вежливое и внимательное. Все это привело всех нас в очень хорошее настроение, и даже самые злостные пессимисты сдали свои позиции. Казалось, что все тяжелое осталось позади. Увы, ближайшие вслед за этими дни показали нам, что мы слишком поторопились с заключениями.

Можно смело сказать, что шестидневное пребывание в карантине прошло без малейших неприятностей. К нам каждый день приезжали офицеры гарнизона и какие-то дамы, которые привозили табак и папиросы. Все они слушали наше пение, которое им очень нравилось.

На пятый день огласили список предназначенных к отправлению в Дамаск для формирования горной роты. К сожалению, я не попал в этот список и должен был расстаться с юнкерами Атаманского училища, с которыми за время константинопольского сидения успел подружиться.

На шестой день нас разделили на группы по двадцать пять человек и начали группами впускать в баню. Входили мы в одну дверь, снимали там все свои лохмотья и выходили из другой двери совершенно голыми. На траве были разложены в кучках различные принадлежности солдатского туалета, и, переходя от одной кучки к другой, мы постепенно одевались, так что, отходя от последней, оказались уже в полной амуниции французского солдата.

Вошедшие в состав роты капитана Дюваля по окончании одевания сейчас же отправились на вокзал для следования в Дамаск. За нами приехал какой-то сержант-кавалерист в сопровождении русского вестового. Сразу же он показался весьма несимпатичным и заносчивым, несмотря на свой почти юный вид. Когда я обратился к нему, назвав его сержантом, он очень грубо оборвал меня, заявив, что сержантов в кавалерии нет и что раньше, чем обращаться, нужно было узнать, как его титуловать. Вслед за этим он повернулся ко мне спиной и начал что-то насвистывать, помахивая хлыстиком. Я обратился за разъяснениями к его вестовому, который сказал мне, что капрал в кавалерии называется бригадир, а сержант – маршалль. О жизни в эскадроне он отозвался кисло, сказав, что все мы увидим сами не дальше, как сегодня вечером. Когда все закончили одевание, уже был вечер.

Маршалль долго нас пересчитывал и выстраивал, причем каждый раз или было больше, или меньше, чем полагалось. Из уст его вылетали разные непечатные словечки, с которыми мы так хорошо познакомились в Константинополе. Наконец, справившись со счетом, он взгромоздился на коня и повел нас. В седле он производил довольно скверное впечатление, но во все время пути неистово дергал и шпорил своего коня. Для сохранения своего престижа на должной высоте он временами отпускал по нашему адресу нецензурные выражения.

Шли мы очень долго по темным и кривым улицам Бейрута. По центральной части нас не вели, чтобы не привлекать внимания жителей на вновь прибывающие

части. Эскадрон был расположен на окраине города. Пришли мы туда, когда уже было совсем темно.

К нам вышел какой-то маленький человек в кэпи с огромными усами. Отдав распоряжение о нашем размещении, он объявил нам, что завтра в шесть часов утра мы должны выйти со всеми на поверку. Нас ввели в довольно просторный барак, пол которого был устлан соломой. Это было наше временное помещение, а назавтра нам обещали дать кровати и все необходимые спальные принадлежности. В нашем бараке, кроме нас, находились еще два француза-бригадира, которые приняли командование над нами. На следующий день мы вступили в исполнение своих обязанностей и началась жизнь, томительная своим однообразием и бессодержательностью.

Наш эскадрон был расположен на окраине города. Частных домов в непосредственной близости от нашего расположения не было. Помещение разделялось на два двора. Мы были помещены в глубоком дворе, который состоял из шести конюшен и четырех людских бараков. Кроме того, на нашем дворе находились кухня, канцелярия, кузница и другие хозяйственные постройки. Все расположение было окаймлено со всех сторон густыми зарослями кактуса. С одной стороны прилегала высокая крутая гора, подходы к которой были закрыты колючей проволокой. Все расположение разделялось широкой дорогой так, что на одной стороне тянулись перпендикулярно к ней конюшни, а по другой стороне, в таком же порядке, стояли жилые дома. Второй двор отделялся от первого довольно обширным пустырем. Там было только два барака, сделанных из тоненьких досок, и четыре конюшни. Над всем этим расположением безраздельно и бесконтрольно властвовал Аджудан Перальдис, тот маленький человек, который нас встретил при нашем прибытии.

День начинался зимой в половине седьмого, а летом в 5 часов утра. За четверть часа до общего подъема, дневальные по баракам, так называемые «gardes des chambers», приносили с кухни в ведрах черный кофе, почти без сахара. Его полагалось по четверти литра на человека. Как только игрался подъем, дневальный обходил все кровати и разливал по кружкам кофе, так что пить его нужно было в кровати. Через некоторое время являлся дежурный бригадир, который записывал всех желающих идти к доктору на осмотр.

Через четверть часа после подъема играли сигнал «строиться». Люди каждого барака выстраивались перед своим бараком и под командой своего бригадира шли к сборному месту, находящемуся на площадке перед канцелярией. Туда же собирались все унтер-офицеры эскадрона, количество которых колебалось от пяти до десяти. После некоторого ожидания появлялся эскадронный самодержец, Адъютант Перальдис, которому подавалась команда «смирно». Старшему из маршаллей, Leopardis, заведующему вторым двором, он милостиво подавал два пальца. Остальные такой чести не заслуживали, и по отношению к ним он ограничивался кивком головы, да и то не всегда. После этой церемонии подавалась команда «вольно» и бригадиры приступали к перекличке. После переклички дежурный бригадир, назначавшийся на целую неделю (так он и назывался – «недельный бригадир»), раздавал таблетки хины, которые каждый был обязан принять на глазах всего начальства. Затем Адъютант отпускал всех employes – писарей, кузнецов, садовников, плотников и так далее, которые расходились по своим местам. Затем отпускались записавшиеся в этот день на визит к доктору. Если таковых оказывалось много, то они предупреждались, что если доктор не найдет их больными, то они понесут заслуженную кару; при этом в сторону больных арабов весьма недвусмысленно протягивался кулак довольно внушительных размеров.

Из оставшихся назначались отдельные партии для производства разных частных работ. Куда только не отправляли солдат для совершения бесплатных работ! Нередко мы ходили чистить сады и ватер-клозеты в женский приют, не говоря уже об

уборке офицерских садов, переноске багажа на пристань или с пристани и так далее. Все эти работы производились по просьбе какого-нибудь офицера или его жены, причем всегда просили прислать русских. Иногда после этого распределения оставлялись для нужд эскадрона двадцать-тридцать человек, которые должны были вычистить и напоить пятьсот-шестьсот лошадей и мулов. Бывало, что сразу же после переклички остававшиеся люди принимались за водопой и оканчивали его часто часам к двенадцати дня. Нужно сказать, что уборка лошадей была самой ненавистной работой. Во время чистки никому сидеть или отдыхать не разрешалось. Нужно было в течение трех часов простоять около лошади со щеткой в руке. Как вычищены лошади, никого не интересовало, но нужно было делать вид, что все время работаешь. Арабы отлично усвоили себе это требование и нередко простаивали около одной лошади, держа щетку или скребницу на какой-нибудь части ее тела, по целому часу, с закрытыми глазами. Русские с этой тактикой примириться не могли и приспосабливались иначе. По приходу на конюшню все быстро принимались за дело, и через час лошади блистали. После этого все собирались на середину конюшни и отдыхали. Наблюдавший за работой русский переводчик или бригадир-француз занимали такое положение, чтобы были видны по возможности все подступы к конюшне и при приближении начальства подавали условный сигнал, по которому все рассыпались по своим местам и делали вид, что усиленно занимаются работой.

Иногда грозное начальство появлялось неожиданно, и тогда всем влетало, в особенности же – наблюдавшему за работой.

Конюшни были со всех сторон открытыми, только прикрытыми навесом. Вдоль конюшни тянулись ясли, разделявшие ее на две половины. Между яслями был проход для дневального. Лошади стояли в недоуздках и привязывались к яслям цепочкой, каждый ряд к своим яслям. Пол в конюшнях был из каменных неровных плит, ничем не устланный. При нормальном количестве лошадей и мулов их ставили по триста голов в одну конюшню, так, что стояли они очень тесно. Когда лошадей выводили из конюшни для водопоя, дневальные, которых назначалось по два на каждую конюшню, насыпали зерно (ячмень) в ясли, а сено прямо разбрасывали под ясли на пол. И того, и другого давали так мало, что лошади стояли голодными и все время кусались и бились самым невероятным образом. Не берусь точно определить количество покалеченных лошадей и мулов за время моей службы в Бейруте, но смело утверждаю, что количество покалеченных лошадей и мулов за время службы в Бейруте превышает самое пылкое воображение. Нужно, однако, сказать, что лошади постоянного состава кормились и стояли в гораздо лучших условиях. Наш эскадрон принимал лошадей и мулов, прибывающих с континента или из Африки и затем отправляющихся на Сирийский фронт. Приходили лошади в эскадрон довольно приличного, даже после длительного морского путешествия из Азии и Африки, вида, а через две недели пребывания у нас выходили жалкие и тощие калеки. Зато карманы у нашего начальства довольно заметно округлились.

Водопой тоже был устроен самым безобразным образом. По одной стороне дороги на нашем дворе тянулся каменный желоб с кранами. Этот желоб отделялся от дороги небольшой канавкой, через которую лошади должны были прыгать, чтобы подойти к желобу, подход к которому был сделан из гладких каменных плит. Лошадей вытягивали по дороге головами к желобу и по данной команде подводили к нему. Лошади рвались к воде, прыгали, толкались, скользили и падали. Очень много лошадей покалечилось во время этой процедуры, но это никого не занимало.

А лошади бывали очень хорошие. Главным образом, к нам поступала помесь араба с французской лошадью, на вид очень нарядная, исключительно жеребцы, отличавшиеся необыкновенно кротким нравом. На таких лошадей посажена вся колониальная кавалерия и часть территориальной. В полках бывают исключительно жеребцы. В езде они хороши и послушны и необыкновенно выносливы.

Преобладающая масть – серая. Убирать их было очень легко, и попадавшие при распределении на работы на эти конюшни бывали очень довольны.

Зато чистить мулов было чистое наказание. Некоторых, особо строптивых, приходилось убирать целой артелью, так как один человек не рисковал даже подходить к ним. Обыкновенно кто-нибудь со стороны яслей захватывал мула за уши, и затем на него набрасывалось человек пять. Иногда и при таком образе действий дело оканчивалось для кого-нибудь полученным ударом или укусом. После водопоя все расходились по своим баракам, мылись, чистились и отправлялись на обед.

Столовая представляла собой обыкновенную конюшню, только с вывороченными яслями и поставленными большими деревянными столами, вечно невероятно грязными. Даже скамеек было очень небольшое количество, и их не хватало для половины обедающих, так что большая половина обедала стоя. Из-за захвата этих скамеек происходили вечные ссоры и недоразумения. Обед приносили в металлических баках очень неаппетитного вида, да и сам он был такого содержания, что мало кто прикасался к нему, предпочитая проедать свои последние гроши. Большей частью нам давали чечевицу, которая сменялась фасолью или рисом. Изредка давали картофель. Большей частью вместо мяса давали конину, приготовленную при этом в таком виде, что даже и очень голодный человек вряд ли отважился бы съесть ее. Поварами были арабы-сирийцы, необыкновенно ленивый и неопрятный народ. Несколько раз мы поднимали вопрос о назначении на кухню русских, но начальство каждый раз отклоняло нашу просьбу безо всякой видимой причины. Перед обедом дневальные в бараках получали вино и хлеб. Хлеба выдавалось вполне достаточное количество, вино же бывало всегда сильно разбавленное.

Обыкновенно, незадолго до обеда, дежурный бригадир приводил больных из околотка. Больные вместе с книгой, в которую вносил доктор свои заключения, представлялись Адъютанту. Доктор, обслуживавший целый ряд частей, расположенных в нашем районе, был очень хороший и сердечный человек, к русским относился особенно мягко и сердечно. Мне часто приходилось сопровождать русских больных в качестве переводчика, и нередко он освобождал от работы явных симулянтов. Адъютант все надписи врача переводил по-своему и очень своеобразно. Так, например, «освобождение от работы» он переводил так, что человек не может производить исключительно тяжелой работы, но может работать наравне со всеми. Когда появлялась грозная надпись, по существу, отнюдь не определяющая основательности посещения околотка, то Адъютант приходил в бешенство. Арабы расплачивались за нее своими физиономиями, европейцы же или посылались на какую-нибудь особенно неприятную работу, или же подвергались наказанию до заключения в карцере включительно.

После обеда, который обыкновенно кончался в начале первого часа, полагался отдых, который действительно соблюдался свято. Летом отдых продолжался до трех часов дня, зимой – до двух. После отдыха все опять собирались перед канцелярией, и после обычной переклички читались приказы, наряд на следующий день и почти всегда выписки из журнала взысканий. Все это переводилось переводчиками на арабский и русский языки, выходившими во время чтения приказов на середину.

Наказаний, большей частью, было очень много, причем всегда наблюдался перевес или в сторону арабов, или в сторону русских. Это зависело от того, кому в данное время благоволил Адъютант – арабам или русским. После чтения приказов обыкновенно Адъютант произносил речи или предупредительного, или ругательного характера. Каждое свое слово он сопровождал характерными жестами и окидывал весь строй грозными взглядами. Иногда вся эта процедура длилась больше получаса. Потом раздавали хинин, как утром, и назначали людей на работы.

Обыкновенно после обеда проезжали лошадей и мулов. Всем выдавали одеяла и длинные подпруги вместо седел. Бригадиры и переводчики имели право брать седла. Каждый солдат проезжал сразу двух лошадей, держа одну в поводу. По окончании проездки опять начиналась уборка лошадей, вплоть до вечернего водопоя, который начинался в шесть часов вечера.

Затем, в половине седьмого, все шли ужинать. Ужин ничем не отличался от обеда. После него наступало свободное время. Ненаказанные и свободные от наряда на службу каждый день могли уходить в город до девяти часов вечера. По воскресеньям и праздникам можно было брать отпуска до двенадцати часов ночи по запискам, которые подписывались самим командиром эскадрона. В девять часов вечера, в будние дни, все были обязаны быть у своих постелей, и дежурный маршалль, обходя бараки, проверял наличность людей. Опоздание из отпуска хотя бы на несколько минут каралось очень строго. Так заканчивался один день, чтобы дать место другому, ничем не отличающемуся от предыдущего.

Разнообразие по большей части бывало очень неприятным. Перед отправкой лошадей и мулов, куда бы то ни было, их осматривало начальство в дни выводка и распределяло по категориям. Для выводки назначали очень много людей, так что оставшимся приходилось сразу же начинать водопой. Обед начинался обыкновенно на час позже, но вечерние работы начинались в обычное время. Ненавидели мы это занятие до невероятия. Заключалось оно вот в чем. Лошадей или мулов, предназначенных к выводке, чистили несколько раз, тщательнее обычного и выстраивали в определенных местах. Затем начиналось томительное ожидание выхода начальства. Обычно осматривала лошадей комиссия, состоящая из командира эскадрона, двух молодых офицеров и ветеринарного врача. Конечно, присутствовал при этом и Адъютант, игравший там едва ли не главную роль. Иногда же приезжал полковник, командовавший всеми ремонтными эскадронами Сирии. В таких случаях выводка становилась еще более томительной и нудной.

Приезд такого, по существу, незначительного и близкого начальства выводил всех наших домашних богов из состояния равновесия. С самого раннего утра все начинали бегать и терзать нас самыми разноречивыми приказаниями. Задолго до приезда полковника лошадей выводили, и все начальство начинало носиться из стороны в сторону.

Осматривали лошадей и людей. Некоторых солдат, не имевших приличного вида, заменяли другими. По дороге, со стороны которой ожидался приезд полковника, стояли махальные. Наконец махальные подавали сигналы, и все замирало. Спешно выстраивался караул для отдания чести, и к входу вприпрыжку бежал командир эскадрона со всеми офицерами. Где-нибудь сбоку, но все же на виду, пристраивался наш адъютант.

Наконец появлялся полковник, подавал два пальца командиру эскадрона, а остальным офицерам кивал головой. Словом, все проделывалось в таком же порядке, как и между адъютантом и маршаллями. Неизвестно только, кто у кого научился воинской «вежливости» – адъютант у полковника или полковник у адъютанта. Замечательно, что, обращаясь к какому-нибудь из офицеров, полковник никогда не называл чина и не прибавлял хотя бы слова «монсеньор», а прямо выкрикивал фамилию, как бы имея дело с каким-нибудь денщиком. Затем вся группа начальства проходила мимо нас и становилась в определенном месте. После этого, по данному сигналу, начиналась самая выводка. Каждую лошадь по очереди подводили к начальству и после ее осмотра проводили рысью раза два-три.

Во французской армии лошади, как и люди, впрочем, имеют свои личные номера, которые выжигаются у лошадей на переднем правом копыте. Копыто постепенно отрастает и при ковке обрезается, так что со временем номер исчезает и начинается страшная путаница. Для того, чтобы прочесть цифры, нужно, конечно, обмыть копыто. При обычной выверке, без полковника, около группы начальства

стоял простой солдат с ведром воды и щеткой и исполнял эту немудреную обязанность. Кто-нибудь из маршаллей нагибался и прочитывал номер. В присутствии полковника исполнение этих функций повышалось сразу на две степени: замывал копыто маршалль, а прочитывал номер кто-нибудь из младших офицеров. При распределении лошадей по категориям наиболее старые и тощие, настоящие одры, предопределялись на убой. Мясо это почему-то выдавалось исключительно кавалерийским и артиллерийским частям. Пехота вообще, за редким исключением, питается гораздо лучше. Процедура-выверка длилась необыкновенно долго, иногда четыре часа подряд, под лучами палящего солнца. При желании и немного большей распорядительности это время легко можно было сократить, по крайней мере, в три раза. Пишущему эти строки приходилось самому принимать участие в ремонтных комиссиях в бытность свою в русской армии, и никогда все это не длилось так долго, как во французской армии.

Иногда приходилось грузить лошадей или мулов на пароходы для отправки на фронт или выгружать прибывающих из Африки. В первый же раз русские увлеклись этой живой работой и очень быстро и хорошо ее закончили. После этого арабов уже назначали только для подвода лошадей к пристани, а всю процедуру погрузки производили исключительно русские, которые не без основания в этих случаях чувствовали себя героями дня. Особенно трудно и даже опасно было грузить мулов. Однако наши очень быстро приспособились к ним. К мулу, не желавшему, обыкновенно, подходить даже близко к лебедке, с двух сторон подходили два человека и, схватив его за уши, начинали неистово крутить их. Мул, обыкновенно, первое время балдел, чем пользовались остальные грузчики, немедленно облеплявшие его со всех сторон. Один вытягивал ему язык, другой поднимал переднюю ногу, и несчастного мула форменным образом волокли, подтаскивали к лебедке, где специалисты подтягивали под него подбрюшники и привязывали к лебедке. Когда все было готово, подавали знак на лебедку, и в момент отделения животного от земли все от него отскакивали в разные стороны. Некоторые мулы, очутившись в воздухе, недоуменно поворачивали голову в разные стороны, другие же, наиболее строптивые, и в воздухе продолжали неистово брыкаться во все стороны. Мы настолько прославились своим умением быстро и хорошо грузить и разгружать, что в эти дни на пристани собиралось много посторонних офицеров с фотографическими аппаратами и снимали наиболее интересные моменты. Мы настолько увлеклись этой живой работой, что между различными партиями, работавшими на разных лебедках, возникло соревнование. Этим и поспешило воспользоваться наше начальство. Однажды нужно было погрузить шестьсот голов, из которых больше половины было мулов. Рассчитано было, что погрузка будет длиться целый день, и поэтому с утра отправили на пристань только триста мулов. Грузили на трех лебедках, и каждая партия грузчиков старалась перещеголять другую. Часам к восьми офицер, наблюдавший за погрузкой, по невероятно быстрому темпу работы заключил, что мы с погрузкой справимся к полудню. Он послал за оставшейся половиной. В пылу работы никто ничего не заметил, и к двенадцати часам вся погрузка была закончена. Нас поблагодарили, но на послеобеденную работу вызвали в обычное время, не дав даже лишнего часа отдохнуть. Естественно, что такое отношение убивало всякое желание работать, и, если бы не врожденная склонность русских людей отдаваться каждому делу с необыкновенным жаром, мы бы очень быстро превратились в таких же работников, как арабы. Больше всего наши любили становиться на какую-нибудь сдельную работу, как бы она ни была трудна, лишь бы только не было разных надзирающих. Самое же нелюбимое занятие было – уборка лошадей благодаря совершенно нелепой и безобразной постановке этого дела в нашем эскадроне.

Была у нас выделена особая группа в восемь человек, которая ведала конюшней арабских чистокровных маток. Их очень быстро оставили в покое и

совершенно не вмешивались в их работу, видя, как хорошо они ходили за лошадями и как была устроена ими конюшня. Начальством у них был русский же казак, произведенный в капралы, и они совершенно стояли в стороне от всех остальных. Кобылы там стояли изумительные. В особенности хороша была одна серая, в яблоках, у которой на дверях была прибита дощечка с надписью, гласившей, что кобыла такая-то преподнесена таким-то шейхом генералу Гуро (см. Гуро Анри Жозеф Эжен (1867–1946) – один из самых популярных генералов Франции периода Первой мировой войны. В 1915 г. он командовал французским экспедиционным корпусом в Дарданеллах, здесь был тяжело ранен, потерял правую руку. На Западном фронте командовал 4-й армией в Шампани. В период описываемых Гиацинтовым событий – генерал-губернатор Сирии. Позднее – генерал-губернатор Парижа и член Высшего военного совета Франции.).

Злые языки говорили, что дом этого шейха был разграблен французскими войсками, кобыла попала им в руки в числе другой добычи, а сам шейх на дворе собственного дома был повешен. Насколько это соответствует действительности, не знаю, но, во всяком случае, особенно невероятного в этом нет ничего.

К моменту нашего прибытия в эскадрон все расположение его было очень запущено и не благоустроено. Нельзя отказать Адъютанту в организаторской способности, так как, получив в руки такой материал, как русские, он великолепно использовал его. Наши постепенно стали становиться на разные специальности. Сначала появились плотники, маляры, садовники и так далее. К концу нашего пребывания в Бейруте не было ни одной должности, на которой не состоял бы русский. Портные, сапожники, кучера, кузнецы и так далее – все это были наши. При этом вызывались желающими работать по какой-нибудь специальности люди, в своем прошлом никогда ничем подобным не занимавшиеся. Так, например, был среди нас один юрист, который перебрал чуть ли не все специальности. За все он брался очень усердно, и французы всегда оставались довольными его работой, только очень удивлялись необыкновенной разнообразности его знаний. Нечего и говорить, что садовники, которыми не могли нахвалиться, никогда прежде садоводством не занимались. Садовники только пользовались необычайной плодородностью почвы. Кое-кто пристроился в качестве вестового к маршаллям. Офицеры почему-то предпочитали арабов, и только семейные для устройства своих садов и курятников требовали непременной присылки русских.

По прошествии года нашего пребывания в Бейруте нельзя было узнать расположения эскадрона. Всюду были разбиты цветники, огороженные красивыми загородками, появились теплые и холодные души и прочие усовершенствования. Все было настолько хорошо и красиво устроено, что слава о нас разлетелась по всему Бейруту. Стали поступать требования о присылке русских со стороны посторонних, но влиятельных офицеров. Даже сам наместник Сирии, генерал Гуро, для чистки своего парка требовал обязательно русских. Частенько к нам стали заезжать посторонние офицеры и рассматривали наше расположение как какую-нибудь достопримечательность. Посетил нас даже адмирал, командовавший Средиземноморским флотом во время стоянки французской эскадры в Бейруте. При таких посещениях все наше начальство чувствовало себя именинниками и горделиво посматривало по сторонам.

Правда, французы очень хорошо сумели использовать нас, но и мы не зевали и, когда можно было, пользовались их слабостями и увлечениями. Одно время наш Адъютант был помешан на фотографии. Два русских легионера, получив по пятьсот франков премии, полагавшейся при поступлении на службу, не пропили их, как все, а выписали из Франции хороший фотографический аппарат со всеми надлежащими приспособлениями. Раза два сняли начальство, и затем посыпались заказы, как из рога изобилия. Так как вместе с аппаратом было прислано несколько специальных книг на французском языке, мы убедили Адъютанта, что необходимо ознакомиться с

их содержанием для того, чтобы усовершенствоваться в фотографии. Переводить книги на русский язык назначили меня, и вот в течение полутора месяцев я пользовался абсолютным покоем, уходя после переклички в магазин, в котором хранилась разная старая рухлядь, лопаты, сбруя и так далее, и занимался там в тиши и покое переводом. Ко мне часто заходил командир эскадрона справляться о ходе работы, так как он тоже живо заинтересовался нашими фотографическими успехами. Фотографы тоже пользовались исключительным благоволением и покровительством всего начальства. Книг было много, и я рассчитывал, что закончу работу не ранее, чем через полгода, но увы, страсть к фотографии у начальства остыла, и меня опять призвали к исполнению повседневных обязанностей. За это время Адъютант успел сняться во всех видах, главным образом, верхом. Нужно, однако, ему отдать справедливость, что он был хорошим и смелым наездником.

Одному из нас удалось пристроиться очень хорошо и даже работать по своей специальности. Он в России был студентом-медиком восьмого семестра. Как-то раз, во время посещения околотка, он, видя, как неумело делают перевязку больному французу фельдшера околотка, сделал ее сам, желая облегчить страдания больного. Об этом узнал доктор, призвал его к себе и решил, познакомившись ближе с его знаниями, вытащить его из эскадрона, что и удалось не без затруднений, так как наш командир очень неохотно отпускал нас куда-нибудь на сторону. С тех пор этот русский находился все время при околотке в качестве фельдшера, жил в отдельной комнате и пользовался абсолютным доверием со стороны доктора. Менялись доктора, но этот русский оставался на своем месте.

Но что являлось форменным бичом для всех нас – это несение как внутренних нарядов, так и караулов в гарнизоне. В начале нашего пребывания к нам относились весьма недоверчиво и несения караулов не доверяли. Назначали только дневальными на конюшни. Мы необыкновенно удивились, когда узнали, что на конюшню с тремястами лошадей полагается только двое дневальных, назначаемых при этом на целые сутки. На ночь не выдавали никаких фонарей, так что в темноте ночи приходилось там передвигаться чуть ли не ощупью. Мы стали добиваться выдачи фонарей и в конце концов получили их. Такое проявление инициативы для более успешного несения службы обратило внимание начальства, которое, присмотревшись к нам ближе, начало посылать нас в караулы. И с тех пор нас гоняли, что называется, «и в хвост, и в гриву». Иногда приходилось ходить в караул через сутки после возвращения из предыдущего. Самым неприятным караулом было охранение артиллерийского парка, расположенного в трех километрах от черты города. Сам парк занимал огромную песчаную площадь, обнесенную со всех сторон проволочными заграждениями. По всему пространству лежали в кучах ящики со снарядами, снаряды, прикрытые брезентом или просто валявшиеся под открытым небом в самом хаотическом беспорядке. Почему этот парк был заброшен, совершенно непонятно, в особенности если принять во внимание, что там лежали миллионы снарядов и патронов. Очевидно, он находился в таком виде с тех пор, как англичане взяли Бейрут у турок, но тогда, когда мы там несли караулы, уже прошло больше трех лет владычества французов, а он все еще не был приведен в порядок. За это время можно было легко все привести в надлежащий вид, пользуясь хотя бы теми силами, которые ежедневно отправлялись для чистки разных приютов, садов, курятников и так далее.

Караул в этот парк состоял из тридцати человек, не считая разводящих и караульного начальника. Из этого числа двенадцать человек при одном разводящем всегда были русскими, коим были даны четыре самых отдаленных поста. Разводящий для обхода этих постов употреблял сорок пять минут времени. Таким образом, из 24 часов пребывания в карауле в общей сложности разводящий ходил 9 часов по глубокому сыпучему песку. При этом спать он не имел права, так как ответственность за правильность же смены лежала на нем. Караульный начальник

имел собственную комнату и мог спать сколько угодно. В русской императорской армии, о строгостях которой кричала так неистово вся наша интеллигенция, положение было совершенно другое. Самое главное и самое ответственное лицо в карауле – караульный начальник, который не имел права спать в течение целых суток. Во французской же республиканской армии – чем выше положение, тем меньше ответственности. Далее, в русской армии вернувшиеся из караула нижние чины пользовались правом отдыха и никуда до истечения положенного срока не назначались. За время несения караула получали увеличенную и улучшенную порцию еды.

Мы же довольствовались консервами и по возвращении из караула сейчас же отправлялись на обычные работы, с тем, чтобы через сутки снова идти в караул. Если прибавить к этому, что само караульное помещение представляло собой полуразвалившийся дом без окон и дверей, без стола и стульев, так что сидеть и отдыхать приходилось прямо на полу, то получается картина, совершенно дикая, условий несения службы.

Другие караулы, которые нам тоже приходилось нести, были обставлены гораздо лучше, так, что если бы они были так часты, было бы даже приятно уходить из обычной, всем надоевшей обстановки эскадрона. Был один только приятный наряд – это дневальный по бараку. Обыкновенно на этой должности, по общему уговору, оставался самый слабый, плохо переносящий жару легионер. Иногда безмятежное жилье дневального нарушалось кем-либо из начальства, приказывавшего переменить всех дневальных.

Воскресенье и праздничные дни не приносили с собой полного отдыха, так как мы освобождались только после дневного водопоя, а утром работали так же, как и в будничные дни.

Зато нам окончательно удалось отвоевать праздничные дни Рождества и Пасхи, по старому стилю. В эти дни нас отправляли в отпуск на целые сутки. В Бейруте очень много православных арабов и есть несколько православных церквей. До войны были и русские школы... В Бейруте же находится резиденция Антиохейского патриарха Григория, секретарем которого был дьякон-араб, окончивший в России духовную академию. Многие православные арабы владеют русским языком. Нам удалось отвоевать праздники через посредничество патриарха Антиохейского Григория, который вошел с соответствующим ходатайством непосредственно к высшему начальству. В начале нашего пребывания в Бейруте православные арабы изумительно хорошо относились к нам. Многие были принимаемы в арабских домах, где их встречали, как родных. К сожалению, должен сознаться, что далеко не все русские оказались на должной высоте и очень быстро своим поведением оттолкнули от себя радушных хозяев. Отношение к нам хотя и продолжало оставаться хорошим, но была потеряна та близость, которая могла бы скрасить нашу жизнь в Бейруте.

Служба в арабских церквах очень своеобразная. Во время богослужения все стоят в церкви в фесках, на паперти идет оживленная торговля прохладительными напитками, сигаретами и сластями, так что возгласы священников нередко заглушаются выкриками бойких торговцев. В самой церкви тоже не соблюдается благоговейная тишина. Все это вместе производит очень неприятное впечатление. Зато, когда пел наш русский хор, состоящий из легионеров, все мгновенно затихало. На первую Пасху, проводимую нами на чужбине, нам удалось попасть в собор, в котором служил сам патриарх. На заутрене пел наш хор и производил очень сильное впечатление на всех молящихся.

Нас просили прийти и на следующий – первый день Пасхи. Службу должен был посетить генерал Гуро. Французы не додумались ни до чего лучшего, как поставить хор трубачей на самой паперти, так, что при приезде генерала грянувшая «Марсельеза» настолько заглушила богословие, что его пришлось прервать в

ожидании окончания музыки. Гуро вошел в церковь в сопровождении целого сонма штабных, окруженный толпой арабов, спешивших ему выразить свои верноподданнические чувства. Когда наконец все успокоилось, богослужение возобновилось. В конце службы патриарх произнес приветственную речь на арабском языке, которая тотчас же была переведена одним из митрополитов на французский. Окончание речи было покрыто громовыми рукоплесканиями, начало которым положили французы, так как начали аплодировать после окончания перевода.

После службы мы все были приглашены в богатые арабские дома. Все встречавшиеся на улицах православные арабы старались выказать нам как-нибудь свое расположение: подавали яйца, папиросы, сласти и так далее.

Я попал вместе с хором в резиденцию патриарха, где нас угостили на славу. Хор пел как духовные, так и светские песни. Только поздним вечером мы распростились с гостеприимными хозяевами и вернулись в свою неприютную обстановку. На следующий год мы были у заутрени в одной из малых церквей, и все прошло гораздо менее торжественно и проще. Местные жители были с нами только холодно любезны и никого уже не приглашали в дома. Как это ни грустно, приходится сказать, что в этом исключительно виноваты мы сами.

Однако нам удалось надуть наше начальство. Пользуясь тем, что наступил период гонения на арабов и благоволения к русским, мы убедили Адъютанта, что первое января старого стиля – день всех святых, необыкновенно чтимый русскими, наравне с Пасхой и Рождеством. Нам разрешили с самого утра отправиться в церковь, чем мы и воспользовались, чтобы отслужить панихиду по соратникам, павшим в боях, так как в этот день была годовщина нашей эвакуации из России.

Вернулись мы из церкви строем, с песнями, чем произвели большое впечатление на всех окружающих. Начальство даже пожелало сняться с нами в общей группе. После обеда нас отпускали в город, и вечер, как почти всегда в таких случаях, ознаменовался рядом пьяных скандалов, после чего наши отношения с начальством снова ухудшились и начался период гонения на русских и благоволения к арабам.

Предметом всеобщей зависти со стороны русских являлась группа наших же легионеров, пристроившаяся в гарнизонную музыкальную команду. Этими счастливчиками были наши хористы, которые своим пением обратили на себя внимание высшего начальства. Я уже писал выше, что во время нашего сидения в карантине нас посещали дамы-патронессы, которых мы угощали пением и плясками. После этого мы пели на церковной службе в присутствии генерала Гуро, которому очень понравилось русское пение. Вскоре после этого он прислал приказание о присылке к нему во дворец русского хора с переводчиком. Адъютант с большим неудовольствием подчинился этому необычному приказанию. Оказалось, генерал устроил у себя вечер для высшего света Бейрута и решил угостить своих гостей русским пением. Хористы были поставлены в глубине террасы, скрытые от взглядов публики, наполнявшей гостиные дворца. По данному сигналу хор запел, если не ошибаюсь, «Гей, славяне!». Гости были ошеломлены неожиданно раздавшимися звуками, такими необычными для них, и прослушали всю песню в полной тишине.

Окончание песни было покрыто рукоплесканиями, и к хору стали подходить дамы и мужчины, расспрашивая хористов об их житье. Передохнув, они запели новую песню, и так одна сменялась другой, приводя в восторг слушателей.

После окончания пения к хористам подошел сам Гуро, благодарил их и спрашивал, как нам живется. Конечно, жаловаться в такой обстановке никому не пришло в голову, и в результате все остались очень довольны друг другом. Перед отходом хора их угостили шампанским и сладкими пирожками.

Вслед за первым посещением дворца последовал ряд других, всегда проходивших с неизменным успехом. Завсегдатаи дворца наместника уже знали

наши песни и выкрикивали названия своих любимых, неимоверно коверкая русские слова. Генерал Гуро, очевидно, желая сделать нам приятное, всегда в дни прихода хора надевал орден Святого Георгия, который ему пожаловал в Великую войну государь император. Наше эскадронное начальство очень косо смотрело на эти отлучки легионеров, тем более что они возвращались из дворца с приказанием дать им на следующий день полный отдых до двенадцати часов дня.

Таким образом, наш доморощенный хор обратил на себя внимание всей бейрутской знати, и это им сослужило большую службу. На вечерах, устраиваемых наместником Сирии в своем дворце, всегда играл хор трубачей бейрутского гарнизона, капельмейстер которого очень часто разговаривал с нашими хористами. Узнав, что среди них многие могут играть на духовых инструментах, он начал хлопоты о переводе всего русского хора в свою команду. Благодаря благоволению к хору всех знатных французских дам Бейрута эти хлопоты увенчались успехом, и в эскадрон пришло приказание откомандировать в распоряжение капельмейстера всех хористов. Нашему начальству пришлось покориться воле высшего руководства, и для счастливцев началось совсем другое житье. Капельмейстер оказался на редкость хорошим и интеллигентным человеком. Я часто потом бывал в гостях у наших музыкантов и поражался их житью, не имевшему ничего общего с нашим. Кроме русских, в музыкальной команде были только французы, отбывающие воинскую повинность. Они большей частью были людьми интеллигентными, и между ними и нашими русскими музыкантами установились очень хорошие отношения. Очень быстро наши музыканты смогли играть уже в оркестре, и капельмейстер не мог нахвалиться ими. Кроме лучшего питания и прекрасного отношения со стороны своего непосредственного начальства, наши хористы пользовались усиленным денежным содержанием, да еще и получали отдельное вознаграждение за некоторые выступления.

Среди музыкантов-французов был один молодой человек лет двадцати. Фамилия его – чисто русская, так как он – сын русского морского офицера, женившегося на француженке и оставшегося после выхода в отставку во Франции. Хотя молодой человек ни слова не говорил по-русски, кроме традиционного «водка, тройка и самовар», но тем не менее чувствовал необыкновенное тяготение ко всему русскому и все свободное время проводил в обществе наших. Он прекрасно играл на скрипке и на своих концертах, которые он давал в Бейруте, хотя и отбывал воинскую повинность как простой солдат, неизменно играл произведения русских композиторов. Выдавал он себя за русского, и дамы-патронессы изумлялись его необыкновенно чистому французскому выговору, не подозревая, что разговаривают с чистокровным парижанином. К сожалению, любовь ко всему русскому у этого, несомненно, талантливого молодого человека привела его к слишком близкому знакомству с нашим национальным спиртным напитком, который он стал предпочитать всем доселе ему известным.

Командовал нашим эскадроном капитан Эвекью д'Авриль, человек пожилой, лет около пятидесяти. Видели мы его каждый день, но почти никогда он ни с кем из солдат не разговаривал, просиживая все время у себя в канцелярии за какими-то бумагами. Его страстью были цветы, и за цветниками он смотрел, как любящая мать за ребенком. Ко всему же остальному он относился более чем равнодушно и безучастно, полагаясь во всем на Адъютанта. Очень редко он вызывал к себе в канцелярию кого-либо из солдат, и это являлось целым событием. Обыкновенно это бывало в случае какого-нибудь из ряда вон выходящего проступка. Во всяком случае, этот человек никому из нас не сделал ничего плохого и ничего хорошего. Обращался он к нам на «ты», как, впрочем, и все французские офицеры, за исключением генерала Гуро и коменданта города Бейрута. Про остальных офицеров эскадрона, при всем желании, сказать ничего не могу, потому что мы почти никогда их не видели, и в расположении казарм они появлялись только в редких случаях. Что

они делали и чем были заняты, мне не известно. Один раз, вскоре после нашего приезда, один из лейтенантов показывал нам, как нужно седлать лошадь. Это был первый и последний случай нашего непосредственного общения с офицером.

Самым замечательным лицом из начальства был Адъютант Перальдис. Адъютант во французской армии, по своему положению, есть нечто вроде нашего подпрапорщика, вахмистра, только поставленного в гораздо лучшие условия. Он получает очень значительное содержание, мало отличающееся от офицерского, носит форму почти офицерскую, так, что неопытный глаз никогда не отличит ее от лейтенантской. Живет адъютант в отдельной комнате и даже столуется отдельно от унтер-офицеров. По крайней мере, в нашем эскадроне Перальдис столовался отдельно от всех маршаллей, в обществе еще одного адъютанта, не имевшего никакого отношения к нам, и «маршалль-шефа» – маленькой, злобной личности, заведовавшей всеми хозяйственными делами эскадрона. Адъютант наш был родом с Корсики, как, впрочем, и большинство сверхсрочных. Служил он уже двенадцатый год и всю службу провел в колониях. С арабами он был жесток неимоверно и бил их самым бесчеловечным образом. Роста он был небольшого, но умудрялся, не вставая со стула, наносить им удары в лицо ногой. Когда он бывал в плохом настроении, все приходило в трепет. Мне пришлось быть свидетелем, как он бил четырех арабов, повинных только в том, что они в этот день записались в книгу больных. После посещения околотка двое из них были отправлены в госпиталь, так как действительно были серьезно больны. Это не помешало ему избить двоих остальных, получивших освобождение, по возвращении их из околотка. Когда же он бывал в хорошем настроении, то любил пошутить с солдатами, причем очень любил, когда окружающие смеялись над его остротами. Разряжался он иногда и замечаниями вроде следующего: «Я рассматриваю женщин только как инструмент наслаждения». Это, однако, не помешало ему жениться, и говорили, что жена его держит в ежовых рукавицах. Как и всякий француз, он очень любил рисоваться и «принимать позы». Службист он был идеальный и не без основания считал, что весь эскадрон держится на нем.

Из маршаллей он считался только с Леопардис, тоже корсиканцем, заведовавшим вторым двором. Этот последний был самым лучшим и разумным из всего нашего начальства. Жить с ним было гораздо легче, чем со всеми остальными. Как-то в хорошую минуту он сказал нам, что мы совершенно не подходим для службы во французской армии, так как делаем все быстро и хорошо, увлекаясь работой, а основной принцип в армии – это проводить время, делая вид, что работаешь. Это подлинные слова человека, прослужившего шестнадцать лет в армии.

Остальные маршалли были заносчивы и грубы. Все они были сверхсрочными и почитали себя солью земли; нас они считали варварами, не заслуживающими сколько-нибудь приличного обращения. Каждый из них имел свою комнату и вестового. Содержание они получали очень приличное, около тысячи франков в месяц, а некоторые и больше, в зависимости от количества прослуженных лет. Столовались они в отдельной столовой и вообще вне службы держали себя совершенно особняком от простых солдат и бригадиров.

Насколько были плохи наши отношения с маршаллями, настолько они были хороши с французами-бригадирами и простыми солдатами. Все они были отбывающими воинскую повинность и также остро ненавидели наше начальство и режим, царящий в эскадроне. Не было случая, чтобы кто-нибудь из русских был наказан из-за французского бригадира. В особенности был симпатичен один солдат-филолог. Он совершенно безвозмездно занимался французским языком с желающими и упорно отказывался от всякого вознаграждения. За исключением этого бригадира, ознакомленного с Россией и русской жизнью по произведениям русских писателей, все остальные были в отношении всего русского такими невеждами, как и

большинство западных европейцев. Мне, например, пришлось познакомиться с одним французом родом из очень хорошей, даже аристократической семьи, студентом-химиком по образованию, который очень наивно спросил меня, имеются ли русские ученые и писатели. Второй курьез в этом же роде произошел на лекции одного французского доктора, который читал солдатам о венерических болезнях и средствах борьбы с ними. Говоря о каломели, он заявил, что это изобретение принадлежит «французскому ученому Мечникову».

Французов у нас вообще было очень мало, и главную массу составляли русские и арабы. Арабы были сирийцы и алжирцы. Это два племени, очень близких друг к другу. Различие в языках – очень незначительное, приблизительно такое же, как между великорусским и малорусским. Сирийцев у нас было мало, и все они занимали должности поваров, обозных и денщиков. Народ этот – жалкий и забитый. Внешним видом своим они сильно отличались от алжирцев. Алжирцы, в большинстве случаев, высокие, статные и красивые; сирийцы же – малого роста и очень щуплые. Никакой народ не подвергался таким жестоким побоям во французской армии, как сирийцы. Бьют их форменным образом, походя, и они терпеливо сносят побои. Наш маршалль-шеф подвергал провинившихся форменным пыткам. Жаловаться, конечно, было некому.

Арабов-алжирцев бьют уже более осторожно. К нам они прибыли из Африки, из одного из спанских полков. Форма у них – очень красивая; с большими тюрбанами на головах и в широких красных плащах, доходящих до земли, они производят очень эффектное впечатление. Все они, по большей части, были на сверхсрочной службе. Во французской армии каждый солдат-француз или «цветной» по окончании положенного срока службы может остаться на сверхсрочной, подписав контракт на любое время, не менее одного года. Кроме положенной при подписании контракта премии, сверхсрочный получает усиленное денежное довольствие, которое с течением времени все время увеличивается. Таким образом, солдат, прослуживший лет десять на сверхсрочной, получает больше, чем срочный сержант. Французы, остающиеся служить добровольно простыми солдатами, представляют собой необычайно редкое явление. Обыкновенно сверхсрочный француз всегда бывает не ниже сержанта. Арабы же сплошь и рядом подписывают контракты, будучи простыми солдатами. При этом как срочный, так и сверхсрочный араб получает меньше француза соответствующего звания. Движение по службе для араба сопряжено с большими трудностями. После долгих и упорных стараний он производится в солдаты первого класса, который никакими особыми правами и преимуществами не пользуется, а только имеет на рукавах одну нашивку. Многие из них так и оканчивают свою долголетнюю, часто двадцатилетнюю, службу в этом «высоком» звании. Когда же арабу удается проскочить в бригадиры, то он считает себя чуть ли не Богом. Бригадирские нашивки достигают у них чудовищных размеров. Покоя арабы-бригадиры не дают никому, ни своим единоплеменникам, ни чужим. Наши русские подвергались наказаниям, главным образом, из-за них. Не было ничего хуже, как попасть на работу под надзор арабского бригадира. Бригадиры-арабы в тайниках своей души мечтают о золотой нашивке маршалля, и нет такой подлости и гнусности, которую бы они не совершили для достижения своей цели. Редко кому из них удается достигнуть такой высоты, но стараются, конечно, все. Общей чертой арабов являются хитрость и лицемерие, соединяющиеся с чистой воды ленью. Французов они ненавидят всеми фибрами души, но на глазах юлят и превозносят все французское, а за спиной показывают кулаки и бормочут свои арабские проклятия. Самая же гнусная их особенность – это педерастия, которой они подвержены почти все без исключения. В первые дни их появления у нас один из них проявил поползновения на одного из русских. Дело было в душе, где мылся донской казак Перлов, обладавший неимоверной физической силой, но сравнительно небольшого роста и довольно полный. Туда же зашел один араб, сделавший ему весьма

недвусмысленное предложение. Перлов задал ему такую трепку, что тот еле унес ноги оттуда. С тех пор русских они оставили в полном покое, и на повторение поползновения никто уже не отважился. Говорили, что некоторые маршалли тоже были подвержены этому пороку, так как вестовыми у них всегда были молодые, женоподобные арабы. Русских арабы невзлюбили почти что сразу же. С особыми привилегиями французов они уже давно свыклись и считали это положение совершенно нормальным. В нас же они видели иностранцев, которых считали равными себе, и вдруг оказалось, что эти иностранцы почти на равном положении с французами. Велико было их негодование и возмущение, когда нескольких русских переводчиков, по прошествии четырех месяцев службы, сразу произвели в бригадиры, минуя звание солдата первого класса. Когда же, по прошествии года, трое русских были произведены в унтер-офицеры и столовались вместе с французскими маршаллями, их негодованию не было границ. Дело в том, что арабы, даже маршалли, столуются с общей солдатской кухни и, во всяком случае, не имеют права входа в унтер-офицерское собрание. Такого положения они не могли перенести равнодушно и свою злобу вымещали на простых смертных, всячески подлизываясь к вновь произведенным. Мы же ненавидели арабов еще по константинопольским воспоминаниям, и нередко столкновения между обеими сторонами оканчивались дракой.

Среди русских были люди самых различных слоев общества и разнообразных профессий; юристы, инженеры, офицеры, студенты, рабочие и крестьяне, все были в одинаковом положении и исполняли ту же работу. Несмотря на разность образования и воспитания, все мы жили дружно и, как могли, помогали друг другу. Был у нас один латыш, окончивший два высших учебных заведения. Он прекрасно владел французским, немецким и английским языками и служил в качестве переводчика. При первом же производстве русских его произвели в бригадиры, но дальше он не пошел благодаря странностям своего характера. Несмотря на всю свою образованность и знания и довольно пожилые годы – ему было около сорока лет, – он страшно боялся начальства и совершенно не умел сохранять собственного достоинства. При разговорах с начальством он усиленно вытягивал шею, просительно заглядывал в глаза, на всякий зов подбегал вприпрыжку и со страшно озабоченным видом брался исполнять всякое возложенное на него поручение. Французы издевались над ним и считали его ненормальным. Наши почему-то прозвали его «болонкой» и иначе никогда не называли. Он же не обращал ни на кого и ни что внимания и усиленно занимался изучением арабского языка и всяких достопримечательностей Сирии. Адъютант, узнав, что он изучает арабский язык, призвал его к себе и подверг основательному допросу. Очевидно, начальство заподозрило его в желании дезертировать, но, убедившись, что на такой шаг он не способен, оставило его в покое.

В партии русских, прибывших месяцем раньше в Сирию, были два переводчика, совершенно юные мальчики, Павлов и Воробьев. Так как в прошлом у них ничего не было благодаря их молодости, они решили построить свое благополучие на французской службе. Для достижения поставленной себе цели они не стеснялись в средствах, и немало русских пострадало из-за них. При прибытии второй группы им пришлось несколько сократиться, так как вновь прибывшие переводчики не разделяли их точку зрения. Однако они не совсем отказались от своего образа действия, когда наконец произошел взрыв и их чуть-чуть не избили. После этого случая они стали действовать более осмотрительно. Оба они кончили по-разному. Воробьев достиг звания сержанта и совершенно почил на лаврах, зная, что дальнейшее продвижение для него невозможно, и совершенно перестал выслуживаться. Павлов же не сумел продвинуться дальше бригадира, начал пьянствовать и в конце концов попался в очень грязной и гнусной истории, подробности которой для всех остались тайной. В результате после двухмесячного

ареста его разжаловали в простые солдаты. Пришлось ему работать наравне с теми, над которыми он издевался, но, к счастью для него, он вскоре заболел, был эвакуирован в Африку и освобожден по болезни от службы. Это единственный, к счастью, случай, когда русские старались выслуживаться, построив свое благополучие на несчастии своих соотечественников.

Из всех русских наиболее печальной известностью пользовался некто Уграфов. О себе и своем прошлом он рассказывал самые невероятные истории, совершенно не заботясь о том, сходится или нет рассказанное им вчера с тем, что он рассказывает сегодня. Большей частью он называл себя полковником мирного времени и даже называл полк, которым он якобы командовал. Фамилии его, менявшиеся чуть не каждый день, бывали непременно титулованными. Один раз он даже намекнул, что он – великий князь. Никто ему не перечил, чтобы напрасно не раздражать его, и он вдохновлялся все дальше и больше. Не зная ни одного французского слова, он тем не менее утверждал, что прекрасно владеет языком, но не говорит теперь, ибо считает это ниже своего достоинства. Из всех предположений об его истинном происхождении наиболее правдоподобным является то, что он был вахмистром. За это говорила вся его наружность, чисто вахмистерская, и прекрасное знание кавалерийского устава. В том, что он не был интеллигентным человеком, не было ни малейшего сомнения. С французами он держал себя крайне независимо и, разговаривая с ними, всегда обращался к ним на «ты», в каком бы чине не был его собеседник. Первое время его начальство буквально боялось и совершенно оставляло в покое. Будь он хоть немного разумнее, он отлично бы мог использовать такое положение, но он сразу же начал «пересаливать» и потерял свое привилегированное положение. Я помню, как в тот единственный раз, когда наш лейтенант показывал седловку, из толпы вдруг протиснулась фигура полупьяного Уграфова, который внезапно, вырвав одеяло из рук опешившего лейтенанта, начал нам показывать седловку сам, все время при этом разговаривая с лейтенантом; он называл его молокососом, мальчишкой и дураком и еще более лестными эпитетами, обращаясь к нему на «ты». Славу Богу, что все это произносилось на чистом русском языке, так что из всего сказанного офицер не понял ни слова. Бедный лейтенант очень растерялся и только попросил убрать его, чтобы он не мешал продолжать ему занятие. Конечно, такой случай мог иметь место только в начале нашей службы.

Вообще же Уграфову долго сходило с рук то, что для другого кончилось бы долгодневным арестом. Впоследствии каждая его выходка кончалась карцером. В пьяном виде он не терпел никаких возражений, в особенности со стороны французов. Частенько мне приходилось бывать переводчиком в момент его объяснений с Адъютантом. Обыкновенно Адъютант приказывал ему передать, что если он не перестанет пьянствовать, то его согнут в бараний рог. Все это говорилось в нелестных для Уграфова выражениях, от которых тот бы пришел в бешенство и натворил бы бед. Приходилось говорить ему совсем другое. На это Уграфов разражался ответной речью, содержащей в себе, главным образом, непечатные слова. Большей частью его речи начинались так: «Скажи ты этому дураку, что, когда я командовал полком, я бы такому вахмистру, как он, разбил бы всю морду» и так далее в этом роде. Приходилось опять импровизировать, и в результате все расходились, весьма довольные собой. Уграфов обыкновенно отделывался восемью сутками ареста, редко больше.

Однажды он напился еще до дневной поверки, и, когда все вышли из барака, он не пожелал выходить. На беду, один из вновь прибывших маршаллей, делая обход бараков, наткнулся на него в то время, как тот что-то рассказывал дневальному по бараку.

Маршалль спросил его, что он здесь делает. Уграфов только презрительно посмотрел на него, не удостоив ответом. Когда маршалль повторил свой вопрос, тронув его за плечо, он пришел в бешенство и так толкнул его в грудь, что бедняга

чуть не полетел кувырком. На крик перепуганного маршалля прибежал Адъютант, и рассвирепевший Уграфов бросился на них обоих. Оба малодушно бежали и вернулись в барак в сопровождении целого караула арабов. Нам, русским, с трудом удалось успокоить разбушевавшегося Уграфова и уговорить его не вступать в драку с караулом, иначе дело бы кончилось весьма печально.

После этого скандала он был отдан под суд. В ожидании суда его поместили в военную тюрьму, в которой он пробыл до окончания следствия. Мне пришлось ходить туда несколько раз в качестве переводчика. Военный следователь, очень милый и сердечный человек, близко принял его дело, распознав в нем полусумасшедшего алкоголика. В последний раз, перед самым судом, он сказал мне, что, по его мнению, Уграфова нужно посадить в лечебницу для душевнобольных.

Симпатичный следователь представил все дело так, что Уграфов отделался только годом условного тюремного заключения. Это наказание отбывается так, что приговоренный возвращался в часть, и, если до окончания службы он не совершит ни одного серьезного проступка, то наказание прощается; если же он вновь совершит какой-нибудь проступок, то должен отбыть прежнее наказание и за второе дело уже судиться с применением всех строгостей. Всякое пребывание под судом и следствием, как и арест свыше восьми суток, – вычеркивается из службы, и это время нужно дослужить по окончании нормального срока службы.

По возвращении Уграфова из тюрьмы мы убеждали его воздерживаться от пьяных скандалов, чтобы не пришлось потом служить лишнее время. Некоторое время он крепился, но потом опять начал пьянствовать и, в конце концов, вторично попал под суд за избиение арабского бригадира. На этот раз он был приговорен к полутора годам дисциплинарного батальона, и мы его совершенно потеряли из виду. По всей вероятности, бедняга плохо кончил.

Вторым буяном был казак Полковников, как хороший работник, находившийся под покровительством Адъютанта. Напившись, он произносил жалобные монологи о своей печальной судьбе. Однажды он в городе подрался с какими-то французами и на следующий день был приведен с городской гауптвахты в совершенно растерзанном виде. Отсидев положенное время, он образумился, и с тех пор подобных случаев с ним не повторялось.

Был еще между нами один запойный, в обычное время – спокойный и тихий человек и прекрасный работник. Адъютант ценил его как лучшего садовника. Когда же на него находил приступ болезни, он превращался в зверя и для удовлетворения своей потребности не останавливался даже перед продажей казенных вещей. Пришлось нам самим принимать меры, чтобы бедняга не попал в беду. Удалось убедить Адъютанта в том, что у него пьянство – есть проявление болезни, и что он совершенно не может отвечать за проступки, совершаемые им в это время. Адъютант поверил нам, и, как только у несчастного начинался запой, мы сами запирали его и держали взаперти до тех пор, пока он не говорил, что его больше на вино не тянет. После окончания припадка он не прикасался к вину в течение нескольких месяцев, пока не начинался новый.

Еще одним печальным явлением среди нас был барон В. Он большей частью исполнял обязанности дневального по бараку и исполнял их весьма добросовестно. Об его сумасшествии знали все, и никто его не беспокоил. Помешательство у него было психическое, и никому он не делал вреда. Он очень любил возиться с водой. Иногда часами он переносил воду в котелке от умывальника к своему бараку, выливая ее на землю около входной двери, и затем опять шествовал за новой порцией, чтобы проделать то же самое. Один раз мы застали его за самым странным занятием. Он сидел на земле и с самым сосредоточенным видом вымазывал себе глиной ботинки. Оказалось, что он собирался идти в отпуск и таким странным образом чистил себе их.

В наших казармах была небольшая кантина, принадлежащая молодому сирийскому арабу, которого все называли Махмудка. Когда мы прибыли в Бейрут, весь его магазин заключался в небольшой плетеной корзине, с которой он появлялся каждое утро и скромно садился у края дороги, не рискуя заходить внутрь расположения эскадрона. Между молодым двадцатидвухлетним арабом и русскими почему-то сразу установились прекрасные отношения. Все русские стали покупать всякую мелочь, как то: мыло, зубной порошок, сигареты и так далее, исключительно у Махмудки. Прежде всего его обучили произносить по-русски самые невероятные ругательства. Ученик оказался способным и по прошествии недели встретил своих новых друзей отборной русской руганью. Вслед за русскими у Махмудки начали покупать и французы, так что клиентура у него росла и росла. Какими-то одному ему ведомыми путями Махмудка проник к Адъютанту и через него получил в свое распоряжение небольшое помещение во втором дворе, где он немедленно завел горячий чай и начал готовить яичницу и другие несложные блюда, отвечающие вкусам русских посетителей. Когда мы получили премию, по пятьсот франков каждый, Махмудкина торговля расцвела, и этими деньгами было положено начало его благосостояния. Способности, не только торговые, у Махмудки оказались недюжинные. Через три месяца он очень бойко говорил по-русски, а через полгода научился читать и писать. Все русские у него пользовались кредитом, и не было случая, чтобы Махмудке кто-нибудь не отдал долга. Он с вполне основательной гордостью показывал всем книгу, в которой записывались его должники: книга состояла из трех частей соответственно трем национальностям, составляющим эскадрон, причем русская часть книги была написана по-русски, французская – по-французски и арабская – по-арабски. С нами он говорил исключительно по-русски и в умении ругаться достиг такого совершенства, что ему свободно мог позавидовать любой старорежимный боцман. Верхом триумфа Махмудки был день, когда его перевели в новое помещение, специально для него построенное, на главном дворе. В этот счастливый для него день он всех русских угощал бесплатно чаем и яичницей. Когда я уезжал из Бейрута, то есть после шестнадцатимесячного пребывания в эскадроне, магазину Махмуда мог позавидовать любой мелкий торговец из города.

Наконец, должен еще упомянуть об одном равноправном члене нашего общежития, пользовавшегося всеобщей любовью и самыми нежными заботами. Это была небольшая собака – Бобка. Кто-то из наших пришел однажды из города, приведя с собой небольшого белого щенка. Вскоре он завоевал себе самую нежную любовь и, благодаря своим способностям к разным фокусам, расположение Адъютанта. Удалось добиться позволения держать его в будке, и с тех пор Бобка валялся целыми днями на наших кроватях и уничтожал мясные порции своих хозяев. Куда бы мы ни шли – он всюду нас сопровождал и не отставал от нас ни на шаг.

Несмотря на хороший климат Бейрута, константинопольское сидение давало себя знать все сильнее и сильнее на состоянии моего здоровья. Когда на подушке после сна стали оставаться зловещие кровавые пятна, пришлось идти в околоток, уже не в качестве переводчика, а больного. Доктор, после подробного осмотра, немедленно отправил меня в госпиталь. Попал я туда около двух часов дня, совершив переезд от околотка на автомобиле, в обществе одного француза и двух арабов. В приемной нас принял какой-то сержант, который отправил меня с французом в одну палату, а арабов – в другую. Оказалось, что все цветные помещаются всегда отдельно от европейцев. Палата, в которую нас ввели после выдачи всего госпитального, кроме туфель, взамен которых оставляются солдатские ботинки, оказалась очень просторной, светлой и чистой комнатой. Вдоль стен тянулись ряды кроватей, блистающих необыкновенной чистотой. Над каждой кроватью был укреплен полог очень мелкой канвы, так называемый «мустикер». Встретила нас довольно пожилая сестра милосердия. Когда она прочитала в бумагах, пришедших вместе со мной, что я – русский офицер, то страшно всполошилась,

заахала и заохала. В первый же день мы очень долго проговорили с ней, а впоследствии – очень подружились. Она приносила мне французские книги для чтения, показывала различные фотографии и всячески защищала от нападок и грубостей санитаров.

В день прибытия мы только смотрели, как ели старые больные, так как вновь прибывшим никакой еды не полагается, ибо продукты получаются из интендантства по утрам и строго по количеству наличных к этому времени больных. Конечно, трудно поверить, что при количестве больных, достигающем 2–3 сотен, нельзя накормить лишних 10 человек. В этом, как и во многих других случаях, формалистика и буквоедство во французской армии превыше всего, а в особенности, здравого смысла.

Часов в шесть вечера сестра милосердия, пожелав всем спокойной ночи, ушла из палаты, и, как оказалось, с этого момента до шести часов утра больные оставались на попечении солдат-санитаров. Дежурного врача не полагается, и только в исключительно важных случаях за ним посылается санитар. Нужно принять во внимание, что степень важности определяется самими санитарами. Санитар же – простой солдат, ничем не отличающийся от строевых. В уходе за больными они ничего не смыслят и вообще, по большей части – это наглые, распущенные и обленившиеся солдаты.

Кроме санитаров-французов, в каждом госпитале имеется несколько санитаров-тонкинцев, так называемых анамитов. Это люди маленького роста, по внешнему виду очень похожие на японцев. Зубы они красят себе каким-то черным веществом, что они делают для красоты. В большинстве они – очень безобидные, изумительно чистоплотные и набожные. Обращенные в католичество, становятся ревностными католиками, в массе же остаются верными буддизму. Все анамиты служат в армии или санитарами, или денщиками. В строю их не бывает совершенно. Такой санитар был и в нашей палате, и чистота, так поразившая меня, поддерживалась исключительно им. Французы-санитары, которых было двое, или играли в карты с больными, или спали.

Наутро пришла вчерашняя сестра милосердия и поставила всем градусники; нужно сказать, что градусники ставятся не под мышку, как обычно взрослым людям, а как маленьким детям. Затем тонкинец разнес всем неизменный черный кофе, содержания и качества, как в казармах. После этого началась генеральная уборка палаты под руководством сестры милосердия. Часам к десяти все начали оправлять простыни и одеяла, и вообще, вся палата имела необычайно взволнованный вид. Сосед мой сообщил мне, что ожидалось прибытие необычайно важного начальства – доктора, в чине капитана, неплохого человека.

Наконец стоявший у дверей санитар крикнул: «Идет!» – и вся палата замерла. Больные, вчера казавшиеся бодрыми и крепкими, лежали теперь с самыми скорбными и несчастными лицами.

Через несколько мгновений в дверях палаты появился довольно молодой человек, в безукоризненно белом халате, окруженный многочисленной свитой сестер и санитаров.

Обход палаты продолжался очень недолго. Доктор остановился только около новых больных и очень тяжелых, которых в нашей палате было трое, мимо остальных он проходил, ограничиваясь полувопросительным возгласом: «Ca va? Хорошо?» Когда кто-нибудь жаловался на что-нибудь, он с нетерпеливым выражением лица выслушивал жалобы, иногда прикладывал ухо к спине больного, обязательно через салфетку и, пробормотав что-то, понятное исключительно старшей сестре, шедшей за ним с книгой больных, направлялся дальше.

После его ухода все пришло в движение. Лежавшие за минуту перед этим почти без движения вскакивали и торопливо одевались под воркование нашей сестры, у которой напряженное выражение лица сменилось обычным благодушным.

Остальная часть дня прошла очень оживленно. Больные играли в карты и сидели тихо только в присутствии сестры. Стоило ей отлучиться хоть на минуту, как все приходило в движение. Одни возились, другие закуривали, третьи начинали свистеть и петь самым бесцеремонным образом, совершенно не обращая внимания на тяжелобольных.

В первый же день своего пребывания в госпитале я познакомился со всеми больными нашей палаты. Все они смотрели на меня, как на редкостного зверя, случайно оказавшегося между ними. Некоторые останавливались около моей постели и подолгу простаивали, не спуская с меня глаз. Другие не стеснялись обмениваться вслух мнениями на мой счет, очевидно, не представляя, что северный варвар может понимать их язык. К концу дня любопытство всех было удовлетворено, и меня оставили в покое. Все это были молодые люди призывного возраста, отбывающие воинскую повинностью. Большинство политически были очень левого направления, и почти все – атеисты. На религиозные темы они разговаривали очень часто, причем в этих разговорах было больше всего кощунственного. Еще любимой темой была военная служба, на которую они смотрели, как на кару небесную. Из их разговоров я узнал об ухищрениях, которые ими пускаются в ход, чтобы остаться на несколько лишних дней в госпитале. Так, например, один из них натощак выкуривал десять сигарет подряд, отчего язык его покрывался белым налетом. Его лечили от какой-то желудочной болезни необычайно строгой диетой, которую он стоически переносил. При этом надо сказать, что служба его была очень нетрудная, так как он был писарем в каком-то штабе, и, что смешнее всего, на службу он поступил добровольцем, заключив контракт на пять лет. Так как, кроме белого языка и истощенного вида, у него никаких объективных признаков болезни не было, его время от времени выписывали из госпиталя, но через несколько дней он ухитрялся снова возвращаться обратно. Такие «больные» составляли большинство населения нашей палаты.

Тяжелобольные страдали очень тяжелой формой лихорадки. Один из них был очень плох, и смерти его ждали с минуты на минуту. Он лежал неподвижно, безучастно смотря на все окружающее, и шепотом отвечал на вопросы, обращенные к нему. Как мне рассказывали другие, этот несчастный заболел лихорадкой уже год тому назад.

В Сирии вообще все иностранцы заболевают лихорадкой обыкновенно в конце мая или в начале июня. Обыкновенно приступ болезни длится три дня, почему и лихорадка эта имеет соответствующее название – «трехдневная». У некоторых по прошествии восьми дней, считая от окончания первого припадка, она снова повторяется и начинает периодически возобновляться. В таких случаях, по закону, нужно, по возможности, скорее такого больного отправлять в другую колонию или на территорию Франции, так как при перемене климата лихорадка эта проходит бесследно. При невыполнении этого требования припадки делаются все чаще и чаще, и наконец человек умирает. В самом Бейруте и в прилегающих к нему местах это исполнялось весьма пунктуально, и четверо русских, служивших в нашем эскадроне, после третьего припадка были отправлены в Африку.

В отдаленных же местах колонии на это не обращают внимания и держат на фронте больных до полного изнурения. Такова же была судьба описываемого мной больного. Его привезли в Бейрут в таком состоянии, что об отправке во Францию не могло быть и речи, так как он не вынес бы и одного дня пути. В нем поддерживали едва тлеющую искорку жизни в надежде, что он настолько окрепнет, что сможет совершить переезд во Францию. Обыкновенно такое чудо не случается, и несчастные больные остаются навсегда в Сирии благодаря бездушному отношению как строевого, так и медицинского начальства.

Дня через два после моего прибытия в нашу палату ввели двоих русских из нашего эскадрона. Один из них был Павлов – переводчик, о котором я уже писал,

другой – тоже очень малосимпатичный человек, Манявский. Ему было около 35 лет, но производил он впечатление дряхлого старика. Седой, как лунь, с совершенно беззубым ртом, тощий и дряхлый, он представлял собой живую рекламу строгости медицинской вербовочной комиссии легионеров в Константинополе. Одержим он был, кажется, всеми существующими в мире болезнями и еле-еле влачил ноги. Называл он себя полковником мирного времени и даже носил орден Святого Георгия, но по всему было видно, что все это он себе присвоил без всякий оснований, так как вообще производил впечатление очень малоинтеллигентного человека. По-французски он не говорил, но несколько слов знал и всюду, где бы ни появлялся, произносил громогласно, ударяя себя в грудь: «Я – полковник», чем производил потрясающее впечатление на всех окружающих французов. Это был несчастнейший человек в мире, так как он не мог прожить дня без наркотиков, которые употреблялись им в невероятных количествах. Одновременно он был морфинистом, кокаинистом и опиумистом. Для того, чтобы достать наркотическое средство, он не останавливался ни перед чем и с поразительной находчивостью приспосабливался к любой обстановке. Даже в госпитале он не оставался без них, несмотря на то что выходить из него было, безусловно, запрещено всем больным.

Сначала я очень обрадовался приходу русских, но вскоре пришлось пожалеть об этом, так как оба вели себя очень скверно и вызывали вполне заслуженные насмешки со стороны французов. Всем они рассказывали о своих неимоверных богатствах, оставленных в России, и о своем прежнем положении. Ко всем этим рассказам французы относились не особенно доверчиво, и только наша милая сестра принимала все за чистую монету и воздевала к небу руки.

В один из первых же дней в палате появилась довольно оригинальная фигура монаха-иезуита. Это был старик с огромной седой бородой, одетый в широкое коричневое одеяние. До войны он был первым штаб-офицерским чином (комендант), но, потеряв в каком-то несчастье всю свою семью, вышел в отставку и постригся в монахи. Все солдаты называли его «pere Alix». Весь остаток своей жизни – ему было около 70 лет – он посвятил служению больным солдатам. Каждый день он навещал какой-нибудь госпиталь, не останавливаясь и перед очень отдаленными от центра пунктами. Всем больным он раздавал сигареты и подробно расспрашивал о службе и семейных делах. Многие обращались к нему с самыми разнообразными просьбами, и он, по возможности, исполнял их, являясь заступником и ходатаем перед высшим начальством, среди которого у него было много друзей. Узнав от сестры, что мы – русские, он подошел к нам и долго разговаривал с нами о положении России.

Впоследствии во время моих скитаний по госпиталям Сирии мне часто приходилось встречаться с ним, и он неизменно бывал мил и внимателен ко мне. По воскресным и праздничным дням он служил мессу в каком-нибудь госпитале. В этих случаях он обходил палаты, звоня в маленький звоночек, и приглашал всех ходячих больных на мессу. Обычно это был глас вопиющего в пустыне, так как никто не желал идти на службу, и ему приходилось совершать ее в обществе прислуживавшего тонкинца и 2–3 зашедших от скуки больных. Однажды на мессу зашел я, вместе с Павловым. Месса происходила в маленькой часовне, отобранной французами вместе с госпиталем у немецкого женского лютеранского монастыря. На мессе присутствовали, кроме нас двоих, два араба, один немец и один тонкинец. К концу службы пришел еще один француз-санитар. Тем не менее по окончании службы pere Alix произнес громовую речь нам о значении католичества в мире с таким подъемом и пафосом, как будто бы перед ним была громадная аудитория. Однако из всех слушателей могли оценить по достоинству его речь только трое, остальные же, по незнанию языка, только любовались его жестами.

Госпитальная жизнь текла нудно и однообразно, как, впрочем, и во всех госпиталях всего мира. Каждый день доктор прибегал к палате, изредка останавливался около чьей-нибудь постели. Тяжелобольной скончался, не

дождавшись чудесного исцеления. С удивлением мы узнали, что во время пребывания в госпитале нам полагается только половинное содержание. Но и это благо относится только к Сирии и другим колониям, находящимся на военном положении, а в Алжире и Франции больные совершенно не получают жалованья. Французы не особенно страдают от этого, так как почти каждый из них получает деньги из дома, но для нас это лишение было очень чувствительным. Почему-то только в этом случае мы действительно были приравнены к французским солдатам, а во всем остальном равенство осталось на бумаге, написанной рукой генерала Бруссо.

К концу второй недели моего пребывания в госпитале к нам приехала комиссия врачей под председательством врача в чине полковника. Еще за день до этого события переполох в госпитале был страшный. Дело в том, что эта комиссия объезжает госпиталя один раз в месяц и распределяет больных по категориям. В первую категорию попадают больные, признанные по состоянию своего здоровья непригодными для продолжения службы в Сирии, и отправляются по месту жительства: французы – во Францию, арабы – в Алжир. Там им дают отпуск или совершенно освобождают от службы. Попасть в число этих счастливчиков – мечта каждого, но, конечно, попадает в нее очень маленький процент. Во вторую попадают поправляющиеся, но еще неспособные нести службу. Их отправляют в «maison de convalescence», долженствующий изображать собой нечто вроде санатория. Наконец, третья категория или выписывалась из госпиталя, или оставлялась в нем для дальнейшего лечения. Легионеру попасть в первую категорию было, пожалуй, еще труднее, чем арабу или негру, но Манявский решил добиться этого во что бы то ни стало.

При входе комиссии в палату все больные постарались изобразить собой олицетворение страдания, но увы, направляла комиссия распределения по категориям исключительно по бумаге, не осматривая никого. После ухода комиссии сестра огласила назначения. Манявский, Павлов и я были назначены в санаторий. Вместе с нами должны были ехать еще человек пять из нашей палаты, в числе которых был курильщик сигарет натощак. Сестра нам всячески нахваливала обстановку, в которую мы попадем, и старалась утешить Манявского, который не скрывал своего разочарования таким результатом.

На следующий день, рано утром, всех, назначенных в санаторий, посадили в автомобили и повезли на вокзал. В поезде для нас был оставлен отдельный вагон, так что путешествие мы совершили с большим удовольствием. Пока поезд не начал подниматься в гору, мы ехали посреди апельсиновых и лимоновых рощ. Через полчаса пути начался подъем, и сразу же ландшафт изменился. Вначале подъема еще встречались пальмы, но скоро они исчезли и уступили место чахлым колючим кустарникам. Поезд поднимался в гору при помощи третьей зубчатой колеи, находящейся между двумя обыкновенными, и шел все время зигзагами.

Через 3 часа пути нас высадили на маленькой станции, одиноко стоявшей на середине подъема. У вокзала нас ожидали два санитарных автомобиля, которые должны были совершить 2 рейса, чтобы захватить всех прибывших, так как нас было человек 30. Через 15 минут езды мы прибыли в небольшое местечко с очень сложным арабским названием, которое совершенно ускользнуло из моей памяти.

Все оно было расположено на горной террасе, на склоне горы. Вид оттуда – чудесный, перед глазами расстилается бесконечная даль моря, а за спиной громоздятся горы.

Дом, к которому нас подвезли, совершенно не гармонировал с этими красотами, так как представлял собой громадную мрачную казарму. Внутренности его еще меньше соответствовали тем расхваливаниям, которые расточала наша госпитальная сестра милосердия. Комнаты были огромные, вмещавшие в себе по сто кроватей, очень высокие и с маленькими окнами, через которые проливался весьма

скудный свет. Нам удалось попасть в одну из боковых палат, гораздо меньших размеров.

В этом госпитале почему-то не соблюдалось разделения больных на европейцев и «цветных», так что в нашей комнате лежало человек пять арабов. Такое соседство мне очень не понравилось, так как к этой расе я всегда чувствовал отвращение. Режим в этом госпитале отличался гораздо большей свободой, и больным разрешали отходить довольно далеко от помещения, заходить в лавки местечка и так далее.

Мы с первого же дня не замедлили воспользоваться этой свободой и очень быстро свели знакомство с жившими в местечке православными арабами. Мы были первыми русскими, приехавшими сюда после окончания войны, и поэтому наше прибытие произвело колоссальный фурор среди православных. Я лично был в трех домах и всюду видел портреты государя императора и августейшей семьи. До войны здесь была русская школа, и местное население очень полюбило тех русских, которые приезжали сюда. При воцарении французов русофильству был положен предел, школа была закрыта и русский учитель – изгнан. Но сохранилась все-таки православная церковь, которую нам удалось посетить благодаря царящей в госпитале вольнице. У Манявского и Павлова сейчас же зародилась идея воспользоваться хорошим отношением к нам местных жителей и бежать при их помощи в Палестину. Я их не особенно поддержал в этом направлении, и дальше мечтаний и предположений это дело не пошло.

Как оказалось при ближайшем знакомстве, госпиталь состоял из целого ряда строений, отдаленных друг от друга довольно значительным расстоянием. На все это колоссальное заведение полагался один только врач. Понятно, что он не имел никакой физической возможности осматривать всех больных, и поэтому утренний обход еще больше походил на пустую формальность, чем в Бейруте.

Был один небольшой павильон, в котором находились тяжелобольные, и там они пользовались некоторым вниманием и уходом. Все же остальные были предоставлены благодетельному влиянию чистого горного воздуха и лучам солнца.

Доктор наш отличался необыкновенной грубостью и резкостью. Однажды во время обхода больных он так выругал одну из сопровождавших его сестер милосердия, что она расплакалась. Правда, в его выражениях было больше всего абсолютно непечатных слов. Манявский всеми силами старался привлечь его внимание на себя, и скоро это ему удалось. Он несколько раз устраивал у себя какие-то сердечные припадки и требовал к себе сестру милосердия. В конце концов та осмелела и обратила на него внимание доктора. Манявский, по всей видимости, произвел своим внешним видом неотразимое впечатление на доктора, так что он стал заходить в нашу комнату чуть ли не каждый день и все выслушивал и ощупывал его со всех сторон. В результате Манявский был переведен в павильон для тяжелобольных и, таким образом, уже находился на пути к освобождению от службы, так как из этого павильона почти все назначались на отправку из Сирии. Как говорили, это был самый трудный шаг, так как почти всех эвакуированных легионеров в Алжире освобождают от службы.

В этом госпитале я впервые столкнулся с неграми, оказавшимися, при ближайшем знакомстве, очень милыми людьми. Целыми днями они сидели на самом солцепеке, закутанные в шинели. В горах, конечно, не так жарко, как внизу, в Бейруте, но все же температура не опускалась ниже двадцати пяти градусов Цельсия, что казалось им страшным холодом. Говорят негры на очень своеобразном французском языке, в предложениях которого часто не бывает ни подлежащего, ни сказуемого. Понимать их очень легко, и каждый француз, будь то солдат или офицер, разговаривая с негром, старается подделаться под их жаргон. Видя к себе человеческое отношение со стороны белого, они мгновенно становятся преданными, как собаки, и стараются угодить всеми возможными средствами.

Впоследствии мне пришлось лежать в палате, в которой, кроме двенадцати негров и меня, никого не было. Я очень быстро с ними подружился и снискал к себе их доверие тем, что немного поговорил с ними об их далекой родине. Они были восхищены таким вниманием европейца и решили выказать мне свою симпатию тем, что отдавали мне свою порцию вина. С трудом удалось им втолковать, что я – болен и пить ежедневно шесть литров вина не в состоянии. Никак только я не мог объяснить им, что такое Россия, так как они знали только о существовании Франции, Германии и Англии. В конце концов, они решили, что это – колония Франции, в которой очень холодно.

Между собой негры говорят большей частью по-французски, так как каждое племя говорит на своем особенном языке. Племен же у них, негров, множество, и мне редко приходилось встречаться с неграми, разговаривавшими между собой на своем родном языке. Есть, однако, несколько слов, общих всем племенам, – это, во-первых, «гоби», что означает «господин», и «амани» и «акани», что означает «хорошо» и «скверно». Всех негры в армии, начиная от главнокомандующего и кончая последним рядовым, называют «гоби», также называют и они сами себя. «Гоби», по крайней мере, – те, которые служат в армии и несколько месяцев пообтерлись «в свете». Негры необыкновенно чистоплотны и моются по несколько раз в день. Правда, несмотря на это чистое умывание, они всегда сохраняют свой особенный характерный запах, но так как палата, в которой я лежал с ними, была высокой и большой комнатой, то я не особенно страдал от этого. В особенности же они любят чистить себе зубы. Почти каждый из них имеет зубные щетку и порошок и по несколько раз в день начищает свои и без того ослепительно белые зубы. Вообще они все свое свободное время проводят, не расставаясь с деревянной палочкой, конец которой обращен зубами в мочалку, и этой мочалкой без устали трут себе зубы.

В армии негры являются необыкновенно ценным материалом для несения караульной службы. Поставленный на пост «гоби» никогда не заснет и безропотно простоит лишних три-четыре часа. Вообще же они очень затурканы разным французским начальством, но бить себя не позволяют, и такие попытки со стороны некоторых французских сержантов оканчивались для этих последних весьма печально. Еще когда мы были в Константинополе, недалеко от нашего лагеря произошел следующий случай: около входа в одно казенное учреждение был поставлен часовой-негр с приказом никого постороннего через этот вход не пропускать. Какой-то французский капитан, ведя под руку даму, решил пройти именно этими дверями. Часовой преградил ему путь, что очень не понравилось капитану, и он ударил негра стеком. «Гоби», недолго думая, проткнул ему грудь штыком, и своевольный капитан поплатился за свою невоздержанность и недисциплинированность жизнью.

По словам французов, участвовавших в Великой войне, негры абсолютно не выдерживают артиллерийского огня, и ими пользовались большей частью как чистильщиками траншей. Чистка эта не совсем обычная и заключалась в том, что во время атаки, после взятия французами какой-нибудь траншеи, непосредственно за прошедшими вперед цепями в нее направлялись негры, которые вылавливали уцелевших в лисьих норах немцев и, по большей части, их убивали. Для этой цели негры вооружены специальными ножами, имеющих вид мясных топориков, которыми разрубают кости в мясных лавках. Эти ножи носятся неграми в кожаных футлярах за поясом и довольно красноречиво называются ими «coupe-coupe». Эти самые же французы рассказывали мне, что немало раненых немцев переселились в лучший мир при помощи этих топориков.

Служили негры в армии, совершенно не зная срока окончания своей службы. Набирают их тоже довольно оригинально, определяя на глаз возраст. Служат же они до тех пор, по всей вероятности, пока их физиономия не надоест ближайшему

начальству. Конечно, существуют законы на этот счет, но, зная порядки французской армии и полную бесконтрольность низшего начальства, можно смело сказать, что злоупотреблений в этом отношении сколько угодно.

Исключением из этого правила являются негры-мадагаскарцы, отличающиеся от всех остальных более светлым оттенком кожи и гораздо большей культурностью. Мадагаскарцы служат исключительно в артиллерии и считаются вообще равноправными французскими гражданами.

В нашем госпитале большинство больных негров были туберкулезными. Один был с оторванной в бою с бедуинами ногой. Его наградили за это военной медалью, и он радовался ей, как дитя, совершенно забывая о своей искалеченности. Медицинский персонал очень мало беспокоился о судьбе этих взрослых детей, и многие из них погибли.

Медицинская комиссия, распределяющая больных по категориям, посетила и наш госпиталь. К тому времени я сильно окреп и поправлялся благодаря изумительно благоприятному горному климату, так что рассчитывать на первую категорию мне не приходилось, и я совершенно не был удивлен, когда был назначен в третью категорию, для возвращения в часть.

Француз-курильщик, к великому же нашему удивлению, был предназначен для отправления во Францию и, конечно, радовался этому необычайно. Манявский тоже попал в первую категорию и отправлялся в Алжир. Мы же с Павловым в тот же день, к вечеру, покинули госпиталь и были в эскадроне.

Манявский в Алжире попал в довольно грязную историю. По приезде в Оран, в котором находились главные госпиталя Алжира, он подвергся различным испытаниям, в результате которых был признан окончательно негодным для несения службы, а поэтому подлежал увольнению, не ожидая истечения контракта. Все эти испытания и осмотры длились около месяца, и у него истощился запас взятых с собой из Сирии наркотиков. Промучившись без них довольно долгое время, он решился наконец на крайнее средство и проник в госпитальную аптеку, откуда ему удалось вынести некоторое количество морфия. По истощении взятого запаса он снова попытался пополнить его оттуда же, но был пойман заподозрившим кражу фельдшером. Из госпиталя он сразу же попал в военную тюрьму и был судим военным судом. На суде ему необычайно повезло, так как его оправдали, принимая во внимание состояние его здоровья. Так как к тому времени все проволочки с освобождением от службы были закончены, то его отпустили на свободу, и он даже устроился где-то во Франции.

За время моего отсутствия из эскадрона, продолжавшегося около полутора месяцев, там произошел первый крупный скандал на денежной почве. Каждому подписавшему контракт на пять лет в Легионе французское правительство обязывается уплатить премию в размере пятисот франков, которые выплачиваются в два срока: первые двести пятьдесят выдаются сразу же по прибытию в часть, а вторые – по прошествии четырех месяцев. Нас же продержали в Константинополе больше двух месяцев без всякого денежного содержания, обещая, что как премия, так и денежное жалованье за это время мы получим по прибытии к месту службы. Прибыли мы в Бейрут, и прошло уже больше месяца, а жалованье за старое время и премия все еще не выдавались. Наконец терпение у наших лопнуло, и на одной из поверок они заявили Адъютанту, что на работу они не пойдут до тех пор, пока не будут уплачены положенные деньги. Это было заявлено в такой категоричной форме, что Адъютант растерялся и вызвал командира эскадрона. Капитан прибыл, весьма взволнованный и рассерженный, и начал кричать и топать ногами. Однако, видя упорство и непоколебимость русских, сбавил тон и в конце концов пообещал сделать все возможное для ускорения выдачи денег. Все, за исключением троих, самых упорных, пошли на работу, а эти трое, после долгих уговоров и увещеваний, не сдавшись, попали под арест. На все уговоры они отвечали, что служат не по

долгу, а по контракту и так как одна из сторон не исполняет взятых на себя обязательств, то и другая этим самым освобождается от своих.

Просидели они под арестом восемь суток, но деньги были выданы через три после этого инцидента. Выдали только первую половину премии, сказав, что за время пребывания в Константинополе мы получим немного погодя. Впоследствии, несколько раз мы поднимали этот вопрос, и наконец нам прочитали официальное разъяснение главного французского командования в Константинополе, что нам за время, проведенное в константинопольском лагере, денежного довольствия не полагается. Это – явное беззаконие, ибо совершенно противоречит смыслу контракта, в котором черным по белому напечатано, что с момента его подписания легионер пользуется всеми правами и преимуществами французских солдат.

Получено это разъяснение было тогда, когда мы уже привыкли ничему не удивляться, и все прошло довольно тихо и спокойно. Да и как можно было еще удивляться чему бы то ни было после того, как мы узнали из писем попавших в Африку друзей, что они там получают только семь с половиной франков в месяц вместо обещанных ста! Мы же, получая жалованье, совершенно не подозревали, что получаем около ста франков в месяц только благодаря военному положению, объявленному в Сирии, и считали, что так и должно быть. На самом же деле из всех десяти тысяч русских, поступивших в Легион, только пятьсот человек, случайно попавших в Легион в Сирию, получали то, что было обещано французскими властями. Думаю, что слово «мошенничество» будет самым подходящим для определения этого поступка.

Только по прошествии трех лет легионер получает первую прибавку в размере пятнадцати или двадцати франков в месяц, точную цифру не помню, но для того, чтобы получать сто франков в месяц, надо прослужить, вероятно, не менее сорока лет. Имел ли именно это в виду генерал Бруссо, печатая свои анонсы, или что-нибудь другое, мне не известно. К концу первого года службы в Сирии, нам тоже было уменьшено содержание наполовину.

После получения премии в казармах началось нечто невероятное и невиданное для французов. Легионеры каждый вечер уходили в город, где посещали лучшие рестораны, в которые разрешено было ходить солдатам. К казенному вину, не говоря уже об обеде, никто не притрагивался. К девяти часам вечера к воротам казарм подкатывали, один за другим, автомобили, из которых вылезали легионеры с самым независимым видом. Участились столкновения между русскими и всяким начальством, благодаря чему помещение карцера бывало всегда переполненным. В бараках зашипели примусы, и жившие с нами в бараках французы быстро познакомились с русской кухней и, главным образом, с нашим национальным спиртным напитком, к которому некоторые очень привыкли и поглощали в таком же количестве, что и наши. Пьянство не каралось особенно строго, если только оно не сопровождалось каким-нибудь из ряда вон выходящим скандалом. К сожалению, в таковых недостатка не было, и поэтому отношение к нам начальства сильно испортилось. Акции арабов поднялись, и их бригадиры жужжали, как осенние мухи, не давая никому покоя. Первые двести пятьдесят франков пролетели в течение двух-трех дней, но так как вторые были получены почти что следом, да еще между этим было выдано очередное жалованье, кутеж, в общей сложности, продолжался около двух недель.

Приблизительно в это же время один из маршаллей чуть-чуть не поплатился очень серьезно за свою невоздержанность. В нашей партии, прибывшей из Константинополя, находились двадцать семь чеченцев, державшихся несколько обособленно от всех остальных. Они свято соблюдали свои обычаи, не пили вина, не ели свинины и так далее. Многие из них почти совсем не говорили по-русски, так что французам приходилось объясняться с ними посредством двух переводчиков; кто-

нибудь из нас переводил с французского на русский, а чеченец-переводчик уже с русского переводил на чеченский.

Французы решили, что чеченцы в русской армии находились на том же положении, что арабы во французской, и попробовали применить к ним меры воздействия, бывшие в ходу в отношении арабов.

Один маршалль за какой-то пустяк ударил чеченца стеком. Этот кинулся на него с кулаками, вне себя от бешенства, и его с трудом удалили остальные. Поздним вечером, после вечерней поверки, в кактусах, окаймлявших дорогу, ведущую из города в казармы, двое русских заметили какие-то фигуры, прятавшиеся в тени. Приглядевшись, они разобрали, что это были наши чеченцы. Оказалось, что они ждали возвращавшегося из города оскорбившего их товарища маршалля, чтобы отомстить за обиду. Все двадцать семь человек были налицо, вооруженные кто палкой, кто камнем. С трудом удалось убедить их отложить месть до более удачного времени, причем разошлись они только после обещания старшего русского переводчика уладить все это дело миром.

На следующее утро старший переводчик переговорил с маршаллем и убедил его в том, что чеченцы – совершенно не то же самое, что арабы, и бить их очень рискованно. Маршалль оказался славным малым и извинился перед всеми чеченцами. С тех пор такие случаи больше не повторялись.

Вообще, надо отдать справедливость чеченцам, вели они себя образцово, за исключением одного – Магомета, который пьянствовал и скандалил. Они его чуждались и презирали, не считая его своим. Был между ними один мулла. Это был на редкость симпатичный и тихий человек. В положенное время он становился на молитву, невзирая на окружающую его обстановку. Все остальные почитали его за старшего, и приказания муллы исполнялись беспрекословно. Свои мусульманские праздники они справляли очень торжественно. Французское начальство всегда их освобождало в эти дни от работ, и они устраивали в своем бараке обед из традиционной баранины. На обед приглашалось начальство и некоторые русские, которых они уважали как старых кадровых офицеров. Приглашенных они угощали шампанским.

Изумительно трогательно было их отношение к России. Однажды поздно вечером, проходя мимо чеченского барака, я увидел одного из них, сидевшего на пороге. Он что-то тоскливо мурлыкал себе под нос. Я спросил его, отчего он такой грустный, на что он мне ответил: «Скучаю, в Россию хочу!» Это дало мне повод поговорить с некоторыми французами о колонизаторских способностях французов и русских. Они принуждены были согласиться со мной, что для арабов Алжир и Франция совершенно не слились в одно целое, тогда как наши же горцы, говоря о родине, совершенно не разделяют Кавказа от России. И никогда Франция не будет родиной для арабов, ибо французы в своих колониях возбуждают к себе только ненависть туземцев. Наши горцы, несмотря на единство веры с арабами, держались вдалеке от них, и всякие попытки сближения оканчивались ничем. С русскими же, за редкими исключениями, отношения были прекрасные. Но особенно тесную связь они поддерживали с чеченцами, поселившимися около Дамаска еще со времен покорения Кавказа. Как я узнал впоследствии, все наши горцы с их помощью дезертировали и исчезли бесследно.

Припоминаю я еще один скандал, в котором участвовали все русские, и при этом так единодушно и решительно, что начальство принуждено было пойти на уступки. Дело произошло из-за общего любимца, Бобки. После водворения его в наших казармах наше начальство начало тоже заводить себе щенят, так что собачье население очень сильно возросло. Участь этих щенят была очень печальная. Продержав щенка некоторое время, хозяин его собирал друзей, и после основательной выпивки все участники упражнялись в стрельбе из револьвера, причем целью служило несчастное животное. Такое дикое и кровожадное

развлечение удивляло нас, но в еще большей степени возбуждало презрение к этим людям. Не знаю случая, чтобы русские солдаты забавлялись какими-нибудь мучениями и смертью выхоленного ими животного, и вряд ли кто-нибудь может привести подобный пример. Однажды недалеко от нашего барака один за другим послышались два выстрела, и через мгновение в барак влетел с ужаснейшим видом окровавленный Бобка. Находившиеся в бараке, не сговариваясь, сразу же выбежали и бросились в ту сторону, откуда доносились звуки выстрелов. Там оказался наш маршалль-шеф, беспечно перезаряжавший револьвер. Увидев разъяренную толпу, мчавшуюся на него, он бежал, проявив несвойственную его комплекции и положению прыть, и заперся от преследователей у себя в комнате. Простояв около дверей, толпа, испустив из себя весь запас известных ей французских ругательств, пересыпанных самой отборной русской руганью, разошлась, но дела этого так не оставила. Бобка оказался довольно легкораненым, в бок, и очень быстро поправлялся. На следующий день выбранная легионерами делегация отправилась к командиру и в довольно категорической форме заявила ему, что свою собаку мы убивать не позволим, а если ее нельзя держать, то пусть нам скажут.

Капитан обратился за разъяснениями к самому полковнику, а мы, со своей стороны, попросили одну из дам-патронесс подействовать на него так, чтобы решение было благоприятным для нас. Через несколько дней пришло распоряжение, в силу которого пребывание Бобки становилось вполне законным, и, таким образом, жизни его перестала грозить какая бы то ни была опасность. После своего выздоровления умный пес совершенно не переносил всех унтер-офицеров (французов) и при виде какого-нибудь маршалля забивался под кровать и злобно рычал оттуда. Расстрел щенят продолжился, но к Бобке все начальство, после приказания полковника, относилось почтительно.

Дезертиры

«В Легионе жажда строительства – живое семя жизни. Она проистекает из инстинкта этих утративших свои корни людей, которые не могут иначе удовлетворить свою неосознанную потребность, как только кладя камень на камень» (Брюнон Ж., Маню Ж. Иностранный легион, 1831. 1955. М., 2003. С.332.).

Было у нас несколько случаев дезертирства, после которых ко всем русским применялись исключительно репрессивные меры. Мечтой каждого было как-нибудь вырваться из неволи до истечения контракта. К этому вели только два пути: госпиталь и бегство. Вначале мы думали, что каждый эвакуированный из Сирии, в Алжир, обязательно освобождается там от службы, но вскоре пришлось в этом разубедиться. Не говоря уже о том, что для того, чтобы попасть в число эвакуированных, нужно было быть действительно серьезно больным, в Алжире далеко не все отпускались со службы. Шансов на эвакуацию у большинства не было, и наиболее решительные и предприимчивые люди избирали второй путь.

Первый случай дезертирства произошел еще в горной роте. Исчезло сразу четверо русских, захвативших с собой карабины с патронами. Инициатором этого бегства был офицер военного времени Ладзин, человек очень решительный, с наклонностью к авантюризму, и не останавливавшийся ни перед чем для достижения намеченной цели. Я его хорошо знал, так как жил с ним в одном бараке в константинопольском лагере. Еще тогда он не скрывал своего намерения бежать и очень радовался, что попал в Сирию, так как рассчитывал по сухопутному пути добраться до Персии, в которой побывал во время Великой войны.

Путь свой они направили в сторону Турции, от границы которой их отделяло всего-навсего сто километров. На второй день пути они оказались окруженными отрядом жандармов, посланных за ними вдогонку, однако беглецы не сдались и вступили в перестрелку с преследователями. В результате боя, происшедшего в горах, было убито два жандарма и, по слухам, два беглеца. Ладзину и еще одному

удалось скрыться, и долгое время они пропадали бесследно. Через два месяца после этого события двоих наших переводчиков, бывших в то время уже бригадирами, вызвали куда-то в город, откуда они вернулись крайне смущенные и взволнованные. Они рассказали по секрету некоторым из нас, что в городе их ввели в одну из тюремных камер, не говоря, зачем. Через некоторое время в эту камеру был введен Ладзин, страшно исхудавший и оборванный. За нашим переводчиком и за Ладзиным наблюдали несколько пар глаз сыщиков, но им, несмотря на неожиданность, удалось сохранить полное спокойствие и ничем не обнаружить своего знакомства. После этого их спросили, не знают ли они этого человека, и, получив отрицательный ответ, отпустили обратно в казармы. В скором времени Ладзин был опознан сержантом, вызванным в Бейрут, служившим в горной роте, и расстрелян по приговору военно-полевого суда.

Горная рота капитана Дюваля после этого случая была расформирована, и состав ее влился в прибывший к этому времени из Алжира батальон Иностранного легиона. Русских было приказано распределить по разным ротам и взводам. Батальон был отправлен на фронт, где очень быстро из русских вновь составили отдельные взводы. Эти взводы зарекомендовали себя во время боев с самой лучшей стороны, и начальство не могло ими нахвалиться. Один из русских был произведен в капралы и получил за отличия Военный Крест. Конечно, кончился поход, батальон был отведен несколько в тыл, и легионеры приступили к проводке шоссе по совершенно безлюдной и безводной местности. Отношение начальства, бывшее прекрасным во время боев, сменилось очень быстро на отношение тюремных надзирателей к каторжникам. Оружие было отобрано и выдавалось только отправлявшимся в караул. Однажды отличившийся капрал был назначен в караул, довольно далеко отстоявший от расположения батальона. Часовыми у него, числом двенадцать, были все русские. На другой день караул, пришедший на смену, не нашел никого ни в караульном помещении, ни на постах, и только в палатке лежало письмо, адресованное командиру батальона. Очевидно, письмо это содержало очень много горьких истин, так как содержание его никогда не оглашалось. За беглецами была спешно отправлена погоня из эскадрона спаисов и взвода конных жандармов. Отряд нагнал легионеров недалеко от турецкой границы и решил атаковать их. Конница была встречена ружейными залпами и потеряла несколько человек убитыми и раненными. На вторую атаку они не решились, и беглецы, никем не преследуемые, перешли турецкую границу. Дальнейшая судьба их мне в точности не известна. Говорили, что будто бы кто-то получил письмо от решительного капрала, писанного в Сербии, но так ли это – не знаю. Раненых в этой стычке арабов наши видели в госпитале и разговаривали с ними.

Третья попытка бежать была совершена из наших казарм. Бежали сразу 8 казаков. О готовившемся бегстве многие из русских знали, так что для нас это не явилось неожиданностью, начальство же наше было и удивлено, и возмущено выше всякой меры и начало изощряться в придумывании всяких мер пресечения к повторению подобных опытов. Мы лишались прежде всего некоторых наших привилегий. Первым делом были запрещены примусы. Их отобрали и заперли в вещевой склад. Связь между примусами и дезертирством – довольно странная и малообъяснимая. Затем было приказано убрать портреты покойного императора, украшавшие стены нашего барака. Начались бесконечные придирки к самым пустякам, на которые прежде не обращалось никакого внимания. За всякую мелочь русские попадали под арест, причем арестованные подвергались самым ужаснейшим пыткам. Их гоняли по три часа подряд по самому солнцепеку, заставляя то ложиться, то вскакивать, бегать, ходить и так далее, без передышки. Все это они проделывали в полном боевом снаряжении, к которому были прибавлены мешки с песком, надетые на спину. По прошествии трех часов их посылали на самые тяжелые работы, специально для этого изобретаемые кем-нибудь из начальства. Большей частью

изобретал их или Аджудан, или маршалль-шеф. Наблюдали за работами и экзерсисами или арабские бригадиры, или кто-нибудь из маршаллей, отличавшихся наибольшей ненавистью к русским. Несчастным арестованным выдавали вместо еды специально посоленный суп, который солил на их глазах сам Аджудан и только пол-литра воды в день. После трех суток такого режима самые здоровые и крепкие люди превращались в тени и еле волочили ноги.

Во время поверок каждый день читались различные приказы наставительного характера, а Адъютант, со своей стороны, произносил речи. Полковник, командир всех ремонтных эскадронов в Сирии, в приказе позволил себе написать фразу: «Русские, которые были подобраны из жалости на улицах Константинополя, вместо благодарности дезертируют, нарушая этим данное ими слово при заключении контракта». Интересно знать, почему именно русские были подобраны на улицах, а все остальные, принимавшиеся в Легион без документов и с более чем сомнительным прошлым, просто считаются добровольно поступившими на службу, без применения этих жалких и бесстыдных для офицера союзнической армии слов?! Также небезынтересно, почему французское командование считает себя вправе нарушать данные им обещания и вместе с тем требует их исполнения от заключившей контракт другой стороны! Все эти приказы переводились как на русский, так и на арабский языки, так что, видя такое отношение к нам со стороны начальства, арабы совершенно обнаглели и уже окончательно не давали нам покоя.

Наконец кого-то из наших «домашних богов» посетила блестящая мысль, как нас наказать самым чувственным образом: были уничтожены русские бараки, и нас всех разместили так, что постель каждого русского находилась между двумя арабскими. При этом арабам было вменено в обязанность следить за своим белым соседом и обо всем доносить по начальству. Жизнь при таких условиях становилась совершенно невозможной. Начались бесконечные ссоры и драки между русскими и арабами, и карцер все время бывал переполненным первыми. Простые солдаты и бригадиры-французы были также возмущены таким образом действия начальства, как и мы, но сами ничем, кроме слов сочувствия, не могли помочь нам в беде. Только через два месяца после поимки дезертиров были восстановлены русские бараки, и понемногу нам вернули все наши «привилегии». Арабы опять потеряли свое первенствующее значение, и жизнь потекла по-старому.

Казаки-дезертиры, не зная языка, не умея читать карт и не имея достаточного количества денег, попались после трехнедельного скитания по арабским деревням. Один раз они наткнулись на воинствующих бедуинов и еле-еле спаслись. Один из них, впрочем, попал в плен к бедуинам и пробыл там несколько дней. Его опускали на день в глубокий колодец, на дне которого выбегала вода тонкой струйкой. В колодезь опускали на веревках ведра, которые он должен был наполнять водой. Конечно, такая операция длилась очень долго, и его заставляли просиживать на дне колодца целыми днями. При переходе табора ему удалось бежать, и при встрече с первым же французским отрядом он принес повинную. Его присоединили к остальным семерым, которые тоже явились сами к французам, испугавшись возможности вторичной встречи с бедуинами. Все эти восемь человек по прибытии в Бейрут были препровождены под сильным караулом и в кандалах в наши казармы. Для них был специально приготовлен карцер-клетка из пустого каретного сарая, в который вместо недостающей стены была приделана решетка. Стерег их усиленный арабский наряд, и благодаря решетке каждое движение, производимое ими, было видно. Через неделю их перевели в городскую тюрьму, где они ожидали суда. Очевидно, что в наши казармы они были приведены исключительно для того, чтобы показать нам всем могущество и бдительность французской полиции и отбить охоту повторения подобного опыта у всех остальных. Вскоре после этого из наших казарм исчезли еще двое – чеченец и болгарин. Этот последний попал к нам совершенно случайно, выдавая себя за русского. Эти были умнее и скрывались в Бейруте у

знакомых до тех пор, пока их не перестали искать. Когда улеглось вызванное их бегством волнение, они благополучно переправились через английскую границу в Палестину. Это дезертирство не вызвало таких репрессий, как предыдущие, со стороны нашего начальства, вероятно, потому, что оба дезертира были нерусскими.

Наконец последний случай дезертирства был самым замечательным и по своему окончанию самым неожиданным. Был между нами один москвич – Мухин, человек интеллигентный. Характер у него был очень беспокойный и вместе с тем решительный, и своим беспокойством он доставлял немало хлопот нашему начальству. Он непрестанно лелеял мечту о побеге, но, сознавая всю трудность осуществления своего заветного плана из Бейрута, решил испробовать другой путь. Неожиданно для всех он подал рапорт о переводе в батальон Иностранного легиона, находившегося в то время на фронте. Получив такой странный рапорт, командир эскадрона потребовал его к себе и спросил о мотивах, побуждавших его к этому. Мухин заявил, что ему надоело мирное житье в тылу и он хочет немного повоевать. Капитан поверил, привыкнув к разным сумасбродствам русских, и, так как Мухин не был социалистом, протолкнул его рапорт дальше. Вслед за Мухиным подал рапорт такого же содержания еще один наш легионер. Вскоре они получили благоприятный ответ и расстались с нами. Мы сразу заподозрили, конечно, в чем тут дело и почему им так захотелось воевать. Действительно, очень скоро наши предположения оправдались, так как приблизительно через месяц после их отъезда было получено известие, что Мухин бежал. Второй его компаньон в последнюю минуту не решился на бегство. Дальнейших сведений о судьбе беглеца получено не было. Год спустя один из его близких друзей получил письмо, писанное Мухиным в Москве, в котором он описывал свое бегство. Бежал он вместе с одним легионером-немцем. В пустыне, которую им нужно было пройти, они попали в руки бедуинов. Использовав их как рабочую силу, бедуины решили в конце концов покончить с пленными. Каким-то образом им удалось бежать, причем они умудрились захватить с собой бедуинские винтовки. Дальнейший их путь до турецкой границы прошел совершенно спокойно. Турки приняли их хорошо, и, отдохнув, они направили свой путь через Кавказ в Центр России. В Батуме их арестовали и посадили в «Чрезвычайку», и дальше они совершили путь до Москвы, переправляясь из одной ЧК в другую. В Москве немец от истощения умер, а Мухин, просидев в тюрьме еще некоторое время, был выпущен на свободу. При мне других случаев побега русских из Сирии не было.

В апреле 1922 года у меня совершенно неожиданно начались сильные боли в области поясницы. Боли были настолько сильны, что несколько раз я терял сознание. Пришлось еще один раз совершить путешествие в автомобиле до госпиталя. Госпитальные порядки я знал хорошо и поэтому приготовился ничего не есть.

Дежурного врача, конечно, не было, и поэтому до следующего утра я был предоставлен сам себе. На этот раз я попал в хирургический госпиталь, блиставший еще большей чистотой, чем тот, в котором я лежал в 1921 году. Кое-как проспав, я дождался наконец утреннего визита. Доктор сразу же произвел на меня очень неприятное впечатление своей необычайной грубостью. Осмотрев меня, он отправил на рентген.

Идти сам я не мог, и меня отнесли туда на носилках. Рентгеновским кабинетом заведовал доктор в чине полковника. Помощницей у него была сестра милосердия, побывавшая в России; она знала несколько русских слов и очень хорошо отнеслась ко мне. В ожидании прихода доктора мы долго говорили с ней, вспоминая Россию, русские обычаи и так далее. Разговаривая с ней, я совершенно забыл о том, где и в каком нахожусь положении. Пришедшему доктору она, очевидно, что-то сказала обо мне, так как он принял меня на редкость хорошо и очень внимательно осматривал. Это был один из немногих случаев, когда я встретился с человеческим отношением, будучи «французским солдатом».

Произведя снимки, он отпустил меня, и я с сожалением, расставаясь с ним и милой сестрой милосердия, снова очутился в неприветливой палате. Больные и их разговоры мало занимали меня, и я был рад, что наша палата была почти пустой. Пролежав два дня на хорошей, мягкой постели, я почувствовал некоторое умиротворение своих страданий и наслаждался полным покоем.

Мое блаженство было нарушено нашим палатным врачом, который во время утреннего обхода, подойдя ко мне, прежде всего обозвал меня лентяем и негодяем. Я только удивленно смотрел на него, не ожидая услышать из уст врача эпитеты, расточаемые нам на конюшнях маршаллями. Доктор резко сорвал с меня одеяло и, не обращая внимания на гримасы, которые невольно появлялись на моем лице от боли, стал очень грубо осматривать меня.

По его приказанию два санитара поставили меня на ноги. Он посмеялся над моей изломанной фигурой (я не мог разогнуться в пояснице) и объявил мне, что выкидывает меня за дверь, так как я – симулянт и лентяй. Перед уходом из палаты он еще раз обругал меня совершенно непечатным словом и, отдав распоряжение об отправке меня в рентгеновский кабинет, наконец оставил меня в покое.

Меня отнесли в знакомое мне помещение, где я поспешил обо всем рассказать сестре милосердия. Она очень взволновалась и всеми силами старалась успокоить меня. Доктор-полковник опять очень любезно принял меня, снова очень тщательно осмотрел и расспросил о всех болезнях, которыми я был прежде болен. Второй раз он снимка не производил, сказав, что для него и так все ясно. Отпуская меня, он сказал, что я могу не беспокоиться, так как он примет надлежащие меры.

На следующий день во время утреннего обхода палатный врач ничего мне не сказал и только приказал сестре милосердия наблюдать за тем, чтобы я все время лежал, не вставая. Тон у него был мягкий и вид – несколько сконфуженный. Все последующие дни он очень любезно справлялся о моем здоровье и наконец в один прекрасный день объявил мне, что он представляет меня комиссии, как нуждающегося к отправке в Африку.

На следующий день была комиссия, которая утвердила его представление. Ехать я должен был с первым госпитальным пароходом, идущим в Марсель через Бизерту, который отправляется через две недели. Радость моя была безгранична, так как эта поездка давала надежду на возвращение к свободной жизни.

Вообще это пребывание в госпитале было гораздо приятнее первого, так как одновременно со мной лежало еще трое русских, милых и интеллигентных людей. Двое из них были из Легиона, с простреленными в боях ногами, а третьему, из наших казарм, лошадь ударом копыта повредила коленную чашечку. После утреннего визита мы собирались вместе и проводили так целые дни. Прибывшие из Легиона познакомили нас с жизнью русских в подлинном Легионе. Первое время после расформирования горной роты батальон Легиона находился в колонне. Так как «правильная война» в Сирии в то время не велась, то в глубь страны пускались целые отряды войск, которые проходили назначенные районы. Такие отряды называются колоннами и иногда составляются из трех родов оружия. Жители арабских деревень при приближении колонн исчезали все до последнего человека, так что по большей части французские войска находили совершенно пустые деревни. Такое стремительное бегство объясняется отношением французов к завоеванным народам. Вначале, когда жители еще не были знакомы с обычаями и правилами завоевателей, все оставались на местах. Уходили только молодые арабы, да и то не все, а только те, которые не хотели подчиниться иностранцам. Первые же деревни, занятые французскими войсками, были отданы в полное распоряжение солдат. Начались неистовый грабеж и насилия. В результате все бывало разграблено, женщины – изнасилованы, и несколько трупов – безмолвных свидетелей насаждения западноевропейской культуры – валялись на улицах деревни.

Познакомившись с этим приемом, жители перестали ожидать прибытия «несущих истинную культуру проповедников» и, забирая все, что можно было взять, заблаговременно исчезали. Временами арабы соединялись в довольно большие отряды и преграждали путь колонне; происходил бой, почти всегда оканчивавшийся победой французов, так как бедуины были очень плохо вооружены. Все же борьба с ними была трудная, так как бедуины прекрасно применялись к местности, и нередко десять-двадцать бедуинов причиняли большие неприятности колонне в несколько сотен человек. Бедуины – прекрасные стрелки, и большая часть ранений бывает или в голову, или в область живота.

Колонна, отправлявшаяся из какого-нибудь пункта, не имеет ни тыла, ни флангов. Вся местность кишела отдельными группами бедуинов, которые благодаря знанию местности были неуловимы. Поэтому всякий отставший почти неминуемо попадал в их руки и после всяких издевательств и пыток приканчивался ими. В маленьких колоннах, не имевших с собой значительного обоза, раненые бросались на произвол судьбы и, конечно, погибали. Один из лежавших вместе со мной в госпитале, будучи в колонне, натер себе ногу. Этот пустяк чуть-чуть не стоил ему жизни. По мере движения нога все больше и больше разболевалась. Он попробовал идти босиком, но это оказалось невозможным благодаря мелким камешкам, еще более изранившим больную ногу. Наконец нога так сильно разболелась, что он уже не мог идти с той быстротой, с которой следовала колонна. Его взводный сержант, видя, что он отстает, вынул из его винтовки затвор, отобрал патроны и, оставив коробку сухарей и флягу воды, предоставил его собственной судьбе. Не надо думать, что этот сержант являлся каким-нибудь особенно жестоким зверем. Если бы пропал легионер с винтовкой, в полной исправности и с патронами, то сержант был бы отдан под суд. Такой изумительно зверский закон отнюдь не применялся исключительно к легионерам или арабам, а в равной мере распространялся и на чистокровных французов. Необходимость этого правила диктуется нежеланием вооружить бедуинов. Возможно, это и очень разумно, но нельзя не удивляться такому изумительному бездушию. Много жертв этого закона раскидано в песках Сирии. К счастью рассказывавшего, батальон в тот же день, достигнув места ночлега, сделал дневку, так что он, добравшись туда к следующему утру, застал отряд еще на месте. Не будь такого счастливого случая, он бы погиб из-за такого, в сущности говоря, пустяка, как натертая нога.

Частенько колонны находили на своем пути обезображенные трупы отставших от предыдущих колонн людей. Большей частью у них были вырезаны половые органы и вставлены в рот. Бедуины одинаково ненавидели всех европейцев, не разбираясь в национальностях, и всех одинаково мучили. Ненависть эта легко объяснима манией французов держать себя в завоеванной стране.

Однажды рота, в которой служил рассказчик, проходила мимо пасшегося в стороне стада коров и овец. Арабы-пастухи никаких агрессивных действий не проявляли. Командир роты послал обходом в их сторону несколько разведчиков, которые произвели несколько выстрелов якобы в сторону колонны. Это послужило достаточным поводом для обвинения пастухов в нападении на отряд. Согласно действовавшему военному положению пастухи были на месте расстреляны, а стадо, как трофей, поступило в собственность находчивого капитана.

Во время походов 1921 года в этом батальоне было убито четверо русских и человек десять – ранено. Из рассказов о самом укладе жизни в батальоне я вынес впечатление, что нам, попавшим в эскадрон, жилось все-таки несколько лучше.

Навещавшие меня друзья из наших казарм сообщили мне, что получен приказ об откомандировании всех русских из эскадрона в батальон Иностранного легиона. К этому времени уже подходило окончание обязательного восемнадцатимесячного пребывания в Сирии. Каждый легионер, попавший в Сирию, по истечении восемнадцати месяцев имел право требовать отправления в Алжир. Начальство

нашего эскадрона стало усиленно хлопотать об оставлении русских на месте. Однако это не удалось, и было получено вторичное приказание. Волей-неволей приходилось им расставаться с хотя и бесплатными, но ценными работниками. Откомандирования русских из ремонта я не дождался, так как госпитальный пароход отправился второго июня.

В день отхода парохода к пристани подъезжали один за другим автомобили, из которых вылезали с радостными лицами солдаты всех национальностей и разных оттенков кожи. Судно оказалось настоящим госпитальным, отнятым французами у немцев по мирному договору.

При вступлении на пароход каждый солдат получал номер своей койки. Койки были расположены в два этажа, и спать было очень удобно. Населялся пароход людьми всех рас и наречий. С одной стороны, слышался гортанный говор арабов, с другой – своеобразный французский язык негров, там сюсюкали по-своему тонкинцы, и среди всего этого разношерстного гула слышался чистый русский язык.

Ехало нас трое – легионеров, и, кроме того, на пароходе оказались еще вновь записавшиеся русские легионеры, которых везли из Константинополя в главное депо легиона в Алжире. Познакомившись с нами, они жадно стали расспрашивать нас об условиях службы, и мы, к сожалению, ничем не могли их порадовать. В особенности их поразило жалованье, выдаваемое в Алжире, так как они ехали с надеждой получать сто франков. Таким образом, выяснилось, что еще два года после того, как были обмануты первые подписавшие контракт, французское командование продолжало заманивать легковерных.

Путешествие мы совершили вполне благополучно.

Все пять дней пути до Бизерты погода стояла изумительно тихая. Море не колыхалось. Изредка на горизонте виднелись острова. Мимо некоторых мы проходили довольно близко. Виднелись дома, и невольно думалось о тех счастливых, свободных людях, которые живут у себя дома, в привычной обстановке.

Один из матросов корабля рассказал мне, что, когда они везли легионеров из Африки в Сирию, при прохождении парохода мимо островов четверо легионеров-немцев бросились в море, рассчитывая вплавь добраться до суши и, таким образом, освободиться от ненавистного ига. Бросились они ночью, в бурную погоду, с таким расчетом, чтобы за ними не была послана погоня в шлюпках.

На шестые сутки наш пароход вошел в порт

Бизерты. Здесь сгружались все «цветные» войска и легионеры, а французы следовали дальше в Марсель. В порту мы прошли мимо остатков русского флота. Уныло стояли наши суда с ободранной броней и снятыми орудиями. На меня вид их произвел впечатление, как будто я проехал мимо кладбища, на котором похоронены мои близкие.

В Бизерте всех выгрузившихся отвели в госпиталь, расположенный в большом саду. Госпиталь состоял из отдельных маленьких бараков, в которых больные располагались по тридцать человек. Я попал в барак, в котором оказался единственным представителем белой расы, все же остальные были арабы. Остальные русские тоже попали в разные бараки и находились в таком же обществе. Обстановка и порядок дня были обычные – госпитальные. После утреннего визита мы сходились все вместе и, бродя по огромному саду, мечтали об освобождении. Мы знали, что находимся в Бизерте временно и нас в ближайшем будущем должны отправить в Оран. Когда это будет – никто нам не говорил, и приходилось запастись терпением. Из своих препроводительных бумаг я узнал название своей болезни, которое, конечно, ничего мне не дало. Я попробовал обратиться за разъяснениями к сестре милосердия, но она только пожала плечами и отошла, не сказав ничего. Доктора спрашивать мне, конечно, и в голову не приходило.

Наконец нам было объявлено, что на следующий день мы отправляемся. Рано утром нас отвели на вокзал и посадили в вагоны. С нашим же поездом везли

нескольких легионеров из конного полка, расквартированного в Тунисе, закованных в кандалы. Они отправлялись, по приговору суда, на каторгу. До Орана мы ехали 36 часов, сделав несколько пересадок. Поразила меня изумительная согласованность поездов – едва мы успевали вылезти из вагона, как подходил поезд, на который мы должны были пересаживаться.

Железная дорога проходила по изумительно живописной местности, пересекая горы.

На границе Туниса и Алжира – новая неожиданность: таможенный досмотр. Оказывается, нельзя что-то перевозить из одной области в другую, хотя обе они принадлежат одному государству.

В Оран мы прибыли поздним вечером. С вокзала нас всех направили в госпиталь. Помещение госпиталя – огромное, и первое впечатление, произведенное им, очень жуткое. Когда мы вступили во внутренний двор, за нами со скрипом захлопнулась тяжелая железная дверь. Привратник зазвонил связкой ключей, и получалось впечатление, что мы попали в тюрьму. У всех невольно понизился голос и вид был довольно растерянный.

По окончании неизбежных вопросов о профессии, летах и так далее и записи всего этого в разные книги нас повели по бесконечным лестницам в палаты. Таких огромных и высоких палат мне еще никогда не приходилось видеть.

К сожалению, нас, русских, опять разлучили, разделив по разным палатам. Комната, в которую меня ввели, благодаря своим размерам мне показалась совершенно пустой. Утром пришла сестра милосердия, которая манерой разговаривать с больными живо мне напомнила одного из бейрутских маршаллей, отличавшегося наибольшей грубостью. Меня она перевела в центр палаты, и я сразу же убедился, что первое впечатление «пустынности» было неправильное. Больных лежало человек тридцать, из коих четверо легионеров, не считая меня.

Доктор, пришедший к нам часов в одиннадцать, был очень мрачным и угрюмым. С больными он не разговаривал, ничего не спрашивал, но осматривал очень внимательно. Выслушав и выстукав меня со всех сторон, он отдал скороговоркой какое-то приказание и пошел дальше.

Через некоторое время после его ухода к моей постели подошла сестра милосердия с самым решительным видом и приказала мне лечь на живот. Я исполнил приказание и сейчас же почувствовал, что мне делают какое-то впрыскивание. На мой вопрос, от какой болезни мне это делают, она ответила, что от сифилиса. Я поспешил ей сказать, что никогда этой болезнью болен не был, но она приказала мне молчать, присовокупив, что все легионеры – мерзавцы и бродяги. Возражать, конечно, при таких условиях было невозможно, и каждый день приходилось подчиняться этой неприятной операции.

Только на четвертый день взяли мою кровь на исследование. Доктор каждый день осматривал меня очень внимательно, выслушивая, главным образом, область сердца. В госпитале лежало еще несколько русских легионеров. Все они были присланы сюда на испытание. Один из них, сибиряк родом, лежал в этом госпитале уже в третий раз. У него были камни в почках, но тем не менее уже два раза его отправляли обратно в часть как годного для военной службы. Он был отлично знаком с госпитальными порядками и в точности предсказал мне все, что меня ожидает. Узнав, что у меня для исследования взяли кровь, он поспешил принести свои поздравления с надеждой на освобождение. По его словам, вполне подтвердившимся впоследствии, у каждого легионера, прослужившего больше года и предназначавшегося к отправке, берут кровь, и исследование в девяносто девяти случаев из ста дает положительный результат. Объясняется это очень просто. По закону, каждый, прослуживший более года, при отставке по состоянию здоровья имеет право на пенсию. Это право теряется при нахождении сифилиса, так как считается, что потеря здоровья вызвана именно этой болезнью. Только в случае

какого-нибудь перелома, ранения или что-нибудь в этом роде исследование не делается и пенсия выдается. Некоторые из больных легионеров, болезнь которых не может быть точно установлена, посылаются в рентгеновский кабинет, которым заведовал в то время форменный зверь. Русские его прозвали «Чекистом», и этот эпитет как нельзя больше подходил к нему. Арабов он просто бил до тех пор, пока они не сознавались, что у них ничего не болит, к европейцам же он применял более утонченную пытку. Подозреваемого в симуляции он клал на стол, пропускал через него ток, постоянно усиливая его напряжение. При этом истязании он время от времени спрашивал, как себя чувствует больной и на что он жалуется. Некоторые выдерживали марку до конца и продолжали настаивать на своем. Не всем, конечно, это удается, и часто бывало, что даже и действительно больной обвинял себя в симуляции. В таком случае его выписывали из госпиталя с соответствующей препроводительной бумагой, так что по прибытии в часть он сразу попадал под арест.

Все эти рассказы еще более напрягали мои нервы, которые и так были натянуты до крайних пределов благодаря полной неизвестности относительно ближайшего будущего. С нетерпением ожидал я результата исследования крови, но, будучи подготовлен к этому, нисколько не удивился, узнав, что у «меня сифилис».

Впоследствии, уже будучи на воле, я нарочно сделал себе исследование в частной лаборатории, и в крови у меня ничего найдено не было.

После окончания исследования меня отправили в кабинет «Чекиста», порог которого я переступил с трепетом. Доктор, еще не старый человек, встретил меня руганью, сразу обозвав симулянтом. Я попробовал было заметить ему, что я прибыл из Сирии, где подвергался уже различным исследованиям, и что оттуда вряд ли могут прислать сюда без достаточных оснований для этого. На это я получил приказание молчать, приукрашенное несколькими неудобопроизносимыми эпитетами, и он приступил к производству снимка моего спинного хребта. Окончив процедуру, он отпустил меня, не забыв добавить на прощание, что если он не найдет никакого во мне органического недостатка, то я буду выкинут из госпиталя и отдан под суд за злостную симуляцию.

Однако несмотря на то что органического недостатка в моем хребте не было, из госпиталя меня не выкинули, так как палатный врач нашел у меня порок сердца и повреждение нерва в пояснице. Пока тянулись все эти исследования, прошло больше двух недель. За это время у меня произошло довольно крупное столкновение с нашей сестрой милосердия.

Это милое создание, ругавшееся не хуже, чем Адъютант Перальдис, изо дня в день заставляла исключительно меня подметать палату. Видя, что работать она заставляет исключительно меня, я возмутился и однажды наотрез отказался исполнять ее приказание. Она страшно раскричалась и грозила мне всеми земными и небесными карами. Чтобы прекратить поток ее красноречия, я заметил ей, что, как капрал, я вообще должен быть освобожден от всяких работ, а что нашивок не ношу просто потому, что не нахожу это нужным во время пребывания в госпитале. Ей пришлось замолчать, и она вышла из палаты, хлопнув со злости дверью. С тех пор она вынуждена была оставить меня в покое. Невероятно жестокое отношение медицинского начальства к больным легионерам может быть отчасти объяснено тем, что наибольшее количество симулянтов дает именно Легион.

Мне показали одну небольшую палату, находившуюся совершенно в стороне от всех остальных. В ней лежали больные, страдающие недержанием мочи. Воздух в этой комнате был ужасный. Помещались в ней только три человека – два немца и один мадьяр. Мне, как легионеру, они откровенно сказали, что никакой болезни у них нет и они просто симулируют. Раньше, чем попасть в госпиталь, они претерпели очень много. Посылали их спать в карцер, так как в казармах они отравляли существование всем остальным. Лежать им приходилось на полугнилых матрацах,

несколько раз их сажали под арест на целый месяц, но они все это стоически переносили, рассчитывая в конце концов добиться своего и получить отставку. В госпитале они лежали уже шестой месяц, причем два раза побывав в руках «Чекиста».

Вообще в этом госпитале мне пришлось познакомиться с самыми разнообразными способами уклонения от службы. Люди не останавливались даже перед членовредительством, лишь бы только избежать ненавистной службы. Один немец систематически вытравливал себе глаз, впуская в него какую-то жидкость. К тому времени, когда я познакомился с ним, он на один глаз уже ничего не видел. Другой впускал себе в ухо известку и почти совсем перестал слышать. Всего не перечесть. Такие способы, неприемлемые нигде в других местах, отчасти, может быть, объяснены условиями службы и жизни в Легионе и, главным образом, отношением всех окружающих к легионеру.

В прежнее, довоенное время Легион пополнялся почти исключительно преступниками и бродягами с маленьким процентом искателей приключений, банкротов и других неудачников. Между такими лицами был один из принцев Гогенцоллернов, умерший в Тонкине, как простой легионер. После его смерти туда был послан германский крейсер, который со всеми подобающими почестями перенес тело покойного на свою палубу. Предание об этом до сих пор хранится в Легионе, и, рассказывая эту историю, старые легионеры, еще помнящие «настоящий» Легион, почтительно понижают голос.

После войны пополнение Легиона совершенно изменилось. Занятие Прирейнской области французскими войсками вызвало колоссальный наплыв немцев, спасавшихся от безработицы и голода. В среднем в 1921–1922 годах каждую неделю в Оран прибывало из Европы семьдесят немцев. Крымская катастрофа дала Легиону около десяти тысяч русских. Вообще общее положение дел всех европейских стран с наступившей повсюду безработицей и дороговизной дало много новых солдат Французской Республике. Один полк, составлявший Легион до войны, развернулся, по ее окончании, в четыре пехотных полка и один кавалерийский. Вербовочное бюро работало на совесть. Говорили, что вербовщики получают по двадцать пять франков за каждого завербованного. В элементе прежних лет недостатка не было и теперь, но все же в общей массе они совершенно терялись.

С одним легионером старого закала мне пришлось столкнуться еще в госпитале. Служил он в Легионе пятнадцатый год и мечтал об отставке с усиленной пенсией по болезни. По национальности это был мадьяр. На меня он сильно косился, так как не мог простить мне капральских нашивок, слишком быстро, по его мнению, полученных. Кроме него, в нашей палате лежали еще два легионера-немца, молоденькие мальчики. Эти легионеры были очень тихие и запуганные и держались совершенно обособленно от всех остальных. Остальные больные нашей палаты были чистокровными французами, отбывающими воинскую повинность в разных регулярных полках. Они, конечно, вели себя совершенно так же, как и знакомые мне по сирийским госпиталям. Каждый день я ожидал от доктора какого-нибудь решения, но он все продолжал выслушивать меня, не говоря ни слова. Наконец он пришел со множеством бумаг, среди которых я узнал много прибывших со мной из Сирии, опять выстукивал и выслушивал и что-то отмечал в бумагах.

После этого доктор объявил мне, что сегодня же я отправлюсь в часть. Меня это сильно огорчило, так как я ожидал решения своей судьбы именно теперь. В канцелярии госпиталя, куда я явился перед отправлением, секретарь просмотрел мои бумаги, очень обнадежил меня, сказав, что у меня такой диагноз, с которым на службе не оставляют. В часть же я отправляюсь только потому, что только полковой доктор может представить солдата на комиссию. Ехать нужно было в городок Сиди-бель-Аббес – главное депо легиона, находившееся в четырех часах езды от Орана.

На место я прибыл поздним вечером. Всех прибывших из Орана на вокзале встречал сержант, проведший нас в казармы. Первое впечатление у меня было очень сумбурное, так как меня сразу оглушил гул и гам. Когда нас ввели во внутренний двор казарм, как раз приближалось время вечерней поверки и легионеры толпами гуляли по огромному плацу, окруженному семиэтажными домами.

Нас ввели в одно из зданий по широчайшей, заплеванной лестнице и развели по комнатам. Попав в комнату, я сразу был поражен таким разноязычным говором, какого мне еще не приходилось слышать. Тут говорили на всех языках, существовавших в мире. Так, под этот говор, я и заснул, утомленный всеми предшествовавшими волнениями.

Утром проиграла труба, появился неизменный черный кофе, и все сошли вниз на поверку. Попал я в роту, через которую проходили все вновь прибывающие, возвращавшиеся из тюрьмы, госпиталя и так далее. Беспорядок царил колоссальный, и никто не знал наличного состава людей. В этой роте никаких занятий не вели, и легионеры исполняли разные работы в казармах и в городе. И здесь процветали различные работы вроде уборки садов, чистки картофеля и тому подобное в учреждениях, не имевших непосредственной связи с Легионом. Прямо против нас выстраивалась на плацу учебная команда, подготовлявшая капралов. Такой стройной, дисциплинированной части мне еще не приходилось видеть во французской армии. Невольно я залюбовался чистотой ружейных приемов и общим видом действительно настоящей воинской части. С изумлением увидел я, что почти одновременно с солдатами появлялись офицеры, вступавшие на свои места. Другие роты, строившиеся невдалеке от учебной команды, во многом уступали ей своим внешним видом, но все же были более чем удовлетворительны.

Меня, как и всех вновь прибывших, оставили в покое, не назначив ни на какие работы. Мы должны были идти в околоток, на врачебный осмотр. Приближалась решительная минута, от которой зависела моя судьба.

В ожидании визита я остался на лестнице, наблюдая за снующими взад и вперед легионерами. У некоторых старых легионеров нередко не только руки, но и лица были покрыты татуировкой. Многие были совершенно седыми, и вид у них был самый зверский. От нечего делать я стал читать объявления, покрывавшие стены. Все объявления были сделаны на немецком, французском и русском языках.

Около десяти часов нас повели в околоток. Больных, записавшихся из разных рот, было видимо-невидимо. Из кабинета врача временами слышались выкрики. Это меня нисколько не удивило, так как с докторами я имел возможность познакомиться довольно близко. Увидев всю массу людей, пришедших на прием, нужно было войти в положение доктора, и его крайняя нервозность становилась вполне объяснимой. Каждый день ему приходилось осматривать больше сотни больных, из которых добрая половина была совершенно здорова. Некоторые ходили к нему чуть ли не каждый день. Таких он еще от дверей встречал бранью. Осмотреть внимательно всю эту массу он не имел никакой физической возможности.

Наконец очередь дошла до меня. Доктор углубился в чтение моих бумаг, затем, взглянув на меня, кивнув в мою сторону головой, что должно было означать, что я больше ему не нужен. Опять я оказался в полной неизвестности, совершенно не имея возможности даже предположить о том, что меня ожидает. Неизвестность слишком долго мучила меня, и я впал в полное уныние.

Это уныние сменилось приливом бурной радости, когда на дневной поверке мне объявили, что я назначен на комиссию для освобождения от службы. Комиссия должна была быть через неделю в Оране, при том же госпитале, в котором я лежал.

В эти 6 дней ожидания я разыскал многих знакомых и несколько пригляделся к окружавшей меня обстановке. Большинство легионеров, находившихся в Сиди-Бель-Аббесе, являлись временным элементом, вернувшимся из походов в Марокко и Сирию.

Вновь поступившие, предназначенные на комиссию для освобождения и другие остаются там до распределения по местам. Постоянными же являются кадры учебной команды, кадры роты молодых солдат, писаря, музыканты и прочая нестроевая команда.

Всего население казарм достигает несколько тысяч. Кроме Легиона, в городе стоят еще конные спаисы, других частей нет. Гарнизонную службу несут, конечно, легионеры.

Большинство населения города – арабы. В городе – масса мелких ресторанов и кабачков. Жители живут, главным образом, за счет легионеров, и поэтому все более или менее применяются к их вкусам и потребностям. В Бель-Аббесе вновь завербованные получают свою премию в 500 франков, и все эти деньги остаются в руках местных жителей. За получившими премию новичками увязываются два-три старых легионера, которые ходят с ним повсюду, в качестве гидов. Они пьют и едят на его счет, так, что деньги пропиваются в течение нескольких дней. Конечно, такими гидами почти всегда бывают соотечественники новичка.

В казармах имеются два кантина: один – для сержантов, другой – для простых смертных. Даже и в солдатской продается вино. После получения жалования, в кантине творится нечто невероятное.

Пьянство идет почти поголовное. Молодые легионеры, еще не отслужившие первых трех лет, не могут позволить себе такой роскоши, так как получают слишком ничтожную сумму, но старые служаки, подписавшие второй или третий контракт, два дня после получки не протрезвляются. Во время пьянства вспоминаются давно прошедшие времена, когда, по словам старожилов, был «настоящий» Легион, а не теперешнее собрание молокососов.

В доброе старое время легионеров выпускали за ворота казарм только два раза в месяц. Перед их выходом в город горнисты играли особый сигнал, которым жители оповещались об этом. Все частные жители, не ведущие торговлю продуктами, потребляемыми легионерами, запирались в домах, так как выпущенные на свободу нередко предавались различным бесчинствам. Легионное начальство не отвечало за поведение своих питомцев, если только они не преступали известных границ, и только обязывалось предупреждать население о выходе их в город. Каждый неосторожный и излишне доверчивый в случае какого-нибудь несчастья должен был пенять на самого себя. Теперь ничего подобного не было. Легионеры выходили в город каждый день и вели себя благопристойно. Всех, нарушающих общественные тишину и порядок, забирал патруль, целый вечер расхаживавший по наиболее бойким местам, и препровождал в казармы. Тем не менее жители по старой памяти избегали вступать в какие бы то ни было сношения с легионерами, кроме торгующих. Обзавестись знакомством для легионера в городе было совершенно невозможно. Эта всеобщая отчужденность и презрение особенно были тяжелы нам, русским, не чувствовавшим за собой никакой вины.

Каждый четверг на городской площади играл симфонический оркестр Легиона. Говорят, что он занимает второе место между всеми оркестрами Франции. В этом оркестре было очень много наших, русских. Вообще желающих попасть в музыкальную команду – всегда очень много, так как им живется гораздо лучше, чем всем остальным. Благодаря этому у капельмейстера – большой выбор, и набирает он только действительно ценных музыкантов.

В строевых ротах ведется очень много занятий, и недаром Легион славится своей дисциплиной. В боях легионеры – незаменимые солдаты, и ими пользуется французское правительство, куда только может, сует их; можно смело сказать, что как боевой материал иностранные полки – самые лучшие во французской армии. И Алжир, и Марокко завоеваны, главным образом, руками иностранцев. И подумать только, как дешево достаются французам люди, которые гибли и гибнут за Францию. Легионеры не только завоевывают Франции новые колонии, но и исполняют

всевозможные работы, которые бы иначе потребовали огромных затрат. Как только какую-нибудь часть можно снять с позиции, ее сейчас же вооружают лопатами, кирками и заставляют проводить дороги, срывать старые укрепления, строить новые и так далее. В бездействии и на отдыхе легионер не бывает никогда. Как только новозавербованный пробудет 4 месяца в Сиди-Бель-Аббесе и научится прилично делать ружейные приемы, его посылают или на войну в Марокко, или в какой-нибудь отдаленный гарнизон, где производят работу.

Война в Марокко идет все время, то вспыхивая, то снова немного затихая. Совсем она никогда не прекращается. Война эта безжалостна и упорна с обеих сторон, но об этом не пишут. Да и не стоит это предавать огласке, так как призывные французы в этой войне не принимают участия. Ведут ее легионеры, арабы-алжирцы, негры и французские колониальные полки. Эти полки составлены из волонтеров.

Большей частью молодому человеку, совершившему какое-нибудь незначительное преступление, вместо тюрьмы предлагают подписать контракт в колониальный полк. При более тяжком проступке контракт подписывается в легион. Вот что мне рассказал по этому поводу один француз-легионер.

Он скрывался от полиции, которая разыскивала его за какое-то совершенное им преступление. Такое житье надоело ему, выехать из города он не рискнул и решил поэтому записаться в Легион, так как этот выход обеспечивал его от преследований полиции. В бюро записи ему задали обычные вопросы: имя, фамилия, профессия и национальность. Когда на последний вопрос он ответил: французская, вербовщик предложил ему подождать недели две, так как француз может быть принят только после урегулирования дел с полицией. Видя замешательство волонтера, он поспешил успокоить его, сказав, что можно начать опрос сначала, так как из всего сказанного ранее он ничего не помнит, а лист – потерян. Все это было откровенно до цинизма, так как лист лежал на столе с занесенными уже ответами. Тогда новый легионер выдумал себе другое имя и фамилию и назвался бельгийцем. Ему сейчас же выдали листок о приеме, и он спокойно прошел на сборное место, откуда отправляли солдат в Африку.

Из Легиона выдачи нет. Только французский подданный в случае какого-нибудь очень тяжелого преступления, например, убийства, выдается, по опознанию, властям. В виде компенсации за такое ограничение французы-легионеры получают жалованье больше на тридцать франков в месяц, чем все остальные. Большинство французов, служащих в Легионе, числятся по какой-нибудь другой национальности. По окончании службы такой «иностранец» имеет право, как прослуживший в Легионе больше пяти лет, принять французское подданство. Таким образом, он ничего не теряет, кроме пяти лет, проведенных в Легионе, а так как фамилия у него – совершенно новая, то все старые грехи остаются без возмездия.

Был при мне один случай, когда француз, служивший, как иностранец, решил восстановить себя в подданстве. Он прослужил больше трех лет и рассчитывал получить больше тысячи франков, так как ему должны были вернуть разницу в содержании за все истекшее время. Пришлось ему при подаче рапорта дать все сведения о месте жительства и так далее. Начальство запросило полицию в его родной деревне, и оттуда немедленно пришло приказание арестовать подавшего этот рапорт. Оказалось, что полиция давно уже разыскивала его за целый ряд преступлений. Трудно объяснить себе такое легкомыслие. Очевидно, он рассчитывал, что за давностью лет о нем все забыли, и поэтому рискнул на такой шаг.

Легионеры новой формации, прибыв в Легион, немедленно начинают мечтать или о побеге, или об освобождении по болезни. Слишком уж неприглядна легионерская обстановка, она так сильно расходится с тем, о чем так гладко напевают вербовщики. Удается совершить удачный побег или получить освобождение по состоянию здоровья лишь немногим единицам. Но мечтают об

избавлении от легионерской службы, в том числе и о побеге, все. Почти каждый день в Бель-Аббесе происходят побеги. Большей частью это кончается неудачно. Успех затрудняется, главным образом, тем, что жители за выдачу получают денежное вознаграждение, и поэтому беглец окружен врагами со всех сторон.

Однако иногда это предприятие кончается удачно. Такой случай произошел при мне, когда я ожидал второй комиссии. Так, между первой и второй врачебными комиссиями был интервал в четыре с половиной месяца. Вызвана была эта задержка тем, что затребовали мои бумаги из Бейрута, которые никак не могли прийти в Бель-Аббес. За это время мне пришлось исполнять обязанности старшего в комнате караула. Среди массы людей, разнообразных как по национальности, так и по прежнему общественному положению, был один чех, очень интеллигентный и симпатичный. Я с ним довольно близко сошелся, и он видел во мне не начальника-капрала, а товарища по несчастью. Он рассказал мне о своих планах, весьма подробно, так что я все время был в курсе дела. В каждой партии вновь прибывающих он разыскивал кого-нибудь, кто как-нибудь сохранил у себя в порядке все частные документы. Наконец ему удалось найти молоденького немца, у которого на паспорте была даже виза на обратный въезд в Германию из оккупированной французами местности. Уговаривать немца долго не пришлось, и он уступил все свои документы за пятьдесят франков. Через своих родственников, прибывших из Европы для спасения члена своей семьи, он обзавелся штатским костюмом, купил себе заранее железнодорожный билет до порта Алжира и в один прекрасный день, перед уходом в отпуск, попрощался со мной навсегда. Побег этот удался, так как через неделю после его исчезновения я получил открытку из итальянского порта, куда он выбрался без всяких приключений. Этот чех был, конечно, в исключительно благоприятных условиях, так как у него были родственники и были деньги.

Ни того, ни другого у рядового легионера нет, и бежит он, имея девяносто восемь шансов на неудачу. Наказание за побег – от одного года тюрьмы до пяти лет каторжных работ. На фронте в Марокко – смертная казнь. После первой попытки и отбывания наказания обычно устраивается второй побег, и, таким образом, французское правительство получает бесплатного работника. Вообще на службе стараются задержать любым способом. Простому солдату обещают при возобновлении контракта нашивки капрала, капралу – сержанта. Эти обещания большей частью не реализуются, и после второго контракта легковерный так и остается в прежнем звании. Если же кто-нибудь согласится возобновить контракт, требуя авансом обещанного, то его производят. После заключения сделки, если он не оказался соответствующим своему новому положению, придираются к какому-нибудь пустяку, раздувают его в огромное дело, и честолюбец разжалывается в простые солдаты.

Вообще при окончании срока службы каждому приходится держать ухо востро, ибо вместо воли можно легко попасть под суд. Всякое начальство становится неимоверно придирчивым. Правда, в последнее время такие случаи становятся все реже и реже, и многие теперь оканчивают службу совершенно спокойно.

Самоубийство – тоже один из способов кончить службу раньше срока. К этому тоже прибегают довольно часто. Кое-кто из наших соотечественников тоже прибег к этой мере.

При мне были следующие случаи самоубийств. Один русский бритвой перерезал себе горло; немец, посланный на комиссию для освобождения по состоянию здоровья, был на ней признан годным и по возвращению в казармы выпрыгнул из окна с высоты 7-го этажа. Один француз-сержант прострелил себе грудь из винтовки. Кроме этого, было еще два случая отравления молодых немцев, но обоих удалось спасти. За четыре с половиной месяца – 5 случаев я думаю, более чем достаточно.

Старые легионеры не дезертируют, не стараются освободиться от службы и самоубийством не кончают. Они вполне довольны своей судьбой и совершенно не представляют себе возможности жить вне Легиона. Многие из них после 15 лет службы выходят в отставку, но через месяц или два вольной жизни они возвращаются в Легион. Друг друга они отлично знают, и поэтому такой возвращенец встречается всеми остальными очень шумно и радостно. Между собой старые легионеры всегда говорят по-французски, вернее сказать, на особом солдатском жаргоне. Это считается высшим шиком».

Воспоминания Гиацинтова Э.Н. о службе во Французском иностранном легионе «Белые рабы», часть вторая

Данный документ содержится в Государственном архиве Российской Федерации: ГА РФ. Ф.5881. Оп. 2. Д.311. Лл.1–9. Этот источник позволяет читателю подробно ознакомиться не только с пребыванием русских «солдат удачи» за рубежом в 1920-е гг. прошлого столетия, но и с жизнью, а также историей Французского иностранного легиона вообще.

«Вне стен Легиона для них жаргон существует лишь постольку, поскольку он им представляет возможность развлекаться. Всем нелегионерам они отплачивали тем же презрением, каковое видно с их стороны. Рассказывая о боях, в которых они участвовали, они неимоверно хвастаются и врут. Но гордиться своей частью, как лучшей боевой единицей французской армии, они в полном праве.

Основателями Легиона являются немцы. С самого начала существования Легиона (1831 г.) и по сие время немцев в Легионе больше, чем всех остальных. Во время Великой войны немцы были оставлены на Марокканском фронте, все же остальные были на Западном. Однако немало нашлось таких немцев, которые волонтерами пошли на Западный фронт и провоевали там до самого окончания войны.

За 20 лет службы каждый легионер получает Medaille Militaire (Военная Медаль). Эта награда дает много ценных льгот, из которых самая главная – это прибавка к содержанию и право не присутствовать на вечерней поверке. За 35 лет службы выдается орден Почетного легиона. Счет лет службы производится за вычетом времени, проведенного под судом, и всяких наказаний, превышавших 8 суток ареста. Поэтому награжденных бывает очень мало. При мне был один старик, дослуживавший 33-й год. Он был ламповщиком. Со своими лампами, которых было больше сотни, он разговаривал, как с живыми людьми, накладывал на них взыскания и так далее. Вообще это был человек абсолютно ненормальный, который, к тому же, никогда не протрезвлялся.

С одним старым легионером я познакомился довольно близко, так как он вместе со мной путешествовал по комиссиям из Сиди-Бель-Аббеса в Оран и обратно. Это был очень неприятный и беспокойный для начальства человек, и поэтому его освободили против воли. В прошлом de Bierre был ксендзом. Почему и как он попал в Легион, не знаю, да и легионерская этика не позволяет задавать подобных вопросов. Неопытного новичка, обратившегося с подобным вопросом, могут и поколотить. Однако известно, что Де Бьирре никакого преступления не совершал, так как служил под своей настоящей фамилией. Он происходил из хорошей семьи и все время поддерживал связь со своими знатными родственниками. Когда я с ним познакомился, он служил уже двадцать шестой год. В отличие от всех себе подобных он мало пил и не разрисовывал себя татуировкой. Главное беспокойство начальству он приносил тем, что писал статьи о порядках Легиона. Нередко он писал пространные прошения непосредственно военному министру, за что неизменно попадал на тридцать суток под арест. Освобожден от службы он был вместе со мной и вместе же со мной прибыл в Марсель. Однако на воле он остался очень недолго, и через месяц снова подписал новый контракт. Несомненно, этот человек был

действительно ненормальный, так как, несмотря на свое образование и воспитание, он все-таки предпочитал Легион свободной, независимой жизни.

Заслуживает особого внимания странная, чисто каторжная мода, имеющая в лице старых легионеров, ярых последователей, – это татуирование. Татуировка покрывает не только торс и руки, но татуируют и лица. Я знаю одного старика, у которого даже веки были покрыты очень искусным цветным рисунком. У одного была на лбу вытатуирована надпись огромными буквами, так, что при прикладывании руки к козырьку, получалось совершенно неприличное слово, ибо продолжение этой надписи было сделано на ладони. Старики наказания переносят стоически и нисколько не печалятся, попадая в тюрьму. От некоторых буянов начальство старается как-нибудь отделаться, кроме сего, не разрешает им возобновлять контракт. Не желая покидать родных для них стен дома, они пускаются на разные штуки, лишь бы только оттянуть на несколько дней вынужденную разлуку. Средством к этому служит совершение какого-нибудь проступка, за который полагается не меньше 30 суток ареста. Правда, некоторые перебарщивают и в результате попадают в тюрьму. Но и тюрьма им милее, чем жизнь на воле.

Описывая жизнь и нравы Сиди-Бель-Аббеса, нельзя обойти молчанием устройство карцера, в котором сидят легионеры, арестованные в дисциплинарном порядке. Это совершенно обособленный городок, окруженный со всех сторон высоким каменным забором. Здания расположены квадратом, посредине которого находится небольшой плац. Все помещение разделено на 86 отдельных камер. Пол в камерах – каменный, нары – железные, откидные. Неограниченным владыкой над всем этим маленьким мирком с его переменным составом является сержант, корсиканец родом. Он никогда не расстается с револьвером и хлыстом внушительных размеров. Сержант этот жил там же, и, таким образом, арестованные всегда находились под его неусыпным надзором. Арестованные вставали на полчаса раньше всех остальных, и после носки кофе сразу же начинались экзерсисы (наказания). Эти экзерсисы заключаются в следующем: каждому надевается за спину мешок с песком, и затем, выстроив всех по четыре, начинают гонять по солнцепеку с шести утра до одиннадцати дня. Если кто-нибудь падает от изнеможения, его приставляют к стенке и дают некоторое время отдышаться. На обед они получают все то же, что и все остальные, за исключением мяса и вина. Раз в неделю их водят под душ, причем это сопровождается такими предосторожностями, как будто бы ведут мыться чрезвычайно важных государственных преступников. Их окружают со всех сторон человек двадцать часовых с примкнутыми штыками, и никому не позволяют приближаться ближе, чем на двадцать шагов. Постороннему наблюдателю никогда бы не могло прийти в голову, глядя на всю эту процедуру, что он видит перед собой солдат, виновных в самых незначительных дисциплинарных проступках. Минутное опоздание в строй, плохо исполненный ружейный прием, непришитая пуговица на френче – все это карается, почти всегда, восемью сутками ареста. После отбывания наказания все имеют осунувшийся и истомленный вид. Несмотря на то что в Бель-Аббесе я был на положении больного, несколько раз я рисковал попасть в этот ад. Много русских побывало в руках этого зверя-сержанта, ибо попасть туда, как я уже говорил, было очень легко.

Русских в Бель-Аббесе было всегда очень много. Нужно сказать, что кадры лучшей команды, то есть сержанты-инструкторы, были почти все русские. Кроме того, и среди проходящих школу капралов тоже преобладал русский элемент. Музыкальная, спортивная и прочие команды были тоже переполнены русскими. Они, конечно, резко отделялись от всех остальных, как своим поведением, так и образом жизни. В скором времени, после прибытия первой партии из Константинополя, начала образовываться русская библиотека, которая к моменту моего прибытия, то есть через полгода, насчитывала несколько тысяч томов. Были там все классики, новейшая литература, учебный отдел, выписывались газеты и журналы. Для

библиотеки легионерское начальство отвело особое помещение, куда, кроме русских, никто не заходил. В этом помещении можно было отдохнуть душой и немного забыть все окружающее. Некоторые русские, простые солдаты и казаки, постепенно приохочивались к чтению, так что с этой стороны Легион им принес некоторую пользу. Все эти культурные начинания возбуждали в остальных легионерах презрение, а некоторые за это прямо-таки ненавидели русских. Быстрое продвижение русских легионеров по службе тоже не вызывало у остальных добрых в отношении к нам чувств. Однако, насколько я знаю, никаких групповых столкновений между русскими и остальными национальностями не было.

Заканчивая свои воспоминания обо всем пережитом и виденном, хочу упомянуть еще об истории одного немца, являвшейся не совсем обыкновенной даже для Легиона. Познакомился я с ним, опять-таки, во время своих скитаний по разным комиссиям и был свидетелем конца этого ужасного недоразумения. Больше 20 лет назад он, будучи восемнадцатилетним юношей, решил поступить в Легион, начитавшись разных лживых книг, освещавших быт Легиона в совершенно неправильном свете. Добившись своей цели, он скоро убедился в том, что действительность совершенно не согласовывается с тем, что ему рисовалось по книгам. Делать, конечно, было нечего, ибо контракт был подписан и он был далек от родного дома. На его счастье, через год после поступления он попал в партию, отправляющуюся в Тонкин. В Марселе, куда зашел их пароход, чтобы взять новых пассажиров, ему удалось бежать. Через несколько дней он добрался до Германии. Прошли годы. Молодой человек превратился в зрелого мужчину, отца семейства. К началу Великой войны он был обладателем собственного дома в маленьком городке Прирейнской области. О Легионе он вспоминал, как о каком-то далеком кошмаре, и, конечно, никогда не думал, что придется рассчитываться за легкомысленный шаг, совершенный в молодости. Кончилась война, и французские войска постепенно занимали немецкие области. Шмидт, такова была фамилия немца, при приближении французов к его родному городу почувствовал сильное беспокойство и даже хотел бежать. К несчастью, он поддался уговорам некоторых знакомых и остался. Приблизительно через два месяца после занятия города французами к нему в дом явились жандармы и арестовали его. Он был обвинен в дезертирстве, отправлен во Францию, а оттуда – в Африку, в главное депо легиона. Там он был предан суду за дезертирство. От наказания он был избавлен за давностью лет, но должен был, по приговору, отслужить четыре недослуженных года. Несчастный был в полном отчаянии и начал подавать рапорт за рапортом. Это, конечно, не помогло. Тогда он начал посещать околоток и до тех пор надоедал доктору, пока тот не представил его на комиссию. Но и тут ему не повезло, ибо комиссия признала его годным. После возвращения в казармы Шмидт хотел выпрыгнуть в окно, но в этом ему помешали. Тогда он снова начал ходить к доктору и вторично добился назначения на комиссию. На этот раз он попал на комиссию вместе со мной и был признан негодным для прохождения службы. В общей сложности вся эта проволока тянулась около года, но все же благодаря счастливому исходу он сохранил для себя и своей семьи три года жизни.

В Оране, когда нас вызвали на комиссию, мы помещались в маленькой старой крепости, стоящей на берегу моря. Это был передаточный пункт легионеров, едущих в Европу и вновь поступающих, приезжающих из Марселя. Крепость эта совершенно изолирована от внешнего мира. Режим в ней такой же, как и в самом Легионе. Делать в ней абсолютно нечего, но работу все-таки выдумывают. Конечно, можно было бы оставить в покое людей, признанных на многочисленных комиссиях больными, но это – не в характере французов. Каждый день все наличные в крепости легионеры отправлялись в город для исполнения всевозможных работ. Чистили картошку в офицерском собрании, подметали и убирали сады, неизвестно, кому принадлежащие, а один раз я попал с тремя человеками в громадную

городскую библиотеку, где нас заставили носить кипы книг, вытирать пыль и так далее.

Однажды мне пришлось сопровождать двух легионеров в госпиталь, где должны были освидетельствовать их зрение. Нам пришлось подождать, так как доктор осматривал новобранцев-арабов, жаловавшихся на скверное зрение. Их было много, и поэтому доктор был не в духе. Дверь в комнату, в которой происходил осмотр, была открыта, так что мы отлично слышали, а отчасти, и видели все происходившее в ней. Каждого входящего араба доктор приветствовал при всех каким-нибудь ругательством и только после этого приступал к осмотру. Показывая на буквы или знаки, он спрашивал, видит ли тот что-нибудь. Отрицательный ответ немедленно сопровождался звонкой пощечиной. Иногда это производило магическое действие, ибо больной сразу же прозревал и начинал все великолепно видеть. Некоторые же упорствовали и настаивали на своем. В таких случаях с каждым отрицательным ответом количество ударов все возрастало и сила их, судя по звуку, увеличивалась. Если же после такого испытания осматриваемый все-таки продолжал не видеть, он при помощи удара ноги вталкивался в темную комнату, в которой производилось исследование строения глаза и его недостатков разными приборами. Некоторые арабы, у которых оказывались объективные признаки болезни, выходили оттуда с листком для поступления в госпиталь, другие же вылетали со скоростью пули, под град ударов и пинков. С легионерами дело обошлось иначе, и доктору пришлось ограничиться замечанием о разных проходимцах и бродягах, которые, получив премию в 500 франков, не желают служить.

За день до окончания комиссии нас повели в какие-то казармы, где находились кабинеты врачей-специалистов. Я попал к доктору по внутренним болезням. Никогда я не забуду этого изумительно мягкого и симпатичного человека. Он довольно долго и внимательно изучал мои бумаги, затем – поверхностно осмотрел меня и начал подробно расспрашивать о моем прошлом. В конце разговора он прямо спросил меня, как мне понравилась служба в Легионе. Я, конечно, ответил очень уклончиво. Он усмехнулся и сказал, что вполне понимает невозможность для меня прямого ответа, но, со своей стороны, полагает, что эта служба не могла мне показаться приятной. При прощании он мне сказал, чтобы я не беспокоился, ибо он ручается, что завтра я буду окончательно освобожден. Я поблагодарил его, и мы распрощались с ним самым любезным образом.

На следующий день, 22 октября 1922 года, в главном оранском госпитале состоялась комиссия, на которой я был признан негодным для продолжения службы и подлежал отставке без пенсии, с правом лечения во французском военном госпитале на казенный счет. На этой комиссии нас не осматривали и руководствовались исключительно прежними заключениями врачей и, главным образом, заключениями врачей-специалистов, у которых мы были накануне.

Оставалось запастись еще немного терпением в ожидании парохода, идущего в Марсель. В обычное время из Орана отходят два парохода в неделю, но в это время еще не была окончательно ликвидирована забастовка торгового флота. Таким образом, день отправки не был точно известен. Начальствующие лица крепости старались как-нибудь выместить на нас свою злобу за то, что мы ускользали из их рук. Каждый день, как и прежде, нас гоняли на работы, все время напоминая, что мы еще не свободны и можем попасть под суд. Приходилось держаться изо всех сил, чтобы столь желанная свобода не оказалась только миражом.

Наконец через 4 дня после комиссии раздался пушечный выстрел, оповещавший всех, что подходит пароход из Марселя.

На следующее утро нас повели в околоток местного арабского полка, где подвергли медицинскому осмотру. Ни у кого не оказалось никаких болезней, не позволяющих выехать во Францию. В тот же день, в 4 часа дня, нас погрузили на палубу парохода, и мы вышли в море при сильном ветре. Через день, в девять часов

утра, мы прибыли в Марсель. Там тоже оказалась таможня, на которой у нас отняли почти весь табак, привезенный нами из Африки. Во Францию сигареты гораздо дороже шли, чем в Африке, и поэтому на них наложена огромная пошлина.

После высадки нас отвели на край города, где мы должны были вымыться холодной, как лед, водой. После такого очищения мы попали в форт Saint-Jean, расположенный на краю города. Форт этот – очень старинный. В нем находится тюрьма, где сидят узники в совершенно темных, находившихся ниже уровня моря камерах. Этот форт был таким же передаточным пунктом, как и оранский. Только режим в нем был необыкновенно свободный. Все прибывшие, вместе со мной, за исключением двух греков, пожелали остаться во Франции и были почти что сейчас же отпущены на все четыре стороны. Запрещение в этом отношении встретил только русский, пожелавший тоже остаться во Франции.

Ему заявили, что он насильно будет отправлен в Константинополь. Ему пришлось начать хлопоты в русском консульстве, которые через 2 дня только увенчались успехом.

Таким образом, все национальности могут свободно оставаться во Франции, кроме русской, хотя не могли французы не знать, что русские попали в Легион только благодаря катастрофе.

Так как я собирался ехать в Сербию, то сразу же заявил, что хочу быть отправленным в Константинополь, куда они обязаны были отвезти меня, как к месту подписания контракта. Неделю, которую я провел в Марселе, я жил не в форте, а в русском Красном Кресте. В форт я заходил только наводить справки о дне отправления парохода.

1 ноября пароход отошел. Я ехал в обществе двух греков, освободившихся вместе со мной, и одного француза, едущего в Румынию к родителям. Пароход был очень небольшой, и все трюмы были переполнены французской пехотой, отправлявшейся в Константинополь. Нас поместили на палубе, и, хотя нам дали по 3 одеяла, пришлось сильно померзнуть. Кроме одеял, у нас не было ничего, чем бы могли защитить себя от холода. Легионеры, как при окончании контракта, так и при досрочном освобождении, получают только френч, брюки, ботинки, смену белья и кепку. Больше не выдается ничего и при этом ни гроша денег.

Путешествие наше длилось 11 дней. К Константинополю мы подошли среди ночи, так что к берегу пристали только на следующее утро. На берегу нас встретил какой-то сержант, за которым нужно было куда-то идти. Я наотрез отказался следовать за ним, заявив, что мне от них больше ничего не нужно. Бумаги мои были в порядке, и сержант нашел возможным отпустить меня. Я быстрыми шагами отошел от парохода и только после того, как смешался с константинопольской толпой, почувствовал себя снова свободным человеком после 22-двухмесячного рабства.

Конец.

Эраст Гиацинтов».

Следует отметить, что, судя по легионерскому удостоверению Гиацинтова, контракт был им подписан 8 января 1921 г. Уволен из рядов Легиона он был 25 октября 1922 г.

По его собственным воспоминаниям, относящимся к началу 1970-х гг., перед записью в Легион он долго беседовал об этом с начальником лагеря русских беженцев, ротмистром Александровским, его товарищем по Николаевскому курсу. «Он отговаривал меня от окончательной записи в Легион, говорил всякие ужасы о Легионе, но мое решение было твердым. Я надеялся на то, что смогу продолжить военную карьеру, которой я посвятил свою жизнь».

Он же немного дополнил свои воспоминания о жизни русских в Легионе. Одной из «выдающихся» сцен, описанных им, было шествие русских волонтеров в Легион для погрузки на корабль, когда их вели так, как преступников. «Шла, можно сказать, толпа оборванцев, т.к. износились мы вдребезги, и когда вошли в город, то

юнкера грянули песню Беранже: «Я оскорбил офицера – должно меня расстрелять!» Это произвело большое впечатление на всех жителей Константинополя, и на тротуарах стояла густая толпа провожающих. Много было русских, которые махали нам на прощание платками».

Нижеизложенный документ – отрывок из официального документа «Казаки в Чаталдже и на Лемносе в 1920–1921 гг.», позволяет понять отношение командования белой армии Врангеля к записи во Французский иностранный легион и выявить дополнительные подробности в этом отношении. Из этого источника видно, что белое командование во главе с Врангелем пыталось всеми силами спасти русских от трагического шага по записи в Легион. Кроме того, здесь же приводятся официальные документы Франции, позволяющие судить об ее отношении к русским.

Это издание было выпущено в 1924 г. в Белграде, в Сербии, в основу которого легли воспоминания командного состава штаба Донского казачьего корпуса. Источник печатается с сокращениями. Использованы страницы: 25, 32, 40, 50, 54, 70–72, 86, 89–91, 105, 106.

После многонедельного, томительного нахождения в лагерях, при очень скудном снабжении французами и неопределенности, а также из-за постоянного ухудшения их отношения к белогвардейцам начались побеги русских. Дело в том, что дальше они отказывались их вообще чем-либо снабжать и требовали, чтобы они или уезжали крестьянами в Бразилию, другим вариантом была отправка на верную смерть, как оказалось позднее, в Советскую Россию, или запись в легионеры. Доходило до прямых столкновений казаков с французами, когда последние по своему усмотрению решили насильно перевезти часть первых в другие лагеря, в т.ч. Лемносский и Советскую Россию.

«Бежать из лагерей решались сравнительно немногие. Только люди смелые, готовые ко всяким случайностям, решались на бегство. Большинство выжидали, и настроение их вылилось естественным путем при записях и отправках в Бразилию, Совдепию и Французский иностранный легион.

Если подробно говорить об этих записях, то надо отметить, что количество уехавших в Совдепию и записавшихся в Иностранный легион стояло в прямой зависимости от условий жизни в лагере. Чем они были тяжелее, тем больше уезжали и записывались в легионеры. Челенгир здесь стоял на 1-м месте...

Казаки в эти дни забывали свои обыденные хлопоты, собирались кучками и на все лады обсуждали: ехать или не ехать, записываться или не записываться...

Запись в Легион была сорвана. Снова повесили французы ящики для желающих это сделать, но казаки не так охотно это делали...

Первая запись в Иностранный легион не прошла. Ушли туда только несколько офицеров из Технического полка...

Дело в том, что о службе у французов подробности были неизвестны. Она была связана с условием 3- или 5-годичного срока, и поэтому уходили к ним больше от голода...

Настроение казаков было учтено французами, вероятно, тогда уже решившими распылить армию.

Снова была объявлена запись во Французский иностранный легион.

По условиям записи, в Легион могли быть приняты все иностранцы, без различия национальности, в возрасте от 18 до 40 лет. От них требовалась физическая годность, свидетельствуемая при поступлении, и рост не ниже 1 метра и 55 сантиметров. При поступлении в легионеры заключался обязательный контракт на 5 лет.

Поступавшие туда получали пособие в 500 франков, уплачиваемое в 2 срока; 1-я половина – при поступлении на службу и 2-я половина – 4 месяца спустя.

Основное жалованье выдавалось на общем основании – для солдат французской армии – около 100 франков в месяц.

После 5 лет службы контракт может быть возобновлен с пособием в 200 франков в год для легионера и 300 – для унтер-офицера.

По условиям этой записи, из армии должны были уйти наиболее боеспособные солдаты и казаки, поэтому белое командование, в целях сохранения армии, со своей стороны, установило условия выхода из армии для записи в Легион.

Было указано, что записываться в Легион могут только невоеннообязанные, т.е. перечисленные в разряд беженцев по возрасту, болезням или другим причинам (приказ главнокомандующего Врангеля № 4185) или имеющие право на такое перечисление из военнообязанных. Причем только те из них могут записываться в Легион, пребывание которых в частях армии по их нравственным качествам признавалось начальниками частей нежелательным.

Кроме того, начальникам было вменено в обязанность разъяснять казакам, что, связанные 5-летним контрактом, они не могут рассчитывать на возвращение

домой раньше чем через 5 лет, что, находясь на службе под иностранными законами, кое-кто, естественно, лишится права на земельный пай в станице, и что не исключена возможность того, что легионерам в конце концов придется принять французское подданство, и что срок пребывания в Легионе, наверное, будет больше 5 лет, т.к. французы широко применяют систему штрафов, удлиняющих срок службы.

Итак, с другой стороны, по условиям белого командования, в Легион могли поступать только лица, негодные к военной службе физически или по своим нравственным качествам. Тогда французы, через голову начальников, стали непосредственно обращаться к казакам. Было объявлено, что записываться в Легион могут непосредственно во французском штабе, около которого в большом числе развешивались условия приема в Легион с соблазнительным описанием службы. Записываться можно было в Легион не только помимо начальников, но даже и вопреки их приказаниям и распоряжениям. При этом казакам в самом безнадежном виде описывалось положение белой армии. Сообщались им также извращенные сведения о Совдепии. Кроме того, им внушалось, что от армии им больше ждать нечего, деваться – некуда, и что самый разумный выход – это запись в Иностранный легион.

Желающие служить в Легионе находились, причем, что было особенно печально, записывались туда люди молодые, полные сил, которые могли бы быть весьма полезны в дальнейшей борьбе с большевиками. Последнее обстоятельство заставило главнокомандующего генерала Врангеля снестись с французами о временном приостановлении записи в Легион, хотя бы до окончания переформирования белой армии.

Как бы в ответ на это генерал-губернатор Лемноса Бруссо в приказе от 20 декабря 1920 г. за № 25 говорил: «По предложению французского правительства, по которому русским воинам разрешается поступать в Иностранный легион, записалось около 200 человек. Эти лица после медицинского освидетельствования, если они будут признаны годными, со следующим пароходом будут отправлены в Константинополь по 100 человек. Однако генерал Врангель просит меня принять соответствующие меры для прекращения записи до тех пор, пока не будет установлен окончательный состав русских формирований. С завтрашнего дня, 21 декабря, ни одна запись не будет приниматься до тех пор, пока я не прикажу возобновить ее. Пускай казаки и офицеры, желающие поступить в Легион, потерпят, разрешение записи только отсрочено, тем более что события еще могут позволить возобновленной Русской армии снова начать борьбу за свободу своей Родины, что каждый должен делать».

Но это были только слова. На самом деле запись продолжалась своим чередом. Если она и прекращалась, то лишь на несколько дней, но не больше, что прошло совершенно незаметно.

Записывались казаки, записывались юнкера, записывались даже офицеры. Думали: лишь бы только вырваться с острова, из лагеря, а там – будь, что будет. Сколько записалось в Легион – не установлено. Цифру поступивших в Легион могло дать только французское командование, т.к. записывались и в Константинополе, и в других беженских лагерях и даже еще на пароходах, прямо по прибытии на константинопольский рейд. На острове же Лемнос и по лагерям Донского корпуса записавшихся было больше 1 тысячи человек, причем запись эта непрерывно продолжалась вплоть до последнего дня пребывания в лагерях.

При этом многие проделывали такую комбинацию. Заведомо зная свою непригодность к военной службе, много раз раненные, искалеченные люди записывались в Легион с целью вырваться с острова или из лагеря, ехали в Константинополь. Их там свидетельствовали и, конечно, признавали негодными к поступлению на легионную службу, после чего вновь отправляли в какой-нибудь лагерь, но уже лучший, в окрестностях Константинополя. По вполне понятным причинам французы таковым симпатизировали. В результате – лучший лагерь и некоторое разнообразие при переезде, в хороших, относительно, условиях, при сносном питании. Но это удавалось лишь немногим...

В общих вопросах по управлению войсками, охране лагерей и вообще поддержанию порядка французы, желая использовать авторитет русских властей, требовали от русских безусловного подчинения начальству и строгой военной организации. В то же время, для достижения поставленных себе задач по записям в Иностранный легион, Совдепию и по распылению армии, они не остановились перед открытой дискредитацией русских начальников, отдавая распоряжения, идущие вразрез распоряжениям последних и минуя русских начальников. Как на яркий пример этого можно указать хотя бы на запись возвращаться в Совдепию и в Иностранный легион. Русское командование, не желая давать лишнее оружие в руки большевиков возвращением туда тысяч опытных бойцов, соглашалось допустить запись туда только стариков, инвалидов и вообще лиц, к военной службе не годных. Французы тогда широко также открыли двери уехать всем желающим в Совдепию, в результате чего туда уехало на верную смерть много молодых, здоровых и вполне боеспособных казаков. То же наблюдалось и в отношении Иностранного легиона...

В 1921 г. французы также решили распылить армию по разным странам, на собственное иждивение, сопряженное с тяжелой жизнью в Болгарии, Сербии и других странах. Вскоре, а именно 17 апреля 1921 г., на Лемносе была распространена декларация французского правительства: «После эвакуации Крыма русские беженцы без помощи Франции должны были погибнуть от голода и болезней. Из-за человеколюбия, не имея в виду никаких политических целей, Франция приняла на себя заботу о беженцах и содержит их почти уже 5 месяцев. Это содержание обходится Франции в 40 миллионов франков в месяц. За 5 месяцев ею истрачено на это 200 миллионов франков, тогда как гарантии ценностей, данные русским командованием и находящиеся на судах, сырье и так далее, представляют собой едва 30 миллионов франков.

Франция счастлива тем, что она смогла спасти около 100 тысяч русских, но, будучи сама сильно изнуренной войной, не может продолжать бесконечно приносить столь тяжелые жертвы.

Для всех русских беженцев является вопросом достоинства и чести принятие предложенных им способов выхода из положения беженцев, чтобы честно добывать свои трудовые средства для существования.

Независимо от этого вопроса чести для беженцев также является вопросом насущной необходимости обеспечить себе честное и достойное существование трудом, т.к. французское правительство вынуждено рано или поздно прекратить их содержание».

Надо отметить, что реально у нас тогда только сырья здесь было на 873 564 английских фунтов стерлингов, военного имущества – на 762 238 английских фунтов стерлингов, технического имущества – на 22 727 английских фунтов стерлингов, среди которого особенно ценными были грузовики. Вместе с кораблями Российского флота стоимость всего русского имущества, вывезенного за границу, составляла 1 658 529 английских фунтов стерлингов, что составляло 280 миллионов франков, что во много раз больше заявленной французами стоимости, и даже при таком раскладе русские беженцы могли спокойно кормиться, не обременяя французские власти, за его счет 2 месяца.

Генерал Бруссо пояснил, какие «выходы» из положения беженцев предлагало французское правительство. Как бы вскользь, помимо высылки на верную гибель в Совдепию и Бразилию, где русских, как выяснилось, никто не ждал, упоминался и четвертый выход. Генерал Бруссо так закончил свою речь, обращенную к русским: «...хотя приказ Союзного оккупационного корпуса и не упоминал об этом, я считаю должным напомнить вам, что молодые люди, желающие продолжить военную службу, еще могут определиться в Иностранный легион, где им еще может быть предложено около 2 тысяч мест. Я прошу вас не отказать вышеупомянутое предложение сообщить всем русским беженцам».

Письма русских из Французского иностранного легиона

Вниманию читателя представляется блок писем легионеров, который датируется 1919 годом. Это письма белогвардейцев, которых обманом заманили в Легион сами французы, воспользовавшись безвыходностью их положения. К слову сказать, этим положением белогвардейцы во многом были «обязаны» тем же французам, которые не желали драться против большевиков и оказать им тем самым союзническую помощь. В то же время французы не позволили белогвардейцам из отряда, действовавшего в районе Одессы, позднее присоединиться к своим войскам. Эти письма позволяют прояснить все подробности относительно поступления в Легион. Адресованы эти письма представителю колчаковского правительства во Франции В.Л. Бурцеву или другим белогвардейцам. Хранятся эти письма в фонде Бурцева в ГА РФ. Ф.5802. Оп.1. Д.1419. Лл.1–3, 5,6, 8, 10, 14–26, 28, 29, 32–36, 38, 40, 41.

«21 августа 1919 г.

Здравствуй, дорогой дружище!

Вчера, после похода к командиру на рапорт, получил 2 приятные новости. Во-первых, вызывают на получение премии, во-вторых, получил от тебя письмо, от которого пришел в большую радость, но немного упал духом, прочтя письмо Овсянникова Овчинникову, где он в конце письма пишет, что вы обиваете все пороги, и что там только обещают что-то предпринять.

Ради Бога, напиши относительно моего письма. Я больше чем уверен, что письмо, заверенное полковником, будет удачным, а вот на свое мне что-то не верится.

Нестеренко! Ведь тебе известна жизнь в Легионе!

Неужели ты допустишь, чтобы все уехали, а я остался жить здесь. Похлопочите!

Прошу всех, не дайте зачахнуть, как это случилось с Киппером, который уже в чахотке и лежит в околодке. Если придется оканчивать срок контракта, то я не выдержу и года. Когда вы уехали, то я еле-еле сдерживал себя, чтобы не сделаться дезертиром.

Ну а если уедет эта группа офицеров, то после неудачного побега останется одно – сдохнуть, да и только.

Еще раз умоляю, похлопочите! Никогда вам этого не забуду. Вечно буду благодарен.

Новости Легиона следующие: окончились экзамены в учебной. Первые прошли Мальцев, Поляков, Ханин и прочие. Вторая, от которой я вовремя улизнул, это назначение моей группы в Марокко. За день до этого я был на рапорте у капитана и просил о зачислении меня в капралы, что он и сделал. Таким образом, я спасся, и теперь вместе с группой наших офицеров ждем результата наших и ваших действий из Парижа.

Еще раз, не забывайте своих друзей, случайно заброшенных в эту каторгу.

Тебе же за спасение наших душ простятся многие грехи.

Прости, что пишу скверно, но я расстроен страшно.

Кланяемся Вам все.

Твой друг, Шура Иванов».

«Господину представителю

Русской Добровольческой армии генерала Колчака

Поручика 42-го пехотного Якутского пехотного полка командующего гарнизоном города Одессы Николая Субочева-Залесского.

Лейб-гвардии Литовского полка прапорщика Шершеня

37-го авиационного отряда военного летчика прапорщика Грубского

Финляндского полка подпрапорщика Сыромятникова

58-го Прагского полка старшего унтер-офицера Ильченко

56-го пехотного запасного полка вольноопределяющегося Адама Ярмоловича

47-го Украинского полка старшего унтер-офицера Алиевского

Рапорт

Мы, вышепоименованные, верные сыны матушки-России, полные сил и русского духа, судьбой заброшены в Африку, в Иностранный легион. Чувствуя нравственный долг и имея желание спасти от врагов гибнущую Родину и таким образом принести пользу своему Отечеству, обращаемся к Вам с покорнейшей просьбой – войти с ходатайством о переводе нас из Иностранного легиона в Русскую Добровольческую армию адмирала Колчака для борьбы с общим врагом – большевизмом.

Поступили мы в Легион в марте месяце сего года в городе Одессе.

Другого выхода не было, т.к. мы были захвачены в плен большевиками при отступлении из города Одессы Русской Добровольческой армии генерала Деникина, а на второй день бежали от них. После этого мы обратились к французскому командованию, войска которого тоже отступали из Одессы, где через переводчика нам было предложено поступить в ряды французской армии, якобы для борьбы с большевиками, а вместо этого мы были отправлены сначала в Африку, в город Сиди-Бель-Аббес, а после уже в Марокко, для борьбы с арабами.

На основании вышеизложенного покорнейше просим Вашего ходатайства об отправлении нас, как русских офицеров и солдат, из Иностранного легиона в Русскую Добровольческую армию адмирала Колчака для борьбы против большевиков. Там, на святой Родине, в отчаянной борьбе против большевизма, мы принесем гораздо больше пользы, как для нашей Родины России, так и для Франции, т.к. в настоящее время победить большевиков – это задача всего мира.

Настоящий рапорт мы доверяем подать бывшему офицеру французской армии Роберту Пелльтьеру, живущему в Париже. К сему рапорту все подписываемся.

23 августа 1919 г., Марокко.

Адресовать прошу на имя Субочева-Залесского в 1-й иностранный полк, 1-й батальон, 1 рота, Гхорм-эль-Алем».

«27 августа 1919 г.

Дорогой коллега!

Вчера получил Ваше письмо, в котором Вы сообщаете, что за нами в Легион послан запрос. Увы, до сих пор еще нет никаких запросов, несмотря на то что со дня Вашего отъезда прошло около 3 недель. Меня, Барынина, Ишатова и Капустина

перевели в учебную команду, где служится «не с медком». Все наши помыслы направлены в Париж, это наша заветная мечта. О, когда она исполнится! Счастье кажется близко и далеко. Близко тогда, когда мы получим от Вас весточку с радостной новостью по поводу нашего скорого освобождения, а далеким – после Вашего продолжительного молчания.

Сообщаю Вам последнюю новость, только что полученную: полковник Казанжи и подпоручик Мацарский сегодня врачебной комиссией признаны негодными к службе и через дней 4–5 выедут в Париж.

Наши послали Вам телеграмму с извещением о том, что никакого запроса в полк не поступало, просят передать ее адмиралу Колчаку. Вы, со своей стороны, поторопите адмирала, т.к. страдания наши становятся с каждым днем все невыносимее.

Когда мы уже дождемся минуты быть в Вашем кругу?

Сейчас сижу в классе на этой проклятой теории, смотрю в книгу и «вижу фигу». Наша братия решила совсем не зубрить теорию в надежде на скорое освобождение.

Пишите письма почаще и пообстоятельнее.

Жму всем руку.

Всем шлем горячий привет и наилучшие пожелания. Нас не пускают в город, т.к. все время занимаемся теорией и пока не знаем ни черта.

Ваш подпоручик Марковников».

«4 сентября 1919 г.

Милостивый государь Бурцев!

Простите великодушно, что осмелился Вам написать. Я решил обратиться к Вам, как к человеку, имеющему влияние во французских правящих кругах. Из-за большевизма я был вынужден покинуть Одессу и поступить «добровольно» в ряды французской армии. До прибытия в Африку я не знал, что буду служить в Иностранном легионе, и вообще не знал, что таковой собой представляет. Оказалось, что в Легионе служат преступники, которым французское правительство дает убежище в своих иностранных легионах. Не поддается никакому описанию отношение местных начальников по отношению ко мне и многим другим русским, которые с ними столкнулись в один из дней в Одессе. Нас заставляют исполнять самые тяжелые работы в течение всего светлого времени, особенно за 7 дневных часов. Роем ямы, долбим их киркой и лопатой. Работы начинаются с утра и длятся без перерыва 4 часа, и мы трудимся, не разгибая спины. В противном случае немилосердно наказывают. Выкачиваем воду из колодцев, выделываем кирпичи, каждый по 3–4 пуда. Вынимаем также камни из оврагов и разбиваем их. Эти работы мы выполняем вместе с дисциплинарными батальонами, где находятся осужденные до 20 лет каторжных работ. Никакой разницы между нами, честными русскими гражданами, бежавшими от большевиков и по несчастью попавшими в Легион и всевозможным рядом иных элементов, которые, совершив преступление, нашли свое спасение в Легионе, нет.

Число русских только здесь, в Коломбошаре, насчитывает 26 человек.

Вы, господин Бурцев, как старый борец за свободу и правду, должны обратить Ваше благосклонное внимание на нас, страдальцев, находящихся на чужбине. Я верю в Вашу силу, и я убежден, что Вы можете произвести некоторое влияние в отношении нашего освобождения. Несколько дней тому назад, сообща со своими друзьями по несчастью, я отправил прошение на имя русского посла во Франции, с подписями 26 человек, с просьбой отправить нас в армию адмирала Колчака или генерала Деникина для совместной борьбы с большевизмом. Смею надеяться, что Вы не оставите мое письмо без Вашего доброго внимания, за что заранее выражаю Вам свою глубокую благодарность от себя и остальных 25 страдальцев, жертв большевизма. Покорнейше Вас прошу подтвердить мне о получении моего письма.

С почтением, Разумовский, родственник знаменитых аристократов Разумовских. Я племянник знаменитого в Париже гравера и скульптора Феликса Разумовского.

P.S. Служим мы в Легионе с 31 марта 1919 г. со дня оставления Одессы французами. Я – коллежский асессор, служивший на Румынском фронте при штабе 9-й армии».

«Дорогие друзья!

Да, живется с каждым днем все хуже и хуже. С каждым новым Вашим письмом – новые надежды и сомнения. Ну что же, говорят: терпи, казак, атаманом будешь. Ну, что нового у Вас в Париже? Пишите и не забывайте тех, чьи мысли направлены к Вам!

Горячо уважающий Вас, хорунжий Н. Керечицкий».

«6 сентября 1919 г., Ру-Дениль, 2-й маршевый полк, 2-й батальон

Господин Бурцев!

Мы – русские солдаты, находящиеся в Иностранном легионе на позиции в Марокко.

Покорнейше просим Вас: не откажите нам и нашей просьбе. Составьте про нас статью и напечатайте ее в газете «Общее дело» о том, как нас сюда французы пригласили.

Мы страдали здесь 5 лет, чего только мы тут не переносили! Но все-таки мы не обижаемся на свою дорогую Родину, Мать Россию.

Знать, такое время пришло. Наконец явились к нам в Россию наши союзники-французы и заманили нас, русских, в свою армию. Сказали, что мы будем служить в их армии, т.е. во Франции, и нести гарнизонную службу. Вот они привезли нас во Францию и отправили в Марокко, на позицию, где теперь мы и пропадаем.

Нам были обещаны деньги и все прочее, а теперь мы не видим ничего. Получаем всего 2 кружки муки и 2 баклажки воды. Здесь нам, наверное, и придется помереть и больше не увидеть России.

Вот какие наши герои-»союзники» французы.

Господин Бурцев, просим прислать нам один номер газеты «Общее дело», в которой будет это письмо помещено.

С приветом, Ваш М. Стасюк, а также с ним и другие».

«12 сентября 1919 г.

Милостивый государь, господин редактор!

Спешу ответить благодарным письмом на сделанную Вами как мне, так и моим друзьям большую радость присылкой своих газет. Как приятно видеть собравшихся в свободную минуту кучку русских, часть Великой России, заброшенных в далекую Африку и пытающихся разбираться в последних событиях, творящихся в России. То и дело слышатся при чтении вздохи наболевшей души и частые проклятия, посылаемые по адресу большевиков, и чтец, у которого на глазах слезы, читающий все данные о грязной работе этих разбойников, изредка смахивает их. Такая частая и обычная картина наводит на мрачные мысли, и испрошенная слеза уже висит на реснице. И чтобы не дать упасть еще больше духом этим рабам, как хоть и не называет здесь легионное начальство этих доселе непобедимых защитников Великой России и Франции, они стараются незаметно уйти. Они стараются немного успокоить себя, но от этого успокоения ложится новый камень на измученное сердце и дышать еще тяжелее.

Да, господин редактор, трудно, тяжело, страшно тяжело, так что другой раз грязная мысль приходит в голову, от которой после этого жутко становится. А там, за бараком, куда ушли успокаиваться наши, все крепче и крепче слышатся ругательства и проклятия, посылаемые туда, на далекую Родину, ее мучителям. Да, что-то будет!

Господин редактор! Я посылаю Вам большое письмо с подробным описанием нашего положения, а ниже – и рапорт с ним вместе на имя представителя России адмирала Колчака и прошу Вас подать его по принадлежности и в возможно скорейшем времени сообщить мне о ходе дела. Просьба отправить нас из Иностранного легиона в армию адмирала Колчака.

Боюсь, что цензура не пропустит его. Но я напишу еще письмо, которое отправлю после полудня.

Надеюсь на Ваше доброе участие, а потому питаюсь надеждой на светлое будущее, т.к. 4 моих товарищей офицеров уже уехали в Париж. Жду с нетерпением ответа.

Ваш слуга, поручик Субочев-Залесский».

«Сиди-Бель-Аббес

21 сентября 1919 г.

Дорогой полковник!

Сегодня нам стало известно, что на ходатайство адмирала Колчака о нашей отправке последовал отрицательный ответ генерала Шерье (Шерте), начальника войск департамента Оран, а следовательно, мы остаемся в прежних условиях, если Вы, наши представители, не возбудите вопроса перед генералом Щербачевым и Погуляевым.

Нам стало известно, что на нас, в количестве 35 человек, пришло сообщение. В частности, постарайтесь увидеть генерала Щербачева, перед которым ходатайствуйте с представлением моего рапорта о моем вызове. Положение наше значительно ухудшилось. Кульчицкого ударил 2 раза по лицу Ван дер Берг, Морковникова – тоже. Каждый день изнурительные занятия, а деньги только обещают. Как-то 25 минут занимались штыковым боем и ползанием по-пластунски на скошенном поле и камнях. Избиты руки и все тело.

Из военного министерства, в которое запрашивали, не имеем от командира препятствий к отправке нас при первой возможности. Эта бумага была отослана командиром Шерте, который будто бы дал отрицательный ответ, направив свой отказ генералу Нивелю. На нашу отправку отрицательно смотрит капитан, который подал несколько отрицательных рапортов по этому вопросу. Принимайте меры, какие найдете более лучшими.

Короче говоря, положение трагическое, а для некоторых – на границе безумия. Спасайте всеми средствами, молите Щербачева и Погуляева о возбуждении скорого и энергичного ходатайства перед французским военным министерством. Защитите интересы офицерской группы и, в частности, офицеров, в которых Вы уверены. Мы знаем, что энергичное вмешательство в нашу горькую судьбу генерала Щербачева может избавить нас от каторги и дать нам возможность еще принести пользу Родине.

Мы также уверены, что Вы сделаете все, что подсказывает Вам Ваша совесть, долг офицера, который только что сам избавился от нашего настоящего положения.

Пусть милый товарищ Моцарский своим дневником докажет наше положение. Не забывайте нас, действуйте возможно энергичнее, зная, что каждая минута промедления стоит нам здоровья, я не говорю уже про стаканы пота, которые выжимаются из нас каждый день. Сделайте все, кричите везде и всюду, вплоть до энергичного депутата парламента, которому расскажите нашу судьбу и условия, при которых мы попали в Легион. Расскажите про условия, нам предлагавшиеся и оказавшиеся на самом деле, от которых волосы встают дыбом.

Желаю Вам полного счастья, если мы не увидимся, а пока Вы в Париже, сделайте все, что можете. Не забудьте приписать к моему рапорту № 53188 и мою фамилию по Легиону.

Целую крепко Вас и Моцарского, милого дорогого товарища и друга.

Ваш Алиевский».

«Сиди-Бель-Аббес
7 октября 1919 г.
Дорогой Олег Павлович!

Сегодня получил Ваше письмо и спешу ответить сегодня же. Как раз выдался исключительно легкий день, и я его могу использовать для бесед с моими милыми друзьями, «друзьями-товарищами», живущими на воле, живущими переживаниями жизни, живущими жизнью людей.

Как мы живем, писать не буду, всего не напишешь, а частичное описание не даст представления. Полковник, с которым Вы, наверное, виделись, рассказал Вам про всех и про все, да кое-что Вы уже знаете из моего письма, которое опередило получение одного письма от Вас.

В частности, скажу Вам несколько слов про Сашу. За короткое время он выправился внешне и окреп, если можно так сказать, внутренне. Правда, эта выправка ему дорого стоит. Дорого и тяжело мне, другому, третьему, но ему труднее всего, как не бывшему ранее на военной службе.

Трагедия нашего положения заключается в том, что мы оторваны от Родины и будем оторваны от нее в продолжение 5 лет, и эти 5 лет должны провести среди преступного элемента и реализовывать ценой собственной крови чуждые нам интересы. Эти 5 лет нам предстоит провести среди песков, палящего солнца, испытывая каждую секунду жажду, недостаток питания, болезни, в отсутствии общества и книг.

Дело в том, что легионер – это такое пугало, что даже последняя проститутка – простите, но это правда! – охраняя свою репутацию, если так можно говорить, репутацию проститутки, никогда не покажется на улице с легионером, не говоря уже о кухарках, которые для нас желательны, как дамы высшего общества.

И это – в центрах, на местах же все население относится к легионерам, как к врагу.

Итак, для легионера в час досуга остается только вино и общество товарищей-преступников по Легиону и в лучшем случае – общество проституток.

С Сашей виделся я больше случайно, хотя и живем в одной казарме и имеем общий вход. Дело в том, что я учусь на капрала и занят сейчас целый день. В часы отдыха, когда все имеют увольнительную и идут в город, я иду на теорию и заканчиваю занятия только тогда, когда все уже спят. А в воскресенье я держу караул и тоже, следовательно, занят и день, и вечер субботы, и день воскресенья. Вечером же воскресенья я думаю больше об отдыхе в кровати, чем о земных удовольствиях и встречах. Время летит страшно, работаю безумно, как могу работать только я, но я работаю без целей, без идеи. Я, адвокат и офицер со специальным уклоном, добиваюсь чина капрала. Какой трагизм! Какая несуразность, созданная российской обстановкой, русской революцией!

Часто от сознания этого трагизма волосы становятся дыбом. Подумайте только, что я подметаю полы, чищу картофель, овощи, стираю белье и прочее, и прочее.

Перейду ближе к делу. Делайте все, что только возможно для того, чтобы освободить Сашу, т.к. жалко 5 лет, которые ему придется пробыть в Легионе. Полковник расскажет Вам всю обстановку для более правильных действий.

Целую Ваши руки и шлю Вам наилучшие пожелания.

Не забывайте, пишите чаще. Лично я не могу Вам писать часто, хотя постоянно помню о Вас – я очень занят».

«Его Высокопревосходительству, генералу Щербачеву,
представителю правительства Адмирала Колчака в Омске.
Рапорт

Я – офицер Русской и Добровольческой армий генерала Деникина. В лице русских офицеров и солдат той же армии, которые в настоящее время находятся на пограничных постах в колонии Марокко, обращаюсь к Вам, Ваше Высокопревосходительство, с покорнейшей просьбой ходатайствовать перед военным министерством Франции, чтобы нас всех отправили в Россию, в одну из Добровольческих армий, оперирующих против большевиков.

Вот случай, из-за которого мы попали в Легион.

В средних числах марта месяца сего года наш сравнительно небольшой отряд Добровольческой армии под командой генерала Санникова стоял на позиции под городом Одесса, и там же стояли некоторые французские части, а именно 176-й дивизии.

Когда большевики крупными силами повели наступление, то французские части без всякого боя, и даже не сообщив нам, должно быть, «по стратегическим соображениям» своего высшего командования или по инструкциям из Франции, стали отступать. Наконец я и мои друзья узнали, что они грузятся на транспортные суда.

Наш же отряд принял бой и был большей частью перебит, а частично взят в плен. Большевики, среди которых было много латышей и китайцев, добивали раненых и жестоко издевались над пленными офицерами и солдатами. Они даже обещали милостиво расстрелять тех из нас, которые не признают их власти и не поступят к ним в армию. Для обсуждения и решения этого вопроса они дали нам одну ночь. Благодаря верной службе чинов их армии – красноармейцев, за несколько сотен рублей нам удалось бежать.

По дороге к Одессе мы нагнали отходящие французские части, под покровительство которых и перешли. Придя в Одессу, мы узнали, что французы спешно грузятся и уезжают, и что штаб Добровольческой армии уже уехал на Дон.

Перспектива остаться в Одессе и опять попасть в руки большевиков нам не улыбалась, и мы обратились с просьбой к французскому командованию каким-нибудь способом отправить нас в Добровольческую армию, на Дон. Вместо ответа на нашу просьбу французы предложили нам поступить волонтерами в свою армию, которая тоже, как они говорили, оперирует против большевиков, но для этого нам надо было подписать контракт на 5 лет. Получалось 2 варианта развития событий: попасть в руки большевиков и быть расстрелянными ни за что, ни про что, или подписать контракт. Размышлять долго не приходилось, потому что французы очень спешно грузились и уезжали, да и большевики ожидались в Одессе с часу на час. Пришлось из двух зол выбирать меньшее и подписать контракт, но т.к. он был написан на французском языке, то мы хорошо не знали и даже теперь не знаем, что и подписывали...

Скоро нас обмундировали, посадили на русский пароход «Император Петр Великий» и повезли... И что же? Вместо того, чтобы везти нас на фронт против большевиков, они повезли нас сначала в Салоники. Потом, уже на французском пароходе, они нас повезли в Бизерту и, наконец, в город Сиди-Бель-Аббес. Здесь они обучали нас около 2 месяцев французскому военному строю и затем послали в свою колонию Марокко для борьбы с полудикими арабами.

Недавно я, совершенно случайно, узнал о Вашем, Ваше Высокопревосходительство, приезде в Париж, как представителя правительства адмирала Колчака, почему и решил обратиться к Вам, Ваше Высокопревосходительство, с вышеуказанной просьбой.

Все мы искренне жаждем сражаться в рядах Добровольческой армии для воссоздания Великой России, без ропота и терпеливо перенося всевозможные лишения и невзгоды против этих варваров-большевиков, поругателей всего святого, а не здесь, борясь против полудиких арабов.

Французы, увозя нас из России, которая за 4 года войны положила миллионы своих дорогих сынов для победы Франции, поступили в такой тяжелый час не как союзники, желающие нам добра, а как эгоисты и как самые подлые и коварные ее враги. Они не имели никакого права вербовать нас, ни с законной точки зрения, ни с точки зрения чисто союзнической, на основании нижеуказанного.

В Одессе командованием Добровольческой армии был издан приказ, и он же был признан и подписан высшим командованием французов, воспрещающий переход чинов армии из одной части в другую. Кроме того, кажется, есть следующий закон о вербовке добровольцев, который гласит, что французы имеют право делать набор легионеров только в своих колониях и местностях, оккупированных ими. Одесса же ими оккупирована не была, потому что они были приглашены туда командованием Добровольческой армии для большего подъема духа и успокоения нервной системы у жителей города, почему французы и не вмешивались ни в какие дела. Они превосходно знали, кто мы и что мы, но, несмотря на это, на наш приказ и на свой же закон, предложили нам на французском языке контракт, пользуясь нашим незнанием их языка и безвыходным положением.

После этого они завезли нас, ни в чем не повинных, в среду преступных лиц с довольно темным прошлым и обращаются с нами, как с теми же преступниками, и что обиднее всего, это делают кровные французы. Они не упускают случая поиздеваться над нами, как и наши заклятые враги немцы, которые, совершив у себя на Родине преступление, бежали оттуда, чтобы избежать наказания, тюрьмы или петли, и теперь скрываются здесь.

Такое ничем не заслуженное и несправедливое отношение к нам, чинам Русской Великой армии, которая 4 года стояла на страже интересов Франции, которая положила миллионы своих дорогих сынов на поле брани за победу Франции, сильно бьет по нервам. Эти нервы и так уже достаточно истрепаны войной, ранами и последней разрухой, что сходишь с ума и чуть ли не решаешься на самоубийство. Вращаясь здесь, среди людей с темным прошлым, среди людей, низко опустившихся нравственно, число которых здесь преобладает над нормальными, можно ли остаться таким же, истинно русским, честным, прямым и горячо любящим свою Родину?

Нет! Невозможно, потому что здесь место только преступникам, у которых нет ничего святого, у которых нет ничего дорогого и любимого, и не русским.

Я почти каждый день получаю от русских со всех концов колонии Марокко письма, в которых меня просят написать кому-нибудь из влиятельных и имеющих связи русских людей, любящих свою Родину, и которые из-за любви к ней могут позаботиться о нас, чтобы они спасли нас и позволили нам опять стать в ряды правых и постоять грудью, могучей русской грудью за доброе и святое дело – уничтожение варваров-большевиков, и за воссоздание Великой России и даже, может быть, сложить свои головы. Ведь и умирать легко с сознанием того, что эта смерть, хотя бы на одну микроскопическую долю, подвинула дело спасения нашей дорогой Родины, спасения наших дорогих семей, вперед. Теперь для этого святого дела нужен и дорог каждый, любящий свою Родину человек. Поэтому и не место нам здесь, в этом Легионе, томиться, нельзя держать столько полезных России людей, таких сынов своей бьющейся в предсмертной агонии Родины. Здесь ведь не я один, нас не десяток, а около 200, и все мы только издалека наблюдаем за тем, как она умирает, как гибнут наши дорогие семьи и близкие, и льем горькие слезки.

Но мы не в состоянии вырваться из этой петли и как-то помочь ей и им. На основании всего вышеизложенного я осмеливаюсь обратиться к Вам, Ваше Высокопревосходительство, от имени всех навербованных в Легион русских офицеров и солдат. Сделайте все возможное, чтобы вернуть нас воскресающей Великой России, во имя всего святого и тех миллионов молодых жертв, которые пали, а может быть, и еще падут за спасение нашей дорогой Родины. Дайте нам

возможность постоять за воссоздание России и даже, может быть, сложить свои головы в бою против этих варваров-большевиков, врагов всего святого.

Осмелюсь напомнить Вам, Ваше Высокопревосходительство, что я Вас лично хорошо знаю, как своего командующего 6-й армией, в которой имела честь быть моя 13-я дивизия, и под Вашей, Ваше Высокопревосходительство, командой стойко сражался в Полесских боях 1917 г. на Румынском фронте. Я видел Вас, Ваше Высокопревосходительство, когда после этих сильных боев Вы приезжали смотреть своих героев в свою 13-ю дивизию и благодарили ее за службу. У меня на руках, Ваше Высокопревосходительство, имеется мой послужной список и другие документы, удостоверяющие меня и мое офицерское звание. И если они будут нужны для дела освобождения из этого места разврата и преступности, то я Вам, Ваше Высокопревосходительство, вышлю их по первому требованию.

22 октября 1919 г.

Гхорм-эль-Этлем, Марокко.

Подпоручик 5-го пехотного Белостокского полка Васильев

№ 52342, 1-й иностранный полк, 1 батальон, 3-я рота».

«Милостивый государь, господин Бурцев!

Многочисленная объединенная семья русских солдат и офицеров шлет Вам горячий привет из далекого Марокко.

Я, как глава этой семьи и вместе с тем офицер, воевавший почти год против большевиков в армии генерала Деникина, обманом со стороны французов попавший в Марокко, связал в одну общую семью всех русских, разбросанных по постам этой дикой страны. А теперь я прошу Вас, по мере возможности, вырвать нас отсюда и зачислить в армию генерала Колчака (см. Так в тексте.). Я приведу Вам солдат и офицеров, попавших в Марокко почти так же, как и я. Мы готовы немедленно вступить в бой с большевиками, поправшими право, разорившими родную страну.

Мы здесь мучаемся в каторжных работах, т.к. нас из солдат сделали рабочими, понукаемыми капралами-немцами, которым нас отдали в рабство. Не знаем ни отдыха, ни праздника. Копаем, носим камни от утра до ночи, съедаемые насекомыми, грязные, по месяцу не мывшиеся, изнуренные физически и нравственно, мы производим впечатление не людей, а видений.

Взятые французами для войны с большевиками, мы должны теперь заботиться о Франции, в то время когда в России мы так нужны.

Русских офицеров, поступивших во французскую армию, обещали отправить в формируемую во Франции антибольшевистскую армию, но отправили в Марокко, где они работают наравне с остальными, в обществе немецких преступников – убийц и дезертиров, для которых родной страны не существует и которые за лишнюю кружку вина будут служить хоть дьяволу. Особенно они издеваются над русскими офицерами.

Неужели нельзя этого прекратить? Неужели Россия забыла своих сынов-защитников? Наши раны открываются при воспоминании об этом. Нас должны забрать отсюда, мы не можем жертвовать собой для чужих интересов.

Разве обещанная помощь Францией Колчаку не может быть дана нами же, русскими, ведь мы, а не кто-нибудь другой, должны строить будущее России. Мы заменим уставших, раненых и убитых!

Франция обязана нас отпустить для этой цели, с ее стороны это будет лишь скудное подаяние тем, кто ее выручал почти 4 года.

Сами сделать мы ничего не можем, нам нужна помощь извне. Этой помощи мы и просим у Вас.

Во Франции много влиятельных русских людей. Если им дорога Россия, то и мы им должны быть дороги, т.к. и мы – частица той многострадальной Родины.

Мы – не преступники, не дезертиры, не убийцы, мы за кружку вина не продаем себя, а честно выполняли свой долг перед Родиной, шли за нашими друзьями-офицерами... и зашли.

Неужели, читая наши страдания, наши душевные муки, не дрогнет сердце у патриотов? Неужели, занимаясь повседневной сутолокой, передадут это все как веселый анекдот?

Неужели Россия потеряла доверие у друзей? Неужели все двери для нее закрыты? Если нам не суждено отсюда уйти, если нас забыли, то, умирая под тяжелым камнем, но еще и подгоняемые немцем-капралом, мы будем знать, что Россия погибла не только для нас, но и для всех, потому что ее сыны, растеряв своих меньших братьев, не собирают их, не дают им окрепнуть для того, чтобы сбросить ярмо, принесенное чужеземцами.

Это понимают те, о которых я пишу и за которых прошу, будучи сам несвободным. Это все люди, бывшие в Добровольческой армии, но во время нашествия на Одессу варваров-большевиков распылившиеся в панике и бывшие подобранными «добрыми союзниками». Я прошу за них и за себя, и за тех немногих, которые, бежав из германского плена во Францию, попали сюда, т.е. из одной каторги в другую. Ваши газеты, присланные нам по просьбе одним французом, дополняют картину страданий. Но мы, я повторяю, скованы и не можем подать руку помощи своим братьям, уставшим в великой борьбе.

Заканчивая это послание, я предполагаю, что Вы там примете какие-нибудь меры в отношении нас. Не дайте же нам погибнуть в когтях немецких капралов!

Марокко, О Мекнес, 1-й иностранный полк, 6-й батальон, 1-я рота, № 52809.

Готовый к услугам, поручик Кирилл Шаповалов».

«Марокко, Африка.

Многоуважаемое издательство, сейчас я получил Ваши 5 журналов. За них, конечно, очень сильно благодарю. В почте я прочел, что есть какие-то сведения о дальнейшей судьбе в Легионе для Егоровского Александра, а может быть, и для меня. Дело в том, что я писал очень много, но не получал ни ответа, ни отказа. Вы мне писали, что Вы передали одному русскому семейству, чтобы они приняли меня, как крестника, потому что у меня нет никого. Если это русское семейство не обратило внимания, то будьте добры, передайте кому-нибудь из других семейств. И я еще хочу Вас спросить одно. Мне сейчас всего лишь 17 лет. В таком возрасте здесь быть не полагается, но из-за того, что у меня никого нет, я и страдаю здесь, как какой-то преступник. Может быть, мне написать генералу Врангелю и просить его о содействии, т.к. я по вине большевиков попал сюда. По-моему, он только один может помочь моему горю.

Так вот, господин Бурцев, поскольку Вы более умный человек, чем я, то рассудите сами и не оставьте эту просьбу, пожалуйста, без внимания.

Я здесь научился ценить очень высоко то, что не ценил в нормальной жизни...

Если это будет возможно, то будьте мне, как родной отец, и помогите мне написать Врангелю, дайте его адрес или перешлите мою просьбу ему сами, потому что это Вам больше возможно.

Господин Бурцев, будьте мне отцом, не оставьте мои надежды на отъезд к Врангелю.

Жду с нетерпением Вашего ответа.

С приветом к Вам, Н. Егоров».

«Представителю Российского правительства
Его Высокопревосходительству адмиралу Колчаку
Ильи Васильевича Горбунова младшего унтер-офицера
149-го стрелкового полка
Прошение

Во время нашествия большевиков на юге России я вынужден был покинуть Одессу и, бежав оттуда, записаться в Иностранный легион. В настоящее время большевики бесчинствуют по всей России. Я молод и силен, но в настоящее время совершенно бесполезен для России. И это тогда, когда враг наш направляет все силы, которые час от часу растут, против любящих ее сынов.

В силу вышеизложенного честь имею покорнейше Вас просить исходатайствовать мне разрешение у французского правительства на право поступить в ряды Вашей армии, Вашего Превосходительства, адмирала Колчака или генерала Деникина».

«Колон-Бечаз

1-й иностранный полк, 12-я рота

Здравствуй, Нестеренко!

Прочитал только что твое письмо к Овчинникову. Радуемся, конечно, что он о нас беспокоится, но вместе с тем и душа разрывается на части. Полковник и некоторые другие освобождены от службы, а с нас выжимают последние соки.

О, Господи! Когда мы освободимся от этого проклятого ига! Знаешь, Нестеренко, меня сейчас настроение наводит на дурные мысли. Не дай Бог, если не уеду из этой каторги. Черт побери жизнь!.. Чем мучиться 5 лет, так лучше 5 часов...

Мое дурацкое предчувствие подсказывает, что не скоро мне отсюда вырваться, от чего становится страшно тяжело. Проклинаю тот день, когда подписал легионный контракт.

Ты пишешь: «Если не будет запроса, телеграфируйте». Так и сделали, а что дальше – не знаем. Новости сейчас не буду писать – не до них.

Нестеренко, умоляю на коленях, не забудь меня. Не дай погибнуть в 20 лет, когда только является желание жить.

Я знаю, что Вы хлопочете, но все же прошу еще раз – позаботьтесь о нас.

Пиши.

Твой друг, С. Иванов».

«Здравствуйте, Гена, Сеня, Петя, Коля!

Не верится мне, чтобы Вы забыли Ваше обещание ходатайствовать и писать о каждом Вашем шаге, и ведь это – правда! Вам, испытавшим «прелести» Легиона, не писать друзьям – это подлость, и другого названия такой поступок не заслуживает. Я не говорю о себе, я говорю от имени друзей, которые находятся здесь же. Мы все живем Вашими письмами, они если не для всех, то для многих отстраняют смерть. Гена, мне, мальчишке, испытавшему все прелести войны с 16 лет, не так трудно, но подумай о других, которые жили в других условиях с пеленок, каково им, да и мне, со дня Вашего отъезда! Все время хочется отдохнуть, и я не могу перестать пить, курить и опять пить запоем. Гена, ради всего святого, ради имени святой дружбы, пиши, освободят нас или нет. Гена, я постарел, но не поумнел. Временами отдаются мои грубые шутки, которые я отпускал в Ваш адрес.

Гена, я послал тебе телеграмму-письмо от имени Иванова и вот результаты: после письма, которое ты послал с газетой, мы писем больше от Вас не получали. Я не могу писать, что говорит сердце, я пишу, что диктует ум.

Знайте, Гена, если только вы – нерешительные трусы, то не в одной смерти вы будете виновны. Слушай, Гена, все мы любим жизнь, но так, как мы живем... Умоляю, как брата, пиши правду... Ручко помешался, и мне от этого недалеко, много на это не надо.

Письмо, посланное нам 20 августа, предотвратило на некоторое время катастрофу. Спросишь Ермолаева. Я разорвал письмо на его глазах, которое бы послужило Вам, как вестник моей смерти. С того дня прошло полторы недели. Я еще подожду немного, а там – прощай, жизнь.

Целую всех.

Георгий Овчинников».

«Марокко, 4 апреля 1921 г.

Многоуважаемый господин Бурцев!

Я Вам пишу свое последнее прошение. Я Вам уже писал 2 письма, но они, может быть, не дошли. Неужели и это письмо не дойдет?

Только что я получил Ваш журнал, где прочитал, что в середине мая созывается съезд, и вот у меня явилась последняя мысль на освобождение. Я Вас прошу, чтобы Вы передали на съезд мое письмо, которое, по моему соображению, дает жизнь планам прекратить мои страдания. И пожалуйста, не откажите хотя бы в последний раз подумать, каким образом мне найти дорогу на выход из этого ада. Ведь я Вам, кажется, писал, что раз немецкое консульство, принадлежащее державе, бывшей когда-то врагом для Франции, имеет голос и освобождает отсюда несовершеннолетних немцев, то, как я думаю, что русское консульство может этого для своих добиться и подавно, как представитель страны, бывшего союзника французов. Но писать в само консульство я не могу, потому что отсюда письмо по такому адресу не допустят. Да я и не красноречив писать-то им такие прошения, но Вы, я думаю, будучи редактором газеты, можете это все устроить. Допустим, здесь скажут: хорошо, мы его отпустим, и куда он тогда пойдет?» У меня здесь много знакомых по контракту, которые бы дали возможность поступить на технические курсы. К ним я очень стремлюсь, французский язык, по крайней мере, знаю не хуже русского, в отличие от большинства наших, не понимающих его. Если Вы поднимете этот вопрос на собрании, то, наверное, Вас они все же поймут и оценят, как я здесь мучаюсь. На всякий случай я Вам напишу, как здесь худо.

Я сам родом из города Путивля Курской губернии. Выехал я 30 ноября 1912 г. в Болгарию. Здесь и нашел меня несчастный случай записаться в Легион. Но я записался туда потому, что работать у меня не было сил после ранения, и, следовательно, было почти невозможно кормиться в то время. Однако французы предложили совсем не то. Явью оказалось то, в чем мы сегодня находимся. Я, кажется, если не ошибаюсь, уже описывал мой переезд Вам. Так вот, многоуважаемый, не оставьте хотя бы мой последний вопль о спасении, сделайте все, что только Вам возможно, и за это будет Вам отплачено по заслугам.

Итак, я на Вас надеюсь. Извиняюсь, что писал неразборчиво и очень кратко, но не могу писать лучше, потому что сейчас у меня трепещет сердце и трясутся руки, что сильно проявило себя при написании этого письма.

Господин Бурцев!

Еще одна просьба, подайте объявление в газету:

Н. Егоров разыскивает Глезенина, выехавшего из России в 1921 г. Номер Егорова 56308, 4-й иностранный полк, 3-й батальон, 9-я рота, Засугерт на Бу Дениль, Марокко.

Егоров вам делает небольшую приписку: «Жду и сгораю от нетерпения, уважающий Вас, Н. Егоров».

Выдержка письма эмигранта А.Б. взята из публикации «На развалинах русского влияния в Ливане и Сирии» журнала «Казачий путь» № 34, 1928 г.:

Следует отметить, что из-за большого процента проживавшего в Ливане и Сирии православного населения Россия имела среди них особый авторитет.

Но «как финальный аккорд гибели русского престижа и унижения русского имени, в 1924 г. французский верховный комиссар запрещает русскому оркестру легионеров играть гимн «Коль Славен» на похоронах заслуженного русского адмирала, еще недавно бывшего им боевым соратником».

Данный документ для публикации взят из частной коллекции белоэмигранта А.А. Воеводина (Воеводин Александр Александрович – донской казачий офицер. Окончил 4 курса юридического факультета Московского университета, военное училище Тифлиса. Участник Первой мировой войны, с 1916 г. – командир рабочей роты, офицер для технических поручений Управления корпусного инженера 1-го

Кавказского армейского корпуса в 1917–1918 гг. Офицер Русского Закавказского добровольческого корпуса, журналист. Вступил в Добровольческую армию. В ноябре 1920 г. эвакуировался из Крыма в Константинополь с армией Врангеля. С февраля 1921-го по октябрь 1922 г. жил в Тунисе. Принимал участие в издании журналов для студентов-эмигрантов «Жили-были», «Студенческий листок». С конца 1922 г. проживал в Чехословакии, занимался общественной деятельностью – секретарь Объединенных российских эмигрантских студенческих организаций (ОРЭСО) в Праге. Студент Русского юридического факультета в Праге в 1922–1925 гг. Член кружка «Далиборка» в 1922–1928 гг. С 1923 г. – член «Союза русских писателей и журналистов» в Чехословакии. В предвоенные годы – секретарь этой организации. Член редколлегии журнала «Своими путями» – издания Русского демократического студенческого союза. Редактор «Справочного листка» – еженедельной газеты «Русского свободного университета» в Праге в 1934–1939 гг. В годы Второй мировой войны вступил на путь подпольной борьбы против немцев, арестован ими, брошен в концлагерь, где и погиб. Оставил неопубликованные воспоминания: «В революционное время на Кавказском фронте, февраль 1917-го – февраль 1918 г.» (1931 г.); «На миноносце «Гневном» из Константинополя в Бизерту» (1927 г.); «Два года в Тунизии» в трех частях (1928–1929 гг.). В Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ) находится его личный фонд № 6340.).

От Г. Алферова – в Прагу, 1930 г.

«...Страна Алжир находится, как всем известно, на берегу Средиземного моря. Мой приезд в Африку – уже второй – после Египта. В Египте был совсем другой климат. Там было жарче, чем здесь. Летом и здесь жарко, но в зимнее время идут дожди и дуют ветры. Но снега до 7 февраля не было. Живут здесь, как и в Египте, арабы, евреи и много испанцев. Конечно, есть и французы, как начальство, так и войско.

Евреи, как и всюду, занимаются коммерческим делом, арабы и испанцы – обрабатывают землю. Растет здесь много пшеницы, но главное – это виноградорство. Еще растет здесь много масличного дерева, апельсинового, но таких деревьев, как у нас, на Дону, не замечено. Испанцы живут сносно, но арабы – бедно.

Я служу в роте телефонистов, телеграфистов и радиотелеграфистов. Первые четыре месяца мне было учение. Казаков здесь немного, потому что они больше идут в кавалерию, которая стоит в Тунисе, в городе Сусе. Военной службы здесь почти нет – то есть винтовку берешь раз в неделю во время стрельбы. Остальное время провожу в классе, учишься, как в школе, с половины восьмого до половины десятого, и после обеда – с часу до четырех, а после – свободен. В девять часов – перекличка, и в десять – ложимся спать. Встаем – в половине седьмого, завтрак состоит из четверти литра кофе. В половине одиннадцатого – обед (суп, мясо и еще что-нибудь – когда рис, фасоль, макароны) и четверть литра вина. Хлеба дают один фунт в день (четыреста грамм). Ужин – в пять часов...» С.289.

Данные документы содержатся в ГА РФ. Ф.6340. Оп.1. Д.7. Лл.1–12.

От Сергея Валерьяновича Архипова, госпиталь Джерьял, Алжир, 8 мая 1923 г., А.А. Воеводину, в Прагу (первое письмо):

«...Передо мной Ваше письмо от 20 марта, адресованное на имя Белокурова, который мне его переслал.

Последний находится в Марокко, где уже начались операции. Вы сами знаете, что в боевой обстановке, в особенности при полевой войне, невозможно регулярное сообщение с культурным миром. А посему мне поручено не терять Вас из виду, чтобы при Вашем активном содействии, на которое мы рассчитываем на основании Вашего письма, быть в курсе всех вопросов, связанных с судьбой русской учащейся молодежи вообще, оказавшейся волею судеб на чужбине, выброшенной из

привычных, культурных условий существования, и студентов-легионеров, в частности.

Энергичная работа правления Организации российских эмигрантских студенческих организаций, или, персонифицируя последнее, – Ваша работа, дорогой коллега, – столь благотворительная по результатам, уже достигнутым и вероятным, что дает надежду на почти полное разрешение всех вопросов нашей жуткой действительности.

Если Вас интересуют быт и нравы этого «Мертвого Дома», именуемого Иностранным легионом, я охотно поделюсь с Вами материалом...»

2-е письмо С.В. Архипова из Алжира А.А. Воеводину в Прагу, 11 мая 1923 г.:

«...Из очень авторитетного источника узнал, что Ваша работа в целях освобождения от службы русских студентов-легионеров не пропала даром: письмо доктора Масарика, одобренное Мильераном, передано на рассмотрение военного министра.

Даже не рассчитывая на полный успех, можно тем не менее с уверенностью сказать, что этот шаг не останется без последствий.

Я в самом радужном настроении. Недаром во мне живет вера в чудо. Не первый раз приходится быть свидетелем событий, совершающихся «рассудку вопреки».

Дай Бог, чтобы и на этот раз «невозможное сделалось возможным и необходимым».

Французское правительство, не страдающее, кажется, исторической близорукостью, должно ясно видеть, даже несмотря на предыдущие события, контуры будущей России, и в его прямых интересах пойти на уступку общественному мнению подлинной России и ее младшей сестры – Чехословакии.

Это является для Франции действительно экзаменом на политическую зрелость, успех которого зависит исключительно от степени ее подготовленности, от реальности всей ее социологической концепции.

У меня к Вам просьба. Не имеется ли у Вас случайно каких-либо сведений о Василии и Петре Аверьяновичах – или Валерьяновичах – Архиповых, моих братьях.

Первый – инженер-технолог, окончил Петроградский технологический институт в 1913 году, работал в Николаеве на Военно-Морском Флоте и последние годы был заведующим портовой электрической станцией там же. Второй – студент Московского императорского технического училища (приема 1910 г.)...»

3-е письмо С.В. Архипова из Алжира А.А. Воеводину в Прагу, 26 июля 1923 г.:

«...Спасибо сердечное, дорогой Александр Александрович, за Ваше большое, милое письмо, которое доставило мне много приятных минут, а за хлопоты Ваши по розыску моих братьев – земной Вам поклон. Это – услуга, которая не забывается. Итак, я в неоплатном долгу перед Вами.

Правительство, от которого зависит наша участь, всячески затягивает разрешение поставленного Вами прежнего вопроса, глухо оно...

Перестало меня это удивлять и возмущать. Разочаровался я в республиканских «добродетелях». Республиканские правительства (я не разумею в том числе Чехословакию, которая являет собой поразительно удивительно-красивое исключение), не способны подняться в своей политике и мировоззрениях до благородства, до чистой идеи, без всякой материалистической окраски.

Дистанция огромного размера между двумя республиками – скромной, благородной Чехословакией, родившейся «из пены морской», и гордой, тщеславной, жестокой Францией. В то время, как последняя, дорого заплатившая за свою победу... русской кровью, по звериному праву присвоила себе львиную долю добычи, присудив себе части тех, кто, обескровленный, потерял свое национальное достояние во имя общего дела на поле чести, в то время как по всей

республиканской Европе происходит пир во время чумы, разыгрывается страшная, дикая вакханалия, дирижируемая кучкой грубых, жестоких, некультурных политиканов, благородная Чехословакия, продолжая лучшие традиции самых славных дней Европы, творит большое культурное дело и в отношении своей смертельно-больной, всеми забытой старшей сестры [России] – «приютила, и согрела, и поесть дала» многим тысячам ее страдальцев!.. Порой пробуждается во мне дикая злоба-ненависть против современной Франции.

Если бы видели воочию ее гнусную политику в Иностранном легионе, политику, которую можно охарактеризовать несколькими, но выразительными словами: сифилизация, спаивание и покровительство всем порокам, которые распустились здесь махровым цветом: педерация, самые неестественные комбинации сексуального характера, казнокрадство, обман, вымогательство, бесцеремонная, наглая игра на желаниях несчастных, безответных легионеров.

Поймали нас в свои хитросплетенные, расставленные сети беззастенчивой лжи и обмана, воспользовавшись нашей наивностью и безвыходным положением в Константинополе, куда мы явились все оглушенные и раздавленные «грозой» и третьей бурей революции.

Нахальство и бесстыдство доходили до того, что их генералы (!), занимавшие высокие военные посты в Константинополе (как, например, генерал Пель), афишировали несуществующие блага, от которых у несчастных, голодных, раздетых россиян слюнки потекли...

А что же нам? Бледнеют «Записки из Мертвого Дома» перед нашей кошмарной действительностью, перед этой страшной республикой татуированных с головы до пят, закоренелых, матерых преступников, которым – место на виселице в любой стране, – этой республикой сифилитиков, дегенератов, алкоголиков, педерастов, садистов всех степеней и оттенков, всех национальностей и возрастов, – перед этим ящиком Пандоры, где сконцентрированы все пороки культурного человечества.

Все республики существуют в современном мире, как два страшных очага заразы, проказы, гниения, разложения – это Коммунистическая Россия и Иностранный французский легион. Как в первую, так и во вторую слетелись черные вороны со всех концов земного шара. Легион – это квинтэссенция всей человеческой части, которой не повезло, у которой сорвалось, – это пара Коммунистической России.

Аборигены его – квалифицированные преступники всех мастей, у которых за душой – десятки, если не сотни дьявольских злодейств, которые подложными именами живут под сенью французских республиканских законов, прикрыв свои прокаженные тело и душу униформой французского солдата!..

Многие и многие из «малых сих» – я говорю теперь о русских – подпадают под это жуткое, разлагающее влияние, равняясь по этому зловонному отбросу человеческому... И лишь немногие, обладающие недюжинной волей и действительно интеллектуальными интересами, оказались в состоянии осуществить свою индивидуальную стоимость, порвать с этой апокалипсической средой, оставаясь гордо-одинокими.

С ужасом констатирую результаты этого тлетворного влияния. Некоторые окончательно опустились на дно, поклявшись, таким образом, в вечной и неизменной верности Легиону.

Наступает самый страшный период, когда «публика», освоившись наконец с языком, акклиматизировавшись, так сказать, и имея небольшие деньги, пойдет, не оглядываясь, по торной дороге, по стопам своих растлителей, прямо в жуткое царство вечных легионеров, то есть – заживо погребенных. Спешите, время не ждет, дорогой Александр Александрович!..

Те же, кто сохранил еще бодрость и ясность духа, полны энергии и жажды работать и учиться. Прошли они суровую кровавую школу жизни, опыты которой спасут их в будущем от многих неосторожных шагов.

Куйте железо, пока горячо, дорогой!..

Во имя нашей любимой Родины, которая скоро восстанет со смертного одра и потребует своих верных сынов на титаническую работу, во имя нашего общего сказочного прошлого, которое неразрывными узами связывает всех нас, во имя, наконец, гуманности и любви к ближним, к несчастным сделайте, дорогой Александр Александрович, умоляю Вас, все возможное и невозможное, чтобы спасти нас, памятуя, что за душу каждого спасенного многое воздастся Вам...

Дай Бог Вам неустанной энергии и успеха.

Услышьте же наконец этот «глас вопиющего в пустыне!..».

Да хранит Вас Господь».

Письмо четвертое С.В. Архипова из Алжира в Прагу А.А. Воеводину:

«...На этот раз ограничиваюсь несколькими строчками. Был бы бесконечно рад Вашей весточке.

По поводу регистрации студентов написал капитану Тихонравову, которого настойчиво просил о проведении ее. Он мне ответил, что ее реализация сопряжена со многими неудобствами. По сведениям, которыми он располагает, в Легионе имеется около 300 студентов.

На 60-тысячный состав Легиона эта цифра – бесконечно мала.

Продолжаю жить надеждой на осуществление нашей мечты. Посылаю Вам два любительских снимка, в исполнение Вашего желания.

Простите великодушно за некоторую небрежность моего письма. Будьте здоровы...»

Письмо пятое С.В. Архипова из Алжира в Прагу А.А. Воеводину:

«Дорогой Александр Александрович!

Долго не писал я Вам. Простите великодушно за мое глупое молчание. Не в «письменном» настроении был я, каюсь чистосердечно.

Долго не получал я писем из дома, терзался... Точно страшная бездна разверзлась передо мной, и стоял я перед ней с закрытыми глазами, чувствуя перебои моего психического гироскопа, – с ноющей тоской, с ощущением тошноты и небольшого головокружения, как на качелях или перед боем, который вот-вот разорвет жуткую тишину своим ревом.

Но вот наконец желанная весточка, и страхи мои рассеялись, но надолго ли?

А время идет, идет своим чередом, убивая старые надежды, рождая новые... И мечется душа в клетке неопределенности, и бьется о голые скалы действительности...

То загораюсь я надеждой, и верится тогда, «и верится, и плачется, и так легко-легко», то падаю я в бездну сомнений и страхов, и хочется плакать тогда, «забыться и заснуть».

И всякий раз, когда я впадаю в жестокую меланхолию, «когда на устах моих – печать», приходит чье-либо милое, славное письмо, как ангел-утешитель...

Направление моих мыслей меняется так, что неопределенное уравнение жизни превращается в одно уравнение с одним неизвестным, каковым является мой дальнейший жизненный путь...

Простите за моментацию, дорогой Александр Александрович! Поделиться хорошим прямо-таки нечем. Не взыщите.

Напишу подробно в следующий раз.

Всего лучшего...»

Данные документы содержатся в ГА РФ. Ф.6340. Оп.1. Д.8. Лл.1–46.

Письмо первое от Белокурова из Марокко в Прагу, 23 апреля 1923 года, А.А. Воеводину:

«Здравствуйте, дорогой коллега!

Я послал Вам из Марокко несколько писем, но ответа от Вас пока никакого еще не получил. Не знаю, попали ли они вообще в Ваши руки. Во всяком случае, перед тем, как отправиться в так называемую «колонну», я напишу Вам еще. В начале мая начинаются наши операции в Марокко, в смысле завоевания и покорения диких арабских племен, разбросанных по долинам и плоскогорьям Среднего Атласа. В этих операциях принимает участие группа численностью около ста двадцати тысяч человек, в состав которой входит и наш полк. По всем признакам, операции будут нелегки, ибо местность, в которой они должны развиваться, чертовски для нас неблагополучная – горы, ущелья и горы...

Безусловно, будет очень обидно, если придется сложить здесь кости за чужие интересы, за процветание страны, которая никогда не может быть Родиной.

Впрочем, «Бог не выдаст, – свинья не съест», – говорит русская пословица. На днях я получил номер газеты «Дни» по моему настоящему адресу прямо из Берлина. Если это Ваши работы – большое спасибо!

Вопрос, который меня больше всего интересует, – это ходатайство Организации российских эмигрантских студенческих организаций об освобождении студентов из Легиона. Каковы результаты? Или мы их вообще не дождемся?!

Во всяком случае, держите тесную и постоянную связь с нашим капитаном Тихонравовым Первого Иностранного полка Французского легиона, стоящего в Сиди-Бель-Аббесе в Алжире.

Он всегда в курсе дела, и если что со мной случится – ранят или убьют, – он будет знать в первую очередь.

Лично я живу хорошо. Командую пулеметным взводом 7-й роты Второго Иностранного полка. Начальство ко мне относится очень хорошо. Мне говорят определенно, что, если во время этих операций я «отличусь», то меня передвинут в чин лейтенанта.

Но, по правде Вам сказать, меня военная карьера не соблазняет. Хочется скорее вырваться из Африки, закончить образование и начать жить более спокойно. Надоели бесконечные походы, ранения, лишения... Слишком много их уже было!

Простым же солдатам живется чертовски скверно.

Утром – строевые занятия. После обеда – работа по постройке всякого рода дорог, с лопатой, ломом и киркой. Вечером – идти в караулы. Чуть что проштрафился – получаешь хорошую взбучку по уху или по физиономии, несмотря на то что во Французской Республике существуют «свобода, равенство и братство», здесь, в колониальных войсках, мордобитие – «на полном ходу». Впрочем, иначе нельзя. Когда в роте – 10 русских, 15 немцев, 10 французов, 5 итальянцев, 8 болгар, 12 арабов, пяток негров и так далее – дисциплину без кулака не поддержишь, а она – нужна.

В особенности приходится трудно нам, унтер-офицерам. Все держится на нас. Мы – полные хозяева в роте, и вышестоящее начальство спрашивает с нас, и если твой взвод не находится на должной высоте, то в первую очередь сажают под арест тебя – за неспособности «внушать своим людям».

Вот и приходится «внушать», пуская иногда в работу кулаки. Из двух зол приходится выбирать меньшее: лучше самому других бить, чем тебя будут бить другие.

И вот так идет жизнь. Бегут дни, недели, месяцы... А впереди, может быть, ждет смерть, позорная смерть солдата, продавшего свою жизнь за деньги, за вино, за кусок хлеба, за право жить.

Пьянство развито здесь сильно. Я тоже пьянствую вовсю. Трезвому этой каторги не выдержать!

Посылаю Вам несколько фотографий и остаюсь в ожидании Вашего ответа, преданный Вам, Белокуров».

Письмо второе от Белокурова из Марокко в Прагу, 29 апреля 1923 года, А.А. Воеводину:

«Дорогой Александр Александрович!

Ваше милое письмо от 20 марта получил только сегодня. На днях я Вам послал письмо с приложением нескольких фотографий. Завтра, к сожалению, мы уже выступаем в «колонну» для операций по отвоеванию новых территорий, так что писать много Вам не придется. Во всяком случае, даю Вам адрес моего друга, студента Архипова, который находится в очень благоприятных условиях и который будет давать Вам самые подробные сведения о Легионе. Он занимает пост сержанта, заведует военным госпиталем Джеревилль в районе Орана, и, само собой разумеется, времени у него свободного – масса, в то время как нам, «строевикам», приходится разрываться направо и налево, в особенности во время операций.

Вы смущаетесь моей благодарностью? А я еще раз благодарю, благодарю за Вашу отзывчивость, за Вашу энергию, за Ваше желание помочь нам, легионерам, выбраться из осточертелой Африки.

Про результаты не будем говорить! Я вполне полагаю, что это дело, которое мы затеяли, «неравное»... Бороться с толстокожим президентом республики не так легко. Ведь для них только собственные интересы играют роль, а наши... На самом заднем плане! Я это знаю и учитываю великолепно.

Я вполне разделяю пессимистический взгляд нашего капитана Тихонравова, ибо он знает французов очень и очень основательно!

Но тем не менее они все-таки могут сделать «красивый жест», как Вы говорите, если увидят, что на этом деле можно заработать. Французы – это те же жиды-спекулянты. Выгодно – они готовы рассыпаться мелким бисером, невыгодно – нос задерут кверху, и как индюки.

За три года я их, каналий, узнал хорошо!

Но, в общем, они – как бамбуковое дерево, и меня удивляет то обстоятельство, как они могли победить немцев? Во всяком случае, мы, иностранцы, русские, по службе французов давно заткнули за пояс, и они у нас учатся и спрашивают совета. Да Вы мне скажите по совести – есть ли на свете хоть одна нация способнее русской?

Я написал бы Вам очень и очень много, но поймите, что работы по горло. Будучи командиром взвода, я имею на своей шее тридцать человек, а я – один, и приходится разрываться во все стороны...

Меня зовут Василий Сергеевич, и по поводу фотографий, которые я Вам с этого дня посылаю или буду посылать, то Вы ими можете распоряжаться по своему усмотрению. Я никого не боюсь и никого не стесняюсь.

Большевиков я три года бил и еще бить буду, и их контрразведок не боюсь. Они могут совращать с пути слабых, но с такими, как я, они поломают свои зубы.

Вы рады, что я не падаю духом. Я духом никогда не падал, и, как бы мне ни было плохо, я рук не опущу. Правда, временами чертовски бывает обидно, что делается не так, как хочется, а как Бог велит, но я уверен, что в конечном итоге я своего добьюсь...

Возможно, что в недалеком будущем я сделаюсь французским офицером. А как Вы думаете, этот чин мне дадут даром, за старые заслуги перед «Белой Россией»? Нет, голубчик, этот чин обойдется мне ценой крови и целых ручьев пота, но про это не будем говорить. Русская натура – крепка, и если нужно – она выдержит больше всех других, но своего все-таки добьется!

Пока заканчиваю Вам это письмо с пожеланием успеха во всех Ваших делах.

Архипову я скажу – описать легионерскую жизнь. Во время операций, когда будет время, все же буду посылать Вам короткие письма. Жду обещанных журналов

с Вашим рассказом из жизни легионеров. Если разрешите, буду присылать Вам кое-какой материал для журнала.

Крепко и дружески жму Вашу руку».

Письмо третье от Белокурова из Марокко в Прагу, 31 мая 1923 года, А.А. Воеводину:

«Здравствуйте, дорогой коллега! На днях получил от Вас журналы «Студенческие годы» и «Бюллетени». Читал Ваш рассказ «Тягота». Рассказ – очень удачный. Техника – бесподобна, много художественных мест, но он далеко не дает характеристики Легиона и видно сначала до конца, что автор знаком с Легионом по рассказам других, но, в общем, для широкой публики, незнакомой с Легионом, великолепен.

Вы попросите сержанта Архипова, чтобы он прислал Вам кое-что для журнала. Время у него есть, да и способности найдутся. Я же вот уже целый месяц – в «колонне».

Почти каждую ночь арабы нападают на лагерь, и каждую ночь мои пулеметы обливают их свинцовым дождем. Днем прокладываем дороги, делаем тоннели. Находимся сейчас на самых вершинах Среднего Атласа, покрытых дремучим лесом, на пять тысяч четыреста футов над уровнем моря. Завоевали уже более шестидесяти километров. Жизнь безумно тяжела и опасна – в нашем батальоне за двадцать пять дней насчитывается около восьмидесяти убитых и около двухсот раненых.

Зато местность – чертовски красива. Воздух – бесподобен, кругом – водопады... В лесу трещат соловьи. Мир так прекрасен!.. Так хочется жить, любить... Вспоминаются невольно былые дни... Встречи с той, ради которой когда-то так сильно билось сердце...

Надежды и упование на будущее... Оно, тогда казалось, будет таким хорошим, сказочным...

Вроде для этого были все данные: молодость, силы, желание работать, учиться, не покладая рук.

Теперь – не то... Жизнь показала свою изнанку, развеяла в прах все мечты, все надежды...

И все-таки я уверен, что снова придут былые дни.

Пусть в моих висках раньше времени блестит седина, пусть мне неимоверно тоскливо, пусть мне чертовски тяжело, – но пока я жив, я не сдамся, и, что бы жизнь не изобретала против меня, не ей меня одолеть!

Вот сейчас Вам пишу, а сегодня вечером, может быть, «шальная» залетит в мою палатку и похоронит все мои надежды на продолжение образования, надежды на другую жизнь, надежды на «волю», когда делаешь, что хочешь, и живешь, где хочешь и как хочешь, а пока – исполняешь приказания своих начальников и раздаешь таковые же, в свою очередь, своим подчиненным.

...Сержант, Вы займете со своим взводом высоту Н.

Сделать окопы и выставить пулеметы...

... ...Есть, мой капитан! ...

И так же спокойно идешь с людьми умирать, как когда-то за Родину... Дисциплина – прежде всего! Есть народная русская пословица: «Назвался груздем – так полезай в кузов»...

...Нас бросают в самые опасные места. Легионер для марокканцев – все равно, что «исчадие ада». Ну, пока, а то идет капитан и будет ругаться, что я плохо наблюдаю за работой.

Всегда уважающий Вас, Белокуров.

Четвертое письмо Белокурова из Марокко, пост Ассака, в Прагу А.А. Воеводину, 6 мая 1923 года:

«Дорогой коллега!

Спешу Вам сообщить, что вот уже скоро 2 месяца, как я нахожусь в Марокко. Около 800 километров сделал пешком в какие-нибудь 22–23 дня. Сейчас стою пока на посту Ассака, среди громадных гор Большого Атласа.

Кругом еще непокоренные племена диких арабов, которые очень серьезной опасности не представляют. Вооружены они плохо, почти совсем голые. Работают только ножом, нападая по ночам на часовых.

Как сержанту, приходится очень много работать, ибо здесь мы, унтер-офицеры, – самое главное начальство, так как французские офицеры – слишком большие господа и в мелочи солдатской жизни не входят.

В общем, пока здоров и доволен. Надеюсь на будущее, зарабатываю здесь около пятисот франков в месяц.

Спасибо Вам, дорогой коллега, за всю колоссальную работу по поводу нас, грешных легионеров.

Что касается газеты, то теперь в моей роте около сорока русских, так что много газет не присылайте – какую-нибудь одну, вроде «Нового времени», и Ваш студенческий журнал.

Остальные газеты высылайте в Сиди-Бель-Аббес, в русскую бибилиотеку, которая, в свою очередь, рассылает их во все роты Легиона.

Я, со своей стороны, буду описывать Вам нашу легионерскую жизнь в Марокко. Буду присылать иногда фотографические снимки, рисующие нашу жизнь.

Буду очень рад, если Вы хотя бы изредка будете писать».

Пятое письмо Белокурова из Марокко в Прагу А.А. Воеводину, 12 мая 1923г.:

«Дорогой коллега!

Вы, наверное, уже получили мое письмо, из которого узнали, что я теперь нахожусь в Марокко. Сделал около семисот километров пешком, под палящими лучами африканского солнца. Было трудновато, да и теперь нелегко. Правда, положение сержанта – привилегированное. В данное время я командую пулеметным взводом 7-й роты Второго Иностранного полка; работы, конечно, много, в моем подчинении – сорок человек, но особенно жаловаться не приходится. Получаю жалованье – пятьсот семьдесят франков, имею для услуг вестового, и все бы хорошо, если бы не общество, в котором приходится жить.

Ведь, пролезши в сержанты, не так легко. Мало того, чтобы знать безукоризненно французский язык, мало того, знать службу и уставы, нужно еще прослужить в Легионе двенадцать-пятнадцать лет, чтобы получить этот чин сержанта.

Я пришел в сержанты через десять месяцев, и нужно ли говорить, что кругом были зависть и ненависть. В общем, я попал в общество сержантов, из которых каждый имеет четырнадцать-восемнадцать лет службы в Легионе. Пьяницы – отъявленные. Когда напьются, засучивают рукава и лезут «на бокс». И вот – с волками жить – по волчьи выть. Приходится с ними жить и выходить «на бокс». Слава Богу, что у меня – фигура богатырская, рост – сто восемьдесят сантиметров, а кулак – увесистый. Кто выходит против меня драться – на другой день идет в госпиталь.

Но Вы понимаете, коллега, что такая жизнь мне совсем не нравится. В сентябре 1914 года я оставил Рижский политехнический институт. Я направился добровольцем на фронт, сделался офицером. С декабря 1917 года – начал драться против большевиков и вот теперь, в Легионе, сержантом. Годы идут...

Жизнь тоже уходит...

Эх, да что тут говорить; из Легиона необходимо вырваться и вырваться немедленно, иначе – верная погибель.

Если сержанту трудно – то про солдата и говорить нечего. Та же каторга. В особенности приходится плохо молодым и смазливым мальчикам. Здесь – ужасно развит «педеразм». Этим занимаются даже офицеры, и вот если мальчик-легионер – смазливый и молодой, то за ним начинается форменная охота, как за «девочкой», и в конце концов жертва сдается.

Нужно благодарить Бога, что между русскими этого почина практически не наблюдается, нравственные устои русских еще слишком крепки, зато молодые мальчики за пачку папирос или бутылку проделывают самые постыдные номера.

Многих всяких язв у нас в Легионе, но эта язва – самая отвратительная и самая гнусная.

Вот почему, прочитав в «Руле» заметку о Вашем ходатайстве перед президентом Французской Республики по поводу студентов-легионеров, я в лице Вас, дорогой коллега, приветствую весь состав Организации российских эмигрантских студенческих организаций и слезно умоляю: не опускайте руки, пока Вы не добьетесь своего.

Речь идет о спасении нескольких сотен жизней людей, которые учились много лет, которые отдали лучшие годы своей жизни за Родину. Ведь они заслуживают лучшей доли, чем быть в Легионе. Лично про себя я не говорю: я несу свой крест и донесу его до конца.

Я видел в жизни все виды и бывал «во всех переплетах». Но для других, молодых, Легион – верная погибель.

С моей энергией, с моей силой воли и упрямством я не затеряюсь даже здесь, в Легионе. Есть надежда, что в будущем году я буду иметь офицерские галуны. Но другие – другие изнемогают под тяжестью этой ноши. Спасите их! Насколько мне известно, капитан Тихонравов имеет полный список студентов Легиона. Возьмитесь хорошенько за него. Он играет очень видную роль в Легионе, как капитан французской службы, и много помогает русским. Он бы с удовольствием вытащил из Легиона всех русских студентов, но Вы понимаете, что сам лично он бессилен что-либо сделать, в конце концов – он такой же солдат, как и все мы.

Итак, дорогой коллега, умоляю Вас держать меня в курсе событий, присылать немного газет, если можно – книг. Я, со своей стороны, буду часто Вам писать, обрисовывать картину нашей жизни.

Ради Бога, не опускайте руки. Выручайте! В долгу не останемся!

Привет всем, Белокуров».

Шестое письмо Белокурова из Марокко в Прагу А.А. Воеводину, 9 июля 1923 года:

«Здравствуйте, дорогой коллега!

Вы меня простите, но писать – совершенно нет времени. Третий месяц мы – в «колонне». Ежедневные бои, работы по постройке мостов, по прокладке дорог, а ночью – дежурство, или, выражаясь по-французски, – «унтер-офицер на посту», – отнимают каждые сутки восемнадцать-двадцать часов. Спать приходится не больше четырех-пяти часов в сутки, и то одним глазом, не раздеваясь. Появились вши, разные заболевания – на почве сильного переутомления и нечистоплотности.

За этот промежуток времени, пока мы ведем операции, много русских убито и ранено (около двухсот!). Я пока цел и невредим, но за будущее не ручаюсь, так как на днях один солдат-немец из мести выстрелил в меня, когда я отдыхал в своей палатке, но, к счастью, промахнулся.

Солдата я этого загнал в батальонный карцер, и его расстреляют или, в лучшем случае, пошлют на всю жизнь в военную тюрьму, но все-таки такие сюрпризы – неприятны.

Трудно быть начальником, да еще в боевой обстановке, имея в своем распоряжении людей – чистокровных каторжан, татуированных с головы до ног, но в то же время – трусов, которых во время боя приходится подгонять прикладом. Вот

одному такому «красавцу» я во время боя «разукрасил» физиономию, и он хотел мне отомстить, но неудачно.

За бой 24 июня 1923 года я представлен к «Военному Кресту» («Croix de querre»). Вообще к боевой обстановке мне не привыкать – 8 лет воевал; но все же за эти 3 месяца устал и физически, и нравственно.

Просьба газету «Дни» мне больше не высылать, так как таковая конфисковывается и до меня все равно не доходит. Присылайте лучше французские газеты и Ваш журнал «Студенческие годы».

Голубчик, ради Бога, хлопочите за тех, которые еще живы, и скорее вытаскивайте их из Легиона, а то будет поздно. За себя я молчу. Если меня пуля не возьмет, я все выдержу и перенесу. Я знаю себя, знаю свой характер, свою волю. Но есть другие, которые не выдерживают всех «прелестей» Легиона – начинают травиться, сходят с ума, а главное – пьянствовать беспробудно и на этой почве делать массу глупостей. Опускаются до того, что занимаются «педеразмом».

Эх, вообще тяжело писать, но это – так!

Если есть время – пишите.

Уважающий Вас, Белокуров».

Письмо седьмое Белокурова из Марокко в Прагу А.А. Воеводину, 14 августа 1923 г.:

«Здравствуйте, дорогой коллега!

Сегодня мне в руки попала «Информация»... от 22 июля с Вашей статьей «Из Мертвого Дома». Прочел ее несколько раз с удовольствием, и должен Вам откровенно сознаться, что все очень метко схвачено.

Сценки нарисованы очень правдоподобно, как будто бы автор сам прослужил несколько лет в Легионе. Как будто некоторый материал заимствован немного из моих писем к Вам? Это мне доставляет удовольствие, я очень рад хоть чем-нибудь оказаться Вам полезным.

У нас одиннадцатого опять был сильный бой. Наш батальон потерял больше половины своего состава. Ранено много офицеров и сержантов. Много убито русских. Я много видел всяких ужасов, но бой 11-го числа сего месяца превосходит все виденное до сих пор.

Арабы лезли стаями, как саранча, часто имея лишь одно «достойное» ружье на десятерых. Бой начался в 3 часа утра 11-го числа сего месяца и длился до утра 13 августа.

Местность – отвесные скалы и ущелья Среднего Атласа, сплошь покрытые густым кустарником, метров под пять высотой, почти лесом. За два шага вперед – ничего не видно. Раз сорок бросались арабы «в ножи», выскакивая стремительно из-за кустов, и всякий раз большая половина оставалась на месте, скошенная ружейным и пулеметным огнем или нашедшая свою судьбу на острие легионерского штыка.

Я своими руками приколол около 60 человек. Но картина – все-таки жуткая. Почти совсем голые, с ножами в зубах, с диким воем, они бросались на нас... Между ними были их женщины и даже дети. Конечно, с их стороны не было никакой тактики, никакой стратегии, несмотря на колоссальное преимущество – в смысле знания местности.

Они лезли и падали в неравной борьбе. Зато наши потери – тоже колоссальные. В этот бой выбыло из строя около 200 русских, из них – около 40 студентов.

Как я остался цел и невредим – не могу даже себе представить. За этот бой я второй раз представлен к «Военному Кресту». Но на что мне это? Я есаул Русской армии, имеющий все офицерские награды до ордена Святого Владимира с мечами включительно. Разве меня все это устраивает? Другого бы я хотел, но, видно, не суждено отсюда вырваться!..

Многие уже теперь никогда не увидят Родины, своих близких, друзей...

До дна выпили свою чашу!

Моя очередь еще пока не наступила, но возможно, что скоро и наступит, ибо операции еще далеко не закончены.

Несмотря на мой железный организм, на мои стальные нервы, на мой оптимизм в будущее – все же я чувствую, что временами начинаю «сдавать», и если поддержка вовремя не подоспеет – не видать мне больше ни России, ни друзей...

И над своей мечтой – закончить образование – придется поставить крест.

Обстоятельства иногда сильнее нас... Если есть возможность – пришлите чего-нибудь из русских книг и журналов. Пишите. От Вас давно ничего нет.

Жму крепко Вашу руку.

Белокуров».

Восьмое письмо Белокурова из Марокко, пост Касбах, в Прагу А.А. Воеводину, 20 сентября 1923 года:

«Здравствуйте, дорогой коллега!

Ваше письмо от 30 августа я только что получил.

Несказанно был рад узнать про все Ваши шаги, про все Ваши попытки зондировать почву во всех направлениях, разыскивая слабые места для атаки неприступной, заколдованной крепости, именуемой Легионом. Ну что же, теперь Вы сами должны согласиться с тем, что место это «заколдованное».

Раньше, чем перейти к деталям Вашего письма, расскажу Вам немного о моей жизни с мая по сегодняшний день. В мае начались операции.

Вначале они были довольно легкими в боевом отношении; правда, походная жизнь – нелегка вообще, в особенности здесь, в горах Среднего Атласа, но все же – мириться было можно. С 24 июня бои принимают ожесточенный характер. Мы продвинулись до территории самого воинственного племени в Марокко – мармушей, которое разбросано в самом сердце Среднего Атласа, по течении горной реки Серина. И здесь-то началась «работа». Мармуши часто бросались «в ножи», наши принимали оборону, приканчивая их штыками. Совсем голые, с черными волосами, кругом обритыми, и лишь как у наших запорожцев – черная косичка на маковке, – мармуши производили зловещее впечатление. В особенности ожесточенны были их ночные нападения.

Про потери не говорят, но с нашей стороны – очень крупные. Много убито и русских. Одних русских сержантов выбыло из строя около тридцати человек, а нас, сержантов, на весь Легион – сто шестнадцать.

Описывать детали боев, переживания, впечатления – не буду. Как-нибудь в другой раз.

Теперь наш батальон занимает посты первой линии в непосредственной близости от противника. На нашу роту достались четыре поста. И вот мне выпало «счастье» быть на одном из них, а именно – на «Касбахе-дель-Уйед-Сиди-Абль-де-Кадес Диаболи» – быть начальником гарнизона, то есть, говоря по-французски, – «в качестве командующего армией». В моем распоряжении – один сержант, три капрала, двадцать солдат, четыре мула, три пулемета, один бомбомет; склад снарядов, патронов, гранат, ракет и так далее, а также запас провианта на мой гарнизон на три месяца. Вот я здесь три недели и уже за эти три недели выдержал четыре ночные атаки. А ночи, в первую половину сентября, стояли такие темные, что хоть глаз выколи. От других постов – далеко. Самый близкий пост – пять километров. Есть телефон, но провод перерезают каждую ночь.

Вот видите, в какой обстановке протекает моя жизнь. Напряжение нервов, энергии, воли – постоянное и неослабное. Приходится держать людей в руках, не допустить их поддаться всесокрушающей госпоже «Панике», в особенности во время ночных атак.

Днем, с утра до вечера, приходится энергично работать по укреплению поста и по приведению его в надлежащий вид на зимний период, когда дожди здесь, в сердце Среднего Атласа, идут, не переставая, месяцами.

По слухам, на этих постах мы пробудем около семи месяцев, то есть до апреля будущего года. Журналов, про которые Вы пишете, я не получал, и вообще давно от Вас нет ни газет, ничего. Русская библиотека, как таковая, больше не существует в Сиди-Бель-Аббесе, и, сказать Вам откровенно, то за все время я из нее ничего не получал. Будет гораздо больше смысла, если Вы будете рассылать все, что достанете, из книг и газет мне, для распределения между солдатами Второго батальона нашего полка, и ниже я Вам привожу адреса других студентов, которым можно смело поручить это дело:

...Сержант Конмани, студент Московского коммерческого института. 2) Сержант Василевский, студент Ярославского демидовского лицея. 3) Сержант Кроленко, студент Киевского политехникума. 4) Сержант Фролов, студент Московского императорского технического университета. Кроме того, высылайте Архипову и капитану Тихонравову. ...Нужно сказать, что все эти лица могут систематически присылать впечатления о жизни в Легионе.

Со всеми Вашими остальными видами на будущее я вполне солидарен и, со своей стороны, желаю успеха в предстоящей неравной борьбе.

Лично я, со своей стороны, не могу ничего сделать, ибо сам изнываю в другой борьбе – в борьбе за свою шкуру, за право жить...

Конца ей еще не видно, а силы и энергия тают с каждым днем, с каждым часом...

Но я выдержу и не сдамся! Единственная вещь – это смерть, которая может положить конец моему упрямству... Упрям я и настойчив в своих стремлениях, как осел. Даже здесь, в Легионе, я сделал карьеру – по выражению других «некоторых», которые даже мне завидуют. Как не говорите, а в глазах других быть начальником целого поста – для сержанта уже счастье!

Они там, в своей голове, уложить не могут, что их покорный слуга в свое время, в гражданскую войну, командовал полками...

Впрочем, черт с ними.

На днях я Вам пришлю материал для рассказа, конечно, из жизни русских в Легионе, а Вы таковой обработайте и тисните куда-нибудь. Если можно, пишите чаще. Ваши письма для меня – больше воздуха. Прилагаю несколько неудачных фотографий. Удачные пришлю позднее.

Крепко жму Вашу руку. Чувствую, что мы будем впоследствии друзьями – когда увидимся.

Белокуров».

Письмо девятое Белокурова из Марокко, с поста Касбах в Прагу, А.А. Воеводину, 11 октября 1923 года:

«Здравствуйте, дорогой коллега!

Ни одной газеты, ни одного журнала за все время от Вас не получал, а между тем в своем письме Вы упомянули о высылке мне «Студенческие годы» и так далее. Значит, затерялись в пути. У нас это случается часто и систематически. Готовлю Вам кое-какой материал для рассказов и пришлю в самом непродолжительном времени. Мне хотелось бы знать, не пробовали ли Вы когда-нибудь рисовать сценарии для кинематографа. Я, как только вырвусь из Легиона, думаю заняться кинематографией. Вы, наверное, знаете, что это – моя специальность.

У меня есть материалы для постановки картины.

Задача теперь – обработать его и сделать сценарий. Может быть, попробуем?

Пока посылаю Вам несколько фотографий, более удачных – и в ожидании Ваших милых и приятных известий жму дружески Вашу руку.

Белокуров».

Письмо десятое Белокурова из Марокко, с поста Касбах в Прагу, А.А. Воеводину, 16 октября 1923 года:

«Здравствуйте, дорогой коллега!

Ну должен Вам сказать, что жизнь у меня на посту становится, как на вулкане. Нахальство «диссидентов» становится прямо-таки невыносимым. Среди бела дня подкрадываются, пользуясь сильно пересеченной местностью и благоприятными подступами, на 10–15 метров к посту и стреляют в упор. Вчера убили солдата моего поста – Лимезера (немца), когда последний вышел за 5 шагов от проволоки для отправления естественных нужд.

А про ночь и говорить нечего. И трудно, чертей, заметить, почти голые, имеющие цвет местности, подползают, как змеи.

Что ни день – то снимают часовых то на одном, то на другом посту. Жалятся, черти, как поганые осы! Вот почему до сих пор нет времени собраться хорошенько с мыслями, дабы обработать Вам обещанный материал для рассказов из жизни

Легиона. А материала, дорогой коллега, непочатый край.

К сожалению, масса энергии и времени уходит на более нужные материи, в связи с сохранением своей шкуры и жизни вверенных мне людей.

Получил от Архипова письмо, полное комплиментов по моему адресу. Для характеристики присылаю таковое Вам.

Кстати, что же Вы не прислали «Информации» с Вашим фельетоном?

Это меня интересует. Вырежьте этот фельетон и положите в закрытый конверт, иначе – бандероли пропадают. За все время я от Вас ничего не получал – ни газет, ни журналов...

Ну, дорогой коллега, нужно кончать письмо. Шестнадцать часов вечера. Часовые нервничают.

Дует ветер... Темно... Ночь полна таинственных шорохов, а Вы знаете, что «напуганная ворона всего боится». Нужно ходить около часовых и «воодушевлять», хотя бы кулаком – иначе из-за одного араба поднимут такую стрельбу, что наутро получишь нагоняй от командира батальона за чрезмерный расход боеприпасов. Мы будем стоять здесь, на постах, до июня будущего года, и никакого подвоза не будет. Надо беречь каждый патрон и работать больше штыком. «Пуля – дура, штык – молодец».

А солдаты мои – все-таки дрейфят порядком, и только одно сдерживающее начало – это мой кулак.

Пока, всех благ. Пишите.

Белокуров».

Одиннадцатое письмо Белокурова из Марокко, пост Касбах в Прагу А.А. Воеводину, 18 октября 1923 года:

«Здравствуйте, дорогой коллега!

Посылаю Вам несколько грубых штрихов, как материал для рассказа. Обработайте, как Вам заблагорассудится. К сожалению, я не могу собрать, как следует, свои мысли, и эти мои наброски Вам покажутся бредом сумасшедшего. Не судите меня строго. Если бы Вы побывали в моей шкуре, были бы не лучше. Посылаю Вам также несколько фотографий.

Найдите между Вашими знакомыми какую-нибудь милую девушку, чтобы она со мной переписывалась, русскую обязательно. Дайте ей мой адрес, хоть на бумаге, пусть немножко согреет женской лаской, а то я сделаюсь форменным дикарем...

С сердечным приветом Вам, Белокуров».

Двенадцатое письмо Белокурова из Марокко, пост Касбах в Прагу А.А. Воеводину, 2 ноября 1923 года:

«Здравствуйте, дорогой коллега!

Представьте себе мою радость, вчера до меня докатился журнал «Студенческие годы», номер пятый. Прочел его в два счета, вернее, проглотил, не отрываясь. Сразу видно, что журнал процветает – много объявлений, масса материала.

Вижу, что Вы от слов перешли к делу и начали серьезную кампанию против французов и против вершителей судеб над легионерами за освобождение студентов из Легиона. В добрый час!

Уверен, что капитан Тихонравов был очень недоволен этим. В особенности за опубликование цифр относительно потерь. Будет их опровергать и у Вас допытываться о фамилии автора. Не выдавайте! Ибо если начнется полоса репрессий, то не будут пропускать ни одной русской газеты, письма и другое. А этого бы не хотелось! Хотя капитан все равно догадается, откуда дует ветерок. Мое упрямство ему известно больше, чем кому другому. Ну что же!

Будем отбиваться. После двухмесячного перерыва я снова приступаю к изданию нашего нелегального легионерского рукописного журнала «На чужбине». Первый номер рассчитываю выпустить на Рождество. Дело в том, что некоторые русские сержанты настолько смирились со своей ролью французского унтер-офицера, что хотят продлить свои контракты до пятнадцати лет! Настолько разочаровались, опустились, отупели или уснули (черт их знает!), что хотят совершенно похоронить себя заживо в Африке. Вот против таких-то «красавцев» я и открою поход.

Правда, материальное положение сержанта – неплохое, но все же продаваться за деньги и умирать за «красивую Францию», как ходили умирать «за родную Кубань», можно было лишь в течение первых пяти лет, когда подмахнули контракт, не зная Легиона, и в крайне тяжелой обстановке, тогда добровольно и не отдавая себе отчета – сквозь землю готовы теперь провалиться...

В этом журнале я документально опишу ход операций и помещу полные именные списки всех убитых и раненых русских легионеров, с указанием их бывшего положения в России. Будет помещена масса интересных фотографических снимков.

Безусловно, один номер Вам перешлю, в котором Вы почерпнете бездну материала. К участию в его выпуске стягиваются сотрудники всего Марокко, Алжирии, Туниса и Сирии.

Пока я жив – руки не опущу. Вот и сейчас борьбу приходится вести на три фронта. Арабы – враги внешние. А внутренних – гораздо больше. Немцы-сержанты завидуют, что я занимаю должность начальника гарнизона и коменданта поста, им обидно, что я сурово и жестоко обращаюсь с их соотечественниками. Строят мне гадости на каждом шагу, но все их козни пока разбиваются вдребезги, как волны о гранитный утес. Уж если я захочу чего-нибудь, то меня трудно свернуть с дороги. Я люблю борьбу до результата. У меня такой характер – положи мне палец в рот – я откушу всю руку.

Начальство пока ко мне относится хорошо, но, когда узнает о моей пропаганде против переподписания контрактов русских в Легион, безусловно, ответит репрессиями.

Трудно, конечно, пока предугадать, в какую форму эти репрессии могут вылиться. Во всяком случае, я знаю, на что иду, и к борьбе готов.

Ну вот пока и все, что я хотел Вам, дорогой коллега, сказать в этом письме. Еще раз спасибо за журнал. Присылайте еще.

Крепко и дружески жму Вашу руку, Белокуров».

Тринадцатое письмо Белокурова из Марокко, пост Касбах в Прагу А.А. Воеводину, 19 ноября 1923 года:

«Дорогой друг Александр Александрович!

Большое спасибо за книги «Начало» и «Неупиваемая Чаша» и газеты. Получил вчера.

Здоров и жив.

Прилагаю Вам письмо казака Чибисова Кузьмы. На мой взгляд, оно очень характерно и может послужить Вам материалом, когда Вам придется опять коснуться жизни в Легионе.

Жму крепко руку.

Ваш Белокуров».

Четырнадцатое письмо Белокурова из Марокко, пост Касбах в Прагу А.А. Воеводину, 5 декабря 1923 года:

Дорогой друг Александр Александрович!

Вчера мне принесли Ваше милое письмо от 8 ноября 1923 года с четырьмя журнальными вырезками, которое мне лишний раз доказывает, что обещаний своих Вы на ветер не бросаете.

Все Ваши статьи об Африке – идеальны. Слов нет, как говорят французы...

А потери все продолжаются, и арабы сдаваться не думают. Падает дождь и снег, снег и дождь...Ревет и ревет ветер. Ночи стали чертовски длинными: с половины шестого – уже темно и до семи утра. Четырнадцать часов ночи! Ночи темные, как чернила.

Ни звезд, ни луны... Все небо – в тучах. И так каждый день все та же «дурацкая звериная жизнь в борьбе за культуру и цивилизацию», за чьи-то чужие интересы...

Вот идет уже четвертый месяц, как я командую этим постом; есть много офицеров и адъютантов, но все сидят при штабе и меня пока не сменяют. Почему? В данное время – опасно. Вот подождите, начнется «перемирие», арабы сдадутся – тогда, я уверен, кто-нибудь явится принимать командование постом «на законном основании».

В общем, как и следует ожидать, все в порядке вещей.

Итак, дорогой Александр Александрович, пока посылаю Вам это короткое письмо, а на днях постараюсь дать Вам «факты» по всем пунктам. Приближается конец года, и надо делать чертову уйму отчетности, а я – и писарь, и бухгалтер, и комендант поста – все вместе. А канцелярщина у французов – в тысячу раз больше нашей. Даже нужно делать особый список на количество слов, переданных в телефонограммах за «триместр», вот и извольте их высчитывать!

Я в одном из своих посланий отправил Вам письмо казака Чибисова; прилагаю Вам второе. Тоже характерное. Разберете ли Вы его почерк? Однако, Вам лишний материал для «Казачьих информаций». Спасибо за милую девушку, которую обещаете.

Ваш друг Белокуров».

Письмо пятнадцатое Белокурова из Марокко, пост Касбах в Прагу А.А. Воеводину, 27 декабря 1923 года:

«...Увлекся я, дорогой Александр Александрович, расписывая Вам мелочи нашей жизни, но так как Ваша тема на «государственном экзамене» является об Иностранном легионе – то, следовательно, чем больше в Вашем распоряжении будет материала, тем легче Вы с этой работой справитесь. Перед Вами – ясно определенное задание – спасти русских студентов из Легиона, вытащить их из этого зловонного, вязкого, засасывающего болота. До сих пор до Вас доносились вопли: «Спасите наши души! Спасите наши жизни!..» Дорог каждый час, дорога каждая минута... Лично Вы, дорогой друг, раньше всех услышали этот вопль, забили в набат,

сделав сверхчеловеческие усилия, чтобы обратить внимание «сильных», обладающих «приборами и снарядами», для спасения тонущих. Многие не приняли участия в этом просто потому, что дело происходило «не на их участке». Конечно, все соболезновали – все-таки люди, но на том и успокаивались.

Теперь перейдем к легионерской обстановке. Прежде всего почти все русские в Легионе теперь имеют около трех лет службы в Африке, а потому получают «сверхсрочные деньги». Простой солдат получает двадцать-тридцать франков в месяц, капрал – сорок пять, сержант – триста шестьдесят. Сержант из жалованья оплачивает стол. В Марокко солдат получает шестьдесят–шестьдесят три франка, капрал и сержант – четыреста семьдесят шесть, а во время похода – три франка добавочных. Питание солдат тоже неплохое. Объясняется это тем, что почти все «наши» научились говорить по-французски, узнали, сколько граммов мяса, сахара, кофе и прочее получается по раскладке на солдата в день. Говоря короче – окончательно «применились к местности».

Казаки – бывшие офицеры и студенты – теперь почти все капралы и сержанты. Многие, попав в сержанты, решили, что это – предел человеческих достижений, забыли, что они понадобятся будущей России. Они уже собираются, не окончив срока службы, подмахнуть новое заключение контракта еще на пять лет, тем более что сержанту, отважившемуся на такое дело, платят премию в размере двух тысяч франков единовременно. В этом-то весь ужас!..

Если же он начал «закладывать» по традициям старого Легиона и находить толк в вине, то уж «коготок увяз». А если он молод и неравнодушен к женскому полу, то, явившись из Марокко в гарнизон в Алжире, в какой-нибудь маленький городок или деревеньку, – сейчас же будет опутан какой-нибудь ловкой испанкой или африканской француженкой и женится, да еще перейдя в католичество. И пропадет тогда навеки для России. А на сержантов охотятся, как индейцы за скальпами.

Я вам скажу откровенно, что вопли из Легиона будут доноситься все реже и реже и скоро совсем прекратятся. Но из этого не следует заключать, что жизнь в Легионе сделалась иной. Нет! Дело далеко не так. Просто потому, что многие уже ушли в иной мир, сложив свою голову не за «Святую Русь», а за «прекрасную Францию»... И только бесчисленные кладбища с деревянными крестами, которыми усеяны все места сражений этого сезона, говорят о том, что «многим русским не хватило места на Святой Руси». А другие, оставшиеся в живых, устали кричать, надорвались...

Состояние полнейшего безучастия ко всему, к самому себе, уже сковало их. И нужен сильный толчок, какая-то светлая живительная струя, чтобы вывести их из этого оцепенения.

Вообразите, что человек замерзает... Сначала он борется, надеясь на помощь, делает массу движений, потом – устает, члены его немеют, рассудок заволакивается каким-то туманом, и его охватывает чувство безразличия. На секунду искра сознания пронизывает его мозг, напоминая, что он погибает, он делает еще усилие и потом впадает в окончательное беспамятство. Так и с нами. Я Вам говорил, что некоторые студенты-сержанты думают продлить контракт и в тот день, когда им скажут: «Как студент, Вы свободны и можете покинуть Легион», – он не захочет из него уйти...

...Потому, что он уже «замерз»!..

Надеюсь, дорогой друг, из приведенных примеров Вы теперь видите, какая другая и новая опасность встает перед Вами. Мало того, что выудить нас из Легиона, но не дать заживо замерзнуть!..

Для этого есть одно средство – необходимо их заражать верой в будущее, влить новую, свежую струю энергии и желание учиться, внушить, что они – сыны Великой Руси и что они не имеют права вообще располагать собой по-своему усмотрению.

Для этого я возобновляю издание своего подпольного рукописного журнала «На чужбине», чтобы утешить малодушных.

Со стороны Организации российских эмигрантских студенческих организаций и других структур необходима русская литература, которой здесь почти совсем нет. Было бы недурно, если бы русские женщины и девушки, у которых найдется свободная минута, написали ободряющее письмо, вступили в переписку со студентами-легионерами, этим была бы оказана громадная моральная поддержка. В особенности это касается, коллега, слушательниц высших учебных заведений.

Когда будет налажена доставка литературы, когда каждая курсистка возьмет письмами в переплет по одному студенту-легионеру, когда, с другой стороны, я начну бичевать их своим журналом, будет надежда, что два года продержимся и не замерзнем. Ведь нам уже остается служить два года! А к этому времени необходимо, чтобы Организации российских эмигрантских студенческих организаций раздобыла вакансии в высшие учебные заведения нам для учебы.

Я знаю, что регистрация студентов в Легионе не состоялась, хотя капитан Тихонравов и имеет полный список учащейся молодежи в этом «заведении». Но это роли не играет: подпольным образом я проведу регистрацию сам лично и закончу ее к марту–апрелю, если, конечно, буду жив.

Итак, Вы собирайте адреса девушек, а я их распространю между своими коллегами.

О коллективном письме не может быть и речи. Ведь мы – на службе, военные законы в этом отношении суровы.

Посылаю Вам несколько фотографий.

Крепко и дружески жму Вашу руку. Простите за хаос в моем изложении. Иногда ум за разум заходит. Приходится вести борьбу на всех фронтах: стихия, начальство, солдаты, арабы... Здесь такой ветер свирепствует, что три раза срывало крышу с поста. Дожди пять раз размывали стену... А начальство замучило телефонограммами, приказами и всякого рода отношениями и рапортами. Солдаты, чуть не доглядишь – какую-нибудь пакость сделают (почти одни немцы!). Арабы подползают даже днем и стреляют в упор. И за все это отвечает один Ваш покорный слуга, на правах коменданта и начальника гарнизона поста.

Итак, всех благ Вам.

Преданный Вам, Белокуров».

Письмо шестнадцатое Белокурова из Марокко, пост Касбах в Прагу А.А. Воеводину, 17 января 1924 года:

«Да простите мне, дорогой друг Александр Александрович, что я Вас даже до сих пор не поздравил ни с праздником Рождества, ни с Новым годом... Безусловно, Вы догадались, что только серьезные причины могли заставить меня быть таким неаккуратным.

Да, оно так было. Вы, наверное, получили мое письмо, где я Вам с радостью сообщил о начавшемся «затишье». Мне даже казалось, что война на Дьябл Ядъях окончилась. Я ошибся! Счастливые и веселые дни «затишья» окончились... Часть арабов сдалась, а другая часть не пошла на условия французского командования, и несчастный «буфер», другими словами, вверенный мне пост Касбах, получил очередной удар. 29 декабря, после этого, банда мармушей (племя на Дьябл Ядъях), в количестве более ста человек, устроила засаду на подкрепление, направлявшееся ко мне, а другая часть пыталась ворваться в пост. У меня – трое убитых, трое раненых. Из них – один русский, Ефремов Иван, уроженец Олонецкой губернии. Три винтовки с убитых им удалось снять. Занятые отражением атаки и переноской своих убитых и раненых, которые выбыли из строя в первую минуту схватки, так как мы не могли забрать трупы убитых арабов, и они их забрали с собой. С их стороны потери были около двадцати – двадцати пяти человек, но факт тот, что вещественных доказательств у меня в руках не осталось, и в результате, как начальнику поста, мне

пришлось иметь от высшего начальства уйму крупных неприятностей, в особенности – за винтовки. Чем больше ко мне производилось дознаний по этому поводу, тем больше и ярче обрисовывались мои таланты, незаурядное хладнокровие и качества старого, испытанного солдата, бывавшего и в более серьезных переплетах.

Хотели меня сначала, как «не француза», загнать под военно-полевой суд, обвиняя чуть ли не в небрежности и халатном отношении к своим обязанностям, в непринятии предписанных мер предосторожности и так далее.

Но кончилось тем, что я продолжаю командовать постом Касбах, и скажу по секрету, на меня пошло представление в чины лейтенанта!

Это одна из первых неприятностей старого 1923 года. Теперь – другая, касающаяся наших студенческих дел. «Некоторые студенты», когда-то бывшие одних взглядов со мной, пройдя теперь в сержанты, «окопавшиеся» на спокойных, безопасных должностях, по гарнизонам Марокко, вдруг превращаются в рьяных защитников Легиона и, подобно коммунистам, воспевающим свое райское житье, ведут пропаганду за переподписание контрактов в массе русских, и, узнав о моих письмах к Вам, о Ваших статьях, рисующих быт Легиона, встали на дыбы и грозят мне репрессиями через начальство, что я якобы разглашаю военные тайны, раздаю цифровые данные и, дескать, подвожу всех русских, которые «нашли приют» теперь во Франции и в Легионе, в частности.

Есть такие умные, которые сравнивают меня с «крыловской свиньей», которая «рылом подрывает корни у дуба»... Выходит, что я стараюсь только для себя. Ну что же, и в нашей студенческой семье Легиона нет единой точки зрения на легионные порядки. От имени всех говорить я больше не могу, а потому, дорогой Александр Александрович, все теперь мои письма к Вам не имеют официального характера как выражающие голос всего русского студенчества во Французском иностранном легионе.

Кто в конечном счете потерял – предугадать не сложно. Только не я. Оставшиеся два года я дослужу, если буду жив, но больше все равно не останусь, даже если буду французским офицером, что весьма вероятно. В этом Вам мое слово.

Итак, дорогой Александр Александрович, такое положение вещей.

Пишите. Не забывайте.

Крепко жму Вашу руку.

Белокуров».

Письмо семнадцатое Белокурова из Марокко А.А. Воеводину, пост Касбах в Прагу, 26 января 1924 года:

«Дорогой Александр Александрович!

Был безумно рад читать Ваше письмо от 27 декабря 1923 года. Я Вам на днях писал подробно о «текущих событиях» и надеюсь, Вы получили это письмо.

Дорогой друг! Я ведь не казак по происхождению, казаком я стал с 1918 года, когда кровавый красный туман окутал почти всю Русь. Моя своевольная, упрямая натура не ужилась в Добровольческой армии. Не любитель я миндальничать и тратить попусту слова. Я был зверем в гражданскую войну, и жестокость казаков по отношению к красным мне пришлась по сердцу. Я с ними сроднился, сжился и в рубках, и в песнях, удали им не только не уступал, но временами их превосходил. Меня уговорили приписаться к Кубанскому Войску, и я стал казаком. Плохо знал я спокойную, мирную жизнь в столицах, мало знаю я и радости семейные, но «бранное житье» казачье вошли в мою память и кровь. Не военный я по призванию, но началась война, и я рванулся туда. Скоро десять лет, как воюю. Семь ранений. Есть, что вспомнить.

Здесь, в Легионе, казаки меня любят, со мной считаются, ибо знают, что сержант Белокуров русского в обиду не даст, а казака – тем более. По поводу просимого Вами материала и казачьих писем сделаю все по мере возможности.

Сейчас в Легионе – около четырех тысяч русских, казаков наберется полторы тысячи – тысяча восемьсот. Донцы преобладают. Большая часть – около восьмисот человек – находятся в кавалерии, в Сирии и Тунисе, человек двести – в Алжире, остальные – в Марокко. Почти все казаки «пристроились» муловодами, ибо других таких специалистов ходить за «худобой» сыскать трудно. В свое время из кавалерии дезертировали целыми партиями. Многие ушли, но другие, а их преобладающее большинство, попались.

При этом привожу Вам фамилии и имена казаков, которым можно высылать для ознакомления журнал, Марокко: 1) сержант Дикаленко; 2) сержант Андриани; 3) Биценко Иван, солдат второго класса; 4) Алферов Андрей, солдат второго класса; Алжир: 5) сержант Григорьев.

Они же, в свою очередь, займутся распространением журнала и соберут Вам других подписчиков-казаков. Мой совет – написать каждому из них письма, чтобы они присылали Вам факты и интересный материал. Сошлитесь на меня, если хотите.

Теперь лично обо мне. С каждым днем служить остается все меньше и меньше, уже не два года, а год и десять с половиной месяцев. Если состоится мое производство в лейтенанты, я ухожу немедленно в отставку. Для офицера подписание легионерского контракта не существует.

Я хочу ехать в Америку, а потому необходимо теперь же начать приготовления, чтобы попасть туда в одно из высших учебных заведений. Английский язык я знаю прилично и сейчас много занимаюсь над английской литературой.

Что нужно мне для этого делать? Вы, как секретарь Организации российских эмигрантских студенческих организаций, можете ли мне содействовать, и в какой мере?

Мне необходимо получить нужные бумаги, визы и бесплатный проезд, а также чье-нибудь содействие на первое время.

Осуществимо ли это?

Жду Вашего ответа. За адрес Аглаи Кондратьевны – спасибо. Попробую ей написать.

Пока крепко и дружески жму Вашу руку.

Белокуров».

Письмо восемнадцатое Белокурова из Марокко в Прагу

А.А. Воеводину, 9 февраля 1924 года:

«Здравствуйте, дорогой друг Александр Александрович!

При сем препровождаю Вам два письма казаков – Алферова и Тищенко, с указанием их правильных адресов. Письма, правда, не интересные, но они Вам дадут возможность вступить с ними в непосредственную переписку и извлечь нужный материал из жизни казачества в Легионе. Я завален работой и отчетностью по командованию постом. Ни писаря, ни телеграфиста у меня нет, а канцелярщина и хозяйство – не меньше, как у нас в России в полку.

По этой причине я не писал до сих пор.

Книг я пока не получал. Последний номер журнала «Студенческие годы» имел за ноябрь (номер пятый), где есть статья «Забытые ключи».

Жму дружески руку.

Белокуров».

Письмо девятнадцатое Белокурова из Марокко, пост Касбах в Прагу А.А. Воеводину, 22 февраля 1924 года:

«Дорогой друг!

Итак, поздравьте меня, во-первых, с наградой за бой у Эль-Мерса 24 июля 1923 года, а во-вторых, с галунами лейтенанта!

Вероятно, я буду переведен в другой полк и в другое место и расстанусь со своим постом «Касбах», в котором просидел долгих, мучительных шесть месяцев. Командование этим постом было для меня сплошной пыткой; это Вы знаете из моих писем. Наверное, во всем Марокко нет корявее этого поста!

Но, верный своему упрямству, я себе сказал: «Остаюсь на посту до результата», то есть пока начальство сменит или арабы пристрелят, но на компромисс с собой не пойду. Я, конечно, всегда мог прикинуться больным, усталым и просить замены, но я этого не сделал.

И хотя это еще не конец, но, по теории вероятности, на днях придет официальный приказ о моем переводе в другой полк, и с каждым часом – все меньше и меньше шансов быть зацепленным арабской пулей.

Конечно, мои коллеги по Легиону, скажут: «Белокурову везет, и в «Касбахе» шесть месяцев сидел и жив остался, в лейтенанты пролез... Теперь – офицер... Лейтенант Монсеньор!»

Не х... собачий! Да, друзья, это – так, но цену этому везению знаю, наверное, я один. Там, где мне трудно – другим смерть! Скорее легче верблюду в игольное ушко проскочить, чем в Легионе из простого солдата сделаться французским офицером.

Скажу больше: незадолго до производства мне деликатно предложили принять французское подданство, выставив напоказ все преимущества... «Русским родился – русским подохну!» – был мой ответ и всегда будет.

Вот почему, дорогой друг, в этом году я, наверное, покину Легион. Офицерское положение может прельщать другого, но не меня. Следовательно, очередь за Вами, дорогой коллега. Я хочу попасть в высшее учебное заведение Америки. Мой анкетный, заполненный ответами лист у Вас имеется. Действуйте, чтобы оформить мне нужные бумаги, сообщите несколько адресов американских студенческих организаций и, если можно, устройте бесплатный проезд до Америки, хотя я все же рассчитываю пробыть здесь еще четыре-пять месяцев, чтобы скопить две-три тысячи франков на всякий пожарный случай. При офицерском содержании – это нетрудно.

О последующих переменах своего адреса Вам незамедлительно сообщу. Пока катайте по старому адресу.

Крепко и дружески жму Вашу руку.

Белокуров».

Письмо двадцатое Белокурова из Марокко в
Прагу А.А. Воеводину, 7 марта 1924 года:

«...Я уже Вам своевременно писал о моем производстве в чин лейтенанта. Теперь я покидаю Марокко и направляюсь в Сиди-Бель-Аббес, в Алжирию, в Первый Иностранный полк Французского легиона, куда и жду от Вас скорого письма и ответов на все затронутые мной вопросы. Вопрос по поводу Америки для меня – самый важный и самый острый. Как я Вам уже писал, в Африке я не останусь, несмотря на все привилегии французского офицера. Я люблю жизнь постольку поскольку она – борьба. Мое дело – завоевывать, но отнюдь не пользоваться своими завоеваниями. Такой мой удел.

Итак, вперед, на новые барьеры. Сегодня только что прибыл автомобилем из Мексира в Фец. Остановился в шикарной гостинице. Великолепный номер, электричество, две шикарных, мягких, как пух, кровати, зеркальные шкафы, ванная комната. А там, позади, на Дьябл Ядъях, в посту «Касбах» (означает «крепость» в переводе с арабского.), продолжается агония между жизнью и смертью. Люди спали там, не раздеваясь. И мне делается стыдно и обидно, что сейчас у меня – все, у них же – ничего, кроме возможности поймать арабскую пулю.

Женщины строят мне глазки, и вот уже седьмая ночь, как я сплю с разными девицами. Жизнь, которой я не жил около четырех лет, снова захватила меня в свои

цепкие лапы, но ненадолго. Сейчас я голоден... Четыре года у меня не было воздуха...

И я спешу... Спешу, чтобы насытиться, боясь, что у меня это могут отнять. Вообразите себе голодного пса, который неделю не жрал, и вдруг ему бросили лакомый кусок... Я в данный момент – тот же пес!

Ну, пока довольно. Пишите же скорее мне.

С дружеским приветом, Ваш Белокуров».

Письмо двадцать первое Белокурова из Сиди-Бель-Аббеса (Алжир) в Прагу, А.А. Воеводину, 12 апреля 1924 года:

«Дорогой друг!

Только что получил Ваши письма от 9 и 10 марта. Я уже Вам писал, что я нахожусь теперь в Сиди-Бель-Аббес в Первом Иностранном полку Французского легиона, а поэтому книги, газеты и так далее для Первого Иностранного полка гоните на мое имя. Я же, со своей стороны, их распределю.

Теперь разрешите Вам сказать несколько слов про мою теперешнюю жизнь. Вырвавшись с Дьябл Ядъяха, я как «бурный вихрь, пустился, не взвидя ни света, ни денег...». Безумно захотелось «гульнуть»... Денег было около 2 тысяч франков. За месяц я их все спустил да еще долгов наделал. Женщины, рестораны, концерты, прогулки за город. Положение позволяло. Я почти ничего не делал. Но дня 3 тому назад, когда еще несколько метров отделяло меня от пропасти, я как-то оборвал свой разгул и сказал себе: «Довольно!»

За это время я почти никому не отвечал на письма. Ни одну ночь я не спал без женщины. На меня нашел какой-то кошмар! Я чувствую, что я делаю плохо, что бросаю на ветер деньги, добытые ценой пота и крови, и все-таки...

Что ж, такова русская натура! Уроки прошлого никогда не могут идти впрок.

К счастью, это кончено. Жалко – я ничего не жалею. Деньги будут, а здоровье даже нисколько не «сдало». Люблю я делать крутые виражи в жизни.

Об этом – довольно. Я признался откровенно. Теперь – о делах.

1) Материалы для «Архива Русской Эмиграции» – соберу и Вам пришлю. Платы никакой не надо.

2) «На чужбине» выйдет лишь 1 мая, ибо главный редактор «болел».

3) Я решил бесповоротно ехать в Америку. Европа мне не нравится.

...Карточку в офицерском одеянии я Вам на днях перешлю.

...На сегодня ограничиваюсь этим коротким письмом, ибо «мозговой аппарат» работает пока не лучше советского и «хаос» во всем неимоверный.

Прилагаю Вам письмо сержанта Кроленко и другое, забавное письмо донского казака Устякина, который называет меня «Батей», в честь того, что когда-то он был в моем взводе, в бытность мою сержантом.

Отвечайте. Не забывайте. Крепко и дружески жму Вашу руку».

Письмо донского атамана Богаевского одному из белоэмигрантов-легионеров позволяет судить о том, что предпринимали высшие деятели Белого движения для разрешения «легионерского вопроса». Находится этот документ в ГА РФ. Ф.6461. Оп.1. Д.23. Л.29.

«22 декабря 1923 г.

Многоуважаемый Василий Степанович!

Что касается вопроса о сокращении срока службы легионеров, то по этому вопросу я начинаю хлопотать, хотя пока и без большого успеха. Думаю, что во французском военном министерстве этот вопрос встретит противодействие и решительное: французы потеряли столько людей за время войны, что, конечно, охотно пользуются услугами иностранцев, жертвующих свою кровь, а иногда и жизнь за чуждые им интересы. Казаков, отлично зарекомендовавших на всех поприщах,

конечно, они охотно не отпустят. Другое дело, если бы освобождалась Россия. Тогда французы были бы вынуждены отпустить русских.

Во всяком случае, попытки продолжать это будут.

Н.М. Мельников, которому я передал Ваше прошение, говорил мне, что имел беседу с Вами по этому вопросу.

Всего хорошего.

Искренне уважающий Вас, Богаевский».

Данный документ позволяет увидеть происходящее во Французском иностранном легионе глазами простого калмыка, представителя Донского казачьего войска. Это письмо позволяет сделать вывод, что выходцы из бывшей Российской империи попадали в данное подразделение не только в 1917–1918 и 1920–1921 гг., но и в последующее время. Такой факт свидетельствует в пользу того, что связь между русскими легионерами со своими бывшими односумами прекратилась на долгие годы. Дело в том, что, несмотря на все тягости легионной жизни, особенно для свободолюбивого казачества, те же казаки продолжали пополнять собой ряды Легиона и в более позднее время, что и видно из изложенного ниже документа.

Письмо калмыка-легионера Сафона Санжиновича Бормагнанова донскому атаману Африкану Петровичу Богаевскому от 19 декабря 1924 г. из Марокко во Францию, Париж:

«...Сижу один у подножия гор Атласа, друзей-то своих казаков нет, а есть русские, но редко наблюдаешь между ними честного друга... Но, конечно, не все такие, есть и между ними хорошие люди. Вот между этими «барашками» и кручусь.

...В настоящее время нахожусь в кампании Оран, ординарцем при лошади у командира полка. Принял лошадей недавно – в декабре месяце прошлого года, а раньше был во 2-м батальоне. Всего имею службу в Легионе шестнадцать месяцев.

Ангажировался я в Константинополе, в конце 1923 года.

...Может, есть у Вас газеты, журналы и книги, то пожалуйста, пришлите. Буду очень рад, до высшей степени.

Казак-калмык Сальского округа, станицы Граббевской Бормагнанов».

Данный документ содержится в Государственном архиве Российской Федерации ГА РФ. Ф.6340. Оп.1. Д.9. Лл.2–3. Он позволяет исследователю увидеть Французский иностранный легион глазами другого легионера.

Письмо Василевского из Марокко в Прагу А.А. Воеводину, 1924 год:

«Многоуважаемый коллега Воеводин, получив Ваше извещение за номером триста сорок шесть, спешу Вам ответить и сообщить все то, о чем Вы просите.

Что касается жизни русских студентов в этой стране, обиженной Богом и людьми, то могу сказать одно: Иностранный легион сравнивает всех в общую массу, называемую Легионом, – студенты, офицеры, анархисты, чернорабочие, грабители, авантюристы и так далее.

Так что говорить о студентах, как вообще о русских, не приходится. Легион живет своей жизнью, жизнью каких-то отшельников, но отшельников поневоле. Здесь слово «легионер» означает «все». Если Вы находитесь в полосе военных действий, то на Вас смотрят, как на какой-то автомат, который должен работать, не спрашивая ни отдыха, ни еды, ни воды; если Вам посчастливилось получить пулю, то говорят: «издержки производства». В гарнизоне, на отдыхе, на Вас смотрят, как на разбойника, зарезавшего, по крайней мере, человек 10; завидев Вас, прохожие стараются как можно подальше обойти.

Как видите, от внешнего мира мы отрезаны; единственное утешение для нас – книга, газета, журнал; для некоторых – вино.

Поэтому я Вас прошу, от имени многих русских, которые еще не успели погрязнуть в этой яме, выслать газет, журналов, хотя бы старых. Из полковой

библиотеки книг или газет достать нет возможности, так как сейчас почти весь Легион стоит на постах.

Вы легко поймете наше прозябание здесь, на постах, если я Вам вкратце опишу, что собой представляет пост. Вообразите маленький квадрат земли – аршин 10 на 15, обнесенный каменной стеной, аршина три высоты; внутри находится барак – для людей, человек на десять; кругом, верст через 5 или 6 – пост, подобный первому, и так далее. Кругом – степь или лес.

Ваша обязанность – защищать эти 4 стены. Выходить из поста дальше, чем шагов на 30, воспрещено, да и не рекомендую, потому что Вас ждут пуля или нож араба. Как видите, живем очень «весело». Единственно, что нас подбодряет, это надежда на скорое окончание.

Извиняюсь, что разболтался.

С приветом, Василевский».

Письмо от 17 февраля 1922 г. видному члену Донского казачьего правительства Н.М. Мельникову от простого донского казака А. Дьякова из Марокко, 2-го Иностранного полка, 3-го батальона, 12-й роты. (Находится в ГА РФ. Ф.6164. Оп.1. Д.35. Л.21):

«Ваше превосходительство!

Я получил 15 февраля этого года посланные на мое имя 3 экземпляра приказов, которые присланы Вами или по Вашему приказанию. Мы все, донцы, собрались вечером и прочитали их, что было для нас большой радостью.

Только и надеемся на Вас да атамана нашего Всевеликого войска Донского. Мы, Ваши подчиненные казаки, крепко веря в Вас, надеемся, что в скором будущем казачество выйдет из запутанной сети, которую плетут большевистские сотрудники. Мы их красноречие слышали на Тихом родном Дону, Голубова и Миронова, которые старались скормить казачество большевикам и уничтожить его. Много уже пережито за границей, при каких бы условиях ни были мы, сколько бы ни терпели, но придет тот час, когда прикажет нам наш атаман следовать за ним, чтобы спасать Родину, наш Тихий Дон. Мы всегда готовы пожертвовать собой для блага России, лишь бы спасти ее от большевизма.

Ваше превосходительство, в нашем батальоне много казаков, особенно донцов. Если у Вас будет возможность, не забудьте нас, пришлите специальную литературу по казачьим вопросам, чему будем благодарны.

Простите, что я без разрешения Вашего беспокою Вас. Также приветствуют Вас все донцы нашего батальона».

Данные документы содержатся в личном фонде Донского казачьего атамана А.П. Богаевского ГА РФ Ф. 6461. Оп.1. Д.164. Лл.1–37. Они позволяют сделать представление об отношениях высших представителей белоэмиграции и русских легионеров.

Письмо первое от 7 июля 1923 г. бывшего есаула Донского казачьего войска Дьякова (Дьяков Иван Иванович – лидер донских казаков-белоэмигрантов во Французском иностранном легионе. Пытался объединить казаков-легионеров в составе этого подразделения на почве непримиримости к большевизму и противодействия монархическим устремлениям генерала Краснова и его сторонников. Вел, несмотря на крайне тяжелые условия жизни и службы в Иностранном легионе, регулярную переписку с рядом высших представителей белоэмиграции: донским атаманом А.П. Богаевским, членом Донского правительства в эмиграции Н.М. Мельниковым, генералом Фицхелауровым, Т. Скачковым – одним из лидеров белоэмиграции в Сербии. Скачков был одним из главных поставщиков казакам в Легионе белоказачьей литературы, хотя его поставки были нерегулярными, что было обусловлено временными запретами со стороны легионного начальства на чтение легионерами прессы извне. Кроме того, Дьяков

держал постоянную переписку и с десятками других, менее известных в белоэмигрантских кругах людей от Финляндии до Франции. Он вел во Французском иностранном легионе разностороннюю деятельность, способствовавшую единению русских легионеров. В 1924–1925 гг., благодаря его деятельности, из Иностранного легиона удалось благополучно освободить, хотя и не без ряда сложностей, несовершеннолетних русскоязычных легионеров, пошедших туда из-за тягот эмигрантской жизни. Дьяков был главным выразителем идей атамана Богаевского в Легионе. Деятельность Дьякова была замечена министром труда Франции, который предложил впоследствии демобилизовавшимся русскоязычным легионерам остаться на гражданской службе во Франции и ее колониях и там работать. Дьяков пытался связаться с французскими предпринимателями, чтобы получить от них сертификаты для казаков-легионеров, которые были необходимы для их устройства во Франции на работы. Трудность Дьякова в этой работе наблюдалась по причине министерской чехарды во Франции. Дьяков постоянно публиковался в ряде белоэмигрантских изданий, в том числе газете Милюкова «Последние новости») атаману Войска Донского Богаевскому:

«Ваше превосходительство, господин атаман!

Сегодня я получил Ваше письмо от 26 июня за номером 1005. Признаюсь, оно было для меня и всех донцов неожиданно, а потому с большой силой всколыхнуло наш внутренний мир и заставило трепетно забиться наши больные сердца.

Ваше письмо воскресило в нашей памяти те славные дни нашей мужественной борьбы против насильников родины. Сейчас мы получили Ваше письмо и видим, что и наша участь занимает и волнует Вас. Ваше внимательное отношение к нам, донцам-легионерам, не может не волновать нас, а потому так трепетно забились наши сердца, когда мы получили Ваш привет и ласку. В течение двух с половиной лет наших скитаний в ротах и эскадронах чужих полков Африки, мы были совершенно одиноки. Тяжелы условия жизни в Легионе, и это противное одиночество парализовало в нас все признаки живой души, и многие из нас впали в отчаяние... Ваше письмо пробудило в нас наши души, наш внутренний мир, и все мы легко вздохнули. Ваш привет донцам и казакам-кавказцам я с гордостью передал на глазах французов, в нашей общей столовой. Донцы были взволнованы и начали подниматься с мест в ожидании моего слова. В коротких словах я передал им, что Вы, наш атаман, никогда не думали забывать нас, и что наша судьба Вас всегда занимала и волновала, и только наша разбросанность по дебрям Африки не позволяла Вам связаться с нами перепиской...

Признаюсь, что момент был настолько важен, что французы и солдаты других наций были в крайнем недоумении, видя возбужденное состояние русских, а некоторые обратились ко мне с вопросом: «Что, что случилось?..»

В своем письме Вы изволили заявить, что наш уход из армии в Легион заставил Вас только сожалеть, но, ни в коем случае, не проклинать нас...

Можно было бы развить мысль по существу «следа» казаков в Легионе и этим самым пролить более яркий свет на истину, но теперь, пожалуй, нет необходимости в этом. Ведь теперь уже 1923-й год...

Там, где русские – там дисциплина, служба и порядок; там, где нет русских, – полнейший беспорядок...

Все мы здесь сохранили любовь и преданность к России...

У каждого из нас глубока вера в Россию, нашу Великую Россию; мы верим, что не навсегда скрылось за горами солнце величия и славы ее... Так мыслим мы – донские казаки Легиона...

Мы здесь, в Легионе, маленькие люди-солдаты, но оставляем за собой право бросить укор тем политиканам, которые направляют свою деятельность на пути разъединения, а не объединения, как того требует дело...

Россия смертельно больна, и наш долг – придти к ней на помощь всеми силами и средствами. Нужно не только оставить, но и совсем забыть все политические счеты и всем устремиться к одной цели – спасению России...

Живется нам нудно. Одно плохо – страдает дисциплина и отсутствует порядок. Если посмотришь со стороны на французский полк, то трудно допустить, что это – действительно строевой полк.

Первые два года службы мы получали по 25 сантимов в сутки, после двух лет – 65 сантимов.

Получали мы газеты со всех концов Европы.

Главным образом, получал я. Но приказом по полку от 26 июня нам воспрещено получать иностранную литературу, и мы теперь остались без печатного слова. Журналы «Казачьи думы» и «Осведомительный лист», которые я получаю в количестве десяти экземпляров, конфискованы, и я написал в редакцию «Казачьих дум», чтобы приостановили высылку...

Поверьте, что за эти годы службы я совсем разучился и писать, и мыслить...»

Письмо 2-е от есаула Войска Донского И.И. Дьякова донскому атаману А.П. Богаевскому из Туниса во Францию, в Париж от 9 декабря 1923 г.:

«...Лично я живу не так, как нужно было бы. Уж слишком опротивел этот солдатский обиход. Все мы здесь – бесправные рабы, а потому нам особенно тяжело в Легионе. Начальство совершенно не разбирается в нас, а поэтому временами бывает особенно тяжело. Последнее время я весь занят своими людьми, а потому и не замечаю, как летит время... Иногда плохо себя чувствуешь только потому, что не можешь не только послать каких-нибудь газет, но даже и простого письма...Бывает такое положение вещей, что не можешь даже отправить письмо в Россию своему единственному сыну. Но со всеми семейно-служебными делами я справлюсь, но не могу никак примириться с разлукой со своим бедным сиротой-сыном, который остался в России один у чужих людей».

Письмо 3-е от бывшего есаула Донского казачьего войска И.И. Дьякова донскому атаману А.П. Богаевскому из Туниса во Францию (Париж) от 22 января 1924 г.:

«...Несмотря на суровые условия нашей жизни, мы еще не потеряли своей головы, мы научились познавать людей и определять им цену...

В своем письме Вы выразили предположение, что к нам в Легион попадает газетка «Казачье слово». Так точно. Я имею все 4 номера...

Ваши газеты, которые Вы выслали, еще мной не получены. С газетами теперь дело обстоит хорошо.

Командир полка после целого ряда объяснений со мной теперь разрешил получать газеты со всех концов Европы, и я теперь получаю газеты от добрых людей и из Англии, Германии, Финляндии и других мест, и все эти газеты беспрепятственно выдаются мне немедленно. «Казачьи думы» я, к сожалению, совсем не получаю и очень жалею. Наша станица в Париже много обещала нам сделать, но дальше обещаний дело не пошло...

Вы спрашиваете, стоит ли присылать мне французские газеты. Думаю, что нет, так как их никто не может читать. А я если и могу читать, то со мной считаться не нужно, ибо я – в единственном числе, и, кроме того, имею всегда под руками французские газеты.

Сейчас собрал я около сотни книг, и люди понемногу читают. Получаю я письма от донцов из Марокко. Многие из них почему-то обращаются ко мне со всякого рода жалобами и просьбами. Они прочитали в газетах, что я являюсь уполномоченным донских казаков 1-го Иностранного кавалерийского полка и вообразили, что я могу что-либо для них делать. И вот просят у меня и газет, и книг, а также просят оказать ту или иную помощь в том или ином ходатайстве. Я – в

крайнем недоумении и одному своему другу-офицеру написал только: «Ты что, думаешь, что я являюсь здесь донским наместником в Африке?» Но, так или иначе, стараюсь утешить и поддержать родных донцов, хотя бы перепиской... Я очень болею за своих казаков, которые служат в Марокко. Сейчас там снег и морозы, а люди живут на постах в палатках. Несут сторожевую службу и часто сражаются с арабами. Есть убитые и много тяжелораненых. Вот с ними-то и хотелось бы мне поддерживать связь, но это мне уже не по силам. Многим из них я не отвечаю, ибо не имею на это возможности.

Накануне Нового года я заболел лихорадкой и только 3 дня назад, как поднялся и хожу. С лечением дело обстоит плохо, и я опасаюсь, как бы она совсем меня не свалила...

Получил я письмо от своего сына, ему уже 9 лет, и он третий год ходит в школу... Судьба моего бедного мальчишки занимает и волнует меня, а потому мне особенно тяжело мириться со службой в Легионе...

Вы спрашиваете, не могу ли я указать точную цифру донцов в Легионе, дабы Вы могли бы возбудить ходатайство о нашем досрочном освобождении. Трудно установить, но приблизительно около 5 тысяч человек. Что же касается самой мысли об освобождении, то, насколько мне известны французы, рассчитывать на это совсем не приходится. Пример Вам – я. Осенью мой далекий родственник, проживающий на севере Франции, возбудил ходатайство перед военным министром о моем освобождении, заявив, что у меня остались в России 2 детей-сирот, которые живут у его отца, и что я ангажировался неправильно, имея предельный возраст. Кроме того, он заявил, что уплатит 500 франков премии, которые я получил раньше.

Министр ответил, что мне самому нужно обратиться к командиру полка. В конце декабря я обратился к нему с прошением. Прошение мое было направлено в бригаду, откуда оно и возвратилось с отказом...»

Письмо атамана Войска Донского А.П. Богаевского (Богаевский – атаман донских казаков в эмиграции. Пытался найти в лице донских казаков-легионеров себе попру в борьбе против влияния группы генерала Краснова, оспаривавшего его лидерство. Вместо помощи донским казакам-легионерам сам вовлекал их в эмигрантские дрязги, стремясь сохранить свое атаманство.) есаулу Донского казачьего войска И.И. Дьякову из Парижа в Тунис от 14 марта 1924 г. №386:

«Многоуважаемый Иван Иванович, Н.М. Мельников, член Донского правительства, передал Ваше письмо к нему... Очень рад, что Вы согласились объединить казачество в Легионе, что значительно облегчает наши сношения с Африкой и дает возможность парализовать вредную агитацию среди африканских казаков. Мы Вам поможем на канцелярские расходы, чтобы Вам не приходилось тратить Вашего скромного содержания на общее дело. К глубокому сожалению, за истощением средств, помощь эта не может быть значительной...

Я поднимаю вопрос о переселении желающих казаков-легионеров в Абиссинию, где можно было бы устроить свою казачью колонию...»

Письмо 4-е от Ивана Ивановича Дьякова, есаула Войска Донского из Туниса донскому атаману Богаевскому во Францию (Париж) от 28 марта 1924 г.:

«Ваше превосходительство!

Ваше письмо мной получено неделю назад, но отвечаю только сегодня, так как все эти дни у нас шла ревизия и у меня не было ни одной свободной минуты. Покорнейше благодарю Вас за письмо. Оно обрадовало меня, так как я вижу, что моя работа по объединению казаков Африки ценится Вами и Вы лично так много проявляете беспокойства и забот ко всем донцам, разбросанным по дебрям Африки...

Казаки Африки имеют большое тяготение к Вам. На днях я получил письмо из города Бель-Аббес (Алжир), главного депо Легиона. Мне пишут казаки, что им хотелось бы знать, где донской атаман и то, не забыл ли он африканских казаков. Они услышали, что я являюсь уполномоченным 1-го Иностранного кавалерийского

полка, и просят меня не оставлять их одних. Они задали мне целый ряд вопросов, на которые я ответил им тогда же. Получаю я письма из Марокко и вижу, что там «работает» генерал Краснов, но казаки, в большинстве своем, настроены против него и все время беспокоятся о Вас, где вы и как направляете казачье дело. Поведение самозванцев из «Обще-казачьего объединения» возмущает казаков Африки, а моего полка – в особенности.

И я рад засвидетельствовать Вам, Ваше превосходительство, что казаки 1-го Иностранного кавалерийского полка крепко объединены вокруг меня, прислушиваются к моему голосу и от выявления своего политического лица отказываются, предоставив это сложное дело Вам.

Отрицательно большая часть казаков-легионеров отнеслась и к деятельности Великого Князя Николая Николаевича – монархиста, считая, что он не способен объединить эмиграцию.

Вас интересует вопрос: нельзя ли будет полкам создать свои организации и непосредственно поддерживать с Вами связь?

Мое мнение таково, что мы, казаки 1-го Иностранного кавалерийского полка, не нуждаемся в опеке какой-либо организации и сами самостоятельно можем направлять свою жизнь. На практике мы убедились, что те станицы, которые нами в свое время приветствовались и в которые мы вступали всей семьей, ничего нам не дали хорошего. Правда, они обещали многое, но дать ничего не дали, и, благодаря этому, у нас теперь выработался свой взгляд на дело организации. Как ни грустно, а приходится сознаться, что за три года службы в Легионе мы, казаки, не видели еще ни одной Донской казачьей организации, которая бы оказала нам хотя бы моральную помощь. Я писал в газетах и просил русских людей помочь книгами и газетами, и мой призыв был услышан, но только не казачьими организациями, а общерусскими и отдельными русским людьми, которые с радостью пришли к нам на помощь. У меня сейчас хорошая библиотека, но в ней нет ни одной книги, которая была бы прислана руками казачьей организации.

Можете судить сами, для чего нам нужны казачьи организации – для того, разве, чтобы им докладывать о своей жизни и ласкать их своими приветами? Нет, мы будем, очевидно, собственными руками обеспечивать благополучие своей жизни. Открыто нам в полку нельзя возглавить свою организацию, но мы все это делаем по-семейному и начальство не преследует нас.

На днях меня позвал «к себе» полковник, командир полка, и преподнес мне газету «Последние новости» с моим письмом относительно «Парижской станицы». Эту газету ему передал русский офицер, состоящий на французской службе в чине лейтенанта. Так «заботятся» о нас те русские офицеры, которые благодаря простой случайности заделались офицерами, и вот они стараются приходить к нам на «помощь». Полковник спросил меня, я ли это писал статью. Я ответил: «да». Затем он спросил меня, знаю ли я, что не имею права без разрешения начальства выступать в печати, и так далее. Говорить пришлось много, и дело, кажется, уладилось, так как полковник был вежлив со мной и не пообещал наказать, тогда как за это других арестовывали на шестьдесят суток. Так приходится мне здесь работать одному, без какой-либо поддержки со стороны. Трудно, очень трудно, но пока справляюсь и умело обхожу все «подводные камни», которые так часто встречаются на моем пути. А работать нужно, ибо этого требует долг.

Дело с моим освобождением закончилось не в мою пользу. Хотя я имею право на освобождение, но министр отказал, а потому думать о досрочном освобождении всех казаков не приходится.

В Марокко у меня нет родственника Дьякова, но однофамилец есть. Он месяца два назад прислал мне письмо, но я ему не ответил, ибо не всегда имею возможность отвечать. Того Дьякова, что Вам прислал письмо, я знаю, правда, он мой случайный знакомый, но все же я имею о нем представление.

Связь с Марокко можно наладить, но сейчас я не могу справиться с этим делом, так как вся эта переписка требует оплаты на почте, а я получаю также, как и остальные солдаты, то есть шестьдесят пять сантимов в сутки, и мне не хватает этих денег и на письма тем людям, которые нуждаются в той или иной благодарности, как например, за высылку книг, газет и, наконец, за моральную поддержку, которая оказывается добрыми русскими людьми. Каждому из них приходится написать ответ, а ведь оплачивается этот ответ мной. И Вы простите меня, Ваше превосходительство, за то, что я не могу проявить свою работу с наибольшей силой, так как одному мне трудно справляться с этим делом. Я работаю, как могу, и моя совесть всегда чиста.

Казачье дело – наше родное дело, и дело каждого из нас – всегда стоять на страже своего дела и в тесном единении оберегать свои казачьи дела от покушений со стороны, откуда бы они ни исходили – и справа, и слева.

В полку у нас все живы и здоровы. Казаки выглядят молодцами, мало грустят, и это меня радует. От лица нашей дружной семьи приношу Вам, Ваше превосходительство, нашу благодарность за заботы о нас и вместе с тем прошу принять от нас земной поклон и наилучшие пожелания».

Данный документ позволяет сделать вывод о контактах между собой в составе Французского иностранного легиона донских казаков, о том, как они снабжались эмигрантскими изданиями. Это же письмо позволяет увидеть глубину вражды среди донских казаков между сторонниками генералов Краснова, Граббе, Алферова и других монархистов, чьим рупором служила газета «Казачье слово», со сторонниками последнего на тот момент донского атамана А. Богаевского, среди которых был и И. Дьяков.

Письмо 5-е есаула Войска Донского И.И. Дьякова донскому атаману А.П. Богаевскому из Туниса во Францию, Париж от 1 мая 1924 г.:

«Ваше превосходительство, вчера я получил из города Сиди-Бель-Аббеса, главного депо Легиона, от донцов письмо. Они получили от меня «Информационный листок» Объединенного союза донского казачества номера 1 и 2, ознакомились с их содержанием, внимательно прочитали Ваше обращение к казакам и пишут мне, что все они глубоко тронуты Вашими правдивыми словами, верны Вам...

Вчера я получил газету «Казачье слово» номер шесть от двадцатого апреля. Прочитал передовицу, и как тяжело у меня стало на сердце! Ведь это пишут не люди с рынка, а генералы и офицеры славного Войска Донского, и как больно и стыдно становится за них! Они задались определенной целью – разложить казачество, деморализовать его и этим самым глубоко волнуют и возмущают казаков... А последней газетой возмущены положительно все...

«Казачьи думы» я все еще не получаю и совершенно не в курсе казачьей мысли...»

Письмо 6-е есаула Войска Донского И.И. Дьякова донскому атаману А.П. Богаевскому из Туниса во Францию, Париж от 12 мая 1924 г.:

«...Ваше Превосходительство, неделю назад я написал Вам письмо, в котором сообщил, что в начале июля ожидаю к себе из Англии гостя. Я просил Вас разрешить моему другу побывать у Вас. Сейчас я узнал, что согласно последнего распоряжения военного министра командир полка не может дать мне отпуска на месяц, и тем более с правом жить в городе. Для того, чтобы я мог получить на месяц отпуск с правом жить в городе, нужно будет моему другу – Виктории Ивановне Добсон подать прошение министру, как родной сестре, с просьбой разрешить мне отпуск. При своем прошении она должна представить министру удостоверение в том, что она является действительно моей сестрой. Ввиду этого покорнейше прошу Вас выдать удостоверение Madam Виктории Ивановне Добсон следующего содержания: «Настоящим удостоверяется, что представительница сего, madam Victoria Dobson, действительно есть родная сестра есаула Донского казачьего войска Дьякова Ивана, легионера Первого Иностранного кавалерийского полка». Желательно было бы,

чтобы такого рода удостоверение было приготовлено Вами к первому июня и оставлено у Вас до прибытия в Париж madam Добсон. Она будет у Вас и возьмет удостоверение. Покорнейше прошу Вас Вашу подпись на удостоверении засвидетельствовать местной властью, как это было Вами сделано вахмистру Луганцеву. О последующем Вашем решении покорнейше прошу Вас поставить меня в известность.

На днях у нас получено с Дона письмо из станицы Богаевской. Письмо прислано по специальному заданию, без подписи. И вот пишет простой казак, что большевики совершенно разорили Дон, осквернили Веру православную и сделали жизнь невозможной. В 1921 году было на Дону восстание, которое было жестоко подавлено. В станице Богаевской тогда же арестовали тридцать казаков, избили их на глазах станицы, а потом отправили в Ростов, и до сего времени от них ничего не слышно, очевидно, они расстреляны...

У нас получаются письма из России часто, и все пишутся в одном и том же духе...»

Письмо 7-е есаула Войска Донского И.И. Дьякова донскому атаману А.П. Богаевскому из Туниса во Францию (Париж) от 28 мая 1924 г.:

«...Вам угодно знать, какое полагается наказание за вторичное дезертирство. С удовольствием напишу – возьму такой пример: весной 1922 г. дезертировал донской казак Филатов. В бегах он находился до декабря 1922 г., устроившись возле Туниса на автомобиле. Его обнаружили в декабре, и суд города Туниса дал ему 2 года военной тюрьмы условно. Но казак рвался на свободу и весной 1923 г. вторично бежал с маневров и немедленно был задержан. Тут уже – совсем беда. На этот раз, за второе дезертирство, суд дал ему 3 года, и автоматически прибавилось ему еще 2 года, и ему теперь придется отбывать наказание уже 5 лет, а после он обязан отслужить и своих 5 лет по контракту в Легионе.

Таким образом, он погиб на 10 лет. В общем, за второе дезертирство наказывают строго и меньше 3 лет не дают. Хотя всякий раз нужно считаться с условиями, при которых солдат дезертирует, и наказание может быть уменьшено. В 1922 г. у нас было много дезертиров-донцов, и все они почти были задержаны и отбыли наказание по 6–8 месяцев военной тюрьмы. Много было в тюрьме и донских офицеров. Я знаю всех донцов, которые были в тюрьме, так как все дела их проходили через мои руки. Они наказаны еще тем, что потеряли право на сорок пять сантимов в сутки, которых полагается солдату после 2 лет службы. Они получают все 5 лет по 25 сантим в сутки. Между прочим, один донской калмычек-казак, Иванов, за первое дезертирство, которое продолжалось 1 год, получил 3 года.

Вы изволили спросить меня, правда ли, что большинство казаков после Легиона думают возвратиться в Россию. По моим наблюдениям, о большинстве казачества этого сказать нельзя. Горсть казаков собирается в Россию, и то только потому, что они предоставлены сами себе, много пострадали, а потому и решили возвращаться домой, совсем не думая о последствиях своего поступка... Приходится считаться еще и с тем, что не каждый казак сохранил свою стойкость и свою непримиримость к большевикам. Сознание, что в России остались отец, мать, жена и дети, которые иногда просят домой, волнует людей, и они способны на какой угодно шаг, лишь бы увидеть свою семью. В душе-то они не примирятся с большевиками, и только крайняя необходимость – семья – их толкает на мысль возвратиться на Родину. С другой стороны, у казачества нет надлежащей связи между собой, все разбросаны по всей Африке, одиноки, грустят и невольно заражаются мыслью поехать домой...

Много волнует казачество грызня русской общественности, которая ничего хорошего не обещает беженству. Своим поведением она убивает в людях веру в возможность каких-либо событий силами эмиграции.

Вы написали мне, что ввиду того, что служба в Легионе близится к концу, приходится задумываться над тем, что будут люди делать потом. И вот, идя навстречу нашему будущему, Вы поднимаете вопрос о нахождении казакам клочка земли, где бы они могли устроиться жить своей колонией, подобно некрасовцам. Дело это – хорошее, но трудно будет казакам примириться с мыслью остаться на чужбине на непредвиденное время и создавать здесь, хотя бы временно, гнездо. Большинство думает о России и, если сейчас же, после Легиона, не поедет на Родину, то все же каждый день будет ждать обстановки, которая позволила бы возвратиться домой. Казаки будут больше рады, если им будет представлена возможность временно устроиться на работы в Европе, чтобы они не были оторваны от мысли, что скоро можно будет возвратиться домой и что они будут иметь возможность отправиться в дорогу в любое время. И мне кажется, что хорошо будет, если Вы предоставите казакам возможность устроиться на работы во Францию.

Жизнь в России не улучшается, это всем нам известно, и не улучшится она до тех пор, пока большевики не будут свергнуты волей народа или пока они не сдадут своих позиций, а время это не за горами, и вот потому-то всем хочется верить, что скоро все изменится к лучшему и у всех будет возможность возвратиться домой».

Письмо 8-е есаула Войска Донского И.И. Дьякова донскому атаману А.П. Богаевскому от 15 июня 1924 г. из Туниса во Францию, Париж. Данное письмо было написано автором под впечатлением большого личного горя – кражи у него крупной по тем временам суммы денег в двести пятьдесят франков, занятой у другого человека. Оно характеризует нравы Французского иностранного легиона:

«...в Легионе трудно, так как здесь почти все преступники. И мои деньги взяты, безусловно, русским человеком, моим соседом, я это узнал, но – не пойман – не вор. И вот, в связи с таким несчастьем, настроение у меня хуже некуда. Для меня, солдата, получающего 65 сантимов в сутки, потеря двухсот пятидесяти франков – большое несчастье, ибо за них нужно служить целых два года. Но ничего не поделаешь, придется помириться и с этим несчастьем.

...Вчера, после обеда, долго гремела артиллерия, по случаю избрания нового президента. Казаки насторожились, и каждый думает – авось новое правительство сделает что-либо хорошее для военных. Очевидно, будет дана амнистия для дезертиров, а это радует меня, так как много донцов находится на каторге, и на продолжительные сроки, как, например, Филатов – 5 лет и калмык Иванов – 3 года.

...В своем письме от 2 июня Вы изволили выразить мысль, что легионерам будет легко устроиться во Франции, так как они послужили Франции. Безусловно, это верно, но все же легионер может устроиться во Франции при наличии сертификата от предпринимателей, которые смогут дать работу людям. Поэтому казакам приходится задумываться над тем, смогут ли они к концу службы достать эти сертификаты. Плохо то, что все казаки разбросаны по Африке, и будет трудно составить артели, на которые можно было бы получить общий сертификат.

...Сейчас моей ближайшей задачей является поддержать в людях бодрость духа, веру в лучшее будущее и внушить им мысль – раз и навсегда забыть мысль о возможности остаться в Легионе еще на некоторый срок. Этого допустить нельзя, так как тогда люди никогда не выйдут из Легиона и совсем пропадут...».

Письмо казака Ивана Ефремовича Д. из Марокко в Марракеш Ивану Ивановичу Дьякову, есаулу Войска Донского, от 29 ноября 1923 г. Данный документ содержится в ГА РФ. Ф.6461. Оп.1. Д.164. Лл.30–31.

«Дорогой Иван Иванович!

...Для меня будет величайшим удовольствием описывать Вам нашу жизнь в Марокко, как в колоннах, так и на постах. Тяжело и очень тяжело здесь, но сетовать и унывать не приходится, так как ведь мне от этого никакой пользы не получится,

кроме вреда собственному здоровью; ну да ничего, «Бог не без милости, а казак не без счастья», как-нибудь да окончим эту каторгу Легиона...

Я раньше вел переписку с Тихомировым, но разошелся с ним во взглядах по вопросу самостийности казачьей... Третьего декабря наша рота уходит на посты, расположенные в районе вновь занятой местности, на занесенных снегом вершинах гор Большого Атласа; выдвинулась новая перспектива – голодать и померзнуть – там сейчас форменные морозы. Опасность же получить арабскую пулю в голову очень большая, так что холмики около тех постов прибавятся, многие там найдут себе вечное успокоение и вот теперь каждый задает мучительный самовопрос: «не я ли?» Каждый надеется, что пуля попадет не в него, а в другого. Да! Дорогой Иван Иванович, жизнь, сама по себе, отчаянно логична.

Только здесь, в Легионе, я особенно в этом убедился...

Храни Вас Бог».

Письмо Кольховского в Прагу А.А. Воеводину, 20 августа 1924 года. Данный документ содержится в ГА РФ. Ф. 6340. Оп.1. Д.10. Лл.1–2.

«Дорогой коллега!

На одном из Ваших писем к Вашему станичнику, а моему сослуживцу, Карпову, я видел приписку о том, что на мое имя высланы книги, и вот, не получая до сих пор ничего, я решаюсь написать Вам и дать сообщить прежде всего то, что Ваша посылка не дошла до места назначения и чтобы решить, в одно и то же время, судьбу, постигшую эти книги. Вопрос этот как для меня, так и для нескольких из моих сослуживцев, очень существенен, так как в данный момент книги эти для нас являются существенной, или, вернее, жизненной необходимостью.

Еще весной этого года я случайно нашел в газете адрес Союза и обратился туда с просьбой о присылке учебников по математике, правда, совершенно не представляя себе функции Союза, а просто потому, что это – русское учреждение. И в тот момент я там никого не знал. Теперь, когда я прочитал о том, что книги высланы, но не получая довольно долгий промежуток времени посылку, переходящий все расчеты по задержкам в таможне, я обеспокоился их судьбой и решился обратиться к Вам, надеясь с Вашей помощью разыскать их.

Однако разрешите Вам представиться. Я – бывший подпоручик Второго Корниловского полка (с ним сделал Крымскую кампанию), эвакуировался до Галлиполи, некоторое время пробыл там и потом, волею судеб, докатился до Легиона.

Где мои главные ошибки и в чем они, как и ошибки нескольких тысяч наших соотечественников, попавших в Легион, отыскать трудно, да и не стоит труда. Приходится вот теперь считаться с действительным настоящим положением и из него исходить, и им руководствоваться для дальнейших действий в отношении своего недалекого будущего, перед лицом которого мы поставлены.

Легион мы кончаем через полтора–два года, и большинство из нас, будучи военными, конечно, кроме этой, никакой другой профессии не имеет. И вот теперь нам, людям без профессии, приходится крепко призадуматься над этим будущим, потому что оставаться дальше в Легионе – значит расписаться в собственной непригодности к жизни нормальных людей, потому что здесь, кроме того, что будешь одет в солдатскую шинель и кое-как накормлен, за что французы тебя используют во всех отношениях и хоть всю жизнь прослужи – ничего не получишь. Унтер-офицеры поставлены сравнительно в лучшие условия, но ведь всем унтер-офицерами быть нельзя – кто-то должен оставаться солдатом, а наших солдатских окладов хватает только на табак тому, кто курит, и то окладов тех, которые получаются после 18 месяцев службы (законный срок), после чего солдат считается сверхсрочным и получает прибавку, а до этого, то есть в течении 18 месяцев, солдат получает 25 сантимов в день, или, в переводе на их жизненную стоимость – 5 папирос. Все эти

материальные условия и заставляют обращаться туда, где только каждому возможно, чтобы получить то, в чем мы здесь нуждаемся.

По окончании службы есть возможность (при желании) выехать во Францию, и вот многие из наших интеллигентных, более или менее, молодых людей стараются приобрести хоть какие-нибудь познания, чтобы за что-нибудь взяться при выходе из Легиона. В данном случае тяготение к познаниям техническим: электричество, различные двигатели и так далее. Некоторым удалось каким-то образом, при помощи знакомых или благотворительных организаций, попасть на курс заочного преподавания. Конечно, все это теоретически проходится, но каждый рассуждает, что это все же больше, чем ничего.

Вообще же, страшный недостаток в учебниках по специальным предметам в отделе техники, а это – единственный путь устроиться сносно, выйдя из Легиона.

Итак, пожелаю Вам всего лучшего. Если будете писать в скором времени Карпову, то, может быть, найдете возможным черкнуть пару слов об этих книгах.

С совершенным почтением к Вам, бригадир Кольховский.

P.S.: Кстати, может быть, Вы сможете, через посредничество Союза, нас снабдить некоторыми учебниками по специальным отделам техники. Это может быть электротехника и другие. Этим бы Вы сразу оказали бы нам огромную пользу».

Письмо сержанта-легионера Кумани из марокканского поста Бадер 5 ноября 1923 г. в редакцию журнала при ОРЭСО «Студенческие годы» дополняет сведения о жизни русских легионеров. Адрес этого русского сержанта Воеводину дал Белокуров. Находится данное письмо в ГА РФ. Ф.5837. Оп.1. Д.149. Лл.22–23.

«Господин редактор!

Спешу принести Вам мою глубокую благодарность, благодарность русского человека за пересылку русских книг, сборника «Крестьянская Россия» №№ 5–6 и журнала «Студенческие годы» № 5. Должен сознаться, что получение книг меня сильно заинтересовало и удивило, по нижеследующим соображениям, а именно, что по правде из Легиона и я никому не писал и не пишу. Знакомые, которых я имел за границей, не знают моего адреса, безусловно, забыли о моем существовании и, следовательно, не могу сообщить Вам таковых. Не могли бы Вы сказать, каким образом моя фамилия попала в столь отдаленный от Африки уголок, как Прага. Надеюсь, что Вы мне не откажете в любезности удовлетворить мое любопытство по интересующему меня вопросу. Что касается вышеупомянутых книг, то я их прочел с большим для меня интересом и вниманием и пришел к заключению, что симпатичных учреждений, подобных Вашему, за границей, видимо, немного, а посему душевно хочу пожелать Вам полного успеха в дальнейшем существовании Вашей редакции.

Надеюсь в дальнейшем получить следующие номера книг. Еще раз благодарю Вас и Вашу редакцию.

Готовый к Вашим услугам, Г. Кумани».

Данный документ был прислан в редакцию журнала «Казачий путь». Он был опубликован в номерах 76 (страницы 15–18) и 78 (страницы 11–18) за 1925 г. Он подробно освещает Марокканскую кампанию 1925 года против так называемой Рифской республики французских войск в целом и Французского иностранного легиона в частности, а также роли русских в ней.

Письмо легионера Компаниец из Северной Африки:

«...Нужно отдать справедливость храбрости рифян. Ничего подобного я не видел. Воюют они своеобразно. Никогда их не увидишь, тогда как они все время бродят вокруг лагеря и горе тому, кто вздумает выйти за его окраину: он больше не вернется и никто не пойдет его выручать.

Воюют они группами по 5–10 человек, иногда и меньше. Французы ходят по горам в поисках этих шаек отрядами не меньше шестисот человек в каждом при пулеметах и горных пушках.

Группа рифян в 10–20 человек с винтовками способна задержать движение (и даже остановить его на несколько дней) целого отряда в тысячу–полторы тысячи человек французов, если в этом отряде нет Легиона.

Не буду хвастаться, но Легион – гроза марокканцев. Там, где останавливается Легион, марокканцев нет. Редко-редко случается, что они нападают на Легион... Остальные роды оружия их не пугают нисколько. И вот поэтому каждому отряду от 2 до 5 тысяч человек придается 1 батальон Легиона (600 человек), который расплачивается за всех, почему и несет страшные потери. Наш батальон входил в распоряжение двух групп в 3 тысячи человек каждая, и все лето нас бросали из одной в другую, и, конечно, не туда, где шло гладко. Почти в каждом наступлении идти во главе колонны – выпало на нашу долю. Тяжело было!

Нужно знать эту войну, чтобы представить себе всю тяжесть ее.

По всему Марокко разбросаны маленькие посты с гарнизонами от 13 до 50 человек. Это – квадраты, обнесенные каменной стеной с одним или двумя бараками внутри. Все посты построены руками легионеров, а в них сидят мобилизованные алжирские и марокканские стрелки и легионеры.

В постах есть вода и продукты, обыкновенно на шесть месяцев, в продолжение которых гарнизоны многих постов не выходят из их стен, так как арабы – народ ненадежный. Каждые шесть месяцев приходит обоз, который сопровождается целым батальоном, а то и двумя. В этот-то момент гарнизоны выходят из поста и заменяются другими.

Во время восстания эти посты были окружены марокканцами и лишены всякого сообщения с внешним миром. Запасы подходили к концу, а вода и до того была не в каждом посту. Вот здесь-то аэропланы и оказали французам незаменимую услугу, прилетая и бросая гарнизонам постов лед и продукты.

Один из таких постов, гарнизон которого состоял из пятидесяти алжирских стрелков, нам нужно было выручить и доставить ему продукты и воду.

Вечером 9 сентября, объявив наряд на ночь и обойдя участок роты, я пошел доложить командиру роты, что все обстоит благополучно, и спросил, нет ли чего особенного объявить по роте, и, получив отрицательный ответ, отправился в свою палатку.

Не дойдя до места, я был позван к командиру, который мне объявил, что нам выпадает «счастье» идти выручать пост в 5 километрах от нашего лагеря. Может быть, покажется странным, что в 5 километрах от 3-тысячного отряда 50 человек будут окружены. Нет ничего удивительного, так как это – в горах, и невидимый противник не отходит от поста более чем на 1000 шагов, убивая из ружей каждого зазевавшегося, а по ночам пролезают в лагерь, чтобы достать оружие и патроны, сняв предварительно часового при помощи кинжала. Чтобы производить как можно меньше шума, они раздеваются догола и таким образом проникают в лагерь.

Мне, как и командиру, такая перспектива не понравилась, а когда он мне сказал, что идут только две роты, я не выдержал и заметил:

– Но ведь, капитан, мы не выйдем из ущелья!

– Что же делать, мой дорогой! Я знаю, что немногие из нас вернутся!..

Говорить больше было нечего. Пожелав ему «покойной ночи» (их не было ни одной!), я послал готовить роту к выступлению.

В 3 часа ночи – подъем. В 3 с половиной отряд уже двинулся в путь. Наша рота была во главе этого отряда, едва достигавшего 200 человек. Все молчали, а если кто и говорил, то только о том, что никто из нас не вернется. Менялись адресами, и я набрал около 30 адресов родных, чтобы в случае неудачи знать, кому писать о смерти того или другого. Мало кто ошибся в своих предположениях.

Продвигались мы медленно. Я шел с капитаном рядом, в двадцати шагах спереди и сзади – первая и вторая полуроты. Шли мы так с полчаса между гор, по ущелью.

И вот справа послышался выстрел, за ним другой, третий, и началась часовая, с маленькими перерывами, стрельба. Стреляли 2–3 человека, по очереди. Было темно, и выстрелы не причиняли нам вреда. Но движение отряда было открыто. Привыкшие к таким встречам, мы продолжали движение, ибо искать стрелявших было бесполезно.

Таким образом, мы подошли к посту без потерь. Начало рассветать. Укрепившись на занятой линии, мы стали пропускать вторую роту, которая, пройдя наше расположение, должна была дойти до самого поста. Она потеряла несколько человек раненными.

Наконец мы залегли, образовав аллею, по которой должны были пройти мулы, навьюченные провиантом и водой. Как только обоз (под командой сержанта М.Ф., Гундоровской станицы), показался из-за гор, рифяне сосредоточили свое внимание на нем, и в какие-нибудь тридцать минут половина мулов была уничтожена. Началась жаркая стрельба. Рифяне стреляли справа и слева. Мы приступили к эвакуации раненых и убитых.

Я с капитаном поместился за одним бугорком, и мы были вне всякой опасности. И вдруг 3 человека (как мы узнали потом), зайдя к нам в тыл, начали расстреливать наш штаб. Первым упал трубач моего взвода, и это как бы послужило сигналом: вся моя нестроевая команда падала один человек за другим, поражаемая меткими выстрелами рифян. Крики, проклятия, стоны...

И, в довершение всего, на роту свалился снаряд бомбомета (вещь нередкая), что заставило нас искать нового места, открывая, таким образом, наше расположение противнику, который начал бить без промаха.

Капитан, видя такой оборот дела, размышляя, как бы про себя, сказал: «Это теперь, когда мы сидим, люди валятся, как мухи! Что же будет, когда мы станем возвращаться?»

Я, зная тактику рифян, понял его. Дело в том, что они, почти не оказывая сопротивления при наших наступлениях, неумолимы с того момента, когда мы, покидая позиции, возвращаемся в ядро отряда.

Тогда они вылезают из своих укрытий, ям, следуют за отрядом, оставаясь невидимыми, стреляя на выбор, и мы всегда бываем бессильными парировать подобные маневры.

Не успевает капитан закончить свои мысли, как вдруг получает пулю в ногу и падает, крича от боли.

Пули сыпались градом. Оглянувшись, я увидел, что остался один. Все прикрытие капитана было перебито...

Рота вернулась в отряд. Не вся, конечно, только ее половина и без офицеров. Все были подавлены.

Рифян там было не больше 50. Раненый капитан через несколько дней умер в одном из госпиталей.

Вот какая война в Марокко, и счастье наше, что у рифян, с которыми мы имели дело, не было ни пулеметов, ни пушек, ни гранат. И все же Французский иностранный легион понес тяжелые потери...

А вот тебе маленький портрет рифянина: сухощавый, мускулистый, неутомимый ходок, выносливый в отношении пищи – с одной пышкой способен жить 2 дня; бурнус – вся его одежда; босиком, с винтовкой в руках, патронами в сумке, он может воевать один, так как знает, что ни один наш солдат не покинет лагеря. Он – великолепный стрелок, к тому же – чертовски храбрый, с храбростью фанатика, который ничего не видит, кроме намеченной цели. Рифяне храбры до того, что вдесятером, не задумываясь, атакуют батальон, что делают, конечно, ночью и только почти всегда без результатов, но беспорядок устраивают большой. Нередко, просыпаясь, узнаешь, что ночью в лагере были арабы и унесли несколько винтовок. Французские солдаты спят на посту, зажав винтовку между ног и привязав ее ремнем

за кисть руки, что, однако, не мешает арабам воровать, отрезая ремни и вытаскивая винтовки.

Чтобы пройти в лагерь, рифянин, подойдя шагов на сто, раздевается догола, оставляя только кинжал в зубах, и начинает ползти к стене. Увидев часового, он начинает бросать маленькие камешки, и, если часовой не шевелится, он подползает сзади и перерезает ему горло. Сделав то, зачем пришел, он уходит, унеся 2–3 винтовки. Должен сказать, что в Легионе это случается реже. Больше платятся сенегальцы.

И вот против рифян французы ставят Легионы (всю их надежду), сенегальцев, алжирских и марокканских стрелков и спаисов. Французы в войне не участвуют, за исключением командирского состава. Весь этот сброд воюет не только потому, что его насильно посылают, а больше потому, что арабы (рифяне) в плен не берут. Сколько раз мы находили оставленные нами трупы, совершенно раздетыми и со вставленными в рот детородными органами. Этим последним занимаются арабские женщины, которые тоже участвуют в ночных атаках, и, мне кажется, что, воодушевляя мужчин, они еще фанатичнее их и проявляют больше зверств.

Сила солому ломит. Они побеждены, разорены и сожжены. Теперь они почти все возвратились в свои большие деревни, которые теперь представляют собой горы пепла.

Я сомневаюсь, чтобы у них было хорошее настроение и отношение к победителю. Они покорились и заплатили штраф только потому, что ничего не могут сделать.

Чего же ждут от них французы? На чем думают они создать повиновение? На оружии и грубой силе, но не на признательности. И они создали такую армию, при помощи которой они не рискуют потерять своих граждан и заставляют солдат этой армии жечь и грабить собственные дома. Свидетелем этого я был сам: мобилизованный марокканец, показывая на зажженную им саклю, сказал мне, что эта сакля принадлежит ему, и что его отец и братья с женами и детьми находятся в рядах повстанцев. Я не захотел расспрашивать, так как это – народ особенный. Если ты ему сделаешь что-нибудь хорошее, можешь быть уверен, что не отделаешься потом от его просьб, будет просить каждый день. От него же услуги не жди.

С 5 июля по ноябрь потери убитыми и раненными составили около 12 000 человек, из которых около 1500 – французы. Остальные четыре пятых – тех же арабов, фанатиков одной и той же религии. Что же заставляет их идти против самих себя? Конечно, грубая сила. Араб подл душой, это правда, но вера, вера фанатика, ему дорога. Когда его вера затронута, он становится жестоким, мстительным и даже гордым. И французы это почувствуют.

Сегодня день конца моей службы. Кончаю ее 5 января 1926 года, сегодня же и уезжаю во Францию. Из 18 человек, бывших юнкеров Атаманского военного училища, служивших вместе со мной, 5 человек подписали контракт еще на год (все – сержанты), 6 – кончили службу и уехали 5 января 1926 года, а об остальных пока сведений не имею.

Чтобы у тебя создалось полное представление о жизни в Легионе, должен сделать еще несколько замечаний.

Жизнь тяжела и не особенно привлекательна, особенно для рядового солдата. Много опасностей, но не для всех. Умеющие применяться «к нравам и местности» (таких очень немного) застревают в Алжире, где и проводят своих 5 лет, после которых можно остаться на год, 2, 3, 4 и так далее, что некоторые и делают. Большая же часть легионеров находится в Марокко, Сирии и Тонкине на постах, о которых я говорил выше.

Жизнь на постах тяжела, безусловно. Это та же тюрьма, с той только разницей, что заключенные в ней могут быть окружены, отрезаны и даже убиты в

какой-нибудь атаке против поста. Очень опасно в Марокко и Сирии. В Сирии было более-менее хорошо до 1925 года, то есть до восстания.

В Тонкине же для легионера самая хорошая обстановка (относительно, конечно). Тихая жизнь, более хорошее положение и жалованье, чем в других колониях, даже для солдат. Туда попадают обыкновенно легионеры, пробывшие 5 лет в Марокко и 2 года в Сирии. Срок службы в Тонкине – 2 года.

А вот тебе портрет легионера (русских это не касается, так как русские представляют случайный, проходящий элемент, и за последние 5 лет они повлияли на мораль легионера, изменив ее в лучшую сторону).

Легионер – никем не уважаемый человек в гарнизоне при мирной обстановке, но носимый на руках там, где ведутся бои или есть большая вероятность их начала – в Марокко, Сирии, Тонкине.

Пьяница, скандалист, ничего не боящийся, не признающий ни Бога, ни черта, тяготящийся жизнью и не боящийся смерти. Поступает в Легион потому, что иначе жить не может (совершив какое-нибудь преступление), преследуемый полицией, или ищущий «сильных ощущений», или – по глупости и так далее. Страшный сброд народов, характеров, нравов, обычаев. И странно: все как-то более-менее уживаются...»

Данный источник является письмом сержанта-легионера Кроленко Воеводину от 19 октября 1923 г.

Этот документ, как было указано выше в письмах сержанта Белокурова, был переправлен им Воеводину по просьбе самого Кроленко. Из всех документов письма Кроленко являются исключениями, поскольку он защищает легионные порядки, и Белокуров сам пожелал показать на то, что кое у кого среди сержантов Легиона возникла «легионная болезнь» и что они, добившись здесь относительно высокого положения, уже не стремились выйти оттуда. Возможно еще, что письмо Кроленко было «заказным» со стороны легионного начальства. С другой стороны, очевидно, что далеко не все, о чем говорит Кроленко, является преувеличением. Хранится этот документ в ГА РФ. Ф.5837. Оп.1. Д.149. Лл.9–11.

«Сегодня получил высланный Вами номер журнала «Студенческие годы» и спешу выразить мою глубокую признательность. Я с готовностью подпишусь на Ваш журнал, но предварительно был бы Вам благодарен, если бы Вы сообщили мне стоимость подписки во франках. Несмотря на сравнительно небольшое количество свободного времени, которое бывает в моем распоряжении днем, я все же успел просмотреть журнал и невольно остановился на очерке в «Студенческой жизни», относящемся к Иностранному легиону. Находясь здесь уже 3 года, побывав за это время в самых различных местах его расположения в Африке, то есть в Алжире, Сахаре и теперь – в Марокко, я могу спокойно утверждать, что теперь Легион знаю детально. И вот эта-то уверенность позволяет мне высказать мою критику этого очерка. Пусть я буду даже краток, но, право, хочу сказать, из среды легионеров не раз уже показывались корреспонденты об их тяжкой доле. К счастью, число их было невелико. Но что некоторые слова, много наговаривающие об этой доле, об этом регулярно необходимо информировать находящихся за границей русских об их положении, особенно различных организаций и комиссий беженцев, о состоянии и условиях жизни в центрах их сосредоточения, которых нужно информировать и информировать.

Есть такая черта и русского беженца, и черта, надо сказать, странная. «Помогите мне, помогите, какой я несчастный!» – говорит он в своей массе. Но, к своему несчастью, он очень часто допускал и допускает такие грубые ошибки в своих жалобах, показывает такую ограниченность и неосведомленность, что даже и действительно жалость берет.

Возьмем, для примера, Вашего корреспондента, ибо он наговорил столько, что, выражаясь русскими словами, «уши вянут». Сам он, очевидно, пребывает

благополучно в нормальных условиях (Кроленко говорит так о Белокурове, не зная этого – *прим. С. Балмасова*). Ибо было бы странным, с его стороны, не прислать Вам для публикации снимок его местонахождения. Как он говорит, что находится тут уже давно, мог достать немало описаний окрестностей города, но каких описаний! Чтобы попасть на дальний юг Северной Африки, нужно сделать немалое количество километров, а в описании не прослеживается название многих населенных пунктов. Таким образом, создается впечатление, что там данный корреспондент не был...

Но все это пустяки, мне хотелось лишь показать только более наглядно степень поверхностности полученных Вами данных. Нет слов, в некоторых пунктах есть известная доля правды, но вообще...

Разобрать в одном письме все выставленные положения едва ли возможно, хотя бы и в таком объемистом, каким обещает быть мое. Быть может, впоследствии я попытаюсь сделать это полнее. Если, конечно, Вы желаете этого, то я сейчас же возьму лист и все изложу. Надо сказать, что в этом очерке больше всего в глаза бросаются цифры, а ведь это больше всего производит впечатление. Вы пишете, на основании Вашего корреспондента, то есть частных сведений, что русских в Легионе до 15 тысяч человек. Я беру на себя смелость утверждать, на основании официальных французских источников, что наше число не превышает здесь 4500–5000.

Обстановка мешает мне много распространяться по поводу описаний Легиона вообще и службы в нем, в частности. Я ведь в настоящее время нахожусь в самом центре операций против марокканцев и особыми удобствами не пользуюсь. Скоро мы вернемся в нашу базу, и оттуда я смогу поговорить подробнее о тех боях, которые были у Вас описаны. Действительно, такое нужно нарочно придумывать или быть слепым, чтобы не видеть действительности. Об этом подробно после, а сейчас спешу осветить один вопрос, который этого требует настоятельно, а именно, потери Легиона убитыми и раненными. Сколько родных в среде русских беженцев, знающих о нахождении своих членов семьи в Легионе, да и просто их знакомых, с ужасом читают слова: «В одном только бою, длившемся 2 суток, убито и ранено около 200 русских...» Сколько же тогда должно было погибнуть из среды состоящих в Легионе войск? Ведь если в войсковой группе находятся 7–8 батальонов пехоты, Легион из них дает лишь 2–3 батальона, а в последних количество русских редко достигает десятой части от общего числа легионеров (см. Здесь у Кроленко явное несоответствие, т.к. выше он дает хоть и заниженную французскую оценку числа количества того времени русских легионеров, но даже если брать ее, то в процентном отношении от всего числа Легиона даже это «уменьшенное» число русских составляет 20–25 %, а не 10.). Я нахожусь в походе с самого начала, то есть с апреля месяца. Ни на минуту я не покидал службы, принимая участие во всех операциях. У нас не было ни одного боя, давшего такое количество потерь, хотя не раз бывало весьма круто. Кроме нас, операции проводят еще 3 войсковые группы, и 2 из них имели действительно упорный бой, давший много потерь. Очевидно, речь шла о нем – это бой 24 июля при взятии Эль-Мерс. Но я, хоть и достаточно находился в курсе положения, все-таки что-то не слыхал о таких колоссальных потерях, ибо, исходя из числа «200» и данной выше пропорции, из числа легионеров должно было бы выбыть не меньше 1500.

А в Марокко, если потери доходят до 200–300 человек, бой считается необычайно упорным, что бывает редко.

«Является ли эта война отголоском триумфа Кемаля-паши или «священной войной»?»

Такое заявление может заставить лишь улыбнуться.

Эти дикари-арабы, которые следят за европейскими событиями! Что может быть более странным? Да вряд ли среди них и слыхали о существовании турецкого вождя. В Марокко ведь не война, как это принято понимать, а походы для

уничтожения разбойничьих гнезд, для которых еще нет цивилизации, и необходимо покорение племен, их представляющих.

И дерутся арабы лишь потому, что мы являемся в место их жительства, дерутся по привычке воевать. Если их сопротивление объяснять более возвышенными побуждениями или посторонними влияниями, то такое объяснение может дать довольно интересную картину. Как тогда объяснить полнейшую безучастность соседнего к подвергнутому нами разгрому племени, которое сидит спокойно до того времени, пока не дойдет до него очередь? Или чем объяснить выступление на нашей стороне покорившегося только что племени, которое нередко дерется ожесточенно со своими же, арабами? Стремление к войне, возможность пограбить – и только.

Но все это, в сущности, не так уж и важно. Я хотел лишь показать вред такого одностороннего освещения событий и обстановки. Позже постараюсь осветить вопрос полнее.

С удовольствием смогу доставать Вам более богатый материал для Вашего журнала, ибо, кроме простых сведений, располагаю и немалым количеством фотографических снимков, произведенных мной во время походов. Если угодно, прошу сообщить технические условия, ибо рисковать при нашей почте негативами мне не хотелось бы.

Примите уверение в моем совершенном почтении».

Письмо сержанта Кроленко от 28 ноября 1923 г. Воеводину из Марокко в Прагу служит как бы продолжением вышеизложенного письма и представляет интерес в том плане, что в нем служба рассматривается с иной, нежели большинства русских легионеров, позиции. Хранится этот источник в ГА РФ. Ф.5837. Оп.1. Д.149. Лл.12–15.

«Имея в настоящее время полную возможность спокойно обдумать свои мысли и также спокойно изложить их, я хочу продолжить уже начатое однажды письмо и попытаюсь, по возможности яснее, обрисовать положение русских в Иностранном легионе. Говорю – не только русских вообще, но и студентов в частности. Особой разницы в их положении нет. В этом отношении слова Вашего корреспондента являются истинными, единственными, пожалуй, из всего присланного им для публикации в очерке «Студенческой жизни» № 5 за 1923 г. Мое первое письмо к Вам было написано под свежим влиянием прочитанного очерка. Возможно, что при этом свое огорчение от него я излил в письме, но это дела не меняет. Разница лишь в тоне. Кроме того, в предыдущем письме я исходил из положения об одном только корреспонденте, тогда как ясно, статья представляет собой обзор нескольких полученных Вами писем. Возможно, что это даже многочисленные корреспонденты, но тем хуже, это лишний раз показывает, как многие из моих коллег или сослуживцев подходят к вопросу, и как они легкомысленно и односторонне на него смотрят. «Мне плохо, всем плохо, я не успел в чем-либо, и все потерял, кругом такие же неудачники» и т.д. Соглашаюсь, что такой взгляд на вещи не может дать достаточно ясного представления о нашей жизни. Чтобы хоть немного исправить уже сделанное ими, я беру на себя задачу разобрать, по мере возможности, те положения, которые были выставлены в упомянутом очерке.

Чтобы говорить о деталях, нужно сперва охватить вопрос во всем его объеме, взглянуть на него вообще. Что такое Легион? Один из Ваших корреспондентов обрисовывает его в виде единственного в мире учреждения. А как же Испанский, Голландский, Английский легионы, под другими названиями, но с тем же признаком? Многими говорится, что туда идут те, кто согрешил против закона и боится ответственности... Но если в число «редчайших исключений» включить Гогенцоллерна, племянника Вильгельма II, мэра одного из французских городов, многочисленных высокопоставленных лиц и прочих, искавших здесь успокоения, уходивших от света? Если это редчайшие исключения, то куда же включить всех тех

неудачников, разочарованных собой и жизнью, авантюристов, просто любителей приключений, которые образовали ядро Легиона и сделали ему имя? Преступники не могли создать блестящую защиту Камерона, когда 68 легионеров отбивались в невероятных условиях от 2000 мексиканцев в течение 10 часов, когда от первых в живых осталось 5 человек. Для такого дела преступники слишком трусливы и слишком беспринципны, традиций ведь для них не существует.

Распространяться об этом излишне, слишком уж это обширный вопрос. Скажу лишь, что история Легиона образует одну из самых захватывающих книг, где можно лишь восхищаться тем учреждением, где мы находимся, а этого-то и не достает большинству из нас. Вместо того, чтобы убедиться самому, большинство предпочитает слушать бесчисленные рассказы, которые нередко искажают истину до абсурда. Хорошо еще, если эти сказки сохраняются лишь для себя, но когда их выносят дальше, когда их предают гласности – дело принимает не вполне красивый оборот. Возьмем хотя бы то, что было упомянуто о «согрешениях против закона». По понятным Вам причинам я не могу распространяться по этому вопросу, но будьте уверены, что эти лица не так уж и не достижимы здесь для карающей десницы. Не всегда подписи контракта под вымышленным именем бывает достаточно для ухода от ответственности. Итак, надо вообще здесь разобраться поподробнее. Ясно, что подписавший контракт теперь как бы не тот, кем он был раньше, и раньше 5 лет из Легиона ему уйти нельзя, если только его не освободят по состоянию здоровья или еще по какой-либо причине. Но все это не означает, что попавшие сюда должны считать себя совершенно оторванными от всего, погибшими для прошлого и будущего. Неужели те, кто в былые времена отбывал воинскую повинность и проводил в казармах 2–3 года, неужели те могут говорить подобные слова? Вряд ли. Разница между 3 и 5 годами не так уж и велика, если хорошенько разобраться. Что же касается условий жизни, которые для Легиона выставляются какими-то особенно ужасными, трагическими, то... да ни в чем Легион не отличается от любого регулярного полка, особенно если дело происходит в гарнизонах Алжира. В Марокко – немного иначе, здесь приходится воевать, здесь совершаются походы, здесь живут на постах, среди еще не покорившихся племен, но все это не имеет особого значения. Я говорю в смысле связи с миром. Ваши корреспонденты с ужасом произносят слова «одинокие посты неприступных гор Атласа», «оторваны от всего живого» и прочее. А вместе с тем почта приходит извне регулярно, и была бы лишь охота поддерживать связь с внешним миром. Беда лишь в том, что многие предпочитают тратить свое жалованье на выпивку и не думают о выписывании коллективным образом какой-либо газеты. Что касается регулярности связи, то вот Вам пример: в одном из походов и операций этого года мы были в таком месте, что на подвоз продуктов уходило 3 дня, а почта приходила аккуратно, 2 раза в день на аэропланах. Скажете, что денег не хватает для оплаты газет. Но, кроме получаемых непосредственно, есть еще высылаемые из Сиди-Бель-Аббеса, стараниями капитана Тихомирова, и таких немало. При желании, следовательно, «газетный голод» можно устранить. Но ведь и этого желания нет. На что лучше в моем 3-м батальоне, и то многие такие. Могли бы читать хотя бы те газеты, которые выписываю лично я. Я нарочно их передаю и упоминаю, в который раз, что они должны передаваться по рукам. Думаете, что это помогает? Спрашиваешь кого-либо: «Читаешь газету?» – «Нет, потому что не знаю, где ее взять». Говорю, у кого ее можно найти. Редко, когда даже при таких обстоятельствах пойдет да возьмет ее и прочитает. Лень и только.

Самый больной вопрос для студента-легионера здесь – это продолжение образования. На этом сходятся все, и все жалуются на невозможность такого процесса. Нет времени, нет денег, нет места и так далее. Лично я, с нового года, начинаю проходить курс выбранной мной специальности, пользуясь заочными лекциями. Мой приятель-студент, еще в русском университете закончивший 1-й курс,

за время своего пребывания в Марокко успел все же непосредственно продолжать их и закончить и т.д. Немало таких. Но для этого необходимо лишь одно условие: не быть простым легионером. Простому легионеру – солдату 2-го класса, это и материально, и морально невероятно сложно, тогда как капрал и особенно сержант имеют для этого все, но нужно только достичь такого положения. Надо при этом упомянуть о «личных качествах» и редкой силе воли. Не знаю, действительно ли я или кто-то из моих сослуживцев, которые сейчас носят унтер-офицерские кепи и золотые галуны, какие-то особенные люди, раз достигли всего этого. Возможно, но вместе с тем не лишним было бы еще раз напомнить жалующимся и поющим о своей горькой судьбе о том, как получались эти галуны. Сейчас они даются с большим выбором, особенно сержантские, но когда 3 года тому назад начали прибывать большие партии русских, в Легионе был недостаток унтер-офицерского кадра. Начальство решило при этом использовать прибывших русских, особенно офицеров, рассуждая о том, что они легко смогут нести несложную унтер-офицерскую службу. Некоторым не хватало лишь знания языка. Но ведь это, в конечном счете, вещь сравнительно легко приобретаемая. И вот нас, форменным образом, тащат в сержанты. Думаете, что публика обрадовалась случаю? Ошибаетесь. Упирались, отнекивались, просто отказывались, стараясь увильнуть. Происходили сценки, наподобие следующей: «Пойдете в сержанты?» – «Не пойду». – «Будете капралом?» – «Не буду» и т.д. В результате большинство из них все же оказались в сержантах, даже будучи тут абсолютно ничем и не желая ничего делать. Получив 2 раза премии по 250 франков, многие русские легионеры, напиваясь самым скотским образом, занятия и уроки старались сбыть как-нибудь и в свободные часы предпочитали бродить по городу, но не заниматься французским языком. Дальше такой легионер и не продвигается по службе. И, несмотря на это, их все же продолжали держать, таща за уши, чтобы кто-нибудь дополз до унтер-офицерских галунов, но те упирались. Экзамены на них сдавались переводчикам, нередко русским, и, конечно, не могли быть не произведены в капралы и сержанты. Вместо того, чтобы отправить их в роты и оттуда – дальше, их оставили на 2-й курс, на 3-й и даже на 4-й. Те продавались, но дело не продвигалось дальше. А ведь так было легче. Получить золотые галуны не составляло труда, достаточно было показать себя распорядительным капралом и через 5 месяцев, автоматически, капрал превращался в сержанта. А этому последнему все доступно. Он получает приличное жалованье в Марокко, после двухлетней службы – 480 франков в месяц, в походе – 570, в Алжире – 240. Он имеет отдельную комнату, пользуется унтер-офицерским собранием и т.д. В таких условиях возможно работать, ибо в то время, когда рядовые легионеры исполняют всякие упражнения, сержант свободен. В настоящее время галуны достаются не так легко, сержантов и капралов сейчас в избытке, и новые отбираются с выбором. Но и то, было бы только желание и простой русский легионер, тем более из офицеров, через некоторое время может получить унтер-офицерские галуны. Не нужно забывать, что к русским вообще относятся хорошо, часто даже выделяют. Но нередко русские сами портят свое положение. Теперь Вам понятно, откуда берется это нытье на свою службу. Прозевав однажды, публика сейчас с завистью смотрит на более удачливых и, не имея ничего другого, выдумывает всевозможные басни. Кое-кто дезертирует, большую их часть ловят. Ваши корреспонденты утверждают, что «беглецам грозит тюрьма». Я 3 года уже в Легионе, но таких случаев не припомню. Нужно же додуматься до такой бессмыслицы. Но дезертиру всегда предлагают написать просьбу о помиловании, кроме того, надо выразить желание продлить срок службы. Почти всегда за этим следует прощение.

В общих чертах я сказал то, что хотел. Письмо затянулось, хотя еще многое мог бы сказать. Вопрос слишком обширный, чтобы охватить его во всей полноте, в одном письме, но главное все же обрисовано.

Прежде чем закончить, мне хотелось бы подчеркнуть некоторые детали, слишком уж они характерны. Я о них говорил прошлый раз, но не могу не упомянуть еще. Из каких источников дикари-арабы почерпнули сведения об успехах Кемаля-паши? Не из французских же газет! Здесь все может быть, но Ваши-то корреспонденты «хороши». А описания у них местной войны! «Ужасно», «ужасает», «дерутся так отчаянно, как никогда» и т.д. Интересно было бы спросить, во многих ли боях участвовал писавший эти слова? В прошлом году о Кемаль-паше еще не особенно много было слышно, а в июле арабы дрались отчаянно из-за него. В 1917 г. о Кемале вообще ничего не знали, а на той же Иканге целая колонна была разбита наголову. Об упомянутых Вашими корреспондентами цифрах и говорить не хочется. Я уже ранее пытался привести соотношение между русскими в Легионе и о процентном отношении их к другим национальностям, а также и по соотношению Легиона к другим частям мобильных групп, с которыми он оперирует.

Единственное, о чем забыл упомянуть, это место двухдневного жестокого боя, о котором писали Ваши корреспонденты и я в прошлом письме. Я дал название Эль-Мерс, тогда как, вероятно, это был бой 12–13 августа на соединение двух колонн.

Я заканчиваю. Должен сказать, что, конечно, было бы неизменно лучше, если бы студенты получили возможность закончить свое обращение в университетах, но, при желании и за неимением другого, можно и отсюда выйти не с пустыми руками.

С уважением, Кроленко».

Письмо В. Крюкова донскому атаману А. Богаевскому, написанное в январе 1924 г., позволяет читателю узнать более подробно о жизни русских в Легионе. Находится данный источник в ГА РФ. Ф.6461. Оп.1. Д.23. Л.30.

«Ваше превосходительство, Африкан Петрович!

Осмеливаюсь беспокоить Вас потому, что прилагаемое письмо казаков-легионеров имеет огромный интерес. Возникшая в Легионе ссора между казаками-легионерами и иногородними из-за политических споров принимает острый характер, что вторично подтверждается письмом.

Высоко почитая примирительный тон Ваших обращений, я представляю это письмо Вашему вниманию, думая, что авторитетностью Вашего обращения можно будет помочь делу.

Второй вопрос этого письма – не раз возбуждаемый в письмах казаков-легионеров, это ходатайства о сокращении срока службы. Ответ и на этот вопрос требует также особой компетентности.

Ввиду важности обстоятельств этого письма представляю его Вашему вниманию.

Примите уверение в искреннем уважении и преданности».

Данный источник – письмо казака-легионера Фионова от 3 декабря 1923 г. о разногласиях русских в Легионе. Хранится оно в ГА РФ. Ф.6461. Оп.1. Д.23. Лл.31–32.

«Здравствуйте, дорогой станичник Василий Степанович!

Я Ваш станичник, Степан Дмитриевич Фионов, прошу принять мой Вам поклон, а также находящиеся здесь казаки шлют Вам привет и просят Вас, Бога ради, посвятить нас в чем-либо в надежде на будущее или в замирании вечном. Из газет ничего понять нельзя, потому что идет беспрерывная грызня и укоры друг друга за прошлое. А вот еще новость из газеты «Последние новости» за 10 октября 1923 г. № 1063, в которой есть передовая статья «Самоопределение казачества». На почве этой статьи у нас начались беспрерывные споры и упреки со стороны иногородних крестьян, они нас укоряют, что мы давно хотели этого, а потому и проиграли освобождение России и т.п. Мы хотели объясниться с ними, но они плевали нам в лицо, когда мы, казаки, переносили все на своих плечах. Да и сейчас мы не против постоять за Россию. Но на почве этого разрыва мы здесь нередко доходили до

кулачных боев. Да, нередко приходилось сталкиваться и с теми, хорошо говорящими на русском языке, но еще хранящими при себе золотые звезды, на тему «коммуна».

Итак нам очень горестно, приходится трудно коротать наш 5-летний срок! Хотя осталось еще 2 года, но для нас это кажется довольно продолжительным временем.

Василий Степанович, просим Вас, если это будет возможно, зайдите с ходатайством о сокращении нашей службы в Легионе и скажите, как бы нам то же самое сделать и каким образом, через кого ходатайствовать, чтобы наши прошения были удовлетворены. Это наше общее дело, опишите это также подробно, будем до глубины души рады Вашим советам нам. И пока будьте здоровы. От всех нас, казаков, Вам низкий поклон, привет станице. Желаем самого наилучшего успеха в ее делах.

Искренне преданный Вам,

Ваш станичник, Степан Дмитриевич Фионов.

Город Ракка, Месопотамия».

Данный источник содержится в личном фонде А.А. Воеводина в ГА РФ. Ф.6340. Оп.1. Д.11. Л.1.

Письмо Кузьмичева с поста Касбах (Марокко) Воеводину в Прагу, 1924 г.:

«Здравствуйте, далекий незнакомый соотечественник, господин Воеводин. Сего же дня получено мной письмо от хорошего знакомого, русского и французского офицера, господина лейтенанта Белокурова, который Вам – друг.

Белокуров письменно знакомит меня с Вами. Я, с совершенным удовольствием, желаю познакомиться, адрес мой, хотя и несколько позорный для русских, но – все равно. Вы, кажется, слышали или же даже испытали жизнь русского эмигранта на острове Лемносе, поэтому мне, силой необходимости, пришлось войти в этот незнакомый Легион. За тем, мой адрес таков:

Легионер Кузьмичев, пост Касбах, Марокко. Адрес мой в России таков: Дон, станица Великокняжеская, казак Кузьмичев.

Слушайте, господин Воеводин, в нашем Сальском округе, мало ли, может быть, случайно, извиняюсь, Вы моего округу?

Лейтенант Белокуров пишет, что Вы заинтересовались нашей страной, жаркой и полудикой – Марокко. Предупреждаю Вас, что я – малограмотный, как видите мою рукопись. Я представляюсь Вам, как русский солдат, прошу выслать нам несколько газет и журналов. Конечно, простите за то, что письмо писано карандашом. У нас в Марокко чернила не водятся на передовом посту. Остаюсь с почтением к Вам, прошу Вас передать сердечную благодарность господину лейтенанту Белокурову от Кузьмичева. Присылайте всякие новинки. Будем рады. Русские».

Данный источник содержится в личном фонде А.А. Воеводина в ГА РФ. Ф. 6340. Оп.1. Д.12. Л.1.

Письмо Поплавского Белокурову с поста Энгиль в Марокко от 4.01.1924 г.:

«Многоуважаемый Белокуров!

Пишу Вам по просьбе солдата Вашего подразделения Ефремова, который лежит вместе со мной в госпитале. Ему ведь ампутировали ногу, но чувствует он себя теперь довольно сносно. Очень просил Вас найти и сохранить его вещи – безопасную бритву и прочее. Все это осталось в комнате, в которой он спал, а также выслать и фотографические карточки, Ваши и Огородного. Пользуясь случаем, черкну несколько слов и от себя. Если только помните Вы меня, мы были вместе в Константинополе и Бембесе. Я недавно приехал из кавалерийского полка в Тунисе. Последнее время там циркулировал упорный слух о том, что Вас убили. Даже находились очевидцы того, как в Мидеме, с аукциона, распродавали Ваши вещи. Теперь я получил из эскадрона письмо, в котором меня просят проверить, насколько все это достоверно. Узнав от Ефремова, что Вы благополучно здравствуете, я

счастлив был написать в эскадрон про все эти слухи, что они – сплошной вздор. А то публика, из знающих Вас, принимая сообщение «очевидца» за чистую монету, была очень этим огорчена. Если располагаете свободным временем, то черкните, буду очень рад. А пока, всех благ.

Ал. Поплавский, Engie Hospital, Ефремова там же».

Письмо казака-легионера от 15 июня 1924 г., помещенное в эмигрантском журнале «Казачий путь», выходящем в Праге № 21 1924 г., с.11, представляет также интерес для данной книги, поскольку дополнительно раскрывает подробности службы русских в Легионе.

«Здравствуйте, многоуважаемый господин редактор!

Первым долгом при написании моего письма спешу сообщить Вам, что я получал Ваши журналы, за которые сердечно благодарю, что Вы не забываете нас, заброшенных в далекой Африке. Я получил журналы во время уборки лошадей на конюшне, и не было времени их распечатать. Когда кончилась работа и я стал распечатывать журналы, собрались все мои друзья и станичники. Я роздал их тем, кто мог читать, и они разошлись, каждый в свою комнату. А я с остальными остался и стал читать.

Когда я читал рубрику «В родных краях», то некоторые станичники горько заплакали, даже у меня на глазах слезы выступили. Когда прочитал весь журнал до последней страницы, мы все решили написать Вам это письмо. Мы выражаем Вам большую благодарность за то, что Вы сочувствуете нашему тяжелому положению. Мы были бы рады помочь Вам деньгами, но т.к. мы получаем очень мало – 25 сантимов в сутки, а работать за них приходится, как волу, да еще на жаре здесь, в этом Легионе.

Помоги, Господи, выбраться нам из этого пекла, чтобы мы могли посмотреть на белый свет.

Некоторым казакам остается еще служить 1 год и 6 месяцев, в 1925-м выходят на волю. А многие еще будут дослуживать 6–7 месяцев и даже год, потому что были под судом.

Кормят нас так: на обед получаем четверть хлеба, суп из чечевицы и одна вода; на ужин – то же самое – чечевица или же фасоль без масла, всегда постная. Утром – одну кружку кофе и то горький, без сахара, его здесь и в помине нет. Мы уже забыли, когда пили кофе или чай сладкими. Когда-то мы ели, пили, гуляли в своих родных станицах. А в настоящее время приходится все забывать, но ничего: придет такой час, дорогой нам, когда мы все вместе сольемся в одну семью.

А пока сердечно благодарим Вас за то, что Вы сделали для нас, за то большое одолжение в виде журналов. Они даже отчасти и развеселили нас и дали понять, что где делается на белом свете, а также в наших краях, что родным нашим приходится переживать страшное мучение из-за этих комиссаров Троцких, Каменевых, Сталиных и т.д.

Помоги нам, Господь Бог, нашему казачеству стать на верный путь и победить этих красных зверей, и чтобы были чисты наши станицы, чтобы был каждый казак и каждый гражданин нашей страны свободным и что будет Донская область, а не Буденновская, и Кубанская область, а не Краснодарская, вообще, чтобы был порядок, а не то, что творится у этих красных зверей».

От Н.М., 1930 год:

«23 февраля, при трагических обстоятельствах, погиб казак станицы Усть-Белокалитвенской, Донского войска, Дмитрий Давыдов. Покойный отслужил пять лет во Франции, в Иностранном легионе, на службе в Африке отличился, имел французские медали. Последние 3 года он работал на заводах в Прэмоне, около города Сен-Мишель де Морьен. Спокойный, положительный, трезвый, Д. Давыдов пользовался общим уважением как рабочих – не только казаков и вообще русских,

но и французов, – так и фабричного начальства, назначившего Давыдова шефом экипа.

В день своей гибели Давыдов, возвращаясь из города на завод, встретил в пути своего знакомого донца и, по приглашению последнего, зашел с ним в кантину завода Сосаз, переполненную в этот час обеда русскими. Долго не получая от француза-кантинера заказанной порции рыбы, донец попросил Давыдова, владевшего французским языком, пойти объясниться с французом. По показанию свидетелей всего происшедшего, кантинер, проведший всю ночь на балу и бывший не в трезвом виде, в ответ на заявление совершенно трезвого Давыдова замахнулся на него бутылкой и стал бить его по голове. Их развели. Несколько успокоившись, Давыдов пошел на кухню, чтобы объясниться по поводу странного, ничем не вызванного нападения кантинера, но не успел он еще произнести ни одного слова, как кантинер, увидевший Давыдова, выхватил револьвер и произвел в Давыдова пять выстрелов, ни разу, однако, не попав. Давыдов стал уходить от беды, но в тот момент, когда он затворял уже выходную дверь, раздался шестой выстрел, и пуля, пробив дверь, попала прямо в сердце. Смерть была мгновенной.

Родственников у Давыдова во Франции нет. В России – мать и четверо детей. Двадцать пятого, в Прэмоне, состоялись торжественные проводы Давыдова. За гробом покойного шла большая толпа во главе с представителями заводской администрации, контрмэры и рабочие – русские и французы. Хоронил священник из города Южин. На гроб были возложены французские медали покойного.

Русские колонии в Сен-Мишель и Прэмоне взволнованы этой трагедией. Они опасаются, как бы это дело не было замято состоятельным убийцей. Донской атаман и правление Казачьего союза принимают соответствующие меры».

Данный отрывок из письма русского легионера журналисту Евгению Недзельскому позволяет получить дополнительные сведения о службе русских в Сирии. Этот документ взят из журнала «Своими путями» №№ 8, 9.

«...Не буду сейчас описывать всех мытарств. Но все, что казалось прежде вымыслом, сказками, оказалось правдой. Приходилось быть без пищи, бродить по пустыне вдоль Евфрата, где ботинки сгорают от жары. Видел, как здесь легионеры, в том числе и русские, умирают от жажды, истощения и солнечных ударов. Их старались поднимать плетью, а когда видели, что несчастный не может двигаться или ранен, у него отбирали винтовку и оставляли гнить на месте...

Оставленного подобрать решительно некому. Несчастному даже нечем защищаться, т.к. у него нет ни винтовки, ни патронов. В Легионе, применительно к этому, говорят по сложившейся здесь пословице: «Или сдохни, или иди!» Многих таких несчастных, оставленных на верную гибель, находили потом с отрезанными головами, изувеченными до неузнаваемости. Гуманное начальство, что весьма редко встречается, приказывает привязать такого человека к хвосту мула. Это хорошо. А побои, удары прикладами в спину – «для придания бодрости»...

Не проходило и месяца, чтобы не было случаев сумасшествия и самоубийств. Русская натура не выдерживала, и началось массовое бегство, по своим результатам очень печальное. Турки и арабы, с которыми они договаривались, оказывались друзьями только на словах, а в первой же деревушке раздевали беглеца и в лучшем случае отпускали голым. В большинстве же случаев – убивали...

Арабы – враги легионеров. Бежавшего легионера араб, по своему закону, имеет право убить и в награду взять его вещи...

Я попал в Сирию и Легион из батареи. В батарее мы своим трудом и занятиями заставляли признавать наше преимущество перед туземцами, арабами и неграми и вынудили своим умением господ-французов уважать рабов. В Легионе же между нами было равенство, и мы стали здесь наравне с преступниками всего мира. «Для нового вина нужны новые мехи», но нас размешали со старым, и вот, все эти интеллигенты, художники, инженеры, актеры, начинают сереть, бледнеть, и сейчас

уже все смешались с общей физиономией Легиона. Многие спились, тем более что пьянство здесь поощряется. Здесь между собой легионеры говорят не о том, что они в жизни сделали хорошего, но говорят, как убили, обокрали, обманули. И вот борешься, чтобы и тебя не засосало в эту тину, и только письма дают моральную поддержку. Скажите, что это за служба? Случай или что-то еще другое? Я только и мечтаю теперь быть рабочим, исполнять самые мерзкие работы, но быть хоть немного свободным...

Неудивительно, что люди предаются пьянству, ведь это только для того, чтобы хоть иногда забыть о тяжелой действительности. Мечты многих – жить, жить и жить! Воля Ваша, но другие уже готовы пойти на все, готовы стать ворами, убийцами, допиться до потери образа человеческого и стать животными...

К этому ведет система исправления преступников!.. А сопротивляться нельзя. Лишнее слово – и карцер. Французы изобрели слишком много наказаний: тюрьма, карцер, общественные работы, работы на военных объектах – и все это сопровождается форменной инквизицией, после которой выходят оттуда либо калеками, либо остаются в Легионе до смерти. Вот одно из самых легких наказаний: надевают на легионера ранец, полный песку, и целый день ты должен по команде бегать и ложиться, вставать на колени и снова бежать. Когда ты падаешь в изнеможении, то тебя поднимают. Потом снова надевают ранец и ставят вплотную к стене, а руки завязывают назад. Малейшее движение – и ты ударяешься головой о стену. Все это сопровождается ругательствами и побоями. Я знаю, Вам в это трудно поверить, но это самое обыденное из наказаний. Здесь много преступников, но разве я – преступник? Если я, едва окончив гимназию и только зайдя в университет, пошел спасать Отечество и вот оказался в Легионе.. (см. Недзельский Е. Иностранный легион и русские.//«Своими путями». 1925. № 8, 9. С.)

С «камарадами» из «старых» легионеров сходиться нельзя, уж слишком они низки, у них все сводится к вину, картам и прочим гадостям, вот и уходишь в свой «кукольный театр» из книг, писем и прочего. Я не боюсь работы, не боюсь переносить лишения, но я хочу поддержать этот мирок. Борюсь, чтобы не засосала легионная трясина. Ведь грязь – очень прилипчива: один неверный шаг, минута малодушия – и я стану таким же грязным и потону. Пока еще тяну руки, карабкаюсь, помогите же мне, спасите меня. Напишите письмо, пришлите те газеты, в которые Вы заворачиваете старые вещи. Дайте моральную поддержку!..

У нас сейчас зима, в этом году неожиданно суровая. Непрерывные дожди, один раз даже выпал снег, и лужи по ночам замерзают. В Легионе все наоборот: летом, при страшной жаре, когда нечем дышать и солнце сжигает все живое, мы ходим в шинелях, а зимой – в так называемых «костюмах для занятий» вроде нашего ситца, латаных-перелатаных. За гроши французы хотят иметь железную армию и таким образом «закаляют» нас. Генерал Галлиэни говорил однажды в одном месте, что легионер должен «выдерживать все при любых условиях»...

Достали недавно с приятелем 2 русские книжки: «На белом коне «Брешко-Брешковского и «Вильгельм Хорст», забыл фамилию немецкого романиста. Читали даже во время 10-минутного перерыва во время занятий и со счастьем носили их в карманах. Газеты купить не на что: полученных 3 франков и 75 сантимов едва хватает на мыло и почтовые марки. Я даже и хлеба не покупаю, хоть зачастую и голоден. Но я не могу себя заставить отказаться от единственных радостей – писать письма и от табака. Нам дают дважды в день по четверти литра чечевицы и по куску мяса, 600 грамм хлеба, да утром – черный кофе. Вот и весь «рацион французского солдата». По крайней мере, нас в этом уверяют...

Хотел было получить отпуск на 30 дней, но ничего не добился, хотя и имею на это право. Здесь тоже надо унижаться, тебя будут гнать, а ты – приставай. Надоело, хватит уже...

Я пишу Вам и другим, как только «бывает время», ибо ведь наши «хозяева» хотят из нас «выгнать чистых занятий и работ» не меньше 8 часов, а это и занимает время от ночи до ночи. Освещения по культурным вопросам не полагается, так что вечерами и остается только думать. А тут еще второе воскресенье работа. Правда, я за это время получаю лишних 600 грамм, но нет даже времени и мыла постирать белье...

Между прочим, Ваше письмо было вскрыто в нашей канцелярии и ввиду того, что не было переводчика, позвали меня и предложили перевести. Это – счастье! Я состряпал лестный для них перевод... Знайте же впредь, об ужасах здесь не все пишется...» (Недзельский Е. Иностранный легион и русские.//«Своими путями», № 8, 9. 1925.)

Отрывок из письма бывшего войскового старшины Рудакова Богаевскому позволяет понять, почему он не захотел продолжать военную службу после эвакуации из России в Иностранном легионе, а уехал в США. Хранится этот источник в ГА РФ. Ф.6164. Оп.1. Д.35. Л.238:

«...во французской армии трудно будет нашему брату пробиваться. Кто того желает, предлагали сделать с Иностранного легиона, а служба ведь в нем очень тяжелая»...

Данное письмо капрала 1-го Иностранного полка Саркиссова из Марокко от 28 октября 1924 г. донскому атаману Богаевскому позволяет понять, что даже унтер-офицерский состав Легиона стремился покинуть его. Хранится этот источник в ГА РФ. Ф.6164. Оп.1. Д.36. Л.43.

«Ваше превосходительство!

Узнав, что часть эмиграции и в том числе русская интеллигенция находится под Вашим высоким покровительством, я, как бывший офицер русской службы, осмеливаюсь просить Ваше превосходительство поставить меня в известность, могу ли я устроиться на какую-либо работу во Франции после моей 5-летней службы во

Французском иностранном легионе?

Мне осталось дослуживать еще 3 месяца. Профессии я не имею, но зато говорю хорошо и грамотно пишу по-французски.

С искренним и глубоким к Вам уважением, Саркиссов».

Данное письмо является ответом Богаевского на письмо Саркиссова от 5 ноября 1924 г. Этот источник хранится в ГА РФ. Ф.6164. Оп.1. Д.21. Л.104.

«Русскому офицеру, ныне капралу Саркиссову.

...Работу во Франции Вы, конечно, найдете, но только физическую. Можно работать на фабрике, заводе, в сельском хозяйстве и т.д. Интеллигентного труда найти почти невозможно. Есть немногие исключения. Но Вам знание французского поможет найти более лучшую, чем у других, физическую работу.

Советую Вам после окончания службы запастись рекомендацией Вашего начальства в Легионе и по прибытии в Марсель обратиться к русскому консулу

Гомелия. Он поможет Вам получить место через представителя министерства труда, находящегося в Марселе. Так устраиваются все беженцы, попавшие в этот город».

Данные источники были опубликованы в журнале «Казачий путь» и находятся в личном фонде А.А. Воеводина ГА РФ. Ф. 6340. Оп.1. Д. Лл.1–2.

Письмо казака Кузьмы Андреевича Чибисова Белокурову 14 ноября 1923 года с поста Метрикюль, написанное им после ранения:

«...Жизнь – плохая, здоровья никакого нет. Пошел я в защиту для охраны своего поста. Чтобы выйти туда, надо было взять проклятого камня для товарищей и строить стену. Вот мы и пошли: 4 человека, 2 немца и 2 нас, русских, – капрал Питондра и я. Обошли окружность поста и отправились дальше. Прошли метров 50 или 60, и с дистанции шагов в 8–10 вдруг открылась стрельба по нас. В две минуты мои товарищи легли убитыми по милости Бога. Я вступил с ними (арабами) в бой, не

чувствуя свое ранение в живот. Бой продолжался минут 15. С помощью Господа, я не пал своим духом. Положил вокруг себя трех биков (из арабского племени) и двоих ранил. С поста мне на помощь выйти было нельзя, потому что арабы вели ружейный огонь по его дверям. Но я отбил всю эту атаку и переполз на пост. Так что, Василий Сергеевич, 8 лет воевал, но такой страсти не видел. Казалось мне, не так страшна смерть, как страшны их рожи.

Рана моя – ничего, кишки не тронуты. Привезли меня в госпиталь, и приехал комендант и поздравил меня с Военной Медалью и с боевым подвигом. Вот все мое былое происшествие. Питондру и Горбуленку помяните».

Данный источник содержится в личном фонде А.А. Воеводина в ГА РФ. Ф.6340. Оп.1. Д.14. Лл.1–2.

Письмо Чибисова сержанту Белокурову от 27 ноября 1923 г.:

«Здравствуйте, дорогой сослуживец, вот первая моя Вам строка!

Господин есаул, уведомили ли Вас, что я, по милости Господа Бога, нахожусь жив и здоров, хотя здоровье мое не очень-то. Думаю, что если Бог даст, я стану чувствовать себя лучше. Что делать! Но ничего.

Вам желаю всего хорошего в Вашей жизни, дай Бог Вам закончить свою службу и вернуться оттуда живым и счастливо переехать на новое место назначения Вашей службы, где нет таковой. Я – известный Вам сослуживец, казак, подхорунжий Д.О. Чибисов.

Затем, Сергей Васильевич, пишу, что я имел, в таком случае, счастье получить от Вас письмо. Я пишу Вам 27 ноября, потом – на перевязку, которая проходит очень болезненно. Вдруг, слышу, дают мне на койку письмо. Я взял в руки эту свою награду, раскрыл ее и стал, во-первых, смотреть – какой-то портрет виден. Лицо – знакомое, но не могу сообразить, чье, потому что мне тогда было очень больно после проклятой перевязки.

Затем бросил смотреть, давай читать это письмо.

Когда до меня дошло, что на нем – Ваше имя, тогда я стал очень рад, и затихла моя боль в животе, но читал я Ваше письмо со слезами. Значит, еще есть наши люди, которые, хоть и письмом, но помнят меня в этой бедной стране и в таком моем положении...

Премного и много благодарю Вас, да еще за то, что получил от Вас 2 конверта. Хотя они – ничто, но для меня – очень дороги, как Вашему вестовому.

Это было кстати, так как в течение двух месяцев я сильно издержался деньгами и даже нет ни сантима... И нет знакомых с поста. Награды пока тоже никакой нет, помощи не ожидаю, потому что нет уже наших знакомых русских... И теперь много раз приходится сидеть здесь одному и тоскливо смотреть вниз. Затем спасибо Вам за письмо моей жене. Если есть у Вас русские, то пусть помогут, пакет сигарет пришлют.

Буду ждать ответа, Пост Медель».

Письма русских легионеров из Марокко за 1925 г., опубликованные в журнале «Казачий Путь», № 70, представляют особый интерес, т.к. они дают представление о войне Легиона против рифов:

«Вот уже больше месяца – походы и операции. Пишу, сидя на соломе в палатке.

Весь горизонт – непрерывная вереница горных цепей.

Они скрывают от нас весь мир. Кажется, что ничего не существует, кроме гор.

Горы – грозны и лукавы: в каждой щели скрывается угроза, смерть; фанатизм в остатках еще пещерной жизни.

Временами разносятся раскаты грома орудий, ружейной и пулеметной стрельбы, а иногда и «таку» – характерный выстрел арабского ружья древней конструкции.

«Таку» – гроза колониальных войск: рана от их пули громадна и почти всегда смертельна. «Поймать таку» – небольшое удовольствие.

Война наша подходит к концу, ибо наступает уже дождливый сезон и мы скоро уйдем на зимовку, в гарнизон, где можно будет заняться прерванной работой – самообразованием.

Все мы, сколько нас здесь находится, только и мыслим о том, как бы вернуться в родные земли и развязаться с легионами и по возможности вернуться в родные земли. Конечно, не при большевиках. Кто же не любит Родины? Кто же не любит матери родной?

Это еще не так скоро может случиться, но все же надежда нас поддерживает в нашей горькой участи...»

«Казачий путь», № 76:

«Как я попал в Легион». (Guercif. Maroc. 5 января 1926 г.)

Не буду писать о первых трудных неуверенных шагах; начну с того момента, когда мне показалось, что я могу выйти из заколдованного круга, – и я начал работать. Начальство не замедлило подметить это и начало меня подбадривать, нашивая мне погоны.

Летом 1923 г. я был произведен в капралы. Здесь открылось более широкое поле деятельности, и во время операций с мая по август 1924 г. я получаю сержанта на должность фурье – это нечто вроде делопроизводителя. После этого попадаю в Алжир на захудалый отдаленный пограничный пост, где и пробыл 6 месяцев. Было скучно.

Война в Марокко в то время шла обычным чередом. Редкие стычки. Засады. Нападения на обозы. Но вот в июле 1925 г. рифяне после долгой паузы сумели поднять восстание почти во всех племенах арабов. Момент был критический. Войск в Марокко не хватило, а рифяне уже грозили главным базам французов, таким, как Фец, Заза, Герсиф, даже Суджа и тому подобным.

Командование французов в Марокко потребовало подкреплений, и в числе многих полков был призван и мой батальон. В то время я был уже старшим сержантом и правой рукой командира роты. Мне оставалось 6 месяцев службы, и, по уставу французской армии (в частности, Легиона), я не должен был ехать в Марокко, но так как момент был критический и в батальоне была половина русских, то нас и отправили, как пушечное мясо.

Алжир мы покинули 18 июля, 22-го прибыли в «Тазол» (около 300 километров от него) и 24-го выступили на позиции, где нас и встретили гостеприимные рифяне.

Показали они нам, как нужно стрелять, как применяться к местности, как делать разведки в горах Атласа (черт бы их побрал!)... В первые же 2 дня у нас выбыло 100 человек из 600».

«Казачий путь», № 2. «Письма из Иностранного легиона».

«...Разрываю конверт с марокканской маркой: «...10 часов вечера. Темно. Дует ветер. Часовые нервничают. Близко стреляют. Нужно идти... Утром завтра кончу письмо...» – пишет казак, студент А. Письмо кончается...

Письмо легионера 1-го Иностранного полка из Алжира С. Воронина донскому атаману А. Богаевскому от 19 июня 1927 г. позволяет сделать вывод, что не только не все русские в 1926 г. покинули Легион, но и попадали туда позднее. Бывший офицер, С. Воронин был обвинен французской полицией в совершении преступления, и это заставило его укрыться от ее преследований в Легионе. Хранится этот источник в ГА РФ. Ф.6164. Оп.1. Д.35. Л.196.

«Сиди-Бель-Аббес.

Ваше превосходительство, глубокоуважаемый

Африкан Петрович!

Прежде всего прошу Вас меня простить, что не написал Вам до сих пор ни одной строчки, не поверите, что в первые месяцы я не мог этого сделать. Сами можете понять, какое у меня было подавленное состояние духа, упадок энергии и сил, но теперь, понемногу, ко мне возвращаются бодрость и вера в будущее, что еще не все потеряно, и я спешу написать несколько моих коротких строчек, чтобы выразить Вам мою искреннюю благодарность за то внимание и теплое слово, какие я встретил в тот вечер у Вас в квартире. Прошу простить, что я не пошел и не отнес Вашей выписки господину Маклакову (царский министр России.). Но я предполагал, да и сейчас уверен, что все равно он не смог бы мне многим помочь. Таким было тогда мое критически-острое и безвыходное положение, что я на следующий день решил уже больше никого не беспокоить и не утруждать своими просьбами и советами и направил письмо к господину Д. и записался в Иностранный легион.

Вот прошло здесь уже 4 месяца. Прошел я строй и теорию, нужные для каждого вновь поступающего легионера, и в первых числах этого месяца я поступил в оркестр. Тяжело сейчас, конечно, играть, тем более, на инструменте, на котором я ни разу не играл до сего времени. Приняли меня сюда потому, что у меня есть 5-летняя музыкальная практика. Но я думаю справиться. Хотел было я идти в школу капралов, но опоздал и пошел в оркестр, т.к. туда легче записаться, в первый же день моего прибытия в Легион. Во всяком случае, особенно жаловаться не могу, т.к. военная служба мне знакома, язык знаю. Конечно, есть маленький осадок на душе и становится неприятно при воспоминании о недавно произошедшем, в котором я не был виноват, в том клянусь Вам честью офицера. Но надеюсь, что пройдут эти 5 лет и я смогу вернуться, но уже не в Париж, а хотелось бы домой бы к нам, на Тихий Дон, освобожденный от грязной нечисти большевизма.

Конечно, жаль, что приходится ни за что служить чужим, когда можно было бы эти годы отдать своей дорогой Родине, но, видимо, уже такая мне судьба, и против нее не пойдешь. Забыл Ваш адрес, а потому посмею это письмо послать на имя Маклакова, с просьбой передать Вам.

Еще раз прошу простить меня. Мой искренний и горячий привет Вашей супруге.

Искренне уважающий Вас и преданный Вам, Воронин».

Информационный доклад Объединенной русской эмигрантской студенческой организации (ОРЭСО) влиятельному эмигрантскому движению «Объединенный казачий комитет» в Праге от 24 августа 1923 г. Документ хранится в ГА РФ. Ф.5837. Оп.1. Д.149. Л.6.

«Правление ОРЭСО имеет честь сообщить Вам, что, по сведениям Правления в Африке, во Французском иностранном легионе среди многих тысяч русских находится значительное число казаков и студентов.

Правление ОРЭСО еще в начале этого года возбудило перед президентом Французской Республики ходатайство об освобождении студентов от службы в Легионе.

Надеяться на скорое и положительное разрешение этого ходатайства не приходится, и поэтому необходимо стремиться сохранить моральный уровень студенчества, живущего в ужасных условиях в Легионе.

Единственно возможный путь к этому – снабжение студентов-легионеров русскими книгами, журналами и газетами.

Правление ОРЭСО имеет возможность посылать сравнительно небольшое количество газет и обращается к Вам с просьбой ассигновать ежемесячно определенную сумму на высылку газет и журналов студентам-казакам в Легионе.

О последующем Вашем решении не откажите поставить нас в известность.

Председатель Неандеров.
Секретарь Воеводин».

Ответ вышеупомянутой организации «Объединенного казачьего комитета» от 7 сентября 1923 г. на обращение в эту организацию ОРЭСО. Хранится этот документ в ГА РФ. Ф.5837. Оп.1. Д.149. Л.7.

«Правлению ОРЭСО в Праге.

В ответ на Ваше отношение от 24 августа 1923 г. за № 817 «Объединенный казачий комитет» считает необходимым сообщить:

1. Еще с конца 1921 г., то есть почти с самого начала своей деятельности, «Объединенный казачий комитет» установил некоторую связь с казаками, находящимися в Африке, в частности, с теми, которые служат в Иностранных легионах.

2. Мы уже давно посылаем им все необходимое.

3. «Объединенный казачий комитет» предлагает сделать помощь постоянной и из своего бюджета ежемесячно выделять 150 крон.

4. «Объединенный казачий комитет» предлагает информировать правление обоих организаций относительно характера посылаемого легионерам, чтобы разнообразить отправляемые вещи и не повторяться. Особенно это касается газет и журналов.

Уланов».

Правление ОРЭСО было глубоко удовлетворено вышеизложенным «ответом Объединенного казачьего комитета» и 27 сентября 1923 г. сообщило, что им высылаются русским легионерам все наиболее известные белоэмигрантские газеты, за исключением «Руля» и «Дней», поскольку эти издания за их «прогерманскую» позицию и критикуФранции цензура Легиона не пропускала. Для улучшения снабжения русских легионеров литературой и прессой правление ОРЭСО предлагало «Объединенному казачьему комитету» обратиться совместно к ряду издательств с просьбой помочь легионерам книгами» (см. ГА РФ. Ф.5837. Оп.1. Д.149. Л.8.).

Данный документ является «Докладом о положении русского студенчества во Французском иностранном легионе», сделанным на 2-м съезде русского эмигрантского студенчества 16 января 1923 г. делегатом съезда А.А. Воеводиным. Хранится этот документ в ГА РФ. Ф.5837. Оп.1. Д.146. Лл.1–5. Источник печатается с небольшими сокращениями.

«Русские, служащие в Легионе, не сконцентрированы в какой-либо одной части, а распределены так, что они смешаны с другими национальностями по 5 полкам, и находятся они в Алжире, в районе Сахары, в Тунисе, в Марокко, в Сирии и Индокитае. Большинство находится сейчас в Марокко и Сирии. В Северной Африке они разбросаны по 72 отдаленным постам. В боевых действиях в горах Атласа находятся сейчас 3-й и 4-й полки Легиона, в которых русских около 800 человек. Они вернутся на посты не ранее начала 1923 г.

Чтобы показать, как сильно желание русских студентов вырваться из ужасной 5-летней кабалы, как сильно у них желание вернуться к прерванному образованию и культурной жизни, я в начале доклада привожу выдержку из письма одного из студентов-легионеров:

«В Африке, кроме меня, содержатся еще около 300 русских студентов, служащих в качестве солдат во Французском иностранном легионе. Они ангажировались на 5-летний срок, но всеми фибрами души рвутся к свету и знаниям. Пусть съезд об этом знает и примет соответствующие решения».

Останавливаться на том, какими путями эти 300 русских студентов попали во Французский иностранный легион, вряд ли стоит, т.к. способы вербования в него всем достаточно хорошо известны. Вот, вкратце, положение русских в Иностранном легионе.

Большинство из них вступило в Легион в конце 1920-го и в начале 1921 г. Контракт подписывался на 5 лет. Из 5 лет 1 год проводится, обыкновенно, в Алжире. Это период обучения и гарнизонной службы на постах; остальные годы проходят в

Марокко или Сирии на охране постов, в работах по прокладке дорог, постройке блокгаузов и постов, сопровождении караванов через пустыню и боевых действиях с непокоренными племенами. В Тонкин направляют обычно легионеров, прослуживших 2–3 года в Марокко или Сирии и подписавших контракт на 2-й срок службы.

Все начинают службу простыми легионерами. Продвижение по иерархической лестнице русских крайне затруднительно из-за плохого знания французского языка и полного отсутствия интереса к службе среди преступников и дезертиров всего мира, а также из-за неугасающей тоски по оставленной Родине и оторванности даже от эмиграции.

Жалованье простой легионер получает в Алжире и Тунисе – 25 сантимов в день, в Марокко – 75 сантимов в день. Капрал в Алжире и Тунисе получает 45 сантимов в день, в Марокко – 95 сантимов в день. Сержант в Алжире и Тунисе получает 1 франк 20 сантимов и 1 франк 30 сантимов в Марокко. В Сирии жалованье несколько больше.

Всего во Французском иностранном легионе находится несколько тысяч русских. Большая их часть – бывшие военнослужащие различных добровольческих армий, небольшая часть вступила в Легион из бывшего во Франции во время Первой мировой войны Русского экспедиционного корпуса.

Жалованья, особенно простому легионеру, при очень плохом пайке и напряженной физической работе, совершенно недостаточно. Жалованья не хватает даже на табак, и русским беженцам в Африке не раз приходилось видеть, как русские легионеры в городе Сус и других населенных пунктах тайком подбирают на улицах окурки.

В депо Легиона, при его 1-м полку, есть русская библиотека, основанная энергией и отчасти на скромное жалованье одного честного русского, фамилию которого я не нахожу возможным оглашать сейчас. Библиотека основана в августе 1921 г. и имеет около 900 трудов. Большинство книг – русские, беллетрического содержания, и только около 10 % из них – научные. Из них 60 % всех книг получены от Парижского культурно-просветительного отдела Земгора и Берлинского отделения У.М.С.А. Несмотря на ряд объявлений, помещенных в течение года в различных газетах частными людьми, до сих пор русским легионерам с их стороны пожертвовано только около 20 книг. На нужды находящихся в напряженных условиях русских легионеров русская эмиграция совершенно не отозвалась, что дает большевикам еще один важный козырь для пропаганды среди них.

Библиотека пользуется среди легионеров громадным успехом, т.к. чтение русской литературы является не только самым разумным заполнением досуга легионеров, но и единственной отрадой для забытых всем миром людей, даже больше чем заброшенных – выброшенных за борт жизни. Книги высылаются только на посты в Алжире. В Тунис и Марокко, за дальностью расстояния, высылать книги нет никакой возможности, и, таким образом, библиотекой может пользоваться только незначительная часть легионеров. Остальные, разбросанные по военным постам на протяжении тысяч километров, живут в пустыне, в дикой местности и лишены какой бы то ни было духовной жизни. Даже старая газета, особенно русская, для них большая радость...

Бесплатно получаем 8 экземпляров «Последних новостей», 6 экземпляров «Казачьих дум», по 2 экземпляра «Нового времени» и «Руля» и 3–4 газеты с Дальнего Востока. Судите сами, насколько такое количество может удовлетворить несколько тысяч русских, да еще разбросанных на громадной территории. Ко всем моим просьбам редакторы и администраторы газет остались глухими. Это еще один лишний показатель отзывчивости и сплоченности российского беженства.

Некоторые легионеры не видят русской газеты по месяцам и изредка довольствуются старыми номерами, обошедшими ряд постов. В этом отношении

легионеры забыты. Это всеми осознается с горечью и обидой. Не думаю, что это ведет к хорошим результатам, это ведет к озлоблению.

В наилучших условиях находятся легионеры, оставленные по состоянию здоровья в Алжире. Из их числа около 20 – студенты. Они были освобождены от службы в Легионе врачебной комиссией. Они служили здесь, хотя у многих из них были тяжелые, неизлечимые болезни. В то же время они, безусловно, самые счастливые, которым все остальные завидуют. Они быстро покинули Легион и теперь никакой связи с ним не имеют.

Итак, единственное, чем скрашивается кошмарная жизнь легионера, да и то только в частях, находящихся в центральном Алжире, это небольшая, имени капитана Тихонравова, библиотека и несколько номеров газет. Чем дальше от центра, тем тяжелее и бесправнее становится беспримерная кабала, тем подавленнее состояние духа наших несчастных коллег-легионеров.

В мирной обстановке они имеют ежедневные 10-часовые физические работы при очень скудном пайке, примером которого является выдача полкило хлеба в день. Дисциплина в Легионе – страшная, сообразная его законам. Во всех случаях жизни за правило взята безусловная правота начальников и почти полная их безответственность, что способствует развитию дезертирства. Для предупреждения дезертирства, бунтов и т.д. в Легионе имеется целый штат шпионов, состоящих на особом жалованье.

В походной и боевой жизни в южном Алжире и Тунисе, в Марокко и Сирии ко всему вышеописанному прибавляется опасность быть убитым или раненым. Особенно негативно сказывается на общем состоянии организма тропический климат и страшная жара. Часты заболевания малярией и солнечные удары, нередко кончающиеся смертью.

Перед отъездом на съезд из Туниса наша делегация получила от студентов-легионеров целый ряд писем, в которых они описывают свою ужасную жизнь и выражают робкую надежду на помощь со стороны нас, свободных студентов, во время 2-го съезда русского эмигрантского студенчества.

Один из них так заканчивает свое письмо:

«Дайте нам почувствовать, что мы не забыты».

«Практически все эмигрантские газеты поместили траурный список русских легионеров (4-го эскадрона Первого кавалерийского Иностранного полка), павших 16–17 сентября 1925 года в бою с друзами в далекой Сирии.

Из 12 убитых 10 были уроженцами казачьего Юга России.

От Донского казачьего войска: Горбачев Евфимий, Новиков Назар и Кострюков Сергей (в эмигрантских газетах того времени – Костреков или Костюков).

Из Кубанского казачьего войска: Поволоцкий Сергей, Примак Михаил и Черненко Владимир.

Из Терского казачьего войска: Колотилин Федор, Колесников Яков и Енин Василий, Ставропольской губернии – Фомин Григорий.

В эмигрантской газете «Русское время» есть следующее подробное описание боя, ставшего последним для многих наших соотечественников:

«В сентябре батальон Иностранного легиона вступил в деревню Муссей-Фрей, направляясь к Суйде. Маленькие легкие отряды немедленно начали ощупывать пустынную местность, подготовляя дальнейшее продвижение колонны.

Муссей-Фрей – большая деревня, прикрывающая пути сообщения. Прибывший батальон вместе со своим эскадроном не мог рассчитывать удержать ее своими силами. Командир батальона, Кратцер, решил защищать только ее подступы и расположил в каждом из 6 передних постов по 100 человек.

И стал ждать друзов...

Вскоре французский разведывательный отряд встретился с сильной группой конных друзов. Не имея своей задачей вступать с ней в бой, отряд отошел в полном

порядке, потеряв только 1 убитого и 2 раненых. Друзы, не имея надлежаще поставленной разведки, вообразили, что они заставили отступить французский авангард. Ночью они готовились к бою. Готовились несколько своеобразно: собравшись на площади в деревне, они танцевали и кружились часами без остановки, как дервиши. Орали песни и били в ладоши. Женщины плясали вместе с воинами, испуская воинственные крики и распевая дикие песни. Потом, вечером, сразу бросились в бой. Пешие – впереди, окруженные конными с ружьями наперевес, чтобы остановить всякого, кто сделает хоть шаг назад.

...С первыми проблесками зари нападающие обрушились на все шесть постов Кратцера. Было еще темно, и французские разведчики не могли сначала ничего различить, кроме неясных фигур, приближающихся осторожно.

Легионеры забили тревогу, но вдруг голос из рядов врагов крикнул на чистом французском языке:

– Не стрелять! Это – Легион! – Это была хитрость друзов. Капитан Ландрио, командир эскадрона, быстро сообразил обстановку, но у друзов все же оказалось достаточно времени, чтобы установить «марабу».

«Марабу» – особое переносное прикрытие, дающее возможность друзам безопасно для себя обстреливать легионеров на расстоянии 15 метров. Все прочие французские посты оказались окруженными, и, когда солнце взошло и осветило местность, легионеры увидели, что до четырех тысяч друзов в воинственном раже надвигаются на них и до двадцати пяти знамен, красных, белых, зеленых и синих, развевается над вражескими рядами.

Пользуясь темнотой, какие-то вражеские руки отвязали коней и мулов эскадрона, и они с диким ржанием носились в линии огня. Но все крики и грохот выстрелов покрывал священный боевой клич друзов: ...Аллах! Аллах! ...Смерть нечестивым!

...Три часа продолжалась эта дикая, страшная битва. Иностранный легион обманул надежды друзов на быструю и легкую победу. Этот бой стоил им около тысячи человек убитыми и раненными.

Легионеры потеряли в своих рядах 60 человек убитыми и 70 ранеными».

Далее корреспондент пытается убедить читателя в том, что павшие в этом бою русские, в том числе и казаки – не напрасные жертвы, так как друзы восстали якобы под влиянием большевиков и борьба с ними является борьбой против Третьего Интернационала. Однако все это является не более чем желанием выразить желаемое за действительное – эти жертвы были направлены лишь на то, чтобы удержать в колониальном ярме, на французской цепи, обманутых ими арабов, и еще раз показали, что русские Франции нужны лишь как пушечное мясо.

1925 год, «Казачий путь», № 69. С.220.

«Дорогой Гриша!

Если бы ты знал, какое у нас несчастье! Семнадцатого сентября убит наш милый Сережа.

Да за что же это? Кому нужна была смерть этого ребенка? Да неужели же французы строят свое благополучие на трупах нашей молодежи?.. Душа разрывается на части, родной!..

Бедный милый мальчик! Ненужная для нас война!.. Пуля попала ниже левого глаза и вышла в затылок, смерть – моментальная. Момент – и Сереженьки не стало... А ему ведь было только 19 лет!... Ты подумай, что будет с матерью...»

Данная неопубликованная статья об условиях жизни русских во Французском иностранном легионе принадлежит перу неизвестного автора, сделавшего аналитический обзор разных легионерских писем 1919–1920 гг. В ней содержится информация о том, что представители России во Франции предприняли реальные

шаги для того, чтобы спасти своих соотечественников оттуда. Хранится данный источник в ГА РФ. Ф.5802. Оп.1. Д.1420. Л.1–6.

«Рабы XX века.

«Лига защиты прав человека и гражданина во Франции представила правительству просьбу об аннулировании контрактов, заключенных русскими в Одессе на службу в Иностранном Легионе на 5 лет, как контрактов, заключенных при исключительных условиях».

(Из газет)

«Факты и только проверенные факты дают нам право утверждать о существовании института рабства, и этот институт существует в наши дни во Франции, и вновь слышим мы голос Лиги защиты прав человека и гражданина во Франции, голос на защиту рабов XX века.

Не задаваясь целями критики и оценки действий властей, мы позволяем себе только привести несколько фактов и сделать ряд выводов в полной надежде, что наш голос наконец будет услышан, потому что до сего времени первая статья по этому вопросу в нашем журнале не обратила на себя внимания, и вследствие того, что «как можешь – не хочешь», а «как хочешь – не можешь», вопрос о русских легионерах в Иностранном легионе еще не разрешен.

В марте месяце 1919 г. был отдан приказ об эвакуации французскими войсками города Одессы. И при наличии там французских войск Одесса была занята большевиками.

Перед офицерами Добровольческой армии, сражавшимися бок о бок с французскими войсками под Одессой, проливавшими кровь за общее дело, встал призрак будущих кровавых наказаний в большевистских застенках и ожидание утонченных жестокостей, на которые способны только большевистские комиссары.

Под треск пулеметов вступающих в город врагов несчастные прямо с поля сражения бросились искать защиту своей жизни во французский штаб, полагая, что право на такую защиту ими приобретено в совместных боях и освящено кровью, пролитой вместе на поле брани за общее дело.

Людям, уставшим в бою, людям, потерявшим голову от грядущих ужасов владычества большевиков в обстановке пулеметной стрельбы, союзники предложили спасти свою жизнь от рук большевиков. Это надо было сделать путем заключения контракта на 5 лет в Иностранный легион французской армии, причем сами условия жизни в Легионе были изображены переводчиками, со слов начальства, как самая спокойная полицейская служба в Африке при окладе в 100 франков в месяц.

Естественно, что люди, попавшие в положение – или спасти свою жизнь путем подписания контракта, или остаться в Одессе и погибнуть от казней большевиков, предпочли первое, учитывая и предлагавшиеся условия.

Правда, нам могут возразить, что таких условий контракта не было. Мы просили французских офицеров, бывших в Одессе, подтвердить, что обезумевшие от грядущих ужасов большевизма со слезами на глазах просили спасти их от коммунистов. А вера в предлагаемые условия контракта была так велика, что даже сам переводчик по фамилии Блок на это соблазнился и, учитывая «спокойную полицейскую службу при хорошем окладе и дешевизне в Африке, сам подписал контракт и приехал в Сиди-Бель-Аббес, депо Легиона, со своей женой.

Мы считаем своим долгом также отметить, что некоторым офицерам русской армии, как узнали потом, удалось эвакуироваться из Одессы при помощи французских офицеров без подписания контракта с Легионом.

Другая часть офицеров из остатков Добровольческой армии последовала с французскими войсками в Румынию, причем несколько человек находились раненными во французских госпиталях (поручики Вербов, Бардин и другие) и были привезены в Аккерман из состава этих госпиталей.

Перед этой группой создались новые ужасные условия – непосредственная опасность для жизни от руки большевиков заменялась угрозой умереть от голода в Румынии. Дело в том, что там они были заключены в концентрационный лагерь в Тульгу, где русские офицеры, ограбленные до нитки румынами, жили в бывших тифозных бараках, лишенные пищи, спали на полу без матрасов и одеял. Однако они были вознаграждаемы бывшими союзниками ударами и нагайками (случай с генералом Х. и штабс-капитаном Клюшко), а случаи протеста кончались расстрелами.

И эти, поставленные в крайнюю необходимость люди бросились искать защиты во французские штабы, и этой партии предложили записаться в Иностранный легион для того, чтобы, по словам французов, быть отправленными в армию генерала Деникина. В этом отношении мы позволяем себе привести следующие примеры.

В числе искавших защиту находились бывший командир 39-го Сибирского стрелкового полка полковник Касанин и офицер Главного штаба Румынского фронта Попов-Вяземский. И тому, и другому предложили, чтобы получить защиту французских войск, подписать «формальности ради» – в этом заверили честным словом – контракт в Иностранный легион и затем, пользуясь званием французского солдата, отправиться в армию генерала Деникина. В самых актах контракта ими были указаны чины и должности по службе в русской армии, предписание о чем представлено ныне в Штаб Главного уполномоченного Вооруженными Силами Юга России, а также генералу Миллеру.

Теперь и Касанин, и Попов-Вяземский служат как солдаты II класса в Африке, и их протест не дал результатов.

Наконец, перейдем к 3-й группе подписавших контракты, записавшихся в Германии. «Дружески» интернированным в Германии офицерам армии полковника Бермонта и бывшим военнопленным офицерам русской армии было предложено через вербовщиков записаться в Иностранный легион. Измученным пленом людям была обещана спокойная гарнизонная служба в Африке и оклад в 100 франков в месяц (прапорщики Троин, Кривобок и другие). Наконец, те же самые условия были предложены после эвакуации Крыма в 1919 г. генералом Деникиным русским офицерам из Константинополя и Болгарии (полковник Гаевский, бывший командир 65-го стрелкового полка).

В результате подобных действий несколько сотен русских офицеров и тысячи унтер-офицеров и солдат Добровольческой армии попали на службу в Иностранный легион. Лучшие сыны Родины, патриоты, смертные враги большевиков, были оторваны от России на 5 лет.

Полковники, капитаны, поручики служат солдатами 2-го класса за 75 сантимов в день, совершая во время прохождения колонн 30–40 километров в день (колонна идет 500–700 километров) при температуре 65 градусов жары. Такие переходы совершаются с полной военной выкладкой до 36 килограмм, лишенные воды, среди песков Сахары, постоянно подвергаясь нападениям марокканцев, которые имеют милую привычку отрезать постепенно своим пленникам конечности.

Свободные же от колонн легионеры живут на постах в Сахаре, исполняя все солдатские работы. И бывшие полковники, командиры полков, увешанные орденами за боевые заслуги, чистят картофель, моют посуду и убирают места общего пользования, например, как полковники Касанжи и Гаевский, причем первый имеет золотое оружие за храбрость и высшие иностранные ордена.

Необходимо отметить, что вся служба проходит в исполнении требований особенно суровой дисциплины, предназначенной для условий жизни каторжан, которые составляют элемент номер 1 для кадров и пополнения полков Иностранного легиона.

Случаи кулачной расправы и удары хлыстом здесь – обычное явление...

Хорунжий Кульчицкий, герой боев под Одессой, снятый штыком в живот во время атаки, получил удары по лицу от сержанта Ван дер Берга, а су-лейтенант Д'Алигран применяет удары воловьим нервом. Так, легионер Кинисберг был ударен им 3 раза в строю за «выход в нечистой куртке», который в слезах и с криком от боли свалился на землю, при этом он был еще раз им ударен.

Поэтому так понятен тот ужас, которым веет от всех писем этих несчастных, так понятны те случаи самоубийства. Люди, обезумевшие от таких условий жизни вдали от Родины, сводят с ней счеты. Они делают это разными способами. Выбрасываются с 4-го этажа казармы на панель, например, в Сиди-Бель-Аббесе, применяют и другие способы, например, в Коломб-Бежаре. В то же время другие, чтобы сохранить бодрость духа и не опуститься до уровня всех остальных легионеров, выливают выдаваемое им вино на землю.

Спрашивается, что же толкнуло этих людей закабалиться на 5 лет в общество бывших каторжан, отбывающих свое наказание службой в Иностранном легионе?

Материальные условия при плате 25 в мирных и 75 сантимов в день боевых – самые ужасные, при этом люди всегда пребывают в боевой обстановке и боях.

В принципе, они так же, как и в России, жертвуют своей жизнью. И тем не менее, что же заставило полковников, капитанов, поручиков и прочих променять свои галуны на мундир солдат 2-го класса Иностранного легиона при возможности, оставаясь в России, занимать командные должности и исполнять собой патриотический долг, спасая Россию от большевиков?

Ответ один: положение крайней необходимости, чтобы спасти свою жизнь от большевиков в Одессе, от румын в Аккермане и Бендерах, от немцев в Германии для записи в их армию, от голода для записавшихся в легионеры в Болгарии.

Ценой пятилетней службы в Марокко и Тонкине, где люди мрут от лихорадки и солнечных ударов, куплена возможность на время избавиться от смерти. Именно на время, т.к. сражения в Марокко дают массу убитых и раненых.

Вовлеченные в обман и обманным путем записанные в Легион под предлогом отправки в Добровольческую армию или для несения спокойной гарнизонной службы в Африке, эти несчастные просят полтора года обратить на их службу внимание, а потому и понятно, как ожидают они ответа на представление Лиги защиты прав человека.

Считаю своим долгом указать, что год тому назад русские легионеры были запрошены: не пожелают ли они отправиться в армию генерала Деникина? Всеми русскими было изъявлено такое желание единогласно, но до сего времени результаты опроса не выявились ни в какую форму.

Поднятый вопрос в связи с признанием генерала Врангеля французами вместо генерала Деникина приобретает особое значение.

Мы полагаем, что офицеры и солдаты Добровольческой армии, находящиеся ныне на службе в Иностранном легионе, должны быть, согласно их желанию, отправлены на фронт против большевиков, и этим актом Франция признает генерала Врангеля также на деле, как и на словах, дав ему несколько тысяч русских офицеров и солдат. Франция тем самым восстановит поруганную справедливость по отношению к союзным ей офицерам и солдатам Добровольческой армии.

Для чести Франции необходимо аннулировать контракты в Легион русских, как контракты, заключенные при исключительных условиях. Необходимо услыхать голос Лиги защиты прав человека и гражданина. Надо его услыхать. Чтобы дать возможность русским исполнить свой долг перед Родиной и освободить ее от общего врага – большевиков. Это необходимо для Франции и России сегодняшнего и завтрашнего дня».

Сообщения о смерти:

«Токарев Степан Афанасьевич, казак станицы Екатерининской, отбывший службу в Иностранном легионе, покончил самоубийством в городе Сан-Клю».

Отрывки из дневника А.А. Воеводина составлены на основе писем русских легионеров, в том числе и тех, чьи послания не отложились в архивных фондах. Хранится этот документ в ГА РФ. Ф. 5934. Оп. 1. Д. 38. Лл. 23–27.

«...Укрепленный пост в горах. Большое четырехугольное каменное здание с узкими многочисленными амбразурами. Часто бывают нападения воинствующих арабов.

В эскадроне – большая часть русских. Есть казаки, способно несущие службу, ушедшие целиком в этот неспокойный обиход жизни, чистящие сбрую и лошадей.

Есть люди всех цветов и почти всех европейских национальностей. Часть русских попала сюда из Константинополя, где и записалась в Легион, с одной стороны, толкнутая на этот шаг сведенными на нет пайками (чуть ли не 1 килограмм на 8 человек) и т. д., с другой – увлеченная рассказами о жалованье в 150 франков, предоставлении соответствующих должностей и т.д. (случай с офицером-авиатором, которому обещали службу в авиации, именно на воздушной линии Марсель–Африка, оказавшимся простым легионером)...

У поста – небольшой арабский городок, а дальше – линия безлюдных гор и юго-западнее города – Сахара.

В арабском местечке остановился большой караван верблюдов. Двое русских – казак Анохин, бывший вахмистр, поручик Бурлаков и один турок по имени Мустафа входят в сношения с местным арабским старейшиной, выдавая себя за турок, и тот помогает им бежать. Запасшись арабской одеждой, едой и водой, они ночью берут двух верблюдов и бегут. Никто и не предполагает, что они пошли через пустыню. Они благополучно проходят большую часть пути, минуют оазис, арабский городок Озерга, почти целиком состоящего из палаток, и уже находятся километрах в 40–60 от Триполитании (Ливии), когда застревают в болотистой местности полувысохшего соленого озера. Они, промучившись здесь два дня, возвращаются в Озерга, чтобы возобновить запасы еды и воды, и направляются другой дорогой в обход озера.

Там их задерживают арабы и передают французам. Местное начальство допрашивает их. Французы пытаются узнать: не являются ли задержанные легионерами-беглецами. Те отрицают это и выдают себя за простых турок.

Пока начальство наводило о них по телеграфу справки, задержанных запирают в грязное помещение со свиньями и курами, куда арабы приносят им огня, помогая ночью бежать, и отказываются брать с них за это деньги.

В приморском городе они ночью крадут лодку и, подняв на ней парус, выходят в море. На второй день их пути по морю к вечеру поднимается сильный шторм, лодку разбивает волнами, и утро нового дня они встречают в воде, цепляясь за ее обломки, проведя 18 часов в таком состоянии.

У беглецов, смертельно истомленных, уходят последние силы, все пространство заволакивает туман. Один русский отрывается от лодки и гибнет под водой, а двух других подбирают рыбаки.

Также Воеводин приводит рассказ о поимке двух арабов, бывших легионеров, которые во время сражения с восставшими арабами переходят на их сторону, дерутся против французских войск, долгое время занимаясь грабежами. По его данным, местный гарнизон Легиона внезапно подняли по тревоге, раздали всем солдатам по 88 патронов на человека и направили в пустыню. Проехав 65 верст, эскадрон встретил 2 машины, в которых ехали так называемые «царские палачи», специально назначенные люди для публичной казни пойманных. На другой машине везлись приспособления, взятые ими для казни, а также сыщики и жандармы.

В арабском городе, утром, при большом стечении народа, произошла казнь бывших легионеров, которая была в присутствии всего гарнизона города – батальона пехоты и эскадрона конницы, оцепивших городскую площадь. Каждого из осужденных привязали к вбитым в землю кольям, завязали платком глаза, офицер

зачитал их преступления. Затрубили трубачи, и командир опустил шашку, что означало начало казни. В это время один из арабов держал поднятую вверх руку с вытянутым указательным пальцем и молился. Из приехавших в город машин была выгружена и установлена гильотина с черным U-образным ножом в форме угла, весом в 120 килограмм.

Палачи, французы из Парижа, в высоких черных цилиндрах и черном платье, вывели первого из бывших легионеров-арабов, связанного и обнаженного по пояс, с подбитым затылком, и положили на плаху. Палач нажал кнопку, и голова скатилась в корзину, а тело его сбросили в ящик. Вывели другого, тоже опутанного веревкой, и он едва двигал ногами. Он был бледен, как смерть, и о чем-то просил.

После казни трупы бывших легионеров-арабов отдали местному старейшине, но их головы палачи увезли с собой. Однако приговора перед казнью не читали и за что были казнены эти люди, не объявили.

Вскоре после этого в городе прилегающих к нему пустынных районах распространились слухи, что вскоре эскадрон Легиона взбунтуется, ограбит жителей, перебьет офицеров и уйдет из города. Французские офицеры настолько встревожились из-за этого сообщения, что заперлись в крепости, а жители – частью разбежались, частью – заперлись в домах. Однако все это оказалось провокацией.

Выдержка из дневника казака-легионера С.К. взята из журнала «Казачьи думы» 1923, № 8. С. 38:

«...Узнал, что нас, казаков, в Легионе, в Сирии, не менее 150 человек. Большинство – на Евфрате, у границ с Турцией... Вот мы уже два с половиной года на службе, и впереди еще долгих два с половиной года, и все живут надеждой как-нибудь вернуться на Родину и принести ей посильную помощь...

Припомнилась картина, которую мне пришлось наблюдать еще в 1921 году в конце апреля. Вот она:

Ночь... На пустынном холме Ливана мелькают огни костров отдельной роты Иностранного легиона, расположившейся на отдыхе после утомительного перехода под палящими лучами солнца. Уставшие легионеры отдыхают в палатках, неясные очертания которых еле уловимы при слабом свете догорающих костров... Кругом царит безмолвие. Ветер тихо шелестит по траве, распространяющей одуряющие ароматы... Тоскливо...

Вдруг мертвящую тишину душной ночи прорезал молодой энергичный голос, произнесший на чистейшем русском языке: «А не спеть ли нам, братцы?.. Что-то грустно стало на душе...» Послышались одобрительные восклицания из темноты. «Собирайся, ребята!»

У одного из костров собралась группа – около тридцати человек, все – молодые казаки. Весело трещал костер от подброшенного в него хвороста; тишина нарушена – заколдованный лагерь ожил...

Маленькая пауза... и вот над далеким пустынным холмом полилась казачья песня... «Поехал казак на чужбину далеко, на добром коне он своем вороном...» – пел молодой голос, страстно затихая на последних словах... Плавающим аккордом вступил хор других голосов, на фоне которых зазвенел высокий подголосок. Беспредельная тоска рвалась из молодых сердец...

Песня лилась, то стихая, то усиливаясь. «Пускай на кургане соловушко свищет и грустную песенку всем пропоет, как жил-был казак на чужбине далекой и помнил про Дон свой в чужедальней стороне...» На этих словах кончилась песня... Все притихли-призадумались... Свет костра трепетал, мигая, освещая безусые лица. Каждый думал о прекрасном былом. Пригрезились внезапно далекие и привольные степи Батюшки-Дона и милые лица... «Всем спать!» – нарушил молчание начальнический голос. Грустно, под наплывом воспоминаний, разошлись легионеры по своим палаткам. И снятся осиротевшему казаку родная степь ковыльная, далекие станицы да хутора...

Спи, казак!.. И да будет сон твой вещим! Верь, что когда-нибудь ты пробудишься и прекрасный сон твой станет явью.

Тихо кругом, и только где-то далеко раздается протяжный, ноющий вой шакалов, нагоняющий тоску и скуку.

Июль 1923 г.».

Отрывок из письма легионера-казака из раздела «На чужбине» журнала «Казачий путь» № 77 от 1928 г., с. 19:

«...товарищеское чувство развито до величайшей степени. Все это, собранное вместе, дает незаменимый боевой элемент.

Живем в хороших казармах, имеем хорошие постельные принадлежности. Хорошо одеты, прилично едим – все это в гарнизоне, в боевой обстановке страдает все, за исключением пищи, которая улучшается вдвое. Великолепно вооружены. Кроме этого, солдат получает каждые пятнадцать дней жалованье: в гарнизоне Алжира – от 18 до 25 франков, в Марокко – от 30 до 50 франков. Сержант получает каждый месяц: в Алжире – 350 франков, в Марокко и Сирии – 650 франков. Сержант-мажор (старший сержант): в Алжире – 400 франков, в Марокко и Сирии – 750 франков. После пяти лет службы жалованье от солдата до сержанта-мажора увеличивается наполовину.

День получки – праздник полка. Назначают особые наряды для подбирания пьяных и раненых и для «порядка». Все «мирные жители» закрываются, и никто не выходит наружу, зная, что такое праздник полка. От легионера можно всего ожидать, и лучше ему на глаза не показываться. Никакой службы в эти дни нет.

Через 2 дня – деньги пропиты. Легионер становится приличным солдатом, и жизнь Легиона течет тихо и спокойно в мирной, конечно, обстановке, до следующей получки жалованья.

Вот та обстановка и те люди, с которыми мне пришлось прожить 5 лет...

Г.К.».

Для выявления положения русских во Французском иностранном легионе интересно ознакомиться с письмом атамана Донского казачьего войска А.П. Богаевского одному из видных представителей белоэмиграции в Сербии. Хранится этот документ в ГА РФ. Ф.6461. Оп.1. Д.10. Л.15.

«1 июня 1927 г.

№ 322

Глубокоуважаемый Владимир Иосифович!

Два дня тому назад послал Вам письмо и пишу снова – уже с окончательным своим решением – устроить своего сына в сербскую армию. Дело в том, что мне стало известно распоряжение французского военного министерства – выпустить иностранцев из Сен-Сира в Иностранный легион сержантами на 1 год, после чего они должны снова держать какой-то экзамен, и только тогда их могут произвести в офицеры...

Никто не может сказать, чем вызвано столь обидное для русских решение. Дело в том, что другие иностранцы идут во французскую армию, а не в Легион.

В училище – полная паника, и, вероятно, русские больше туда поступать не будут или же будут вынуждены принимать французское подданство.

Поэтому теперь окончательно я решил устраивать сына в сербскую армию и очень прошу Вас похлопотать относительно кавалерии...

На этих днях ко мне обратился господин Макеев, отец товарища моего сына, с просьбой дать ему Ваш адрес. Он хотел обратиться к Вам с такой же просьбой, как и я.

Всего доброго.

Искренне уважающий Вас, А. Богаевский».

Письмо донского казачьего офицера А. Макеева атаману А. Богаевскому проясняет вопрос относительно положения Сен-Сирского училища и находившихся в нем русских курсантов. Находится этот источник в ГА РФ. Ф.6461. Оп.1. Д.10. Л.23.

«1 июня 1927 г.

Многоуважаемый Африкан Петрович!

Спешу поделиться краткими сведениями о результате свидания с генералом Колэн. Декрет 20 мая, содержание которого мне сообщил сын, впервые был применен к юнкерам, иностранным подданным, заканчивающим обучение в этом учебном году. Генерал мне откровенно сказал, что новая мера вызвана желанием командования ограничить доступ в офицеры иностранцев и строгим подбором действительно пригодных к военной службе. К тому же штаты военных училищ значительно сокращены. Я же сам вынес впечатление, что, по мягкости своего характера, выпущенные в прошлом году в офицеры русские не совсем удовлетворили местное начальство. Поэтому решено выпускать их в Легион сержантами. При этом стаже им полагается жалованье наравне со штатными унтер-офицерами. Унтер-офицеры имеют свою отдельную столовую. Размер жалованья генерал не припомнит, но говорит, что на карманные расходы у сержанта остается в месяц приблизительно 140–160 франков.

Как бы то ни было, но лично я считаю это разжалованьем, пощечиной для наших юношей. Горько, обидно за них. Придется хлопотать насчет их устройства в Сербию.

Выпуск состоится 2–3 августа этого года. Для получения аттестата об окончании училища надо пробыть до конца учебного года, т.е. участвовать в лагерном сборе и научной экскурсии по Эльзасу».

Очерк легионера Компаниец о жизни русских во Французском иностранном легионе был опубликован в номере 33 (126) за 1928 г. журнала «Казачий путь»:

«В настоящее время русских в нашем полку (1-й Кавалерийский полк Иностранного легиона), по сравнению с тем, что было до 1925 г., осталось немного. Всего, во всех эскадронах, нас не насчитаешь и сотни. Но можно с гордостью сказать, что если русский и не имеет лычек унтер-офицера или «бригадира», то, во всяком случае, он занимает какое-нибудь привилегированное место, где, кроме всего, требуется честность, а на русских в этом отношении можно положиться. Конечно, есть и исключения, но они так редки, что о них не приходится говорить. Почти во всех магазинах, канцеляриях и мастерских – на всех ответственных местах – русские. То же самое происходит и в отношении ординарцев – попросту денщиков. В Легионе, где состав людей так разнообразен и где, конечно, есть много темных элементов, офицеру найти подходящего ординарца – далеко не легкая задача. Однако русские и в этом случае показали себя прекрасно, и часто случается, что проходящий службу ординарец едет на готовое место в дом своего офицера. Но все это тяготение в настоящее время к нестроевым должностям не значит, что русские зарекомендовали плохо себя в строю. До 1925 г., когда большинство русских, записавшихся в Константинополе в Легион, стало кончать службу, – почти весь полк начиная с унтер-офицеров и кончая рядовыми – состоял из русских. И полк считался, да и теперь считается – по старой памяти 1925 и 1926 гг. – одним из лучших в африканской кавалерии.

Во время восстания в Сирии 1-й эскадрон за действительно геройскую защиту одного форта получил право на ношение «фуражиров» – высшая военная награда, в виде аксельбантов. Доски с именами легионеров, получивших Военные Медали и Военные Кресты, а также с именами павших «с честью», занимают всю стену в солдатской читальне и поражают обилием русских имен. Можно с уверенностью сказать, что 90 % всех имен – русские.

Во время полковых праздников наши казаки, тряхнув стариной, приспособив французские седла для джигитовки, удивляли французскую и чернокожую публику,

не видавших ничего подобного в жизни, своими головокружительными и рискованными номерами. Самым лучшим джигитом у нас считался уже пожилой казак Митя Р. Действительно прекрасный кавалерист и джигит – Митя был, что называется, «любимцем публики» и под конец каждого праздника так «наджигитовывался» подношениями своих поклонников, что, будучи тверд в седле, выделывал самые замысловатые трюки ногами, когда кубарем скатывался с лошади. Прекрасный товарищ – он не мог выпить одного стакана вина, не поделившись со своими друзьями. Начальство, очень любившее «украшение полка», прощало ему все его иногда далеко не безобидные выходки, и Митя был счастлив и доволен. Одно, что никак не давалось Мите – это французский язык, и за семилетнее пребывание в Легионе он только и мог выучить, что «пинар» (простое вино) и «цигарет». Помню, однажды офицер дал ему приказание – вырвать траву вокруг барака, высушенную в сено африканским солнцем. Так как поблизости переводчика не было, то офицер решил объяснить это жестами о том, что Мите нужно было сделать. Офицер очень наглядно показал, как нужно вырвать траву и складывать ее в кучу. Затем, чтобы дать понять, чем вызвано его приказание, он представил кого-то в лицах, как тот, проходя мимо, зажег папиросу и горящую спичку бросил в траву – от чего мог бы произойти пожар. Митя радостно кивал головой и заявил, что он понял. Довольный своим умением разговаривать с легионерами, офицер ушел, а Митя с живостью принялся за дело. Повыдрав огромную кучу травы, он... поджег ее. Благо вовремя спохватились и затушили ее... Пожар бы наделал нам много бедствий.

Но в строю, повторяю, русские показали себя такими солдатами, каких еще не видела французская кавалерия. Один характерный случай боеспособности наших кавалеристов имел место на одном из ежегодных маневров. Однажды генерал решил посмотреть малоприменимую во французской кавалерии конную атаку – бросил эскадрон Легиона на эскадрон спаисов. Неудержимой лавиной, с саблями наголо, с дикими криками «ура!» понеслись казаки на спаисов. Последние двинулись было рысью навстречу Легиону, но, увидев бешено несущихся конных, разъяренных своих «противников», – ими овладела паника, и они показали тыл. Быстро стали уходить от погони спаисы, а за ними по пятам неслись легионеры. Напрасны были крики и приказания командиров – вошедших в азарт людей, в жилах которых текла казачья кровь, не так-то легко было остановить... И бешеная погоня продолжилась. Один легионер-осетин, избрав себе жертвой спаисского бригадира, упорно его преследовал. Несчастный с ужасом оглядывался и каждый раз, видя страшное лицо «врага», не внушающее ему никакого доверия, все немилосерднее шпорил выбивающуюся из сил лошадь.

«Стой, тэбэ гавару!» – кричал по-русски не на шутку рассерженный осетин, но араб, не понимая ни слова по-русски, бешено мчался дальше. Отчаянная скачка продолжалась до той поры, пока спаис на взмыленном коне не очутился прямо перед генералом. Соединившись со своими после хорошей полученной нахлобучки за чрезмерное усердие, осетин рассказывал: «Хотэл его шашком рубит – как рубит – не достанэшь, хотэл пулэм стрелать – как стрелять – пулэм нэту!»

На другой день, во время вечерней поверки, полковник громко ругал осетин за «так близко принятое к сердцу задание», но не мог скрыть своей улыбки, и легионеры, участвовавшие в «бою», получили по добавочных пол-литра вина.

Кончая краткий очерк, я могу смело сказать, что, несмотря на тяжелую дисциплину, отношение к русским со стороны начальства постепенно стало прекрасным. То же самое можно сказать и по отношению к своим сослуживцам-иностранцам.

Мягкость и отзывчивость русской натуры, самоотверженная преданность общему делу завоевали сердца наших командиров, и не так плоха и тяжела была бы жизнь здесь, если бы душевный голод был бы хотя бы частично удовлетворен. Каждое печатное слово здесь такая большая радость, и так редки те счастливые дни,

когда кто-нибудь из нас получает книги или старые газеты из Европы. Читаются они гуртом, и как жадно и внимательно, боясь проронить лишнее слово, слушают русские люди русское слово! Присылают изредка добрые люди литературу, но ее не хватает для всех. А сколько выбрасывается прочитанных журналов, газет – там, в Европе, здесь бы они сослужили бы великую службу.

Город Сус, Северная Африка.

Легионер Компаниец».

Заявление представителя Алжирской казачьей станицы Николая Быкодорова было опубликовано в журнале «За казачество», вышедшем в Ницце в № 2 за октябрь 1933 года, потому что в то время казаки отказывались принимать предложение атамана этой станицы и переселяться в эту французскую колонию.

«...Последнее время усиленно распространяются слухи, что якобы казаки-алжирцы, приехав в Африку, попадают сразу же на положение солдат

Иностранного легиона и что никакой земли им там дано для обработки не будет, а в Марокко вообще невозможно заниматься сельским хозяйством.

Считаю своим долгом напомнить всем интересующимся вопросом поселения с нами, что с самого начала всего нашего дела мной было заявлено, что станица никого и никуда не повезет до тех пор, пока выбранные земли не будут осмотрены ходоками, посланными от групп.

Таким образом, голословные заявления провокаторов не надо принимать за чистую монету, а пусть сами казачьи группы посылают ходоков, чтобы те своими глазами увидели даваемые им земли, дабы убедиться в их пригодности к использованию и в том, что климат благоприятствует земледелию. После этого ходоки сообщают в группы об увиденном, и там принимают решение и начинают перевозку их с мест сюда».

Преступление и наказание, или Каторга и легионеры

Ниже вниманию читателя предлагаются отрывки из записок журналиста Альбера Лондра «Бириби – военная каторга», выпущенных в Ленинграде в 1926 г., впервые из французских журналистов посетившего французскую каторгу в Северной

Африке, на которой оказалось немало легионеров в виде наказанных или взятых в подмогу военной юстиции в качестве экзекуторов. Печатаются с сокращениями страницы 49, 57, 58, 66.

«...Вот повар Гуа. Гуа – старая кляча. Он дебютирует в арестантских батальонах. После 3 лет «честной и верной службы» он «взгревает» унтер-офицера: 10 лет общественных работ. Он проделывает все дисциплинарные лагери: в Тунисе – Тебурсук, в Алжире – Дуэру и Боссюэ. Возвращается во Францию. Война, поступает в Легион, там убивает человека: снова 5 лет. Он с нетерпением ждет освобождения, чтобы опять поступить на службу. Он рассчитывает выйти на пенсию сержантом!»

«...Иногда военной юстиции не хватает рук, требуется подмога. Таким образом, и попадают сюда из Иностранного легиона сержанты-немцы.

Один из арестантов рассказывает: «Один из них избил меня рукояткой револьвера и связал «жабой», т.е. так, чтобы связанный походил от удушья на жабу, и положил меня головой над парашей. Потом ушел. Вечером фельдфебель меня развязал. Немец вернулся с работ. Он просунул свою мерзкую рожу в палатку и спросил меня: «Ты еще не околел, паршивец?» Увидев, что меня развязали, он связал меня снова. Я пролежал «жабой» до утра. Он мне отплачивал за Верден».

Другой рассказывал так: «Он заставлял нас брать раскаленные камни из печи для обжигания извести. И еще измывался: «Мешки, – говорил он, – нужны отечеству. Для вас, паршивцев, они слишком дороги».

Третий рассказывал: «Бывало, немец мне говорит: «Покажи-ка мне спину!» Я поворачиваюсь... «Нагнись!» Я нагибаюсь. Тогда он пользуется моим незавидным

положением и пинком ноги опрокидывает меня носом в землю. «Поди сюда, повернись!» Я поворачиваюсь. «Нагнись». Я нагибаюсь, он опять сначала, пока ему не надоедает».

«Каторжан для работ отдают подрядчикам, которые выжимают из них все соки, чтобы получить больше выручки. Для контроля над трудом каторжан опять берут сержантов из Легиона.

Однажды подрядчик сказал сержанту: «Мне нужно утром 64 квинталя дров (около 320 кубометров), устройте это, вознаграждение Вам будет увеличено». Нас было тогда 45 человек каторжан. Надо было видеть сержанта П.! Сержанты получают тайком от подрядчиков дополнительные деньги: «Стрелки, стрелки, подгоняйте! – кричал он. – Ну-ка, хлыстом, прикладом, живее!» Отстававшие платили спиной... Всего в том лагере, Сиди-Мусахе, бывало. Например, случай с Лекильоном, легионером.

– Дай мне табаку, – сказал ему накануне один сенегалец. Они здесь были стрелками, а некоторые были и в заключении.

– Нет!

– Твоя плохой товарищ, моя кончал с твоей.

На следующий день находят Лекильона с резаком, которым валят деревья в руке перед деревом, которое он срезал.

– Что с ним случилось?

– Как что? Умер».

Литературные произведения о пребывании русских во Французском иностранном легионе.

Воеводин А.А.

Тягота

Кто раскроет единственный смысл человеческой жизни, кто разгадает ее пути? Кто прекрасную душу человеческую, опаленную божественным словом, отвратить от темной бездны?

Опалила душу Игоря тоска – тягота сердечная, к тому месту тягота, где родила его мать, где оставил неиспитую женскую любовь.

Неправильный четырехугольник серого камня с двумя зубчатыми башенками придавил невысокий холм. Старые стены прорезаны узкими бойницами. Со склонов холма разбежался, раскинулся грязно-белый арабский городишка. Желтый минарет нижет иглой теплый воздух. Под ним белый купол марабу. Из-под белого камня струится источник, теплые воды которого собираются в бассейны. Много медленных черепах и блестящих черных змей живет в теплых водах бассейнов.

Внутри здания на холме – мощеный двор. Одна из сторон его отведена под конюшни и гараж.

Здесь расположен эскадрон Иностранного легиона.

Здесь люди всех цветов и национальностей. И в какие неестественные, грубые формы отлилась жизнь этой кучки людей, собранных несчастием изо всех стран. Пьянство и порок поощряются. Они разлагают душу, стирают воспоминания о прошлом. А когда нестерпимой становится тягота к оставленному – сильные побеждают и возвращаются, – слабые падают, раздавленные железной пятой сурового закона борьбы, и крики их тонут в глубоких песках пустыни, в сухом треске выстрелов быстрой арабской шайки.

Эту маленькую крепость, этот военный пост, затерянный в диких горах, арабы почтительно называют «казба».

Дымящееся от усталости солнце ушло на запад за каменные горы, из потемневшей пустыни подул горячий ветер – будто кто открыл дверцу железной печи...

Подстегнутое сердце бьется неровно и тревожно..

Кривые, узкие улочки белого городка обильно политы вдоль слепых стен. За столиками кафе арабы в белых бурнусах тянут сладкий черный кофе и из тоненьких трубочек курят такрури, от которого надолго странно деревенеет тело. Тихо, не колеблясь, пылают красные язычки фонарей и плошек в теплых, лиловых сумерках.

Над дверями лавочек темными силуэтами висят соломенные веера-топорики, у входа янтарем отсвечивают груды фиников, искрами бронзы блестят крупные сливы. В смутных сумерках чуть намечаются горбатые фигуры лежащих верблюдов.

Игорь долго, бесцельно бродит по улочкам под руку с легионером-турком Ахметкой... Белые бурнусы арабов, красные огоньки плошек воскрешают в душе праздник. Весенний темный зов, светлые передники гимназисток, идущих к вечерне... Ночь милого юношества в страстной четверг – родная и верная, как объятия матери... Цветные фонарики тают и вспыхивают. Несут свечи в бумажных фунтиках, защищая ладонью, чтобы не потух святой огонь. Гимназистки веселыми задорными стайками, как весенние птицы, носятся по бульвару, и слышен звонкий смех Наташи... Хочет подойти к ней, но не идет. Полон робости и про себя твердит ласковые глупые слова...

В кафе часы показывают шесть, и они бегут по улочке, расталкивая арабов, чтобы не опоздать к вечерней поверке. Опоздаешь – сержант Денизо с довольным смехом навесит на плечи тяжелый ранец с камнями и выставит с винтовкой у дверей казармы. Или еще хуже – даст ведро и веревку и заставить вычерпывать нечистоты из уборной. В зловонных объятиях правды умирают воспоминания, гаснет мечта... Игорь спешит. За ним широко шагает Ахметка, бормочет:

– Не опоздай... худо...

Во дворе казармы поверка. Вытянувшись всем телом, стоит Игорь в строю рядом с коричнево-черным великаном – арабом... А когда выходит из рядов, встречается с Мишелем Гойером, – русским евреем из Звенигородки, бывшим во время войны в экспедиционном корпусе во Франции. Мишель ехидный, хитрый человек, тайный коммунист. Он останавливает Игоря.

– Здравствуйте, поручик, – все скучаете? – А потом наклоняется близко-близко и, дыша в лицо нестерпимой вонью загнившего рта, ехидно и зло хихикает. – Так как же? Единая, неделимая? Умрем за родину?.. Эх, вы! Ублюдки белогвардейские, царские приказчики! Весь мир перевернем, камня на камне от вас не оставим!.. – И отходит, хохоча и подмигивая.

В стороне два француза тихо разговаривают, ожесточенно жестикулируя:

...И ты... Я?.. Марсель не пошла со мной... А я думал, что она не больна. Вернулся и... ...Опустив голову, минует их Игорь и уже сзади догоняет его громкий шепот:

...И ты?.. ...Я? – Я зарезал ее ножом...

Игорь идет в казарму, раздевается и долго лежит на койке в столбняке, и кажется, что это не действительность, что это ужасный сон... Кто-то дергает его за руку. Низко напряженные, с высоко поднятыми дугами бровей глаза Ахметки.

– Душа горит, Горика, терпеть не могу. В Салькори жена, дом остался. Не знаю – целый ли, но знаю – что есть... Душа горит, Горика... – И уже во сне плывут в полосах серебристого сияния между коек арабов, немцев, французов, русских – плывут скорбные лица стариков, милой Наташи – неиспитой любви женской...

В праздник революции весь гарнизон маленькой казбы выстроен вдоль стен двора. И вот пришли офицеры читать торжественный приказ. Скомандовали на караул.

Игорь стоит рядом с арабом, почему-то вспоминает последний день эвакуации, дышащие в легкое утреннее небо черные трубы. Грустно и сладко вспоминается родная земля, а там, на горе, домик, и он знает, что из окон на пароход смотрит Наташа.

Руки четко отсчитали в рядах команду. Звякнули ружья, сверкнув лезвиями штыков, и стали острым палисадом.

И вдруг грохнул неожиданный выстрел. Взметнулась в душе тревога.

Как в кино, отчетливо быстрыми и на минуту застывшими движениями метнулись люди... Таким неожиданным был испуг, что не заметил Игорь, кто выстрелил. Не понял сразу в чем дело, не видел, как у свалившегося на землю швейцарца черным потоком хлынула из разбитой головы кровь – залила камни жирной лакированной лужей...

Опомнились. Бледные лица. Суета. Неуверенные, смятенные движения, подчеркнутые крики команды...

Кучка офицеров в голубых кэпи склонилась над трупом. Поползла из кармана белая полоска письма...

Столпились. Прочли и спрятали. На лицах застыла каменная торжественность и лицемерие.

После обеда по комнатам казармы ходили капралы и, отталкивая легионеров от коек, рылись в вещах. Переворачивали тюфяки, выбрасывали на пол из деревянных сундучков вещи и грозили судом. Потом строили по взводам людей и опрашивали...

Трех легионеров увели ночью, и с тех пор их никто не видел. Ходили смутные слухи, будто после суда их отправили на принудительные работы в южные рудники...

Хоронили швейцарца недалеко от касбы.

На длинных тонких медных трубах трубачи играли похоронный марш. Нестройным залпом выстрелил в небо взвод, рассеял вокруг запах пороха. Отдало в плечо прикладом. После ненужного залпа так радостно и победно лилась с неба песня какой-то маленькой пичужки, и в ее звонкой песенке купалась, омывалась душа Игоря.

На могиле офицеры говорили речи, а солдаты стояли молча, потупившись.

Начальник гарнизона, бравый капитан с мясистыми, иссеченными красными жилками щеками и выправкой вахмистра, кончил свою речь так:

«Вы, солдаты великой Франции, не должны обращать много внимания на этот прискорбный случай... Вы пришли изо всех государств, чтобы добровольно послужить великой французской нации, потому что вы поняли, что это самая великая нация на свете... Швейцарец Теодор Пикрэ быль хорошим солдатом и служил уже третий год. Мы отметили его способности и рвение и хотели произвести его в капралы, и нам очень жаль, что он убил себя нечаянным выстрелом из ружья...

Солдаты, обращайтесь аккуратно с оружием и помните, что ваша жизнь нужна Франции. Да здравствует великая Франция!»

На могильный крест Теодора Пикрэ прибили доску с надписью: «Умер за Францию».

Отуманенный вернулся в казарму Игорь, и, против обыкновения, не подошел к нему Мишель. Он ходил взад и вперед по комнате, заложив руки за спину, нахмурив брови и сосредоточенно думая...

Особенно ненавистной, безнадежно тяжкой казалась жизнь. Прошлое вспоминалось, точно беззаботное, счастливое детство... В спутанных мыслях вдруг отчетливо нарисовался образ милой Наташи, ее родная усмешка и родинка у края губ... До сих пор не писал ей, не хотел, чтобы знала, где он, чтобы знала «вольную каторгу» – цену за жизнь... А теперь не смог. Не удержался – и сел писать. Писал, и удивлялся, и мучился, потому что не выходило то, что хотелось.

Так много прошло в разлуке, так много не сказано, и все кажется важным, и не сказать нельзя... А жизнь свою, а тоску по ней и любовь живую написать не мог, – или казалось ему, что не так выходит.

Так и не написал письма Наташе. Изорвал в клочки написанное, лег на койку, втиснул лицо в подушку... Вечером отпросился в отпуск (увольнительную.). В грязном баре пил плохое красное вино. В облаках табачного дыма причудливо, дико переплетался разноязычный галдеж и хриплая песня солдатских проституток.

Дни шли за днями, серые и пыльные, одинаковые и нудные. Забывались, растворялись в глухой тоске, в теплом дыхании ветра...

Настойчиво жаловался Ахметка и звал бежать. Язвил Мишель Гойер, и вопросительно смотрели свои русские, тяжело вздыхали и мучились от недостатка воды...

Рано утром вызвали эскадрон во двор казбы.

Построили, раздали по восемьдесят восемь боевых патронов и приказали седлать коней.

Суетливо бегали офицеры. Фуражиры готовили запасы корма. Муэдзины призывали правоверных к утренней молитве.

День выдался тихий и жаркий. Парило, как перед дождем. Остро сверкали на солнце белые кубики домов, и купол марабу снеговым комом горел на рдеющем темно-синем небе... Белые крылья бурнусов, коричнево-бронзовые лица, надорванные крики верблюдов – все было как-то празднично в легкой свежести утра.

На базаре рядом сидят сморщенные, высохшие старики, поставив между колен высокие кривые палки. Вокруг них – гурты скота, приведенного на продажу. Белая пыль сеется в воздухе, тончайшим слоем покрывая кучи фиг, связки лука, корзины с тяжелым виноградом. Продавцы орехов выкрикивают:

«А-кака-уй– йя... А-кака-уй-йя...»

Эскадрон вышел на шоссе и затрусил в облаках мелкой, известковой пыли. Потускнело небо, затуманились края его над скалистыми горами, и пасущиеся верблюды, подняв гордые головы, провожали стадо людей, пережевывая жесткие колючки.

На привале у бассейна прозрачной прохладной воды, под навесом широколистых фикусов и пальм Ахметка лежал рядом с Игорем и, тыкая пальцем в сторону купающихся в пыли воробьев, говорил:

– Птица в земле купается – дождь будет... У нас в августе в Салькори цветов много, дожди идут. Жена в горах цветы собирает, в кувшины ставит... Горика, Горика, – жена не дождется. Жить так уже нельзя. Бежим, Горика...

Молчал Игорь, думал то же и укреплялся в решении.

К полудню задымила дорога под автомобилями.

Офицеры смотрели в бинокли, переговаривались и кивали голубыми кэпи.

Подкатила наглухо закрытая легковая машина, даже окна задернуты занавесками. Открыли дверцу, подали в автомобиль кувшин с водой. Сзади стал грузовик с аккуратно уложенными незнакомыми, блестящими предметами, черными ящиками, бревнами.

Отряд жандармов, оставив у дороги велосипеды, потянулся к бассейну. Усталые машины, тяжело дыша, пили из леек воду, и слышно было, как она кипела и булькала в радиаторах.

Подошел Мишель, опустился на землю и зашептал, и зашипел по-своему, злобно:

– Царские палачи приехали. Важные господа из Парижа... Меч правосудия республики отсекает непокорные головы. Ублюдки капитализма! Недолго вам осталось кататься, недолго! Скоро весь мир запылает в гневе народном, и в грохоте выстрелов, в свисте пожаров пройдет по земле великая революция!.. Камня на камне не останется...

Прошел Анохин, бывший офицер, кивнул в сторону автомобилей:

– Видели?

К вечеру прибыли в арабский город, столицу древней Джериды, белой скатертью, как снегом чистым, покрывшим горное плато. Под красно-бурыми отвесами высокой горы розовели отдельные постройки, точно опавшие лепестки цвета яблони...

Ночью плакали в горах трусливые шакалы и тихо, по-куриному квохтали виперабикорнис – ядовитые змеи, в свадебном экстазе приходившие к огню, взвиваясь, как гибкие прутья, на кончиках твердых хвостов...

На рассвете Игоря разбудил Анохин:

... Вставайте! Эскадрон строится... – Не проспавшийся, неумытый сел Игорь на лошадь и с эскадроном проехал на площадь, где уже была установлена небольшая гильотина. Она стояла твердо – чужая и хмурая, поблескивая холодно металлическими частями. Площадь быстро наливалась молчаливой толпой, и почтительный шепот, как шорох молчания, – почтительный шепот перед лицом смерти повис над дикой толпой.

Послышался шум мотора, и загудела сдержанно толпа, раздвигаясь перед автомобилем. Два палача в высоких цилиндрах и черных одеждах прошли к гильотине, попробовали, как падает треугольный нож.

Видел Игорь, как из автомобиля вывели связанного, обнаженного по пояс араба с подбритым затылком и, трепещущего, положили на плаху...

Игорь зажмурил глаза, подумал: «Так же, как и у нас – только другим способом...»

Тихо свистнул, скатившись, нож...

Провели другого, опутанного веревками. Он медленно шел. Был желт и бледен и шептал молитву. В тишине слышно было монотонное, молитвенное взывание.

– Робби... Робби...

И вот пришло время. Дул горячий ветер пустыни, будто кто открыл дверцу раскаленной печи.

Воздух был напитан мельчайшим песком и остро, как едкая кислота, съедал мысли, а сердце короткими ударами гоняло по телу густую, как ликер, кровь.

Затосковал по снегу, по родным степям, по морозным далям, по лицу и глазам Наташи, – неиспитой любви женской, А турок Ахметка нашептывал про свой дом, про жену, про то, как хорошо у них в Турции.

– Нельзя уже так жить, Горика, – бежать нужно...

Пришел из пустыни караван в сорок верблюдов.

Остановился у мечети. Ахметка был в городе и пропадал до вечера, а когда вернулся, вызвал Игоря во двор и сказал:

– Горика, шейх дает двух верблюдов и одежду. Можно бежать через пустыню. Время пришло, бежим.

– Да как же так сразу? Что же будет?.. – спрашивал Игорь. И загорелся от радости. Тряс Ахметку, до боли жал руки.

...Вот оно – пришло наконец. И страшно было, а вдруг не удастся. Но не было другого выхода, и они, взяв у шейха двух верблюдов, бежали в следующую ночь, а с ними бежал и Анохин.

В сторону древнего Керуана, в сторону Туниса, Сусс, Сфакса и даже к алжирской границе запели телеграфные проволоки, разнося весть о бегстве, а они спокойно двигались по твердому, покрытому зигзагами ряби песку...

Первый день пути был легок и радостен. Не пугала безбрежность пустыни. Стремительный ветер настойчиво томил тело, звенел в молчании песков, вздымая легкие сыпучие смерчи...

Сверкала бело-желтая равнина. Припухали веки, точили слезы.

Но пел стремительный ветер буйную песнь о воле, о глазах Наташи, о любви. Сквозь слезы смеялся счастливо Игорь, радовался свободе и мечтал.

Днем туманно розовело небо, осыпало сухим жаром, и в слюдяном воздухе колыхались песчаные холмы в ритм верблюжьей походки. Дремал под белым бурнусом, просыпался и снова плавно раскачивался призрачный горизонт пустыни.

Разбегались бессчетные следы-дорожки прошедших караванов, и мерещились пестрые города, синие гавани, тесные от сотен гордых кораблей, а грядущая радость звонко бежала впереди, утишая жестокость пустыни...

Ночью лежали на быстро остывающем песке, жались к вытянувшим по земле длинные шеи верблюдам, ища тепла. В темном небе самоцветами горели созвездия, и тихо плыли в необъятном пространстве небесные тела, смутно освещая простертую землю. Легкий треск остывающего песка разносил по равнине странный шорох...

Ахметка сидел в сторонке на коленях и молился, прикладывая руки ко лбу, подымая лицо к звездам. Анохин часто вскакивал, припадал ухом к земле и подолгу слушал, но ничто не нарушало царящей тишины. Ночь покрыла беглецов, а пустыня перекрестила все следы...

Еще в темноте двинулись дальше. По холодку было приятно покачиваться на спине верблюда, словно в лодке на реке...

Багряной тревогой полыхнуло на востоке, тусклое, красное встало солнце, и вновь опалился песок, каждый кусочек воздуха стал сухим и ломким. Проведешь по бурнусу – со складок сыплется, под веками горошины, больно смотреть, на зубах трещит. А ветер вихрит, стремительный ветер дует в трубу, выдувает из раскаленной печи жар и пепел... Вода в бурдюке теплая, противная.

Зарева застилают, и чудится Игорю белый арабский городок с политыми у домов улочками, или вот, совсем близко – бассейн с прозрачной, сладкой водой под тенью синелистых пальм. Блестит бельмом соленое озеро, благодатной прохладой зеленеют сочные пятна оазисов. Чувствует Игорь, что последние силы уходят, и спекшимися, лиловыми губами шепчет, повторяет:

– Господи милый, спаси... Господи милый... Господи..

Днем у Анохина шла носом кровь, он смотрел на нее испуганно и кашлял. Ахметка налил в ладонь воды, растер в ней соль и, запрокинув голову Анохина к себе на колени, вливал ему в нос раствор и спокойно говорил:

– Ничего, Анохин, не будет, дойдем... жену увидишь...

А как только упала на пустыню ночь и в шелковом небе зажглись трепетные созвездия, а от пришедшей прохлады наполнил молчание тихий треск остывающего песка – свернули на север и к полуночи расположились в пальмовой роще.

Веселыми огоньками светился вдали Зарзись...

Песок... Песок... Мутно-желтый, нагретый воздух, колеблется завеса пустыни. Песок, как сухое море. Струится пламя неба... Тряско шагают верблюды.

Четвертый день все одно и то же – будто не двигаются... Верблюды замедляют шаг, вытягивают длинные шеи, пронзительно ревут... Так шли, пока Ахметка не поднял руку в знак остановки, – подошел к Игорю, и сквозь темный загар видно было, как побледнело его лицо.

– Смотри, Горика, болото!.. – Описал рукой широкий круг, безнадежно потрогал носком сапога чахлый кустик. Тогда заметил Игорь, что земля покрыта чахлыми, редкими кустиками, как пучками железных стружек, и будто присыпана солью. Местами что-то странно поблескивает, подергиваясь белой мутью. Замерло на минутку сердце. Испуг захлопал беззвучными крыльями. Но только на минутку, так как знал Игорь, что это еще не конец. Улыбнулись Наташины губы, унеслась к ней радость и жажда...

И вот началась ужасная борьба. С одной стороны – три человека, с другой – молчаливая, огненная пустыня и яд болота.

Ахметка остро глянул на Игоря и проворчал сквозь стиснутые губы:

– Тяжело два... – Направился к Анохину.

Игорь отвернулся, стараясь думать о Наташе, но не выдержал, оглянулся, увидел, что Ахметка отвязывает Анохина, а у того безжизненно мотается голова и безучастно смотрят покрасневшие глаза... Подошел к ним, отпихнул легонько Ахметку и вновь привязал Анохина к седлу. Ахметка хватался за нож, размахивал руками, кричал:

– Что делаешь, дурак. Подохнем, как собаки... Брошу тебя. Сам уйду...

Бережно поддерживая голову, напоил Анохина, и с его лица улыбнулись нежные губы Наташи, и не страшила больше пустыня, не слышал Игорь негодующего крика Ахметки.

Кружится голова от теплого дыхания болота, болят глаза, сжимаются огненные объятья... Потускнели воспоминания, растаял образ Наташи, и, цепляясь за чахлые кустики, осталась сзади светлая радость. На пороге смерти съежилась жалость, сохранение жизни стало жестоким законом.

И ночью нельзя было остановиться. Шли без отдыха, поминутно засыпая и тут же вздрагивая от ужаса при мысли остаться одному... В безмолвии звездной ночи продолжался их необычайный путь. Легкие, чуть приметные тени ложились от верблюдов на землю, сопровождая их, как чуткий сон...

Так кончились четвертые сутки и наступило утро пятого дня, когда они вышли из болота. Обожженные солнцем, отравленные лихорадкой, с полузаснувшей, потемневшей душой, еле держались в седлах.

Игорь видел, как шедший впереди верблюд с Ахметкой остановился и лег в песок, а Ахметка свалился рядом. Но это совершенно не отразилось в его мозгу. Страшная усталость сковала тело и волю.

Скоро стал и их верблюд, лег на песок, Игорь упал на землю и тут же заснул глубоким сном. А Анохин, привязанный к седлу, очнулся от остановки и осматривался недоуменно в минутном прояснении малярии... Облегченно вздохнул прохладный ветерок, и темное, в мареве засинело свободное море...

Вновь ожила радость, побежала впереди, улыбнувшись губами Наташи милой – неиспитой любви женской. Тягота сладостная, преодоленной борьбой утишенная, тягота к тому месту, где мать родила, осветила исхудавшее, обожженное лицо Игоря.

Стоял в шумной гавани, у ног его плескалось море, а на нем покачивались косые, цветные паруса острогрудых лодок, и на крутых бортах крепких парусников кипела вольная торговая жизнь...

В шипении белого пара гремели лебедки, и в хрупком стеклянном воздухе открылись ворота в желанное будущее...

Прага, 1923 г.»

Данный рассказ был опубликован в журнале «Казачий путь», № 10, С. 11–14. Отрывок из него, посвященный пребыванию русских во Французском иностранном легионе, представлен вниманию читателя ниже.

А.А. Воеводин. «Шапка-невидимка»

...Только вчера прибыли мы с Невидимкой на пост Касба в восточной части Марокко. После неторопливой, размеренной жизни Праги и бурного Парижа попали мы в пустынные, неисследованные горы Среднего Атласа.

Блокгауз Касбы – 2 старых, каменных арабских строения, обнесенных невысокой каменной стеной и оплетенных несколькими рядами проволочных заграждений – расположены в низине, возле ручья, к которому спускаются с окрестных постов брать воду в бочонки и бурдюки. Гарнизон блокгауза состоит из сержанта и 20 легионеров – в их числе 4 казака.

В Феце Невидимка приобрел 2 комплекта легионерского обмундирования, и на пост мы прибыли под видом возвратившихся из отпуска легионеров.

Кончался сентябрь. Воздух в горах был удивительный – прозрачный, как хорошо протертое стекло, и полный острых, пряных запахов, наполнявших нашу степь с ее бурной полынью и низким, незаметным чабрецом.

Помню я один разговор с казаками-легионерами.

Сидели мы вечером за прикрытием каменной стены, потягивая вино их жестяных кружек, и дымили из трубок. Конечно, разговор вертелся вокруг недавнего и далекого прошлого, и казаки, перебивая друг друга, хвалились достоинствами своих станиц. Но прошлое ушло безвозвратно, а окружавшая действительность не давала пищи для особой веселости, и казаки ругали, на чем свет стоит, Легион, проклинали французов, арабов и Африку.

– А хотели бы вы уйти из Легиона? – спросил их Невидимка.

Казаки переглянулись, пожали плечами и не сразу ответили. Все они служили в Легионе уже третий год.

– Черт его знает, как там, на работах... – раздумчиво пыхтел трубкой донец Васильев, – вот из Болгарии, Сербии пишут станичники: дюже плохо... Тут хоть харч дают да одежду...

Он усиленно засопел выгоревшей трубкой.

– Д-да... Дело табак, брат... – неопределенно произносит усатый загорелый кубанец.

Они недоговаривали чего-то, но я знал – думали, что не стоит менять шила на швайку... Вскоре опять заговорили о России.

– Нет уж, подожду возвращаться. Тоже и там несладко... Гарбуленкову от жены письмо пришло.

Скотины нет, хозяйство разорено... А кто вернулся на

Дон из-за границы – погнали в Красную Армию...

– Ну а кончится срок службы, куда пойдешь? – спросил я.

– Не знаю, – отмахнулся досадливо Васильев, – чего загадывать... Может, во Францию подамся, а может, в Америку – земля большая, до края ее не дойдешь...

– А я – так никуда, – перебил его молодой донец, – не выйдет к окончанию срока службы возвращение – подпишу другой контракт...

– Ты с ума сошел – оставаться в Легионе! – возмутился Невидимка.

– Сам ты дурной! Чего мне место менять? Табак, вино есть... – Он забористо выругался, медленно вытянул кружку вина, сплюнул сквозь зубы и встал. –

Пойду дрыхнуть... Пока прощайте...

Ночь, как назло, чертовски темная. Небо в тучах, ни

Луны, ни звезд...

Вправо от меня, шагах в сорока, стоит на часах

Невидимка, а влево – немец Генрих. Сейчас все невидимки – и мы, и арабы.

Ветер задувает, свистит, как сто тысяч чертей, и воет, хлопает старым железом на крыше поста.

Всматриваюсь в темень, прислушиваюсь и держу наготове винтовку. Мысли, как сон, – отрывочны, смутны. Невидимка сказал, что ничего в мире не меняется... Только временное потрясение жизни.

Временное ли?.. И война, и революция, и эмиграция, и вот, здесь – Легион, горы Атласа – временное, случайное. Когда имел семью, свистел самовар на столе, был теплый домашний хлеб и свое вино, когда в станице цвели весной деревья – все это были не замечаемые мелочи жизни. И только теперь, потеряв их, научились ценить и любить сознательно...

– К оружию!.. Сюда... – в свисте ветра оборвался отчаянный крик Генриха, и за ним – блеск белого пламени и глухой раскат разрыва ручной гранаты. Справа и слева захлопали торопливые выстрелы. Я побежал к Невидимке.

– Вот здесь лезут через проволоку, сволочи!.. – шептал Невидимка, и мы наугад стреляли в ночь, лежа на камнях.

Рассыпая искры, огненными стрелами взвились ракеты, и арабы с проклятиями бросились бежать от проволоки. Из поста выбегали легионеры, заряжая на ходу винтовки.

До утра, не смолкая, трещали выстрелы, свистел ветер и стучало железо на крыше поста. К рассвету арабы ушли в горы, стих ветер, и очертания хребта Джебель-Идлан с цепью белых постов Иностранного легиона неясно вырисовывались на бледно-зеленом небе.

Смертельно усталые, поплелись мы с Невидимкой на пост с единственной мыслью – поскорее добраться до койки и заснуть...

Во дворе поста, покрытые окровавленной защитной шинелью, лежали рядом Генрих и Васильев. Невидимка снял кэпи, перекрестился и, опустившись на землю, откинул полу шинели, закрывавшей голову Васильева. Когда Невидимка поднялся, я увидел, что лицо его сильно осунулось и побледнело. В раскосых, калмыцких глазах блестел отсвет поднимающегося над горой солнца, и мне почудилось, что Невидимка плачет. Но голос его был твердый и ровный.

– Большая земля, а места на ней мало... Послал Бог казаку смерть на чужбине... – сказал он.

За обедом на столе стояла бутылка марокканского виски – тафьи. К обеду Невидимка не притронулся, выпил 3 стакана тафьи и вместо закуски закурил папиросу... За последние дни он стал молчаливым, а взгляд его – рассеянным, беспокойным. Все это меня очень тревожит...

Когда я кончил обедать, Невидимка положил мне на колено руку и проговорил грустно:

– Куда ни кинь – везде клин... В России расказачивают, в Болгарии роются казаки в шахтах, как кроты, а здесь засыпают навек от арабской пули... А «радетели» казачьи собирают в казну «благодетелей» франки, левы и динары... Но... Казак казаком останется, вернем свою вольность! – вдруг крикнул Невидимка и ударил кулаком по столу. – Выпьем... – устало сказал он и налил в стаканы тафьи.

Тесная комната поста с грязно-белыми стенами наполнилась сумерками, и лицо Невидимки отчего-то покачнулось над столом...

Николай Николаевич Туроверов и его стихи. Легионный цикл

В русской эмиграции это имя произносили и произносят с огромным уважением. Лишь недавно его произведения о гражданской войне и тяжелой жизни русских в эмиграции получили признание в России.

Кем он был? Родился Николай Туроверов 18 марта 1899 г. в донской станице Старочеркасской. Закончил местное реальное училище. Служил в лейб-гвардии Атаманском полку, в чине хорунжего, что для казака было огромной честью после успешно сданного им офицерского экзамена. В 17 лет уходит на германскую войну. С конца 1917 г. до конца 1920 г. борется против большевиков. Осенью 1920 г. в чине подъесаула эвакуируется из Крыма. Из Константинополя он вскоре перебирается в Сербию, где работает сначала лесорубом, а затем мукомолом.

С большим трудом ему удается перебраться в Париж. По ночам будущий поэт грузит вагоны, а днем ходит на занятия в Сорбонну. Вскоре в эмигрантских газетах и журналах стали появляться его первые стихи. Туроверов выступил одним из организаторов создания военно-исторических обществ и выставок.

В то время его энергии и упорству удивлялись многие. Его стараниями был создан музей лейб-гвардии Атаманского полка, кружок казаков-литераторов, «Общество ревнителей русской военной старины», выставки «Казаки», «Суворов», «1812 год», отрывной календарь для инвалидов. Впоследствии более 11 лет он возглавлял Казачий союз.

В 1928 г. в Париже вышел его первый сборник стихов под общим названием «Путь». Видные критики того времени – Г. Адамович и Г. Струве – дали этому

сборнику положительные отклики. В 1937 г. вышел новый сборник его стихов в Безанне. Во многом это произошло благодаря знакомству Туроверова с генералом Д.И. Ознобишиным, бывшим военным атташе России во Франции и страстным библиофилом. Николай Николаевич стал тогда хранителем огромной библиотеки генерала в Аньере.

В 1939 г. в Безансоне вышел 3-й сборник стихов Туроверова.

В то время он активно занимался русской иконографией. Параллельно с этим он выпускает «Казачий альманах», посвященный истории и традициям казачества, в котором Туроверов публикует несколько своих новых стихотворений и большую статью «Казаки в изображении иностранных художников». Кроме того, Туроверов стал коллекционером книг и гравюр по военной истории России.

В 1942 г. в Париже выходит его 4-й сборник стихов.

Туроверов находит опору в сохранении памяти о казачьей истории.

С началом Второй мировой войны Николай Туроверов, как сотни и тысячи русских, вступает во Французский иностранный легион.

Демобилизовавшись в 1945 г., он публикует цикл стихов под общим названием «Легион», а также издает небольшой брошюрой маленькую поэму «Сирко», былинную легенду о казачьем герое-атамане, чью отрубленную кисть веками хранили казаки как реликвию.

Особой близости у Туроверова с литераторами русского Парижа не было. Несмотря на то что Туроверов учится написанию стихов у Гумилева, это не спасает его от почти холодной рецензии на его стихи известного литератора и критика В.Ф. Ходасевича. Во многом поэтому стихи Туроверова среди русской эмиграции стали известны широко уже после Второй мировой войны. В антологиях поэзии русского зарубежья стихи Туроверова появились в таких книгах-сборниках: «На западе», изданном в Нью-Йорке в 1953 г.; «Муза диаспоры», выпущенной во Франкфурте на Майне в 1960 г.; «Содружество», вышедшем в Вашингтоне в 1966 г.

После войны он много лет работает в библиотеке, печатается в ведущих журналах русской эмиграции – «Грани» и «Новом журнале», пишет стихи. По отзывам литературных критиков, с годами его поэзия становится все более мудрой и рассудительной.

Последний, 5-й сборник его стихов вышел в Париже под общим названием «Стихи» в 1965 г.

Умер Николай Николаевич Туроверов 23 сентября 1972 г. в парижском госпитале Ларибуазьер. Он прошел три войны, но остался жив. Об участии в одной из них, в последней, в составе Французского иностранного легиона, он и пишет в своем цикле стихов «Легион». Из этого цикла в данной книге помещены отдельные фрагменты.

Легион.

Ты получишь обломок браслета,
Не грусти о жестокой судьбе,
Ты получишь подарок поэта,
Мой последний подарок тебе.
Дней на 10 я стану всем ближе.
Моего не припомнив лица,
Кто-то скажет в далеком Париже,
Что не ждал он такого конца.
Ты ж, в вещах моих скомканных роясь,
Сохрани, как несбывшийся сон,
Мой кавказский серебряный пояс,
И в боях потемневший погон.
Конским потом пропахла попона,

О, как крепок под нею мой сон.
Говорят, что теперь вне закона
Иностранный наш Легион.
На земле, на песке, как собака,
Я случайному отдыху рад.
В лиловатом дыму бивуака
Африканский оливковый сад.
А за садом, в шатре, трехбунчужный,
С детских лет никуда не спеша,
Весь в шелках, бирюзовый, жемчужный,
Изучает Шанфара паша.
Что ему европейские сроки
И мой дважды потерянный кров?
Только строки, арабские строки,
Тысячелетних стихов.
Мои арабы на «Коране»
Клялись меня не выдавать,
Как Грибоедов в Тегеране,
Не собираюсь погибать.
Лежит наш путь в стране восстаний.
Нас – 49. Мы – одни.
И в нашем отдаленном стане
Горят беспечные огни.
Умолк предсмертный крик верблюда.
Трещит костер. Шуршит песок.
Беру с дымящегося блюда
Мне предназначенный кусок.
К ногам горячий жир стекает,
...Не ел так вкусно никогда!
...Все также счастливо сияет
Моя вечерняя звезда.
А завтра – в путь. Услышу бранный,
Давно забытый шум и крик.
Вокруг меня звучит гортанный,
Мне в детстве снившийся язык.
О, жизнь моя! О, жизнь земная!
Благодарю за все тебя!
Навеки все запоминая
И все возвышенно любя.
Князю Н.Н. Оболенскому
Нам все равно, в какой стране
Смести народное восстанье,
И нет в других, как нет во мне,
Ни жалости, ни состраданья
Вести учет: в каком году –
Для нас ненужная обуза;
И вот в пустыне, как в аду,
Идем на возмущенных друзов.
Семнадцативековый срок
Прошел, не торопясь, по миру;
Все также небо и песок
Глядят беспечно на Пальмиру
Среди разрушенных колонн.

Но уцелевшие колонны,
Наш Иностранный легион –
Наследник римских легионов.
Стерегла нас страшная беда:
Заблудившись, умирали мы от жажды.
Самолеты пролетали дважды,
Не заметили, не сбросили нам льда.
Мы плашмя лежали на песке,
С нами было только 2 верблюда.
Мы уже не ожидали чуда,
Смерть была от нас на волоске.
Засыпало нас розовым песком;
Но мне снились астраханские арбузы
И звучал, не умолкая, музы,
Как ручей, веселый голосок.
И один из всех я уцелел.
Как и почему? Не знаю.
Я очнулся в караван-сарае,
Где дервиш о Магомете пел.
С той поры я смерти не хочу;
Но и не боюсь с ней встречи.
Перед смертью я верблюжью пил мочу,
И запить теперь ее мне нечем.
Умирал марокканский сирокко,
Насыпал последний бархан;
Загоралась звезда одиноко,
На восток уходил караван.
А мы пили и больше молчали
У костра при неверном огне,
Нам казалось, что нас вспоминали,
И жалели в далекой стране,
Нам казалось: звенели мониста,
За палаткой, где было темно...
И мы звали тогда гармониста
И полней наливали вино.
Он играл нам, простой итальянец,
Что теперь мы забыты судьбой,
И что каждый из нас – иностранец,
Но навеки друг другу родной,
И никто нас уже не жалеет,
И родная страна далеко,
И тоску нашу ветер развеет,
Как развеял вчера облака,
И у каждого путь одинаков
В этом выжженом богом краю:
Беззаботная жизнь бивуаков,
Бесшабашная гибель в бою.
И мы с жизнью прощались заранее,
И Господь все грехи нам прощал...
Так играть, как играл Фабиани,
В Легионе никто не играл

1940–1945.

Стихотворение Софьи Мельниковой, донской казачьей поэтессы, напечатанное в журнале «Казачий путь», № 66, 1925 г., с.13, посвящено гибели казака-легионера.

«Дмитрий убит в бою с рифами. Кончилась кабала Иностранного легиона. Остаюсь без надежд. Не могу больше жить». (Из письма с Дона.)

Отчего ты грустишь средь весеннего дня?
Отчего ты молчишь сейчас у огня?
Отчего не берешь ты росистых цветов?
Посмотри, как безбрежна кругом синева,
Как ковер расстилает степная трава,
Обнимая подножья курганных крестов.
Посмотри: далеко там сереет туман,
Да стоит позабытых времен истукан,
Охраняя преданье забытых веков;
Над станицей маячат ряды тополей
И несутся без гама рои журавлей.
Степь обнимет крылатая ночь,
И с дыханием зари улетит сова прочь,
Лишь останутся капли живящей росы.
Загорится пурпурным румянцем восток,
Пробежит, пробудясь, поутру ветерок,
Дрогнет сердце от стона звенящей косы.
Тень от тучи мелькнет дождевой,
Брызнет с радугой дождь степовой,
Громом нарушит недавнюю тишь.
Ароматней запахнут, умывшись, сады,
Побегут ручейки под землею воды,
Отчего ж, замолчав, ты, грустишь?
Знаю, вольный казак на чужой стороне
Бьется невольником в чуждой войне,
И уходят безрадостно в муках года.
Он вернется к тебе, он обнимет любя...
И заржет его конь боевой... – никогда!
Где склонилась арабская пальма
К ружью среди гор и песка,
Бродит конь боевой моего казака,
И белеют забытые, молча, кресты.
От того моя скорбь, как могила, без дна,
От того, что навек я осталась одна».

«Грязные войны» Легиона в Индокитае и Алжире

После завершения Второй мировой войны, когда были разгромлены Германия и ее союзники, в плену французских войск де Голля оказалось немало людей, воевавших под фашистскими знаменами, многие из которых и пополнили Легион.

Индокитай

Первые признаки того, что здесь ситуация далека от стабильности, проявились во время Йенбайских событий 9 марта 1931 г., когда произошли столкновения во время празднования очередного юбилея Французского иностранного легиона (см. РГАСПИ. Ф.495. Оп.154. Д.616. Л.1.). Тогда легионеры свирепо расправились с выступлениями вьетнамцев. Все началось с оскорблений в адрес легионеров и закончилось плачевно для обидчиков. Легионеры под начальством

майора Ламбетта выстроились на плацу для торжественной церемонии по случаю 100-летия Легиона. Когда в адрес Ламбетта из толпы донеслись оскорбления и угрозы, он взял взвод и оцепил толпу, из которой было выужено шесть виновных и тут же расстреляно (см. Там же. Д.644. Лл.1–2.). Это стало сигналом к давно готовившемуся коммунистами восстанию, вспыхнувшему в Йенбае и его окрестностях. Но Легион очень быстро и очень жестоко подавил его (см. Там же. Д.672. Л.2.). Выступление показало, что французская армия и Легион по-прежнему сильны и готовы самым жестоким образом, «не считаясь ни с какими Женевскими конвенциями», подавить любое выступление против власти Франции. Поэтому спровоцировавшие это столкновение коммунисты на время притихли, выжидая более подходящий момент.

Этот случай представился в конце Второй мировой войны, когда японцы неожиданно захватили Индокитай, выбив отсюда французские войска, в том числе и стоявший здесь 5-й иностранный пехотный полк Легиона. Эти события неплохо были описаны в брошюре «В Индокитае – против японцев и в плену у них» или «В Иностранном легионе французской армии», выпущенной в Нью-Йорке в 1966 г. Федором Ивановичем Елисеевым, в ту пору лейтенантом Французского иностранного легиона. Ранее, 25 сентября 1940 г., японцы внезапным ударом пленили в Ланг-Соне 2-й батальон 5-го иностранного полка. Это была первая крупная сдача в плен легионеров в истории Французского иностранного легиона, следом за которой без боя сдался в 1942 г. американцам батальон легионеров в Марокко.

Стоит сказать несколько слов о Елисееве, этом известном в белоэмиграции человеке и талантливом командире времен гражданской войны в России.

Родился он в 1892 г. в семье кубанского казачьего офицера в станице Кавказской. Замечен командованием Кубанского казачьего войска, будучи 17-летним юношей: наказной атаман, генерал от инфантерии М.П. Бабыч наградил его серебряными призовыми часами за лучшую джигитовку в одном из полков, куда он поступил вольноопределяющимся. В 1913 г. он закончил Оренбургское казачье училище и в том же году вышел хорунжим в 1-й Кавказский наместника Екатеринославского генерал-фельдмаршала князя Потемкина-Таврического полка Кубанского казачьего войска (Стрелянов П.Н. Одиссея казачьего офицера. М., 2001. С.10.).

Участник Первой мировой войны в составе этого полка на Турецком фронте. Прошел с этим полком почти всю войну, имел ранения и награды от границы до Эрзерума – первоклассной турецкой крепости, взятой русскими войсками в 1916 г. Во главе разъезда дошел до самой южной точки продвижения русских войск – истока Тигра. Участвовал в нанесении поражения курдским конным частям в 1916 г. и пленении одного из крупных курдских племен, князь которого, сдавшийся добровольно, подарил Елисееву за прекрасную джигитовку своего лучшего арабского скакуна и украшения. Когда походный атаман казачьих войск Великий Князь Борис Владимирович, инспектируя части Российской армии в г. Карсе, после концерта казаков пригласил Елисеева, тогда уже полкового адъютанта, перейти в свой штаб, сначала он отказался, но от непосредственного назначения в Собственный Его Императорского Величества Конвой, на такую почетную службу, отказываться было нельзя, и в начале 1917 г. Елисеев выезжает в Петроград. Однако он приехал в тот момент, когда началась революция, и назначение не состоялось, Елисеев вернулся на фронт. Но разложение уже поразило армию, потерявшую былую боеспособность. С развалом Русского фронта Первой мировой войны Елисеев прибыл в родные края, где вступил в борьбу против большевизма.

Во время гражданской войны дослужился до чина полковника, командир известного на всем Южном фронте Кубанского Корниловского конного полка. В марте 1920 г. из-за отсутствия кораблей для эвакуации в Крым попал в плен к красным.

Был направлен в Москву для последующей отправки на Польский фронт. Елисеева перевели из Бутырской тюрьмы вместе с другими пленными белыми офицерами в Екатеринбург. Это произошло из-за опасения, что «дикие коммунисты», выступавшие за продолжение войны в Европе, используют их для переворота. Здесь бывшая заложница красных в период гражданской войны, экс-балерина Императорского театра, посещавшая выступления хора из пленных белых офицеров, училась у Елисеева танцевать лезгинку (Он же. Там же. С.87.).

В 1921 г., пробравшись в Карелию, Елисеев бежит на лыжах, в летней одежде, в Финляндию, где его задерживает финская пограничная стража. Некоторое время он провел в тюрьме, пока шло разбирательство. Избран атаманом Кубанской казачьей станицы в Финляндии. С помощью донского атамана генерала А.П. Богаевского в конце 1924 г. Елисеев прибыл во Францию. Там написал немало литературных произведений под псевдонимом «Бидалага». Стал лидером казачьей кубанской группы во Франции. В это время работал вместе с простыми казаками на тяжелой физической работе. Сначала – на химическом комбинате, затем, обосновавшись станицей в городе Виши, собирал штабели из досок. По приказанию генерала Шатилова в 1925 г. возглавил здесь группу белогвардейцев из Русского обще-воинского союза.

Выступив в 1925 г. вместе со Шкуро по его приглашению в группе лучших наездников в Париже на казачьем празднике, с этого времени и до начала Второй мировой войны Елисеев работает руководителем группы наездников-казаков в цирках, собиравших огромное количество зрителей, как эмигрантов, так и французов. В 1930 г. с женой переехал в Париж, где открыл небольшой русский ресторанчик – центр «Общества ревнителей Кубани» – своеобразного братства, объединяющего всех выходцев с Кубани, главным образом, казаков. Кубанским атаманом В.Г. Науменко был назначен его представителем в Париже. С 1930 г., по просьбе знаменитого генерала А.Г. Шкуро, работал главой артистического ансамбля в джигитском турне по Европе. В 1932 г., по просьбе французских властей, Елисеев участвовал в необычайно громком деле, грозившем репрессиями против белоэмиграции. Он допрашивал эмигранта из России доктора Горгулова, убившего президента Франции Думера за его стремления развивать отношения с СССР и выдававшего себя за кубанского казака. Елисеев установил, что тот действительно является кубанцем.

Продав свой ресторан, в январе 1934 г. Елисеев уезжает с труппой джигитов работать в других странах: Германии, Чехословакии, Австрии, Швейцарии, Италии, Сиаме (Таиланде), Китае, в колониях – Индии, Юго-Восточной Азии. Всюду своими сложными и даже опасными для жизни выступлениями он вызывал восхищение: принц Сиама, султаны Малайи и индийский магараджа лично приезжали для того, чтобы посмотреть на прославленного джигита. В 1938 г. кубанский атаман, генерал Науменко назначил Елисеева своим представителем на Дальнем Востоке «для установления и поддержания связи с лидером Российской Дальневосточной эмиграции атаманом Семеновым» (Стрелянов П.Н. Одиссея казачьего офицера. М., 2001. С.98.).

Вторая мировая война застала Елисеева в Индонезии, голландской колонии на острове Суматра. Он справедливо считал, что союз германских нацистов во главе с Гитлером и советского деспота Сталина угрожает миру. Во время нападения СССР и Германии на Польшу Елисеев связался с французскими властями, чтобы записаться в армию Франции, которая с 3 сентября 1939 г. вступила в войну. Из июльского декрета 1939 г. французского правительства следовало: «В случае войны, все офицеры армий союзных стран по войне 1914–1918 гг. имеют право поступить на период боевых действий в колониальные войска и в Иностранный легион французской армии на следующих условиях: подпоручики – сержантами, поручики – су-лейтенантами, капитаны – лейтенантами, полковники и генералы – капитанами.

Все должны пройти медицинский осмотр и экзамен по французскому языку». Как видно из этого документа, французы сильно пересмотрели порядок поступления в Легион, готовясь к войне и рассчитывая за счет проживавших у себя многочисленных иностранцев его пополнить. Это была экстренная мера, которая более в Легионе практически не повторялась.

В марте 1940 г. он прибыл во французский Индокитай, Сайгон, где успешно сдал необходимые для зачисления во французскую армию экзамены. После этого его досье было отправлено во Францию на утверждение. Но его документы были захвачены немцами, занявшими Париж, и зачисление не состоялось. Тогда Елисеев поступил на работу во французскую строительную фирму.

В это время японцы нанесли сокрушительный удар по колониям европейских союзников. Стало ясно, что Индокитай также не останется в стороне. Французы решили усилить свою группировку в этом регионе. Поскольку метрополия была занята немцами и перебросить войска оттуда было нельзя, французы вновь устремили свои взгляды на иностранцев. Елисеева снова вызвали в штаб французских сил в Индокитае, где он опять сдавал экзамены. Однако из-за недостаточного, по мнению экзаменаторов, знания французского языка звания капитана он не получил и стал лейтенантом Иностранного легиона. Как кадровый офицер казачьих войск армии России, он пожелал служить в кавалерийских частях Легиона. Но в Индокитае их не было – легионеры-кавалеристы находились тогда лишь в Северной Африке и Сирии. Эти колонии были отрезаны от самой Франции и Индокитая английским флотом, а «живая связь» с самой Францией прекратилась. Маршал Петен, один из лидеров коллаборционистов, согласившихся служить профашистскому правительству Виши, в то время дал полномочия генерал-губернатору Индокитая действовать по своему усмотрению в решении местных вопросов.

Елисеева направили для прохождения службы в 5-й Иностранный пехотный полк Легиона, расположенный в основном в северном Вьетнаме, в Тонкине. Как пишет он сам в своей брошюре «В Индокитае против японцев и в плену у них, 1945» или «В Иностранном легионе французской армии», «Я не был огорчен, что вместо чина капитана переименован в лейтенанты. Во французской армии капитан должен командовать ротой. Я – конник. Пехотного строя не знал. Не знал и строевых уставов службы их армии. Естественно – я не мог быть командиром роты» (Елисеев Ф.И. В Индокитае против японцев и в плену у них, 1945 г. // В Иностранном легионе французской армии. Нью-Йорк, 1968.).

Служба для него, как офицера, не была особенно тяжела, но потребовались месяцы, чтобы Елисеев освоился в столь непривычной для себя среде. Как он писал, «я непосредственно и очень близко столкнулся с легионерами в боях и вне их, чтобы увидеть много любопытных черт, совершенно недопустимых в европейских регулярных армиях, но столь характерных для «наемных», которым являлся, по существу, Иностранный легион французской армии... Здесь 30-летний легионер, с пятилетним стажем службы, считался «мальчишкой». Средний возраст легионера был свыше 40 лет. Много было по 50 лет и старше. Конечно, люди такого возраста, изношенные физически долгой службой в тропических странах и ненормальной жизнью, как постоянная выпивка и легкая доступность туземных женщин, – эти легионеры, по большей части, уже утратили свои физические силы и выносливость и не отличались большой моральной устойчивостью. С другой стороны, суровость дисциплины при недостаточной заботливости о легионерах со стороны офицерского состава, видящего в них не «живых людей», своих соотечественников, а только «легионера номер такой-то». Все это вместе взятое не могло заложить в душе легионера никакой преданности, даже верности той стране, которую он обязан защищать не за страх, а за совесть, как ее сын. Воспитанные и приученные за всю свою долгую службу на методах борьбы с иррегулярными силами восстававших

разных полудиких африканских племен – теперь они столкнулись с высокодисциплинированными, глубоко патриотично настроенными войсками японской армии, даже фанатично настроенными японцами для расовой борьбы при лозунге Азия – для азиатов» (Елисеев Ф.И. В Индокитае против японцев и в плену у них, 1945 г. // В Иностранном легионе французской армии. Нью-Йорк, 1966. С.28–29.).

Как известно, после того, как силы «Свободной Франции» совместно с американцами и англичанами в конце 1944-го – начале 1945 г. освободили от немцев французскую землю, власти Индокитая поспешили откреститься от сотрудничества с нацистами и их союзниками. Это означало начало боевых действий в Индокитае против японцев, которые не могли мириться с тем, что враждебные им силы как бы разрезали надвое контролируемую ими территорию, которая могла быть использована американцами и англичанами для удара в тыл японским армиям в Бирме и Индонезии. Поэтому в начале марта 1945 г. японцы ночной атакой разгромили почти все французские гарнизоны, потери последних были очень тяжелыми. Многие попали в концлагеря, содержание в которых было еще более ужасным, чем в нацистских. Если там для французов имелось какое-то снисхождение, то здесь ситуация мало чем отличалась от положения в ГУЛАГе и кое в чем даже превосходила ее.

В отличие от других французских войск, 5-й иностранный пехотный полк Легиона после тяжелых боев прорвался сквозь окружение и стал уходить к китайской границе, к войскам маршала-националиста Чан-Кай-Ши. Три недели уходили легионеры от японцев, не желавших их отпускать и постоянно наседавших со всех сторон. Этот поход стал одним из самых сложных в жизни Федора Ивановича Елисеева. Двадцать дней безостановочного изнуряющего движения без всякого снабжения и помощи со стороны. Приходилось большую часть пути проделать по бездорожью, прорубаясь сквозь джунгли, без еды и хорошей воды. Местное население злорадно наблюдало за крахом французов, и потому легионерам, которых аборигены ненавидели особенно остро, нечего было надеяться на какое-то содействие.

Второй батальон 5-го Иностранного пехотного полка легионеров, в котором служил Елисеев, отходил в арьергарде. Он прикрывал отход остальной части полка. Отход 2-го батальона больше походил на беспорядочное бегство – все-таки отвыкшие за несколько лет от боев легионеры были не готовы к такому повороту событий. Елисеев с 15 легионерами, вооруженными винтовками и 2 ручными пулеметами, подобно смертникам, прикрывали отход, в свою очередь, этого батальона на одном из горных перевалов. После упорного боя, выполнив задачу, они стали отходить в надежде пробиться к своим. Японцы, разъяренные неудачей, обстреливали их из минометов. От группы легионеров из 16 человек в живых осталось только пятеро человек, в том числе и Елисеев. Один из них, капрал-шеф Колерский, поляк, был тяжело ранен и истекал кровью. Елисеев с тремя легионерами целый день тащили его на руках, изнемогая от усталости, боев и трудного пути по джунглям. Елисеев, будучи раненым, вызвался прикрыть отход этой группы. Это было последнее, что помнили легионеры, оставляя по приказу Елисеева его самого (Елисеев Ф.И. В Индокитае против японцев и в плену у них, 1945 г. // В Иностранном легионе французской армии. Нью-Йорк, 1966.).

Французское командование высоко оценило заслуги Елисеева как командира. Об этом свидетельствует «Выписка из приказа от 9 апреля 1945 года: генерал Саббатье, командующий французскими войсками в Китае – приказом по корпусу награждает Военным Крестом 2-й степени с золотой звездой на ленте Елисеева Феодора, лейтенанта 5-го пехотного полка Иностранного легиона французской армии.

Офицер Легиона исключительного хладнокровия, своим спокойствием и презрением к опасности вызывал восхищение среди подчиненных во время ежедневных боев, бывших с 20 марта 1945 года. Тяжело контуженный 2 апреля 1945 года, он командовал взводом легионеров в арьергарде, прикрывая отход батальона под жестким и близким огнем противника. Числить без вести пропавшим» (Стрелянов П.Н. Одиссея казачьего офицера. М., 2001. С.100–101.).

Елисеев знал, что японцы, испытывая особую ненависть к легионерам, в плен их не брали и приканчивали холодным оружием на месте. Поэтому он, в надежде спастись, уполз подальше в джунгли. Но через полчаса вражеский пулемет заговорил у него за спиной. Японцы прочесывали джунгли и уничтожали отставших легионеров без всякой пощады. Стемнело. Пережив кошмарную бессонную ночь в джунглях, раненый, окруженный безжалостным и кровожадным противником, утром на следующий день Федор Иванович наткнулся на взвод радиосвязи японцев под командой лейтенанта Сано. Высокообразованный Сано запретил солдатам убивать Елисеева. Но, несмотря на это, Федор Иванович написал: «Вообще – я чувствую презрение и ненависть, с которыми относятся к нам японцы в массе. Мы для них – люди не только что другой расы, но и расы «низшей», которая незаконно претендует на положение высшее и которую следует всю уничтожить... а пока, до поры и до времени – ее надо как можно сильнее ущемить и поставить на должное место» (Елисеев Ф.И. В Индокитае против японцев и в плену у них, 1945 г. // В Иностранном легионе французской армии. Нью-Йорк, 1966. С.63.).

Как оказалось, японцы уничтожили не всех попавшихся к ним легионеров. В концлагере вместе с ним оказалось немало таких же несчастных, каким являлся и он сам. Однако, узнав, что среди пленных легионеров есть русский офицер в чине полковника, прославившийся в гражданской войне на стороне белых, японские офицеры проявили в его адрес повышенное внимание и почтение. Это вызвало среди простых легионеров большое недовольство. Однажды легионеры-немцы, которым поручалось нести вещи Елисеева, воспротивились против этого, мотивировав такой поступок тем, что они находятся в плену, а стало быть, свободны от командования над собой с его стороны. Само собой, что, когда была власть французов, бунтовщики были бы немедленно наказаны, и вообще неподчинение начальству в Легионе было большой редкостью из-за суровости грозящего наказания. Как свидетельствует сам Елисеев, «В Иностранном легионе дисциплина была особенно строгой и запрещала какое бы то ни было пререкание с офицерами Легиона» (Он же. Там же. С.82.).

Как писал Елисеев, ему неоднократно приходилось сталкиваться с тем, что офицеры иностранных армий, когда узнавали, что перед ними – бывший командир одного из лучших белогвардейских полков, относились после этого к своему собеседнику с большим уважением. Например, как пишет Елисеев, «Случайно познакомился с двумя полковника Китайской армии Чан-Кай-Ши. Один – Генерального штаба, другой – начальник всей артиллерии армии. Узнав, что я «русский и белой армии» – отнеслись исключительно сочувственно, как к ближайшему соседу по государству и идее».

Пережив шестимесячный плен в Ханое и освободившись в сентябре 1945 г. после капитуляции Японии, Елисеев по морю возвратился осенью 1946 г. во Францию. В конце ноября того же года, после 13 лет пребывания в Азии, он прибыл в Париж.

Однако демобилизовали его лишь через полгода после прибытия во Францию. В здании «Эколь Милитер» 8 апреля 1947 г. ему выдали демобилизационный лист. После 6 лет тяжелой службы Елисеев наконец снял легионерский мундир и кепи с красным верхом и золотыми крестообразными нашивками на нем (Там же, С.101.).

За время военной службы начиная с Первой мировой войны, не считая гражданской войны, он получил 6 орденов императорской армии, среди которых надо отметить: 1914 г. – орден Святой Анны 4-й степени «За храбрость»; 1915 г. –

орден Святого Станислава 3-й степени с мечами и бантом и орден Святой Анны 3-й степени с мечами и бантом; 1916 г. – ордена Святого Станислава 2-й степени с мечами, Святой Анны 2-й степени с мечами, Святого Владимира 4-й степени с мечами и бантом. Интересно отметить у него еще одну награду – «В память 1-й Великой войны 1914–1918 гг. офицера Союзной Армии» (Стрелянов П.Н. Одиссея казачьего офицера. М., 2001. С.101.).

Кроме того, за период службы 1941–1947 гг. в Иностранном Легионе Елисеев был награжден Военным Крестом 2-й степени с золотой звездой на ленте, крестом «Служба в колониях», крестом с лентой и пластинкой, имеющей надпись на французском языке «Индокитай». Надо отметить здесь также медаль с лентой и пластинкой с надписью «1939–1945», медаль «За участие в походах», медаль «Экстрем Ориенталь» за службу на Дальнем Востоке, медаль «бывших в плену у противника» с эмблемой на ленте в виде проволочного заграждения, медаль «За ранения» – с двумя красными звездочками по числу ранений как показатель пролитой в боях крови.

После демобилизации Елисеев встретил своего полкового адъютанта 2-го Хоперского полка А. Галкина. Тот имел уже другое имя – Н. Корсов, поскольку служил, как и Елисеев, во Французском иностранном легионе. Он пригласил своего командира участвовать в труппе джигитов в Голландии, Бельгии и Швейцарии. Как всегда, выступления Елисеева были более чем успешными. После этого, в 1949 г., семья Елисеевых переезжает в США, где он еще несколько лет выступает в артистической группе. После этого он занимается литературной деятельностью, издавая на ротаторе брошюры довольно большого объема. Всего за его жизнь он издал более 90 брошюр, каждая из которых скорее похожа на небольшую книгу. Большая их часть – воспоминания об участии его самого и его однополчан в Первой мировой и гражданской войнах. В этот же период выходит его самая, на наш взгляд, интересная из всех работа «В Индокитае против японцев и в плену у них, 1945 г.» или «В Иностранном легионе французской армии». Кроме того, им же были опубликованы десятки статей в белоэмигрантских газетах и журналах.

Умер он в 1987 г. в Нью-Йорке, на 95-м году жизни. До конца жизни он сохранял не только бодрость духа, но и физическую силу – до самой смерти мог лихо танцевать лезгинку (Биография Елисеева Ф.И. составлена по книге Стрелянова П.Н. Одиссея казачьего офицера. М., 2001 и воспоминаниям его самого «В Индокитае против японцев и в плену у них, 1945 г. // В Иностранном легионе французской армии. Нью-Йорк, 1966.). Такова была удивительная судьба кубанского казака и видного легионера Федора Ивановича Елисеева.

Война в Индокитае, 1946–1954 гг.

События Второй мировой войны, в которых приняли участие и жители колониальных азиатских стран, разбудили свободолюбивый дух населявших их наций, поднявшихся на борьбу сначала против японских захватчиков, а потом, когда они почувствовали силу и на какой-то момент свободу, и против своих недавних колониальных хозяев. Не стал исключением и Вьетнам, население которого поднял на борьбу против французов коммунист Хо Ши Мин. Коммунисты воспользовались ослаблением Франции после ее разгрома в 1940 г. и последующих годов борьбы против Германии. Кроме того, на их глазах японцы, фактически такие же азиаты, какими были вьетнамцы, успешно били в 1941–1942 гг. армии европейцев, а в 1945 г. оказались способными намять бока и французам в том же Индокитае. Все это говорило в пользу повторения этого во вьетнамском варианте. Война в Индокитае являлась звеном в череде локальных войн, ставших своеобразным отражением борьбы между основными противниками – СССР и США.

К началу войны, после капитуляции Японии, север Вьетнама частично контролировали коммунистические войска Китая, но на юге, южнее 16-й параллели,

где японцы сдались англичанам, хозяйничали французы. По соглашениям между странами-победительницами во Второй мировой войне, весь Индокитай должен был быть передан под опеку Франции. Но лидер китайских коммунистов Мао Дзэдун приложил все усилия, чтобы зародившаяся коммунистическая партия Вьетнама окрепла и начала борьбу против старых хозяев Индокитая – французов, рассчитывая «экспортом революции» в соседние страны облегчить себе победу над своим основным противником внутри Китая – Гоминьданом.

Однако начавшаяся война не была легкой для вьетнамцев. Франция в условиях начала распада колониальных империй, в отличие от Англии, которая предпочитала почетно уйти из колоний, приняла ошибочную позицию, пытаясь удержать заморские территории во что бы то ни стало, не считаясь ни с какими потерями.

Легиону, завоевавшему Индокитай в конце XIX века, и предстояло воспрепятствовать вьетнамцам обрести независимость. Новая война во Франции, не успевшей оправиться от нацистского погрома, была очень непопулярной и получила название «грязной». Индокитай был чем-то очень далеким от Франции и ее проблем – а тут для его удержания потребовались огромные средства и кровь солдат. Поэтому с каждым месяцем ширились демонстрации протеста против этой войны, организованные во многом на деньги коммунистов и при непосредственном участии Французской компартии. К концу войны число их участников доходило до нескольких миллионов. Сами французские части, за небольшими исключениями, не проявляли большой готовности драться, и потому командование с надеждой смотрело на 20-тысячную группировку Легиона.

Какова же была жизнь Легиона в это время?

Нисколько не легче, а даже во многом и тяжелее, чем раньше. Еще несколько лет назад попасть на службу в Индокитай мечтал любой легионер. Из-за сравнительно высокого, по сравнению с Алжиром, жалованья и хороших условий службы – здесь было тихо, и почти совсем не стреляли, а местные женщины с радостью раздвигали ноги перед любым белым. Служили здесь преимущественно те счастливчики, чей срок службы по контракту приближался к концу, и вообще легионеры с большими сроками службы. Традиционно между представителями разных национальностей происходили стычки, переходящие в драки. Особенно часто они происходили между немцами, с одной стороны, и поляками и чехами, с другой (Фабера Мирослав, Пикса Камил. Черный батальон. М., 1960. С.13.).

В число офицеров входили не только французы, но и немцы, например, лейтенант легиона и бывший эсэсовец Вольф (Там же. С.41.), а также голландцы, например, лейтенант Кетом, убитый в одном из боев при нападении на пост (Там же. С.54.).

День в Легионе на постах тогда начинался так: «Раздавался гулкий звук гонга – удар по рельсу. Это – побудка. Радио передает парижскую программу» (Там же. С.17.). Из-за тяжелых и опасных условий службы случаи дезертирства были нередки. Но они затруднялись тем, что выйти из поста в джунглях без карты означало обречь себя на верную смерть, заблудившись в чащобах или попав под пулю вьетнамского снайпера. Поэтому те, кто решил бежать из Легиона, любыми правдами и неправдами пытались добыть карту местности Там же. С.21.). Уже сами такие попытки приобретения карт расценивались как приготовления к дезертирству, и виновные избивались. При этом не исключалось, что они могут быть расстреляны. Но это не останавливало тех, кто решил избавиться от такой службы, примером чему может служить описываемый Фаберой и Пикса факт кражи легионерами Грейхардом Рихтером и Тадеушем Ковальским карты и убийство сержанта Шторха при попытке их ареста.

Особенно тяжело легионеры из европейских стран переносили местную жару и многочисленных ядовитых змей (Там же. С.23.). Когда изредка выдавалось

свободное время, легионеры его проводили в играх. Самыми распространенными из них были даже не карты, а «веревочки» и кости (Там же. С.23–24.). Разумеется, играли на деньги или на вьетнамские драгоценности, захваченные при зачистках местных деревень. Так, Фабера и Пикса описывают момент, когда легионеры грабят жителей захваченной вьетнамской деревни – с девушки срывают серебряную цепочку с медальоном, а у пожилой женщины отбирают браслеты (Там же. С.38.). В таких играх участвовали не только рядовые легионеры, но и сержанты. При этом со слов легионеров-чехов Фабера и Пикса описывают случай, когда бывший эсэсовец, сержант, немец по национальности Шторх, проигрывает хорошему игроку легионеру Джалеру золотую статуэтку, добытую им, по всей видимости, при «зачистке» какого-то вьетнамского храма. Однако, как известно, ворованное золото счастья не приносит никому, и этот выигрыш сослужил Джалеру плохую службу: во время одного из боев, когда вьетнамцы напали на пост, а легионеры их контратаковали в джунглях, Шторх убил его, тяжелораненого, ударом кинжала в спину. В свою очередь, когда Шторх был убит, его труп был ограблен его же недавними сослуживцами (Фабера М., Пикса К. Черный батальон. М., 1960. С.24, 34, 44, 77).

Следует сказать про особенно популярную у легионеров колониальную игру в «веревочки». Состояла она в том, что 2 легионера брали в руки веревки, к которым привязывались пробки. Другой легионер коробкой или банкой из-под консервов пытался их накрыть. Те легионеры, которые держали в руках веревки, должны были вовремя их отдернуть, чтобы не дать легионеру с коробкой или банкой накрыть пробки. Игра была интересна психологическим моментом – легионер с коробкой или банкой временами лишь делал вид, что хочет накрыть пробки. Если игроки с пробками не разгадают обман и отдернут веревки, платят штраф в пользу «ловца». Штраф в его пользу они платят и в том случае, если он накроет их пробки коробкой или банкой. В свою очередь, «ловец» платит, если «держатели» пробок успеют вовремя отдернуть в нужное время веревки.

Однако на постах развлечения легионерам выпадали редко. Чаще – беспокойная служба и стычки с ловким и беспощадным противником, постоянно тревожащим форты. В ответ легионеры прочесывали местность и совершали рейды в нелояльные французам районы (Там же. С.34.). В таких операциях иногда потери доходили до 50 %. В ответ легионеры сжигали вьетнамские деревни и расстреливали их жителей и пленных (Там же. С.63.).

Фабера и Пикса приводят удивительную историю о том, как в одно подразделение попали служить, не зная друг о друге, легионер Вацлав Малый и бывший эсэсовец, лейтенант легиона Вольф, убивший семью Малого, замешанную в подполье во время Второй мировой войны. В одном неудачном для легионеров затерянного в джунглях поста бою его гарнизон попал под убийственный огонь вьетнамских снайперов. Они безжалостно уничтожали спасающихся бегством противников, как куропаток. Одна пуля досталась лейтенанту Вольфу. Пробегавший мимо тяжелораненого командира Вацлав Малый, рискуя жизнью, взвалил его на плечи и пробился с ним через кольцо вьетнамцев. Наградой для него стало то, что убийца семьи Вацлава Малого сделал его своим денщиком. Однако, когда он ушел из казармы, чтобы поселиться на квартире Вольфа, он почувствовал, что отношение к нему рядовых легионеров резко ухудшилось. Денщиков в Легионе не любили, считая, что так выслужиться перед офицером можно разными неправдами, в том числе «закладыванием сослуживцев». Когда раскрылось, кем являлся во время Второй мировой войны Вольф, лейтенант пытается объяснить своему денщику, что он действовал, как солдат. Вольф не стал устранять Малого «закулисным способом» – вместе они отправились в джунгли, где были в равных условиях. Но чуда не случилось – опытный Вольф убил молодого Малого... (см. Фабера М., Пикса К. Черный батальон. М., 1960. С.81.)

Среди легионеров во Вьетнаме немцев было особенно много – дело даже не в том, что их туда рванули многие тысячи после Второй мировой войны. Еще раньше Гитлер наводнил это подразделение своими агентами в надежде таким способом прибрать его к рукам, а заодно и все французские колонии (Петров М. Шагай или погибнешь! (О судьбе немцев – солдат Иностранного легиона во Вьетнаме).// «Красная звезда». 1954. 14 мая.).

Так, по французским данным, только в битве за Дьен-Бьен-Фу участвовало 1600 немцев, что составляло 40 % от общей численности легионеров, участвовавших в этом сражении (Змитренко В. Судьба немцев-легионеров в Индокитае. // «Красная звезда», 1954. 11 июня.). В то же время, по данным журнала «Кепи Блан», только число демобилизованных за 1948–1950 гг. немцев составило 50 тысяч человек.

Рядовой легионер тогда получал довольно приличную сумму: каждый месяц его жалованье составляло тогда 1800 франков, или 23 западногерманские марки, кроме того, при вступлении в Легион ему выдавалось пособие в размере 18 400 франков, или 235 западногерманских марок (Петров М. Шагай или погибнешь! (О судьбе немцев – солдат Иностранного легиона во Вьетнаме).// «Красная звезда», 1954. 14 мая.).

В то же время вербовщики получали намного более крупные суммы: ежемесячно им выплачивалось 39 тысяч франков, или 500 западногерманских марок, кроме того, за каждого завербованного в Легион «охотника за черепами» полагалось 2340 франков, или 30 западногерманских марок (Змитренко В. Судьба немцев-легионеров в Индокитае. // «Красная звезда». 1954. 11 июня.).

Считается, что война официально началась в 1946 г. Но первые столкновения между повстанцами и легионерами на постах, когда наемники заново занимали вверенную им территорию, произошли уже осенью 1945 г. Постепенно война набирала обороты. Если в 1946 г. легионеры вступали с вьетнамцами лишь в отдельные столкновения, то в 1947 г. положение во Вьетнаме резко обострилось. Конфликт провоцировали не только советские коммунисты, но и события в соседнем Китае, где также постепенно устанавливалась коммунистическая идеология. Еще больше положение ухудшилось, когда китайские коммунисты вышли на отдельных направлениях к вьетнамской границе. Перед французским командованием тогда встала задача надежно блокировать северный Вьетнам для прекращения потока оружия и добровольцев из «Поднебесной». Командующий французскими войсками генерал Валлюи, слывший талантливым организатором, в сентябре 1947 г. заявил о том, что покончит с вьетнамским сопротивлением за 3 месяца. Он разработал план под кодовым названием «LEA» по уничтожению крупной группировки вьетнамцев на севере страны, в районе Вьет-Бака. План Валлюи сводился к комбинированному удару воздушного десанта двух батальонов легионеров общей численностью 1100 человек, амфибийных и сухопутных сил. Объектом атаки служила доселе никому не известная деревенька Бак-Кан, где базировался штаб коммунистического восстания во главе с лидером вьетнамских коммунистов Хо Ши Мином и командующим армией генералом Нгуен Вон Зиапом. Главная роль в предстоящей операции принадлежала легионерам-парашютистам, которым поручался захват лидеров коммунистов в плен. Действия прочих сил носили вспомогательный характер – они должны были блокировать район операции.

Операция началась 7 октября 1947 г. выброской десанта легионеров на деревню Бак-Кан и ее окрестности. Для Зиапа и Хо Ши Мина, еще не знакомых на практике с действиями десанта, этот день едва не стал последним в их карьере. По словам американских военных экспертов, «французы (легионеры) были невероятно близки к цели». Зиап и Хо Ши Мин ожидали чего угодно, но не того, что их злейшие враги – легионеры начнут падать им на головы с неба. Когда в безоблачном небе стали раскрываться парашюты, они преспокойно сидели в своей штаб-квартире. Район был глухой и труднопроходимый, так что противника совершенно не ждали.

Их охрана также расслабилась, что едва не привело к пленению двух главных вьетнамских коммунистов. Услышав подозрительный шум на улице, вьетнамские вожди выглянули наружу и к своему ужасу увидели, что Бак-Кан буквально кишит легионерами. Но они не были бы азиатами, если бы не предусмотрели на «неожиданный случай» вырыть здесь же, в хижине, схрон. Схрон этот был сделан не столько от французов, сколько от конкурентов по борьбе против «империализма». Ошибкой легионеров было то, что они перестреляли схватившихся за оружие вьетнамцев из охраны Хо и Зиапа, никого из них не допросив. Между тем лидеры вьетнамского коммунизма с замиранием сердца слушали, как над их головами грохочут легионерские ботинки. Схрон был настолько хорошо замаскирован, что обыск ничего не дал, хотя легионеры знали, что Зиап и Хо где-то рядом – на столе лежали их важные бумаги, рядом была свежая нетронутая еда (Filipp B. Davidson. Indochina wars. (1946–1975). New-York, 1980. P.60.). Будь у легионеров хотя бы одна собака, возможно, история Вьетнама пошла бы другим путем. Но, как известно, всего не предусмотришь. Собак у легионеров не было, и коммунистические лидеры, подобно угрю, выскользнули из их рук.

Успешная высадка десанта легионеров стала пиком достижений французской армии во время их октябрьского наступления. Но сумевшие выбраться из ловушки Зиап и Хо взяли ситуацию под контроль, и десантники сами оказались в западне, окруженные превосходящими силами противника. Теперь они уже сражались не столько за победу, сколько за собственную жизнь. Шедшие им на помощь сухопутные войска увязли, оказавшись в условиях полного бездорожья. Для спасения легионеров им надо было пройти 220 километров. Ситуация осложнялась тем, что амфибийная группа «отставала» от графика, постоянно садясь на мели из-за падения уровня рек, и к сроку речной десант опоздал. Каждый километр вьетнамцы уступали с боем, не желая отпускать врагов живыми из окружения. Но все же 16 октября 1947 г. легионеры были деблокированы. Соединившись 19 октября того же года с группой амфибийных сил, легионеры пробились на юг, так и не достигнув цели (Filipp B. Davidson. Indochina wars. (1946–1975). New-York, 1980. P.61–62.).

Известный французский генерал Леклерк, анализируя происходящие события, заявил, что вьетнамскую проблему надо разрешать политическим путем. В то же время он отмечал, что победа во Вьетнаме возможна при условии, если французы здесь сосредоточат группировку численностью не менее 500 тысяч человек. Успешные действия французских войск тогда сильно осложняли политики, которые одной рукой давали деньги на военные операции, требуя радикальных мер против повстанцев, а другой рукой их отнимали, что не давало возможности для дорогостоящей переброски сюда требуемого количества войск.

Несмотря на эскалацию конфликта, далеко не все подразделения Легиона были брошены в бой во Вьетнаме. Значительная часть сил Французского иностранного легиона продолжала оставаться в Северной Африке, например, 1-й Иностранный полк, поскольку год от года и там становилось неспокойно.

Настоящим бичом для французов стали постоянные смены лиц высшего командования, в то время как у вьетнамцев Зиап был неизменной фигурой на своем месте. На протяжении 1948–1949 гг. вьетнамцы только готовились к решающим боям, регулярно тревожа противника беспокоящими партизанскими действиями. Французы же потратили этот срок на своеобразную «мышиную возню», обсуждая возможность создания союзной марионеточной армии из вьетнамцев и политического диалога с Хо Ши Мином. Пришедший в 1948 г. на смену Валлюи генерал Блэзо знал о сосредоточении крупных сил противника на севере Вьетнама у приграничных фортов, закрывающих путь в глубь страны. Он видел невозможность эффективной борьбы против вьетнамцев в тех условиях и предложил спасти их гарнизоны, состоящие в основном из легионеров, эвакуировав их, пока еще не поздно.

В самом деле, положение этих гарнизонов было отвратительным: многие из них были блокированы противником в труднодоступной местности. Доставлять туда необходимые грузы становилось все труднее. Жизнь на этих фортах мало отличалась от жизни осажденной и ждущей своего неотвратимого падения крепости. Своего предназначения они, удаленные друг от друга на значительное расстояние при колоссальном превосходстве противника, выполнять не могли. Их эвакуация тогда была самым разумным предложением.

Но о замыслах Блэзо узнали недоброжелатели и раззвонили о том, что-де «негодяй Блэзо» хочет отдать Индокитай в руки коммунистов. Заменивший его в 1949 г. генерал Карпантье стал проводить более активную «военную» политику. Поставленный им во главу всех боевых операций генерал Алессандри начал успешные боевые действия против повстанцев. Его тактика сводилась к оккупации партизанских районов большими силами войск и последующему их удержанию, а не уходу, как раньше, куда повстанцы немедленно возвращались. «На острие удара» в таких операциях были легионеры. Но для успешного проведения этой операции по всей стране не хватало одного – нужного для этого числа войск. Тем не менее французы заняли наиболее важные для партизан районы, откуда те получали рис. Алессандри таким образом заставил армию Зиапа заметно сократиться из-за нехватки продовольствия (Filipp B. Davidson. Indochina wars (1946–1975). New-York, 1980. P.83–84.).

В то же время, получив в 1950 г. большую помощь от китайских товарищей, которые теперь прочно укоренились в «Поднебесной», Зиап решил перейти в наступление и начать активные боевые действия с ликвидации приграничных с Китаем фортов. Еще в 1949 г. Зиап провел на «обучающие нападения» приграничные форты, во время которых он не только учил вьетнамцев атаковать укрепленные объекты, но и изучал действия легионеров при обороне.

Начали вьетнамцы в феврале 1950 г. с района Као-Банг, где располагались легионерские форты-посты – Донг-Ке, Тат-Ке, Нгья-До и Фо-Лу. В каждом из них находилось от роты до батальона легионеров. Выдвинутая против них 308-я пехотная дивизия насчитывала 12 тысяч бойцов с 4 батареями 120-мм минометов. Сначала нападению подвергся более слабый деревянный форт Фо-Лу, находящийся в густых джунглях и обороняемый ротой легионеров из 150 человек. Накатившаяся на него вьетнамская «волна» превышала защитников этого укрепления примерно в 40 раз. Не зная реальных сил противника, французское командование посчитало, что вьетнамцев немного, и на помощь его гибнущим защитникам была высажена лишь парашютная рота легионеров. Вьетнамцы навалились на них со всех сторон, предвкушая легкую и скорую победу. Казалось, еще немного – и горстке легионеров конец. Но неожиданно для легионеров помощь им пришла с неба: налетевшее на вьетнамцев звено штурмовиков обрушило на них бомбы, использовав которые, они стали поливать противника метким пулеметно-пушечным огнем, прижав его к земле. Не успели утихнуть взрывы, как легионеры пошли на прорыв вражеского окружения, которое они благополучно преодолели (см. Ibid. P.88.).

О том, насколько было тяжело положение окруженной группы, свидетельствует тот факт, что в этом бою легионеры не смогли забрать с собой трупы своих погибших товарищей, чего во Французском иностранном легионе почти не случается. Это дало повод Карпантье, пославшему роту легионеров на гибель, незаслуженно обвинить ее командира, лейтенанта Плане, в трусости. В защиту лейтенанта надо сказать, что если бы он занялся вместо прорыва сбором трупов, то точно такими же трупами стали бы все его бойцы с остатками гарнизона форта.

Следующему удару подвергся гарнизон форта Нгья-До. От полного уничтожения защитников этого форта спасла высадка батальона и отдельной роты легионеров-парашютистов. С их помощью форт и был относительно благополучно эвакуирован.

Однако гарнизону более хорошо укрепленного форта Донг-Ке повезло меньше. Обложившая его 25 мая 1950 г. со всех сторон часть 308-й пехотной дивизии Вьетнама из 5 батальонов общей численностью 5 тысяч человек начала с окрестных холмов мощную двухдневную артиллерийскую подготовку. После этого, 27 мая, вьетнамцы пошли на штурм Донг-Ке, превращенного непрерывным обстрелом в руины. Они ворвались туда, но ожесточенный бой с уцелевшими в этом кромешном аду легионерами продолжался еще два дня (Filipp B. Davidson. Indochina wars (1946–1975). New-York, 1980. P.88–89.). Скупые данные вьетнамских источников говорят, что «империалисты, чувствуя неотвратимое возмездие в ответ на творимое ими во Вьетнаме зло, оказывали остервенелое сопротивление, но были в конце концов сметены волной народного гнева». Когда 28 мая пал последний легионер из защищавшего этот форт батальона, на головы вьетнамцев, занятых мародерством, когда прояснилось после непрерывных дождей небо, посыпались десантники из 3-го колониального парашютного батальона. Противник был застигнут врасплох. Завязалась ожесточенная рукопашная схватка. Вьетнамцы, измотанные шестидневным боем, несмотря на свое огромное численное превосходство, потеряв 300 человек, бежали. Выяснилось, что из всего батальона легионеров уцелело лишь около ста человек. Они во время боя смогли прорваться за пределы форта и были выручены «колонистами».

Зиап не ограничился этими победами и стал готовить ликвидацию соседних фортов. Его солдаты, одержав первые значимые победы над противником, испытывали невиданный подъем. Французское командование не знало, что делать с остающимися гарнизонами – опыт недавних боев показал, что дальнейшее их пребывание равносильно гибели. К тому же это было весьма накладно. Но в то же время вывод гарнизонов фортов из джунглей был затруднен – очень не хотелось бросать находящиеся здесь крупные запасы военного имущества.

Пока французское командование во главе с Карпантье предавалось тягостным раздумьям по этому вопросу, Зиап напал на отбитый у него форт Донг-Ке, который обороняли 5-я и 6-я роты 3-го Иностранного полка легиона с 2 орудиями калибра 57 и 105-мм. Против 300 легионеров вьетнамцы выставили 5 тысяч своих бойцов, поддержанных орудиями и минометами. Бой начался 16 сентября на рассвете с артиллерийской дуэли. Когда 17 сентября вьетнамцы заставили пушки легионеров умолкнуть, под прикрытием тумана волна за волной они двинулись на штурм укреплений. Несмотря на колоссальное превосходство вьетнамцев, они целый день не могли сломить сопротивление легионеров, которые, встретив противника плотным ружейно-пулеметным огнем, схватились с ним в яростной рукопашной схватке. О том, насколько ожесточенным было сопротивление легионеров, говорит тот факт, что в ночь на 18 сентября западные укрепления Донг-Ке, где сгруппировались его последние защитники, переходил восемь раз из рук в руки. Сами вьетнамцы упоминали в своих сводках, что противник, зная свою обреченность, постоянно контратаковал, врываясь в занятые ими укрепления, после чего вновь отбрасывался на исходные позиции. Когда в последний, 8-й раз, заняв западный блокгауз, легионеры «стали считать раны, товарищей считать», выяснилось, что в живых из них осталось 20 человек, на каждого из которых приходилось по 15 патронов. Было ясно, что на рассвете 9-я вьетнамская атака на западный блокгауз станет для них последней. Поэтому, несмотря на то что они были со всех сторон обложены, как волки, легионеры решились на отчаянный прорыв. Около 6 часов утра они ринулись в сторону джунглей, ясно осознавая, что шансов уцелеть у них почти нет. Однако эта атака сильно ошеломила вьетнамцев, и на мгновение они замешкались, чем воспользовались легионеры. В ходе скоротечного боя им удалось пробиться за пределы форта Донг-Ке. Во время боя и последующей погони вьетнамцев большая часть из легионеров была убита. До французского поста Тат-Ке, находящегося к югу от Донг-Ке, добрались несколько израненных изможденных людей, до конца

исполнивших свой долг (Edgar O Balance. The Indo-Chine War 1945–1954. A Study in Guerrilla Warfare. London, Faber and Faber. 1964. P.115–116.).

Наученные горьким опытом, на этот раз вьетнамцы не допустили в захваченном Донг-Ке беспорядков и грабежей, вновь ожидая десанта. Падение Донг-Ке сделало неотвратимым захват всей линии фортов у так называемой «трассы № 4», отрезанных от своих противником. Видя это, генерал Карпантье приказал начать их запоздалую эвакуацию (Lucien Bodard. The Quicksand War Prelude to Vietnam 1950 to the Present. Boston, 1967. P.204.). Для этого гарнизонам фортов, состоящим в основном из легионеров, приказали пробиваться к своим в условиях разрушенной дороги и колоссального превосходства противника, который, пользуясь идеальной для партизанской войны местностью, имел множество отличных возможностей для устройства засад. За глупость и недальновидность французского командования в 1949 г., когда еще была возможность почти безболезненно эвакуировать гарнизоны, легионерам в 1950 г. пришлось дорого платить своими жизнями.

Отвлекая внимание вьетнамцев от эвакуации уцелевших фортов, Карпантье решил овладеть постом Тай-Нгуен. Кроме того, этим он пытался добиться введения средств массовой информации в заблуждение: создавалась иллюзия, что французы не только сдают свои позиции, но и отбирают ранее утраченные. Относительный успех предстоящей операции мог быть обеспечен при условии сохранения ее секретности, но коммунисты имели своих агентов даже в штабе Карпантье, поэтому Зиап все знал заранее (Filipp B. Davidson. Indochina wars (1946–1975). New-York, 1980. P.94.). Это гарантировало, что эвакуация легионеров будет очень жаркой.

Вообще все действия французских войск и легионеров сильно затрудняла неразбериха в командовании – на поверку оказывалось, что почти никто не знал, кто кому реально подчиняется. В боях это становилось одной из главных причин неудач.

Сначала все шло у французов относительно удачно. В середине октября 1950 года, сосредоточив превосходящие силы, в которые вошли и несколько батальонов легионеров, у Тай-Нгуен, приблизительно в 75 километрах от Ханоя, то есть сравнительно рядом с крупными базами французов, силы Карпантье успешно овладели им. Потерь у легионеров при этом почти не было, хотя и пришлось им мокнуть все это время под проливными дождями, полмесяца не имея возможности даже просушиться.

Между тем сама эвакуация осажденных фортов продвигалась менее успешно. В тот день, когда Зиап уничтожал гарнизон легионеров в Донг-Ке, 16 сентября 1950 г., генерал Карпантье приказал полковнику Лепажу начать движение из поста Ланг-Сон к форту Тат-Ке. Большую часть его сил составляли мало боеспособные части из марокканских арабов. Из Тат-Ке он должен был двинуться к форту Донг-Ке, у которого его отряд должен был соединиться с эвакуированными гарнизонами постов Нам-Нанг и Као-Банг. Между Тат-Ке и Ланг-Сон расстояние составляло около 100 километров, но что это были за километры! Узкая дорога, которую нередко перечеркивали оползни и движение по которой сильно затрудняли взорванные мосты, стала настоящим адом для колонны Лепажа. Тем не менее, ведя тяжелые бои, через три дня Лепаж пробился к Тат-Ке. Здесь его ждал выброшенный накануне, 18 сентября, 1-й Иностранный парашютный батальон легионеров, первый состав которого почти исключительно состоял из немцев. Как свидетельствует американский эксперт Ф.Д. Дэвидсон, «это была ударная часть, которая могла бы стать для Лепажа и его отряда большим подспорьем. Однако элитные «пара» всегда с презрением относились к другим французским солдатам, не отличавшимся столь же высоким уровнем профессионализма. Немцы, по большей части бывшие эсэсовцы, с недоверием смотрели на североафриканцев из Ланг-Сона. Офицеры из 1-го Иностранного парашютного батальона быстро учуяли нерешительность Лепажа и поняли, что он – неуверенный в себе человек. Сделанное открытие их насторожило. Таким образом, посланные Лепажу подкрепления, вместо того чтобы усилить его

отряд, только еще больше ослабили его. Нет ничего более разрушительного для морального состояния подразделения, чем недоверие к командиру и презрение к части, бок о бок с которой предстоит окунуться в сражение» (Filipp B. Davidson. Indochina wars (1946–1975). New-York, 1980. P.96.).

В оправдание Лепажа стоит сказать, что он не был готов к роли начальника подобного отряда по причине того, что был артиллеристом, мало знакомым с тактикой пехоты, и просто больным человеком, которому было пора на покой, а не на проведение столь сложной операции. Кроме того, некомпетентность Лепажа объясняется и тем, что, несмотря на то что благодаря разведке коммунисты знали все о предстоящей операции, сам начальник отряда, которому поручалась эвакуация гарнизонов фортов, своей задачи не знал, получая лишь указания «двигаться туда-то».

Находясь в Тат-Ке и руководствуясь указаниями из штаба Карпантье «не давать солдатам расхолаживаться и не позволять мечам ржаветь в ножнах», Лепаж был вынужден проводить каждодневные рейды для «зачисток» в радиусе нескольких километров от форта. Это привело к еще большему падению морального духа среди солдат. Дело не только в больших потерях, которые они несли, всякий раз выходя за пределы форта. Такие рейды сильно изматывали физически. Кроме того, в результате таких рейдов отношения легионеров к марокканцам еще больше ухудшились. Однажды парашютисты скрытно подошли к застигнутой ими группе коммунистов и почти полностью уничтожили ее. В это время марокканцы прикрывали пути возможного отхода легионеров. Но они не выдержали удара другой группы вьетнамцев, которая подошла для выручки своих, и побежали. Легионеры оказались в результате в тяжелейшей ситуации – толпы вьетнамцев, подобно саранче, навалились на них со всех сторон, в том числе и с тыла, откуда их мало кто ждал, зная, что там находились марокканцы. И хотя парашютисты, проложив себе дорогу по вражеским трупам штыками и гранатами, все же вырвались с минимальными потерями, понятно, что данный эпизод не прибавил у них любви к арабам (Ibid. P.97.).

Между тем до Тат-Ке добрались несколько уцелевших легионеров из уничтоженного гарнизона Донг-Ке. Полковник Констан, узнав об этом, 30 сентября приказал Лепажу вновь отбить этот форт, находящийся всего в 18 километрах от Тат-Ке, ко 2 октября. Он совершенно не учитывал, что в условиях труднопроходимой местности и проливных дождей использовать авиацию и тяжелое вооружение Лепаж не мог, а численность противника значительно превышала его отряд. Обо всем этом несчастный командир доложил высшему командованию, но это никого не волновало.

Во второй половине дня 30 сентября 1950 г. Лепаж приказал трем батальонам марокканцев и батальону легионеров-парашютистов выступить на Донг-Ке. Сразу после этого он исповедовался и причастился, сказав своему другу: «Назад мы не вернемся» (Lucien Bodard. The Quicksand War Prelude to Vietnam 1950 to the Present. Boston, 1967. P.278.). Между тем, не встречая сопротивления, в 5 часов вечера, отряд Лепажа достиг высот у руин Донг-Ке. Из разрушенного форта вьетнамцы подвергли его силы мощному минометному обстрелу, отразив все попытки занять укрепления огнем из пулеметов. Тогда Лепаж отложил решающую атаку на 2 октября. Согласно его плану, марокканцы атаковали Донг-Ке с запада, а легионеры – с востока. Несмотря на все усилия, овладеть Донг-Ке из-за тяжелой для продвижения местности и превосходящих сил противника не удалось (Edgar O Balance. The Indo-Chine War 1945–1954. A Study in Guerrilla Warfare. London, Faber and Faber. 1964. P.115.).

В этот день Лепажу сбросили с самолета приказ, в котором ему наконец расшифровали смысл задачи. Поскольку овладеть Донг-Ке не удалось, ему было приказано двигаться в обход этого форта и вновь выйти на «трассу № 4» и соединиться 3 октября у Нам-Нанга с отрядом полковника Шартона из эвакуируемых

постов. Для этого отряду Лепажа надо было пройти через непроходимые джунгли, не имея проводников и карт местности. Запас еды и воды приходилось при этом нести на себе, что изматывало и без того дико уставший отряд. В то же время многотысячный противник, отлично знавший местность и ничем, кроме личного оружия, не отягощенный, поскольку для транспортировки продовольствия Зиап использовал многочисленных специальных носильщиков, находился в очень хороших условиях, которые гарантировали разгром Лепажа. Короче говоря, отряд Лепажа, в который входил лучший во французской армии парашютный батальон, отправляли на верную гибель.

О том, насколько было отчаянным положение отряда Лепажа вообще и легионеров-«пара», свидетельствует тот факт, что, узнав о полученном Лепажем приказе, генерал Алессандри сразу связался с Карпантье и, нарушая субординацию, сказал ему: «Отмените все. Если вы этого не сделаете, вы совершите преступление» (Lucien Bodard. The Quicksand War Prelude to Vietnam 1950 to the Present. Boston, 1967. P.282.). Но этот отчаянный призыв так и остался не услышанным. В ночь со 2-го на 3-е октября отряд Лепажа растворился в джунглях.

Что же делал в это время начальник гарнизонов осажденных фортов, полковник Шартон, старый, закаленный в боях легионер? В это время он, согласно плану Карпантье, должен был без всякого шума, «без труб и барабанов», выйти из форта Као-Банг по направлению к форту Нам-Нанг. Таким образом, он должен был бросить все имевшиеся здесь боеприпасы общим весом в 150 тонн и тяжелое вооружение, а говоря русским языком, просто подарить все это коммунистам. Шартон, сурово наказывавший своих подчиненных, если хотя бы одна винтовка оставлялась легионерами на поле боя, в этом случае должен был вручить вьетнамцам целый склад оружия и боеприпасов. Поэтому, чтобы не пасть в глазах своих людей, тем более накануне крайне тяжелой операции по прорыву к своим, он не выполнил такого приказа. Карпантье рассчитывал, что, уйдя «тихо», Шартон сможет обмануть вьетнамцев относительно точного времени начала операции по прорыву осажденных гарнизонов. Однако Шартон считал, что противник и так обо всем оповещен, и потому он одним мощным взрывом поднял на воздух все то, что не мог вывезти из Као-Банга. Этот взрыв просигналил Зиапу, что Шартон начинает прорыв из западни и надо поторопиться с уничтожением его отряда. Его отряд состоял из 1600 солдат, почти половину которых составлял 3-й батальон 3-го Иностранного пехотного полка Легиона, бывший главной силой группы Шартона. Остальными были марокканцы. С ними уходили все те, кому с установлением здесь власти коммунистов грозила расправа: около тысячи вооруженных местных вьетнамцев-националистов, местное гражданское население и проститутки, численность которых достигала 500 человек. Кроме того, колонну отягощали грузовики с двумя пушками и присоединившаяся колонна из женщин, раненых и детей. Поэтому движение колонны Шартона было не стремительным марш-броском, а замедленной эвакуацией, чем неизбежно должны были воспользоваться вьетнамцы-коммунисты. Поэтому даже выход колонны был замедленным: он произошел не в ночь со 2-го на 3-е октября, а к вечеру 3 октября. Тем не менее вначале все складывалось хорошо: 4 октября она благополучно достигла Нам-Нанга. Однако Лепажа там не было. В это время его отряд истекал кровью в неравном бою в джунглях к югу от Донг-Ке. Сведения об этом поступили Шартону радиосообщением из Ланг-Сона одновременно с приказом помочь Лепажу. Совершенно неожиданно роли поменялись: теперь уже Шартон должен был спасать отряд Лепажа, а не наоборот. Наткнувшись по дороге в Донг-Ке на крупные силы противника и выяснив, что этим путем ему к Лепажу не пробиться, Шартон взорвал пушки и грузовики, а также максимально облегчил ношу солдат. Он решил идти другим, почти никому не известным путем по тропе Куанг-Льет. По свидетельству американского эксперта Ф.Б. Дэвидсона, «Шартон был хорошим солдатом и потому немедленно приступил к выполнению приказа» (Filipp B. Davidson. Indochina wars

(1946–1975). New-York, 1980. P.99–100.). Следует отметить, что этим приказом отряд Шартона, перегруженный ранеными и гражданскими беженцами, потерявший, таким образом, свою мобильность, ставился под угрозу уничтожения.

Тем временем отряд Лепажа погибал в зеленом аду джунглей. Стоило ему только углубиться в них, как он был со всех сторон окружен и атакован многочисленным противником. Его бойцы превратились в стадо зверей, загнанных безжалостными охотниками. Наиболее крупная часть этого отряда во главе с едва способным двигаться из-за болезни Лепажем была оттеснена вьетнамцами в глубокое ущелье Кокс-Кса. Заняв соседние высоты, вьетнамцы безжалостно уничтожали своих противников. В это время способными оказывать активное сопротивление из всего его отряда остались легионеры-парашютисты. В отчаянии Лепаж приказал им в 3 часа утра 7 октября прорываться к Шартону, который уже был рядом. Как свидетельствуют источники, «неся серьезные потери, с беспримерным мужеством легионеры прорвались через кольцо вьетнамцев и вскоре после рассвета проложили путь команде Шартона» (Filipp B. Davidson. Indochina wars (1946–1975). New-York, 1980. P.100.).

Шартон, после долгих поисков нужной тропы, наконец с помощью союзных ему туземцев с большим трудом отыскал ее. Однако вскоре она стала очень узкой и потом вовсе прервалась. Очень много времени и усилий потратили люди Шартона, чтобы пробиться через адскую зеленую стену джунглей. Подойдя ближе к месту боя отряда Лепажа, 7 октября колонна Шартона сама подверглась со всех сторон нападению противника. Ему предшествовал артиллерийский удар, после которого густые цепи противника, подобно саранче, налетели на отряд Шартона. Положение его с каждой минутой все больше ухудшалось. Дело в том, что, застигнутый врасплох нападением противника, Шартон поручил оборону ключевой высоты сподвижникам-туземцам, которые, не выдержав напора тысяч своих соплеменников, оставили ее. В панике побежали арабы-марокканцы. Положение спасли легионеры, которыми непосредственно командовал сам Шартон. Яростной контратакой они отбили высоту и продолжали драться, несмотря на увеличивавшиеся с каждой минутой боя потери. На время с их помощью Шартону удалось навести порядок среди туземцев и арабов. Но, как ни странно, гибель его отряду принесло прибытие к нему людей Лепажа. Нет, не легионеров-»пара» – они, пробившись к Шартону раньше, оказали ему огромную помощь, – а арабов. Они прибежали в отряд Шартона, охваченные паникой, которая снова охватила туземцев и марокканцев. По свидетельству источников, «только легионеры продолжали действовать, как эффективная боевая воинская часть, однако, их было очень мало» (Ibid. P.101.). Навалившиеся всеми силами на отряд вьетнамцы к утру 8 октября 1950 г. почти полностью его ликвидировали. Большая часть отряда была или убита, или попала в плен. В Тат-Ке прорвались лишь немногие из легионеров. Этому порыву способствовала высадка недалеко от этого форта 6 октября 3-го колониального парашютного батальона, который не только отвлек на себя часть сил коммунистов, но и смог пробиться к остаткам отрядов Лепажа и Шартона. Уже в Тат-Ке выяснилось, что из состава 1-го Иностранного парашютного батальона Легиона осталось лишь 10 % его личного состава, или 55 человек, из которых только пятеро были не ранены. Смертью героя пал в последнем бою его командир, капитан Сегретэн. Воссоздан был этот батальон лишь 18 марта 1951 г. в составе 3 рот – 2 европейских и 1 вьетнамской. Немногим больше осталось и от 3-го батальона 3-го Иностранного пехотного полка Легиона. Эти бои сильно повлияли на их психику. Нужно было время, чтобы вернуть этим людям их прежнюю боеспособность.

Как свидетельствовали те, кто встретил их в Тат-Ке, «вид их был такой, как будто они убежали со Страшного суда». Тем временем, ошеломленный разгромом двух крупных отрядов, Карпантье отдал приказ эвакуировать, пока не поздно, гарнизон Тат-Ке и других приграничных фортов. Тат-Ке был оставлен 10 октября, но

мучения для тех легионеров, кто выжил в страшных боях 2–8 октября, не кончились. Почти с самого начала выхода колонны из Тат-Ке на Ланг-Сон она подвергалась непрерывным нападениям противника, который наносил ей тяжелые потери и уничтожал целые отряды отстававших. Потери были страшными, почти стопроцентными. Из той группы, которая уцелела в боях 2–8 октября, до Ланг-Сона дошли лишь единицы (Filipp B. Davidson. Indochina wars (1946–1975). New-York, 1980. P.101.).

Сразу после этого спешно эвакуировали Ланг-Сон, что больше походило на паническое бегство, при котором противнику были оставлены огромные запасы обмундирования и вооружения, включая артиллерию, транспорт, более 12 тысяч винтовок и автоматов и другое имущество. Этих запасов Зиапу хватило надолго. Находившихся здесь легионеров удалось вывезти из западни. Однако, если оценивать кампанию 1950 г., то для Легиона она была крайне тяжелым испытанием, а для французских войск в целом – почти катастрофической. Из 10 тысяч защитников приграничных постов с Китаем, почти половину которых составляли легионеры, погибло 6 тысяч человек. И даже не это было главным. Важно было то, что за исключением сильно пострадавших легионеров французские войска потеряли боевой дух. Это вызвало замену Карпантье в декабре 1950 г. на талантливого генерала де Латтра, который смог буквально за считаные недели изменить настрой войск в нужную сторону (Bernard B. Fall. Street Without Joy. Harrison, 1967. P.28.).

Благодаря де Латтру французы и легионеры успешно отбили атаки вьетнамцев на Ханой в декабре 1950 г. на северных от города постах. Это стало возможным по причине того, что генерал Зиап поторопился со взятием Ханоя. Его предупреждал об этом более умудренный опытом Хо Ши Мин: «Давайте-ка не будем недооценивать врага. Нам предстоит одержать победы еще во многих битвах, прежде чем мы сможем перейти к всеобщему контрнаступлению» (Ho Chi Minh. On Revolution. New-York, 1967. P.Pp.203–205.).

Но это предостережение не было услышано Зиапом.

В январе 1951 г. он предпринял атаки на французов при Виен-Ен, которые едва не кончились для них катастрофой: с его падением в западне оказались бы неизбежно многие сотни и тысячи легионеров на постах к западу от Ханоя. Ситуация катастрофы 1950 г. на приграничных постах грозила повторением в январе 1951 г. Вьетнамцам удалось, пользуясь карстовыми пустотами, скрытно подтянуть к Виен-Ену крупные силы и неожиданно напасть. Казалось, еще немного, и катастрофа необратима. Но де Латтр, в отличие от Карпантье, был более решительным командиром и в считаные часы перебросил в Северный Вьетнам по воздуху подкрепления, в том числе и легионеров. Эти силы остановили противника. Тогда де Латтр сконцентрировал всю имевшуюся у него авиацию, включая и транспортную, в кулак для нанесения по противнику мощного удара бомбами особой мощности и напалмом. Выжигаемые напалмом, как саранча, вьетнамцы обратились в паническое бегство, усиленное контрударами легионеров (Filipp B. Davidson. Indochina wars (1946–1975). New-York, 1980. P.120.).

Сразу после этого де Латтр приступил к созданию мощной оборонительной линии из 1200 укрепленных постов, названной его именем. На многих из этих постов расположились легионеры. Служба на них мало чем отличалась от изматывающей службы на приграничных постах – те же ежедневные стычки с упорным противником, не обходившиеся без потерь. Правда, теперь помощь была рядом и всюду чувствовалась жесткая рука нового командующего, знавшего не понаслышке, еще с войны против рифов, что такое легионеры, бывшие для него предметом особого внимания как к самой надежной части (Ibid. P.121.).

Две последующие попытки Зиапа прорваться к Ханою – у Мао-Ке в марте и на реке Дай в мае–июне 1951 г., также кончились для вьетнамцев неудачей. Всего за первую половину 1951 г. вьетнамцы потеряли не менее 20 тысяч человек и были

вынуждены пережидать, восстанавливая силы. Огромную роль в срыве всех этих операций сыграл Легион. Между тем положение французов было очень тяжелым – бои шли менее чем в 30 километрах от Ханоя, кроме того, два полка коммунистов смогли просочиться мелкими группами в тыл, и потребовались крупные силы для их нейтрализации. Однако с помощью авиации, флота и ополчения аборигенов-католиков и новых подкреплений, включая батальоны Легиона из Южного Вьетнама, коммунистов удалось разбить (Edgar O Balance. The Indo-Chine War 1945–1954. A Study in Guerrilla Warfare. London, Faber and Faber. 1964. P.138; Robert J.O'Neill. General Giap, Politician and Strategist. New-York, 1969. P.99.).

Но, несмотря на то что вьетнамцы были сильно потрепаны и по их боевому духу был нанесен сильный удар, у французов не было необходимых сил для перехода в решительное наступление.

Оправившийся от неудач первой половины 1951 г. Зиап нанес новый удар в ночь со 2-го на 3-е октября по столице вьетнамских тайцев Нгья-Ло, находящейся в 150 километрах от Ханоя. Он выбрал это время не случайно: больной раком де Латтр тогда вылетал в Париж, и его заменил генерал Салан. Это не помешало отражению нового неожиданного удара, и в ночь с 3-го на 4-е октября в Нгья-Ло были высажены 3 парашютных батальона, в том числе легионеров – 2-й Иностранный. Эти подкрепления отбили все атаки врага и отбросили его за Красную реку (Ibid. P.137.).

Новая победа заставила французов перейти в наступление. С этой целью де Латтр распорядился высадить воздушный десант для захвата города Хоа-Бинь, столицы народности муонг, лояльной французам. Кроме того, обладание этим пунктом позволяло контролировать вьетнамские коммуникации, по которым коммунисты доставляли продовольствие и воинские грузы. Парашютный десант, в который входили и легионеры, 14 ноября 1951 г. приземлился на летном поле у Хоа-Бинь и, почти не встречая сопротивления, овладел им. После этого также почти без сопротивления они овладели городом и его окрестностями. В дело вступили сухопутные и амфибийные войска французов, и они также успешно заняли значительный по площади район к западу от Ханоя.

Однако 20 ноября 1951 г. командование перешло от умирающего от рака генерала де Латтра к генералу Салану. Салан, по оценкам как зарубежных, так и французских экспертов, был неплохим командующим, но неожиданная смена высшей военной власти не могла не отразиться на всей операции в худшую сторону.

В этот момент Зиап начал широкомасштабное контрнаступление вдоль колониальной трассы № 6 и по Черной реке, где французы оборудовали множество укрепленных постов, гарнизоны которых, как всегда, в основном состояли из легионеров. Как всегда, внезапной массированной атакой вьетнамцы «затопляли» противника, не считаясь с потерями. В этих боях обе стороны несли огромные потери. Так, 8 января 1952 г. Зиап атаковал силами 88-го полка 308-й пехотной дивизии пост легионеров Ксом-Фео, обороняемый частями 13-й полубригады: штабной ротой и 6-й ротой 2-го батальона той же полубригады. После ожесточенного боя вьетнамцы овладели Ксом-Фео, почти полностью уничтожив его гарнизон, потеряв при этом только убитыми не менее 700 человек (Filipp B. Davidson. Indochina wars (1946–1975). New-York, 1980. P.142.).

Таким образом, к середине января 1952 г. вьетнамцы смогли, сокрушив французские посты и сильно потрепав легионеров, прервать сообщение Хоа-Бинь с другими французскими постами. Сосредоточив крупные средства ПВО на господствующих у Хоа-Бинь высотах, вьетнамцы сильно затруднили снабжение его гарнизона по воздуху.

Чтобы возобновить сообщение с Хоа-Бинь, Салан приказал не только занять колониальную дорогу № 6, которая на деле представляла собой узкую тропу, но и очистить ее от прилегающих к ней зарослей, в которых вьетнамцы устраивали регулярно засады. С 18 по 29 января 1952 г. легионеры поливали кровью и потом

40-километровый участок дороги, пока до Салана не дошло, что операция проиграна и необходимо спасать гарнизон Хоа-Бинь. Неожиданно для Зиапа, 22 февраля 1952 г. в 19 часов вечера Салан начал эвакуацию Хоа-Бинь в ходе операции под кодовым названием «Амаранф». Согласно его плану, она осуществлялась методом «лягушачьих прыжков», т.е. одна группа удерживала какую-нибудь ключевую точку, например, перевал или мост, обеспечивая отход остальных. Потом эту группу сменяла другая, и т.д., пока все войска не отходили за «линию де Латтра» (Ibid, P.143.). Чтобы ее провести, Салан бросил в бой все резервы и всю авиацию.

Гарнизон Хоа-Бинь, отягощенный тысячью гражданских беженцев-муонгов, беспрепятственно перешел Черную реку. Переправу прикрывал 1-й батальон 5-го Иностранного полка легионеров, который отходил последним из всех войск. Зиап смог нанести удар лишь утром 23 февраля, когда его бойцы попытались захватить вновь отбитый у них пост Ксом-Фео, обороняемый 3-м батальоном 13-й полубригады Легиона, главным образом, его 12-й ротой. Легионеры ценой гибели значительной части роты с успехом справились с приказом по удержанию этого пункта, пока не пройдут все эвакуируемые. Во время этого неравного боя рота потеряла своего командира, капитана Жилль-Нав, и еще 17 человек убитыми, 20 пропавшими без вести и 56 раненными. Отбиваясь от наседавшего противника, они стали отходить по колониальной трассе № 6 к перевалу Кем. В тот же день легионеры пробились туда и сменили французов. На следующий день, 24 февраля 1952 г., они, последними прорвались к линии де Латтра в Ксюан-Мае. Несмотря на активную поддержку авиации и артиллерии, французы в общей сложности потеряли 5 тысяч человек во время этой операции (Filipp B. Davidson. Indochina wars (1946–1975). New-York, 1980. P.143.). В это число вошли и потери легионеров. Потери вьетнамцев были на порядок выше. Несмотря на то что обе стороны приписывали победу себе, само собой, победили вьетнамцы, вынудившие противника эвакуировать Хоа-Бинь. Но не будь здесь у французов легионеров, исход операции для них был бы более плачевным.

До октября 1952 г. боевые действия в Индокитае приняли форму отдельных партизанских операций, проводимых с переменным успехом для обеих сторон. В это время Зиап готовился к решающей схватке. Проанализировав ситуацию, он пришел к выводу, что район линии де Латтра является практически неприступным из-за его мощных укреплений и поддержки авиации и флота. В то же время у французов были и слабые места – например, удаленные от баз флота и авиации районы, где жили союзные французам народности вроде католиков, лаосцев или тайцев.

Поэтому Зиап решил атаковать французские посты вдоль хребта Фан-Си-Пан между Черной и Красной реками и племенной центр тайцев Нгья-Ло. В октябре–ноябре 1952 г. коммунисты нанесли здесь неожиданный удар, захватив Нгья-Ло, ряд более мелких фортов и отрезав гарнизоны от легионеров других фортов (Ibid. P.150.).

Салан в ответ начал операцию «Лотарингия» против баз снабжения Зиапа в «источнике» мятежа – во Вьет-Баке, которая, по его замыслу, должна была отвлечь вьетнамцев от попавших в западню гарнизонов фортов. Важную роль в этой операции должен был играть Легион. Высадка десанта, после которой вступили в бой сухопутные и амфибийные силы, насчитывавшие в общей сложности 30 тысяч человек, привела к захвату в Фу-Доане 9 ноября 1952 г. вооружения и боеприпасов примерно на стрелковый полк. Однако главной целью Салана тогда был захват двух основных центров снабжения коммунистов – Туйен-Куанг и Йен-Бай. Вместо этого он ограничился лишь демонстрацией в отношении последнего, что ясно показало Зиапу, что движение всей этой огромной колонны – лишь отвлекающий трюк от фортов вдоль хребта Фан-Си-Пан. Теперь Зиап мог не беспокоиться за судьбу своих коммуникаций и продолжать свое наступление вдоль Фан-Си-Пан (Filipp B. Davidson. Indochina wars (1946–1975). New-York, 1980. P.154–155.).

Салан, отказавшись от решительных действий в направлении Туйен-Куанг и Йен-Бай, 14 ноября отдал приказ войскам, участвовавшим в «Лотарингии», отходить. Вначале было все нормально. Но 17 ноября у деревушки Чан-Муонг в узкой и тесной лощине длиной 4 километра между двумя поросшими джунглями холмами, идеально подходившей для засады, вьетнамцы устроили западню. Коммунисты поставили в засаду свой лучший полк – 36-й 308-й пехотной дивизии. На господствующих высотах вьетнамцы разместили артиллерию и минометы. Кроме того, несколько пушек были установлены в зарослях у дороги для стрельбы прямой наводкой. Колонна из легионеров и Индокитайского маршевого батальона двигалась без надлежащей разведки, и этим воспользовался противник (Ibid. P.156.).

Ранним утром, когда головные машины французов уже почти достигли выхода из лощины, вьетнамцы неожиданно ударили. Идущий впереди танк и несколько идущих следом грузовиков были уничтожены. Узкая дорога оказалась заблокированной. После этого вьетнамцы атаковали колонну на всем ее протяжении, бросившись на нее со всех сторон. Легионеры отвечали им огнем из придорожных канав и из грузовиков. Когда вьетнамцы оказались рядом с машинами, в ход пошли штыки, ножи и приклады винтовок и автоматов. Сначала легионеров и их союзников здорово прижали, и они несли большие потери в живой силе и технике, но потом они собрались с силами и контратаковали, отбросив вьетнамцев на исходные позиции. Полдень, когда в воздухе появились самолеты, принес перелом в сражении, и легионерам удалось быстро очистить от них Чан-Муонг. К 2 часам дня легионеры и Индокитайский батальон были окончательно приведены командирами в порядок и в половине четвертого вечера согласно выработанному тут же плану отправились на зачистку прилегающей к трассе территории. В отличие от Индокитайского батальона, легионеры, наступавшие на западной части дороги, быстро справились со своей задачей, уничтожив на месте сопротивлявшихся врагов и обратив в бегство менее устойчивых.

Таким образом, противник был разбит, но ценой больших потерь, хотя вьетнамцы продолжали наносить отступающей колонне удары. В результате проваленной операции, которая не выручила окруженные форты у Фан-Си-Пана, общие потери французов составили 1200 человек.

После этого Зиап усилил нажим на французские посты по Черной реке. В результате нескольких успешных захватов мелких постов он решил также легко овладеть фортом На-Сана. Однако здесь его подвела разведка: Зиап совершенно забыл, что в этом районе проживают враждебные ему тайцы, которые были лояльны французам. Они дали Зиапу сведения, что этот пост обороняют 5 слабых батальонов. В числе оборонявшихся французских частей здесь был 3-й батальон 3-го Иностранного полка Легиона. Но самоуверенный Зиап был наказан: атака силами одного полка 308-й пехотной дивизии 23 ноября 1952 г. была отбита с большим для вьетнамцев уроном. В бой был брошен еще один полк – и результат был таким же. Надо сказать, что бой за На-Сана был ожесточенным, и аванпосты несколько раз переходили из рук в руки. Отчаянная схватка развернулась прямо посреди проволочных заграждений. Но легионеры и другие, находящиеся здесь подразделения, устояли. Зиап, полагавший, что он без всякого труда сметет форты противника вдоль Фан-Си-Пан, теперь недоумевал о причинах неудач. Подтянув дополнительные силы, Зиап атаковал уже другим полком 30 ноября. Результат был прежним. Несмотря на то что в На-Сана выявилась значительная мощь французской артиллерии и авиации, кровавые уроки, полученные Зиапом в 1-й половине 1951 г., не пошли ему в прок, и он продолжал упорно слать людей на убой.

Зная его характер и то, что он непременно еще раз будет атаковать, французское командование в экстренном порядке перебросило в На-Сана в ночь с 1-го на 2-е декабря дополнительные силы, главными из которых были легионеры: 3-й

батальон 5-го Иностранного пехотного полка, 1-й и 2-й Иностранные парашютные батальоны.

Зиап также подтянул резервы и снова бросился в бой, сразу после высадки в На-Сана подкреплений, силами двух полков 308-й и одного 316-й пехотных дивизий. Несмотря на упорные атаки «живых волн», На-Сана стоял, как заколдованный. Вьетнамцы и в этот раз отступили от него, потеряв не менее 7 тысяч бойцов только убитыми и раненными (Filipp B. Davidson. Indochina wars (1946–1975). New-York, 1980. P.157.).

Только после этого Зиап отступил, чтобы «зализывать раны». Такой успех впоследствии сыграл с французами злую шутку, поскольку у командования родилась мысль создания подобной базы где-нибудь в тылу противника для нанесения по нему каждодневных ударов, которая скоро реализовалась в Дьен-Бьен-Фу.

Тогда Зиап понял, что успеха он может достичь, лишь заманивая французов в удобные для действий его войск места и нанося удары там, где противник их ждет менее всего. Поэтому в январе 1953 г. два отдельных полка коммунистических главных сил, 8-й и 95-й, нанесли неожиданный удар в Центральном Аннаме по форту Ан-Ке и городам Контум и Плейку к западу от него. Коммунистам при этом едва не удалось прервать сообщение с Южным Вьетнамом. Исход боев решила присылка в этот район подкреплений, парашютных батальонов, включая и легионеров, которые отбросили противника.

До апреля 1953 г. ситуация во Вьетнаме была более или менее спокойной по сравнению с предыдущим периодом, и война на непродолжительное время приняла вялотекущую форму.

Однако в апреле 1953 г. Зиап нанес неожиданный удар по лояльному французам Лаосу, являвшемуся тогда самой спокойной колонией из всех земель французского Индокитая. К концу месяца части коммунистов появились у столицы Лаоса Луанг-Прабанг. Генерал Салан не желал перебрасывать в Лаос дополнительные части и предполагал временно оставить этот город, но к его защите вынудил лаосский король, не пожелавший оттуда уезжать. Поэтому к концу апреля 1953 г. туда были переброшены подкрепления в виде трех батальонов марокканцев и легионеров с приданной им дополнительной артиллерией и необходимыми материалами для возведения обороны города.

Однако Зиап, ограничившись овладением Северным Лаосом и испытывая серьезные проблемы с продовольствием, не стал даже пытаться взять Луанг-Прабанг и отвел большую часть своих войск во Вьетнам.

В это время французские войска в очередной раз поразила «болезнь командования»: 21 мая 1953 г. генерал Салан был заменен на своем посту генералом Наварром. Между тем война продолжалась: вьетнамцы усилили партизанскую войну, не давая французам и легионерам покоя ни днем, ни ночью. Для того, чтобы снизить активность противника, Наварр предпринял операцию под кодовым названием «Ласточка», направленную на дестабилизацию положения Зиапа и подрыв его наступательных способностей. «Ласточке» предстояло спикировать на голову коммунистам, сильно клюнуть и улететь. Как видно уже из самого смысла операции, в ней должны были принять участие парашютисты. Конечно, без легионеров дело обойтись не могло. Поэтому 17 июля 1953 г. группа из трех парашютных батальонов, в состав которой входил 2-й Иностранный парашютный батальон Легиона, неожиданно для вьетнамцев спустилась в Ланг-Сон и Лок-Бинь. Там вьетнамцы, пользуясь паническим бегством французов оттуда в 1950 г., которое оставило в их распоряжении целехонькие склады, расширили их и превратили в базы для снабжения своих войск. Здесь легионеры обнаружили и уничтожили колоссальные запасы вооружения и горючего более чем в 5 тысяч тонн. Вслед за этим, пока враг не опомнился, парашютисты быстро отошли к морю, где их забрали на борт французские корабли. Это был один из немногих примеров прекрасного

планирования и исполнения акции (Filipp B. Davidson. Indochina wars (1946–1975). New-York, 1980. P.178.).

Вслед за этим легионеры приняли участие в операции под кодовым названием «Камарг», что обозначает болотистый прибрежный район у Марселя. В этой операции, начатой 28 июля 1953 г., у них была задача уничтожить отдельный 95-й полк главных сил коммунистов, сильно навредивший французам в Аннаме в районе шоссе № 1 и между городами Хюэ и Куанг-Три, в прибрежных солончаках, где свирепствовала партизанская война. Здесь действия французов были затруднены из-за враждебности местного населения и трудной местности. Противник пользовался здесь протяженными тоннелями, вырытыми для нанесения ударов и быстрого отхода, расставлял мины и разные хитроумные ловушки, наносившие и легионерам немалый урон. Несмотря на то что всего к операции было привлечено 30 батальонов, в начале августа 1953 г. она была прекращена после нескольких дней упорных поисков противника и стычек с ним. Уничтожение и пленение около 500 вьетнамцев и захват небольшого количества военного снаряжения – для такой акции более чем скромный результат (Filipp B. Davidson. Indochina wars (1946–1975). New-York, 1980. P.179.).

Вслед за этим, видя бесперспективность нахождения в отдаленном На-Сане гарнизона ввиду нехватки сил в других районах, 8 августа 1953 г. Наварр отдал приказ об его эвакуации. Еще раньше оттуда скрытно были выведены 7 тысяч человек. В течение августа, обманув бдительность вьетнамцев, видевших прибытие сюда значительного количества транспортных самолетов, путем запуска дезинформации по радио о переброске сюда дополнительных сил со стороны начальника На-Сана, 5 тысяч оставшихся там военнослужащих, включая легионеров, благополучно покинули базу.

Столь успешная эвакуация базы родила у Наварра иллюзию, что он сможет по своему желанию, когда и куда захочет, перемещать по воздуху любое количество войск и техники, и ускорила воплощение в жизнь французами идеи создания укрепленной базы в тылу противника.

В сентябре–ноябре 1953 г. Наварр провел операцию под кодовым названием «Чайка» в восточной части Северного Вьетнама по уничтожению 42-го и 64-го отдельного полков главных сил коммунистов, а также сил 320-й пехотной дивизии, которые здорово насолили французам своими партизанскими действиями. Они контролировали уже немало деревень и доставляли Наварру большое беспокойство, т.к. он знал о плане широкомасштабного вторжения Зиапа в Тонкинскую дельту. В этом случае партизаны могли причинить еще больше бед.

К операции по прочесыванию местности были привлечены практически все не находящиеся на постах силы Легиона. Как оказалось, отдельные полки коммунистов после коротких стычек в районах Фат-Дьема и Тай-Биня смогли относительно благополучно уйти в джунгли, имея на руках приказ не ввязываться в бои с превосходящими силами французов. Однако удары по 320-й дивизии, начавшиеся 14 октября 1953 г. в раойнах Хай-Дуонг, Хунг-Ен и Фу-Ли, были более эффективными: ей удалось навязать бои, и она потеряла в них не менее 3 тысяч человек, временно потеряв боеспособность (Henri Navarr. Agonie de L'Indochine. Paris, 1958. P.161.).

Как всегда, легионеров бросали в самые ожесточенные схватки, поэтому на их долю приходятся значительные потери, как свои собственные, так и противника.

Дьен-Бьен-Фу: подвиг и Голгофа Французского иностранного легиона

До сих пор читателю мало что известно о локальных войнах после окончания Второй мировой войны, к которым имели непосредственное отношение наша страна и ее граждане. Война в Индокитае в 1946–1954 гг., которую здесь вела Франция против вьетнамских коммунистов, поддерживаемых щедрой рукой СССР и Китая, не является исключением. О том, что вьетнамцы в конце концов победили, знают все. Но о том, как развивались драматические события этой войны, в том числе и об

участии в них Французского иностранного легиона, до сих пор известно было очень мало. О битве за Дьен-Бьен-Фу, которая, по сути, завершила эту колониальную войну, в СССР писали много. Однако советские авторы писали при этом о «мужестве вьетнамцев» и мало касались их противников, самыми достойными из которых был Французский иностранный легион.

Для того, чтобы рассказать об этой битве, переломившей ход событий войны Франции в Индокитае, надо сообщить пару слов о предшествовавших ей событиях.

К концу 1953 г. накал борьбы во Вьетнаме достиг своего пика, и боевые действия перебросились на мирный до этого Лаос. Французские войска и среди них 20-тысячный контингент легионеров, растянутые по всему Вьетнаму, после ожесточенных боев постепенно сдавали позиции, слабея в партизанской войне. Руководство Франции, как гражданское, так и главным образом военное, настаивало на продолжении войны. Однако после того, как в 1948–1949 гг. в Китае коммунисты вышли к северу Вьетнама, заняв его границы, стало ясно, что война проиграна. Теперь вьетнамцы почти беспрепятственно, пользуясь тем, что джунгли для французов были практически недоступны, перебрасывали вооружение и боеприпасы из СССР и Китая, получая оттуда помощь и живой силой. Поэтому дальнейшее продолжение войны Францией с этого времени становилось бессмысленным, но ее руководство этого не понимало, продолжая тратить огромные средства и губить людей. Разбросанные по всему Вьетнаму укрепленными постами гарнизоны легионеров истекали кровью в каждодневных стычках и боях, жестоко страдали от тропических болезней.

К концу 1953 г. соотношение сил было следующим: у французов во Вьетнаме было в общей сложности, с тыловыми и техническими подразделениями, 190 тысяч человек, включая Иностранный легион. Кроме того, в распоряжении французского командования была 150-тысячная «национальная» армия Вьетнама, которая, однако, была слабым союзником из-за крайне низкого боевого духа и ненадежности. Не считая «добровольцев» из Китая и СССР, силы вьетнамских коммунистов насчитывали 425 тысяч человек (Joseph Buttinger. Vietnam: A Dragon Embattled. New-York, 1967. Volum 1. P.227.). Однако, по свидетельству американских военных экспертов, в техническом отношении силы вьетнамцев были вооружены по последнему слову техники благодаря поставкам из Китая захваченных в Корее трофеев у американцев и их союзников: «По количеству и качеству это вооружение и снаряжение превосходило все то, чем располагали французские войска в Индокитае» (Filipp B. Davidson. Indochina wars (1946–1975). New-York, 1980. P.146.). Французы имели только решительное превосходство в авиации, которой у вьетнамцев тогда не было.

Успех во время отражения вьетнамского штурма укреплений На-Сана родил у французского командования иллюзию, что вьетнамскую армию можно уничтожить в одном сражении, приковав ее силы к одной из укрепленных баз и перемолов с помощью артиллерии и авиации. Одним из авторов этой теории, получившей название «концепция ежа», был полковник Бертей. Он предложил соорудить крупную военно-воздушную базу с мощным гарнизоном, откуда бы по врагу наносились воздушные удары, проводились карательные набеги и в его тылу высаживались парашютные десанты (Ibid. P.183.).

Успеху реализации этой идеи, которая окончилась для французских войск и Франции позором, способствовало то, что командующий генерал Салан был отозван во Францию и заменен генералом Наварром, положительно отнесшимся к этому плану.

Попытка проникновения вьетнамцев в Лаос осенью 1953 г. привела к тому, что место для такой базы решили выбрать в непосредственной близости от него, чтобы защищать и Лаос, и путь в южный Вьетнам (Henri Navarr. Agonie de L'Indochine. Paris, 1958. P.190.). В долине Дьен-Бьен-Фу с небольшими деревушками

имелся заброшенный японский аэродром. Во многом это и предопределило выбор места базы.

Некоторые французские генералы встретили в штыки известие о необходимости выбора для такой базы Дьен-Бьен-Фу. Французские авиаторы встретили это решение глухим ворчанием, используя непечатные выражения в адрес авторов плана. Генерал Корнильон-Молине, командующий французской авиацией в Индокитае, сам выполнявший ранее боевые задания в этом районе, пытался повлиять на генерала Наварра для отмены этого решения, но неудачно. Для действия авиации это был действительно худший выбор. База в Дьен-Бьен-Фу находилась очень далеко от других аэродромов, и в случае нападения на нее помощь авиации с них была бы минимальной. Дело в том, что технические возможности имевшихся у французов самолетов были таковы, что они, едва достигнув Дьен-Бьен-Фу, должны были возвращаться обратно, израсходовав горючее. Технические возможности аэродрома в Дьен-Бьен-Фу исключали посадку для дозаправки здесь большого числа машин. Кроме того, находившийся в относительно узкой долине между высокими, поросшими лесом холмами, окруженной джунглями, аэродром был уязвим для артиллерийских ударов противника. Возможности для переброски по воздуху подкреплений у французов были ограничены из-за слабости транспортной авиации (Filipp B. Davidson. Indochina wars (1946–1975). New-York, 1980. P.186.).

Генерала Корнильона-Молине поддержал и молодой дивизионный генерал Франции Коньи. Они, обсуждая план будущей операции под кодовым названием «Кастор», названной так в честь мифического героя, сына греческого бога Зевса, задали Наварру вопрос: «Что будет, если вьетнамцы смогут подтянуть сюда тяжелую артиллерию и большую массу зенитных средств?» Стушевавшегося на время Наварра «выручили» артиллеристы, заявившие, что доставка в район Дьен-Бьен-Фу вьетнамцами тяжелой артиллерии исключена из-за полного отсутствия дорог в этом районе, а имевшиеся у них зенитные средства они пообещали лихо уничтожить, «если только вьетнамцы посмеют открыть по нашим самолетам огонь» (Henri Navarr. Agonie de L'Indochine. Paris, 1958. P.196.).

Как будет показано ниже, рвавшиеся за наградами артиллеристы сослужили Наварру и Франции в целом плохую услугу. Генерал Коньи, предвидя катастрофу, пошел на беспрецедентный для французской армии шаг, пытаясь предотвратить разгром, отправив жалобу в вышестоящие инстанции, которая осталась без ответа – в Париже жаждали победных лавров, тем более что надвигались очередные выборы, требовавшие солдатской крови...

В предстоящей операции большая роль принадлежала легионерам. К тому времени Французский иностранный легион «накрыла» 4-я по счету волна притока русских. Как оказалось, многие тысячи бывших советских граждан, пойдя в разные формирования, созданные немцами для борьбы против Советской Армии, после окончания Второй мировой войны оказались в отчаянном положении. Большая их часть сдалась союзникам. Здесь были эсэсовцы из Русской бригады Бронислава Каминского, украинской дивизии СС «Галичина», прибалтийских частей СС, кавказской «Дикой дивизии» СС, туркестанской (мусульманской) дивизии СС «Анчар» (Личный архив С.С. Балмасова. Письмо ветерана Французского иностранного легиона К.Г. Левинского С.С. Балмасову 3 марта 2002 г.). Кроме того, в лагерях военнопленных оказались части Русской освободительной армии Власова, многочисленных кавказских и среднеазиатских легионов. По заключенным в Ялте в феврале 1945 г. соглашениям между СССР и союзниками, все бывшие советские граждане, оказавшиеся на территории, подконтрольной англичанам и американцам, должны были быть выданы коммунистам «на перевоспитание» в ГУЛАГ. Поскольку значительная часть тех выходцев из СССР, кто воевал вместе с немцами против советских войск, не понаслышке была знакома с ГУЛАГом и возвращаться им туда

очень не хотелось, они стали искать выходы из положения. Спасением стала запись во Французский иностранный легион.

Как же так, спросит читатель, ведь их все равно должны были выдать? Во-первых, Ялтинские соглашения формально подписали лишь главы США и Англии, а генерал де Голль в Ялте не присутствовал. Во-вторых, после сражений Второй мировой войны Французский иностранный легион нуждался в срочном и большом пополнении ввиду ухудшения положения в колониях. Однако, чтобы избежать осложнений с СССР, факт приема бывших советских граждан во французскую армию, частью которой и является Легион, решили скрыть. Поэтому легионное начальство, руководствуясь приказами свыше, формально запретило принимать в Легион русских и прочих выходцев из СССР. В то же время, когда бывшие власовцы и эсэсовцы заполняли анкеты для поступления в Легион, им намекали, что представителей тех или иных национальностей сюда в данный момент не принимают, но принимают других. Так русские становились поляками, болгарами и чехами, прибалты – скандинавами, кавказцы – югославами, греками, испанцами и итальянцами, среднеазиаты – персами, арабами и турками (Личный архив С.С. Балмасова. Письмо ветерана Французского иностранного легиона К.Г. Левинского С.С. Балмасову 3 марта 2002 г.).

Кроме того, в это время в Легион записалось очень много немцев, среди них много эсэсовцев, немалую часть которых составляли военные преступники, которые записью в Легион раз и навсегда уходили от возмездия. Вообще, в ближайшие 20 лет после окончания Второй мировой войны немцы и выходцы из СССР составляли самый большой процент легионеров. Как жаловались вьетнамцы своим советским друзьям, во всех французских кабаках во Вьетнаме, где стоял Легион, день и ночь слышались русские и немецкие песни.

Кроме того, довольно многочисленную группу в то время в легионе составляли выходцы из стран Восточной Европы – Польши, Чехословакии и других, граждане которых бежали из своих родных краев перед наступлением Советской Армии в 1944–1945 гг. Оказавшись за границей без средств к существованию, они пошли в Легион. Вербовщики ходили по лагерям беженцев и зарабатывали на них огромные деньги. Поток завербованных в Легион из лагерей беженцев в первые месяцы после завершения войны был довольно большим (Фабера Мирослав, Пикса Камил. Черный батальон. М., 1960. С.17.) и позволил Легиону пополнить выбитых в боях Второй мировой войны бойцов.

Немало в Легионе тогда было испанцев из разбитых и отступивших в 1939 г. во Францию коммунистических частей республиканской Испании, которые, не желая попусту просиживать в концлагерях, также записались в Легион. Впоследствии, как показали бои в Индокитае, они были неплохими солдатами и стойко дрались против своих былых собратьев по идеологии. Вообще, кого только не было в Легионе, представителей каких только национальностей! Проще сказать, каких не было – по-моему, здесь были представители всех народов! В это время среди легионеров был отмечен даже представитель Гренландии.

Операция в районе Дьен-Бьен-Фу началась с выброски 21 ноября 1953 г. парашютного десанта в составе шести батальонов. Самым знаменитым из них был 1-й Иностранный парашютно-десантный батальон.

Он состоял почти исключительно из бывших эсэсовцев, в основном немцев, в его составе также были два десятка бывших советских граждан и вьетнамская рота. Этот батальон слыл в Индокитае самым свирепым подразделением и спуску вьетнамцам не давал. В одном из предыдущих боев он был почти полностью уничтожен, так что в строю осталось 5 человек. Пополнившись, батальон ответил вьетнамцам «взаимной симпатией». Теперь, высадившись первым из подразделений легионеров в Дьен-Бьен-Фу, этот батальон должен был до дна испить горькую чашу почти полугодовой обороны, наполненной непрерывными боями, обстрелами и

лишениями. Вместе с легионерами, по просьбе их командира, здесь же в это же время был высажен передвижной бордель, который способствовал подъему боевого духа бойцов. Уже в марте 1954 г. легионерам приходилось записываться для его посещения за неделю – так велики были нагрузки работавших там девушек. Когда положение стало особенно серьезным, легионеры и прочие защитники Дьен-Бьен-Фу просто не вылезали оттуда. Не рассчитывая остаться в этой мясорубке в живых, все свои деньги они тогда тратили на вино и проституток (Личный архив С.С. Балмасова. Письмо ветерана Французского иностранного легиона К.Г. Левинского С.С. Балмасову 3 марта 2002 г.).

Начало операции было многообещающим – парашютисты без особого труда разбили застигнутый ими врасплох стоящий здесь вьетнамский полк и заняли долину Дьен-Бьен-Фу. После этого они быстро привели в порядок аэродром и возвели кое-где укрепления. Однако на этом успехи французов затормозились. В декабре 1953 г. назначенный во главе гарнизона Дьен-Бьен-Фу полковник Кастри провел несколько не очень удачных рейдов с участием легионеров из этой базы. В результате стало ясно, что идея превращения Дьен-Бьен-Фу в базу, из которой по тыловым коммуникациям противника будут проводиться рейды, неудачна. Ставящиеся перед бойцами в таких рейдах задачи практически не выполнялись – противник, отлично зная местность и имея хорошую разведку, уклонялся от ударов и сам устраивал засады, и нередко сами «охотники» превращались в жертву. Противник стягивал к Дьен-Бьен-Фу свои лучшие силы, и с каждым днем кольцо сжималось все туже и туже. Перед Дьен-Бьен-Фу встала ясная угроза превращения ее из базы для «лихих кавалерийских рейдов» в обложенную вражеской осадой со всех сторон крепость. Но, несмотря на то что реальность показывала бессмысленность дальнейшего удержания этой базы, генерал Наварр и слушать не хотел об ее оставлении. Не поколебало его решимости и донесение разведки, которая сообщала, что вьетнамцы приступили к переброске в район Дьен-Бьен-Фу тяжелой артиллерии и средств ПВО (Bernard B. Fall. Street Without Joy. Harrison, 1967. P.41.), очевидно, сочтя это фантазией, навеянной жарким и влажным тропическим климатом. В этот момент он допустил большую ошибку, направив на эту базу разнородные контингенты из тайцев, лаосцев, вьетнамцев, сенегальцев и североафриканских частей, выведенных из соседних с Дьен-Бьен-Фу фортов. Как покажут последующие события, это сыграло плохую роль в деле обороны базы.

Не удалось воздвигнуть гарнизону Дьен-Бьен-Фу и планировавшихся оборонительных сооружений. Для этого требовалось много дерева. Лес был рядом, но за каждое срубленное там дерево приходилось очень дорого платить партизанам легионерской кровью. Авиации для прикрытия лесозаготовок не хватало, и от таких попыток пришлось отказаться. Легионеры разобрали все находящиеся в округе деревянные строения и срубили все деревья, какие только могли. Таким образом, они смогли получить лишь 5 % от требуемого количества древесины, что было явно недостаточно для сооружения блиндажей и других сооружений. Вместе с тем это создало для гарнизона новую проблему – все его позиции теперь, с устранением «посторонних предметов», просматривались с занимаемых вьетнамцами высот очень хорошо. По приказу генерала Зиапа, вьетнамцы тут же, рядом, в точности скопировали все французские позиции, и день и ночь тренировались, штурмуя их. Французская артиллерия находилась на открытых огневых позициях без всякой внешней защиты. Вьетнамцы зафиксировали ее расположение и впоследствии неизбежно должны были причинить ей большой урон.

До сих пор остается загадкой, почему начальник гарнизона Дьен-Бьен-Фу полковник Кастри не использовал имевшуюся у французов дешевую и легкую камуфляжную сетку для маскировки расположения своих войск. В то же время ничего не выдавало до начала боев место расположения артиллерии вьетнамцев. Эта ошибка стала одной из главных причин поражения французов в этой битве.

Почва в этом районе была очень рыхлой, выкопать глубокие окопы было довольно трудно, и не было гарантии, что вырытый сегодня окоп не обрушится на тебя завтра.

Между тем развязка событий вокруг этой базы приближалась. Сбывалось роковое предупреждение генерала Корнильона-Молине о том, что условия Дьен-Бьен-Фу и покрытой джунглями местности не позволят ему эффективно использовать авиацию против вьетнамцев, которые продолжали стягивать сюда силы и доставлять продовольствие и вооружение. Выстроившись живой цепью на многие километры и сплетя над своей головой своеобразные тоннели из лиан и прочей растительности, которые надежно укрывали их с воздуха, вьетнамцы успешно, в короткие сроки доставили в район Дьен-Бьен-Фу сотни артиллерийских и зенитных орудий и боеприпасы к ним (Henri Navarr. Agonie de L'Indochine. Paris, 1958. P.208.).

Они их перетащили через непролазные леса и болота, фактически, на своих «горбах». Такому успеху вьетнамцев сопутствовало и то, что имевшихся у французов боевых самолетов катастрофически не хватало. Французская авиация была не готова к таким действиям, о чем наглядно говорит тот факт, что у вылетавших на боевые задания летчиков зачастую не было нормальных карт местности (Filipp B. Davidson. Indochina wars (1946–1975). New-York, 1980. Pp.230–231.).

Это было крайне неприятное известие для генерала Наварра, тем более что инженеры уверяли его, что доставка по такой местности тяжелых орудий возможна только по воздуху, какой возможности вьетнамцы не имели. По их данным, максимум, что могли противопоставить вьетнамцы против Дьен-Бьен-Фу – это 75-мм полевые орудия, которые, по мысли артиллеристов, должны были быть быстро подавлены в контрбатарейной борьбе тяжелой французской артиллерией. Их уничтожение должно было облегчить то, что, по их мнению, вьетнамцы в условиях Дьен-Бьен-Фу неизбежно должны были выдвинуть свои орудия из укрытий ввиду невозможности стрельбы ими с закрытых огневых позиций. Однако французские инженеры и артиллеристы просчитались. Они сделали расчет применительно к возможностям европейцев, но они не учли фанатичность и упорство азиатов в достижении поставленных целей. Вьетнамцы не только доставили в короткие сроки все необходимое вооружение, включая тяжелые 105-мм орудия, но и приготовили французам очень неприятный «сюрприз» в виде реактивных установок «катюша». Кроме того, опыт первых огневых дуэлей в конце февраля – начале марта 1954 г. показал, что противник успешно стреляет с закрытых огневых позиций, и поразить вражеские орудия, находившиеся на высотах, при стрельбе из низин очень трудно. Кроме того, китайцы, из которых в основном и состояла прислуга артиллерийских и зенитных орудий, научились очень хорошо маскироваться, так что даже с воздуха их было почти невозможно заметить. А когда нужно было начать обстрел, нередко китайцы выкатывали орудия из укрытий и закатывали их сразу после ответного огня (Henri Navarr. Agonie de L'Indochine. Paris, 1958. P.199–200.). Таким образом, за хвастливые заявления артиллеристов и бездумные действия французских верхов легионерам пришлось расплачиваться собственной кровью.

Между тем вместо вывода войск из зреющей в Дьен-Бьен-Фу западни, по приказу Наварра, туда были направлены дополнительные подкрепления. Еще к началу 1954 г. сюда прибыли по воздуху 1-й и 3-й батальоны 13-й полубригады и 3-й батальон 3-го Иностранного пехотного полка Легиона. В течение января–апреля 1954 г. сюда же прибыли в числе частей Легиона подразделения 2-го и 5-го Иностранного пехотных полков 2-й Иностранный парашютный батальон, а также технические формирования: 1-я иностранная рота тяжелых 122-мм минометов, 2-я танкоремонтная рота и 5-я средняя ремонтно-восстановительная рота. Всего, с учетом всех подкреплений, численность легионеров в 15-тысячном гарнизоне Дьен-Бьен-Фу достигала 4-х тысяч человек. Гарнизону были приданы 10 легких танков американского производства «Чаффи», 9 155-мм гаубиц, 24 105-мм гаубицы, 4 122-

мм миномета (легионеры), а также 6 самолетов-разведчиков и 6 истребителей. В то же время, к марту 1954 г. численность вьетнамских войск в этом районе, возглавленных знаменитым генералом Зиапом, составила 64 тысячи человек. Кроме того, к ним постоянно прибывали подкрепления. Их вооружение составили 20 75-мм орудий, 24 105-мм гаубицы, 16 установок «катюша» с 6 пусковыми устройствами каждая, 20 120-мм минометов, 80 37-мм зенитных пушек, 100 пулеметов «ДШК», использованных в качестве зенитных средств (Filipp B. Davidson. Indochina wars. (1946–1975). New-York, 1980. P.234.).

Даже если не принимать во внимание незначительное число танков и самолетов у французов, то вьетнамцы при Дьен-Бьен-Фу обладали колоссальным превосходством, как в живой силе, так и в технике. По данным зарубежных экспертов, для эффективной обороны этой базы требовалось втрое большее количество артиллерийских стволов с более подготовленной прислугой, чем та, которая имелась при Дьен-Бьен-Фу у французов.

Оборона гарнизона в Дьен-Бьен-Фу представляла собой целый ряд оборудованных позиций, названных женскими именами, перед которыми были расположены минные поля и линии проволочных заграждений. Согласно плану командования, после их прорыва, который должен был стоить штурмующим больших потерь, они попадали в зону плотного ружейно-пулеметного обстрела. На случай захвата противником какого-то из укрепленных пунктов в резерве, в центре, держались танки и 1-й Иностранный парашютный батальон, которые должны были контратакой вернуть утраченные позиции. Впрочем, французское командование изначально не желало строить здесь мощных оборонительных сооружений из-за собственных просчетов, рассчитывая, что вьетнамцы не смогут подтянуть тяжелую артиллерию и необходимое количество боеприпасов. Кроме того, «теория ежа» подверглась определенному пересмотру: Дьен-Бьен-Фу стали рассматривать больше как базу для антипартизанских действий, чем «крепость», предназначенную для осады хорошо подготовленной и технически оснащенной армией.

Большой ошибкой французского командования стало то, что оно составило гарнизон Дьен-Бьен-Фу из разнородных и нередко враждующих между собой частей. Лучше, если бы гарнизон базы был однородным по своему составу. Так, легионеры заслуженно презирали марокканских гумов и алжирских стрелков (арабов) из-за отсутствия у них требуемых боевых качеств. В бою при Кокс-Кса в октябре 1950 г. именно из-за их трусости французы потерпели поражение, а 1-й иностранный парашютный батальон Легиона был почти полностью уничтожен из-за бегства арабов с поля боя (Filipp B. Davidson. Indochina wars (1946–1975). New-York, 1980. PP.100–101.). Это был не единственный факт трусости подразделений, укомплектованных арабами. Поэтому отношения между отдельными подразделениями осажденной базы были напряженными, хотя так требовалась между ними сплоченность и слаженность действий. Это неизбежно должно было стать отрицательным моментом в проведении боевых операций, поскольку легионеров не разместили строго на определенных только Легиону позициях, а размешали с другими, в том числе с арабами (Henri Navarr. Agonie de L'Indochine. Paris, 1958. P. 251.).

Началу активных боевых действий в этом районе в середине марта 1954 г. предшествовала блестящая операция, проведенная вьетнамскими диверсантами 6–7 марта того же года по уничтожению на аэродромах Гиа-Лам и Кат-Би в Тонкинской долине французской авиации. Эта боевая вылазка, достойная вхождения в историю наиболее удачных спецопераций, привела к уничтожению 78 самолетов, большая часть из которых были транспортными.

Таким образом, одним ударом вьетнамцы лишили французов более половины имевшихся у них транспортных самолетов, которых и так не хватало для каждодневного снабжения гарнизона Дьен-Бьен-Фу. После этого ситуация со снабжением этой базы стала близкой к катастрофической, поскольку ежедневная

потребность ее гарнизона составляла 200 тонн грузов, в то время как реально доставлялось не более 120. Поэтому даже пополнение гарнизона сделалось большой проблемой: оно было жизненно необходимо, но доставляемого снабжения не хватало даже для «старого» контингента (Личный архив С.С. Балмасова. Письмо ветерана Французского иностранного легиона К.Г.Левинского С.С. Балмасову 3 марта 2002 г.).

К 13 марта 1954 г., времени начала активных боевых действий, на передовых линиях «Югетт» находился 1-й батальон 2-го Иностранного пехотного полка Легиона, а на находившейся южнее ее позиции «Клодин» 1-й батальон 13-й полубригады Легиона с ротой тяжелых минометов. На опорном пункте «Марсель» находился 3-й батальон 3-го Иностранного пехотного полка. На позиции «Беатрис» находился 3-й батальон 13-й полубригады Легиона, а позицию «Габриэль» прикрывала находящаяся на ней 2-я смешанная тяжелая минометная рота 5-го Иностранного пехотного полка Легиона. Две последние позиции находились в самом неблагополучном положении. Французская артиллерия, размещенная главным образом на центральных позициях и на укреплениях «Изабель», из-за слишком большой удаленности не могла помочь соседям в случае атаки на них. Такая конфигурация оборонительных сооружений стала одной из причин разгрома гарнизона Дьен-Бьен-Фу.

Атакам на позиции гарнизона предшествовала внезапная сокрушительная артподготовка вьетнамцев 13 марта 1954 г. Она началась на 4 часа раньше намеченного срока, около 12 часов дня. Это произошло из-за того, что на позиции «Беатрис», всего в 200 метрах от своих окопов, легионеры засекли большую группу вьетнамцев и стали ее уничтожать. В ответ вьетнамцы обрушили шквал огня на позиции «Беатрис» и затем «Габриэль», откуда по ним стали метко бить тяжелые 122-мм минометы легионеров. Однако силы были неравны – 4-м минометам Легиона противостояли десятки орудий и минометов противника. Согласно последнему донесению в ходе этого боя командира батальона на «Беатрис», «укрепления «Беатрис» превратились в прах, минометная батарея с «Габриэль» умолкла...». Как говорили немногие уцелевшие в том бою легионеры из прислуги минометной батареи, их позиции «буквально утонули в бушующем море огня». Все 4 миномета были накрыты артиллерийским огнем, почти вся их прислуга погибла (Личный архив С.С. Балмасова. Письмо ветерана Французского иностранного легиона К.Г. Левинского С.С. Балмасову 3 марта 2002 г.).

При этом артиллерия вьетнамцев не только не была подавлена, но и сама подавляла французскую артиллерию. После поражения батареи на «Габриэль» вьетнамцы перенесли огонь на центральные позиции Дьен-Бьен-Фу, сразу уничтожив две французские гаубицы. Отмечалась необыкновенная меткость артиллерии вьетнамцев и то, что снарядов они совсем не жалели. Невидимые для французов вьетнамские пушки подавляли одну за другой батареи Дьен-Бьен-Фу, сами оставаясь почти неуязвимыми. Из-за отсутствия нормальной корректировки артиллерийского огня французская артиллерия неоднократно била по занимаемым легионерам позициям. Уже 14 марта 1954 г. аэродром был почти полностью разрушен, половина из имевшихся самолетов была сожжена на земле, так и не успев взлететь в воздух. А другая половина из тех, что смогли взлететь для оказания поддержки «Габриэль» и «Беатрис» или чтобы просто спастись, попала в зону плотного зенитного огня и была сбита. Кроме того, вьетнамцы успешно поразили склады боеприпасов, горючего и продовольствия, сильно затруднив тем самым способности гарнизона к дальнейшей успешной обороне.

С этого времени для осажденного гарнизона Дьен-Бьен-Фу настали поистине тяжелые времена. Снабжение теперь осуществлялось только с помощью сбрасываемых на парашютах грузов. Даже в самые «счастливые» дни из 120 тонн грузов в руки французов попадало не более 100 тонн и то при условии, что выброска грузов происходила с низкой 800-метровой высоты. Однако из-за больших потерь в

самолетах от зенитного огня грузы стали сбрасывать сначала с 2-километровой и затем с 3-километровой высоты. Пропорционально этому увеличивалась потеря грузов, которые нередко приземлялись из-за ошибок летчиков и неблагоприятных погодных условий у вьетнамцев. Известно, что одним из источников снабжения для вьетнамских гаубиц служили захваченные грузы с американскими 105-мм снарядами. Как свидетельствуют вьетнамцы, кое-кто из немногочисленных советских офицеров писал на полученных таким образом снарядах перед их «употреблением» надписи вроде «Подарок лягушатникам от американских друзей».

К апрелю 1954 г. вьетнамская артиллерия почти полностью уничтожила имевшиеся у гарнизона Дьен-Бьен-Фу машины, без которых собирать и передавать «по назначению» тяжелые грузы было практически невозможно. Из-за этого централизованная система снабжения гарнизона рухнула. Легионеры использовали только то, что падало им на голову. Такое снабжение было очень неважным – нередки были случаи, когда несколько дней подряд артиллеристам сбрасывали ненужные в таком количестве консервы, а легионерам-пехотинцам, жестоко страдавшим от недостатка еды, – тонны гаубичных снарядов.

В 5 часов вечера 13 марта 1954 г. вьетнамская колонна из двух батальонов пехоты каждый численностью в 1 тысячу человек, развернувшись, пошла на штурм «Беатрис». Противник шел густыми цепями, или, как говорили легионеры, «волнами». События развивались стремительно и драматически. К большому удивлению легионеров, из основной массы наступавших выделилось несколько небольших отрядов, направившихся к минному полю. Без всякой осторожности они шли по минам. Подорвался один... Его заменяет другой... Подрывается и он. Его заменяет третий, и так далее. Смертники-добровольцы!

Так рухнули расчеты на то, что минные поля станут для противника труднопреодолимым препятствием. Такой расчет был эффективен в боях против солдат европейских стран, дорожащих своими жизнями, но не против азиатов. Ценой жизни нескольких десятков добровольцев в минных полях были проделаны коридоры, по которым на штурм легионерских позиций и устремилась вьетнамская орда.

Уже в 18 часов 15 минут того же дня командир находящегося на этой позиции батальона легионеров Пего, согласно французским данным, «вызвал огонь артиллерии прямо в зону перед последней линией обороны». В 18 часов 30 минут того же дня Пего был убит вьетнамским снарядом, угодившим в командный пункт. Вместе с ним погиб штаб гарнизона «Беатрис». Через несколько минут другим снарядом был убит непосредственный начальник Пего – подполковник Гоше, командир 13-й полубригады Легиона и командующий северным сектором обороны «Беатрис». Они пали там, где в марте 1945 г., находясь в составе 5-го пехотного полка Легиона, мужественно встретили неожиданную японскую атаку на Вьетнам (Brunon J., Manue G.–R. Livre d'Or de la Legion Etrangere (1831–1955). Paris-Limoges-Nancy, 1958. Pp.250–251.).

После гибели своих командиров «Беатрис» потеряла централизованное управление. С этого времени три роты легионеров, каждая самостоятельно, стали отражать бешеные атаки противника. Раздробив оборону «Беатрис» на три отдельных очага, вьетнамцы стали их уничтожать по очереди. В 22 часа 30 минут 13 марта после ожесточенного рукопашного боя вьетнамцы полностью уничтожили 10-ю роту 3-го батальона 13-й полубригады Легиона. Настал черед 11-й роты Легиона, откуда в 23 часа сообщили по рации, что ожесточенный бой идет около ее командного бункера, после чего связь с ней навсегда прервалась. В 15 минут первого 14 марта командир 9-й роты Легиона вызвал огонь артиллерии на себя, после чего связь с ним также навсегда оборвалась. «Беатрис» пала. Потери сторон были огромными. По заниженным французским данным, приводимым в «Золотой книге Иностранного легиона» авторов Брюнона и Маню, общие потери Легиона в том

бою составили 332 человека, включая 8 офицеров (см. Ibid. P.251.). В то же время гарнизон «Беатрис» насчитывал 750 человек, и, как известно, он почти целиком погиб. Данные вьетнамцев о потерях Легиона намного превосходят эту цифру. Как известно, наиболее оптимальный способ узнать истинную картину потерь сторон – сопоставить данные противников и установить среднюю цифру между их показателями. В этом случае и получается как раз приблизительно численность гарнизона «Беатрис». Согласно данным независимых зарубежных экспертов, безвозвратные потери Легиона в том бою составили от 400 до 550 человек. Как бы там ни было, но таких потерь в одном бою легионеры еще не имели. Достоверные данные относительно потерь вьетнамцев также свидетельствуют, насколько яростным был тот бой – из 2-х тысяч штурмующих 600 были убиты и 1200 тяжело ранены.

Утром 14 марта, в половине восьмого, силами танкового и 1-го Иностранного парашютного батальонов французы попытались вернуть «Беатрис». Поскольку их движение отлично было видно с занимаемых противником высот, вьетнамцы обрушили на них всю мощь своего артиллерийского огня, по свидетельству очевидцев, «вогнав атаку в землю». Попавшие под удар батальоны стали перегруппировываться для новой атаки. Но в это время к бункеру полковника Кастри добрался израненный лейтенант Легиона, взятый вьетнамцами в плен и отпущенный ими с посланием, в котором генерал Ле Тронг Тан, командир 312-й дивизии Вьетнама, взявший «Беатрис», предложил на 4 часа прекратить бой, чтобы убрать раненых и убитых. Это была обычная азиатская уловка, на которую клюнуло французское командование – к тому времени вьетнамцы не успели подтянуть на «Беатрис» крупные силы и возвести там новые укрепления вместо уничтоженных легионерских. Возможно, что рвавшиеся в бой легионеры-парашютисты и танкисты смяли бы их и вновь овладели «Беатрис». Но... атаку отложили, а потом и вовсе отказались, когда удостоверились, что вьетнамцы, пользуясь «перемирием», стянули туда свои лучшие части. Убитые во время этой не успевшей начаться атаки так и не были отомщены (Bernard B. Fall. Hell in a Very Small Place The Siege of Dien Bien Phu. New-York, 1967. P.150.).

Долго еще поэтому в адрес французского командования из уст легионеров высказывались непечатные выражения на немецком и русском языках.

Вечером 14 марта вьетнамцы предприняли попытку овладеть позицией «Габриэль», где вместе с гарнизоном приняли участие в обороне остатки тяжелой минометной роты Легиона и гарнизона «Беатрис». Несмотря на яростную оборону и медленное продвижение вьетнамцев из-за понесенных ими потерь, положение «Габриэль», гарнизон которого также лишился своего командира от прямого попадания снаряда в командный бункер, час от часу становилось все тяжелее. Утром 15 марта, в половине шестого, французы предприняли атаку силами танкового батальона и 1-го Иностранного парашютного батальона Легиона на «Габриэль», чтобы спасти ее гарнизон. Хотя танкисты и легионеры были измотаны предыдущей неудачной атакой, на большой скорости, проскочив огонь вьетнамцев, они ворвались на «Габриэль». Однако их контратака не удалась – под прикрытием артиллерии вьетнамцы устояли. После ожесточенного боя, под губительным огнем вражеской артиллерии, легионеры и танкисты вывели к своим остатки гарнизона «Габриэль». Неудачная оборона «Габриэль» и «Беатрис», а также контратака танкистов и легионеров-»пара» обошлась гарнизону Дьен-Бьен-Фу в 1 тысячу убитых, раненных и пленных, в основном легионеров. Вьетнамцам эти бои стоили куда дороже – до 2-х тысяч убитыми и до 4 тысяч раненными. При взятии «Беатрис» и «Габриэль» знаменитые своими победами вьетнамские 308-я и 312-я дивизии потеряли такое количество бойцов, что до конца боев за Дьен-Бьен-Фу не смогли от этого оправиться (Filipp B. Davidson. Indochina wars (1946–1975). New-York, 1980. P.252.).

Понеся тяжелые потери, вьетнамцы временно приостановили наступление. Несмотря на это, в первой фазе сражения за Дьен-Бьен-Фу они выиграли – почти весь северный сектор обороны базы теперь находился в их руках. Кроме того, лучшие части гарнизона Дьен-Бьен-Фу, к тому же резервные – легионеры и танкисты – также были сильно потрепаны, а некоторые, подобно отрядам «Беатрис» и «Габриэль», вовсе почти прекратили существование.

К этому добавилась и другая беда – 17 марта, без всякого боя, вьетнамцы овладели одной из ключевых оборонительных позиций Дьен-Бьен-Фу – Анн-Мари. Это стало одной из важных причин общей неудачи французов. Оборонял ее полк тайцев, в считаные часы распропагандированный коммунистами с помощью листовок и громкоговорителей. Частично его личный состав дезертировал, частично присоединился к вьетнамцам, и лишь небольшая часть, оставшаяся верной французам, вместе со смешанной минометной ротой (60 и 81-мм минометы) 3-го Иностранного пехотного полка легионеров отошла на соседнюю позицию «Югетт» (Filipp B. Davidson. Indochina wars (1946–1975). New-York, 1980. P.251.).

«Затишье» продолжалось полмесяца – с 17 по 30 марта. Обе стороны готовились к решающему бою. За это время вьетнамцы прорыли по направлению к позициям французского гарнизона более 100 километров траншей, подбираясь к ним как можно ближе для решающего удара. Этими траншеями они практически окружили французские укрепления в центре Дьен-Бьен-Фу, отрезав, таким образом, их от одного из важнейших опорных пунктов – базы «Изабель». Таким образом, они приготовились к штурму позиций «Элиан», «Доминик» и «Югетт». После боев за «Беатрис» и «Габриэль» стала ясна тактика вьетнамцев: крупными силами наваливаться по очереди на отдельные позиции противника и «затапливать» их волнами пехоты, чему должны были предшествовать массированные артиллерийские удары. Этой тактике, как показала неудавшаяся контратака легионеров-парашютистов и танков на «Габриэль», французское командование ничего существенного противопоставить не могло. Снимать войска с других позиций для выручки подвергшихся атаке фортов было нельзя – сила вьетнамцев была такова, что они могли, увидев передвижение сил противника с одной позиции на другую, захватить ослабленные пункты.

В это время начальник гарнизона Дьен-Бьен-Фу полковник Кастри самоизолировался в бункере, не предпринимая практически никаких действий для укрепления обороны базы и предоставив все подчиненным ему командирам. Это крайне негативно отражалось на возможности успешной обороны. Поэтому французское командование направило ему в помощь генерала Коньи. Однако, когда его самолет 17 марта исхитрился выбрать для посадки почти не задетую вьетнамскими снарядами аэродромную полосу, противник открыл по нему такой плотный зенитный и даже артиллерийский огонь, что о посадке не могло быть и речи. Когда Коньи решил спрыгнуть с парашютом, от этой затеи его отговорили, мотивируя это тем, что положение гарнизона тяжелое и что, в случае его пленения, к врагу могут попасть важные военные секреты (см. Ibid. Pp.253–254.).

Таким образом, пассивность командующего гарнизоном Дьен-Бьен-Фу Кастри также стала не последней причиной последующей неудачи. Видя неспособность его к управлению, по инициативе командира 1-го Иностранного парашютного батальона Легиона, поддержанного легионерами, договорившегося с командирами других частей «пара», начальник парашютистов Дьен-Бьен-Фу полковник Ланглэ отстранил Кастри от командования, в то же время формально оставив его на посту (Bernard B. Fall, Hell in a Very Small Place The Siege of Dien Bien Phu. New-York, 1967. P.179, 185.). Таким образом, впервые за всю историю Французского иностранного легиона его офицеры пошли на столь беспрецедентный, но оправданный шаг, равносильный преступлению, как самовольное отстранение высшего лица от командования.

К тому времени давно назрела необходимость что-то сделать для нейтрализации вражеских зениток, почти неуязвимых для огня французской артиллерии. Если до 26 марта летчики, сильно рискуя, совершали «полеты милосердия», вызволяя из Дьен-Бьен-Фу раненых, то с этого дня такие операции были прекращены из-за больших потерь. Вьетнамцы настолько близко подошли к взлетной полосе, что насквозь прошивали аэродром даже из пулеметов «ДШК». Но особенную неприятность доставляли гарнизону зенитные части противника, расположенные в 3-х километрах от Дьен-Бьен-Фу, в районе деревень Бан-Бан и Банг-Онг-Пет. Командир парашютного батальона Бижар сразу после отстранения Кастри от командования принялся за дело. Не выходя из своего блиндажа, он за 6 часов разработал на карте комбинированную операцию при участии штурмовой авиации, танков, артиллерии и 4-х батальонов, включая 2 батальона легионеров: 1-й Иностранный парашютный и пехотный.

Сразу после разработки плана операции и ознакомления с ним командиров участвовавших в ней частей 28 марта Бижар отдал приказ об ее начале. Сложность операции заключалась в том, что местность, по которой предстояло двигаться, была открытой и не давала возможности подойти совсем неожиданно для врага. Кроме того, надо было быстро нейтрализовать один из лучших вьетнамских полков – 36-й 302-й пехотной дивизии, охранявший зенитки. При разработке операции Бижар отметил, что у вьетнамцев есть большой недостаток, которым он и решил воспользоваться – они не могли быстро переносить массированный огонь артиллерии на разные участки, а следовательно, и накрыть шедшие на уничтожение зениток войска.

Операция прошла на удивление очень удачно. Ей предшествовала короткая, но эффективная артиллерийская подготовка ранним утром 28 марта. Вслед за этим вылетевшие из других баз штурмовики «обработали» район расположения зениток и вернулись без потерь. В 6 часов утра в бой пошла пехота при поддержке танков. В тот же день, в половине четвертого вечера, они вернулись, выполнив задание. Противник – вьетнамцы-пехотинцы и зенитчики-китайцы были застигнуты врасплох. Результатом стал захват или уничтожение 17 зенитных пушек и пулеметов «ДШК», уничтожение 350 и взятие в плен 10 вражеских солдат и офицеров. Потери участвовавших в операции войск французов выражались в 20 убитых и 90 раненых, которые были даже не столько из-за короткого боя за деревни и высоты, сколько от артиллерийского огня противника (Bernard B. Fall, Hell in a Very Small Place The Siege of Dien Bien Phu. New-York, 1967. P.186.).

Такой успех был возможен потому, что в штабе генерала Зиапа до этого боя была уверенность, что после потери «Беатрис» и «Габриэль» гарнизон Дьен-Бьен-Фу деморализован и неспособен к активным наступательным действиям. Подобный бой развеял эти иллюзии, что вызвало у генерала Зиапа острое желание отомстить за такой провал.

Теперь его целью стали оборонительные позиции французов на востоке Дьен-Бьен-Фу, расположенные на 5 небольших высотах, обороняемых пятью неполными батальонами легионеров, французов, вьетнамцев-националистов, африканских частей и тайцев. Вскоре, 31 марта, вьетнамцы-коммунисты перешли на них в наступление и, после яростных боев, овладели укреплениями «Элиан-2», «Доминик», «Югетт-6» и «Югетт-7».

Особенно ожесточенные бои шли за позицию «Элиан-2», оборонявшуюся поредевшим батальоном легионеров-парашютистов. Ее штурмовала с наступлением темноты почти в полном составе 316-я пехотная дивизия вьетнамцев. Атаке, как обычно, предшествовала мощная артиллерийская подготовка. К полуночи, после кровавой схватки, легионеры оставили половину своей позиции, завалив ее своими и вражескими трупами. Командир батальона легионеров Никольс решил вернуть утраченное, не дожидаясь, пока вьетнамцы там укрепятся. Для этого он использовал

парашютную роту лейтенанта Люккиани, поддержанную силами Бижара. Контратакой, в которой участвовали парашютисты-легионеры, французы и марокканцы, «Элиан-2» после ожесточенного боя удалось временно вернуть. Но отбить другие утраченные позиции не удалось: контратака 3-го батальона 3-го Иностранного пехотного полка Легиона при поддержке нескольких танков была отбита 57-м полком 304-й пехотной дивизии вьетнамцев. Потеряв 15 легионеров убитыми и 50 раненными, батальон вернулся на позицию «Изабель». После этой неудачи полковник Ланглэ лишился последних резервов, а позиция «Изабель» была отрезана от центральных укреплений. Повторная контратака легионеров также не удалась из-за колоссального превосходства в силах вьетнамцев (Filipp B. Davidson. Indochina wars (1946–1975). New-York, 1980. P.260.).

После этих неудач французское командование охватило отчаяние: силы Дьен-Бьен-Фу катастрофически таяли, обещанная по воздуху помощь не прибывала, а запасы снарядов и мин подошли к концу. В то же время Бижар прилагал титанические усилия для спасения положения. Имея в своем распоряжении батальон парашютистов-легионеров, танки и по батальону марокканцев и французов, он в течение 31 марта успешно оборонял позицию «Элиан-2», нанеся противнику огромные потери. Однако силы его подразделений также были истощены – только танковый батальон потерял во время этого боя пять машин или половину из оставшихся в строю – 1 из них был уничтожен и четыре другие – подбиты. Несмотря на это, Бижар, собрав все имевшиеся в его распоряжении силы и использовав в качестве «тарана» легионеров-»пара» под прикрытием танков 1 апреля отбросил вьетнамцев с захваченной ими ранее позиции «Югетт-7».

Весь день и ночь 2 апреля прошли в ожесточенных боях за «Югетт-7», вьетнамских атаках и легионерских контратаках. Сам Зиап называл эту борьбу ожесточенной, говоря о ней, что она напоминала «перетягивание каната» (Vo Nguyen Giap. Dien Bien Phu. Hanoi, 1964. P.121.).

Вьетнамцы бросали в бой все новые силы, как обычно, «волна за волной». Когда первая «волна» разбивалась об упорство и стойкость легионеров, на смену ей шла другая «волна», более сильная, если и она разбивалась, наступала очередь третьей и т.д. В итоге, к ночи 3 апреля Бижар, видя крайнюю усталость войск и большие потери, был вынужден оставить «Югетт-7».

После этого основные усилия вьетнамцы направили против позиции «Югетт-6». В ходе многочасовых боев 3 апреля, с помощью последнего резерва – роты легионеров и трех танков, вьетнамцев удалось обратить в бегство. В ночь с 4-го на 5-е апреля начался новый штурм «Югетт-6» силами 2-тысячного 165-го пехотного полка 312-й дивизии Вьетнама, оборону которой держали лишь 90 легионеров. Видя это, Бижар собрал вокруг себя всех, кто еще мог держать в руках оружие, и, возглавив один из четырех отрядов, яростно контратаковал противника. Решительный приступ последовал на рассвете 5 апреля. Ночная мгла рассеялась, и взору легионеров предстали густые цепи противника, идущего на последний приступ. Как нельзя кстати, в воздухе появились французские штурмовики, которые нанесли мощный бомбовый удар и стали поливать противника огнем пушек и пулеметов. В это время скопление вьетнамцев, почти в упор, накрыли орудия и минометы. Когда стрельба прекратилась, на месте только что грозно накатывавшейся вьетнамской лавины осталось поле, изрытое воронками, заваленное трупами и фрагментами человеческих тел. По свидетельствам немногих выживших в боях после Дьен-Бьен-Фу русских легионеров, это было похоже на то, словно кто-то «открыл тысячи и тысячи банок с тушенкой и разбросал ее по всему полю» (Личный архив С.С. Балмасова. Письмо ветерана Французского иностранного легиона К.Г. Левинского С.С. Балмасову 6 апреля 2002 г.). Не считая тех, кто был убит на этом поле, на самой позиции «Югетт-6», в окопах и среди проволочных заграждений насчитали около 800 трупов вьетнамцев и 200 – французов и легионеров.

Генерал Зиап был в бешенстве. Его план на этот раз провалился. Вьетнамские войска были также измотаны и в первый раз за долгое время потерпели такое поражение. Для исправления ситуации он требовал от Хо Ши Мина «пополнений, пополнений и еще раз пополнений».

Одержав победу, французское командование воспряло духом. К тому же генерал Коньи обещал выброску над Дьен-Бьен-Фу новых подкреплений в виде парашютистов, среди которых заметно выделялся своими боевыми качествами 2-й Иностранный парашютный батальон легионеров. В этих условиях Бижар решил отбить у вьетнамцев позицию «Элиан-1». На рассвете 10 апреля, после ожесточенного боя, эта попытка увенчалась успехом. Однако вьетнамцы предприняли яростные контратаки, пытаясь вернуть утраченное. Вечером Бижар для их отражения бросил в бой свой «неприкосновенный запас» – 4 неполные роты из парашютистов, легионеров и вьетнамцев-националистов. После ожесточенного боя вьетнамцы-коммунисты отошли, оставив на поле боя 400 своих убитых. Но уже на рассвете 12 апреля последовала новая мощная атака вьетнамцев – 2 батальона, каждый по тысяче человек, устремились на штурм «Элиан-1», удерживаемой 300 легионерами и другими десантниками. Весь день и всю ночь на этой позиции шел ожесточенный бой. Ночью враг ворвался на позицию. Никто не давал и не просил пощады. Всюду – в окопах, блиндажах, среди проволочных заграждений шла яростная рукопашная схватка. Забыв, что рядом свои, как штурмующие, так и оборонявшиеся швыряли гранаты, осколки которых безжалостно секли и тех, и других. В ход шло все, что попадалось под руку – штыки, ножи, приклады винтовок, автоматов и ручных пулеметов, даже камни и доски. Дрались с остервенением, не на жизнь, а насмерть. В отблесках пламени то тут, то там наблюдалось, что, исчерпав другие способы борьбы, враги катались по земле, душа друг друга и вырывая глаза. Несмотря на колоссальное превосходство вьетнамцев, легионеры не отступили ни на шаг. К утру к ним прибыло подкрепление, с помощью которого они вышвырнули вьетнамцев из своих окопов. В одном месте, где особенно густо лежали убитые вьетнамцы, подкрепление отрыло израненных легионеров из минометного расчета, находившихся без сознания, но не выпускавших из рук окровавленных лопат, которыми они отбивались от наседающего противника (Личный архив С. Балмасова. Письмо ветерана Французского иностранного легиона К.Г. Левинского С.С. Балмасову 6 апреля 2002 г.).

Новое поражение вызвало в рядах коммунистических войск еще более сильный упадок духа. Сказались при этом и их огромные потери – за месяц боев, по меньшей мере, только убитыми вьетнамцы потеряли 6 тысяч человек, 10 тысяч были тяжело ранены, еще 2 с половиной тысячи взяты в плен. В общей сложности, это были потери 2-х полных дивизий. Кроме того, вьетнамская армия буквально голодала, как и гарнизон Дьен-Бьен-Фу, сидела по уши в грязи и воде, жестоко страдала от отсутствия медпомощи. На всю вьетнамскую армию был лишь один хирург и шесть его помощников (Filipp B. Davidson. Indochina wars (1946–1975). New-York, 1980. P.270.). Их основными методами лечения были ампутация конечностей и слабительное. Голод и болезни подорвали их готовность дальше погибать на минных полях и проволочных заграждениях под градом вражеских пуль и снарядов. В ряде полков вспыхнули бунты, солдаты отказывались идти в бой. Многим коммунистическим начальникам вообще свойственно пренебрегать человеческими жизнями ради выполнения поставленных целей. Не был здесь исключением и генерал Зиап, который безжалостно бросал своих подчиненных на не обезвреженные минные поля и на неподавленные пулеметы и минометы легионеров.

Видя такое положение дел, генерал Зиап еще в начале апреля вызвал верные полки со всех концов Вьетнама и даже из Лаоса, приостановив его «коммунизацию». Они навели в течение недели «порядок» среди «разложившихся» войск, просто расстреляв часть «сомневавшихся» в правильности методов коммунистического

воспитания войск во вьетнамском варианте и заставив других, таким образом понять свои «заблуждения, навеянные врагами».

После этого он с новыми силами обрушился на гарнизон Дьен-Бьен-Фу, который подкреплений почти не получал. Объектом новой атаки стала опять позиция «Югетт-6». Оттуда 18 апреля Бижар вырвался с немногими оставшимися в живых легионерами после яростных боев, исчерпав все возможности для обороны. К тому времени его отряд почти полностью истратил не только боеприпасы, но и запас питьевой воды. Пить из воронок мутную дождевую воду означало схватить какое-нибудь кишечное заболевание.

После этого вьетнамцы в ходе яростного штурма овладели позицией «Югетт-1». Теперь все пространство над еще контролируемой французскими войсками частью Дьен-Бьен-Фу отлично простреливалось средствами ПВО противника. Кроме того, эта территория сократилась настолько, что летчики теперь в большинстве случаев, сбрасывая грузы для осажденной базы, знали, что они попадут вьетнамцам. Для овладения «Югетт-1» привлекли последний резерв – 2-й Иностранный парашютный батальон Легиона, высаженный незадолго до этого на парашютах буквально на головы вьетнамцам, прямо на их позиции. По свидетельству выживших легионеров этого батальона, при высадке все пространство под ними кипело и вспыхивало огнями трассирующих пуль (Личный архив С. Балмасова. Письмо ветерана Французского иностранного легиона К.Г. Левинского С.С. Балмасову 6 апреля 2002 г.). После успешного боя легионеры этого батальона прорвались к частям гарнизона Дьен-Бьен-Фу. Однако атака его не увенчалась успехом: легионеры были прижаты к земле шквальным огнем и после тяжелого боя, завершившегося потерей 150 человек убитыми и раненными, отошли. В неудаче обвинили командира этого батальона Лизенфельта, который якобы «не смог принять во время боя правильного решения», хотя реально атакой руководил сам Бижар.

После окончательной потери «Югетт-1» позиция «Изабель» была прочно блокирована вьетнамцами. Если до этого времени вьетнамцы не обращали на нее большого внимания, окружив позицию заслонами и траншеями, то теперь против нее они сконцентрировали всю мощь своего орудийного огня, пытаясь заставить замолчать находившиеся здесь две 105-мм батареи гаубиц. Командовал этой позицией полковник Лаланд, начальник 3-го Иностранного пехотного полка Легиона, при котором находился его 3-й батальон и штабная рота. В его распоряжении находились также батальон алжирцев и остатки алжирских частей с «Габриэль» и тайских из «Анн-Мари», всего – 1700 человек. С 4 апреля мощь ударов вьетнамцев по этой позиции день ото дня возрастала. По свидетельствам очевидцев, обороняться здесь было намного тяжелее, чем даже в среднем «лагере» Дьен-Бьен-Фу, поскольку позиция «Изабель» находилась по высоте ниже остальных. Дело в том, что начавшиеся в апреле муссонные дожди превратили здесь окопы в наполненные водой и грязью канавы, а блиндажи и бункеры – в своеобразные бассейны с тем же содержимым. Зачастую приходилось отбивать вражеские атаки, находясь по грудь в воде. Кроме того, из-за небольшой по площади территории на позицию падало меньше всего грузов, и ее защитники жестоко страдали от голода и нехватки боеприпасов (Личный архив С. Балмасова. Письмо ветерана Французского иностранного легиона К.Г. Левинского С.С. Балмасову 6 апреля 2002 г.).

Следует отметить, что к концу апреля 1954 г. возможности дальнейшей обороны Дьен-Бьен-Фу были исчерпаны. Большая часть лучших войск этой базы – легионеров – полегла в боях, а оставшиеся были истощены от голода и измотаны непрекращающимися боями. Все реже, из-за отсутствия боеприпасов, французские орудия и минометы отвечали на усиливавшиеся обстрелы вьетнамцев, буквально засыпавших легионеров снарядами и минами. Все меньше оставалось у них не только продуктов, но и патронов. Окопы, которые рыли вьетнамцы в направлении позиций легионеров, каждый день приближались.

Что же делало высшее французское командование в Индокитае во главе с генералом Наварром для спасения гарнизона Дьен-Бьен-Фу? Оно разработало три явно запоздалых плана под кодовыми зловещими названиями птиц, чье появление символизирует беду: «Гриф», «Кондор» и «Альбатрос». Согласно первому плану, предполагалось склонить американцев для участия в ковровых бомбардировках осаждавших Дьен-Бьен-Фу вьетнамцев, в которых должны были принять участие одновременно до 100 дальних бомбардировщиков «Б-29», не исключая применения атомных бомб (Jules Roy. The Battle of Dien Bien Phu. New-York, 1965. P. 213, 225.).

Однако американцы отвергли такое предложение по политическим соображениям: только что они ушли с намятыми боками из Кореи, а тут еще сомнительное участие в такой авантюре, которая грозила втянуть США в мировой конфликт с СССР и Китаем! По плану «Кондор» предполагалось сконцентрировать оставшиеся незадействованными при Дьен-Бьен-Фу парашютные батальоны и части Легиона и высадить их недалеко от базы с целью ее деблокирования. Однако нехватка транспортных самолетов заставила Наварра и Коньи отказаться от реализации этого плана в изначальном варианте и двинуть имевшиеся в Лаосе войска сухопутным путем, по бездорожью. В состав Восточной подгруппы этих войск входил 2-й батальон 2-го Иностранного полка. К моменту капитуляции гарнизона Дьен-Бьен-Фу эта группа не дошла до базы всего 30 километров, и начавшаяся операция по спасению базы провалилась. Однако, по мнению Наварра, даже если бы группа прорыва успела к Дьен-Бьен-Фу до ее падения, максимум, чего она могла достичь – это на время заставить Зиапа отказаться от решительного штурма базы (Henri Navarr. Agonie de L'Indochine. Paris, 1958. P. 247.).

План «Альбатрос» в тех условиях был более реальным, но слишком запоздалым для своего практического выполнения. Он предусматривал прорыв гарнизона базы в юго-западном, южном и юго-восточном направлениях. Когда его передали в Дьен-Бьен-Фу, там его назвали «кровопусканием» и выполнять не стали, поскольку посчитали, что солдаты пали духом и были настолько измотаны боями, что просто не выдержали бы пути по джунглям и бездорожью, где, как известно, каждый километр дается за 10 обычных (Bernard B. Fall, Hell in a Very Small Place The Siege of Dien Bien Phu. New-York, 1967. P.399.). Когда все же, видя, что положение Дьен-Бьен-Фу полностью безнадежное, командование гарнизона приняло этот план, оказалось, что он уже невыполним – почти все остававшиеся у французов войска сдались вьетнамцам, а бункер, в котором оно находилось, был обложен противником, который 7 мая и принял капитуляцию полковника Кастри.

Поздним вечером 1 мая вьетнамцы предприняли последние усилия для уничтожения Дьен-Бьен-Фу. После «остервенелого», как говорил находящийся здесь советский военный советник, сопротивления противника ночью со 2-го на 3-е мая «коммунистические войска овладели рядом важнейших позиций, дававших ключ для последнего удара по французским империалистам». Это были позиции «Элиан-1» и «Доминик-3», отданные легионерами и их боевыми товарищами врагу после ожесточенных боев и ценой огромных потерь. В то же время все усилия вьетнамцев по овладению позиции «Элиан-2» закончились провалом. Несмотря на то что против этого укрепрайона вьетнамцы сосредоточили почти все «катюши», надрывный вой которых при пуске ракет сильно давил на нервы, при помощи еще остающейся артиллерии гарнизон «Элиан-2» выстоял, стреляя по противнику в упор из всех видов оружия, имевшегося в наличии. Вьетнамцы потеряли здесь сотни убитых из своих лучших 88-го и 102-го «Столичного» полков 308-й пехотной дивизии, но так и не смогли взять позицию штурмом. Справились с «Элиан-2» и ее защитниками вьетнамцы средневековым способом – подвели под нее минные галереи, куда заложили полторы тонны тринитротолуола, и 6 мая подорвали. Немногие оставшиеся в живых при взрыве легионеры бились здесь до конца, предпочтя смерть сдаче в плен (Filipp B. Davidson. Indochina wars (1946–1975). New-York, 1980. P.274.).

На другой стороне обороны базы после мощной артиллерийской подготовки вьетнамская пехота овладела в ходе ожесточенного боя позицией «Югетт-5», причем здесь противники дрались врукопашную по пояс в воде. Согласно свидетельствам с вьетнамской стороны, их артиллерия превратила окопы и блиндажи легионеров в месиво из грязи и щепок.

К полудню 7 мая 1954 г. ситуация для гарнизона Дьен-Бьен-Фу стала безнадежной. Лучшие его части, в том числе остатки батальонов легионеров, еще продолжали отчаянное сопротивление на позициях «Клодин» и «Изабель», а также на восточном берегу реки Намъюм, но это была агония. Несмотря на то что к тому времени гарнизон составлял 10 133 человека, сил и возможностей сопротивляться у них почти не было. Поэтому к вечеру того же дня сопротивление быстро ослабело, появился первый белый флаг – это сдавались арабы. Пошла «цепная реакция» – белые флаги стали появляться то тут, то там. В ходе общей атаки, предпринятой вьетнамцами на центр Дьен-Бьен-Фу, сопротивление его защитников было окончательно сломлено и база пала. Продолжал оказывать яростное героическое сопротивление лишь гарнизон «Изабель», но и он был обречен.

Между тем легионеры позиции «Изабель» сдаться наотрез отказались. Полковник Лаланд решил идти на прорыв. Видя колебание арабов, легионеры пригрозили им оружием, и те были вынуждены повиноваться. Испортив остающееся целым оборудование, в ночь с 6-го на 7-е мая 1954 г. гарнизон «Изабель» пошел в самоубийственную атаку против ошеломленных вьетнамцев, которые приготовились к его сдаче (Brunon J., Manue G.–R. Livre d'Or de la Legion Etrangere (1831–1955). Paris-Limoges-Nancy. 1958. Pp.280.). В ходе ожесточенного боя большая часть из полутора тысяч смельчаков осталась на поле боя, прорваться удалось только 70-ти счастливчикам. Далеко не все из них были легионерами – здесь были также тайцы и арабы, которых пришлось поднимать на прорыв пинками и угрозой применения оружия. В совершенно не человеческом виде, в изодранной форме, израненные, голодные, с разбитыми в рукопашных боях прикладами винтовок и автоматов пробилась в июне 1954 г. в Лаос эта героическая группа. Это было все, что осталось от 15-тысячного гарнизона Дьен-Бьен-Фу.

Около 10 тысяч человек оказались в плену, в котором они находились больше года. Условия их содержания были ужасными, т.к. попали они в еще более извращенный вариант ГУЛАГа – азиатский. Большинство из них находилось под открытым небом, несмотря на самые неблагоприятные погодные условия, в огороженной забором с вышками части джунглей. Местность кишела ядовитыми тварями, змеями и насекомыми, укусы которых унесли немало жизней. Кормили их отбросами и в расчете на азиата, то есть сильно уменьшенными порциями, которых для европейца не хватало. Охрана лагерей, специально подобранная из тех, кто в наибольшей степени пострадал в той войне, особенно лютовала, имея на руках приказ стрелять без предупреждения в случае даже подозрения в готовящемся побеге.

Легионеров среди пленных было немного – большая часть полегла на поле брани. Большинство из пленных легионеров были ранеными и требовали медицинской помощи, которая здесь отсутствовала. При этом к ним со стороны «советских товарищей» было проявлено особое внимание. Они вычисляли из этой массы бывших советских граждан, граждан социалистических стран Восточной Европы, а также эсэсовцев. Последних определяли очень просто, по характерным татуировкам на руках, и после непродолжительного допроса их жизни обрывали выстрелы. Эсэсовцы отмечали буквами латинского алфавита свои группы крови: «А» – 1-я группа, «В» – вторая и т.д. Впрочем, несколько бывших эсэсовцев исхитрились срезать с мясом такие татуировки, выжить и вернуться из плена! Граждан Чехословакии, Польши и других стран возвращали на родину, под надзор соответствующих служб. Легионерам же «советского» происхождения предстояло

самое тяжелое испытание – возвращение в родной ГУЛАГ, на урановые рудники и в шахты Заполярья, где их следы теряются (Личный архив С. Балмасова. Письмо ветерана Французского иностранного легиона К.Г. Левинского С.С. Балмасову 6 апреля 2002 г.).

В результате такой «фильтрации» число легионеров, до конца отбывших свой срок в лагерях, резко сократилось. Десятки и сотни также погибли от недоедания, тропических болезней и нечеловеческих условий содержания. Всего во Францию вернулось менее 4 тысяч человек из состава гарнизона Дьен-Бьен-Фу. Легионеров среди них оставалось всего несколько сотен. Там, в ставшем для них родным подразделении, их встречали немногие оставшиеся в боях их сослуживцы, с которыми они, вспомнив былые бои, вновь отправились на другую – Алжирскую войну, но это уже другая тема.

Оборона Дьен-Бьен-Фу стоила французам 15-тысячного гарнизона, большая часть которого попала в плен. Вьетнамцам это обошлось еще дороже. Общие их потери составили до 30 тысяч убитых, раненых, пленных, пропавших без вести и больных. Их победа была «пирровой», но все-таки они победили. Фактически, эта победа привела Вьетнам к долгожданной независимости, а Францию – к позору. Она была разгромлена своей бывшей захудалой колонией. Но была ли возможность победить у французов при обороне Дьен-Бьен-Фу? Герой тех событий, парашютист Бижар, вспоминая об этом, сказал: «Если бы мне дали хотя бы 10 тысяч легионеров, мы бы выстояли. Все остальное, кроме легионеров и парашютистов, было ни на что не способным сбродом, и надеяться на победу, имея такие силы, какие у нас были в Дьен-Бьен-Фу, было невозможно». С этим утверждением нельзя и согласиться, и не согласиться. Несомненно, что такими силами, какие были там у французов, надеяться победить было бессмысленно. В то же время надо сказать, что, каков бы ни был по своему составу гарнизон Дьен-Бьен-Фу, он был бы обречен. Нет сомнения, что составленный из одних легионеров гарнизон держался бы дольше и нанес бы врагу куда больше потерь. Можно по-разному относиться к Легиону, но факты показывают, что его подразделения дрались героически, предпочитая смерть сдаче вверенных им позиций врагу, и сделали все, что было в их силах. Можно смело сказать, что не будь здесь легионеров, база Дьен-Бьен-Фу пала бы намного раньше, а позор Франции был бы еще больше. Однако гарнизон Дьен-Бьен-Фу был изначально обречен. Сами условия борьбы, климат, технические возможности французов, наконец, политическая обстановка, при которой Китай и СССР оказывали Вьетнаму почти неприкрытую помощь, исключали даже теоретическую возможность на победу. Вступая в войну с Зиапом и Хо Ши Мином, французским политикам следовало знать, что драться в результате они будут не только с вьетнамскими коммунистами, но и с их советскими и китайскими товарищами, что вытекало из идеологии «интернациональной помощи». Выстоять в такой борьбе Франция не могла, даже если бы бросила в бой все свои силы. Проиграли здесь не легионеры, не арабы и не тайцы, и даже не французское командование, допустившее ряд досадных промахов. Даже если допустить, что этих промахов бы не было, если бы туда перебросили не 10, а 100 танков и побольше пушек, то осада Дьен-Бьен-Фу продлилась бы дольше и унесла бы гораздо больше жизней, но... эта база была обречена. В тех условиях одержать верх над вьетнамцами не могла ни одна армия мира. Это наглядно показали последующие войны против Вьетнама США, а впоследствии и Китая.

Прежде всего проиграли Дьен-Бьен-Фу политики, положившие армию и, прежде всего Французский иностранный легион на алтарь своего огромного честолюбия, за которое легионеры заплатили тысячами своих жизней.

Каковы же были потери Легиона во Вьетнаме? Со слов корреспондента «Красной звезды» М. Петрова, который в своей статье приводит данные немецкой стороны: «На днях боннский корреспондент агентства «Ассошиэйтед Пресс» Вилли

М. Хорбах, касаясь судьбы немецких легионеров, указывал, что с начала боев во Вьетнаме погибли уже 25 тысяч немцев-легионеров» (Петров М. Шагай или погибнешь! (О судьбе немцев – солдат Иностранного легиона во Вьетнаме) // «Красная звезда». 1954. 14 мая.).

Это явно завышенные цифры, учитывая, что немцы не представляли стопроцентно в своем составе Легион. В то же время очевидно, что французское командование также занижало цифры потерь, говоря о немногим более чем 10 тысячах убитых. Очевидно, для того, чтобы получить более-менее правильную цифру, надо вычислить «среднее арифметическое». Проведя эту несложную математическую операцию, получаем цифру 17,5 тысячи.

Алжирская война

В Алжире, во время войны Франции в Индокитае, тоже было не совсем спокойно. Алжирские националисты и моджахеды готовились к вооруженной борьбе после того, как в мае 1945 г. стихийная попытка алжирцев освободиться от французского колониального рабства стоила им 40 тысяч жизней во время «Сетифской бойни». В то же время при подавлении демонстраций и выступлений арабов и берберов погибли 88 французов (Конфликты XX века. М., 1995. С.261; Васильев Д. Правда об Алжире.// «Международная жизнь». 1958. № 1. С.152.). Легион также проявил себя тем, что жестоко расправлялся с повстанцами и простыми алжирцами, пожелавшими выразить протест против колониализма.

Сколько же тогда оказалось в Иностранном легионе выходцев из СССР? Точно до сих пор не известно, но несомненно, что счет шел на тысячи.

Ко времени завершения Алжирской войны Французский иностранный легион насчитывал 120 тысяч человек. Увеличение его численности было связано с тем, что началась эпоха национально-освободительных движений. От Латинской Америки до Индокитая поднялись на борьбу против ненавистных французских колонизаторов порабощенные ими народы. Для их подавления и расширили легионерский штат. В период де Голля легионеров также привлекали из Алжира для наведения порядка на Корсике, где местные жители громили отдельные фирмы, которые были заподозрены в перепроизводстве вина (см. Москович Алекс. Времена клопов. М., 1992. С.135.).

С конца 1945 г. поднялись на вооруженную борьбу народы Вьетнама, Кампучии и Лаоса. Большую часть Легиона срочно перебросили в Индокитай. В ходе почти десятилетней войны легионеры тщетно боролись со стремлением местных народов освободиться от тех, кто уже более полувека угнетал, убивал их, расхищал их национальное богатство...

Легионеры особенно отличились здесь в карательных операциях против мирного населения, так как поддерживаемые им партизаны в большинстве случаев оказывались недосягаемыми. Партизаны же успешно мстили карателям, и не одна тысяча легионерских могил, раскиданных по необъятным джунглям Индокитая, служат и сегодня суровым напоминанием наемникам о том, что их ждет, если они посягнут на свободу других народов, выполняя волю хищного французского правительства...

После Вьетнамской войны, в 1954 г., Легион был снова перебазирован в Алжир, где также началась национально-освободительная борьба. Сюда же перебросили с Мадагаскара тех легионеров, которые участвовали в 1947 г. в кровавом подавлении восстания мальгашей, которое стоило им 80 тысяч убитых в боях и замученных, в том числе и легионерами, людей (Бела Феньо. ОАС. М., 1962.).

К этому времени патриотические силы Алжира, объединившиеся вокруг Фронта Национального освобождения Алжира и его лидера Ахмеда Бен Белла, подготовили вооруженное выступление против ненавистной французской власти, жестоко угнетавшей алжирский народ. В этом Ахмеду Бен Белла активно помогали СССР, Китай, Чехословакия и Египет. Из первых двух на территорию Египта

перебрасывалось оружие, инструкторы, осуществлялась денежная помощь, где и подготовлялись отряды алжирских бойцов. Восстание началось неожиданным для французов нападением на административные здания и казармы войск 1 ноября 1954 г. Это было началом национально-освободительной войны алжирского народа. Эта борьба была подхвачена в Марокко и Тунисе. Наиболее ожесточенные бои тогда развернулись на востоке Алжира у границы с Тунисом и в горной Кабилии (Черняев В. Освободительная война алжирского народа.//Военно-исторический журнал. 1974. № 11. С.75–76.).

Сил «доблестных легионеров» для подавления свободолюбивых устремлений народов Северной Африки уже не хватало, как не хватало и сил вообще всей Франции, чтобы удержать их в своем подчинении. В итоге, уже в марте 1956 г. Франция была вынуждена предоставить, после ряда столкновений, независимость Тунису и Марокко.

Однако за Алжир, где недавно были найдены огромные запасы нефти, французы решили держаться любой ценой. На 1-м этапе борьбы в Алжире генерал Салан предложил использовать тактику «шахматных квадратов». На них была поделена вся алжирская территория, и в каждом квадрате находились войска, в том числе и легионеры, отвечавшие именно за этот район. Из военной базы, находившейся при каждом таком «квадрате», французы планировали наносить по моджахедам удары. Это ничего не напоминает? Правильно, идея «Дьен-Бьен-Фу в миниатюре».

Однако практическое выполнение такого плана было невозможным из-за слишком большой территории Алжира и нехватки войск для полного ее контроля. Они же должны были прочесывать этот район в случае обнаружения там повстанцев. Войска в каждом из квадратов не успевали справляться с вылазками моджахедов, их приходилось перемещать из района в район, а повстанцы тем временем занимали ту территорию, на которой недавно находились французы, и наоборот (Черняев В. Освободительная война алжирского народа.//Военно-исторический журнал. 1974. № 11. С.76.).

Это было весьма трудно – постепенно национально-освободительная война охватила всю территорию Алжира. Удары сыпались на оккупантов со всех сторон и в любое время дня и ночи: на городских улицах, на караванных тропах, в горах – всюду. В Париже многим еще казалось, что это – кратковременная вспышка мятежа и достаточно присылки всего Французского иностранного легиона туда, чтобы положить конец антифранцузским действиям. Однако день ото дня сопротивление алжирского народа геноциду со стороны французов все возрастало. Считавшиеся «благополучными» районы Алжира восставали. Французы нигде не могли себя чувствовать в безопасности.

В это время главным депо Легиона продолжал оставаться Сиди-Бель-Аббес. «Шагай или погибнешь!» Этим лаконичным лозунгом встречают новых рекрутов, прибывающих в учебный лагерь в Сиди-Бель-Аббесе (Петров М. Шагай или погибнешь! (О судьбе немцев – солдат Иностранного легиона во Вьетнаме) // «Красная звезда». 1954. 14 мая.).

Весь Французский иностранный легион был полностью перебазирован в Алжир. Каратели-легионеры уничтожали целые населенные пункты, где могли укрываться повстанцы, даже по одному лишь подозрению в этом. Однако это еще больше поднимало ненависть к врагу. Всего французы перебросили для борьбы против алжирского народа до 800 тысяч человек, из которых 120 тысяч приходились на легионеров. В такой неравной борьбе меньшие и хуже вооруженные повстанцы, не имевшие, в отличие от французов, такой современной техники, как танки, крупнокалиберную артиллерию и авиацию, несли большие потери.

Постепенно основные районы боевых действий переместились в труднодоступные районы Атласа и к границам Алжира с соседними государствами, главным образом, Марокко, Туниса и Нигера, где у них были «тыловые базы».

Настоящим адом, своеобразной алжирской «Смоленщиной» для французов вообще и легионеров в частности стал горный район Эль-Аурас, или Орес. Попытки легионеров проведения карательных экспедиций в этом районе для его «замирения» были малоэффективны и приводили к многочисленным жертвам со стороны карателей. Местность, очень удобная для партизанской борьбы, помогала партизанам быстро уходить из-под удара. Немало в этом районе колонн французов и легионеров, попадавших в засады партизан на горном серпантине дорог, навсегда осталось стоять грудами искореженного металлолома. Попытки справиться с партизанами путем уничтожения местных населенных пунктов особой пользы не приносили – большинство местных жителей отходило вместе с моджахеддинами в труднодоступные районы, где укрывались в системе пещер, почти недоступных для карателей.

Французское командование старалось беречь жизни собственных солдат при проведении карательных операций против алжирского народа, опасаясь, в случае неизбежных потерь, всплеска негодования общественного мнения внутри страны, и в самое пекло посылали легионеров. В случае их гибели в самой Франции можно было бы легко объяснить, что печалиться по этому поводу особенно нечего, так как того легионерский сброд, где много недобитых фашистов, искупляющих перед французским народом свои преступления во Второй мировой войне, не заслуживает.

В ходе Алжирской войны получили широкое распространение десантные операции легионеров-парашютистов в труднодоступные районы. Иногда это приносило желаемые результаты – бывали случаи, когда таким образом удавалось накрыть стоянки партизанских отрядов и уничтожить их.

Но в большинстве случаев, несмотря на прочесывание десантниками, в том числе и легионерами, местности, никаких результатов не было. Чтобы выместить злобу за провал, парашютисты взваливали свою амуницию на стариков и детей и гнали их так нередко неделю, а то две, по раскаленной пустыне и горам до нового населенного пункта или французской базы, после чего, обессилевших, бросали без денег и еды. При этом нередко боев вообще не было, т.к. моджахеды предпочитали не вступать в прямые столкновения с французской армией и легионерами и бить их из засад. Издевательства не проходили даром для французов и, по свидетельству участников карательных экспедиций, нередко в тех селах, над жителями которых они издевались, вырезались целые французские гарнизоны (Лельет Пьер. Похождения парашютиста // «Красная звезда». 1959. № 134. 10 июня.).

Интересно привести факты того, как воевал Легион. Хотя они, в изложении советских источников воспоминаний французов, во многом представляются тенденциозными, все же они имеют определенную значимость: «В долине Шария подразделение Французского иностранного легиона столкнулось с отрядом алжирских повстанцев. Встреченные сильным огнем, легионеры вызвали на помощь взвод танков и парашютистов-»краснобеpетчиков», среди которых был и я.

Мы окружили деревню, где укрывались алжирские солдаты. Авиация и артиллерия не оставили камня на камне от деревушки, хотя командование знало, что под бомбами и снарядами гибнут ни в чем не повинные мирные люди.

Когда мы пошли в атаку на развалины деревушки, некоторые из алжирцев сдались, подняв руки. Все они были расстреляны. Тяжелораненые алжирцы, среди которых были и дети, не подбирались. Их оставили умирать под палящими лучами солнца. А солнце в Алжире безжалостное...» (Иорданский В. Сражающийся Алжир.// «Огонек». 1958. № 40. С.23.)

Однако потери при проведении таких операций были немалыми, несмотря на то что в районе предполагаемого нахождения партизан наносились бомбовые удары

и выжигание местности напалмом. Поначалу применение вертолетов французами в бою вызывало у алжирцев замешательство, но с ними быстро научились бороться при помощи пулеметов. Немало сгорело вертолетов, в том числе и с легионерами, в тот момент, когда они были наиболее уязвимы – при посадке и в момент нахождения их на земле.

С помощью авиации, включая и вертолеты, французы вообще и легионеры в частности, истребляли главное средство передвижения в горах – мулов, чтобы затруднить действия моджахедов (Иорданский В. Сражающийся Алжир // «Огонек». 1958. № 40. С.24.).

Впрочем, легионеры и вообще французы использовали это новое изобретение техники по-своему: они допрашивали «подозрительных» или пленных на их борту в момент полета машины, требуя сообщить интересующие их данные в обмен на сохранение жизни, а в противном случае сбрасывая их на землю.

Постепенно крупные отряды повстанцев разделились на малые группы, находившиеся в разных частях страны, ближе к границам сопредельных государств – так как крупные скопления алжирских бойцов быстро накрывались вражеской авиацией или дальнобойной артиллерией. Война на уничтожение бойцов алжирского сопротивления хоть и привела к снижению численности их рядов с 50 тысяч до 15 тысяч человек к концу 1950-х гг., но победы французам не принесла. Дело в том, что из соседних Марокко, Нигера и Туниса постоянно прибывали новые бойцы.

В этой связи одной из главных задач Французского иностранного легиона стало перекрыть тропы и дороги, по которым повстанцам извне шла помощь. На границе с Марокко и Тунисом легионеры оборудовали многокилометровую полосу для предотвращения проникновения партизан в Алжир и из него. В Марокко она составляла 250 километров, а в Тунисе – 350 километров. Наиболее известной была линия «Мориса» как самая мощная и труднопроходимая для алжирских повстанцев. Чтобы обеспечить эту линию от разного рода неожиданностей со стороны местного населения, французское командование приняло традиционное для «особо важных местностей» – выселение арабского и берберского населения из угрожаемых районов, в котором им «помогали» легионеры. От линии «Мориса» местное население было вывезено за 50 километров до ее начала (Потемкин Ю. Алжирский народ в борьбе за независимость. М., 1962. С.39.).

Следует сказать о том, что на таких линиях были проведены интересные эксперименты, например, по установке на них радиолокаторов, ориентированных на прикосновение к проволоке. Введение технических новшеств резко затруднило прорывы таких линий, через которые к концу войны могли пробиться лишь единицы, а крупные отряды повстанцев блокировались и уничтожались (Руа Ж. Алжирская война. М., 1961. С.87-91.).

Дело в том, что при отсутствии сочувствовавшего боевикам местного населения резко затруднялось передвижение боевиков в этом районе, поскольку французы знали о передвижениях своих сил, а местных жителей не было. Таким образом, в случае появления неизвестных людей их можно было смело считать моджахедами со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Там были намотаны сотни километров проволочных заграждений, в том числе и с током, установлены минные поля, сооружены оборонительные сооружения в виде каменных укреплений, где укрывались легионеры, которым придавалась бронетехника и авиация. Такие укрепления находились через каждые 2–3 километра, а через каждые 15 километров находились мощные форты с бронетехникой и авиацией. Это хоть и затруднило проведение боевых операций повстанцами, отнюдь не принесло желаемых результатов для французов: сконцентрировавшись где-нибудь в одном месте, партизаны с алжирской, марокканской или тунисской территории наносили неожиданные удары. Для введения в заблуждение противника по его постам могли за несколько минут до

этого наноситься минометные удары сразу во многих местах. Вслед за этим, также в нескольких местах партизанами организовывались попытки прорыва, некоторые из них были отвлекающими внимание врага от места основного удара. Вся многосоткилометровая линия постов вдоль границы находилась в постоянном напряжении – повстанцы изматывали легионеров бесконечными атаками и беспокоящей стрельбой. Они сами успешно охотились на легионерские патрули, расставляя на пути их движения мины и организуя против них засады. Жизнь для легионеров здесь быстро превратилась в ад. Мароккано-алжирская граница стала для Французского иностранного легиона таким же незабываемым кошмаром, как «горные джунгли» алжирских городов, как горный район Эль-Аурас!

Нет сомнения, да и сами алжирцы этого не скрывают, что без помощи извне они бы не смогли справиться с более многочисленным и лучше вооруженным противником, каким была Франция, ведь только один Французский иностранный легион превосходил по численному составу все вместе взятые подразделения алжирских партизан. СССР принадлежит львиная доля в этой помощи. Именно из СССР по большей части и доставлялось алжирцам оружие, захваченное в ходе Второй мировой войны у Германии и ее союзников, а также оставшиеся стволы собственного производства того же времени. Немецкие скорострельные пулеметы «МГ-39» и «МГ-43», пистолеты-пулеметы «Шмайсер» «МР-38» и «МР-40», фаустпатроны, советские пулеметы Дегтярева и Горюнова, пистолеты-пулеметы Судаева и Шпагина неплохо проявили себя в условиях алжирских гор и песков, сослужив добрую службу своим новым владельцам. Особенно благодарны алжирские моджахеды были за поставки крупнокалиберных зенитных пулеметов «ДШК».

Вот и тянулись бесконечные караваны с оружием и боеприпасами в Алжир из сопредельных стран. О том, как отразились поставки оружия из СССР и Чехословакии на ход войны, свидетельствуют данные. Если к ноябрю 1957 г. алжирцам удалось повредить или сбить 20 самолетов и вертолетов противника, то к февралю 1958 г., когда военная помощь достигла моджахедов, эта цифра достигла 70 (Михайлов М. Война в Алжире.//Военный вестник. 1959. № 6. С.82).

Невероятным напряжением людских и финансовых ресурсов Франции удалось нанести повстанцам ряд чувствительных ударов. Так, в приводимой советскими военными специалистами карте боевых действий в конце 1958-го – начале 1959 г. из списка «партизанских районов» исчезли массивы с центрами в Саиде, Маскаре, Тиарете и Сетифе (Михайлов М. Война в Алжире // Военный вестник. 1959. № 6. С.82.). Это было связано с разгромом действовавших там моджахедов. Именно в это время происходит смена генерала Салана на генерала Мориса Шаля. Тем самым французское командование повторяло «вьетнамскую ошибку» – частую смену местных «алжирских» командующих, что приводило на некоторое время к дезориентации войск и военного управления. Но с заменой Салана на Шаля происходит смена тактики антиповстанческих операций: теперь французы и легионеры окружали плотным кольцом партизанский район и медленно сдавливали вокруг него кольцо, стараясь уничтожить всех моджахедов (Черняев В. Освободительная война алжирского народа // Военно-исторический журнал. 1974. № 11. С.78–79.). Эта тактика и принесла свои плоды. В декабре 1958-го – ноябре 1959 г. основные силы алжирского сопротивления были разгромлены. Следует отметить, что во многом это произошло из-за того, что силы французов, имевшиеся при Салане в размере 200 тысяч человек, были с приходом Шаля увеличены в 4 раза! Но повстанцы еще продолжали действовать в районах горной Кабилии, вокруг Тизи-Узу и Филиппвиля, в горах Эль-Ауреса (Ореса), вокруг Тлемсена и Милианы (Михайлов М. Война в Алжире // Военный вестник. 1959. № 6. С.82.).

В то же время окончательному разгрому моджахедов помешала политика. Нажим «мирового сообщества» в виде левых по всему миру с подачи СССР привел к тому, что Франция была вынуждена снизить остроту военных операций, что

позволило боевикам восстановить силы. Слишком большие уступки, сделанные кабинетом де Голля моджахедам и коммунистам, вызвали протест армии. Герой Алжирской кампании, генерал Шаль 22 апреля 1961 г. поднял мятеж против такой политики, понимая, что ее итогом станет потеря Алжира и все многотысячные жертвы этой войны, принесенные Францией вообще и Легионом в частности, будут напрасны. По самым скромным оценкам, французские потери к тому времени составили 25 тысяч человек убитыми, а боевые потери алжирцев составляли 200 тысяч человек убитыми. Значительная часть как «своих», так и вражеских потерь приходилась на легионеров. В этом мятеже французское военное командование в Алжире полностью поддержало легионное начальство, всегда бывшее правой рукой Шаля в ту войну (Черняев В. Освободительная война алжирского народа // Военно-исторический журнал. 1974. № 11. С.79.).

Именно Иностранный легион был ударной силой путча (Ерашов Ю. ОАС – черная сотня колонизаторов // «Советский воин». 1962. № 10. С.44.). По свидетельству современников, за это генерал де Голль расформировал несколько полков Иностранного легиона, сильно сократив его численность. Сами алжирцы называли Легион «наиболее оголтелым вооруженным аппаратом колонизаторов» (Бела Феньо. ОАС. М., 1962. С.25.).

Легион этого не простил. Ультраправые французские офицеры в тесном союзе с Легионом и особенно теми его питомцами, которые в результате разгона нескольких его полков оказались не у дел, создали террористическую организацию ОАС, «Секретную вооруженную организацию».

Она занималась физическим устранением неугодных им лиц во власти и «быту», которые выступали за «левый» курс де Голля и всячески его поддерживали. Одним из первых от рук легионеров-оасовцев пал начальник полиции Сиди-Бель-Аббеса Андрэ Буль, чрезмерно докучавший им и бывший сторонником де Голля. Он был убит в тот момент, когда он уже садился в самолет, улетающий в Париж к де Голлю. Не оставил Легион и самого де Голля. Вне всякого сомнения, что в большинстве покушений того времени на этого лидера большую роль сыграли легионеры, иногда бывавшие очень близко к успеху по устранению ненавистного вождя Франции, но так и не сумевшие воплотить в жизнь свои мечты.

Расформирование отдельных полков Легиона тоже происходило довольно странно. Легионеры толпами оттуда уходили в ОАС, унося не только личное оружие, но и даже станковые пулеметы и радиостанции (Ерашов Ю. ОАС – черная сотня колонизаторов.//«Советский воин». 1962. № 10. С.45.). По сообщению французского еженедельника «Экспресс», в ОАС при этом имелись такие подразделения террористов, многие из которых были эсэсовцами, «где легче всего понимают человека, если он говорит по-немецки» (Бела Феньо. ОАС. М., 1962. С.25.).

Штаб ОАС возглавил генерал Гарди, бывший инспектор Французского иностранного легиона (Ерашов Ю. ОАС – черная сотня колонизаторов // «Советский воин». 1962. № 10. С.45.). Одну из главных ролей в ОАС тогда играл «знаток и душа Легиона» генерал Салан, прославившийся еще участием в подавлении восстания друзов в 1925–1927 гг. в Сирии, жесткий критик «умиротворения» Алжира «по де-голлевски».

Положение французов затрудняло и выращенное их собственными руками детище – алжирская вспомогательная армия, в свое время воевавшая в Марокко и Индокитае и поднабравшаяся там опыта. Ее части весьма слабо помогали французам и легионерам, которые с презрением и враждебностью относились к алжирцам еще с Вьетнамской войны. Кроме того, алжирцы часто дезертировали, унося оружие и пополняя ряды повстанцев. Это была довольно большая проблема для французов, которую им так и не удалось положительно решить. Только в результате засад и нападений на легионеров и французов 2 и 3 января 1959 г. стал подрыв 3 эшелонов, гибель и ранение 297 человек и пленение 11 легионеров.

Однако те также сильно потрепали ее войска. В ноябре 1960 г. моджахеды совершили ряд успешных нападений на французские посты на востоке Алжира, многие из которых охранялись легионерами. При этом повстанцы убили десятки солдат и офицеров противника, освободили многих из захваченных своих собратьев, которые, будучи задержаны французскими властями, находились там же, при постах (Ланда Р.Г. Сражающийся Алжир // «Новое время». 1961. № 9. С.5.). Усилились нападения и на железные и шоссейные дороги, результатом чего становилось разрушение их инфраструктуры и уничтожение сотен французских солдат и легионеров (Михайлов М. Война в Алжире.//Военный вестник. 1959. № 6. С.83.).

Из всех французских войск особенно досталось легионерам, которых пихали во все «дыры». Легиону, из-за растущих потерь, постоянно требовалось для пополнения потерь новое «пушечное мясо». Его «доставали» разными способами. Одним из них были открыто действовавшие вербовочные пункты в Европе, главным образом, в Германии. По явно завышенным цифрам, тогда в Алжире было в некоторых подразделениях до 80 % немцев (Этингер Я. Участие Западной Германии в войне против Алжира.//«Новое время». 1959. № 14.). Дело в том, что нередко «немцами», чтобы запутать следы, себя называли выходцы из бывшего СССР и стран Восточной Европы, находящихся под советской оккупацией. Надо учитывать и то, что сами французы в большинстве случаев вели учет «национальностей» именно по формальным документам, в которых волонтеры указывали не только вымышленные имена и фамилии, но и «новую» национальность. Более правдоподобные цифры приводит корреспондент немецкой газеты «Вельт дер Арбайт» Берндт Энегельман, говоря, что в Алжире тогда находились до 40 тысяч немецких легионеров и что «немецкую речь можно было услышать на каждом шагу» («Welt der Arbeit». 1958. 17 October.). Если учитывать конечную цифру легионеров Французского иностранного легиона на 1962 г., то получится, что немцев в таком случае там была треть от всего состава.

В 1960 г. французам удалось пополнить легионерский состав десятками и сотнями русских и жителей СССР вообще. Это произошло при следующих обстоятельствах: 1960 год стал годом «африканской независимости».

30 июня 1960 г.

Бельгийское Конго, нынешний Заир, также объявило о своей независимости. Во главе конголезского правительства встал один из лидеров партии Национальное движение Конго Патрис Лумумба. Во главе вооруженных сил молодой африканской республики – «Общественных» или «Народных» сил был назначен родной дядя Патриса Лумумбы – Виктор Лундула, бывшим армейским санитаром. Начальником штаба вооруженных сил Конго стал бывший армейский сержант Жозеф Мобуту. СССР поспешил сразу же признать новообразовавшееся «антиимпериалистическое государство». Конго решено было оказать материальную и техническую помощь. Материальная помощь была оказана на сумму в размере десяти миллионов США. В Конго также были направлены разнообразные машины, техника, оборудование для ее ремонта, обслуживающий персонал, оружие, а также советские военнослужащие для подготовки конголезской армии.

Насколько оперативно действовали советские круги, видно из того, что уже 3 июля 1960 г. из Кронштадта в направлении конголезского порта Матади вышли два борта, на которых находились 3 тысячи специально отобранных для этой цели солдат и офицеров Советской Армии. При этом некоторые подразделения перебросили из Казахстана. Так, например, один из железнодорожных батальонов был переброшен со станции Державинка Атбасарского района Акмолинской области.

Одели «интернационалистов» в комбинезоны из «чертовой кожи», выдали береты синего цвета и клетчатые рубашки-«канадки». На этих же кораблях было и

вооружение «интернационалистов» – от стрелкового оружия до бронированных автомобилей. Транспорты шли под флагами торгового флота СССР.

Путь до Конго по морю продолжался 2 недели. За это время советских солдат усиленно обучали бельгийскому и французскому языкам. Главным образом, это обучение сводилось к знанию технических терминов по автомобильному и железнодорожному транспорту.

Однако в то же время события в Конго развивались совсем не по сценарию, который был разработан ГРУ, под руководством которого происходила операция. «Народная армия» под командованием Жозефа Мобуту, в которой подняли мятеж бельгийские офицеры, вышла из-под контроля власти Лумумбы. В стране воцарилась анархия. Воспользовавшись этим, для подавления национально-освободительного движения в Конго 9 июля 1960 г. высадились бельгийские парашютисты из метрополии. Анархия усилилась с объявлением Моизом Чомбе о независимости и от Бельгии, и от Конго провинции Кананга.

В то же время бельгийцы усилили натиск на конголезцев. 13 июля 1960 г. бельгийские парашютисты генерала Гейсена высадились в аэропорту Леопольдвиля – Нджили, и к вечеру 16 июля «национально-освободительное движение» в Конго «потерпело временное поражение». Все стратегические пункты конголезцев были захвачены бельгийцами. По конечной цели движения советских войск – порту Матади в то время, когда к нему упорно двигались корабли из Кронштадта, ВВС Бельгии наносили ракетно-бомбовые удары, а четыре корвета блокировали его с моря. 16 июля порт Матади также был взят под контроль бельгийцев.

Не зная об этом, ночью 18 июля 1960 г. советские корабли вошли в него. Не ожидавшие такого визита бельгийцы сначала опешили, но, пользуясь медлительностью советских команд, подняли тревогу. Темноту ночи прорезали мощные прожектора бельгийских кораблей, оглушительно громко завыли сирены. Чтобы предупредить высадку советского десанта на берег, по прибывшим кораблям был открыт предупредительный огонь. Снаряды рвались вблизи самых бортов.

На переговоры с бельгийцами отправились советские командиры. Им ничего не оставалось, как сдаться – их интернировали. В это время на кораблях было состояние, близкое к панике. Младшие командиры требовали от своих подчиненных тишины. Вскоре корабельное радио возвестило о сдаче советских «интернационалистов» бельгийцам. Постепенно, по очереди, катера бельгийского военно-морского флота доставляли советских военнослужащих на берег. Там их посадили в товарные вагоны на железной дороге и перевезли в Леопольдвилль. В столице их пересадили в грузовые машины и везли через джунгли около 300 километров. Во время следования их постоянно охраняли бельгийские коммандос.

Разместили интернированных советских солдат и офицеров в районе города Бандунду, посреди джунглей, в двадцати пяти километрах от границы с Французским Конго, в палаточном лагере, опять-таки под охраной коммандос. За день бельгийцы установили вокруг лагеря проволочные заграждения, поставив вышки с пулеметами и прожекторами.

Несмотря на такие «лагерные условия», по воспоминаниям Яна Сперксиса, «питание было хорошим», обращались с ними также неплохо, всем нуждающимся оказывалась необходимая медицинская помощь, в палатках были вентиляторы, регулярно показывались иностранные кинокомедии, транслировалась музыка. Однако всех мучило одно – неизвестность. Офицеры уговаривали «ждать», уверяя, что Советское правительство не забудет их. Советские солдаты спрашивали у бельгийцев, ведет ли Советское правительство об их освобождении переговоры, те же в ответ только смеялись, давая понять, что о них забыли и никто уже не вспомнит. Этим Ян Сперксис пытается оправдать последующий поступок себя и своих односумов, говоря о том, что их судьба за месяц никак не решалась. Следует

отметить, что тогдашняя ситуация для СССР была слишком щекотлива. Тогда Советское правительство в открытую не могло заявить о случившемся. Тем самым оно признавало факт вооруженной интервенции со своей стороны. Кроме того, такой случай был бы очень позорным. Дело в том, что слабенькая, по сравнению с советской, бельгийская армия подловила крупный воинский отряд из СССР и пленила его без потерь для себя.

Так как в открытую такой вопрос решить было невозможно, по этой причине были приведены в действие тайные механизмы давления. Однако интернированные советские солдаты об этом ничего не знали и злились на собственных офицеров, которых поселили в более комфортных условиях – в отдельных сборных деревянных коттеджах. Недовольство более привилегированными условиями жизни офицеров по сравнению с солдатами, что выставлялось, по воспоминаниям участника тех событий Яна Сперксиса, в качестве одной из причин последующего побега и перехода из-за этого к французам, также выглядит малоубедительно – на то, чтобы жить в несколько более лучших условиях, обусловливает само офицерское положение. Также солдаты-»интернационалисты» разозлились на своих офицеров и потому, что те с ними почти не общались, а только уговаривали «ждать», когда придет из «дома» освобождение. На это следует сказать, что правила содержания военнопленных и интернированных предусматривают обязательное отделение офицерского состава от солдатского. Возможно, поэтому бельгийцы и ограничили свободу общения между солдатами и офицерами.

Это создало у всех впечатление о том, что на солдат всем было наплевать – от Советского правительства до собственных офицеров. А солдаты между тем стали готовить побег – стали изучать охрану лагеря, ее слабые места. Оказалось, что таким слабым местом были лагерные ворота, около которых находились палатки охраны. Там уже заграждений не было.

Заранее добыли у одного бельгийского солдата карту местности. Наблюдательные советские солдаты установили смены охраны, которые не очень ревностно относились к отправлению своих обязанностей. В качестве оружия при побеге предполагалось использовать заранее заготовленные заточенные пластинки от спинок кроватей, жерди-подпорки от палаток.

И вот, 16 августа 1960 г., в 4 часа 30 минут утра, когда даже часовые на вышках дремали после душной африканской ночи, пленные советские солдаты ринулись на прорыв. Все рванулись к воротам – расстояние в 150 метров до палаток охраны они преодолели в считаные мгновения, застав бельгийцев врасплох. Также быстро беглецы вскочили в стоявшие рядом джипы и помчались к французской границе.

Доехали до реки Конго, служившей границей между Бельгийским и Французским Конго, где захватили стоявший на бельгийской территории паром. На него въехали прямо на машинах и заставили перевезти на французскую территорию. Ничего лучшего не нашли, как на пароме вывесить белый флаг и поехать сдаваться французам на таможню Мбеле – из плена в плен. Там их пленили сенегальские стрелки французской армии. Пришлось сдать захваченное у бельгийцев оружие. Их снова поселили в палатки. Правда, уже через несколько часов, к пленникам прибыли офицеры Французского иностранного легиона, среди которых был печально прославившийся в ходе Алжирской войны капитан Роже Люнгвиц. 17 августа 1960 г. стало днем резкой перемены в судьбе бывших советских военнослужащих – им предложили идти на службу в Легион или сидеть неизвестно какое количество времени в опостылевшем палаточном лагере. Все выбрали Легион. Одной из причин этого стало незнание царящих в нем порядков...

К этому времени офицерский состав легионеров был французским, но состоял, по большей части, из уроженцев колоний Франции. Сержанты и капралы были бывшими военными преступниками периода Второй мировой войны, как немцы, так и

разного рода коллаборционисты. Много среди них было эсэсовцев из национальных прибалтийских дивизий, украинской дивизии СС «Галичина», мусульманской дивизии «Анчар». Они «усердно» истязали солдат-новичков. По воспоминаниям того же Яна Сперксиса, один из фельдфебелей – невероятно огромный эсэсовец весом в 120 килограмм, зачастую вставал при тренировках на солдат, ползавших по-пластунски, и стрелял им между ног, требуя быстро ползти. «Промахи» при этом списывались на боевые потери. Над легионерами-новичками из СССР бывшие нацисты любили поиздеваться особенно...

В то время среди легионеров преобладали выходцы из бывшей Российской империи и СССР. Особенно много среди них было прибалтов. На втором месте были негры, большей частью уголовники, из южных штатов США. Были здесь и испанцы из «Голубой дивизии», сражавшейся против СССР во Второй мировой войне, греки, служившие ранее в королевской гвардии, выходцы из французского Индокитая, немало иорданских евреев. В «наследство» от англичан Французскому иностранному легиону достались подразделения из сикхов и белуджей.

Первые недели «советских легионеров» обучали пользоваться различным оружием из капиталистических стран Запада, так как вооружение Французского иностранного легиона было смешанным и поставлялось в том числе и из США. Уже тогда легионеры были вооружены американскими винтовками «М16». Пулеметы и гранаты были немецкими, орудия и минометы – французскими.

Бывших советских военнослужащих, ставших легионерами, в течение августа 1960 г. перевезли по воздуху в Лион, «на переподготовку». По первоначальному плану, их должны были готовить пять месяцев. Однако ситуация в Алжире была такова, что им «зачли» боевой опыт при подавлении Познаньского восстания в Польше 1953 г. и событий 1956 г. в Венгрии. «Обучение» снизили до двух недель. На месте бывших советских солдат обмундировали в легионерскую форму и самолетами перебросили в сентябре 1960 г. в Константину, на борьбу против партизан в «городских джунглях».

Большая часть «советских легионеров» попала в мотопехоту. Распределили их по ротам, состоявшим тогда из ста двадцати человек каждая, обучили ездить на «Виллисах». В основном, зачислили легионеров из СССР в 1-й полк Французского иностранного легиона, в котором тогда было около трех тысяч бойцов. За непродолжительное время рота Яна Сперксиса потеряла только убитыми во время уличных столкновений пятнадцать человек.

В ноябре 1960 г. часть легионеров перебросили из Константины в столицу Алжира, где они три недели занимались «привычной легионерской работой» – прокладывали железнодорожные пути от склада к базе Легиона.

В декабре того же года 1-й Иностранный полк Легиона перебросили на юг Алжира – в оазисы Таманрассет и Ани-Сафра, чтобы прикрывать там южные границы от проникновения арабских моджахедов со стороны Нигера и грузов оружия периода Второй мировой войны, от которого активно таким образом избавлялся СССР. Легионеры осуществляли тогда там «глухую блокаду» караванных троп, чтобы не пропустить ни грузы оружия и боеприпасов, ни моджахедов. Блокада выражалась не только в выставлении подвижных засад, но и тщательном минировании возможных путей движения алжирских караванов, постоянном воздушном наблюдении за передвижением «аборигенов». Французские каратели и их зарубежные наемники-легионеры, стремясь обезопасить себя в этом отношении от любых неожиданностей, не разбираясь, уничтожали, бомбардируя и расстреливая любые неизвестные им скопления верблюдов и людей.

Время от времени легионеров снова перебрасывали в крупные алжирские города на борьбу в «каменных джунглях» – Аннабу, Оран, Хасси-Мессуд, Алжир. Борьба против городских повстанцев была чрезвычайно опасным занятием: спокойствия нигде не было – в узких улочках, на базаре, везде по легионерам могла

открываться неожиданная стрельба. Попытки облав в том квартале, где произошло нападение, в девяноста девяти процентах случаев результата не давали – стрелявшие бросали оружие, из которого только что совершили нападение, на месте. Отпечатки пальцев при этом на нем отсутствовали – партизаны предусмотрительно пользовались перчатками. Так что искать особо было некого. В озлоблении легионеры избивали всех попадавшихся им молодых алжирцев и сдавали их в полицию или отвозили на свои базы, где подвергали таким чудовищным пыткам, что «гестаповцы отдыхают». По воспоминаниям того же Сперксиса, в случае попадания в облаву студента, он считался неизбежно участвовавшим в нападении. Это происходило потому, что студенчество Алжира стало «одним из локомотивов» восстания.

Война тогда шла с переменным успехом – если города продолжали оставаться для французов и легионеров очень неспокойными местами, где они слабо владели ситуацией, то пустыня ими более-менее контролировалась. Здесь легионеры размещались отдельными батальонами, устраивая укрепленные лагери, защищенные минными заграждениями и проволочными из спирали Бруно. Вокруг самого лагеря расставлялись двойные посты с собаками. Каждому батальону придавалось по два легких штурмовика «Альфа Джет» и вертолет «Ягуар». Для них заранее оборудовали взлетно-посадочную полосу из специальных разборных щитов. Также наготове стояли безоткатные орудия «Хот», минометы, специальные машины, оборудованные прожекторами – на случай ночной атаки.

Арабы и туареги неоднократно атаковали такие лагеря верхом, на верблюдах. Легионеры отбивали такие атаки, освещая подобную «конницу» прожекторами, обстреливая артиллерией и бомбя с воздуха. Но, несмотря на то что участник событий, Ян Сперксис, пишет о том, что «война в пустыне была для алжирцев напрасным кровопролитием», все же дальше сообщает, что легионеры использовали для рукопашных схваток штык-ножи длиной более одного метра от бельгийской винтовки «пежо» и что «против сабель арабов это было эффективно». Выходит, что не совсем уж бесплодными были действия арабов, если они все же добирались до рукопашной! Причем далее Сперксис сообщает, что лучше остальных легионеров фехтовали немцы. Какой бы ни была рукопашная схватка – потери в ней для обеих сторон неизбежны. Так что как французы, так и легионеры, здесь также несли потери, и немалые...

В то же время из воспоминаний того же Сперксиса ясно, что арабы почти всегда забирали своих убитых после боя или во время него. Это лишний раз доказывает то, что схватки для легионеров даже в пустыне не были легкими. Если бы они каждый раз одерживали сокрушительные победы над «аборигенами», то у тех не было бы даже не только возможности уносить собственных убитых, но и уходить самим! Кроме того, далее Сперксис повествует о том, что «ни одна из сторон пленных не брала». Выходит, все-таки и в Сахаре случались для легионеров «неприятности»! То, что они не были единичными случаями, Сперксис пишет далее. По его же словам, легионеры неоднократно попадали к «туземцам» в плен. Здесь алжирцы вымещали карателям всю свою ненависть за их кровавую работу, вспарывая им животы и вешая легионеров на пальмы за их же собственные кишки, намотанные вокруг шеи...

Понятно, что такие сцены не способствовали особому желанию продолжать войну даже и у поднаторевших в уголовных деяниях легионеров. Проявления этого легионное начальство жестоко карало, пытаясь сохранить «славный прежний боевой дух Легиона»: по собственному признанию Яна Сперксиса, «трусов-легионеров прибивали гвоздями за уши к доске и ставили в пустыне на солнцепеке». Ничего удивительного в этом нет – все «человеколюбивые конвенции» во Французском иностранном легионе практически не действовали и не действуют. Все решения,

пусть даже самые кровожадные, перечеркивающие все международные соглашения «о правах человека», в Легионе принимают его командиры...

И это относится не только к противнику, но и к собственным подчиненным. С другой стороны, это заставляло даже трусов подтягиваться до уровня нормальных легионеров.

«Чистосердечно» Ян Сперксис пишет и о том, что легионеры в плен не брали, а захваченных в бою легкораненых алжирцев они «допрашивали, потом пристреливали». Не щадили легионеры и своих собственных раненых, по признанию Сперксиса, также их убивая. А чего с ними возиться-то? Так, в большинстве случаев, не делали даже немцы во время Второй мировой войны, за исключением зондеркоманд, состоявших из уголовников!

Использовали легионеров и в крайне опасных рейдах в Нигер для уничтожения тыловых баз повстанцев, которые были удалены до ста пятидесяти километров от алжирской границы. Рейды происходили приблизительно так: легионеров сажали в десантные планеры, которые несли самолеты, отпускающие их в определенном месте. Высадившись вблизи повстанческих баз, легионеры делали свое черное дело, уничтожая там все живое, и быстро убирались обратно, хотя и здесь бывали неприятные неожиданности – нет-нет, да и случались «нештатные ситуации», когда самолеты и планеры с карателями сбивались или терпели катастрофу.

Легионеры в пустыне были поставлены в исключительно тяжелые условия – их засунули туда, где настоящие французы воевать не хотели – в жгучие сахарские пески. Там невозможно было дотронуться до собственного оружия, раскалившегося от невыносимых солнечных лучей. Случались там и значительные перебои с поставками воды и вина, которыми, смешав их вместе, ненадолго снимали жажду.

Ян Сперксис, участник тех боев, пишет о продолжении легионерами родившейся почти одновременно с Французским иностранным легионом традиции – отрубать пленным или просто местным жителям руки с браслетами. Среди легионеров тогда процветали грабежи мирного алжирского населения, причем они сопровождались и убийствами. На этот случай легионные маркитанты были тут как тут: они по дешевке скупали у бандитов награбленное ими...

Удивляться этому не приходится – сами легионные порядки способствовали этому, так как денег на руки легионеры не получали, поскольку их направляли в банк «Кредит Легион». Почему? Все очень просто: глядишь, убьют легионера в бою враги или собственные сослуживцы, а заработанные им деньги останутся Франции! Сразу вспоминается в этой связи старый армейский анекдот о том, как командир объявляет своим «орлам» о том, что денег они не получат: «А зачем птицам деньги?» А правда, для чего? Все равно убьют...

Нервные стрессы после боев легионеры снимали или традиционным пьянством, или грабежами мирных жителей, или насилиями над алжирскими женщинами. Само собой, это не добавляло уважения к Легиону среди местного населения, среди которого честь женщины всегда свято чтилась...

В августе 1961 г. 1-й Иностранный полк Легиона перебросили с крайнего юга в центральные оазисы Алжира – потрепанные карательные части нуждались в пополнении и отдыхе от кровавой работы. Однако и там им не было спокойствия – весь алжирский народ, от мала до велика, поднялся на борьбу против ненавистных оккупантов!.. В октябре 1961 г. легионеров 1-го Иностранного полка перевели в оазис Таманрассет. День ото дня им становилось в Алжире все тяжелее. Карателей для выполнения экзекуций отчаянно не хватало, хотя, помимо легионеров, в Алжир перебросили все имеющиеся подразделения полиции и жандармерии. Тысячи гробов продолжали идти во Францию, а ее казна пустела. В ряды же борцов за независимость Алжира вставали молодые патриоты, продолжая начатое дело их отцами, дедами и братьями, и борьба не утихала. Во многом поэтому генерал де

Голль, еще недавно выражавший готовность «сломить» алжирцев, в марте 1962 г. вынужден был подписать перемирие с алжирцами, а в апреле того же года – унизительные для Франции Эвианские соглашения, по которым Алжир обрел выстраданную годами кровавой борьбы независимость.

Чтобы дополнить подробности кровавой службы Иностранного легиона Франции, следует сказать пару слов о потерях. По данным того же Сперксиса, за период менее года борьбы его батальона в Алжире это подразделение Легиона потеряло убитыми 70 человек, не считая сотен раненых и больных. Если же приблизительно подсчитать количество потерь легионеров в Алжире за все время, то следует помножить количество убитых в этом одном батальоне на число батальонов в Легионе и высчитать общее количество проведенных ими в Алжире лет во время войны. Цифра получается довольно внушительная – по самым скромным подсчетам, потери легионеров только убитыми за все время Алжирской войны составляют не менее восьми тысяч человек...

Недаром Ян Сперксис, ветеран Алжирской войны, вспоминал «страшные», по его выражению места: Ани-Сафра, Дуаргала, оазисы Эль-Раса, Таннаул Аззал, где, по его собственному признанию, легионеров встречали «арабы с ненавистью в глазах и постоянным ожиданием, что в тебя выстрелят из-за угла»...

Напоследок, пытаясь реабилитировать свою «работу», Сперксис пишет о том, что «только настоящие мужчины решаются пойти в наемники. Я горжусь тем, что был наемником, и никто не вправе упрекнуть меня»... На это следует сказать, что это сомнительно. Далеко не каждый уважающий себя мужчина пойдет в убийцы и каратели, чтобы послушно выполнять любую, пусть даже самую грязную и кровавую работу хищного французского буржуа. Настоящие мужчины служат не в наемниках у зарубежных олигархических кругов, а своей Родине. Между службой своей Родине и службой, более похожей на службу тупого ротвейлера у агрессивного и надменного хозяина, постоянно находящегося у него на привязи и неспособного к принятию собственных решений существует огромная разница. И все же в последних словах Яна Сперксиса проглядывает нескрываемое желание выставить то, что после службы карателя он продолжает чувствовать себя неплохо и что на душе у него хорошо. Однако это лишь неудачная попытка спрятаться от самого себя, и, по всей видимости, его до сих пор мучает совесть, поскольку он участвовал в одной из самых грязных войн XX века – Алжирской колониальной, защищая интересы страны-агрессора, подавляя свободолюбивые устремления алжирского народа в составе большой зондеркоманды, именующейся Французским иностранным легионом. И нет горше участи солдата, как воевать за неправедное дело...

Как попадали в Легион

Отрывки из записок журналиста Альбера Лондра «Бириби – военная каторга» сегодня почти неизвестны. В этом отрывке автор описывает посещение им страшной каторжной тюрьмы в Марокко Дар-Бель-Хамрит в которой из 180 заключенных многие были легионерами, возможно, русскими. С сокращениями печатаются страницы 31, 38–41.

«...Все эти арестанты были молодые. Редко-редко попадались между ними и старые клячи, тоже тянущие лямку. Тут были всякие: дурные люди, негодяи по природе или в силу обстоятельств «сбившиеся с дороги» и иные, единственным пороком которых был буйный нрав. Воздух на дворе тюрьмы был насыщенным 180 скрытыми мятежами.

Было здесь особенно много немцев, французов и арабов... И вот один из арестантов, щелкнув каблуками, поднял к козырьку кепи изувеченную руку и, пронзая меня парой колючих глаз, произнес: – Я не Иван Васильев.

У него были незначительные черты лица, аккуратно застегнутая шинель и на груди № 667.

Он повторил:

– Я не Иван Васильев.

– Говорите.

– Года 3 тому назад я иду по большому бульвару в Марселе и вдруг чувствую, что меня хватают за руку. Оборачиваюсь. Передо мной человек, которого я никогда не встречал. «Иди, – говорит, – за мной, Иван Васильев». Тогда я еще не очень хорошо говорил по-французски. Я трясу руку, чтобы он меня отпустил, но он хватает меня за кисть. Он уводит меня в маленькую улицу. «Что вам, наконец, от меня нужно?» – говорю я ему. «Иди за мной», – отвечает он и тащит меня дальше. Он был в форме. Я подумал, что это полиция и что все это просто для того, чтобы меня куда-нибудь записать. Ну, я и пошел. Пришли мы к какому-то дому с толстыми стенами. Он велел мне войти и сказал другому человеку, который был с ключами: «Это Иван Васильев, дезертир из Иностранного легиона». Я говорю: «Меня зовут Константинидис Ионес!» Человек, который меня арестовал, ушел. Больше я его ни разу не видел, и я остался там, в тюрьме, которая называется фортом Святого Иоанна.

Дня 2 спустя приходит другой человек и говорит мне: «Это Вы – Иван Васильев?» Я отвечаю: «Я – Константинидис Ионес. Я – ангорский грек. Я – дезертир, но греческой армии, а не Иностранного легиона, потому что я даже не знаю, что это такое». Сперва я служил на пароходах, потом Венизелос позвал на войну против Кемаля-паши. Тогда я пошел добровольцем. Меня послали во 2-й пехотный полк, 9-ю роту, 1-й взвод, в Серес, в Восточную Македонию. Там меня научили ружейным штукам. Потом мы стояли гарнизоном в Гирмурьяне. Из Гирмурьяна-то, узнав, что нас отправляют на Смирнский фронт, я и уехал.

Я прерываю Константинидиса Ионеса:

– Так вы и сказали второму человеку в тюрьме?

– Так я и сказал.

– Ну и что же?

– Он сказал: «Ты – Иван Васильев, и ты в этом признаешься!»

– Я говорю: «Нет, нет, я – Константинидис

Ионес!»

– Мне наплевать, – говорит, – ты будешь служить 5 лет.

Я спрашиваю:

– Вы жаловались?

– Я плохо говорил по-французски, и я не умел писать.

Я только каждый день повторял свое имя. Потом, погодя, меня вместе с другими вывели из форта Святого Иоанна. Потом нас повели в порт, где стоял пароход. Вел нас не первый и не второй люди из тюрьмы, которые были сержантами, а новая фигура. Когда мы садились на пароход, я опять часто повторял свое имя, но другие, которых сажали вместе со мной, только смеялись. «Иван ты или Константинидис, – ты хорош, вот и все», – так говорили они.

Потом приехали в Марокко. Тут я много шагал. Я не знал, куда меня везут. Мне говорили: «Узнаешь ты блэд или нет?» И звали меня «парный человек».

Прибыли в полк, это был 2-й Иностранный, в Меридже.

Там я опять говорю: «Я – Константинидис Ионес, 9-й роты, 1-го взвода, в Сересе. Я родился в Ангоре».

– Ступай одеваться! – говорят мне.

– Я – пароходный кочегар! – говорю я им. – Я не вашего полка. Я уехал из Каваллы. Работал у котлов. Потом приехал в Салоники, потом сел на пароход побольше, там подавал уголь, потом приехал в Марсель, потом шел себе по бульвару...

– Ты пойдешь одеваться? – говорит мне немец-сержант.

Человек разом перескочил через эти 3 прожитых им года и, призывая меня в свидетели, крикнул: «Я не Иван Васильев!»

Я снова спрашиваю его:

– Вас узнали во 2-м Иностранном?

– Никто, никто меня не узнал. Меня взяли вместо Ивана Васильева, а Ивана Васильева не существует. Это не я и никто.

– Тогда, – он снова перескочил на 3 года назад, – я стал драться, я стал драться, чтобы сказать – тогда я еще плохо говорил по-французски, – что я – Константинидис Ионес. Я дрался каждый день.

Остальные легионеры ходили за мной следом и шептали: «Иван Васильев!» Я оборачивался и дрался. Раз это оказался сержант. И я подрался с сержантом, и, – он поднял свой обрубок, – сержант выстрелом лишил меня руки. Потом – военный суд.

– На военном суде вас выслушали?

– Да, я сказал: я не Иван Васильев! Тогда председатель суда сказал: «Но ведь это вы набросились на сержанта?»

– Да, я.

И вот 5 лет общественных работ.

Другие арестанты ждали своей очереди. Они слышали рассказ.

– Такие случаи бывают? – обратился я к ним.

Один из них подошел, взял под козырек и сказал:

– Со мной – то же самое. Марсель, человек в форме, форт Святого Иоанна, пароход, потом – 1-й Иностранный. Говорят, что я – Данаилов, дезертир Иностранного легиона. Я – Степан Атаразов, болгарин.

Я попросил фотографа снять их обоих. Константинидис Ионес стал на вытяжку перед аппаратом и, пока мой спутник снимал, ангорский рек произнес еще раз:

– Я не Иван Васильев.

Словно фотографическая пластинка могла повторить это миру».

Данный источник показывает, что предыдущие рассказы Альберу Лондру о попадании в Легион насильственным путем не преувеличение. Об этом свидетельствует приведенный им допрос одного человека в статье «Арест человека по прозванию Карл Хейле, он же – Леон Шарль, он же...» Для публикации взят отрывок из почти неизвестных сегодня очерков Альбера Лондра «Бириби – военная каторга», изданных в 1926 г. в Ленинграде. Использованы страницы 128–138.

«Мы были в «медвежьей» клетке алжирской военной тюрьмы.

...Хотите увидеть нечто интересное? ...Еще бы!

...И я последовал за главным надзирателем в его канцелярию. В канцелярии я застал жандармского майора в черном парадном мундире при всех орденах, двоих рядовых жандармов, пехотного капитана и сержанта Иностранного легиона.

Вдруг стражник втолкнул в комнату человека. С бритой головой, с бритым лицом, без воротника, человек остановился. Он вздрогнул, но едва заметно. Широко открытыми глазами он обвел присутствующих.

Молодой пехотный капитан глядел на него с улыбкой, пристально.

– Ну, что, вы меня узнаете? – спросил он его.

– Нет

– А я вас узнаю.

– Вы уверены? – спросил капитана майор.

– Вполне.

Жандармский майор, запросто, сидя на столе, любезно обратился к человеку:

– Вот видите! Что вы можете сказать?

– Господин офицер, передо мной какая-то загадка.

Молодой капитан продолжает:

– Этот человек поступил в Легион в декабре 1921 г. под именем Леона Шарля. Он был зачислен номером 1-м в пулеметную роту, которой я командовал. В ней он

служил до июля 1922 г. Затем 4 месяца он провел в капральской школе. Отбыв там 4 месяца, он был зачислен номером 1-м в саперно-пионерскую школу. Оттуда он и дезертировал.

– Это какая-то загадка! – говорит человек.

Капитан:

– Будучи пойманным, он 9 февраля 1923 г. был приговорен Оранским военным судом к 5 годам тюрьмы и отправлен в дисциплинарный лагерь Боссюэ. Ночью, 18 июня 1923 г., он бежал, убив часового.

Медленным движением плеч человек выражает непомерное изумление.

Тогда выступает сержант.

– Я Сезар Валларино, сержант 1-го Иностранного полка в Сиди-Бель-Аббесе, знаю этого человека по пулеметной школе. В апреле 1922 г. он был приятелем сержанта Морэна, и сержант Морэн мне сказал: «Это бывший германский офицер, очень ловкий, очень умный, который изучает Алжирию и Тунис».

– Вот оно что! – произносит жандармский майор.

– Я – Карл Хейле, бухгалтер колониальной торговли братьев Моралли в Алжире.

– Вы немец?

– Немец, родом из Хагена, в Вестфалии.

– А как вы попали в Алжир?

– Господин офицер...

– Послушайте, капитан Карл Хейле, не называйте меня «господин офицер»; мне говорят «господин майор», и вы это знаете.

«Капитан» попал в цель. Карл Хейле устремил взгляд перед собой, словно чтобы ничего не видеть, но тотчас же сказал:

– Господин майор, раз говорят «господин майор», – он улыбнулся, – я жил в Лондоне, куда меня пригласил один приятель, обещавший мне устроить место в Индии...

– В Индии, – перебивает его майор, не утаивая, что это слово тоже пригодится в дальнейшем разговоре.

– У меня не было денег на поездку, и я поступил матросом на «Хоккинг». После Гибралтара у меня с капитаном вышла ссора, и он мне сказал:

«У нас будет остановка в Филеппвиле, и там вы оставите пароход».

– Странное дело, эта ссора между матросом и капитаном.

– Действительно! Но еще страннее то, что происходит со мной здесь сейчас. И я высадился в Филеппвиле.

Он умолк.

– Потом?

– Потом я познакомился с одной дамой. С этой дамой я уехал на юг, управлять ее имением.

– Это была немка?

– Француженка.

– И француженка приглашает незнакомого немца управлять ее имением? Я ее не поздравляю.

– Она находила, что я похож на ее сына, убитого на войне.

– Ее сын был, должно быть, один из 32 французских авиаторов, которых вы сбили?

Карл Хейле сделал мучительное движение, он с трудом повел телом, словно чувствовал себя уже связанным от головы до ног.

– И как звали эту даму?

– Я отказываюсь назвать имя этой дамы. Француз должен это понять...

– Где именно вы были на юге?

– Если я назову ферму, вы установите имя этой дамы.

– Скажите, – говорит майор, – это было в Тениэт-Эль-Хаде. Это верно?

Человек быстро смекнул и решил, что из-за этой подробности спорить не стоит.

– Да, кажется.

– Вот видите, мы отлично понимаем друг друга; вы были капитаном, я – майор; вы – доктор философии, я – лиценциат словесности. Ведь вы же доктор философии?

Карл Хейле встретил удар улыбкой.

– Должно быть, это звание и помогло вам устроиться бухгалтером в колониальной торговле? Но продолжайте. Вы были управляющим фермой в Тениэт-Эль-Хаде.

– Я поссорился с этой дамой. Я ушел с фермы. В кармане у меня было 200 франков. Я отправился пешком на поиски нового места работы. Ничего не нашел. Я начал бродить по дорогам. Тут меня в первый раз арестовали за бродяжничество.

– И посадили в гражданскую тюрьму в Алжире?

– В Барбруссе.

– В Барбруссе, совершенно верно. А так как через месяц вас выпустили, то это придало вам смелости.

«Если бы вы открыли, кто я, меня бы не выпустили...» Вы так думали, не правда ли?

– Да нет же, господин майор!

– Итак, покинув Барбруссу, вы очутились без всяких средств в Алжире. Как вы там жили?

– Скверно, как все несчастные.

– И вы нашли службу в фирме Моралли совсем случайно?

– Более или менее.

– И это все, что вы делали в Алжире?

– И это все, что я здесь делал.

– Хорошо. Теперь, сержант Валларино, расскажите нам, как вы разыскали и арестовали человека, который стоит перед вами.

Сержант Валларино – итальянец; рассказать он не прочь, он даже очень этому рад.

– Сижу я это, значит, в ресторане на Баб-Эль-Уэде, с сержантом Диало, сенегальцем. Как вдруг вижу, входит, – он оборачивается в сторону Карла Хейле, – этот человек. Я его узнал, но имени вспомнить не мог. Я подошел к нему. Ну, как дела? – говорю я ему.

– А! Валларино! – говорит он мне.

– Он вам так и сказал: «А! Валларино?»

Сержант, подражая на этот раз акценту Хейле, повторяет:

– А! Валларино!

Тогда я ему говорю:

– Ты на свободе?

– Это мы потом увидим, – отвечает он мне.

Тут он пригласил меня выпить стакан вина. Тогда я ему говорю:

– Ты «обрезал веревку»? (сбежал?)

– Не будем говорить об этом здесь, – отвечает он.

– Вы так и сказали: «Ты обрезал веревку»?

– Да, я ему сказал: «Так ты, значит, «обрезал веревку»?»

– Я сидел в Барбрусской тюрьме, господин майор! В тюрьме многому научишься.

– Ловко, очень ловко. Продолжайте, сержант.

– Мы выпили вина и сразу вышли. Он хотел от меня улизнуть. Я пошел за ним и велел первым двум встречным полицейским арестовать его.

– Хорошо. Подождите. Карл Хейле, потому что сейчас вы – Карл Хейле, признаете ли вы изложенное сержантом правильным?

– Поистине, это какая-то загадка. Я никогда не встречал этого господина.

– Вы никогда его не встречали, и вы угощаете его стаканом вина.

– Как случайного соседа в кафе.

– А ваше восклицание: «А! Валларино?»

– О, этого я не мог сказать, раз я не знал этого господина.

– Но выражение «обрезать веревку»? Вы, однако же, только что подтвердили, что знаете это выражение?

– Я подтвердил, что знаю это выражение; но я не подтверждал, что будто бы отвечал на якобы заданный мне этим господином вопрос.

– Очень ловко! Очень ловко. Сразу видно, что вы – доктор философии. Вас арестовывают и приводят на Баб-Эль-Уэдский пост. Там вы заявляете: «Я Карл Хейле». Вас там держат полтора суток. Тем временем оттуда звонят в 1-й Иностранный полк в Сиди-Бель-Аббес. Из 1-го Иностранного отвечают, что Карл Хейле в списках не значится. Тогда вас отпускают. Так?

– Так.

– И, разыгрывая партию до конца, потому что вы – человек мужественный, капитан Хейле, вы не стараетесь скрыться, вы хладнокровно возвращаетесь на ваше бухгалтерское место. «Дважды арестован и дважды освобожден», – думаете вы, испытание произведено, мой след потерян». Но я следил за вами давно, Карл Хейле. Послушайте, что сейчас важно. Находится ли передо мной бывший легионер Леон Шарль?

– Да нет же, господин майор!

– Сегодня утром вы подверглись осмотру. На теле у вас были обнаружены 4 шрама. У вас протокол, унтер-офицер?

– Вот.

– Шрам на правом предплечье, начинающийся в 4 с половиной сантиметрах от сгиба руки, шрам в начале плеча; шрам в 3 сантиметрах под левой грудью, шрам на мизинце правой руки. Вот что доктор обнаружил у вас на теле. Это правильно? Хорошо!

– Но при чем здесь мои шрамы?

– Я как раз собирался об этом сказать.

Майор извлекает из дела бумагу.

– Знаете, что здесь написано? Здесь значится, что у легионера Леона Шарля, 1-го Иностранного полка, имелись точно такие же 4 шрама, как у вас, Карл Хейле.

– Если искать шрамы, которые нужно, то их всегда можно найти.

– Я не позволяю вам заподазривать мою добросовестность.

– Прошу извинения, я хотел сказать, что при бесчисленном количестве людей 2 тела вполне могут обладать теми же особенностями, даже если это случайные особенности.

– Вот уж действительно язык скромного служащего колониальной торговли!

Понемногу проступала личность арестованного. Под французским экс-легионером просвечивал германский экс-капитан, герой 32 воздушных побед. Его ум не только не спасал его, он, напротив, его изобличал.

Я посмотрел на руку, которая убивала. Эта рука была изящной. Подобно тому, как, собрав жатву, человек без имени бежал из 1-го Иностранного полка Легиона, так и в ту, другую ночь, он, чего бы то ни стоило, должен был уйти из дисциплинарного лагеря. Он был в Алжире для того, «чтобы служить».

Это был действительно Леон Шарль, это был действительно Карл Хейле, а между тем это был и не Леон Шарль и не Карл Хейле. У людей его тяжелого ремесла нет имени. Подобно таким же людям его Родины, он был всего только «буквой» и номером V-33, U-18, там, в секретном отделении военного министерства в Берлине...

– Но что вы делали с 1919 по 1921 год, Карл Хейле?

– Я был журналистом, господин майор.

– Может быть, в Индии?

– Нет, не в Индии, а в «Фолькиш Цайтунг».

– И что вы делали в газете?

– Я был помощником дипломатического редактора.

Человек обернулся в мою сторону. Я записывал несколько слов. Этого для него было достаточно.

– Я понимаю, – обратился он ко мне, – вы, вероятно, журналист. Могу я вас просить, как собрата, в том случае, если вам станет известно имя той дамы, о которой здесь шла речь, не печатать этого имени? Здесь у нас дело мужское.

– Вы женаты? – спросил майор.

Хейле ответил «нет», но с горькой улыбкой, которая говорила: «Разве в моей профессии женятся?»

– Так, значит, в 1919 г. вы работали в «Фолькиш

Цайтунг» и не были в Индии?

– Нет...

– Вы не были в Индии с вашим отцом, которого расстреляли англичане?

– Я... я, очевидно, жертва сходства!

Дети тюремных сторожей играли в мяч на дворе, и их свежий смех ворвался в комнату.

– Дети!.. – промолвил Карл Хейле.

– Я вас арестую, – сказал майор.

– Однако...

– Мне очень жаль, но всякий служит своей Родине, не правда ли?»

Как вербовали во Французский иностранный легион во время Алжирской войны и подробности об участии в ней легионеров

Статья «Легион смерти» немецкого журналиста Клауса Вайзе, непосредственно общавшегося с вербовщиками из Французского иностранного легиона, посвящена «немцам». Поскольку «немцами» записывались в легионеры десятки и сотни русских, описание легионной жизни будет очень полезно в данной книге, тем более что легионные порядки, описанные К. Вайзе, были одинаковы как для немцев, так и для выходцев из СССР, в ту пору имевших значительный процент среди легионеров.

«Хорошенькая продавщица на Курт-Шумахер-плац, что в Западном Берлине, улыбаясь, протягивает мне сосиски. Я быстро уничтожаю их, во рту остается острый горчичный привкус. «Может быть, у вас найдется что-нибудь выпить?» – спрашиваю я. «Загляните в соседнюю пивную», – советует девушка.

В сколоченной из досок пивной, на фасаде которой красуются огромные буквы «Вейн-Шульце», меня встретили дикие вопли, несущиеся из музыкального ящика. Беспрерывно хлопает дверь, «Вейн-Шульце» популярна у солдат французских оккупационных войск.

Я заказываю кружку пива. Некий господин, лет 30, подходит к моему столику:

– Свободно?

Я киваю головой. Господин удобно устраивается на стуле, многозначительно подмигивает: – Сюда надо приходить вдвоем...

Мужчина с залихватской щеточкой усов на верхней губе обращается со мной, как со своим старым знакомым:

– Давайте еще по одной! Или, может быть, у вас нет денег? Минуточку, я сейчас закажу...

Он очень разговорчив, мой случайный знакомый:

– Дальше берлинских колоколен вам, наверное, не приходилось заглядывать? Я бы смог подыскать вам одну приличную работенку за границей.

Наконец он раскрывает карты:

– Не приходила ли вам в голову идея отправиться на прогулку в Северную Африку? Приятнейшая жизнь.

Каждый день каких-то пара часов службы. Масса денег. Легкая одежда. Ну, так как же? Нам позарез нужны молодые немцы!

Кому это «нам»? Тогда за столом солидный господин с залихватскими усиками предпочел промолчать. Но лучше не встречаться с ними! Они – вербовщики, охотники за живым товаром для Французского иностранного легиона. Сколько юных немцев завербовали они в армию наемников, откуда единственный путь – в смерть!..

Вербовщики Иностранного легиона беспрепятственно действуют в Западном Берлине и в Западной Германии. Западноберлинский сенат смотрит на все это сквозь пальцы и даже больше! Сенат поощряет вербовщиков в Иностранный легион. Совершившие побег легионеры, такие, как К. Мартин Дучке, Гейнц Мюллер, Фридрих Слейц, Ганс Гастрейтер, Герхард Вольтер, Зигфрид Рихтер, были арестованы западноберлинской полицией и выданы французским оккупационным властям в Западном Берлине.

Но вернемся к закусочной «Вейн-Шульце». Помните, что говорил мой собеседник о жизни в Иностранном легионе? «Всего пара часов службы... много денег... будете прилично жить...»

Как же это все выглядит в действительности? Вот некоторые факты из западногерманских газет и сообщений легионеров.

«Воротами в ад» называют легионеры вход в учебную базу в Сиди-Бель-Аббесе. И это совсем не случайно. К только что прибывшим новобранцам обращаются со следующей приветственной речью:

«Вы собаки, оборванцы, сволочи! Вы перестали быть людьми, отныне вы – легионеры! Приказ начальника выполнять беспрекословно. Вам нечего думать, вам следует повиноваться, думать за вас будем мы...»

А того, кто не повинуется, ждет жестокая кара. Два молодых немца – Вольфганг Хелмбауэр и несовершеннолетний Арнольд Квикс, пытавшиеся бежать из Алжира, были замучены палачами Легиона. Западногерманская профсоюзная газета «Металл» сообщает, что «после нечеловеческих допросов Квикс скончался. О Хелмбауэре известно лишь то, что его привязали к грузовику и волокли по земле».

«За малейшие дисциплинарные проступки, за то, что человек ослабел физически, легионера на 24 часа закапывали в песок пустыни», – писал 20-летний берлинец Хорст-Карл Миллер.

Сотни кровавых преступлений на счету Иностранного легиона. Об одном из них рассказывает дезертировавший легионер: «Однажды ночью нас обстреляла небольшая группа бойцов алжирской армии. Нам не удалось найти их. Но мы отомстили алжирцам. При обыске в одной из деревень мы нашли взрывчатку. Тогда мы привели в дом, где нашли эту взрывчатку, 50-летнюю жертву, мать шестерых детей. Ее заперли в комнате, положили взрывчатку и туда же вылили 20 литров бензина. Солдаты притащили также к дому детей. При взрыве было убито 12 человек. Среди них – четверо детей в возрасте до 10 лет, пять женщин и трое мужчин. Мы оставили позади себя печаль, руины и слезы...»

По данным самих французов, в таких случаях «в Тунисе и в Сетифе прежде говорили, что это сделал Легион (см. Намек на карательную операцию в мае 1945 г. в районе Сетифа с участием Легиона и рейды легионеров в Тунис во время Алжирской войны по уничтожению баз повстанцев.)... Тогда еще прибегали к этой оговорке, но теперь она не имеет никакого смысла. Пострадавший во время этой войны старик с седой бородой не сказал мне: «Это сделала армия», а сказал: «Это сделала с нами Франция» (Руа Ж. Алжирская война. М., 1961. С.106.)... И в этих

словах действительно правда: чего уж самим французам «вешать всех собак» здесь на Легион, если они сами его специально натравливали на арабов и берберов, да и регулярные французские подразделения мало чем отличались по жесткости от легионеров!

По данным Фронта Национального Освобождения Алжира, в Иностранном легионе 80 % составляют немцы, самому молодому из них – 15 лет, и бывшие военнослужащие гитлеровской армии... Они – современные эсэсовцы, 600 тысяч алжирцев было убито ими к августу 1959 г., по признанию самих легионеров, с конца лета 1955 г.

Каждый день исчезают десятки парней. Их завербовывают в Иностранный легион. Западногерманская и западноберлинская полиция великолепно все это видят, но бездействуют. Видимо, им это выгодно», – подводит итог Клаус Вайзе.

Русские в Легионе сегодня

Казалось, что после завершения Алжирской войны и развала французской колониальной империи судьба Французского иностранного легиона предрешена, и он будет распущен «за ненадобностью». Французы мудро решили, что это подразделение еще может им пригодиться, и в этом они не ошиблись. Французы лишь сильно сократили его со 120 тысяч до 12, а потом до 8 тысяч. В первую очередь, оставили на службе тех, кто не поддерживал мятежников против де Голля, и профессионалов своего дела, имеющих большой боевой опыт. Легионерам в конце 1962 г. пришлось убираться из «святая святых» – Сиди-Бель-Аббеса и устраиваться во Франции. Депо Легиона перенесли в городок Обань под Марселем, а тренировочные базы парашютистов – на Корсику, подальше от остальной части Франции. Это делалось также с целью подавления возможных выступлений корсиканских сепаратистов.

В 1968 г., в связи с продолжением из СССР «экспорта коммунизма и революции», во многих странах мира начались восстания, направленные против интересов стран НАТО. Это было «горячим» продолжением «холодной» войны. Не стал исключением в списке таких стран Чад, бывшая французская колония. События в этой стране стали развиваться в невыгодном для французов русле. Под угрозой отмены оказались ранее заключенные с Чадом договоры и соглашения (Хассан Башар Аббас. Франция и гражданская война в Чаде. Л. 1986. С.16.), в том числе на разработку природных богатств этой страны, в частности, месторождений урана.

Для обеспечения французских интересов и поддержки местного профранцузского правительства сюда в апреле 1969 г. ввели Французский иностранный легион. В нем тогда еще продолжали служить некоторые русские ветераны Вьетнамской и Алжирской войн. Кроме того, кое-кто из русских попадал в легионеры, будучи дезертиром из Советской Армии. Ситуация в Чаде, особенно на севере этой страны, резко обострилась после прихода к власти в соседней Ливии 1 сентября 1969 г. режима Каддафи, который, будучи поддержан из СССР, захватил часть чадской территории на севере и угрожал захватить весь Чад.

Однако с помощью легионеров и путем дипломатических средств здесь удалось французам установить временное спокойствие, и в 1970 г., после стычек с местными бандами, Французский иностранный легион был выведен из Чада. Как оказалось, ненадолго. На протяжении последующего десятка лет легионеров то направляли сюда, то обратно убирали. В 1973 г. легионеры остановили продвижение ливийцев в глубь Чада, которые захватили северную его часть – полосу Ауза и угрожали его центральной и южной частям.

Известными также стали действия легионеров в 1975 г., установленный благодаря легионерам профранцузский режим Томбакбая был свергнут в результате в том числе происков из СССР и Ливии, и новым руководством страны был взят курс на эскалацию отношений с Францией и пересмотр «грабительских», как оно

выражалось, договоров и соглашений. Это вызвало возвращение сюда легионеров, помогших установить нужное направление чадской политики, тем более что новый режим Маллума был неэффективен и вызвал своей деятельностью недовольство многих чадцев. В итоге после этого выгодные Франции соглашения и договоры, в том числе о военно-техническом сотрудничестве двух стран, в 1975–1976 гг. были подписаны. Легион в очередной раз выполнил свою миссию, и большая часть его питомцев была выведена из Чада. Потери среди легионеров, как в первую, так и в последующую кампании, были, но главным образом не из-за действий врага, а по причине специфических природных и погодных условий, в которых действовали легионеры.

В 1978 г. легионеры снова потребовались в Чаде, на этот раз по просьбе профранцузского правительства Маллума, который пересмотрел свои антифранцузские взгляды и теперь хотел править, опираясь на штыки легионеров. В то время север Чада заняли ливийские войска и поддерживаемые ими повстанцы, а на юге укрепился, как казалось, Маллум. Однако в 1979 г. его правительство пало, в Чаде воцарилась анархия, и французы были вынуждены лавировать здесь между разными политическими силами. Теперь легионерские штыки подпирали трон правительства Хабре, правившего на юге, а враждебные ему и французам силы Гоукони под прикрытием ливийцев были на севере.

Из-за непрекращающегося вмешательства в дела Чада Ливии в 1983 г. возникла новая угроза потери Францией ее достижений в Чаде, и легионеры в июне того же года в очередной раз высаживаются в этой стране. Непосредственному участию легионеров в этом конфликте из-за условий военно-технического договора были препоны, поскольку он не давал права Франции организовывать военное вмешательство в дела Чада, кроме того, действиям легионеров сильно мешала в самой Франции «5-я колонна» из коммунистов и других левых, которые тогда были сильны. Но после непосредственной просьбы о вводе сюда французских войск со стороны занимавшего столицу Чада президента М. Хабре это было сделано.

На этот раз Каддафи организовал широкомасштабное военное вмешательство, и столкновения легионеров с ливийцами имели уже более ожесточенный характер, хотя арабы и негры из чадских банд в очередной раз доказали, что в современных условиях – они не бойцы, тем более для легионеров. На это потребовалось не так много времени – чуть больше года, тем более что президент Франции Миттеран не давал реально возможности Легиону показать, на что он способен, и дал указания не вводить легионеров в непосредственные столкновения с ливийцами. Тогда у легионеров была задача – фактически сохранять достигнутый «статус кво». Т.е. они должны были временно сохранять раздел страны на «французский» юг и «ливийский» север и не позволять ливийцам и поддерживаемым ими повстанцам пересекать «красную линию» между ними (Джаманка Жозе Дараме. Французское общественное мнение и военные действия в Республике Чад (1983–1984 гг.). М., 1993. С.13, 14.). Эта задача успешно, хотя и не без потерь, была ими выполнена.

По достигнутому соглашению Каддафи с Миттераном, первый отказался от претензий на Чад и вывел свои войска оттуда. То же самое сделала Франция в ноябре 1984 г. (Там же. С.3, 4.).

Однако в 1986 г. ситуация здесь снова обострилась: Каддафи спал и видел, чтобы захватить в свои руки по крайней мере весь африканский север, и его силы снова вторглись в Чад. Однако в июне 1987 г. Французский иностранный легион совместно с туземными силами Чада нанес ливийцам сокрушительное поражение, после которого они уже не рисковали захватить эту страну. Дело в том, что поставки из СССР дешевого оружия резко сократились, там начался реформаторский курс, и мало кто из московских деятелей желал уже распространить «экспорт мировой революции» на другие страны.

Действия Французского иностранного легиона в Чаде расценивались в мире как самое крупное вооруженное вмешательство Франции в дела африканских стран после ухода в 1962 г. из Алжира. Вмешательство в 1983–1984 гг. было наиболее ярким, как по готовности Франции с помощью легионеров защитить свои интересы, так и по числу задействованных бойцов.

Франция доказала, что с помощью своего Легиона она может добиться нужных ей результатов. В свою очередь, легионеры, в том числе и русские, показали, что они полностью оправдывают те затраты, которые делает на них Франция, и не едят даром тот хлеб, который она им дает.

Боевые операции

Французский иностранный легион, кроме конфликта в Чаде, участвовал во всех операциях французских войск за пределами Франции.

Здесь надо отметить умиротворение с помощью Легиона Центрально-Африканской Республики в 1970-е гг. и спасение европейцев из объятого гражданской войной Заира в 1978 г. Кроме того, важной страницей в истории Легиона является вторжение французских войск в 1982–1983 гг. в Ливан, где потери легионеров были в основном из-за терактов.

Участвовали легионеры и во время операции «Буря в пустыне», захватив занятый иракскими войсками в 1991 г. аэропорт Аль-Салман. Они приняли также участие миротворческой операции в начале 1990-х гг. в Сомали, в Могадишо. Кроме того, участвовали они и в операциях на территории бывшей Югославии: в 1992–1996 гг. в Боснии, в 1999 г. – в Косово, после – в Македонии, где они малоуспешно пытались разоружить албанских террористов. В последней операции также участвовала австрийская рота Испанского иностранного легиона. Один из русских легионеров так писал об участии легионеров, в том числе и русских, в этой операции: «Дух солдат низок» («Солдат удачи». 2003. № 7. С.28.). По всей видимости, это все из-за того, что главной идеей службы являются только материальные блага, а ожидаемой романтики почти нет. «Легион – это обыкновенная армия со своими законами и порядками» – так выразился один из бывших легионеров («Солдат удачи». 2002. № 10. С.21.). Легион для многих является лишь перевалочным пунктом в Европу. Поэтому здесь почти никто долго не задерживается.

Между тем легионное начальство уделяет большое внимание набору в свое подразделение русских профессионалов. По данным российской прессы, особенная активность вербовщиков Легиона отмечается в Рязани, где расположены три училища, включая знаменитое воздушно-десантное, а также в Томске, Тамбове, Туле, Липецке, Нижнем Новгороде, Владимире. Якобы во главе вербовщиков стоит Луи Конак, который возглавляет ассоциацию ветеранов-легионеров в России. А в Москве даже есть конкретный адвокат Т., занимающийся юридической помощью легионерам в случае возникновения у них проблем с российским законом («Известия». 2000. 27 июня.).

При этом якобы вербовщики жалуют своим вниманием не только десантников, но и связистов, автомобилистов, как это происходило в Томске и той же Рязани. Несмотря на это, военная контрразведка ничего не может поделать реально против вербовщиков, поскольку не обладает конкретной информацией об их работе, которые, очевидно, работают скрытно и умело.

Правда, желающим стать легионерами надо сказать, особенно тем, кто прошел Чечню, что есть информация о том, что совсем недавно группа чеченских боевиков обосновалась в Легионе и там у них может произойти не совсем приятная встреча.

Казалось бы, с демократизацией Франции должен быть демократизирован и Легион. Да, многое здесь изменилось к лучшему, в том числе и оплата службы. Так, новички первые полгода службы получают 750 евро, потом – тысячу. К концу контракта, особенно если легионер имеет боевые заслуги и иные отличия перед командованием, он может получать до 3 тысяч евро в месяц. Это зарплата

европейского «среднего класса». Но, как упоминалось в самом начале книги, эти деньги могут навсегда остаться в «Легио Банке», поскольку на руки до окончания срока службы легионер почти ничего не получает. Кроме того, мало изменились и царящие здесь полууголовные порядки. Нет, на то он и Легион, чтобы свято хранить все свои традиции, в том числе и самые худшие в современном понимании. Одна из них – унижение человеческого достоинства простых легионеров.

До конца 1980-х гг. в процентном отношении русских легионеров было немного. Отрицательную роль на его пополнение играл «железный занавес» между странами капиталистического Запада и социалистического Востока. Однако с постепенной утратой компартией влияния на своих бывших союзников по Восточному блоку и с падением «железного занавеса» за границу хлынул поток граждан как из СССР, а потом и России, так и из других освободившихся стран. Среди них немало было тех, кто имел хорошую боевую подготовку. Многие прошли Афганскую войну и были участниками других военных конфликтов, бывшие спецназовцы. Вот поэтому-то они и стали объектом «пристального внимания» со стороны вербовщиков Легиона. Теперь, после резкого сокращения легионной численности, сократился «за ненадобностью» и штат вербовщиков. Теперь они старались отбирать, по приказу начальства, только «настоящих профи». Простым русским не возбранялось попытать счастья и на общих условиях пройти в легионеры, но настоящая охота шла только на «спецов».

В результате изменения внешнеполитической картины число наших соотечественников в Легионе медленно, но верно стало расти. Они приняли участие во всех последних операциях Легиона: в Джибути, Французской Гвиане, войне в Персидском заливе, Сомали, Югославии, Афганистане.

Что влекло наших соотечественников в Легион? Прежде всего наплевательское отношение к силовым структурам, сокращение армии, расформирование лучших подразделений десанта и спецназа и вообще, состояние перманентного кризиса в нашей стране, вынуждавшего тысячи наших соотечественников бежать за границу. Туда шли в надежде найти свое профессиональное счастье и набить карманы. Некоторые, как и прежде, подобно бывшему легионеру Богданову-Дариусу, пошли туда из авантюрных побуждений.

Как проникали и проникают в Легион? Очень просто, ведь специально завербованных «кадровыми службами» Легиона не так и много. Да, объявлениями в российских газетах вроде: «Предлагаем высокооплачиваемую работу. Французский иностранный легион» пестрели и пестреют почти все российские газеты, невзирая на соответствующую статью УК РФ. Однако на поверку 99 % из них оказывались, просто говоря, «ботвой», рассчитанной на выуживание денег из доверчивых граждан России. Таким доверчивым в большинстве случаев на запрос по объявлению приходили письма с предложением оплатить пересылку соответствующей литературы, которая должны была помочь устройству в Легион с вариантами наложенного платежа и без такового. Деньги перечислялись на соответствующий счет, а неудачливому легионеру под видом книг о Легионе приходила всякая «лажа», например, в виде пособия по ведению приусадебного хозяйства или тоненькая брошюрка с изложением известных любому прописных истин о Легионе.

Наиболее верным способом попасть туда остается совершить туристическую поездку во Францию или страну, к ней примыкающую, и просто прийти в легионные депо Страсбурга или Марселя.

Так попал туда и автор воспоминаний о службе в Легионе, Дмитрий Богданов-Дариус. Появившегося на призывном пункте Легиона в Ницце Дмитрия вскоре встретил сержант: «Он на плохом русском велел мне вывернуть карманы. Потом взял мой паспорт и спросил, как я попал во Францию. Я сказал: «По воздуху». Тут он заорал, и если бы я не увернулся, то схлопотал бы по зубам. Так началось мое

знакомство с Легионом» (Богданов-Дариус Д. Мой Легион. «Солдат удачи». 1997. № 3. С.4.).

У новичков здесь отбирают все личные вещи, в том числе документы, деньги и записные книжки (Там же. С.6.). Очевидно, это делается затем, чтобы затруднить уход новобранцев из Легиона, если им это вздумается.

Далее Богданов-Дариус описывает, как строй кандидатов в легионеры повели на ужин: «Мы шли, и капрал стал на нас орать, причем ругань была практически на всех языках сразу, но чаще других повторялось слово «курва»: одно время в Легионе было много поляков. На еду нам отвели не больше 10 минут, а затем с криком выгнали на улицу и погнали обратно...

Здесь приходится отказываться не только от прошлой жизни, но и от собственного имени: «так лучше, меньше проблем, если что»...

К построению в Легионе относятся особенно ревностно. Раздался свист. Все побежали. На ходу мне объяснили, что это – сигнал к построению. Время было зимнее, но снега тут нет, зато есть дождь. Весь плащ был грязный и мокрый. Раздались команды на всех языках: «Ложись!» Мы легли и стали ждать. Мы пролежали около 3 минут, затем стали отжиматься. Данная процедура называется «сушкой». После данной процедуры кандидатов в легионеры, уже в Марселе, снова построили: «На улице было прохладно, но попрыгать или попытаться согреться в таком случае не советую. Кто-то впереди попытался потереть руки – и тут же вылетел из строя. Ему пришлось отжиматься, и он был грязный и мокрый, а день только начинался» (см. Богданов-Дариус Д. Мой Легион. «Солдат удачи». 1997. № 3. С.7.).

Картина обращения в Легионе с новичками складывается из таких эпизодов: «Нас, 12 человек русских, отправили в наряд по столовой. Мы быстро убрали свой зал и перешли в легионерский. Он был такой грязный, что нам стало страшно. Свинарник по сравнению с тем, что мы увидели, просто образец чистоты».

Положение легионера-новобранца здесь тяжелое со всех сторон: отобранные при поступлении деньги здесь не возвращают, а на неделю выдавались 50 франков, которых почти никому не хватало, т.к. даже пачка нормальных сигарет здесь стоила 12 франков.

Надо сказать со слов Богданова-Дариуса и о контингенте тех, кто поступает и сегодня в Легион: «Макс был рослым, крепким парнем. Личность – заурядная, по манере разговора – «из братвы». Однажды он признался, что состоял в «бригаде», была стычка, и он слинял, не сказав никому ни слова. Он попросил нас отправить домой письмо. Дело в том, что до определенного момента будущий легионер не имеет связи с большим миром до окончания учебного лагеря или после 3 месяцев службы, когда тебе дадут первую возможность выйти в город».

А вот другой представитель русских Легиона: «Уфимец прозвище получил «Дурь». Он был крутым в области наркотических средств, мог дать характеристику любому зелью».

Отношение к кандидатам в легионеры нисколько не улучшается и после того, как таковых переводят в разряд волонтеров. Как свидетельствует Богданов-Дариус, «с этой недели начинаются занятия по строевой подготовке. Довольно гнусное занятие, когда за любое неправильное движение легко нарваться на затрещину от капрала...

Кроме того, все воспоминания легионеров-новобранцев относительно начала их службы содержат множество примеров того, как их там били. Сопротивляться нельзя – или выгонят на улицу без гроша в кармане без права вернуться, или искалечат. За малейшие провинности заставляют отжиматься.

Как ни странно, но здесь сознательно легионное начальство к желающим стать легионерами подводит «подсадных», которые с ними провоцируют драки. Очевидно, это делается для того, чтобы выяснить поведение будущего легионера в

«сложной ситуации», а также для того, чтобы устранить неподходящих Легиону солдат, которых выгоняют «за нарушение дисциплины и драку» («Солдат удачи». 1997. № 4. С.13.).

Той же участи подвергается и тот, кто говорит неправду или похоже на то, что он это делает. Врать здесь бесполезно, все равно поймают с помощью отлично налаженной методики проверки с помощью тестов и «бесед», так что лучше говорить о себе правду, какой бы она ни была. Здесь надо помнить, что легионному начальству все равно, преступник ты или нет, главное, чтобы ты был хорошим легионером.

Причем здесь хотят знать о человеке всю подноготную – легионера ловят на мелочах и чувства меры при этом не знают. И все это может оказаться напрасным, если в «гестапо» (контрразведка Легиона) обнаружат, что ты врал при проверке» (Богданов-Дариус Д. Мой Легион.//«Солдат удачи». 1997. № 4. С.14.). Проверки, которые представляют собой своего рода давление, происходят постоянно: «Перед отправкой в учебный лагерь нас вызвали в подвал, где мы переодевались, и выдали наши вещи по списку, за исключением документов. Я обнаружил, что они были уложены в пакет не так, как их клал я, были вспороты все отвороты в брюках. Это – еще один пример постоянных проверок. Никаких извинений нам не принесли, и к этому надо привыкнуть побыстрее. Действия начальства здесь обжалованию не подлежат. Вообще, вы можете попытаться подать рапорт на увольнение. Но поступать так не рекомендую» (Богданов-Дариус Д. В Иностранном легионе ленивых не любят.// «Солдат удачи». 1999. № 3. С.9.). Почему? Да потому, что с Вашего непосредственного начальства «взыщут», а оно уже вдвойне взыщет с Вас. Несложно представить, что такая ситуация была довольно напряженной для легионеров. «Подсадные» подвергают молодых легионеров разным допросам. Кроме того, врать для новичка и вообще легионера опасно в том плане, что вокруг такого человека здесь нередко образуется «вакуум» и он остается один, что не может способствовать нормальному прохождению его дальнейшей службы здесь.

Отношение сержантского состава к новичку также является, скорее всего, для него мало ожидаемым: «Сержанты с первого же момента появления новичка в Легионе оказывают на него психологическое давление, преследуя тем самым одну цель – сравнять его как личность с остальным рядовым составом. На него орут, заставляют делать самую грязную работу. Сержант заставляет новичка выполнять физические упражнения, например, отжимание от пола, по нескольку раз. Даже если новичок выполняет их безукоризненно, сержант заставляет повторить упражнение не один раз. Тем самым на тебя давят физически и морально, давая понять, что ты – ничто. В процессе учебы, кроме словесного унижения, можно получить и по лицу» (Богданов-Дариус Д. В Иностранном легионе ленивых не любят.// «Солдат удачи». 1999. № 3. С.11–12.).

Но в легионной «учебке» для кандидатов в легионеры начинались еще большие неприятности: «У входа нас забрал сержант с многообещающей фамилией Киллер и повел в расположение части... Отцы-командиры муштровали нас – будь здоров. Унижений, которые пришлось вынести за первый месяц, хватило бы на несколько наших «учебок». Самым популярным педагогическим приемом здесь было – по роже: не так сделал упражнение, не понял, что тебе сказали по-французски, не так ответил... Доставалось очень многим. Несколько человек написали рапорт о расторжении контракта волонтера. Это такой контракт, который подписывается перед отправкой в «учебку». По нему ты еще можешь «свалить» из Легиона достаточно просто, дальше будет сложнее» (Там же. С.12.).

Опасаясь затрещин за незнание французского, «даже подметая пол, таскаешь с собой словарь или учебник французского. Ведь если с языком плохо, то можешь долго ходить в наряды, а про учебу забыть» (Богданов-Дариус Д. В Иностранном Легионе ленивых не любят.// «Солдат удачи». 1999. № 5. С.10.). Его слова

подтверждает другой бывший легионер Алексей Ретин: «За 25 дней здесь ничего интересного не произошло, кроме 2 подзатыльников, которые я успел заработать... Если что-то не понял или не так ответил – били по лицу» («Солдат удачи». 2000. № 6. С.38–39.).

Новобранцев мучают постоянно все более увеличивающимися нагрузками: «система подталкивала все время лезть из кожи» (Богданов-Дариус Д. В Иностранном Легионе ленивых не любят.// «Солдат удачи». 1999. № 5. С.12.).

Таким образом, тренировки в Легионе представляли собой для легионеров изнурительное мучение, как и раньше. Они представляли собой уже на начальном этапе следующее: «Нас ждал кросс 15 километров и изнурительные занятия на тренажерах. К обеду все просто валились с ног, но мучения на этом не кончились. После обеда нас погнали на полосу. Мы пробежали короткую дистанцию раз 6 или 7, пока результат не удовлетворил садиста-сержанта. Вечером, когда все думали, что самое страшное позади, нас подняли по тревоге и заставили идти 30 километров марш-бросок» («Солдат удачи». № 5. С. 10.).

Впечатления от ежедневных занятий было таким:

«В течение обычного дня тебе практически не дают присесть... С другой стороны, нагрузка возрастала, хотя на фоне злости, которую к тебе испытывают капралы, сержанты и инструкторы, это чепуха. Эта проблема преследует новобранца всю «учебку» до момента возвращения в Обань, где тебе вручат фуражку настоящего легионера» (см. Он же. Там же.). Надо сказать, что кепи настоящего легионера в Обани новобранец получает не сразу, а до этого, со слов бывших легионеров, наступают 15 недель жесточайшей муштры в Кастельнодари, где стоят части 4-го Иностранного полка («Солдат удачи». № 4. С. 11.).

Через месяц после прибытия оттуда в Обань белые кепи выдаются, по традиции, на особой церемонии с факельным шествием, на которой легионеры и дают знаменитую клятву «верности и чести». После этого легионера направляют в один из полков, где его мучения при подготовке продолжаются. При этом как минимум 2 года легионер будет служить во французских колониях.

Среди других легионных традиций надо упомянуть о регулярных встречах с ветеранами Легиона, в том числе и эсэсовцами. Выше уже было упомянуто о другой традиции – стремлении обрезать все контакты легионера с внешним миром, чтобы возможно быстрее Легион стал для новичков новой семьей.

Несмотря на то что Богданов-Дариус является человеком подготовленным и умел хорошо плавать, на одной из тренировок во время заплыва он едва не утонул, настолько было изнурительным данное испытание (см. Богданов-Дариус Д. Мой Легион.// «Солдат удачи». 1997. № 6. С.15.).

Поединки-спарринги с новобранцами там часто представляли простые избиения: «Спарринг с одним из инструкторов длился 3–4 минуты. Я был избит – и это даже мягко сказано. Мне дали понять, что я – слабак... Меня запросто могли искалечить. Три дня после этого мне было худо» («Солдат удачи». № 6. С.15.). Неудивительно, что во время таких тренировок, когда новобранцы спали по 3 часа, по свидетельству бывшего легионера Алексея Ретина, в лагере Легиона в Кастельнодари тяжело пострадали 3 новобранца («Солдат удачи». 2000. № 6. С.38.).

Надо сказать, что легионеру неоднократно пригождается здесь умение драться и вообще постоять за себя, поскольку здесь довольно нередки драки, в том числе и «по национальному признаку» (см. Богданов-Дариус Д. Мой Легион.// «Солдат удачи». 1997. № 4. С.11.).

По определению бывшего легионера Богданова-Дариуса, порядки в Легионе определяются не Женевскими конвенциями, а настроением сержанта, который здесь – царь и бог.

Причем не следует думать, что мучения физических упражнений в отборочном лагере в Обани будут последними. Они будут продолжаться всю оставшуюся службу (м. Богданов-Дариус Д. Мой Легион.// «Солдат удачи». 1997. № 4. С.10.).

Вообще, в Легионе царят странные порядки. По свидетельству того же Богданова-Дариуса, фотографировать здесь было нельзя. В то же время, по его же данным, «легионера вполне могут отправить выполнять работу обычного пехотинца, хотя ты вроде и в элитном подразделении» (Богданов-Дариус Д. Мой Легион // «Солдат удачи». 1997. № 6. С.15.). Это более чем странно, учитывая то, что Богданов-Дариус попал в часть элитных морских диверсантов – DINOPS (Detachement d Intervention Operationalle Subaquatique).

Кроме того, если сравнивать жизнь сегодняшнего легионера с легионером «давно минувших дней», то кое в чем даже последний выигрывал. Например, сегодня легионера наказывают за то, что он стал разговаривать с земляком не на французском, а на родном ему языке (Богданов-Дариус Д. Мой Легион.// «Солдат удачи». 1997. № 6. С.15.).

Следует также упомянуть о месте службы тех, кому удается пробиться после унизительных проверок и тяжелейших нагрузок в легионеры. Служат, главным образом, легионеры во французских колониях – на атолле Муруроа, загаженном ядерными испытаниями, на островах Индийского океана, во Французской Гвиане, кроме того, значительная их часть постоянно несет службу в неспокойном Джибути. Одним из самых ужасных мест считается Французская Гвиана, где и располагается подразделение боевых пловцов DINOPS, а также 3-й мотострелковый, 6-й инженерно-саперный полки Легиона и «тропическая школа». Легионеры-мотострелки занимают казармы Форже в Куру, столице Французской Гвианы. Им поставлена задача охраны одноименного французского космического центра. Шансы попасть во Французскую Гвиану у легионера достаточно высоки. Чем же так «прославилось» среди легионеров это место? Во-первых, эта колония не считается безопасной, т.к. местные патриоты, главным образом, индейцы, до сих пор борются за отделение этой территории от Франции. Нет-нет, да и попадут на их мушку незадачливые легионеры. Им также приходится бороться против нелегалов-золотопромышленников и наркомафии, прочесывая джунгли (Дегтярев А. Записки легионера.// «Солдат удачи». 2003. № 100. С.14.). Но главной опасностью, которую не минует почти никто, является совершенно отвратительный для европейцев климат. Недаром сюда ссылали самых неисправимых каторжников. Помимо разного рода подстерегающих европейцев тропических болезней, против которых не всегда предусмотрены надежные вакцины, здесь множество крайне вредных для них насекомых. Будущего легионера не должно удивлять то, что на теле у него будут регулярно возникать грибки и лишаи. Здесь также огромное количество ядовитых животных – от змей и скорпионов до жаб и рыб, погубивших немало человеческих, в том числе и легионерских жизней. Поэтому у легионеров Гвиана имеет свое название – «Сухая Гильотина». Служба по вышеописанным причинам здесь является одной из самых опасных в мире. Климат здесь тоже своеобразный: здесь то льют дожди, то нещадно печет солнце, сжигая все вокруг.

Спать здесь приходится из-за погодно-климатических и природных условий вообще в гамаках, растянутых между деревьями, чтобы не быть на кишащей ядовитыми тварями земле, которая к тому же нередко залита водой. Впрочем, одной из причин смерти легионеров здесь является смерть от падающих во время сна на них крупных веток и деревьев.

Тот же Богданов-Дариус, успешно переживший многодневные издевательства капралов и сержантов, едва не утонувший во время «тренировки», поспешил имитировать приступы кессонной болезни, чтобы только не ехать во Французскую Гвиану. Пройдя через тысячи страданий, он отказался от службы. Почему? Что же там такого страшного? Неужели ядовитых тварей испугался? Нет, не их. Дело в том,

что даже местные пища и вода, весь климат губят человека. По его же данным, оттуда 80 % личного состава Легиона возвращаются неизлечимо больными, «а у оставшихся 20 % сразу или позже также отмечались отклонения в здоровье» (Богданов-Дариус Д. Мой Легион.// «Солдат удачи». 1997. № 6. С.17.).

Уволиться Богданову-Дариусу удалось с огромным трудом, «после продолжительной и негладкой бюрократической процедуры. Легион не любит отпускать, когда в тебя уже вложены немалые деньги».

Даже домой, в Россию вернуться бывшему легионеру Богданову-Дариусу удалось не без проблем: «Описывать свой путь домой не стану. Скажу только, что он проходил через несколько бывших соцстран, где сполна удалось узнать, что такое продажные и жадные таможенники и глупые полицейские-воры» (Богданов-Дариус Д. Мой Легион // «Солдат удачи». 1997. № 6. С.17.).

«Плюсы» Легиона

«Плюсов», к сожалению, в Легионе не так много, как «минусов», и они нуждаются «в описании». Важным преимуществом Легиона является то, что бойцов здесь обеспечивают борделями. На подобный шаг французское командование было вынуждено пойти для разрядки внутри самого Легиона. В моменты, когда терять легионерам было нечего, проститутки служили единственным стимулом к продолжению сопротивления многим легионерам, как в битве при Дьен-Бьен-Фу.

Надо сказать, что с 1920-х гг. в Легионе многое изменилось, включая и питание. Трудно поверить при сопоставлении показателей того и сегодняшнего времени, что тогда легионеры почти голодали, а теперь, например, их завтрак такой: нарезанные французские батоны, круасаны, сливочное масло, варенье любых сортов. Из напитков – неограниченное количество сока, какао, кофе черного и со сливками. В обед и ужин пища не менее богатая и разнообразная.

Легализация и получение французского гражданства

Одной из целей службы легионера может стать получение возможности легализации и французского гражданства. Следует сказать, что легализоваться, т.е. получить документы на свое настоящее имя, и возможность работы здесь можно получить только через 3 года, а не сразу после заключения контракта, как думают некоторые. С гражданством дело обстоит еще тяжелее. Для этого в Легионе надо отслужить не менее 7 лет. Подать прошение о гражданстве можно после 5 лет службы, но получить его можно только тогда, когда до конца 2-го контракта остается 1 год.

Советы желающим попасть во Французский иностранный легион и служить в нем

Эти советы написаны со слов прошедших легионную службу русских, и они должны во многом помочь решившимся стать легионером.

Как попасть в Легион.

Не доверяйте турфирмам, которые обещают Вас сделать легионером. Скорее всего, Вас обманут и в лучшем случае довезут до Франции, «ободрав, как липку». Лучше всего заранее подготовьте загранпаспорт, получите предварительно визу во французском посольстве или консульстве для самостоятельной «туристической» поездки. Сойдет виза и в одну из стран Евросоюза по причине открытости границ между ними. Можно отправиться в тур по Франции через одно из турагенств, но ни в коем случае не говорите о своей настоящей цели визита в эту страну. Иначе вместо службы в Легионе можете «загреметь» под соответствующую 359-ю статью УК РФ. Если вы не полный профан, то вам ничего, конечно, не будет стоить избежать наказания, но все равно – зачем такие осложнения? Тем более не стоит верить, что какие-то фирмочки смогут гарантировать вам поступление в Легион. Кроме самого легионного начальства, это вам никто гарантировать не может. Некоторые «клюют»

на предложения других турфирм, которые клятвенно заверяют желающего стать легионером, что в случае его непоступления они вывезут его домой в счет уже заплаченных за доставку в Европу денег. Не верьте этому, т.к. зачисление в легионеры иногда длится до 3 месяцев, и к этому времени в турфирме уже забудут о Вашем существовании.

По приезду во Францию вам необходимо найти пункт приема Легиона. Лучше всего приехать в Страсбург или Марсель. Там находятся его крупные депо. Само собой, что никогда не бывший в этих городах человек сам, без посторонней помощи, такие пункты найти не сможет. Но это не проблема: достаточно сказать или показать написанную на бумажке фразу: «Legion Etrangere» любому таксисту и Вас непременно довезут туда.

Если нет денег, можно обратиться к полиции и тогда вас могут отвезти к легионному пункту за казенный счет, хотя это подходит не для всех и вместо Легиона можно оказаться в лучшем случае дома. Можно попытаться найти расположение регулярной французской воинской части и заявить на приемном пункте о цели своего визита. Чтобы обнаружить такую часть, надо обращать внимание на вывески. Если вы видите: «Quartier», «Fort» или «Camp», то вы на верном пути.

Что стоит и чего не стоит делать, думая о решении отправиться в Легион

Ни в коем случае не приносите с собой на приемный пункт и потом, если вас примут в легионеры, любых наркосодержащих или наркотических веществ. Если у вас обнаружат хоть малую долю грамма зелья, с идеей попасть в легионеры вы можете распрощаться навсегда. Здесь важно не количество обнаруженной «дури», а сам факт, что у вас есть определенная к ней склонность.

По этой же причине не рекомендуется брать с собой какие-то лекарства. Их могут по своим анализам определить как принадлежащие к наркотической группе. За состояние своего здоровья в Легионе можете не беспокоиться: местные врачи, в отличие от прежних времен Легиона, несут ответственность за тебя и «не дадут помереть», если это только не специфические условия колоний.

Перед отправкой в Легион тщательно проверьтесь у максимального количества врачей, начиная от окулиста и стоматолога. Это для вашего же блага. Дело в том, что в противном случае из-за малейших отклонений в здоровье, даже таких пустяков, как дырка в зубе или шрам на колене, вас могут развернуть обратно, домой. Это в лучшем случае, а в худшем, если вам удалось скрыть какое-то серьезное заболевание, это грозит вам тем, что вы можете усугубить состояние своего здоровья и даже погибнуть, если попадете в пустыню или джунгли.

Если у вас есть хотя бы намек на какое-то, даже на первый взгляд пустяковое заболевание, лучше не тратьте свои деньги и время. Рано или поздно это проявится, и это произойдет в самый неподходящий момент.

Перед отправкой в Легион лучше запастись самой удобной для вас спортивной обувью, которая очень пригодится в момент физических упражнений.

Будьте готовы к тому, что вам придется на долгое время, как минимум, до 3 лет, а возможно, и навсегда, жить под другим именем, под другой фамилией, иметь другой день, месяц и место рождения, другую национальность и совершенно незнакомых вам людей в качестве родителей.

Как вести себя сразу за воротами пункта приема Легиона

1. Сперва предъявите допрашивающим вас официальные документы. Это могут быть загранпаспорт, права и т.п. Даже если это фальшивка, все равно легко может помочь.

Ведите себя максимально искренне и прилично.

Ваша «крутизна» на первом этапе здесь никому не нужна, и таких живо и с удовольствием «обламывают». Кое-кто пытается с первого шага на порог приемного

пункта Легиона качать права, требуя пропустить его. Таких слишком наглых типов не удостаивают чести даже быть выслушанными.

Одним из первых вопросов, заданных вам здесь, может быть вопрос о вашей национальности. Не тушуйтесь и смело говорите, что вы русский, хотя у вас будет больше шансов стать легионером, если вы – представитель другой, желательно наиболее малоизвестной национальности. Дело в том, что командование Легионом проводит политику недопущения доминирования здесь той или другой национальности. Но русские здесь на хорошем счету, так что бояться своей принадлежности к нашей нации нечего. Не пасуйте, если вам начнут утверждать, что русских здесь переизбыток и что их-де сейчас не принимают. Это ложь и одновременно «проверка характера» (Дегтярев А. Записки легионера.// «Солдат удачи». 2003. № 100. С.12.). Стойте на своем, и скоро вас допустят к дальнейшим испытаниям.

Говоря об этом, надо отметить и то, что для того, чтобы стать легионером, нужно и везение. Дело в том, что если на пункт приема пришли тысяча русских и 20 французов, а мест, скажем, 4, возьмут, в лучшем случае, 2 русских и 2 французов, независимо от их боевых качеств. Ничего удивительного, если в другой раз из этого числа отберут 1 русского и 3 французов, так, чтобы было соотношение в пользу французов, которых здесь записывают в основном как швейцарцев и канадцев. Дело в том, что западноевропейцы здесь не очень-то долго уживаются даже на общем фоне, а славяне, главным образом, русские, держатся в основном из-за желания получить деньги или гражданство. Поэтому число русских здесь стабильно увеличивается, а не сокращается. Поэтому-то легионное начальство вынуждено «нивелировать» численность легионеров разных наций.

Желая стать легионером, надо помнить о том, что первые полгода будут для вас сплошным физическим, моральным и нравственным мучением.

И это независимо от того, кем вы были «в прошлой жизни», хоть полковником-орденоносцем спецназа и воякой-профессионалом.

Это обязательно отметят при заполнении анкеты и возьмут на учет. Однако потребуется время, чтобы ваши лучшие качества здесь могли раскрыться, и первое время все тут будут «на одно лицо». Нужно быть готовым в первое время к самой тяжелой и грязной работе – от уборки туалетов до труда грузчика. Не вздумайте отказаться от такой работы, если вы, конечно, не хотите лишиться службы в Легионе. Правда, отказ от исполнения такой работы может вызвать и жестокие побои, каким бы сильным вы ни были. В Легионе и самым «крутым» умеют обламывать рога», за почти 200-летнюю историю здесь видели всяких. Помните, что порядок здесь ценят превыше всего и убирать помещение, в котором вы находитесь, вам надо без предупреждения и особенно тщательно.

Помните, что к построению здесь относятся очень ревностно и всякие нарушения караются достаточно жестко. Так что не опаздывайте на него, не вздумайте разговаривать или делать без разрешения командиров какие-то движения. Иначе, как минимум, наряды и гауптвахта и плохое отношение начальства вам обеспечены.

Большое внимание в Легионе уделяется и рукопашному бою. Система его здесь сводится не к долгому поединку, как это было раньше в Советской Армии, а к уничтожению противника минимальным количеством ударов. Боже упаси вас, даже если вы – мастер спорта по одному из видов единоборств, показать свое превосходство над инструкторами. Легион самоуверенных не терпит, и вас непременно «опустят», выставив более крутого или крутых бойцов одновременно, можете в этом не сомневаться.

Будьте готовы к постоянным походам и учениям.

Если в Советской и Российской армиях многие держали оружие в руках всего несколько раз, то здесь вы его почти не будете выпускать из рук, постоянно

совершенствуя свою огневую подготовку. Постоянно вы будете, находясь в походах, ночевать на открытом воздухе, сами себе готовить, стирать белье, ставить палатки или навешивать гамаки. Легион белоручек не потерпит, так что будьте к этому готовы.

Следует также подумать, сможете ли вы шутя отжаться 50 раз, если сержанту, например, не понравилось, как начищены ваши ботинки; сможете ли терпеть незаслуженные побои и просто пинки, если начальству не нравится темп уборки помещения и т.п. Помните, что физические наказания такого рода в Легионе не являются нарушением устава.

Если вы едете сюда только за деньгами и ни за чем иным, то вам вдвойне будет здесь тяжело адаптироваться, и больше 3 лет вы здесь тогда не выдержите. К тому же легионная служба противопоказана «творческим личностям».

В этом случае работа легионера будет в конфликте с вашей натурой, и вы будете вынуждены прекратить дальнейшую службу.

Контракт

О подробностях его заключения будущему легионеру надо знать максимум информации. Он заключается вскоре после прихода сюда, и с него начинается 5-летний срок службы. Но обольщаться будущему легионеру сильно не стоит: он еще не на службе. Официально в силу контракт вступает с присяги легионера. Сначала идет предварительный контракт в 6 месяцев. Во время этого срока контракт может быть расторгнут начальством без всякого объяснения. Причина этого может быть в чем угодно: вы можете не пройти разные тесты, показать плохую физическую подготовку или неспособность адаптироваться к условиям Легиона и др. Но и после истечения 6-месячного срока не надо думать, что вы схватили бога за бороду и что после этого вам можно все. Военное министерство Франции вправе расторгнуть с вами контракт и после 6-месячного срока до истечения 5-летнего контракта, когда вы уже прикидываете, сколько получите за свою многострадальную службу (Дегтярев А. Записки легионера.// «Солдат удачи». 2003. № 100. С.13.).

Сам легионер без проблем может разорвать контракт в течение первых 4 месяцев. Дальше это сделать сложнее, мотивируя это серьезными причинами, например, плохим состоянием здоровья.

Отрицательным здесь является то, что легионеру в первые 5 лет нельзя жениться и покупать машины.

Надо особенно сказать о том, как легионное начальство поощряет максимально долгую службу простого легионера и завлекает его, если учесть вышеописанную процедуру натурализации.

Если человек попал в Легион, то ему, если он твердо решил сделать карьеру легионера, надо помнить, что французское гражданство он получает после 7 лет, а на премию в размере 30 тысяч евро он может претендовать после 8 лет службы; пенсию в размере 1 тысячи евро он зарабатывает после 15-летней службы, которую, по желанию легионера, будут доставлять в любую часть света.

Экзамены и тесты

В Обани для новоявленного легионера начинается «полоса» испытаний и тестов, которые могут длиться и 2 месяца. Самым важным здесь является экзамен по бегу. Как свидетельствуют легионеры, «человек, сумевший пробежать 8 стандартных 400-метровых кругов на стадионе за 12 минут, имеет 100-процентные шансы поступления. Чем ближе кандидат к этому результату, тем выше его шансы». Вообще же, будьте готовы к тому, что вам придется здесь ежедневно бегать по 15 километров.

Те, кто показывает недостаточно высокие результаты бега и других показателей, должен знать, что все его труды по приезду в Легион могут стать напрасными и что его очень быстро без всякой компенсации могут отправить домой.

Нагрузки здесь чудовищные, и выполнение легионных нормативов даже для очень хорошо подготовленных людей довольно тяжело. Бывшие легионеры пишут, что, даже когда они были уже в Легионе, эти нагрузки не только не уменьшились, но и даже увеличились. Так, однажды после таких упражнений легионеры должны были заниматься огневой подготовкой, но не смогли сделать ни выстрела, т.к. уснули от неимоверной усталости.

Важно пройти и другие тесты, особенно важными из которых являются тест на IQ – по умственным способностям и на быстроту мышления и психологический тест. Относительно первого надо сказать, что лучше с подобного типа тестами потренироваться дома, т.к. учебники с похожими тестами доступны сегодня любому. Высший балл здесь 20, но, несмотря, что уровень «среднего» человека равен 9–11 баллам, для поступления в легионеры достаточно 7 или 8, но, как известно, чем больше, тем лучше.

Относительно психологического теста – это уж «как ляжет на орла». Здесь своя методика отбора, но, как известно, по этому тесту не пройдут явные психопаты и люди с психическими отклонениями вообще – мало ли, как вы поведете себя в бою!

Но, как упоминалось выше, главным для приема в Легион является отличный бег, и на все остальные тесты смотрят через его призму. Даже если у вас уровень IQ близок к нулю и вдобавок вы человек с маниакально-депрессивным синдромом, но если вы покрываете вышеуказанные показатели по бегу, можете считать себя легионером.

Не отчаивайтесь, если, несмотря на высокие показатели при сдаче тестов и экзаменов, вас не взяли и сказали приехать позднее, в такое-то время. Есть почти 100-процентная уверенность, что на следующий раз вы поступите. Второй приезд зачтется вам в будущем с положительной стороны: в Легионе ценят упорство и настойчивость при достижении цели.

Есть и другой важный тест, языковой, но о нем ниже.

«Легенда-биография»

Среди мечтающих стать легионерами распространено ложное мнение, что для приема в Легион надо выдумать какую-то красивую «чудо-легенду». Как уже говорилось выше, лучше не врать и говорить все, как есть, если, конечно, вы не наркоман, склонный к суициду человек и не международный преступник. По данным русских легионеров, не надо показывать и то, что вы слишком умный. Таких здесь, как и, впрочем, везде, не шибко любят. Лучше показаться этаким «деревенщиной», но человеком способным, из которого можно вылепить все, что нужно легионному начальству.

Не надо скрывать и то, что раньше вы уже проходили службу. Это еще одно ошибочное мнение, что в Легион не берут уже прошедших армию. Другое дело, что уже полученный вами боевой опыт здесь может быть не востребован, особенно при ведении боя в городских условиях. Методика городского боя в Легионе отработана до мелочей, и она подразумевает иные способы действий, чем, например, в той же Российской армии. С другой стороны, опыт военного в бытовых вопросах, несомненно, поможет вам здесь лучше адаптироваться.

Язык

Чтобы быстрее адаптироваться в Легионе, легионеру надо скорее и лучше изучить французский язык, а лучше приходить в легионеры с его знанием. Иначе у него будут большие неприятности и не будет продвижения по службе, что может привести к преждевременной отправке домой. Надо также помнить и о том, что общение между легионерами на ином, нежели французский, языке, здесь карается наказанием. Во-первых, для блага самого же легионера, чтобы он лучше знал язык, знание которого может впоследствии, в боевых условиях, спасти ему жизнь, а во-

вторых, по соображениям тактичности. Ведь довольно неприятно, когда при тебе твои же напарники, а то и подчиненные, специально разговаривают на таком языке, который другие не понимают.

Нужно привыкнуть к тому, что если французский у вас слабый или его «вообще нет», то вам дадут напарника-француза, «бинома», с которым вы будете вместе учиться языку, делая все вместе. Он вас и будет учить «разговорной лексике». Помните, что в Легионе есть стимул «учиться, учиться и еще раз учиться». Чем лучше ты повысил свой балл по языку с момента учебы до нового тестирования по 5-балльной системе, тем лучше тебе же. Этот показатель войдет в сумму общих оценок, и если из выпуска твои баллы будут одними из лучших, то ты, в числе нескольких счастливчиков, сможешь сам выбрать место службы и 1 из 10 полков Легиона.

Вообще же, надо сказать, что в Легионе хорошо развита система стимулирования работы бойца. Здесь надо быть если не первым, то в числе первых. Быть последним здесь не только позорно, но и «вредно» для самого себя, т.к. тогда на тебя будут сыпаться все «шишки». Здесь лучше не косить от физических упражнений, иначе потеряешь форму и станешь последним. Надо помнить, что отстающих здесь, в самом подразделении, где находишься ты сам, не любят. Дело в том, что между отдельными подразделениями полка постоянно идут соревнования за достижение лучших результатов. Это интересно и выгодно финансово, поскольку победившее подразделение отправится в 4-месячную поездку за пределы Франции, причем жалованье будет поднято на это время с 1,5 до 3 раз. Одной из самых желанных поездок может стать командировка в Габон, где легионеры фактически отдыхают.

Такой подход к подготовке личного состава полностью себя оправдывает, поскольку являет собой мощный стимул для самосовершенствования.

Отношения с начальством

Главным образом, вам придется иметь дело не с офицерами, а с унтер-офицерами. Надо сказать, что за долгие десятилетия легионное начальство провело огромную работу для того, чтобы максимально приблизить командный и рядовой состав, между которым в других армиях существует непроходимая пропасть. Но неизменным осталось то, что сержант в Легионе – по-прежнему «царь и бог». Это серьезное и положительное отличие Легиона от Российской армии, где зачастую, если ты сильнее физически, то ты можешь «забивать» на сержанта, «послать» его или даже дать по роже. Здесь это делать самоубийственно. В лучшем случае Вы просто окажетесь на «гражданке», не успев понять того, что произошло. В худшем вас могут просто изувечить или даже оставить в Легионе, но после этого вся ваша жизнь здесь может превратиться в ад.

В Легионе – мощная прослойка унтер-офицеров, состоящая из 5 «категорий»: капрал, сержант, мажор, аджудан, старший аджудан. Чтобы самому стать унтер-офицером, нужно отслужить как минимум 1 контракт, после которого вас могут направить в унтер-офицерскую школу. Для этого вы должны обладать высоким уровнем интеллекта и вас должны уважать ваши сослуживцы и начальство.

Именно благодаря этой мощной унтер-офицерской прослойке и осуществляется успешно интенсивная и качественная подготовка легионеров, чего нет в других армиях мира.

Несмотря на то что взаимодействие между простыми легионерами и унтер-офицерами происходит постоянно и последние ни на секунду не упускают казарму без внимания, надо помнить о том, что задавать «лишние» вопросы при обучении и вообще здесь не принято, чтобы не утомлять начальство.

Отношения между легионерами

Как и во всякой армии, здесь нередки столкновения между простыми легионерами. Но, поскольку все держится под контролем унтер-офицеров, такие конфликты быстро гасятся. Поэтому-то здесь и нет «дедовщины».

Надо также отметить, что нередко между легионерами разных национальностей завязывается крепкая дружба, которая нередко служит в дальнейшем основой для совместных бизнес-проектов.

Заключение

Подводя итог всему вышеописанному, надо сказать, что русских здесь по-прежнему много. По данным русских легионеров, в отдельных подразделениях славян насчитывается 50 %, а выходцев из бывшего СССР до трети, из которых значительный процент приходится на русских. Как уже видно из данной книги, русский человек даже в самых экстремальных условиях не теряет своих лучших качеств и остается Человеком с большой буквы. Один из бывших русских легионеров, дезертировавший оттуда после 3-х лет службы, писал, говоря о причинах своего ухода из Легиона. Он говорил, что сложная, опасная и трудная, пусть и высокооплачиваемая работа легионера не стоит того, чтобы посвящать ей долгие годы. Он говорит о том, что для того, чтобы рисковать за что-то жизнью, должна быть реальная идея. А без идеи легионная служба приводит к деградации личности. Многие русские легионеры сравнивали здесь свою службу в наши дни с нахождением зверя в клетке, который себя туда и загнал.

Многое изменилось сегодня в Легионе, хотя многое осталось на прежнем уровне. В то же время изменилось в лучшую сторону отношение самих французов к легионной службе. Это связано с улучшением оплаты труда легионера и с тем, что готовят здесь по-настоящему профессионально. Те, кто разочаровывается службой в Легионе, когда идут туда в надежде на романтические приключения, а оказываются в настоящей армии, клеймят Легион. Те же, кто адаптировался здесь, считают его своим родным домом и гордятся тем, что они здесь служили.

Французский иностранный легион сегодня является одним из лучших подразделений мира. Ежегодно туда поступают не менее 60 русских. Но тем русским, которые желают стать легионерами, следует напомнить об уголовном преследовании наемников. Несмотря на то что доказать факт участия их в войне на чужой территории на Родине будет тяжело, статья УК РФ 359 предусматривает наказание за наемничество или участие в вербовке наемников до 7 и даже до 15 лет лишения свободы.

Приложение

Письма Левинского Константина Георгиевича Балмасову Сергею.

Письма Левинского К.Г. представляются в данной книге особенно ценным источником относительно службы граждан из нашей страны во Французском иностранном легионе. Они затрагивают период 1945–1950 гг., по которому документов очень мало – то есть, несмотря на все поиски, сегодня мы обладаем лишь обрывочными сведениями о службе в Легионе тысяч тех, кто укрылся там от преследований НКВД и СМЕРШ после войны. В этом сборнике будут опубликованы лишь некоторые из них. Продолжение последует в следующем издании.

Левинский Константин Георгиевич – родился в Беларусии в 1926 г. В 1942 г., будучи 16-летним юношей, записался в «зеленый» партизанский отряд, который одновременно вел боевые действия против оккупировавших Беларусь немцев и руководимых чекистами советских партизанских отрядов. Вскоре, в одной из схваток с немцами, отряд, в котором он сражался, был разгромлен. Молодой Костя Левинский попал в плен, в котором пробыл до 1945 г.

В 1945 г. записался во Французский иностранный легион, в котором служил до 1950 г. включительно. После этого обосновался в Лионе, в котором жил большую часть оставшейся ему жизни. Вступил в самую антикоммунистическую организацию того времени – Народно (Национально)-Трудовой Союз (НТС), занимавшуюся антисоветской пропагандой на территории СССР. Внес достойный вклад в дело борьбы против коммунистической партии и ее идеологии. После тяжелой болезни и ряда не очень удачных операций 30 апреля 2003 г. Константин Георгиевич Левинский скончался на 80-м году жизни.

Первое письмо Левинского К.Г. Балмасову С.С. от 8 мая 2002 г. из Лиона, документ хранится в личном архиве автора

«Дорогой друг Сергей!..

Прошу извинения за такой продолжительный срок моего молчания (см. До переписки автор книги и Левинский К.Г. общались друг с другом по телефону.). Должен признаться, что после операции на язык (достаточно серьезной), я все еще не пришел «в себя», так что прошу Вас меня еще раз любезно извинить. Особого для пишущейся Вами книги у меня нет, но как только буду чувствовать себя лучше, обязуюсь Вам прислать «эпизоды моей жизни во Французском легионе». Буду писать эпизодами, если чего найдете интересным, корректируйте и употребляйте по Вашему желанию. Скажу только, что по выходу из Легиона я, находясь на корабле, идущем из Алжира во Францию, выбросил в море все свои медали, а как только сошел на берег, сжег свою военную форму и напрочь порвал все связи с военщиной. Имел десяток фотографий легионного периода, но раздал желающим, и если чего найду, то пришлю Вам.

Если Вас не затруднит, будьте любезны мне прислать вырезки из газет и журналов, о которых Вы упоминаете (см. Речь идет о публикациях автора книги относительно службы русских в иностранных легионах в российской прессе.).

С искренним и дружеским приветом, Костя Левинский.

P.S.: В дальнейшем называйте меня просто «Костя».

Письмо второе Левинского К.Г. Балмасову С.С. от 18 июля 2002 г. Данный документ хранится в личном архиве автора

«Дорогой друг Сергей!

Мне стало немного легче, и напишу Вам некоторые подробности о том, как я попал во Французский иностранный легион. Сначала о том, какая была у нас «обстановка». В 1944 г. я бежал из концлагеря и присоединился к наступавшим американцам. С ними и встретил победу. Будучи во вспомогательном батальоне американских вооруженных сил на юге Франции, совершенно того не ожидая, встретил своего троюродного брата. Он был лейтенант, бывший командир батальона, попавший в плен со своим полком в начале войны. Вместе с уцелевшими солдатами и офицерами полка он репатриировался на Родину. Под наплывом чувств и находясь в собственной среде между «офицерами», я согласился ехать с ними, т.к., по словам добродушных на вид советских офицеров и «уговаривающих» американцев, приехавших увещевать нас вернуться, «все там изменилось»... Иосиф Виссарионович Сталин распускает колхозы... Заживем иначе... Но не теряйте из виду, что страна разгромлена, и берите с собой вплоть до нитки-иголки. Это были слова, которые кольнули меня в зад.

Ехали, конечно, в переоборудованных из товарных в пассажирские вагонах, но с вагоном-рестораном для «офицерства». Там было положено «вращение» и мне, как «брату офицера». После переезда франко-немецкой границы что-то наши гармонисты приуныли, и песен обычных не стало слышно. Зайдя после переезда франко-немецкой границы в офицерский вагон, я вдруг увидел, что ни у кого из «офицеров», кроме брата Юрки, комбата, не стало погон.

Тут я должен вернуться к отправке репатриированных. Американцы, по своему обычаю к смертникам, предлагают им перед смертью все, что угодно, от сигареты до шикарнейшего обеда. Так и для «возвращенцев» было предложено по 2–3 полных комплекта обмундирования. Кроме того, из солдатского ларька дали много разных вещей: носовые платки по 10 штук ценой 10 центов, часы за 1 доллар и т.п.

Конечно, в Лейпциге, где уже командовал СМЕРШ, у нас все было отобрано солдатами вплоть до нитки. Силой заставили поменять наши новенькие американские сапоги на старые изношенные немецкого производства. Они были сняты с немецких солдат. Нас, как преступников, поставили под конвой. Смершевцы свалили все отобранное у нас добро на подводы, сели на них, а нас погнали пешком до Дахау. Там, при нашем приеме, получилась милая небольшая «разминка».

Нас приняли за 3-ю дивизию Русской освободительной армии генерала А. Власова и сначала хорошенько попинали и подубасили под матюки и свист. Услышав от советского конвоя, завешанного медалями до пупа: «Детки, кто туда войдет, тот живым не выйдет», я решил бежать, чтобы спасать свою жизнь. В Дахау «под фашистский шумок» (там был устроенный немцами концлагерь) смершевцы расстреляли немало истинных и мнимых власовцев. Кроме того, по словам конвоя, в СССР репатриантов ждал не менее «милый» прием: «главарей» обещали расстрелять, а «малую рыбку» отправить за Урал в концлагеря, «чтобы все собаки-предатели сдохли!».

Переговорив с десятком «храбрых», нашел одного из всех, который решился бежать вместе со мной. Вот так, со всеми перипетиями, где наглостью, где угрозами, преследуемые смертью, через паровозные тендера, в угольной пыли и в воде, мы вдвоем добрались до Марселя. Но и здесь уже не было спокойно: НКВД и СМЕРШ имели во Франции и вообще по Европе полную волю на улицах и в домах задерживать, даже в присутствии превосходящих сил французской полиции под «прикрытием Ялты» российских «невозвращенцев». Так 9 июня 1945 г. мы оба стали под номерами 26485 я и 26484 он легионерами.

Судьба наша в Легионе была разной, как и при выходе из него. Но об этом потом.

После Ялтинской конференции во Французский легион было запрещено набирать 4 национальности: американцев, французов, англичан и в особенности советских. Это произошло по настоянию Иосифа Виссарионовича Сталина, в границах 1939 г., что, конечно, не соблюдалось. Власовцы и все те из бывших граждан СССР, кто с оружием в руках боролся против коммунизма, а также кого немцы угнали на принудительные работы и советские военнопленные подлежали отправлению «домой». «Союзники» СССР по антигитлеровской коалиции пытались делать это «демократически», то есть убеждениями, но большей частью это происходило с помощью применения силы. Те же американцы и англичане не останавливались перед применением оружия, чтобы передать бывших советских граждан на Родину. Есть достаточно доказательств насильственной выдачи Советам россиян американцами, англичанами и французами в 1944–1947 гг., так что в Легионе не могло в то время быть зарегистрированных лиц: ни русских, ни армян, ни белорусов и т.д. выходцев из СССР, а таких были тысячи. Так что этим «беспризорным» оставалось одно: идти под эгиду «Legio – Patria nostra» (Легион – наша Родина), где терялось (списывалось) все прошлое человека, вплоть до самого существа и приходилось подписывать документы на фальши и выдумках.

Так мы все оказались поляками, болгарами, румынами, фольксдойчами (восточные немцы) и т.п.

Большинство легионеров знало, кто есть кто, но об этом не говорили и жили дружно одной семьей, кроме 30 апреля (Дня Легиона или Битвы Камерона), когда достаточно подвыпившие, а питья в этот день выдавалось предостаточно, собирались

в национальные группы и заводили драку, не доходя до увечий или еще хуже, до убийств».

Продолжение истории К.Г. Левинского в Легионе было записано 2 декабря 2002 г. Балмасовым С.С. в ходе телефонного разговора с этим бывшим легионером. К тому времени переписка прекратилась из-за резкого ухудшения состояния здоровья Константина Георгиевича. Текст документа хранится в личном архиве Балмасова С.С.

«Поскольку легионное начальство видело большой интерес, проявляемый СМЕРШем к его подразделениям, оно предпочитало не задерживать долго во Франции легионеров из СССР и стремилось побыстрее отослать их в колонии, куда советским спецслужбам доступ еще был практически закрыт. Меня отослали на юг Алжира, в Отефлу. В это время французы создавали парашютные войска. Легион не был исключением, и за короткое время из легионеров были образованы 2 батальона. Я попал в самую первую Сахарскую роту парашютистов Иностранного легиона, где готовили кадры для обоих батальонов. Через 2 года я стал сержантом и инструктором парашютного дела. Меня заметило начальство и поспешило повысить в звании и должности. Однако служба нисколько не полегчала и лишь только усложнилась из-за увеличившийся ответственности – все те же каждодневные тренировки, прыжки и т.д. Правда, увеличилось денежное содержание, да теперь я имел почетное право свободно приезжать в Европу.

Скорее всего меня ждала война в Индокитае. До нас доносились ее отзвуки, но пока еще слабо. Но уже потом, когда я стал «цивильным» (гражданским), до меня дошли слухи, что никто из моих подопечных, кто уехал в Индокитай, в живых не остался. Как это ни странно, но моей грядущей отправке в Индокитай помешала ссора с начальством. Мой начальник, капитан, еврей по национальности, стремился выделиться из своей среды. Для этого он использовал нас, своих легионеров. В очередной раз он устроил бал для офицеров и их семей, приглашая их со всей округи. Семьи были на этих балах не только офицеров Легиона, но и других частей. Пока в то время в Алжире было еще тихо, и потому кое-кто из начальников не знал, как себя развлечь. Так вот, этот капитан заставил меня всю субботу и воскресенье, которые считались для нас в некоторой степени «разгрузочными днями», хотя они немного лишь отличались от будней, все время, 24 часа в сутки находиться на ногах, не давая ни минуты покоя. Все это было связано с кухней. Видя мои «способности», которые я весьма некстати однажды проявил, капитан сел на меня верхом. Он заставил меня в 4 часа находиться на кухне в воскресенье, в пылу и чаду, когда я буквально валился с ног, мечтая о том, как бы уползти до койки. Я следил за приготовлениями блюд, делая некоторые из самых сложных. Я был очень зол на него, ведь неделя должна была снова начаться с изнурительных занятий, а я не спал 2 дня, имея такую предыдущую неделю. А тут капитан захотел «выслужиться» перед дамами, женами своих начальников. Он вызвал меня к себе, где в присутствии этих дам в грубой форме приказал мне сделать для него и их «зеленый салат». Оказалось, что одна из них похвалила приготовления капитана, но посетовала на отсутствие «зеленого салата». Вот капитан и сказал мне: «Делай салат!»

Когда я и мои легионеры сделали ему салаты, он возвратил их обратно, сказав, что они «несоленые», и заставив переделывать. Я тогда сказал повару-легионеру, чтобы он плюнул туда, потому что для этой сволочи хоть в лепешку расшибись, все равно все плохо будет. Мы все дружно нахаркали туда, не забыв посолить, и отдали. Салат отдали капитану – и о чудо! Теперь он стал хорошим. Меня вызвали к капитану. Я, ожидая плохого, подошел к нему. После его похвалы была пауза, и, как я понял, капитан захотел еще чего-то. Тут моя злость вырвалась при всех наружу. Я специально громко, в присутствии офицеров и дам заявил: «Конечно, я же насрал туда!»

Вечеринка была испорчена. Капитан стал объектом насмешек. Но мне это стоило очень дорого. Капитан «настучал» на меня генералу, в чьем подчинении мы

находились. Тот отдал приказ о моем разжаловании в рядовые и о переводе в легионную пехоту. Выстроили строем нашу роту, всех моих легионеров и унтер-офицеров и в буквальном смысле слова сорвали с меня сержантские лычки.

Разжаловали меня тогда, когда я ожидал за отличия в подготовке парашютистов новый чин. Но я считаю, что поступил правильно. Дальше так жить было нельзя. И я ни о чем не жалею.

После этого я около 2 недель находился в тюремном заключении. Запомнилось оно мне тем, что сидел я вместе с выдающимся капрал-шефом Лаптиным, известным на весь Легион тем, что он имел больше всех во Франции орденов и медалей, за исключением маршала. Это был знаменитый пьяница. За его отличия ему было положено 4 литра вина ежедневно, которые он исправно выпивал. Этот Лаптин дорос до чина лейтенанта, к тому времени пройдя через 4 контракта и через 2 войны – в Марокко и Вторую мировую. За первую войну он имел крайне редкую медаль, полученную Лаптиным от самого султана Марокко «За покорение диких племен».

Потом он застал еще и Индокитайскую и Алжирскую войны. Познакомился я с ним еще тогда, когда он был легионером 1-го класса, считаясь хорошим «оружейником»-ремонтником. Он неоднократно то «поднимался» до не снившихся никому высот, то резко и больно «падал» вниз. Я встречал его еще 3 раза, находясь в Легионе. Несомненно, что это был один из самых выдающихся легионеров. При этом я заставал его еще один раз сержантом, а потом уже офицером. Интересно то, что на момент знакомства Лаптин был уже стариком, но еще смотрелся «воякой». Два раза в год у нас были медицинские обследования, и 2 раза у нас брали на пробу кровь. Как оказалось, и у него, и у меня в крови почти не было красных шариков!

Попал Лаптин в тюремное заключение (у нас оно звалось гауптвахтой) за такую провинность: по своему почету в вооруженных силах Франции он находился ниже только маршала, имея 24 ордена, не считая медалей. Поэтому он нес службу, как офицер среднего звена, ответственный за «Legion Danger», охраняя пост «Славы Легиона», где хранились легионные реликвии.

Он и находился на этом посту с обнаженной саблей. Однажды Лаптин отлучился буквально на минуту, чтобы сходить в туалет, но его «застукал» дежурный офицер, и в наказание за естественную потребность Лаптин 2 недели провел в «призоне», жалуясь не столько на несправедливость начальства, сколько на отсутствие причитавшейся ему порции вина.

Вообще, среди офицеров тогда было много русских и вообще выходцев из СССР, а также белоэмигрантов. Кое-кто из последних был здесь уже больше 20 лет. Среди них отмечалась целая группа из русских и грузин. Из офицеров особенно сильно мне запомнились лейтенанты Басиковский (русский), грузин Тарзанов и мой непосредственный начальник украинец Давидов. Знал я лично также и капитанов Бальзанова и Адерзанова из 4-го Иностранного пехотного полка Легиона, один из которых при мне командовал его 2-й ротой, а другого перевели в 17-ю бригаду. При этом надо отметить, что назначение в Легионе происходит сразу, но назначенное лицо утверждается на этой должности не сразу, а самое меньшее – дней через 10–15, а так обычно через месяц». Создается впечатление, что легионное начальство присматривается: нормально ли сработало назначение?

Среди других национальностей самыми распространенными были немцы, поляки, болгары (ими чаще всего и назывались выходцы из СССР), а также французы, которые, поступая в Легион, называли обычно себя бельгийцами или швейцарцами, которых в Легионе было немало. Сегодня многие из них называют себя немцами и американцами.

Было еще 3 года постылой службы, которая озлобила мое сердце против военного ремесла, т.к. я устал от нее во всех отношениях. И еще я потерял после этого веру в Бога. В него после легионной службы не стало веры. Как я тебе уже

писал, «отслужив свой век», я уничтожил даже следы своего пребывания в Легионе. Я помню, что после нескольких лет гражданской службы, слыша о боях в Алжире, я испытывал соблазн вернуться в Легион, и дорога мне туда была открыта, но ненависть к военной службе была сильнее. Я ведь, перед тем как поднес спичку к ненавистной легионной форме, сказал сам себе: «Плюю на нее, достаточно униформы». А фотографии раздал желающим».